

БОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

II

348095

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ

Вологда — 1958

ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ

В о л о г д а — 1 9 5 8

ТОМ XXII — ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ — 1958

Г. И. ЛЕБЕДЕВ

ДРАМАТУРГИЯ А. С. СЕРАФИМОВИЧА

1.

Среди советских художников слова первого поколения, встретивших Великую Октябрьскую социалистическую революцию уже сложившимися писателями, А. С. Серафимовичу принадлежит одно из наиболее видных мест.

Человек большого, разностороннего дарования, он прошел долгий и во многом поучительный путь творческого развития.

Еще в 1901 году вышел в свет ранний сборник рассказов Серафимовича, тогда же высоко оцененный такими выдающимися представителями критического реализма, как В. Г. Короленко и Г. И. Успенский.

С 1902 года Серафимович живет в Москве, устанавливает дружеские отношения с Горьким, принимает деятельное участие в горьковских сборниках «Знание».

Рассказы и очерки Серафимовича девяностых — начала девятисотых годов давали читателю правдивую картину и той материальной нужды, которую испытывали народные массы, и того бесправия и угнетения, на которые они обрекались в царской России. В своих произведениях писатель показывает суровый изнурительный труд шахтеров, стрелочников, рыбаков, звероловов, крестьян, доведенных обычно до крайней степени нищеты. Вместе с Горьким Серафимович становится виднейшим художником русского пролетариата в то время, когда центр революционного движения переместился из стран Западной Европы в Россию.

Особенно важное значение в идейно-творческом развитии Серафимовича имели исторические события первой русской революции 1905—1907 гг.

В ряде своих рассказов, написанных в этот период, таких, как «На Пресне», «Бомбы», «Среди почи», «Походный марш», Серафимович правдиво изображает пробуждение и рост классового самосознания людей труда, воссоздает героиню революционной борьбы пролетариата, как нового класса, выступившего на историческую арену, рисует картину жестокой кровавой расправы царского правительства с поднявшимся на борьбу народом и, вместе с тем, внушает читателю веру в неизбежную победу рабочего класса.

В 1906 году Серафимович приступает к созданию самого крупного и самого совершенного в идейно-художественном отношении произведения из всего, что им было написано до Октябрьской социалистической революции, — романа «Город в степи», напечатанного впервые в журнале «Современный мир» в 1910 году.

Этим романом художник как бы подводил итог своей более чем двадцатилетней писательской деятельности и, одновременно делал «заявку» на новые высокоидейные произведения.

Продолжая лучшие традиции писателей-демократов — Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского, которые еще в шестидесятые годы прошлого века гневно обличали хищничество российской буржуазии, Серафимович в новых исторических условиях, с пролетарских позиций разоблачил в романе «Город в степи» звериную сущность капитализма. Он нарисовал здесь глубоко типический образ буржуазного хищника в лице Захара Короедова, показав его путь от кабатчика, не брезгающего никакими средствами для своего обогащения, до крупного капиталиста-предпринимателя.

Вместе с тем Серафимович в типично горьковском духе запечатлел на страницах романа пути и перепутья русской буржуазно-либеральной интеллигенции, представив читателю в лице инженера Николая Полынова колоритную фигуру либерально настроенного интеллигента, чуждого народу, становящегося па путь сознательного служения буржуазии.

Серафимович не ограничил своей задачи в романе «Город в степи» обличением буржуазии и буржуазной интеллигенции. Как пролетарский писатель, хорошо знающий законы общественного развития, он противопоставил миру Короедовых и Полыновых русский рабочий

классе в лице его отдельных представителей, внушая читателю мысль об исторической обреченности буржуазии и о конечной победе народа, ведущего и в суровые годы революции подготовку к новому штурму царизма, как основного оплота господствовавших в то время классов.

2.

Крайне характерно, что именно в период работы над романом «Город в степи», то есть в период наиболее значительного творческого напряжения, Серафимович обращается к драматургии, как к одному из наиболее влиятельных средств искусства, способного воздействовать на народные массы в революционном духе.

Касаясь истории создания своей пьесы «Разбитый дом», писатель заявлял: «Я написал на тему о еврейских погромах рассказы: «В семье» и «Порядок жизни», но этим не удовлетворялся. Мне казалось, что еврейский погром, показанный на сцене, произведет гораздо большее впечатление, и я взялся за переработку рассказов в пьесу»¹⁾.

Следует заметить, что если Серафимович как писатель-беллетрист еще далеко не полностью изучен в критической литературе и ждет своих исследователей, то его драматургия, занимающая очень скромное место в творческом наследии писателя, оказавшись как бы заслоненной прозой, до настоящего времени не получила вообще почти никакой критической оценки. Достаточно указать на то, что даже в наиболее значительных работах, посвященных творчеству Серафимовича, таких как «Критико-биографический очерк» о Серафимовиче В. Куриленкова, или в статье Л. Поляк, помещенной в книге «Лекции по истории русской советской литературы», о его драматургии не сказано, по существу, ничего.

¹⁾ А. Серафимович. Собрание сочинений. Редакция и комментарии Г. Нерадова. ГИХЛ, Москва, 1947, том 5, стр. 357. Все дальнейшие ссылки, за исключением специально оговоренных, даются по этому изданию. (Сокращено: А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1947, т., стр...).

Впервые как драматург Серафимович пробует свои силы в неопубликованной до настоящего времени пьесе «Писатели, читатели и почитатели», написанной, вероятно, вскоре после поражения первой русской революции и посвященной главным образом проблемам искусства и его положения в буржуазном обществе.

Обойденным остался этот вопрос и в большой и во многом интересной статье Б. Михайловского «Творческий путь Серафимовича», которой открывается книга «А. С. Серафимович» (Исследования, воспоминания, материалы, письма), изданная Институтом мировой литературы Академии наук СССР в 1950 году.

В статье А. Волкова «Горький и Серафимович», напечатанной в этой же книге, после обстоятельной характеристики многих прозаических произведений Серафимовича, созданных им до Октябрьской революции, лишь вскользь упоминается о том, что «гниль буржуазной семьи, скрывающаяся за внешней благопристойностью, Серафимович показывает в пьесе «Разбитый дом» ¹⁾. Лишь беглые упоминания о пьесах Серафимовича советского периода содержатся в статье А. Анастасьева «Пути советской драматургии», которой открывается многотомное издание «Пьесы советских писателей» ²⁾. Не сочли необходимым сказать что-либо о пьесах творца «Железного потока» авторы «Очерка истории русской советской литературы» ³⁾. Всего несколько слов сказано о пьесе Серафимовича «Марьяна» в «Очерках истории русского советского театра» ⁴⁾, причем простонародное имя героини произведения почему-то заменено здесь именем «Марианна».

Итак, мы видим, что о драматургии Серафимовича в критике сказано очень и очень мало. Между тем, творческие опыты художника, сделанные им в этом направлении и до революции и особенно после Октябрьской социалистической революции, представляют, как нам кажется, значительный интерес и имеют прямое и непосредственное

¹⁾ А. С. С е р а ф и м о в и ч. Исследования, воспоминания, материалы, письма. АН СССР. М.-Л. 1950. См. статью А. Волкова «Горький и Серафимович», стр. 65.

Почти ничего не сказано А. Волковым о драматургии и в его критико-биографическом очерке о Серафимовиче, изданном в 1951 году. Последовательно прослеживая идейно-творческий путь создателя «Железного потока» в своем очерке «Творчество А. Серафимовича», выпущенном в 1954 году издательством «Знание», А. Волков, к сожалению, также без должного внимания оставил драматургическое наследие писателя.

²⁾ А. Анастасьев. Пути советской драматургии. Пьесы советских писателей. Изд. «Искусство» 1953, т. I, стр. 10.

³⁾ Очерк истории русской советской литературы. Изд. АН СССР (часть первая и вторая). М. 1954—1955.

⁴⁾ Очерки истории русского советского драматического театра. Изд. АН СССР. М. 1954, т. I, стр. 48.

отношение к истории развития советской драматургии, особенно на ее первых этапах развития.

Настоящая статья, не претендующая на полное и всестороннее освещение данной темы, представляет собой скромную попытку поставить хотя бы отдельные вопросы, связанные с основными принципами драматургии Серафимовича, а так же с ее идейно-тематическим содержанием и художественными особенностями.

3.

Серафимович выступил впервые как драматург в десятилетие, которое по определению Горького, явилось самым позорным десятилетием в жизни русской интеллигенции. Время развития искусства между первой русской революцией и Великой Октябрьской социалистической революцией характеризуется как время разнообразных попыток формирования декадентской, глубоко реакционной эстетики, как время ревизии принципов реалистической литературы и реалистического театра.

«В театральном репертуаре периода между двумя революциями, — писал С. Данилов, — на первый план выступает бульварно-обывательская драматургия» ¹⁾.

Именно в это время на театральных подмостках появляются такие, рассчитанные на буржуазного обывателя комедии, как комедия Виктора Рышкова «Змейка», комедия Льва Урванцева «Благодать», драма М. Арцыбашева «Ревность» и другие, подобные им произведения.

В годы реакции усиленно работает в области драматургии Леонид Андреев, написавший вслед за ранними пьесами «К звездам» (1905 г.) и «Савва» (1906 г.) такие преисполненные безысходного пессимизма пьесы, как «Дни нашей жизни» (1908 г.), «Анфиса» (1909 г.), «Екатерина Ивановна» и «Профессор Сторицын» (1912 г.).

Как в этих произведениях, написанных еще в реалистической манере, так и в своих экспрессионистических, полных условности драмах «Жизнь человека» (1906 г.), «Анафема» (1909 г.) Леонид Андреев стремится внушить зрителю мысль о бессмысленности человеческого существования, мысль о том, что человек — жертва своих темных инстинктов.

¹⁾ С. Данилов. Очерки по истории русского драматического театра. М.-Л. 1948, стр. 493.

Во всех этих драматических произведениях вопросы социальной борьбы или не получали абсолютно никакого отражения, или приобретали нарочито искаженный характер.

Совершенно иначе смотрел на драматургию Серафимович. Ему в одинаковой степени были чужды и враждебны как откровенная безыдейность комедии В. Рышкова и В. Крылова, так и пессимизм и условность драм Леонида Андреева.

Прочно сохраняя за собой реалистические позиции, А. Серафимович стремился своими драматическими произведениями откликнуться на самые злободневные вопросы, которые волновали русское общество в годы наступившей реакции.

Так, раскрывая идейную направленность своей ранней четырехактной пьесы «Разбитый дом», опубликованной впервые в 1910 г., писатель, по его словам, хотел прежде всего показать полное бесправие еврейского населения в царской России и ужасы еврейских погромов, которые «должны были послужить средством для затмения классового самосознания бедствующих масс трудящихся»¹⁾.

«Попутно с проблемой еврейского бесправия, — заявлял Серафимович, — в пьесе затронут долгий, еще тургеневский вопрос об «отцах и детях». Я в своей пьесе хотел показать, как живут в лучших буржуазных семьях, какая там фальшь и раздвоенность. Моей задачей было образами подтвердить, что бытие буржуазной семьи покоится на гнилом и зыбком фундаменте... Развал основы буржуазного бытия — буржуазной семьи — часто сопровождался тяжелой трагедией. Перед Октябрем было очень важно показать, что лучшая, наиболее чуткая часть буржуазной молодежи покидает стариков. Одно серьезное испытание — еврейский погром, — и семья, казалось, образцовая, крепко спаянная, превращается в «разбитый дом»: семья расползается, разбредаясь в разные социальные лагери»²⁾.

В полном соответствии со своими убеждениями на современное ему буржуазное общество и буржуазную семью, как ячейку этого общества, Серафимович и создает свое драматическое произведение.

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1947, т. 5, стр. 356.

²⁾ Там же.

В центре пьесы «Разбитый дом» — типичное буржуазно-интеллигентское семейство, состоящее из главы семьи — Сергея Ивановича, его жены — Риммы Александровны и их детей — студента Бориса и гимназистки седьмого класса Наташи.

С другой стороны, существенную роль в развитии событий играют жухарка Марья, уже немолодая женщина «с вечно воспаленными от плиты глазами», очень живая и непосредственная в своих действиях, семнадцатилетняя горничная Стеша, а также дворник Иван, «сильный матый»¹⁾, работавший ранее на фабрике.

Серафимович довольно четко вскрыл и показал в своей пьесе характер взаимоотношений, которые устанавливаются между хозяевами дома и прислугой, как людьми, олицетворяющими собой различные социально-враждебные друг другу силы.

Если Стеша, до самозабвения увлеченная Борисом и не испытывавшая еще вследствие своей молодости всей тяжести подневольного труда, готова не замечать своего бесправного положения, то кухарка Марья и особенно дворник Иван очень далеки от миролюбивого отношения к тем, ради которых они трудятся, влача жалкое существование.

Уже в начале пьесы, выслушав от кухарки хвалебную тираду по адресу своих «господ», каких «только поискать», так они, по мнению этой простой женщины, добры и обходительны, дворник резко возражает: «Обхождение сахарное, а жизнь собачья. Ни у вас семьи, ни у вас дома, ни угла своего...»²⁾.

С особой силой чувство гнева за своё бесправное положение и за ту эксплуатацию, которой они подвергаются, кухарка и дворник выражают в главной по значению, третьей картине. «Нас, барыня, — с озлоблением говорит здесь кухарка, — весь век грабят, да молчим... Я, барыня, вами очень довольна, и барышней и барином, ну только с ранней зари до поздней ночи присесть некогда, а ни во мне, ни на мне... За восемь целковых не токмо руки, душу продала... А сдохну на улице, знаю...»³⁾.

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1947. т. 5, стр. 270.

²⁾ Там же, стр. 274.

³⁾ Там же, стр. 292.

Правда, протест этих людей еще стихием и вызван не столько сознанием своей принадлежности к трудовым массам, сколько мотивами личного характера.

Так, кухарка Марья, как рисует ее драматург, темная, опутанная предрассудками женщина, лишь в редкие минуты своей жизни выражает чувство негодования социальной несправедливостью, которую она постоянно испытывает на самой себе. Сознание своего бесправия, одиночества и ожидаемой ее бесприютности не мешает этой женщине в страшные часы еврейского погрома, начавшегося в городе, поддаться настроениям толпы черносотенцев, усилить сумятицу в доме и принять самое деятельное участие в дикой сцене изгнания евреев, пытающихся найти спасение от расправы погромщиков в доме Сергея Ивановича.

Более решителен и смел в своих суждениях и в своем стремлении заявить право на иную, подлинно человеческую жизнь дворник Иван, уже связанный в прошлом в какой-то степени с коллективом фабричных рабочих. «Вам-то в привычку нас грабить...», — с негодованием говорит он, обращаясь к Римме Александровне. «Из меня все выпили, все отняли, душу вывернули, дозвоьте теперь трошки вас», — угрожает он хозяевам дома, давая понять, что стоит ему «гукнуть молодцам», как пойдет «потеха» и те же «молодцы», как называет он погромщиков, «кишечки барские холеные повыпустят»¹⁾.

Искренне любя Стешу и не находя ответного чувства со стороны этой девушки, Иван в конце пьесы оставляет работу дворника в доме Сергея Ивановича и возвращается на фабрику.

5.

Образы Сергея Ивановича и его жены Риммы Александровны очерчены Серафимовичем без какой бы то ни было утрировки, они жизненны и художественно правдивы. Драматург четко отделил их принадлежность к господствующему классу, их жизнь за счет труда других людей, вместе с тем, раскрывая внутреннюю сущность этих персонажей, Серафимович стремился показать глубокую реакционность буржуазного либерализма, его антигуманизм.

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1947, т. 5, стр. 296.

И Сергей Иванович и его жена не прочь поговорить о том, что в жизни далеко не все благополучно, что сами они являются свидетелями фактов социальной несправедливости. Сергей Иванович даже склонен к самообличительным рассуждениям. «Разве это не возмутительно, — заявляет он жене, отклоняя предложение последней немедленно рассчитать Стешу, после того, как Римма Александровна узнала о близости девушки-горничной к Борису, — что мы живем в светлых просторных комнатах, а она ютится в тесной душной кухне, мы спим на мягких чистых постелях, а она валяется на сундуке, мы вкусно едим, а она смотрит нам в рот и потом доедает объедки, мы пользуемся музыкой, картинами, уютom, а она бегаёт целый день, как собачонка»¹⁾).

Такие разглагольствования нисколько не мешают Сергею Ивановичу пользоваться своим привилегированным положением и относиться пренебрежительно к людям, подобным Стеше. В конечном счете и Сергей Иванович и его жена, несмотря на внешнее, показное благодушие, выступают в пьесе как эгоисты, для которых нетерпима какая бы то ни было угроза их благополучному существованию.

Особенно наглядно эта черта, присущая Римме Александровне и ее мужу, выявилась в третьей сцене пьесы. В дом Сергея Ивановича приходят охваченные чувством страха перед готовым с минуты на минуту разразиться погромом местные жители: еврей-старик, женщины, дети. Они просят укрыть их, спасти от смерти и на первых порах встречают благожелательное отношение к себе со стороны хозяев дома. Сергей Иванович и его жена вместе с Наташей стараются успокоить перепуганных, голодных детей. Римма Александровна утешает старика-еврея, только что потерявшего свою семью.

Но вот за стеной слышится все более и более нарастающий гул толпы черносотенцев, окна дома озаряются кровавым пламенем разгорающегося пожара, и картина мгновенно меняется.

Движимые чувством страха за свое благополучие, Сергей Иванович и Римма Александровна выгоняют укрывшихся в их доме евреев на улицу, обрекая их тем самым на кровавую расправу со стороны погромщиков, и ни от-

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1947, т. 5, стр. 278.

чаянные мольбы, ни слезы, ни проклятия не могут заставить хозяев дома изменить свое решение. «Уходите... все до одного, — иступленно, по авторской ремарке, требует Римма Александровна, — Марья, Стеша, выводите их».

Дальнейшая ремарка автора, согласно которой пытающиеся спастись в доме евреи в смертельной муке ползают за Риммой Александровной, хватают ее руки, целуют края одежды, в то время, как она отступает от них, «отмахиваясь гадливо, с ненавистью»¹⁾, наглядно раскрывает истинный характер этой женщины и цену ее показного благодушия и отзывчивости.

6.

Серафимович говорил, что одной из задач, которые он ставил перед собой, приступая к работе над пьесой, была задача показать конфликт между «отцами и детьми». Центральная, третья сцена и завершается таким конфликтом. До глубины души потрясенные всем, только что увиденным и пережитым, Борис и Наташа не только осуждают своих родителей, но и решительно порывают с ними. «Весь дом врозь пошел, — рассказывает в последней картине кухарка Ивану, — как уезжал барчук, сколько тут крику, слез было, страсть... барин с барыней на стену лезли... все бросил, а потом и Стеша к нему уехала. А теперь и барышня тоже туда же глядит, не сегодня-завтра бросит их. Целый месяц колотятся с ней»²⁾).

В полусумраке začínającegoся дня появляется по дорожному одетая Наташа. Отослав кухарку за извозчиком, она подходит к роялю, тихо и беззвучно перебирает его клавиши, прощается со всем домашним уютом, которым была окружена с детства, и на все убеждения и просьбы со стороны появившихся в комнате матери и отца остаться дома, отвечает решительным отказом. «После той страшной ночи я почувствовала, что сами стены эти преступны... что каждый день мы живем преступно»³⁾), — заявляет девушка, оставаясь непреклонной в своем решении порвать с домом ради иной, новой жизни.

Завершая таким финалом свою пьесу, Серафимович не только реализовал свой первоначальный замысел —

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1947, т. 5, стр. 297.

²⁾ Там же, стр. 299.

³⁾ Там же, стр. 301.

«подтвердить, что бытие буржуазной семьи покоится на гнилом и зыбком фундаменте». Он разрешал вместе с тем и другую задачу, давая понять читателю и зрителю, что наиболее честные представители буржуазной молодежи, «осознав свой долг перед трудящимися, отрекались от своих родных, от их паразитических доходов, от всех их устоев и навыков жизни»¹⁾.

Заставляя своих молодых героев порвать с породившей их социальной средой, Серафимович тем самым не только осуждал буржуазно-капиталистический строй, но и указывал перспективный выход из создавшихся условий для людей, подобных Наташе и Борису.

Без сожаления оставляя привычный для нее домашний уют и спокойную обеспеченную жизнь, Наташа в какой-то степени напоминает героиню повести А. П. Чехова «Невеста» Надю, уходящую от ничтожного личного «счастья» к активной борьбе за светлое будущее, за счастье народа.

Интересно, что в рассказе «В семье», написанном значительно раньше, чем была создана пьеса «Разбитый дом», Серафимович в беллетризированной форме воспроизвел все те события, связанные с еврейским погромом, которые позднее образовали сюжетную основу «Разбитого дома». И здесь, как это произойдет позднее в пьесе, гонимые страхом евреи попытаются найти убежище в доме либерально настроенного интеллигента Цыганова, и здесь хозяева дома встретят сначала смертельно перепуганных людей приветливо, а затем будут готовы выдать их на расправу разъяренной толпе черносотенцев, и здесь на этой почве возникнет резкий конфликт между старшими Цыгановыми и их детьми — сыном Борисом и дочерью Наташей. Дело доходит до того, что Борис в ярости замахивается стулом, грозя «раздробить голову» первому, кто подойдет к двери, а Наташа, готовая навсегда возненавидеть свою мать, падает в обморок. Однако в финале рассказа ни Борис, ни его сестра не покидают своего дома и не порывают с семьей. На другой день, после разыгравшейся трагедии, Наташа лишь «никак не могла заглянуть в глаза» своему отцу. К сказанному следует добавить, что нет в рассказе «В семье» ни дворника Ивана, ни горничной Стеши, которым, как было показано выше, отведено видное место в пьесе «Разбитый дом».

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1947, т. 5, стр. 357.

В пьесе «Разбитый дом» мы находим не только правдивые образы, о которых говорилось выше, не только актуальную для своего времени проблематику, но и хорошее понимание со стороны писателя основных законов театра. Две первые сцены написаны и композиционно связаны так, что события непрерывно развиваются в своей логической последовательности, усиливая от эпизода к эпизоду все большую напряженность, которая достигает своего высшего предела в третьей сцене, наиболее важной и значительной как для понимания идейной направленности пьесы в целом, так и для характеристики основных персонажей.

Серафимович хорошо показал во второй и особенно в третьей сценах быстрое нарастание гнетущей атмосферы в доме Сергея Ивановича в связи с начавшимся в городе погромом, высшую степень нервного напряжения действующих лиц, быстро возникающие при этом острые столкновения как между прислугой и хозяевами, так и между изгоняемыми из дома евреями и теми же хозяевами. Удачно оказались использованными здесь писателем и такие явления внешнего характера, как «страшный далекий и глухой рев» ¹⁾, разрастающийся за сценой, и зловещее зарево пожара, еще более усиливающее драматизм создавшейся ситуации.

7.

Завершив работу над пьесой, Серафимович стал настойчиво добиваться постановки ее на сцене, но достигнуть желаемой цели не мог. Неудача с продвижением своей первой пьесы на театральные подмостки не обескуражила его как драматурга, а, напротив, еще более усилила творческую активность в этой новой для него области искусства.

«После того, — говорил Серафимович, — как я окончательно убедился, что пьеса «Разбитый дом» при царизме не может рассчитывать быть принятой и поставленной каким-либо театром, я упрямо взялся писать новую пьесу «Девушка за стеной». Эта пьеса после долгих мытарств была, наконец, разрешена к постановке с цензурными

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч., М. 1947, т. 5, стр. 291.

дзвонками и исправлениями и шла в Москве в театре Корша»¹⁾.

Серафимович указывал в свое время на непосредственную связь пьесы «Девушка за стеной» с первым своим драматическим произведением. «В ней (пьесе «Девушка за стеной» — Г. Л.), — говорил художник, — я продолжаю разрабатывать образы прежних моих героев... из пьесы «Разбитый дом», только уже в совершенно ином аспекте»²⁾.

Действительно, когда читаешь пьесу «Девушка за стеной», то без особого труда находишь очень много общего с тем, что уже хорошо знакомо по произведению «Разбитый дом». В центре внимания писателя та же социальная среда русской буржуазии и буржуазной интеллигенции начала двадцатого века, тот же дом и то же семейство Сергея Ивановича, тот же, в основе своей, круг действующих лиц. Мы найдем в этих произведениях и близость отдельных сюжетных коллизий. Все это, казалось бы, давало основание рассматривать новую пьесу как своеобразный вариант пьесы «Разбитый дом».

Однако такое заключение было бы неправильным. В действительности пьеса «Девушка за стеной», имея не мало общего с произведением «Разбитый дом», в то же время существенным образом отличается от него как по своему содержанию, так и по форме, представляя собою в конечном счете самостоятельное и более зрелое произведение Серафимовича — драматурга.

Первое, что отличает новую пьесу, это ее значительно большая социальная заостренность и, вместе с тем, более глубокая разработка не только основных, но и второстепенных персонажей. Отказавшись по цензурным условиям от изображения того безграничного произвола и насилия, которым подвергалось в царской России еврейское население, и совершенно опустив тему еврейских погромов, так сильно прозвучавшую в пьесе «Разбитый дом», Серафимович в своем новом произведении главное внимание уделил проблеме социального неравенства и жестокой эксплуатации народных масс при царизме, а также

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч., М. 1947, т. 5, стр. 357. Пьеса «Девушка за стеной» впервые была напечатана в 1911 г., в Москве, так называемой «Театральной библиотекой» Вейхеля с подзаголовком «Сцены обыденной жизни в 4-х действиях».

²⁾ Там же, стр. 358.

проблеме трагического положения простой женщины-труженицы.

Характерно, что уже в перечне действующих лиц на первое место Серафимович поставил здесь выходцев из народной массы: кухарку Марью Ивановну, горничную Стешу, дворника Ивана, в то время как Сергей Иванович со своей семьей оказался отодвинутым на второе место. Более широким стал и общий круг действующих лиц. Наряду с персонажами, знакомыми по пьесе «Разбитый дом», появились новые лица — старая, плохо одетая женщина Фюна, керосинщик, швейцар, которые дополнили собою первую категорию действующих лиц. Значительно шире стал и другой лагерь — лагерь буржуазной интеллигенции. Так, существенное место в пьесе «Девушка за стеной» заняли: близкий знакомый семейства Сергея Ивановича — Никандр, молодой талантливый адвокат по ремарке автора, родственница Риммы Александровны Евгения Ивановна Редке, ее дочь Женя и некоторые другие лица, совершенно отсутствовавшие в произведении «Разбитый дом».

Особенно важно указать на то, что как индивидуальная, так и социально-общественная характеристика действующих лиц в новом произведении оказалась более яркой, отчетливой и разносторонней, чем в пьесе «Разбитый дом».

Так, например, если в первой пьесе Серафимович совершенно не касался такого вопроса, как род занятий Сергея Ивановича, то в пьесе «Девушка за стеной» Сергей Иванович сам заявляет, что он работает «над проектом ирригации южнорусских степей», что это, по его словам, «гигантский план». «Подумать только, — не без чувства возмущения говорит он, — в одной Донской области пески пожирают ежегодно десятки тысяч прекрасной черноземной земли. Ежегодно! А у меня эти мёртвые пространства превращаются в сплошной сад»¹⁾.

Затрагивая в своем произведении вопрос большого экономического значения, Серафимович через реплики других действующих лиц дает понять, что ни сам Сергей Иванович, ни тем более близкие ему лица не верят в возможность осуществления того, чем он увлечен. «Ах, эти планы!...—с раздражением произносит Римма Александ-

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1947, т. 5, стр. 313.

ровна. — Сидит, возится... бессонные ночи... и никому это не нужно, никакого толку, все в склад»¹⁾).

Заставляя Сергея Ивановича, как и в первой пьесе, произносить самообличительный монолог, хотя и менее пространный, чем прежде, Серафимович дает более четкую социальную характеристику этому человеку, подчеркивая его принадлежность к дворянскому классу. «Мы в прекрасных комнатах, — высказывает он свои мысли жене, а она (Стеша — Г. Л.) валяется в кухне; мы пальцем о палец не ударим, шесть тысяч с мужиков за землю получаем, а она под забором околеет, как только окажется без работы. Это не возмутительно? Э-э, матушка, в жизни много возмутительности, да мы делаем вид, что не замечаем...»²⁾).

Из сказанного видно, что, разрабатывая далее образ Сергея Ивановича, как характерного представителя буржуазно-дворянской интеллигенции, Серафимович нашел для него новые немаловажные черты, которые и запечатлел в пьесе «Девушка за стеной».

В новом свете предстает перед нами и образ жены Сергея Ивановича, Риммы Александровны. Если в первой пьесе она сохраняет такие черты, как любовь к своим детям, в частности, любовь к старшему сыну Василию, находящемуся в ссылке, если здесь ей в какой-то степени свойственна отзывчивость, то в пьесе «Разбитый дом» Римма Александровна выступает как женщина властная и неумолимо суровая, чуждая каких бы то ни было порывов гуманности и душевной теплоты. Узнав о связи своего сына со Стешей, не желая слушать никаких объяснений со стороны последней, она в самой резкой форме заявляет оторопевшей девушке: «Вы гадкая, мерзкая девочка... Гадкая... Мерзости в доме... Завтра же получите расчет...»³⁾ — и тут же порицает мужа за его излишне спокойное отношение к тому, что происходит в доме. Не допуская и мысли о том, что Борис может жениться на соблазненной им девушке, Римма Александровна в присутствии мужа учиняет строгий допрос сыну. «Что у вас со Стешей? Что вы тут завели в доме?!»⁴⁾ — негодуя спрашивает она, обращаясь к Борису.

¹⁾ А. С. С е р а ф и м о в и ч. Собр. соч. М. 1947, т. 5, стр. 313.

²⁾ Там же, стр. 324.

³⁾ Там же, стр. 322.

⁴⁾ Там же, стр. 325.

В последнем акте, заметив Стешу на кухне, Римма Александровна говорит ей: «Прошное забудьте. Борис Сергеевич уехал. Вы понимаете, что оно и не могло иначе быть. Могло быть еще большее несчастье»¹⁾).

Лицемерно заявляя поставленной в безвыходное положение девушке о том, что она может «начать другую жизнь»²⁾, что ее всегда будут поддерживать, Римма Александровна удаляется с сознанием выполненного с ее стороны долга.

8.

Серафимович заявлял, что буржуазную молодежь в новой пьесе он стремился показать как «плоть от плоти своих отцов»³⁾. Это признание драматурга очень существенно для правильного уяснения идейно-художественной сущности таких персонажей пьесы «Девушка за стеной», как Наташа и, особенно, ее брат Борис. И здесь Серафимович пошел по иному пути, чем тот путь, которым он воспользовался в пьесе «Разбитый дом». Снявши по существу проблему «отцов и детей», так сильно прозвучавшую в более раннем произведении, писатель рисует Наташу и Бориса как молодых людей не только не способных на полный разрыв с породившей их социальной средой, но и вообще чуждых идее совершення каких бы то ни было подвигов.

Наташа, по ремарке автора, кончающая курс гимназии, изображена Серафимовичем как веселая, задорная девушка, увлеченная театром и музыкой, способная своей игрой на фортепиано заставить почувствовать, что «на улице лунная ночь, тени лежат, и воздух свеж и прозрачен»⁴⁾, о чем с восхищением говорит влюбленный в девушку друг Бориса Никандр.

Особенно живо черты своего характера Наташа выявляет в первых сценах третьего действия, когда она, в солнечный весенний день, жизнерадостная, декламирующая стихи Тютчева, тормозит занятую работой Стешу, легко заражая и ее своим нестоимым оптимизмом.

При всем этом образ Наташи в пьесе «Девушка за стеной» сохраняет значительно меньшую идейно-смысловую нагрузку, чем тот же образ в пьесе «Разбитый дом».

¹⁾ А. С. С е р а ф и м о в и ч. Собр. соч. М. 1947, т. 5, стр. 334.

²⁾ Там же

³⁾ Там же, стр. 358.

⁴⁾ Там же, стр. 319.

Здесь Наташа не только не порывает связи с привычным для нее укладом жизни, но и не находит возможности выразить свое непосредственное отношение к той трагической ситуации, в которой оказалась Стеша.

Если Наташа на протяжении всей пьесы выступает лишь в двух-трех эпизодах, не играя значительной роли в развитии сюжета, то роль ее старшего брата Бориса в произведении гораздо существеннее. Следует принять во внимание, что так называемое «сквозное действие» пьесы «Девушка за стеной» определяется в первую очередь теми сложными взаимоотношениями, которые устанавливаются между Борисом — сыном довольно богатого человека и девушкой из народа — горничной Стешей. По ремарке автора, Борис близорук, в очках, всегда о чем-то думает, крайне рассеян и очень далек от живой повседневной жизни. В беседе с подружкой Женей Наташа говорит о своем брате: «Ты его плохо знаешь. У него ведь только книги, а людей и всего, что на свете, этого ничего нет»¹).

Основные черты характера Бориса особенно наглядно выявляются из его взаимоотношений, с одной стороны, со Стешей, с другой стороны, — из взаимоотношений со своими родителями. Во втором действии пьесы Борис признается Никандру в том, что он собирается жениться на Стеше и ищет с его стороны «дружеской поддержки». Отстаивая свое намерение, находя у девушки «живой природный ум, любознательность», Борис готов заявить о том, что Стеша, как девушка из народной среды, поможет выйти ему на иной путь жизни. «Нас заела книга, пыль с библиотечных полок, — говорит он своему другу с чувством горечи, — мы истощены, неврастеники и нытики, а эта девушка несет девственную, нетронутую, черноземную силу земли. Слышишь ты, я в ней спасение ищу»²).

В заключительной сцене акта, оказавшись наедине со Стешей и находясь в состоянии сильного душевного возбуждения, Борис в риторически-выспренних фразах рисует перед Стешей картину ее будущей жизни. «Я все вам отдам, — восклицает он с пафосом увлеченной им девушке, — свой ум, знания, способности, труд... Но вы мне больше, вы мне неизмеримо больше несете, Стеша, — вы мне несете нетронутую силу земли... Только бы вырвать

¹) А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1947, т. 5, стр. 314.

²) Там же, стр. 318.

вас как спящую принцессу из заколдованного царства... У вас крылья вырастут»... ¹⁾).

Нет оснований упрекать Бориса в том, что он выступает как человек, сознательно применяющий обольстительную ложь, рисуя перед девушкой картины будущего, в возможность осуществления которых сам заведомо не верит. Очевидно, увлечение со стороны Бориса Стешей на первых порах было по-своему искренним. Это, однако, не помешало ему, человеку безвольному, согласиться с требованием родителей решительно порвать связь с обольщенной им девушкой и бросить ее на произвол судьбы. В третьем действии, в сцене, имеющей своего рода кульминационный характер, Борис, объясняясь с плачущей Стешей, ведет себя жалко и трусливо, почти дословно повторяя те доводы против их совместной жизни, которые он совсем недавно с чувством внутреннего протеста выслушивал от Никандра.

«Постойте, — говорит он, — здесь надо же вещам прямо смотреть в глаза: если свяжем себя друг с другом, наступит еще больший ужас, — через неделю невыносимы будем друг для друга... Между нами стена, ее не перейдешь, не перепрыгнешь» ²⁾).

Как видим, в пьесе «Девушка за стеной» Борис не только не восстает против глубоко эгоистической буржуазной морали своих родителей, как это произошло в пьесе «Разбитый дом», но, в конечном счете, солидаризируется с этой моралью, признавая себя человеком той господствующей среды, которая отделена непреходимой стеной от народа, от простых людей, подобных Стеше.

Такая трактовка давала возможность драматургу придать фигуре Бориса подлинно типические черты, изобразить его как одного из характерных представителей буржуазной молодежи, которую писатель показывал здесь, по его собственному выражению, «как плоть от плоти своих отцов» ³⁾).

9.

Значительно ярче и полнее, чем в ранней пьесе, очерчен в произведении «Девушка за стеной» образ Стеши, которая логикой событий оказалась выдвинутой здесь в

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1947, т. 5, стр. 320.

²⁾ Там же, стр. 327.

³⁾ Там же, стр. 358.

разряд главных действующих лиц. В изображении Серафимовича Стеша воплощает лучшие свойства девушки из народа: она трудолюбива, искренна в своих чувствах.

В двух первых актах она предстает перед нами как жизнерадостная, преисполненная восторженных чувств девушка, под влиянием своего влечения к Борису все в жизни готовая воспринимать в розовом свете. Даже сурово отрезвляющие предостережения кухарки, заранее знающей, чем кончится увлечение девушки, не могут ни на минуту поколебать ее чувств, замутить родник светлой радости, который так бережно сохраняет Стеша в своем сердце. Она восторженно декламирует стихи, выученные при помощи Бориса, выражает свое безгранично радостное душевное состояние в волнующем монологе, которым завершается первое действие, доверчиво воспринимает в конце второго акта громкие и бессодержательные фразы Бориса о «новом царстве», которое якобы открывается для нее, не может скрыть своей сердечной тайны от Наташи в начале третьего действия. Трогательно любя Бориса, девушка откровенно признается дворнику Ивану в том, что она не может ответить на его чувство, и ни мольбы, ни угрозы последнего не в силах заставить ее произнести другие, обнадеживающие Ивана слова. Тем острее почувствует Стеша свою обреченность и полную беззащитность, когда Римма Александровна бесцеремонно заставит ее покинуть дом, а Борис трусливо откажется от своих прежних обещаний. Если третий акт пьесы завершается глубоко драматичной сценой последнего объяснения Стеши с Борисом, во время которого девушка окончательно убеждается в том, что все ее надежды на счастье с любимым человеком оказались безнадежно разбитыми, если уже здесь, в минуты отчаяния, она говорит о том, что готова «руки на себя наложить»¹⁾, то еще более трагичной представляется участь Стеши в четвертом акте. Спокойно возясь с посудой, кухарка на вопрос Стеши: «Что же теперь со мной будет?» без раздумий отвечает: «Что же!.. Что со всеми. Перво-наперво выгонят; завтра уйдешь на квартиру, потом родишь; ребеночка, коли жив будет, в воспитательный, а нет, похоронишь, а сама по желтому билету — кто тебя такую возьмет?..»²⁾.

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1947, т. 5, стр. 327.

²⁾ Там же, стр. 329.

Серафимовичу очень хорошо удалось показать здесь, как во время дружеской вечеринки, устроенной кухаркой Марьей, Стеша чувствует себя почти совершенно раздавленной свалившимся на нее несчастьем. В то время, когда приглашенные кухаркой швейцар, горничная, дворник и почтальон непринужденно развлекаются, Стеша ни на минуту не может отрешиться от ужаса перед тем, что ее ожидает в ближайшем будущем, находясь в эти часы буквально на грани умопомешательства.

Все сказанное выше дает нам основание утверждать, что в значительной галерее женских образов, созданных писателем-гуманистом Серафимовичем и в прозе, и в драматургии, Стеше — героине пьесы «Девушка за стеной» должно быть отведено далеко не последнее место.

«Девушка за стеной» оставляет более сильное впечатление по сравнению с «Разбитым домом» не только благодаря тому, что в ней значительно углублена тема социальных противоречий, а основные образы оказались раскрытыми драматургом ярче и выразительней; более вдумчиво оказалась разработанной и композиционная структура новой пьесы. Так, если в произведении «Разбитый дом» действие всех четырех картин должно было проходить в одном декоративном оформлении двух смежных комнат — направо — столовой, налево — кухни, то в пьесе «Девушка за стеной», стремясь к усилению контрастности, к тому, чтобы как можно сильнее оттенить в представлении зрителя очень большое различие в образе жизни, с одной стороны, Сергея Ивановича и его семейства, с другой стороны — Стеши, кухарки, дворника и других лиц их круга, Серафимович, развернув события первого акта в низкой, темной и тесной кухне с закопченным потолком, во втором акте переносит действие в богато обставленную столовую, а в третьем акте — в гостиную, залитую весенним солнечным светом, чтобы затем, в последнем акте, вновь сделать местом действия освещенную скудным светом керосиновой лампы небольшую кухню.

Удачно использован в начале пьесы такой, по-своему характерный бытовой штрих, как появление шарманщика во дворе со своей заунывной песней о разлуке. Не менее жизненны и такие бытовые сцены, как переключка кухарок через двор из окон соседних домов или приход на кухню керосинщика и его препирательства с кухаркой Марьей.

Эти и другие, подобные им сцены, помогли Серафимовичу создать картину подлинно обывденной жизни.

Известно, какая большая роль в любой пьесе при создании характеров действующих лиц принадлежит языку. А. М. Горький указывал на то, что в драматургии речевые характеристики имеют первостепенное значение. «Действующие лица пьесы, — писал он, — создаются исключительно и только их речами, т. е. чисто речевым языком, а не описательным»¹⁾.

Превосходный знаток как народно-разговорной речи, так и литературного языка Серафимович, работая над пьесой «Девушка за стеной», с большим вниманием относился к выявлению характеров действующих лиц через речевые особенности, свойственные тому или иному персонажу, независимо от того, какое место он занимает в произведении. Так, например, молодой адвокат Никандр, лицо явно второстепенное, склонен к распространенным логическим суждениям. Именно пользуясь такими суждениями, он пытается разубедить Бориса относительно его намерения жениться на Стеше. Вместе с тем, свободно владея литературной речью, Никандр удачно воссоздает наглядно-зримые картины только что виденного им или пережитого. Так, на предложение Риммы Александровны налить ему чаю, Никандр отвечает: « Попрошу. Устал. Только что из суда. В зале заседания тяжело, душно, народу битком. Даже электрические лампочки тускло, с усилением горят; а на улице лунные тени и звонкие шаги по подмерзшей земле. Я не вытерпел и к вам»²⁾.

Здесь все по-своему примечательно: и предельно лаконичный ответ действительно уставшего человека, выраженный одним глаголом, и фразы, брошенные как бы мимоходом, но создающие зримую картину переполненного судебного зала и противопоставление этой картине другой картины — тихой вечерней улицы большого города, залитой лунным светом.

Склонность к пафосности своих выражений, к громкой, но, в конечном счете, малосодержательной фразе приуща Борису, которого, по его собственным словам, «засела книга»³⁾. Особенно быстро сбивается он на риторику

¹⁾ М. Горький. О литературе. Литературно-критические статьи. Изд. «Советский писатель», М. 1953, стр. 595.

²⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1947, т. 5, стр. 315.

³⁾ Там же, стр. 318.

в разговоре со Стешей. «Теперь ты будешь моей, никогда не потухающей радостью», — восклицает он в одной из сцен пьесы. «Ты росток из земли, из чернозема, который мне послала судьба...»¹⁾, — говорит он, обращаясь к девушке здесь же. Следует заметить при этом, что и лексика и синтаксис в речи Бориса существенно изменяются, становятся более простыми и естественными тогда, когда он разговаривает с родителями или с Никандром.

В какой-то степени свою привычку выражаться выспренно Борис передает Стеше. Не случайно она по ходу развития содержания пьесы несколько раз принимается декламировать стихи об израненном олене, говорит о книжках, которые Борис заставляет ее читать, произносит пространные взволнованные монологи. Вместе с тем, воссоздавая индивидуально-психологический облик Стешы, Серафимович сумел оттенить через речь девушки и ее крестьянское происхождение и ее большую сердечную доброту. Вспоминая свое детство, Стеша рассказывает кухарке о том, как она впервые пришла с матерью из деревни в город, называя при этом свою давно умершую мать очень ласково «мамушкой»²⁾. Совсем иначе звучит речь Стешы в четвертом акте, где редкие, прерывистые, почти бессвязные фразы, которые она произносит, очень хорошо выражают ее душевное смятение и безграничную степень отчаяния.

Особенно колоритна по своему в пьесе «Девушка за стеной» речь кухарки Марьи Ивановны, уже далеко не молодой женщины, вышедшей, как и Стеша, из крестьянской среды, но много лет прожившей в городе на положении прислуги. Прежде всего многие свои реплики она сопровождает пословицами и поговорками, такими как: «быть бычку на веревочке»³⁾, «держи карман шире»⁴⁾, «слезами горю не пособишь»⁵⁾, «скатертью дорога»⁶⁾ и тому подобными выражениями, широко распространенными в тот период среди народа. Вместе с тем, лексика этой женщины характеризуется наличием большого количества просторечий, таких как, например: «приходи, покумека-

1) А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1947, т. 5, стр. 328.

2) Там же, стр. 305.

3) Там же, стр. 305.

4) Там же, стр. 306.

5) Там же, стр. 329.

6) Там же, стр. 338.

ем»¹⁾), «иду зараз», «чисто замерзла»²⁾), «чисто с ума спятил»³⁾ и т. д. В отдельных случаях кухарка пользуется искаженными выражениями, а также диалектизмами, особенно распространенными в то время среди крестьян южных губерний. Так, например, обращаясь к Стеше, она говорит: «ляжу, подремлю трошки»⁴⁾). Заметный след в речи кухарки оставило и ее постоянное общение с мещанской, обывательской средой, а также повседневное общение с разнообразной прислугой, нередко развращенной праздным образом жизни своих господ. Именно здесь, в этой среде, могла она воспринять такие презрительно-бранные выражения, как «что галдарею свою раскрыла», в смысле «раскрыла рот», «хам» («стану я с хамом всяким возжаться») ⁵⁾, «шмара»⁶⁾ и т. п.

Итак, еще за несколько лет до пролетарской революции Серафимович наглядно выявил свое драматургическое дарование, написав такие пьесы, как «Разбитый дом» и «Девушка за стеной», в которых он затронул и художественно осветил значительные вопросы общественно-политического характера, волновавшие как народные массы, так и лучшую, наиболее прогрессивную и демократически настроенную часть интеллигенции.

Завершил же свою работу как талантливый драматург Серафимович уже после Октября, когда он стал одним из первых и, вместе с тем, одним из ведущих советских писателей.

10.

Октябрьская социалистическая революция открыла собою начало новой эры в истории человечества. Всемирно-исторические победы, одержанные в революции рабочим классом и крестьянством, руководимыми Коммунистической партией, принесли с собой коренные изменения не только в экономической и политической жизни нашей страны, но и в области дальнейшего развития культуры, ставшей многонациональной по форме и социалистической по своему содержанию.

1) А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1947, т. 5, стр. 311.

2) Там же, стр. 329.

3) Там же, стр. 308.

4) Там же, стр. 312.

5) Там же, стр. 305.

6) Там же, стр. 338.

С победой революции зарождается качественно новая, советская литература.

Руководствуясь ленинским принципом партийности искусства, советская литература открыто заявила о своей связи с политикой Коммунистической партии. Неразрывно связанная с жизнью народа, она с самого начала своего существования росла и крепла в решительной борьбе с буржуазно-дворянской литературой и ее всевозможными рецидивами.

Октябрьская социалистическая революция дала возможность передовым писателям еще лучше понять жизнь народа, еще сильнее почувствовать свою неразрывную связь с ним.

Выдающийся художник слова, еще задолго до Октября правдиво запечатлевший в своих произведениях жизнь народных масс, Серафимович с первых дней революции развивает кипучую энергию по созданию новой, социалистической культуры, выступает как горячий сторонник по-длинно партийного искусства. Он заведует агитационно-массовым отделом Моссовета, пишет листовки и воззвания. В 1918 году А. С. Серафимович вступает в Коммунистическую партию.

В годы гражданской войны, в напряженнейший период вооруженной борьбы народных масс против интервентов и белогвардейщины, Д. Бедный, В. Маяковский и другие советские писатели всю свою творческую деятельность подчиняют важнейшей задаче разгрома врага.

В этот период А. С. Серафимович, выступая рука об руку с Д. Бедным и В. Маяковским, становится одним из первых художников великих завоеваний революции.

Как один из корреспондентов газеты «Правда», Серафимович выезжает на Восточный и Южный фронты гражданской войны, где становится свидетелем и непосредственным участником напряженной борьбы советского народа за завоевания революции. Вдохновленный героизмом наших бойцов и трудовыми подвигами людей, работающих в тылу в необычайно трудных условиях, Серафимович создает в годы гражданской войны простые и, вместе с тем, очень правдивые рассказы, статьи и очерки, которые составят впоследствии один из томов собрания сочинений писателя под общим весьма выразительным названием «Революция, фронт и тыл».

Крайне важным и характерным является то, что А. С.

Серафимович оказался на передовой линии искусства не только в период зарождения советской художественной прозы, но и в период начального становления советской драматургии.

В конце 1918 г., почти одновременно с В. Маяковским, создавшим одну из самых первых, подлинно-революционных пьес — «Мистерия-Буфф», А. Серафимович пишет большую четырехактную социально-бытовую пьесу «Марьяна», которая явилась непосредственным и живым откликом со стороны художника на события, вызванные революцией и гражданской войной, и представляла собой, по определению автора, «кусочек современной борьбы и жизни в сценах».

Серафимович очень хорошо понимал, как велико значение передового революционного театра в стране, где к власти только что пришли рабочие и крестьяне, где новое рождается и побеждает в непримиримой борьбе со старым, отжившим свое время. Вот почему в самый первый период существования Советской Социалистической Республики он не только вновь возвращается к драматическому творчеству, но и страстно борется за организацию нового, подлинного революционного театра. В своей статье, так и названной «О театре», написанной в 1919 г. в связи с отказом отдельных московских театров, еще в значительной мере находившихся в то время на старых позициях, поставить пьесу «Марьяна», Серафимович заявлял: «Самый лучший проповедник — это театр. Никакие митинги, никакие лекции, никакая агитация с ним не сравниются. И повелительная обязанность литературы — наполнить его революционным содержанием, отразить в нем невиданное строительство новой жизни в борьбе, в муках и в несказанном счастье»¹⁾.

Нет сомнения, что именно этим убеждением руководствовался писатель, работая над пьесой «Марьяна».

11.

Фабула произведения проста и, вместе с тем, жизненно убедительна.

В окрестностях деревни, в которой живут крестьянин-

¹⁾ А. Серафимович. Полное собрание сочинений. ГИЗ. М.-Л. 1928, т. 14, стр. 158.

старик, его жена и их молодая сноха Марьяна, разгорается гражданская война. В деревне на время останавливается одна из красноармейских частей. В доме старика помещается на постой отделение во главе с красноармейцем Павлом. Павел — это сознательный, дисциплинированный человек, коммунист, бывший рабочий. Вместе с Павлом здесь же поселяются его подчиненные — выходец из буржуазной среды Сергеев, красноармеец из крестьян Микеша и другие бойцы.

Павел с большим уважением относится к Марьяне, однако последняя вначале совершенно казалось бы безучастна ко всему тому, что происходит вокруг нее. Все ее помыслы сосредоточены на муже Степане, который еще во время империалистической войны пропал без вести и по которому Марьяна сильно тоскует.

Разгораются ожесточенные бои, воинское подразделение, в котором находится Павел, принимает в этих боях участие, причем во время одного из них Павел получает серьезное ранение в голову. Марьяна проникается к нему сначала чувством сострадания, затем начинает видеть в Павле отзывчивого, умного и близкого ей человека.

Местный лавочник, поп и другие, враждебно настроенные к советской власти лица, ведут антисоветскую пропаганду среди населения, пользуясь его темнотой. Вместе с лавочником и попом контрреволюционную пропаганду ведет и дезертировавший из Красной Армии Сергеев. Все их враждебные действия решительно пресекаются Павлом и другими бойцами, которые внезапно появляются в барском особняке, где происходит сборище.

Несколько позднее рота, в которой служит Павел, переводится на другой участок фронта.

В то время как Марьяна, полюбившая Павла, огорчена разлукой с близким ей человеком, неожиданно для всех в деревню возвращается ее муж Степан, который до последнего времени находился в Германии на положении военнопленного.

Жадный собственник, кулак по своим убеждениям, Степан, особенно под влиянием отца, резко враждебно встречает все новое, что находит в деревне. Между ним и Марьяной происходит решительное столкновение. Марьяна видит в Степане, по которому она совсем недавно так сильно тосковала и убивалась, озверевшего, чуждого, враждебного ей человека и убегает из дома.

Пьеса Серафимовича «Марьяна» не только одно из самых первых реалистических произведений в области советской драматургии, но и одно из подлинно партийных произведений.

Серафимович ни в малейшей степени не поддавался чуждым идейным и художественным влияниям, в частности, влиянию Пролеткультов, претендовавших в тот период на руководящее положение в искусстве.

В привычной для него строго-реалистической манере Серафимович стремился раскрыть и показать в своей пьесе через частное общее, то, что выражало сущность начального периода в истории советской страны и, прежде всего, в жизни советского крестьянства.

Важнейшая, доминирующая тема пьесы «Марьяна» — острая классовая борьба в деревне первых лет революции. Художественно раскрывая эту тему, драматург показал и крутую ломку старых семейных отношений, и огромное революционизирующее влияние на крестьянскую массу молодой, только что созданной Красной Армии.

Одной из главнейших тем пьесы явилась и такая актуальнейшая в условиях того периода тема, как пробуждение и тяга женщины-крестьянки к новой, сознательной жизни, к активной общественной деятельности.

Всем содержанием своего произведения Серафимович показывал непреодолимую силу нового, рожденного революцией в деревне. В ряде эпизодов он очень хорошо передал бытовой колорит деревни тех лет, наиболее характерные особенности семейного уклада крестьянства, удачно нарисовал массовые сцены. Но главное достижение писателя следует видеть в том, что, четко определив противоборствующие социальные силы, он сумел очень убедительно раскрыть идейный смысл пьесы «Марьяна» в довольно сложной по своему составу галерее действующих лиц.

Основное место в произведении занимают Павел и Марьяна, на стороне которых все симпатии автора. Подчеркнув в ремарке ничем особым не выделяющуюся внешность своего героя («худой», «скулы выдались, молодой, некрасивый, славные глаза»)¹⁾, Серафимович все

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1948, т. 8, стр. 342.

свое внимание сосредоточивает на действиях Павла и на его взаимоотношениях с окружающими его людьми.

Павел — потомственный пролетарий. Простой в обращении с крестьянами, он охотно рассказывает им о себе и о своем недавнем прошлом. «Я с девяти годов рабочий, — заявляет он о себе. — Мне двадцать третий год, а у меня и посейчас все стоит в ушах: гу-гу-гу, и все будто фабрика трясется кругом, и будто очески летают, и, как в тумане, не видать сквозь них»¹⁾).

Несмотря на свою молодость, Павел еще до революции принимал участие в борьбе против самодержавия. Об этом можно судить хотя бы по его волнующему рассказу о своей матери. «Мать у меня была, — сообщает он Марьяне, — не старая годами, а сама согнулась, седая. Всю жизнь на фабрике. Ткачиха. Померла недавно. Всегда бывало гоняла меня, чтобы с социалистами не знался. Пускай, говорит, другие, а ты, Паша, не смей, а то головы не сносишь. А невольге перед смертью увидела на улице весь фабричный народ с знаменами красными со всех фабрик, с заводов. Идут и идут, конца-краю им нету, и все желтые, худые; грудь завалилась, а сами про волю поют. Заплакала. Впервой, говорит, вижу столько фабричного люду. Сила его, а замученный народ. И как умирала, подозвала меня, благословила и говорит: «Иди, Пашенька, иди к ним, к замученным, добывай волю всем, а там воля божья»²⁾).

Образ работницы-матери, благословляющей своего сына на борьбу с силами царизма, в высшей степени привлекателен помимо всего прочего тем, что живо напоминает нам другую мать — Пелагею Ниловну, так же преодолевшую страх за личную судьбу сына, вступившего за счастье народа в жестокую схватку с врагами.

Самой характерной чертой героя пьесы Серафимовича — Павла является его безграничная преданность революции, определяющая все его действия и поступки. Уже в первом акте, убедившись в том, что один из бойцов его отделения, Сергеев, ведет себя как жалкий трус и жестокий мародер, Павел, угрожая ему револьвером, кричит: «Подлая шкура!.. Мародер... Собака проклятая!.. Примазываться умеешь, а вот товарищи на позицию идут, так

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1948, т. 8, стр. 354.

²⁾ Там же, стр. 350.

себя нету. Если замечу хоть малейшее и ротному докладывать не буду — всажу пулю, и шабаш!..»¹⁾).

И это не пустая угроза, брошенная под влиянием вспышки гнева. На замечание хозяйки дома — старухи, свидетельницы только что происшедшего столкновения: «Ишь ты, батюшка, серчаешь как. Свою рази можно стрелять?» Павел без колебаний отвечает: «Отца родного пристрелю, ежели гадить революцию станет»²⁾).

Страстная убежденность в правоте своих действий помогает Павлу не только сохранять железную дисциплину в своем отделении, но и вести повседневную агитационную работу среди крестьян, без особого труда находя для них самые доходчивые, душевные слова. На живых, доступных для любого крестьянина примерах, Павел показывает великую цель, ради которой он и его товарищи взялись за оружие. Во втором действии, оказавшись среди крестьян, набившихся вечером в избу старика, Павел говорит о помещичьей земле, которую он и его бойцы добывают для тружеников деревни «своей кровью»³⁾. Он не хочет возврата к старой «скотинячьей» жизни, здесь же доказывает хозяевам дома, что их сын Степан, которого они считают убитым во время первой мировой войны, «за буржуев смерть принял»⁴⁾. В третьем действии, арестовав «черное воронье» в лице попа и местного кулака-лавочника, Павел в ответ на реплику одного из крестьян, завывавшего о советской власти, что она якобы стремится к тому, «штокб всем лучше было», терпеливо разъясняет ошибочность такого суждения. «Советская власть, — говорит он, обращаясь ко всем присутствующим здесь, — ни под каким видом не хочет, чтоб всем лучше было. А только, чтоб лучше было бедным, трудящимся, рабочим да крестьянам, а кулакам, помещикам, фабрикантам, банкирам, как ни мога, чтоб хуже было. Да чтоб не у нас только в России, а по всему свету»⁵⁾.

Испытавший суровую школу жизни, отстаивающий с оружием в руках все то, что было завоевано пролетариатом под руководством партии в Октябрьской революции, Павел выступает как человек, видящий свой долг в том,

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1948, т. 8, стр. 348.

²⁾ Там же, стр. 348.

³⁾ Там же, стр. 355.

⁴⁾ Там же, стр. 353.

⁵⁾ Там же, стр. 378.

чтобы сплотить крестьянскую бедноту, разъяснить ей полную, подлинно народную правду.

Следует заметить, что Павел еще и сам недостаточно отчетливо представляет себе во всей сложности классовую дифференциацию в деревне, только что разбуженной Октябрьской революцией, вследствие чего готов не только резко упрекать «мужиков» за их непомерную жадность к «керенкам», за их стремление как можно больше «помещичьей земли нагрести»¹⁾, но в отдельные моменты склонен допускать и ничем не оправданное противопоставление деревни городу как стихийной силы силе организованной, основанной на прочном коллективизме и сознательности.

Изображая Павла как основного героя своей пьесы, Серафимович наряду с другими качествами, присущими ему, подчеркнул его дисциплинированность, высокую требовательность, которую он предъявляет как к себе, так и к бойцам своего отделения, настойчиво воспитывая в них чувство неусыпной бдительности, состояние всегдашней готовности к схватке с врагом. Так, например, располагая на ночлег красноармейцев, он решительно приказывает им не разуваться и держать винтовки возле себя, тогда же, когда один из бойцов, Микеша, самоуспокоенно заявляет, что врагов отогнали и «разъездов ихних нету», Павел требовательно настаивает: «Тебе говорят — обуйся. Мало чего — нету. Сейчас нету, а не успеешь оглянуться — навалятся. Разве угадаешь?»²⁾. Внезапный налет на деревню белоказачков наглядно показал бойцам, как прав был их требовательный командир.

Охотно и неторопливо беседуя с крестьянами и с товарищами по оружию в часы передышек между сражениями, Павел буквально преображается тогда, когда раздается боевая тревога. Его приказания звучат сейчас предельно четко и лаконично, в них слышится суровое мужество человека, готового в любой момент грудью встать на защиту революции. «Подымайся! Выходи! Зря патронов не трать, — командует Павел. — Бей, когда увидишь, или по огню. Смирно! Левое плечо, шагом арш!»³⁾.

Также твердо и решительно ведет себя Павел и тогда, когда в третьем действии он, только что раненый в го-

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1948, т. 8, стр. 355.

²⁾ Там же, стр. 358.

³⁾ Там же, стр. 360.

лову, прямо с поля боя, появляется в помещицком особняке, где ведут антисоветскую агитацию среди крестьян доп и лавочник. На живых, доступных для самых отстающих людей примерах показывает Павел величие тех изменений в жизни, которые принесла с собой революция, установившая советскую власть, терпеливо разъясняет, чем эта подлинно народная власть отличается от всякой другой власти.

Крайне важным для правильного уяснения основных черт характера Павла, как одного из первых, подлинно типических героев советской драматургии, является его отношение к героине пьесы Марьяне.

13.

Принципиальный противник какого бы то ни было схематизма в искусстве, Серафимович показал героя своей первой революционной пьесы не только волевым, мужественным человеком, беззаветно преданным партии, чувствующим свою кровную связь с народом, с рабочим классом, из среды которого он вышел, но и человеком, способным на большое чувство, еще более поднимающее и облагораживающее как самого Павла, так и любимую им Марьяну.

Образ Марьяны, именем которой названа пьеса, в такой же степени важен и значителен для правильного понимания идейно-художественной ценности произведения, в какой степени важен и значителен образ Павла.

Известно, что еще задолго до Октябрьской социалистической революции Серафимович в своих прозаических произведениях создал галерею женщин-тружениц, неизменно отдавая им свои симпатии. Таковы, например, мать и ее безответная дочь Гаша в рассказе «Чибис», такова Марья, жена рабочего Василия в рассказе «Бомбы».

Прекрасно понимая, что Октябрьская социалистическая революция навсегда раскрепостила женщину, раскрыв перед ней неограниченные возможности как для выявления своей духовной сущности, так и для активного участия в строительстве новой жизни, Серафимович один из первых в советской литературе, значительно раньше, чем это сделали Л. Сейфуллина, А. Неверов, К. Тренев и другие писатели, успешно запечатлел в образе героини

своей пьесы наиболее характерные черты женщины из народа, пробуждающейся к новой жизни.

Мы воочию видим, как быстро и неотвратно происходит сложный процесс духовного «выпрямления» Марьяны, как на протяжении четырех актов она, находясь под влиянием того, что совершилось на ее глазах и, прежде всего, под влиянием Павла, буквально перерождается, становится в полном смысле этих слов другим человеком.

Марьяне присуща большая внутренняя сдержанность, граничащая в начале пьесы с чувством предельной замкнутости. В ремарке, предваряющей первое действие, Серафимович счел необходимым указать на то, что у Марьяны «красивое, строгое лицо, немного высокомерное»¹⁾. Характерно, что, выразив свою душевную боль по поводу пропавшего без вести мужа в небольшом, но проникновенном монологе, которым сткрывается пьеса, Марьяна затем, на протяжении всего первого акта, остается как бы ушедшей в самую себя, безучастно взирающей и на появление в деревне красноармейской части, и на размещение бойцов на ночлег в ее собственном доме, и на попойку, в которой принимают участие Сергеев и тетка Марьяны Иевлевна и, наконец, на новое выступление Павла во главе своего отделения на боевую позицию. Речь ее предельно лаконична, она произносит всего пять-шесть фраз, обращаясь то к свекру, то к его дочери Луше с просьбой подать ковш воды Павлу, то к опьяневшему Сергееву со словами, звучащими угрожающе: «ты меня не замай, слышь, не замай, — не рад будешь»²⁾.

Когда в конце первого действия до крайней степени возбужденная, очень живая по своему характеру Луша делится с Марьяной своими впечатлениями о красноармейцах, Марьяна, все еще не освободившаяся от душевного оцепенения, признается девушке в том, что ей «все равно, как их и нету»³⁾.

Однако уже во втором действии в настроении героини пьесы происходит явный перелом. Если еще совсем недавно молодая женщина, не имея голоса в семье, безропотно мирилась со своим положением, то сейчас, в ответ на несправедливые упреки со стороны свекрови, она с нескрываемой обидой восклицает: «Чего вы едите меня, че-

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1948, т. 8, стр. 338.

²⁾ Там же, стр. 346.

³⁾ Там же, стр. 348.

по поедом едите?»...¹⁾). Все пристальнее начинает Марьяна присматриваться к Павлу, все внимательнее вслушивается она в его простую безыскусственную речь.

Для Павла Марьяна прежде всего привлекательна тем, что он видит в ней человека, который может быть полезен делу революции. «Эх, молодуха, — сокрушается он, оставшись наедине с Марьяной, — так ты тут и повянешь, как березка подрубленная». «А тебе горе?», — спрашивает Марьяна. «У нас каждый человек на счету, — отвечает Павел. — Счастья-то всем хочется, а добывают его для всех раз-два да обчелся. А ты, вишь, крепкая. Кабы взялась за дело, из рук не сронида бы»²⁾). И хотя Марьяна в ответ на эти слова еще пренебрежительно бросает: «мне забота о ваших делах», становится совершенно очевидно, что отныне судьба Павла и его товарищей далеко для нее не безразлична. Она и теперь говорит лишь в крайней необходимости, ведет себя по-прежнему очень сдержанно, но великая правда революции уже захватила ее.

Новое душевное состояние героини пьесы Серафимович удачно оттенил в частности и через отдельные ремарки, которые содержатся в пьесе. Так, в то время, когда Павел и другие красноармейцы стараются разъяснить крестьянам, ради чего они ведут борьбу с враждебными революции силами, «Марьяна внимательно слушает и в знак согласия кивает головой»³⁾). Слушая затем простую, проникновенную песню Павла о изнурительном труде ткача на капиталистической фабрике, она, «как птица, вся застыла в порыве»⁴⁾).

Сейчас Марьяна уже почти не скрывает не только от себя, но и от Луши своего влечения к Павлу, она видит в нем душевного, жившего «несладкой» жизнью человека, ее тревожит мысль о том, что Павел, как и другие бойцы, может погибнуть в сражении. Вслушиваясь в разговор свёкра и его жены, сокрушающихся о отравленном сене, Марьяна с укором произносит: «Вздумали про сено. Сколько теперь голов положат»⁵⁾). Опасаясь за судьбу Павла и его товарищей, она с нескрываемым чувством вражды относится к дезертировавшему с поля боя Сер-

1) А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1948, т. 8, стр. 349.

2) Там же, стр. 350.

3) Там же, стр. 354.

4) Там же, стр. 357.

5) Там же, стр. 361.

гееву, когда последний, угрожая револьвером, требует, чтобы его укрыли в подполье.

Во всей своей силе и волнующей привлекательности характер Марьяны раскрывается в четвертом действии. Трогательно прощается она с Павлом, который должен дальше преследовать отступающего врага.

Марьяна (*увидев входящего с забинтованной головой Павла, рванулась к нему*) — Пашенька... (*помолчав*) Уходите?!

Павел. Уходим, Марьянушка, уходим. (*Берет ее за руки*). Приказ пришел.

Марьяна. Останусь одна, теперича... одна...

Павел. Марьянушка, что ты со мной сделала! (*Крепко обнимает*). Любишь?

Марьяна. Родной мой! Золотой мой!.. Как глянула тогда, голова увязана, чуть не упала. Чай больно тебе?

Павел. Нет, ничего. Пойдешь за меня?

Марьяна. Пойду, родимый, пойду, касатик. Ведь ты один у меня... Уйдешь ты... уйдешь ты — и не с кем слова... Одна... оди-нешенька...

Павел. Ежели бы ты письма мне писала, Марьянушка, с оказией. Будут обозы переходить через нашу деревню, дай — передадут.

Марьяна. Да ведь неграмотная я, Пашенька. А к кому пойдешь, чтоб написали? Вся деревня зараз узнает, места не будет, со света сживут! Кабы грамоте знала.

Павел. А ты начхай на них. Сбегай к учительше. Пускай тебя выучит.

Марьяна. Сбегаю, сбегаю, соколик. Вот как буду учиться, все глаза прогляжу.

Павел. Эх, горлица моя, што ж, думаешь все так и будет? И на нашей улице будет праздник, выпадет и нам счастье. Будешь ждать? Не забудешь?

Марьяна. Али забуду! Прикинулся ты к самому сердцу... Сколько жить буду, буду помнить... Словами ты меня, Паша, взял. Глаза мне разул...

Павел. Ну, прощай, родная. (*Обнимает*). Эх, судьба наша счастливая! Трудно, ой, как трудно, ну зато какое счастье идет! Ну, жди, невдолге буду (*Обнимает, уходит*)¹⁾.

В сцене прощания, написанной Серафимовичем с большой лирической взволнованностью, наглядно выявляются лучшие черты характера не только Марьяны, но и Павла, как убежденного до конца в своей правоте рядового бойца революции и большой души человека, оказавшего решающее влияние на героиню пьесы, на весь строй ее чувств и мыслей.

Отсюда вполне мотивированным оказывается поведе-

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1948, т. 8, стр. 382--384.

ние Марьяны в последующих эпизодах четвертого акта, связанных с неожиданным возвращением домой Степана. По-новому воспринимающая теперь жизнь, решительно настроенная против социального и семейного гнета в какой бы форме они не выражались, Марьяна находит в себе смелость для возражения мужу, высказывающему типично кулацкое суждение о лени, как единственной причине крестьянской бедности.

Степан. Опять же лень. Который человек лентяй -- тот и бедняк, а который трудящийся -- у того все есть.

Марьяна. Помещик наш, стало, умный и до работы лют.

Степан. Помещик -- эта другая статья. Ему последственно, по закону.

Марьяна. Стало быть, по закону на людях ездить можно?

Старуха. А ты не выскакивай поперек мужа. Муж три года дома не был, только рот разявит, а она уж тут как тут¹⁾.

Марьяна теперь хорошо уяснила, что люди, подобные Павлу, «головы свои кладут, жизни своей не жалеют» только потому, что не хотят, чтобы «одному счастье, а тысячам неизмывное горе»²⁾.

Тем страшней и невыносимее для нее мысль, что она должна остаться в этой семье, должна день за днем жить с человеком, непримиримо враждебным и чуждым ей. В небольшом монологе Серафимовичу хорошо удалось передать смятение чувств, которое испытывает героиня пьесы, оставшись наедине.

Марьяна (*некоторое время стоит неподвижно, потом с отчаянием*). Чево же это такое?! Ай сон? Не то правда?.. Ай из смерти люди приходят... Пашенька, иде ты?! Пашенька, родной мой! Как бирюки... Только бы жрать да как нажить... кроме у них ничего нету... Пашенька, тянут меня назад, а я не хочу... не могу... Пашенька, возьми меня отседа... (*Рыдает*). Спаси, Пашенька, -- погибь моя!..»³⁾.

Последние страницы пьесы, особенно сильные по своему драматическому накалу, довершают художественную характеристику Марьяны и еще больше возвышают образ этой женщины, нашедшей в себе мужество решительно порвать со Степаном и его семьей, со всем старым укладом жизни ради того нового, что она уже увидела с «высокой горы», на которую привел ее Павел.

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1948, т. 8, стр. 390.

²⁾ Там же, стр. 394.

³⁾ Там же, стр. 395.

Ярок и художественно убедителен в пьесе «Марьяна» образ младшей сестры Степана, шестнадцатилетней девушки Луши. По замыслу автора, Луша, с ее живым характером, большой любознательностью и полудетской наивностью, должна была олицетворять в произведении ту молодую поросль крестьянства, которая во время раскатов Октябрьской грозы только что начинала свою сознательную жизнь.

Как и в других своих произведениях, Серафимович в пьесе «Марьяна» уделил большое внимание речевой характеристике, видя в ней одно из наиболее значительных средств раскрытия внутреннего содержания не только основных персонажей, но и второстепенных действующих лиц. Нельзя, например, не заметить существенного различия между речью красноармейца-крестьянина Микеша, употребляющего такие выражения, как «гулом веселей»¹⁾, «нынче я в бане здорово выбанился», «на правом фланге здорово расколошматили»²⁾, и речью выходца из мещанско-буржуазной среды Сергеева, пестрящей или бранными выражениями наподобие таких, как «старая хрычевка», «старая карга»³⁾, «сволочи», «издохни собака»⁴⁾, или такими словесными оборотами, как «у моего папаши колбасная заведение была». «опять же тридцать человек кормились округ нашего дела»⁵⁾ и тому подобными.

Характерна по-своему в лексическом и фразеологическом отношении пространная, выдержанная в антисоветском духе, проповедь попа, с которой он обращается в третьем действии к крестьянам, стремясь подорвать у них доверие к советской власти, к Красной Армии. Обращаясь к «мирянам», поп не скупится на такие выражения, как «братие», «покусились», «печать сатанинская», «дети Вельзевула», «скопище злодейское», «плач и стенания»⁶⁾ и т. п. Конструкция фраз в этой речи отличается нарочитой усложненностью.

Прекрасное знание жизни крестьянства и его бытового

1) А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1948. т. 8, стр. 352.

2) Там же, стр. 381.

3) Там же, стр. 343.

4) Там же, стр. 361.

5) Там же, стр. 369.

6) Там же, стр. 363—365.

уклада дало возможность Серафимовичу в пьесе «Марьяна» наряду с другими персонажами создать запоминающиеся образы старика-крестьянина и его жены, наделив их своеобразным строем речи, обильной такими выражениями, как «мы не причинны»¹⁾, «это мы можем»²⁾, «пожар дюже разгорается»³⁾, «разве мысленно», «слезинки николи не сронила», «будя, старая»⁴⁾ и т. д.

Довольно широко использовал в этом произведении Серафимович и фольклорно-песенный материал, а также революционные песни. Так, по ходу развития действия Микеша и другие бойцы поют песню «Во субботу, день ненастный»...⁵⁾, Павел, как указывалось выше, трогательно исполняет рабочую песню о тяжелом труде ткача, красноармейцы дружно подхватывают марсельезу, а уходя из деревни запевают «Смело, товарищи, в ногу!»⁶⁾.

Песенный материал, нашедший свое место в пьесе, усиливал ее сценичность, способствовал воссозданию суровой героини гражданской войны, делал произведение особенно доступным и близким для массового зрителя.

При всех своих бесспорных достоинствах пьеса «Марьяна» не лишена и некоторых недостатков. Вряд ли художественно оправданным, например, можно считать слишком быстрое саморазоблачение и взаимное обвинение друг друга со стороны попа и лавочника в третьем акте, излишне упрощенно, на наш взгляд, очерчена фигура дезертира Сергеева, слишком слабо оказалась представленной в пьесе середняцкая часть крестьянства.

Как сообщает В. Пименов, «постановка «Марьяны» состоялась впервые во Владикавказе, где тогда находился автор. Осуществил ее передвижной театр, сформированный в Москве для обслуживания воинских частей. Премьера прошла с огромным успехом. Затем «Марьяну» поставил Ростовский театр, где спектакль прошел 16 раз при переполненном зале. В Москве и Подмоскowie пьеса шла в рабочих клубах»⁷⁾.

1) А. С. С е р а ф и м о в и ч. Собр. соч. М. 1948, т. 8, стр. 354.

2) Там же, стр. 356.

3) Там же, стр. 360.

4) Там же, стр. 387.

5) Там же, стр. 381.

6) Там же, стр. 384.

7) В. П и м е н о в. Первые революционные пьесы. «Огонек». 1957, № 11, стр. 29.

Большой успех «Марьяны» у зрителей был предопределен идейно-художественной ценностью произведения. На подмостках театров и клубов, которые осуществили постановку этой пьесы, зрители увидели поистине «кусочек современной борьбы и жизни в сценах» в тот период, когда советская драматургия только что зарождалась.

Новый зритель по достоинству оценил драматическое произведение, в котором в живых реалистических картинах изображалось участие народных масс в великих исторических событиях, а также наглядно показывалась ведущая роль Коммунистической партии в воспитании этих масс.

14.

Серьезной заслугой А. С. Серафимовича следует признать то, что, создав одним из первых в советской драматургии социально-бытовую пьесу «Марьяна», он обращается к' другому, не менее значительному жанру, к жанру сатирической комедии, выступая своего рода пионером и в этой чрезвычайно важной области советского искусства. Ко второй годовщине Октябрьской социалистической революции Серафимович среди других произведений, в которых он непосредственно откликнулся как писатель-коммунист на наиболее существенные события того времени, создает комедию-сатиру «Именины в 1919 году».

«В этой одноактной комедии, — заявлял позднее драматург, — я хотел заклеить тогдашних хамелеонов из буржуазной интеллигенции, которые в зависимости от колебаний положения сторон на фронтах гражданской войны, моментально перекрашивались то в белый, то в красный цвет, в душе благословляя Деникина и страстно ожидая от него «избавления» от большевиков»¹⁾.

Известно, что классики марксизма-ленинизма ценили прогрессивное сатирическое искусство прежде всего за его страстный пафос обличения, за уничтожающую противника силу гнева, содержащуюся в подлинно сатирических произведениях. В сатире они видели действенное оружие, которое можно с большим успехом использовать в борьбе против того, что уже обречено историческим хо-

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч., т. 8, стр. 440.

дом событий, но еще продолжает существовать и стремится помешать тому новому, что рождается жизнью.

В высшей степени интересен тот факт, что в период, когда советская республика представляла собой «осажденную всемирным капиталом крепость»¹⁾, Серафимович проявил живой интерес к острой социальной сатире, насыщенной, как мы увидим ниже, злободневным материалом и рассчитанной на сценическое воплощение. «Конечно, — признавался писатель позднее, — такая пьеса в тот напряженный момент борьбы не могла быть поставлена большими московскими театрами, которые в девятнадцатом году не успели еще перестроиться и всецело находились в плену «старых традиций». А в рабочих клубах и на народной сцене моя пьеска все-таки имела неизменный успех»²⁾.

Если мы обратимся непосредственно к произведению «Именины в 1919 году», то наглядно увидим, что успех этой сатирической комедии у массового зрителя первых лет революции был далеко не случаен. Новая пьеса Серафимовича не могла не подкупить такого зрителя своей страстной силой обличения людей, чуждых и враждебных революции и отчетливо выраженной идеей победоносной борьбы Красной Армии в гражданской войне.

В отличие от пьесы «Марьяна», в которой действуют как люди беззаветно преданные делу революции, так и и люди, враждебно встречающие все то новое, что принес с собой Октябрьский переворот, комедия «Именины в 1919 году» характеризуется отсутствием в ней положительных персонажей, если не считать эпизодической фигуры прислуживающего за столом официанта, названного драматургом «служащим».

Положив в основу своей комедии несложную сюжетную ситуацию, основанную на ошибочно воспринятом одним из действующих лиц известии о боевых операциях на фронте, Серафимович не только сумел в нескольких тесно связанных между собою эпизодах в высшей степени живо передать атмосферу настроений, характерных для буржуазной интеллигенции первых лет революции, но и всесторонне изобразить наиболее типичных представителей этой интеллигенции в яркой сатирической форме.

¹⁾ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 29, стр. 417.

²⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. т. 8, стр. 440.

В комедии рассказывается о том, как в разгар гражданской войны, в 1919 году в доме адвоката Александра Эрастовича празднуются именины его жены, Екатерины Ивановны. Постепенно собираются гости: инженер Станислав Константинович, профессор Герасим Иванович, бывший помещик Софрон Андреевич со своей женой, бывший крупный домовладелец Евсей Евсеевич Рундуков, известный артист Николай Николаевич, художник, литератор и некоторые другие лица. Все они, почувствовав себя в родной стихии, злобно брюзжат, изощряются в клеветнических измышлениях по адресу советской власти, вспоминают старое «золотое» время и вместе с тем ведут себя как типичные приспособленцы, якобы лояльно принимающие новый строй и проявляющие интерес к первым распоряжениям советской власти, к личности и деятельности В. И. Ленина. Так артист заявляет во всеуслышание, что «как ни трудно народу, как ни велика разруха, все минется, все возродится», так как возглавляют народ «могучие люди»¹⁾. Хозяин дома-адвокат отзывается о Ленине как о могучем ораторе и огромном стратеге, на словах он готов призывать своих гостей «к советской власти относиться честно»²⁾.

Но вот появляется новое действующее лицо — служащий в военном комиссариате Балаболов с сенсационным сообщением о том, что «советские войска на фронте разбиты вдребезги»³⁾, и все присутствующие — и хозяева, и гости радостными возгласами выражают свое восторженное отношение к этому известию.

Однако торжество этих «осколков разбитого вдребезги» оказывается очень кратковременным. В то время, когда адвокат произносит торжественный спич по поводу предстоящего «избавления» от большевизма, раздается телефонный звонок. Подошедший к телефону инженер узнает, что «не советские войска», а войска белого генерала разбиты наголову; «полки сдаются за полками, сотнями сдаются офицеры»⁴⁾.

После мгновенного оцепенения все действующие лица начинают лицемерно заискивать перед прислуживающим за столом Иваном, перебивая друг друга, с большим жа-

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1948, т. 8, стр. 406.

²⁾ Там же, стр. 407.

³⁾ Там же, стр. 408.

⁴⁾ Там же, стр. 417.

ром говорят о своей любви к народу, а затем, изгнав из своей среды художника и литератора, стараются в финале в разноголосицу запеть революционную песню.

15.

Четкая партийная позиция, которую занимал Серафимович, создавая свою комедию, помогла ему в очень небольшом произведении нарисовать подлинно сатирические, глубоко жизненные для того времени образы.

Прежде всего в изображении драматурга действующие лица комедии «Именины в 1919 году» не только далеки от народа, победившего в революции, но и враждебны по отношению к нему. Так, предвкушая жестокую расправу над рабочими, один из персонажей с чувством нескрываемого злорадства говорит о том, что если такая расправа произойдет, то казнённые по бульварам, «как бордюры, будут чернеть на деревьях»¹⁾. Жгучее чувство ненависти к народу свойственно в одинаковой степени в комедии Серафимовича помещику и его жене, мечтающим получить «хоть развалины, только бы поскорей»²⁾.

Известно, какое исключительно большое значение придавала наша партия в годы гражданской войны делу восстановления народного хозяйства. Именно в этот период большое распространение получили в стране коммунистические субботники, представлявшие собой, по меткому определению В. В. Маяковского:

Свободный труд
свободно
собравшихся людей.

Назвав первый коммунистический субботник, проведенный 10 мая 1919 года, «великим почином», В. И. Ленин увидел в субботниках конкретное проявление коммунистического отношения к труду, «фактическое начало коммунизма».

Успехи на трудовом фронте основатель и вождь коммунистической партии ставил в непосредственную связь с дальнейшими судьбами государства рабочих и крестьян. «Производительность труда, — писал он в статье «Великий почин», — это, в последнем счете, самое важное, са-

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1948, т. 8, стр. 408.

²⁾ Там же, стр. 412.

мое главное для победы нового общественного строя»¹⁾).

В ряде своих рассказов и очерков, написанных в 1918—1920 гг., Серафимович, всегда проявлявший повышенный интерес к теме труда, наглядно выразил свое отношение к созидательной деятельности освобожденного революцией народа. Так, например, в очерке «Два воскресника» он взволнованно рассказал о голодных и плохо одетых краснопресненцах, которые с радостью и гордостью за свой труд работали на воскреснике, хорошо понимая, что они строят «свою, а не чужую судьбу»²⁾).

В другом очерке «Из развалины — жизнь», указывая на то, что в Петрограде, «как и всюду, идет восстановление труда», Серафимович с гордостью говорил о питерских металлистах, швейниках, текстильщиках, все более и более сознающих, что они, «голодные, холодные, измученные, на разбитых станках и машинах должны напряженно работать, и тогда победа, тепло, сытость, человеческая жизнь, иначе еще больший голод, холод, гибель, смерть»³⁾).

Вместе с тем, Серафимович хорошо знал, что совершенно иным было отношение к восстановлению народного хозяйства со стороны буржуазной интеллигенции и прежде всего той ее части, которая, враждебно встретив Октябрьскую революцию, не переставала верить, особенно на первых порах, в возможность реставрации капитализма. В этом отношении заслуживает особого внимания в комедии Серафимовича фигура инженера Станислава Константиновича, которого драматург изображает как внешне спокойного и уравновешенного человека и, в то же время, как цинично расчетливого вредителя, широко пользующегося методом саботажа. «Подземная работа», как называет инженер саботаж, по его мнению, «разрушительнее пулеметов, винтовок, восстаний». В этой подземной борьбе, — поучает инженер, — необходимы хладнокровие, невозмутимый расчет и спокойствие. «Мы приспособляем старый завод под паровозоремонтный. Он дозарезу нужен. Работа у нас кипит, но всюду — водяные глаза, и завод ни с места вот уже девятый месяц»⁴⁾).

¹⁾ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, том 29, стр. 394.

²⁾ А. С. Серафимович. Полн. собр. соч. ГИЗ, М.—Л. 1928, т. 14, стр. 273.

³⁾ Там же, стр. 219.

⁴⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1948, т. 8, стр. 411.

Таким образом, Серафимович не только сурово заклеивал «специалистов», подобных инженеру, уже в то время вставших на путь вредительства, но и показал тайные методы борьбы против советской власти, которые применяли такие лица.

Включив в состав действующих лиц своей комедии литератора, художника и артиста, Серафимович вполне естественно затронул наряду с другими вопросами и такой актуальный для того времени вопрос, как вопрос об искусстве, его состоянии и дальнейших перспективах развития. В высшей степени примечательно, что в тот период, когда советская литература, живопись и театральное искусство делали свои первые шаги, Серафимович использовал свою комедию для резкого сатирического осуждения безыдейного, чуждого народу искусства, пропагандируя которое буржуазные эстеты первых лет революции стремились сбить новое социалистическое искусство с единственно правильного пути, определенного и указанного В. И. Лениным, Коммунистической партией.

И литератор, и художник изображены Серафимовичем как типичные представители безыдейного декадентского искусства. Явившись на именины, литератор читает бессмысленные вирши, посвященные хозяйке дома.

Художник приносит в дом адвоката картину, которую дарит имениннице. По ремарке автора на картине «кубические люди, длинные четырехугольные носы, невиданные, уродливые дома».

Воспроизводя разговор, возникший среди гостей в связи с оценкой картины («Обворожительно!», «Я никак не разберу: сзади это или спереду», «Как оригинально! Ни на что не похоже») ¹⁾, Серафимович остроумно высмеял не только художника с его нелепой бессмысленной картиной, но и ценителей такого рода «искусства».

Как писатель, особенно близко принимавший к сердцу дальнейшие судьбы русского искусства, Серафимович видел свою задачу не только в том, чтобы осудить художника с его претенциозными потугами на оригинальность. Он дал в своей комедии совершенно правильную политическую оценку таким реакционным направлениям в области живописи, как, например, кубизм, указав на тот

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1948, т. 8 стр. 405.

огромный вред, который наносили делу развития пролетарского искусства подобные течения. Тот же художник хвастливо заявляет, что «тлетворная зараза «кубистов» проникает... и к рабочим художникам, литераторам, поэтам»¹⁾).

Насколько своевременной была тревога Серафимовича за искусство, нашедшая свое отражение в комедии, свидетельствует то, что в том же 1919 году, выступая с приветственной речью на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию, В. И. Ленин как на один из недостатков в области культурной работы указывал на «обилие выходцев из буржуазной интеллигенции, которая сплошь и рядом образовательные учреждения крестьян и рабочих, создаваемые по-новому, рассматривала как самое удобное поприще для своих личных выдумок в области философии или в области культуры, когда сплошь и рядом самое нелепейшее кривляние выдавалось за нечто новое, и под видом чисто пролетарского искусства и пролетарской культуры преподносилось нечто сверхъестественное и несуразное»²⁾).

С явной целью сатирического изобличения выведена Серафимовичем в его комедии и фигура артиста, дополняющего галерею приспособленцев; вышедших из среды буржуазной интеллигенции. В своей статье «О театре», написанной тогда же, когда была написана и комедия, Серафимович указывал на то, что «среди артистов-профессионалов есть люди, — всем сердцем, всей душой преданные революции и рабочему классу...»³⁾).

Артист Николай Николаевич, изображенный в комедии «Именины в 1919 году», ничего общего с этой категорией честных деятелей сценического искусства не имеет. Более того, хамелеонство, как наиболее характерная черта, свойственная почти всем действующим лицам произведения, пожалуй, в особенно наглядной и отвратительной форме выступает именно у артиста. Если в начале комедии он ведет себя довольно сдержанно, то позднее, когда под влиянием известия Балаболова страсти разгорелись, из его уст извергаются целые потоки брани и клеветнических измышлений по адресу «варваров», посягнув-

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1948, т. 8, стр. 415.

²⁾ В. И. Ленин. Сочинения. Изд. 4, т. 29, стр. 308.

³⁾ А. С. Серафимович. Полн. собр. соч. ГИЗ М.—Л. 1928, т. 14, стр. 159.

ших якобы «на святая святых всего человечества — па искусство»¹⁾).

В финале же произведения, узнав истинную правду о положении на фронте, артист, быстро «перестроившись», с таким же жаром начинает поносить «свинные рыла», «обожравшиеся золотые мешки»²⁾, которые заполняли театр до революции, и вдохновенно, по ремарке автора, читает стихи Некрасова.

Крайняя беспринципность, свойственная действующим лицам комедии, проявляется и во многом другом. Так, например, характерны резкие переходы в обращении с прислуживающим за столом Иваном, которого хозяева и гости то называют презрительно «челаэком»³⁾, то «товарищем»⁴⁾, перед которым тут же трусливо начинают заискивать. Взаимно восхваляя друг друга, участники именин вместе с тем готовы по любому поводу тайком порочить один другого. Выслушав стихи литератора, адвокат замечает, что это красиво и оригинально, а затем, обращаясь к инженеру, высказывает свое убеждение в том, что литератор эти стихи непременно у кого-нибудь украл.

В своей сатирической комедии Серафимович наглядно давал понять зрителю, что в той социальной среде, которую он изображал, оказались расшатанными и моральные устои.

Комедия «Именины в 1919 году» была написана Серафимовичем темпераментно, с большим творческим вдохновением. В ней мы находим не только пафос гневного осуждения пороков и недостатков, свойственных в той или иной степени буржуазной интеллигенции первых лет революции, но и рассыпанные по всему произведению блески юмора, которым так хорошо владел автор «Железного потбка», и оригинально задуманные подлинно комические сюжетные ситуации, и тщательно выписанные реалистические характеры с их строго индивидуализированной в зависимости от рода занятий, от степени умственного развития и от других чисто индивидуальных свойств речью. Так, например, в то время, как профессор Герасим Иванович, произнося высокопарные речи о

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1948, т. 8, стр. 414.

²⁾ Там же, стр. 418—419.

³⁾ Там же, стр. 409.

⁴⁾ Там же, стр. 417.

«железных законах»¹⁾ истории, пользуется сложными периодами, привлекает для красочности сравнения и метафоры, лаконичная речь торгаша Рундукова пестрит такими выражениями, как «в чем мать родила»²⁾, «миллиона полтора просадила»³⁾, «деньги — не сор»⁴⁾.

Весной 1920 года на одном из фронтов гражданской войны погиб сын А. С. Серафимовича Анатолий Александрович. Узнав об этом, В. И. Ленин в тот же день отправил Серафимовичу письмо. «Я крайне сожалею, — писал В. И. Ленин, — что мне не удалось осуществить свое желание почаще видаться и поближе познакомиться с вами. Но Ваши произведения и рассказы сестры внушили мне глубокую симпатию к Вам, и мне очень хочется сказать Вам, как *нужна* рабочим и всем нам Ваша работа и как необходима для Вас твердость теперь, чтобы перебороть тяжелое настроение и *заставить* себя вернуться к работе. Простите, что пишу наскоро. Еще раз: крепко, крепко жму руку. Ваш Ленин»⁵⁾.

Думается, что драматические произведения Серафимовича должны быть отнесены, наряду с прозой, к числу тех произведений, о которых с такой отеческой теплотой говорил Владимир Ильич.

Ранние пьесы Серафимовича — «Разбитый дом» и «Девушка за стеной» и сейчас читаются с живым интересом, они не могут оставить равнодушным советского человека, так как в них в высшей степени правдиво, с большой силой драматизма и художественного мастерства запечатлены отдельные стороны русской предреволюционной действительности. Написав по горячим следам революции и гражданской войны пьесу «Марьяна» и комедию «Именины в 1919 году», Серафимович выступил как один из наиболее видных зачинателей советской драматургии.

Отличающиеся высокой идейностью, партийной страстностью, эти произведения сохранили свою большую художественную и познавательную ценность до наших дней.

¹⁾ А. С. Серафимович. Собр. соч. М. 1948, т. 8, стр. 409.

²⁾ Там же, стр. 404.

³⁾ Там же, стр. 415.

⁴⁾ Там же, стр. 411.

⁵⁾ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 35, стр. 383.

В. В. ГУРА

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ
РОМАНА М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»¹⁾

1.

На рубеже тридцатых годов советская литература вступила в новый этап своего развития. Успехи ее были тесно связаны с большими политическими, экономическими и культурными достижениями в нашей стране.

Грандиозное социалистическое строительство, развернувшееся в СССР, уже к 1929 году, продемонстрировало громадные успехи и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в области социалистической культуры. Подводя итоги 1929 года, И. В. Сталин назвал его «годом великого *перелома* на всех фронтах социалистического строительства»²⁾. Мощный размах и быстрый темп индустриализации создали базу для социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Колхозное движение охватило миллионы крестьянских хозяйств. Вступая в колхозы целыми селами и районами, крестьяне сметали кулачество со своего пути, ломали его сопротивление. В результате правильной политики партии решительно повернули к социализму, пошли в колхозы середняцкие массы. Создав необходимую материальную базу для развития социалистического хозяйства, партия перешла от политики ограничения кулачества к политике ликвидации его как класса на основе сплошной коллективизации.

¹⁾ Настоящая статья представляет часть работы «Творческая история романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» и является продолжением статей, ранее опубликованных в «Ученых записках» ВГПИ: «Донские рассказы» — предистория «Тихого Дона» (1950, т. VII), «История создания первой книги романа М. Шолохова «Тихий Дон» (1953, т. XII), «История создания второй книги романа М. Шолохова «Тихий Дон» (1956, т. XVIII).

²⁾ И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 118.

Во всех областях деятельности народа шла борьба за новую жизнь, в процессе которой крепла энергия и творческая инициатива масс, менялись взгляды, психология людей, ширился их идейный кругозор, рождались новые чувства и отношения. Успехи социалистического строительства обусловили значительные перемены и в среде старой интеллигенции, которая повернула в сторону советской власти.

Постоянная забота Коммунистической партии о росте писательских сил, бережное воспитание квалифицированных «специалистов» литературной техники — все это обеспечило условия для более быстрого перехода на сторону коммунистической идеологии тех писателей, которые колебались и не понимали характера советского строя.

Выросшая и окрепшая в борьбе с реакционными влияниями и буржуазной идеологией советская литература становилась на путь все более широкого охвата жизни, бурно развернувшегося социалистического преобразования страны.

В 1929 году М. Горький основывает журнал «Наши достижения», публикуя на его страницах очерки об успехах социалистического созидания. В. Маяковский выступает со стихами, в которых рисует яркие образы строителей социализма, пишет вступление к большой поэме о пятилетке. Н. Погодин и А. Безыменский создают новые пьесы о событиях современности. Л. Леонов публикует в 1930 году роман «Соть». Почти одновременно с этим произведением появляется «Гидроцентральный» М. Шагинян, «Большой конвейер» Я. Ильина. Увлеченный пафосом социалистической индустриализации, В. Катаев едет на Урал и в 1932 году печатает роман «Время, вперед!». К изображению успехов социализма обращается и И. Эренбург. Его романы «День второй» и «Не переводя дыхания» свидетельствовали об идейно-художественном росте писателя.

Широкое отражение в литературе находят успехи колхозного строительства: В. Ставский создает книгу очерков «Разбег», И. Шухов — повесть «Ненависть», К. Горбунов — роман «Ледолом», Ф. Панферов продолжает работу над романом «Бруски». Писатели рисуют трудовые будни и подвиги народа, прослеживают его пути к новой жизни.

Мимо больших революционных событий того времени, мимо движения миллионных масс крестьянства, борю-

шихся против кулацкой кабалы за свободную колхозную жизнь, не мог пройти и Шолохов. Продолжая работу над третьей книгой «Тихого Дона», он обращается к созданию нового романа — «Поднятая целина». «Я писал «Поднятую целину», — рассказывает Шолохов, — по горячим следам, в 1930 году, когда еще были свежи воспоминания о событиях, происходивших в деревне и коренным образом перевернувших её: ликвидация кулачества как класса, сплошная коллективизация, массовое движение крестьянства в колхозы»¹⁾.

В проведении коллективизации на Дону Шолохов принимал самое непосредственное и живое участие. Он непримиримо боролся с перегибами в колхозном движении, участвовал в создании первого тракторного отряда в Вешенском районе, выступал со статьями, в которых говорил о высоких задачах, стоящих перед казаками Дона²⁾. В очерке «Бригадир Грачев», рассказывая о героизме труженников сельского хозяйства, Шолохов писал:

«Грачев понял и крепко решил, что к старому, к единоличному нет возврата, так же как нет возврата от трактора к быку». «Грачевых — этих подлинных героев нашего времени — миллионы. Будущее принадлежит им»³⁾.

Писатель пристально всматривался и активно вмешивался в жизнь, кипевшую в те дни на берегах «тихого Дона». Из нее он черпал материал для своего нового романа. Прекрасное знание жизни в сочетании с глубоким пониманием политики партии по вопросам коллективизации деревни определило четкие идейно-художественные позиции Шолохова — помогло ему отобрать из жизни и типизировать те конкретные социально-исторические явления, которые выявляли смысл и значение происходивших в стране перемен. Автор «Поднятой целины» сосредоточил свое внимание на идее единства партии и народа в коллективизации, поставил своей задачей показать прочный союз рабочих и крестьянских масс, руководящую роль партии и рабочего класса в деревне.

¹⁾ «Молот», Ростов н/Д, 1934, 8 октября, № 4004, стр. 3.

²⁾ М. Шолохов. За перестройку. «Большевистский Дон», Вешенская, 1931, 20 октября, № 130, стр. 1.

³⁾ М. Шолохов. Бригадир Грачев. «Большевистский Дон», Вешенская, 1931, 7 ноября, № 134, стр. 4.

Создавая «Поднятую целину», Шолохов внимательно изучал решения съездов партии, постановления о коллективизации, работы И. В. Сталина. Указания партии этих лет, большие революционные события периода коллективизации осветили не только работу писателя над «Поднятой целиной». Они помогали ему глубже понять события, положенные в основу третьей книги «Тихого Дона».

Эта часть романа почти целиком посвящена изображению восстания казаков на верхнем Дону в 1919 году, которое возникло, как считает Шолохов, «в результате перегибов по отношению к казаку-середняку»¹⁾.

Раскрывая свои творческие замыслы, рассказывая о причинах возникновения этого восстания, Шолохов писал А. М. Горькому: «Думается мне, Алексей Максимович, что вопрос об отношениях к среднему крестьянству еще долго будет стоять и перед нами и перед коммунистами тех стран, которые пойдут дорогой нашей революции. Прошлогодня история с коллективизацией и перегибами, в какой-то мере аналогичными перегибам 1919 г., подтверждает это»²⁾.

А. С. Серафимович, побывавший на Южном фронте в 1919 году, в самые тревожные дни восстания Верхне-Донского округа, так же указывал на отдельные перегибы по отношению к казакам со стороны лиц, «примазавшихся к коммунистам и даже коммунистов, опозоривших себя злоупотреблениями и насильями»³⁾.

Однако причины казачьего восстания в 1919 году надо искать не только в перегибах со стороны отдельных представителей советской власти, а в наличии среди казачества значительной зажиточной верхушки, сословных традиций. Предательскую роль сыграл и Троцкий, который намеренно искажал указания партии, проводя политику «расказачивания» казаков. Этим воспользовались деникинские и красновские эмиссары, скрывавшиеся в Верхне-Донском округе. Используя зажиточную казачью верхушку, играя на сословных чувствах казаков, сея прово-

¹⁾ Из неопубликованного письма М. А. Шолохова к А. М. Горькому. 6 июня 1931 г. ст. Вешенская. Цитируется по копии письма, представленной нам И. Г. Лежневым.

²⁾ Там же.

³⁾ А. Серафимович. Собр. соч., т. VIII, М., Гослитиздат, 1948, стр. 100.

кационные слухи о массовых грабежах и расстрелах казачества, они сумели превратить разновременные повстанческие вспышки в организованное выступление.

Продолжая работу над «Тихим Доном» в условиях обострившейся классовой борьбы периода коллективизации сельского хозяйства, Шолохов добивался яркой передачи непримиримого столкновения двух лагерей и в годы гражданской войны. Необходимость разоблачения старого мира, контрреволюционных сил диктовалась всем ходом развития нашего общества, строительством социализма, которое происходило в условиях преодоления трудностей и противоречий.

Остроту классовой борьбы в годы гражданской войны, сложность путей казачества в революции, Шолохов подчеркивает эпиграфом к первому отдельному изданию третьей книги:

Как ты, батюшка, славный тихий Дон,
Ты кормилец наш, Дон Иванович,
Про тебя лежит слава добрая,
Слава добрая, речь хорошая,
Как бывало ты все быстер бежишь,
Ты быстер бежишь, все чистехонек,
А теперь ты, Дон, все мутен течешь,
Помутился весь сверху донизу.
Речь возговорит славный тихий Дон:
«Уж как-то мне все мутну не быть,
Распустил я своих ясных соколов,
Ясных соколов — донских казаков,
Размываются без них мои круты бережки,
Высыпаются без них косы желтым песком»¹⁾).

Эта старинная казачья песня призвана особо подчеркнуть специфику третьей книги романа, выразить отношение автора к тому, что «тихий Дон» помутился весь сверху донизу», распустил своих «ясных соколов — донских казаков». В песне аллегорически выражен отход казачества от былых революционных традиций. Эпиграф указывает на то, что в третьей книге изображен самый напряжен-

¹⁾ Ср. Сборник донских народных песен. Сост. А. Савельев. СПб, 1866, с. 115—116. Здесь имеются лишь незначительные различия с текстом, приведенным Шолоховым в «Тихом Доне». Ср. строки 7, 8, 13. Приводим их полностью: «А теперь ты, кормилец, все мутен течешь, Помутился ты, Дон, сверху донизу»; «Размываются без них круты бережки». В сборнике А. Пивоварова этой песне дано название «Дон отпустил своих сынов на войну» (Сб. «Донские казачьи песни», Новочеркасск, 1885, с. 106).

ный, переломный момент на пути казачества в революции.

В это время перед советской литературой, как и на всех этапах ее развития, стояла задача создания типического образа положительного героя. Шолохов с самого начала работы над «Тихим Доном» хорошо понимал необходимость решения этой проблемы. Особенно плодотворно он решил ее в «Поднятой целине», а в третьей книге «Тихого Дона» выдвигал на первый план фигуру коммуниста из среды казаков — Михаила Кошевого. И в этом отношении третья книга романа знаменовала шаг писателя вперед, упрочение в его творчестве метода социалистического реализма.

2.

Работу над третьей книгой «Тихого Дона» М. Шолохов начал уже в 1928 году¹⁾, ей был посвящен и весь 1929 год.

Особенно плодотворным на творческом пути писателя было начало 30-х годов. В это время, напряженно работая над «Поднятой целиной», писатель завершал и третью книгу «Тихого Дона», дописывал и перерабатывал ее последние страницы.

Работа над «Тихим Доном» продолжалась в атмосфере исключительно напряженной идейной борьбы вокруг этого романа. Рапповская критика по-прежнему обвиняла Шолохова в том, что на его творчество «влияют кулацкие настроения», силилась доказать, что уже первая книга «Тихого Дона» «проникнута эмоциями безмятежного слияния с природой и великого счастья полурастительного существования трудового собственника», что писатель поэтизирует старый «тихий Дон», «естественного мужика»²⁾ и т. д.

Мало того, завистники и недоброжелатели из литературных кругов обвинили Шолохова в плагиате! Придумывая различные клеветнические версии, они всячески раздували их и распространяли в литературных кругах грязные слухи о том, что автором «Тихого Дона» является якобы не Шолохов, а некий убитый в годы гражданской

¹⁾ Отрывок из первой главы третьей книги «Тихого Дона» был опубликован в ростовской газете «Молот» (1928, 28 декабря, № 2224, с. 5) под названием «Казачья «Война и мир».

²⁾ «На лит. посту», 1930, № 11, стр. 44, 46.

войны белый офицер, из полевой сумки которого Шолохов будто бы извлек рукопись и выдал ее за свою. В издательствах, где печатался «Тихий Дон», раздавались телефонные звонки и неведомые люди сообщали, что к ним сейчас явится старушка, мать автора «Тихого Дона», желающая восстановить авторство «покойника сына».

Однако таинственная старушка не являлась, а клевета распространялась все шире и даже проникла в печать.

Злопыхательские выпады и грязная клевета систематически отвлекали Шолохова, мешали работать. В марте 1929 года на страницах «Правды» с открытым письмом, обличающим клеветников¹⁾, выступила группа писателей (А. Серафимович, А. Фадеев, В. Ставский и др.), хорошо знавших процесс работы Шолохова над романом, черновики его рукописей. После этой поддержки, оказанной Шолохову партийной печатью и пролетарскими писателями, голоса клеветников и злопыхателей смолкли. Шолохов получил возможность продолжать работу над романом.

Ростовский журнал «На подъеме» из номера в номер сообщал, что в 1929 году на его страницах будет продолжено печатание «Тихого Дона». Однако работа над третьей книгой, в основном к этому времени уже написанной, затягивалась. В одном из писем Шолохов прямо сообщал о том, что он не имеет возможности продолжить печатание романа: «Хочу поставить тебя в известность, что в этом году печатать в «Октябре» «Тихий Дон» не буду. Причина проста: я не смогу дать продолжение, т. к. 7 часть у меня не закончена и частично перерабатывается шестая. У меня этот год весьма урожайный: не успел весной избавиться от обвинения в плагиате, еще не отгребели рулады той сплетни, а на носу уже другая...²⁾».

Дело в том, что в ростовской комсомольской газете «Большевистская смена» была напечатана статья «Творцы чистой литературы», автор которой, пользуясь исключительно обывательскими слухами, пытался опорочить Шолохова, как общественного деятеля и пролетарского писателя. Шолохову пришлось снова отложить рукопись, выехать в Ростов и вызвать комиссию для расследования клеветнических «фактов». «Обвинения эти лживы на-

¹⁾ «Правда», 1929, 29 марта, № 72, стр. 4.

²⁾ Из неопубликованного письма М. Шолохова, 3 октября, 1929 г. Ростов н/Д. Архив ИМЛИ, П. 68. 1051.

сквозь, — писал Шолохов в редакцию «Большевистской смены» 4 октября 1929 г. — Считаю своим долгом заявить, что я целиком и полностью согласен с политикой партии и советской власти по крестьянскому вопросу. Я твердо убежден в том, что в период реконструкции сельского хозяйства нажим на кулака, задерживающего хлебные излишки, есть единственно правильная линия. Уже по одному этому я не мог быть защитником кулацких интересов» ¹). Вскоре специальной комиссией было установлено, что «выдвинутые против тов. Шолохова обвинения являются гнуснейшей клеветой и при расследовании ни одно из этих обвинений не подтвердилось» ²).

Однако и на этот раз Шолохов был надолго оторван от работы над романом. «Надоела мне эта жизнь очень шибко, — писал он, — решил: ежели еще какой-нибудь гад поднимет против меня кампанию, да вот с этим гнусным привкусом, объявить в печати, так и так, мол, выкладывайте *вся и все*, что имеете: два месяца вам сроку. Подожду 2 месяца, а потом начну работать. А то ведь так: только ты за перо, а «нечистый» тут, как тут, пытается: «А ты не белый офицер? А не старуха за тебя писала романишко? А кулаку помогаешь? А в правый уклон веруешь?». В результате даже из такого тонко воспитанного человека, как я, можно сделать матерщинника и невежду, да еще меланхолию навесить ему на шею...» ³).

Кампания клеветы против Шолохова была вновь поднята в 1930 году, когда писатель завершал третью книгу романа.

«Горячая у меня пора сейчас, — писал М. А. Шолохов Серафимовичу, — кончаю третью книгу, а работе такая обстановка не способствует. У меня рука останавливается, и становится до смерти нехорошо. За какое лихо на меня в третий раз ополчаются братья-писатели? Ведь это же все идет из литературных кругов» ⁴).

Кроме того, в начале 1930 года Шолохову отказали

¹) Письмо тов. М. Шолохова. «Большевистская смена», Ростов н/Д, 1929, 6 октября, № 230, с. 4. Письмо было опубликовано также в газете «Молот» и журнале «На подъеме» (1929, № 10, с. 94—95).

²) «На подъеме», Ростов н/Д, 1929, № 11, стр. 99.

³) Из неопубликованного письма М. Шолохова. 3 октября 1929 г., Ростов н/Дону, Архив ИМЛИ, П. 68. 1051.

⁴) Письмо М. А. Шолохова А. С. Серафимовичу. Станица Вешенская, 1 апреля 1930 г. ЦГАЛИ, ф. № 457, оп. I, ед. хр. № 355, л. 5.

в публикации «Тихого Дона». Сообщая об этом Серафимовичу, Шолохов просил его прочитать эту часть романа и изложить свои взгляды на нее¹⁾.

Поддержанный партией и ведущими пролетарскими писателями, Шолохов находил в себе силы для завершения шестой части романа. В декабре 1929 года журнал «На подъеме» сообщил, что Шолохов «заканчивает третью книгу «Тихого Дона», а в конце мая 1930 года в Ростове состоялся организованный СКАПП-ом литературный вечер, на котором Шолохов прочитал отрывки из шестой части романа (в частности, главу о смерти Петра Мелехова). После обсуждения зачитанных глав, писатель выступил с заключительным словом, в котором предупредил, что основные его мысли найдут полное выражение в целом произведении. Большую трудность в освещении борьбы красных отрядов с повстанцами писатель объяснял отсутствием материала по вешенскому восстанию. Шолохов сказал, что «сам недоволен последними частями романа» и хочет «основательно обработать их». Отвечая на вопросы, он обещал читателям закончить третью книгу «к осени этого года»²⁾.

В июньском номере журнала «На подъеме» за 1930 год Шолохов впервые напечатал XIII, XIV, XV, XXVI, XXVII главы из шестой части романа. Сравнивая эти главы с текстом, который был впоследствии опубликован в «Октябре», можно убедиться, что Шолохов действительно «основательно перерабатывал» многие неудовлетворявшие его главы. В это же время писалась и седьмая часть романа. Это и давало Шолохову возможность обещать читателям, что в 1931 году «Тихий Дон» будет полностью завершен³⁾.

3.

Воссоздание картины противоречивого, сложного движения казачества в революции было связано с предварительным, тщательным изучением исторических источников, архивных документов. Шолохову приходилось часто пре-

¹⁾ ЦГАЛИ, ф. № 457, оп. 1, ед. хр. № 355, л. 4 об.

²⁾ Беседа Мнх. Шолохова с читателями. «На подъеме», Ростов н/Д, 1930, № 6, стр. 171—172.

³⁾ М. Шолохов. Автобиография. В его кн.: Лазоревая степь, Донские рассказы 1923—1925 гг. М., Москв. т-во писателей, 1931, стр. 13.

рывать работу для того, чтобы собрать необходимые в дальнейшем материалы. «Когда выяснялось, что нужны архивные или исторические данные, писатель прерывал работу на месяц, другой и уезжал в Ростов или Москву, рылся в архивах. Особенно интересовали его газеты первых лет советской власти»¹⁾. И действительно, в третьей книге Шолохов не только использует сообщения различных газет при освещении событий, происходивших на Дону в 1919 году, но и непосредственно включает эти сообщения в историко-хроникальные описания.

«Материала у меня обилие, — говорил Шолохов в одной из бесед. — Все дело в том, чтобы этот материал не задавил, чтобы суметь его обобщить, переработать, отобрать наиболее значительное и политически действенное, чтобы каждый эпизод и каждая деталь несли свою нагрузку»²⁾. Несмотря на обилие скопившихся у писателя исторических фактов, дело осложнялось тем, что в третьей книге нужно было дать, по его словам, картину «вешенского восстания, еще не освещенного нигде»³⁾.

В годы, описываемые в третьей книге «Тихого Дона», Шолохов жил на Дону, многое видел своими глазами. Однако юношеские впечатления он всегда стремился подкреплять многочисленными рассказами очевидцев и участников событий. Во время работы над третьей книгой писатель часто выезжал в хутора и станицы, расспрашивая у жителей подробности о вспыхнувшем в 1919 году восстании, изучал те места, где разворачивались события, выяснял ход отдельных боевых операций, носивший чисто местный характер. Старожилы, вспоминая былое, и сейчас удивляются тому, как юный Шолохов смог увидеть и передать в романе правду тех лет. А. А. Попов, например, сам пережил и видел многое из того, что описано в «Тихом Доне». Он помнит Секретевский прорыв, был свидетелем восстания Фомина в Вешенской, наблюдал переправу повстанцев у хутора Громченки. «Все было так, как описывает Шолохов, — утверждает А. А. Попов. — Он очень внимательно выслушивал рассказы стариков, добываясь точности, выяснял все, что не пришлось увидеть».

Воссоздавая пути казачества в революции, Шолохову

¹⁾ «Известия», 1940, 12 июня, № 134, стр. 5.

²⁾ В. Кетлинская. Михаил Шолохов. «Комсомольская правда», 1934, 17 августа, № 191, стр. 3.

³⁾ «На подъеме», Ростов н/Д, 1930, № 6, стр. 172.

пришлось проделать сначала огромную работу историка, собрать материал, освещающий борьбу отрядов Красной Армии на Дону, уточнить размеры восстания, которое в течение трех месяцев, по словам писателя, «как язва, разъедало тыл красного фронта, требовало постоянной переброски частей, препятствовало бесперебойному питанию фронта боеприпасами и продовольствием, затрудняло отправку в тыл раненых и больных» (VII, 11) ¹⁾.

«Характерно, — пишет Шолохов, — что доподлинные размеры Верхне-донского восстания не установлены нашими историками, работающими по воссозданию истории гражданской войны, и до настоящего времени» (VII, 11). Писатель сообщает, что даже Реввоенсовет республики не был «достаточно осведомлен об истинных размерах восстания» (VII, 11).

В результате кропотливых разысканий Шолохову удалось установить, что «повстанцев было не 15000 человек, а 30000 — 35000; причем, вооружение их в апреле-мае составляло не «несколько пулеметов», а 25 орудий (из них 2 мортирки), около 100 пулеметов и по числу бойцов почти полное количество винтовок». Шолохов устанавливает так же, что восстание на правом берегу Дона не было подавлено в конце мая 1919 года: «Красными экспедиционными войсками была очищена территория правобережья от повстанцев, а вооруженные повстанческие силы и все население отступили на левую сторону Дона. Над Доном, на протяжении двухсот верст, были порыты траншеи, в которых поселились повстанцы, оборонявшиеся в течение двух недель, до Секретевского прорыва, до соединения с основными силами Донской армии» (VII, 11).

В сравнении с предшествующими книгами романа несколько изменяется характер использования исторических материалов. Лишь четыре главы написаны на основе обильного использования источников (I, IV, XI, XIV). Эти главы рисуют белогвардейский лагерь.

В LVII главе дана общая характеристика военного положения на Южном фронте, состояние воюющих сторон. В основном же Шолохов изредка прибегает к небольшим историко-описательным вставкам и введениям в главы

¹⁾ Ссылки на «Тихий Дон» в тексте статьи даны по первоначальной публикации третьей книги романа в журнале «Октябрь». В публикациях 1929 г. указывается год, номер журнала, страница (29, I, 64). 1932 года — номер журнала, страница (I, 6).

(см. II, VII, X, XXXII, XXXVIII, XXXIX, XLVI, XLVIII, LIX и др. гл. по отд. изд.). Конкретный исторический факт (напр., бунт 204 Сердобского полка, сдавшегося белоказакам) служит лишь основой исторической картины, органически вплетающейся в сюжет романа. Писатель не просто воспроизводит факты, имевшие место в действительности, а разворачивает их в художественное повествование.

Значительно умереннее вводятся в текст и исторические документы: 1) Письмо генерала Краснова императору Вильгельму (Опубликовано в «Архиве русской революции», т. V, Берлин, 1922, с. 212); 2) Газетная информация о боях на филоновском направлении в сентябре 1918 года (газета «Верхне-Донской край»); 3) Листовка «Восстание в тылу» (Опубликована в газете «В пути», 1919, 12 мая); 4) Приказ по экспедиционным войскам. 8. № 100. Богучар, 25 мая 1919 г.

Описательное сообщение Краснова о том, что он телеграфом отдал приказ Фомину образумиться и стать на позицию и что тот ответил ему площадной бранью, дается в виде телеграфного разговора, принимая характер документа.

Часть документов, главным образом эпистолярного характера, связана с руководителями внешнего восстания: 1) Письмо члена повстанческого штаба Григорию Мелехову; 2) Воззвание о сборе свинца для литья пуль; 3) Письмо Кудинова Богатыреву; 4) Письмо Кудинова Григорию; 5) Приказ Кудинова о наступлении и ответ Григория. Приводится так же телеграфное сообщение о прибытии войск «союзников» и список арестованных врагов советской власти, препровождающихся в распоряжение следственной комиссии при ревтрибунале 15 Инзенской дивизии.

Если во вторую книгу Шолохов продолжал вводить не только лиц эпизодического характера, но и персонажей второго плана, которые становились в центре описываемых событий и отодвигали на второй план главных героев (количество персонажей к концу второй книги дошло до 400), то все введенные в третью книгу персонажи (их около 100) — или только упоминаемые, или, чаще, эпизодические лица, необходимые для воссоздания той новой среды, в которой раскрываются характеры главных героев.

В отличие от второй книги, где Григорий появляется

лишь в некоторых главах, а все действия сосредотачивались вокруг Бунчука и Анны Погудко, Подтелкова и Кривошлыкова, в третьей книге почти все события связаны между собой через Григория Мелехова и призваны значительно шире осветить его пути и пути казачества на данном этапе (с конца апреля 1918 года по 19 мая 1919 года).

Освещение революционной борьбы на Дону требовало расширения круга действующих лиц романа. Вновь появляется Штокман, освещается деятельность Ивана Алексеича Котлярова, значительно полнее раскрывается характер Кошевого, вводятся эпизодические образы красноармейцев, комиссаров, среди которых особенно выделяется фигура командира карательного отряда 8 Красной Армии коммуниста Лихачева.

Живя на Дону в годы гражданской войны, Шолохов своими глазами видел, как тяжело складывались в водовороте событий судьбы людей, боровшихся за новую жизнь. С детства знал он и Ивана Алексеевича Сердинова, машиниста плешаковской мельницы. Д. М. Бабичев так рассказывал мне о трагической гибели Ивана Алексеевича:

«Взяли его казаки-повстанцы в плен и погнали по хуторам, по-над Доном, на Вешки. Весной это было, народу собралось — масса, когда проводили его через хутор. Может и Мишка Шолохов тут был — не припомню что-то. Вдова казачьего офицера Марья Дудурова страшно издевалась над нашим Иваном Алексеевичем. Лютая была баба. Она тут же и убила его самолично и добровольно».

Жизненные наблюдения использованы Шолоховым при обрисовке даже эпизодических персонажей, не сохранивших в романе подлинных фамилий (делегаты Круга, казак-старовер, вахмистр, надругавшийся над арестованными коммунистами из Сердобского полка и др.).

«В 6-й части, — писал Шолохов Горькому, — я вывел ряд «щелкоперов от Советской власти» (парень из округа, приехавший разбирать конфискованную одежду (176), отчасти обиженный белыми луганец (133), комиссар 9-й армии Малкин — подлинно существовавший и проделывавший то, о чем я рассказал устами подводчика-старовера, члена малкинской коллегии — тоже доподлинный тип, агитировавший за социализм столь оригинальным способом (252—255) для того, чтобы противопоставив им Кошевого, Штокмана, Ивана Алексеевича и др., показать, что эти

самые «загибщики» искажали идею Советской власти»¹⁾).

В роман вводятся и организаторы белоказацкого восстания. Писатель сохраняет их подлинные имена и фамилии. Это — помощник Григория — Рябчиков, хорунжий Харлампий Ермаков, командующий мятежниками, хорунжий Кудинов, его начальник штаба подъесаул Илья Сафонов, командир 6-й повстанческой бригады Богатырев и другие. Среди реальных лиц и царские генералы (Деникин, Краснов, Фицхелауров, Секретев, Сидорин), своими фамилиями названы подполковник Георгадзе, офицер Петр Богатырев, подхорунжий Лапченков, есаул Полтавцев, начальник штаба дивизии Михаил Копылов и другие.

Большую роль в обрисовке событий и людей этих лет сыграло опять-таки то, что Шолохов был свидетелем многих событий, лично знал людей, о которых писал. «Скажем, Фомин, — рассказывал мне Шолохов. — Мне пришлось жить с ним в одном хуторе, за Доном, около двух-трех месяцев. Часто вели мы горячие споры на политические темы... Я жил и живу среди своих героев. И это, пожалуй, — главное. Вне той среды и обстановки, о которой пишешь, вряд ли можно создать что-либо порядочное. Мне бы без этой связи не написать своих романов».

Хорошо знал писатель и Харлампия Ермакова, от которого получил большой материал о размерах и ходе восстания, о его участниках. Там, где не хватало личных впечатлений и материалов, почерпнутых из бесед с казаками, Шолохов прибегал к газетным сведениям. Так, отталиваясь от сообщений газеты «Донские ведомости», он рисовал белых генералов Сидорина и Секретева.

Тщательное изучение и сопоставление громадного количества материала, полученного из разных источников и положенного в основу художественного повествования, позволило Шолохову с точностью в малейших деталях обрисовать даже тех лиц, с которыми ему не довелось встречаться. Не случайно командующий повстанцами Павел Кудинов, оказавшийся в эмиграции, удивляется большой осведомленностью Шолохова, и тем, откуда писатель узнал о замыслах и планах восстания²⁾.

¹⁾ Из неопубликованного письма М. А. Шолохова к А. М. Горькому. 6 июня 1931 г. Ст. Вешенская. В скобках — страницы по рукописи романа, присланной М. Горькому.

²⁾ К. П р и н и м а. Шолохов в Вешках. «Сов. Казахстан», 1955, № 5, стр. 87.

На конкретные факты опирался Шолохов и в показе англо-французской интервенции на юге России. Он упоминает представителей английских и французских миссий, принимавших все меры для подавления революции в России, рассказывает о приезде на Дон представителей Англии: капитана Бонда, лейтенантов Блумфельда, Монро, офицеров Эдварда, Олькотта, генералов Пуля и Бриггса, полковника Кисса, представителей Франции — генерала Франше д'Эспере, капитанов Ошэн Фуке, Бартелло, лейтенантов Дюпре, Фора и Эрлиха.

Отвечая на отзывы английской прессы, твердившей о «жестокости русских нравов», Шолохов писал: «И не более ли жестоки и бесчеловечны были те культурные нации, которые в 1918—1920 годах посылали свои войска на мою измученную родину и пытались восруженной рукой навязать свою волю русскому народу?»¹⁾.

Эпизодические персонажи, введенные в роман без каких-либо предисторий и экскурсов, не определяют движения его сюжета. Писатель ограничивается участием их в отдельных эпизодах, необходимых для раскрытия исторической обстановки, показа борющихся лагерей или для характеристики главных героев романа, количество которых сокращается в связи с выходом ряда персонажей из повествования. Погибают Штокман и Котляров, расстреливают активных участников белогвардейского движения — Петра Мелехова и Мирона Коршунова, прерывается линия Листницких, семья Моховых лишь упоминается.

Сужается не только круг центральных персонажей, но и место действия романа. Все события, описанные в третьей книге, не выходят за пределы Дона (Миллерово, Новочеркасск, Манычская), происходят большей частью в хуторах и станицах Верхнего Дона (Татарский, Ягодное, Вешенская, Каргинская, Усть-Хоперская, Рубежин, Рыбный, Лиховидов, Бахмуткин, Сингин, Базки и др.).

Шолохов последовательно, с точной датировкой описывает бои и события на различных участках повстанческого фронта вплоть до перехода повстанцев к обороне на Доном. По мере развертывания повествования писатель усиливает мотивы неизбежной гибели контрреволюционных сил, раскрывает противоречия в среде заблудив-

¹⁾ М. Шолохов, «Английским читателям» 10. VI. 1934 г., ст. Вешенская. Публикация В. Гура. В кн.: Михаил Шолохов. Л., изд. ЛГМ, 1956, стр. 265.

шегося и пошедшего на восстание трудового казачества, подчеркивает веру коммунистов в торжество советской власти.

4.

Драматизм повествования в третьей книге «Тихого Дона» обусловлен остротой классовой борьбы на Дону в годы гражданской войны, сложностью путей казачества в революции.

В апреле 1918 года «на Дону завершился великий раздел»: часть казаков ушла с отступавшими частями красновардейцев, низовские же казаки оказались и на этот раз на стороне реакции.

«Только в 1918 году, — пишет Шолохов, — история окончательно разделила верховцев с низовцами. Но начало раздела намечалось еще сотни лет назад, когда менее зажиточные казаки северных округов, не имевшие ни тучных земель Приазовья, ни виноградников, ни богатых охотничьих и рыбных промыслов, временами откалывались от Черкасска, чинили самовольные набеги на великоросские земли и служили надежным оплотом всем бунтарям, начиная от Разина и кончая Секачем.

Даже в позднейшие времена, когда все войско глухо волновалось, придавленное державной десницей, верховские казаки поднимались открыто и, руководимые своими атаманами, трясли царевы устои: бились с коронными войсками, грабили на Дону караваны, переметывались на Волгу и подбивали на бунт сломленное Запорожье» (29, I, 63).

Шолохов снова обращает внимание на давнюю классовую дифференциацию казачества, видит причину его сложных путей в революции в особых экономических условиях. Поэтому, как и в первой книге, писатель раскрывает условия жизни и быта казаков, прослеживает те изменения, которые происходят в его среде за годы революции и гражданской войны.

Мирон Коршунов по-прежнему со звериной жадностью стережет свое добро, Пантелей Прокофьевич не утрачивает страсти накопительства, грабя казаков, ушедших с Красной Армией. Однако в описании жизни и быта казаков явно преобладают мотивы упадка и опустошения. Шолохов показывает, как в ходе острой классовой борьбы рушатся косные казачьи традиции, как гибнут защитники

старого мира. Тот же Пантелей Прокофьевич уже с меньшим интересом относится к своему добру. Даже Мирон Коршунов стал равнодушнее к хозяйству, уменьшил полевые, за обесцененные деньги продавал быков и лошадей.

Сам характер бытовых сцен в третьей книге несколько иной: это — сцены похорон Мирона Коршунова и Петра Мелехова, сцена пьяного разгула, в котором участвовал Григорий, это — описание запустения куреней Мелеховых, Коршуновых, Кошевых, Фомина. Мотивы гибели, опустошения и запустения усиливаются к концу третьей книги. Когда Кошовой приезжает в Татарский, его поражает «несвойственное хутору великое безмолвие»: «У куреней были наглухо закрыты ставни, на дворах кое-где висели замки, но большинство дверей было распахнуто настежь. Словно мор прошел черными стопами по хутору, обезнодив базы и улицы, пустотой и нежилью наполнив жилые постройки» (X, 28).

Если при обрисовке белогвардейского лагеря писатель опирался в основном на мемуарный материал и литературные источники, то изображая жизнь простых казаков, он снова прибегал к этнографическим материалам и свидетельствам устной поэзии народа, использовал похоронные обряды и причеты, любовные, походные и плясовые песни, и особенно песни частушечного характера. Правда, непосредственное включение в текст песенных строк встречается значительно реже, чем в первых книгах. Ими насыщена, пожалуй, только XII глава (по отд. изд.). Здесь и строки из плясовой песни («Вот теперь нам пожить, погулять...»), и из любовной («Ты, мальчишечка, разбедняжечка...»), и из походной («... Да со службыцы домой»). Все эти песни призваны передать атмосферу пьяного разгула тоски и грусти казаков, пытавшихся создать иллюзию подлинного веселья, заглушить смутное сознание вины перед советской властью.

Существенные изменения происходят в репертуаре песен, исполняемых казаками: появляются песни-частушки, рожденные в годы войны как отклик на современные события, в текст романа включаются песни, переосмысливающие старые мотивы (напр., «Помаленечку я шел...»). Песня «Уж ты, дедушка-ведмедушка», рассказывающая о том, как жена просит купить ей сарафан, утрачивает юмористический смысл, окрашивается тоской по убитому казаку Шамилю, который любил «играть» эту песню.

Цитаты из устно-поэтических текстов особенно обильно используются Шолоховым в пейзажных картинах и лирических отступлениях, в поэтике романа, для которой характерны свойственные народному творчеству параллели, символы, звукозапись и другие приемы песенной организации. Шолохов не случайно защищал лирические куски, бытовые сцены романа: они играют важную роль в раскрытии идейного смысла произведения. Живописуя быт казаков, Шолохов раскрывает те силы, которые тянули их в лагерь контрреволюции, показывает разрушение косного быта, собственнического уклада под ударами революции, пути казаков к новой жизни.

Изображение судеб центральных героев романа тесно переплетается с изображением путей казачества в революции. Дороги братьев Мелеховых расходятся. Петр тревожится по поводу того, что Григорий может переметнуться к красным («Ты, Гришатка, себя не нашел»). Петр заявляет, что он «на свою борозду попал» и требует от брата прямого ответа, но Григорий говорит неохотно, неопределенно: «На вряд ли. Не знаю». Шолохов аллегорически раскрывает его неустойчивость, рисуя картину, как бы символизирующую финал его метаний: «Так, под буераком по кособокому склону скользит, вьется гладкая, выстриженная козьими копытами тропка и вдруг где-нибудь на повороте, нырнув на днище, кончится, как обрезанная, — нет дальше пути, степной лопушится бурьян, топырься неприветливым тупиком» (29, 1). Всем дальнейшим повествованием Шолохов показывает, как шел Григорий к «неприветливому тупику».

Все большая утрата связей с народом, отсутствие четко определенного места в обостряющейся борьбе углубляет духовное падение Григория. Став «на грани в борьбе двух начал», он отрицает оба их, не знает, куда ему прислониться, начинает искать третий, несуществующий путь в революции. Пытаясь уйти от мучительных раздумий, он глушит разум в непрерывном пьянстве и разгуле. Разум, хладнокровие, расчетливость покидают его, в бою им правит лишь «дикое животное возбуждение».

Трагичность положения безнадежно запутавшегося Григория становится особенно ощутимой, драматизм нарастает, достигая своей кульминации в сцене (XL—IV гл.), где Григорий осознает несправедливость «бессмысленной жестокости», звериной расправы, которую он учиня-

ет над революционными матросами. Он бьется в эпилептическом припадке, понимая, что нет ему прощения, что пути к правде отрезаны и остается одно — смерть.

Эту кульминационную главу Шолохов завершает отступлением, очень важным для понимания финала романа: «Лишь трава растет на земле, безучастно приемля солнце и непогоду, питаюсь земными жизнетворящими соками, покорно клонясь под гибельным дыханием бурь. А потом, кинув по ветру семя, столь же безучастно умирает, целестом отживших былинков своих приветствуя осеннее солнце, лучащее смерть...» (III, 7).

После этих событий Григорий все чаще жалуется на отсутствие радостей в жизни, становится безучастным, безразличным к исходу борьбы, в которой участвует.

Сцены встречи Григория с Аксиньей в Вешенской еще больше нарацивают трагизм судьбы центральных героев романа. Аксинья и на этот раз слепо пошла за Григорием: для нее «уже ничего не существовало, кроме Григория», «мир умирал для нее, когда Григорий отсутствовал, и возвращался заново, когда он был около нее» (VIII, 15). Уже в третьей книге Шолохов указывает на «скорбную усталость», которая появляется в глазах Аксиньи, на чувство тревоги за судьбу Григория и тесно связанную с ним свою судьбу.

Рисуя в третьей книге обострение классовой борьбы на Дону, сложные пути казачества в революции, Шолохов тесно связывает с событиями судьбы отдельных личностей, раскрывает взаимоотношения личности и народа.

5.

В процессе работы над романом отчетливо ясным становился финал его, а это вносило некоторые изменения в еще не опубликованную третью книгу. В каком направлении шла переработка третьей книги, какого характера изменения были в нее внесены, можно судить, сравнивая главы, опубликованные еще в процессе работы над романом в журнале «На подъеме», с последней их редакцией.

Сравнение показывает, что до 1930 года образ Кошевого и его центральная роль в романе не были еще отчетливо ясны писателю. Работая над четвертой книгой, Шолохов решил выдвинуть Кошевого «с заднего плана и сосредоточить на нем большее внимание». Такая необходи-

мость диктовалась, видимо, внесением некоторых уточнений в общий, давно намеченный, план романа. В соответствии с принятыми уточнениями, необходимыми для четвертой книги, Шолохов вносил поправки и в те главы шестой части романа, которые были уже опубликованы. Поправки эти оправдывают закономерность выдвижения Кошевого с «заднего плана» и противопоставление его Григорию Мелехову.

Вторая книга романа завершалась сообщением о том, что Кошевой по приговору военно-полевого суда был отправлен этапом на фронт. Описывая дальнейшие события в жизни Кошевого, Шолохов показывает его службу в атарщиках, подчеркивает, что Кошевого не удовлетворяет отрешенность от жизни. Он тяготится одиночеством, боится, что его засосет умиротворяющая степная тишина. Кошевой не может находиться вне борьбы, когда решается судьба народа, его не покидает стремление добиться правды для народа, «равноправия всем». Писателю удается поэтически ярко передать настроения героя, символическую схватку его с обезумевшим во время ночного грома табуном. Характерно, что именно в главы, посвященные Кошевому, писатель включает лирическое отступление, выражающее любовь к родине не только автора, но его героя, ведущего борьбу за народные интересы.

С установлением советской власти на хуторе Кошевой избирается товарищем председателя Совета. Он хорошо понимает враждебность Григория народу и, несмотря на то, что чувство ненависти к нему переплеталось с чувством жалости к близкому школьному другу, Кошевой готов в любое время арестовать Григория Мелехова.

Таким образом, Шолохов уже в третьей книге подчеркивает принципиальность, сознание революционного долга, свойственные Кошевому. Необходимости противопоставления пути Кошевого в революции двойственному поведению Григория, противопоставления, особенно важного в конце романа, и была подчинена переработка тех сцен, в которых главные качества Кошевого были выражены не достаточно отчетливо.

Почти коренной переработке подвергается XXVII (в тексте журнала «Октябрь» — XXVI гл.), в которой рисуется избиение Кошевого восставшими казаками его хутора. Сравним тексты журналов «На подъеме» и «Октябрь».

Выстрел. Емельян, не роняя из рук вожжей, упал. Лошади скоком воткнулись в плетень, и на миг не пришла Кошевому в голову мысль о защите. Они тихо слез с коней, не глянув на Емельяна, отошел к плетню. К нему подбегали. Антип, скользя ногами, обутыми в чирки, качнулся, стал, кинул к плечу винтовку. Падая на плетень, Мишка увидел в руках одного старика белые зубья вил-тройчаток.

Бей его!

Кошевой без крика лег лицом вниз, ладонями закрыв глаза. Упал он не от боли (пуля лишь слегка оцарапала ему плечо), а скорее от страха. Он ждал разрешающего мгновения смерти. Но человек нагнулся над ним с тяжким дыхом, пырнул его вилами не до смерти¹⁾.

Выстрел. Емельян, не роняя из рук вожжей, упал с саней. Лошади скоком воткнулись в плетень. Кошевой не успел приготовиться к защите. Удар саней выбросил его к плетню, и, вскакивая на ноги, он заметил, как, подбегая к нему, Антип, скользя ногами, обутыми в чирки, качнулся, стал, кинул к плечу винтовку. Падая на плетень, Мишка заметил в руках одного старика белые зубья вил-тройчаток.

— Бей его!

От ожога в плече Кошевой без крика упал вниз, ладонями закрыл глаза. Человек нагнулся над ним с тяжким дыхом, пырнул его вилами.

(I, 38)

В тексте журнала «На подъеме» Кошевой предстает безвольным, он падает не от боли, а «скорее от страха», несмотря на то, что пуля «лишь слегка оцарапала ему плечо». Кошевой не пытается защищаться, тихо сходит с саней, отходит к плетню, ложится лицом вниз, ждет смерти.

Публикуя всю книгу в журнале «Октябрь» в 1932 году, Шолохов совершенно иначе раскрывает поведение Кошевого. Писатель указывает, что Кошевой «не успел приготовиться к защите», так как его вышибло из саней, но он вскочил на ноги и лишь после выстрела от ожога в плече упал вниз. Писатель вычеркивает строки, говорящие о беззащитности, страхе, медлительности, покорности Кошевого и находит слова, передающие стремление Кошевого защищаться, его волю к жизни.

В таком же плане перерабатывается вся эта глава. В тексте журнала «На подъеме» Кошевой униженно просят Степана Астахова припрятать его от восставших каза-

¹⁾ «На подъеме», Ростов н/Д., 1930, № 6, стр. 15—16.

ков. «Всю жизнь буду слугой... Пособи! — Мишка тихо всхлипнул»¹). Даже мать Кошевого отказывается помочь своему сыну, что никак не вяжется с ее обликом. «Мать плакала, но голос ее был тверд и даже враждебен. Как ни уговаривал ее Мишка спрятать его под полом на базу, — мать не соглашалась!»! Между матерью и сыном происходит такой разговор:

« — Уходи. Смерть ты на меня наводишь.

— Куда же я пойду, маманя? Куда ты меня гонишь? Али я тебе не сын?».

— Иди, куда хошь, нехай убьют, но не на моих глазах. Бери кобылу и езжай. Уходи. Не хочу я тебя тут зрить»²).

Все эти детали, принижающие образ Кошевого и его матери, устраняются писателем при первой же полной публикации книги в журнале «Октябрь». Выдвигая Кошевого «с заднего плана», Шолохов вносил изменения в его образ, развернутый уже на страницах третьей книги, добивался создания яркой фигуры коммуниста, мужественно защищающего дело революции, отстаивающего ее завоевания в дни становления советской власти.

В дальнейшем Шолохов прослеживает последовательную борьбу Кошевого в лагере революционеров, его непримиримое отношение к врагам советской власти. Характерно, что Шолохов снова, как и вторую книгу, завершает третий том главой о Михаиле Кошевом, выдвигая на первый план его жгучую ненависть к восставшим казакам: «Непримиримую, беспощадную войну вел он с казачьей сытостью, с казачьим вероломством, со всем тем нерушимым и косным укладом жизни, который столетиями покоился под крышами оснистых куреней» (X, 26). Кошевой безжалостно выжигает купеческие и поповские дома, курени тех зажиточных казаков, которые толкали на восстание темную казачью массу, убивает деда Гришку, видя в нем воплощение самых закоснелых казачьих традиций. Кошевой уверен в том, что «установится мирная советская власть по всему свету».

Преданность делу революции, чувство революционного долга, громадную человечность и обаяние раскрывает Шолохов и в образах других коммунистов — Ивана

¹) «На подъеме», Ростов н/Д., 1930, № 6, стр. 16.

²) Там же, стр. 17.

Алексеевича Котлярова и Штокмана. Котляров группирует вокруг себя казачью бедноту так же, как и Кошевой, непримирим к казакам, подобным Григорию Мелехову, который, по его словам, не может прибиться к берегу и плавает, «как коровий помет в проруби». Шолохов прослеживает дальнейший рост революционного сознания Ивана Алексеевича в условиях борьбы за установление советской власти на Дону. Котляров видит теперь свои прошлые ошибки и осуждает себя за жалость к врагам. «Не жалеть надо было, а бить и вырубать все до корня» — к какому выводу приходит Котляров. Перед смертью он говорит: «Што же, братцы, умели мы воевать, надо суметь и помереть с гордостью... Об одном мы должны помнить до последнего вздоха. Одна нам остается мысленная утеха, что хотя нас и уколотят, но ить советскую власть колом не убьешь! Коммунисты, братцы! Помрем же твердо, штобы враги над нами не надсмехались!». (VII, 5).

Типические черты коммуниста раскрываются и через эпизодические образы. Писатель включает в повествование рассказ красноармейца, который совершил героический подвиг, взорвал мост в тылу у белых. На вопрос, боялся ли он смерти, красноармеец ответил: «Я коммунист... Мне нельзя трусить... Я знаю, за что и с кем я воюю, знаю, что мы победим. А это — главное».

Мужество, умение противостоять врагу, вера в торжество правого дела характерны и для комиссара Лихачева. Рисуя эти образы, Шолохов добивался многообразия индивидуальных характеров коммунистов, подчеркивал их героизм, духовные силы, выявлявшиеся в драматической борьбе.

В третьей книге они противопоставляются не только врагам, но и «шелкоперам от советской власти». Кошевой, Штокман, Котляров, Лихачев рисуются как выразители народной правды. Писатель прослеживает последовательную борьбу коммунистов Дона за интересы трудового казачества. Напряженность схватки со старым миром, в которой участвуют коммунисты, поддерживает остроту конфликта всего повествования.

Образы коммунистов в третьей книге выдвигаются на первый план. В этом нельзя не видеть опыта работы писателя над «Поднятой целиной», создававшейся в это же время. Характеры коммунистов раскрываются в действиях, через поступки, в процессе борьбы за советскую

власть, как ее представители на хуторе Татарском. Образы Кошевого и Котлярова являются ярким примером закономерного прихода бедняцкого казачества к революции.

Штокман, Иван Алексеевич и многие другие коммунисты гибнут в борьбе с контрреволюцией, но они никогда не утрачивают веры в торжество народного дела, в его светлое будущее. Писатель утверждает бессмертие тех идей, за которые они борются. Это и придает оптимистическое звучание третьей книге «Тихого Дона», как части всего произведения.

6.

«Основательная переработка», которой подверглась шестая часть, будучи в основном уже написанной, сказалась и на характере изображения белогвардейского лагеря. Шолохов усиливает показ морального разложения офицерства, четче, чем в предыдущих книгах, дает характеристику белых генералов, особенно Краснова и Деникина, обнажая продажную контрреволюционную политику «вождей» белогвардейского движения.

В обрисовке Краснова, ставшего во главе контрреволюционного движения на Дону весной 1918 года, как и в изображении всего лагеря интервенции, писатель опирался на свидетельство самих белогвардейцев, поднимаясь до сатирических заострений. Выступая в 1937 году с речью в Новочеркасске, Шолохов говорил о Краснове, как о «продажном мерзавце», который обманывал трудящееся казачество и вовлекал его в гражданскую войну. «Атаман Краснов и прочие, подобные ему политические пройдохи», прикрываясь любовью к родине, «приглашали на донскую землю немецких оккупантов и потом, так называемых, «союзников» — англичан и французов. Говорили о любви к родине и одновременно торговали кровью казачков, обменивали ее на предметы вооружения, для борьбы с советской властью, с русским народом». Изучив большое количество материалов, Шолохов хорошо видел, что «Краснов опирался на иноземные штыки, чтобы при их помощи задушить молодую советскую власть», чтобы «загородить» дорогу революции, загородить дорогу великому русскому народу, строящему новую жизнь»¹⁾.

¹⁾ Речь М. А. Шолохова к избирателям. В кн.: Мастера искусств — депутаты Верховного Совета СССР. «Искусство», 1938, с. 41, 42.

Усиливая разоблачение белогвардейского лагеря, писатель подробно останавливается на мелочных склоках, взаимных подсиживаниях в их среде, документально подтверждает предательство Краснова германским империалистам, лакейское выслуживание Краснова и Деникина перед «союзниками».

Воссоздав атмосферу избрания Краснова атаманом¹⁾, Шолохов обращает внимание на склочные отношения между Красновым, стремившимся к «монаршей власти», и лагерем Деникина. Сцена переговоров между ними (гл. IV) пронизана отстрыми авторскими оценками. Алексеев «безучастно закрыл глаза» «как бы ссохся от старости», его «бесконечно усталое лицо», «белело, как гипсовая маска». «Без лести преданный союзникам» Деникин не мог простить Краснову «немецкой ориентации», говорил «резко», «зло изогнув бровь», «сердито» дергая плечами. «Нервный тик подергивал и искажал рот» Краснова. Богаевский «нервически» крутил ус.

Шолохов указывает, что «встреча дышала холодком», подчеркивает вражду и неприязнь, установившиеся между Деникиным и Красновым, сообщает, что добровольцы высмеивали стремление Краснова к автономии, к «вождизму», презрительно называли его «хузяином», Всевеликое войско Донское — «всеселым», донское правительство — «проституткой, зарабатывающей на немецкой постели». Донские самостийники не оставались в долгу, величали «добровольцев» «странствующими музыкантами», а Добровольческую армию — котом, живущим на средства проститутки.

Изображение белогвардейского лагеря становится резко сатирическим. Шолохов нередко вкрапливает в повествование такие оценки: Ростов и Новочеркасск, «как падаль червями кишели офицерами», офицеры, растеряв «и честь и совесть, пошакаль и прятались в тылах, грязной накипью, на вoзoм плавали на поверхности героических дней», это была «па-

¹⁾ Ср. с воспоминаниями Краснова «Всевеликое Войско Донское» (Архив русской революции, т. V, Берлин, 1922, с. 190—198). Шолохов устами делегата-учителя так характеризует Краснова: «И генерал паршивый, и писатель ник черту! Шаркун придворный, подлиза!.. Вот, поглядите, продаст он Дон первому же покупателю, на обчив! Мелкий человек...». («Тихий Дон» М., ГИХЛ, 1941, стр. 334).

костная разновидность», так называемой «мыслящей интеллигенции».

Шолохов раскрывает продажность Краснова и немцам и англо-французским империалистам-интервентам. Этого писатель достигает, с одной стороны, цитированием подобострастного письма Краснова германскому кайзеру Вильгельму II, с другой — воссозданием приезда в Новочеркасск военной миссии держав Согласия (25 ноября 1918 года).

Краснов в воспоминаниях «Всевеликое Войско Донское»¹⁾ подробно описывает этот «исторический момент». Пытаясь «объективно» представить события, он ведет повествование от третьего лица, называя себя не иначе как «атаманом», «атаманом Всевеликого Войска Донского», а в конце — «бывшим атаманом». Несмотря на этот прием генерала-беллетриста, видно, что ему очень не хочется предстать в невыгодном освещении.

Многословные невыразительные писания Краснова послужили лишь отправным моментом в работе Шолохова над XI главой. Если Краснов (забудем о его мнимом стремлении к объективности) с огромной симпатией и слепым восторгом описывает приезд этой, с позволения сказать, миссии, то повествование Шолохова принимает саркастический характер:

«Приезд этих-то небольших чинов союзнических военных миссий, по капризу случая попавших в «послы», и наделал столько переполоху в атаманском дворце.

С великим почетом доставили «послов» в Новочеркасск. Непомерным подобострастием и пресмыкательством вскружили головы скромным офицерам, и те, почувствовав свое «истинное» величие, уже стали покровительственно и свысока посматривать на именитых казачьих генералов и сановников всевеликой бутафорской республики.

У молодых французских лейтенантов сквозь внешний лоск приличия и притворной французской любезности уже начали пробиваться в разговорах с казачьими генералами холодные нотки снисходительности и высокомерия» (V—VI, 261).

«Чувствуя историческую значимость момента», ата-

¹⁾ См. кн. «Революция и гражданская война в описании белогвардейцев. Начало гражданской войны». Сост. С. А. Алексеев. М.-Л., ГИЗ, 1926.

манские гости да и сам атаман и с подтишка рассматривали «послов». «Донской атаман, беллетрист», пресмыкаясь, проглядел комизм своего положения. Встреча «гостей» с колокольным звоном и «певучими звуками донского гимна» выглядела довольно смешно. Это и заметил Шолохов, нарисовав всю «встречу» в сатирико-саркастическом плане. Писатель раскрывает истинную сущность этого «исторического момента». Последовательно передавая содержание напыщенных речей и тостов, Шолохов завершает всю эту сцену сатирической концовкой:

«Оркестр мощно и плавно начал «Боже царя храни». Все поднялись, осушая бакалы. По лицу седого архиепископа Гермогена текли обильные слезы. «Как это прекрасно!» — восторгался захмелевший капитан Бонд. Кто-то из сановитых гостей, от полноты чувств, по-простецки рыдал, уткнув бороду в салфетку, измазанную раздавленной зернистой икрой...» (V—VI, 262).

Несмотря на постоянное вмешательство писателя в повествование, потребовался именно такой конец, который снимал бы всю торжественность и «историческую значимость момента» и завершал сцену с явным сарказмом.

Шолохов сохраняет содержание всех речей и тостов, передает их последовательность и обстановку встречи почти так же, как передана она у Краснова, для того, чтобы, пронизывая повествование авторской иронией, окончательно снизить торжественность, разоблачить напыщенность этих речей в конце главы.

Писатель не только даёт свою авторскую оценку событиям, не только поднимается до беспощадного обвинения. Он не просто воспроизводит реальные факты, но придает сырому фактическому материалу, полученному из мемуаров, точное и образное выражение.

Шолохова не удовлетворяет восторженная фраза Краснова, «эти слова были покрыты громовым «ура». В шолоховской передаче этот факт принимает иной смысл, иное звучание: «Зычное «ура», троекратно повторенное, заставило содрогнуться стены зала». Сухая протокольная запись Краснова (например, «шли тосты за войско донское и союзников» и т. д.) расширяется Шолоховым, на ее основе возникает художественный образ, и перед читателем встает зримая картина жуткой пьянки в атаманском дворце.

Шолохов добивался более точного, более достоверного и подлинно художественного изображения, поэтому он часто вносил принципиальные уточнения в использованный материал. Краснов, например, не мог, как пишет он, сказать «ура». Он должен был крикнуть «ура». Поэтому, вместо «атаман при гробовом молчании всего зала отчетливо сказал», Шолохов пишет: «Краснов, поворачиваясь побледневшим от волнения лицом к гостям, крикнул сорвавшимся голосом». «Побледнеть от волнения» генерала заставляет речь капитана Бонда, вдруг пожелавшего услышать старый гимн, «крикнуть», а не «сказать» обязывало патетическое восклицание «за великую единую и неделимую Россию». «Сорвавшийся голос» передает волнение и растерянность донского атамана, о чем Краснов предпочел умолчать в своих мемуарах. Однако эта деталь важна для Шолохова. Она хорошо передает и атмосферу встречи, и состояние самого Краснова, и отношение к нему писателя.

Пронизывая повествование едкими авторскими оценками, передавая встречу с офицерами союзных держав в тонком сатирическом освещении, Шолохов не ограничивается только этим. Чтобы подчеркнуть остроту социального конфликта, вызвать соответственно идейному замыслу произведения определенное отношение читателя к происходящему, писатель прибегает к контрастному описанию совершающегося за стенами атаманского дворца.

«В эту ночь над городом выл и ревел лютый приазовский ветер. Мёртвенней блистал купол собора, овеянный первой метелицей...

В эту ночь за городом, на свалке, в суглинистых ярах по приговору военно-полевого суда расстреливали шахтинских большевиков-железнодорожников. С завязанными назад руками их по двое подводили к откосу, били в упор из наганов и винтовок, и звуки выстрелов изморозный ветер гасил, как искры из папирос...

А у входа в атаманский дворец, на стуже, на цалыщем ноябрьском ветру мертво стыл почетный караул из казаков лейб-гвардии Атаманского полка. У казаков чернели, сходились с пару руки, сжимавшие эфесы обнаженных палашей, от холода слезились глаза, коченели ноги... Из дворца до зари неслись пьяные крики, медные всплески оркестра и рыдающие трели теноров войскового хора песенников» (V—VI, 262).

Рисуя действительность за стенами дворца, Шолохов раскрывает подлинное лицо белогвардейских правителей и их «гостей» и определяет отношение к ним читателя.

Подобный же принцип отбора материала и его освещения использован Шолоховым и в сцене поездки союзнической миссии на фронт. На конкретные факты, заимствованные из донских газет, опирается он и при описании посещения генералом Сидориным станицы Вешенской, и при обрисовке генерала Секретева. Причем сатирическое обличие царских генералов сопровождается комизмом положений, в которые они нередко ставятся автором.

Даже монархически настроенные офицеры утрачивают веру в возможность победы. Они начинают сознавать неизбежность гибели того дела, которому служат. Большим смыслом наполняется текст письма Евгения Листницкого к отцу. В этом письме дается трезвая оценка белогвардейскому движению: «Краснов не ладит с Деникиным, а внутри обоих лагерей — взаимное подсиживание, интриги, гнусь и пакость. Иногда мне становится жутко».

События, происходящие в белогвардейском лагере, освещаются писателем и через вымышленных персонажей, в частности, через Евгения Листницкого. Рисуя этого махового врага революции, Шолохов делает его участником конкретных событий, но главное внимание сосредотачивает на его взаимоотношениях с ротмистром Горчаковым, Ольгой и Аксиной.

Раскрывая настроения белогвардейских офицеров, писатель опирается на литературные источники. Если при характеристике героев революционного лагеря он ссылается на Некрасова, Кольцова, Никитина, Лермонтова, то при обрисовке белогвардейских офицеров он упоминает имена писателей типа Мережковского и Бунина. Еще во второй книге старый генерал Листницкий цитирует строки из «Петра и Алексея» Мережковского.

В третьем томе цитаты из стихотворения Блока «Незнакомка» и И. Бунина «Мечтай, мечтай...» передают «истомную скуку», тягостное настроение Евгения Листницкого, который козыряет меланхолическими строфами («Одоевала его поэзия, и мысли, как пчелы, несли в соты памяти чужую певучую боль»). Листницкий «наедине с собой рассуждал, как герой классического романа», и решил, что любит подлинной любовью, которую испытыва-

ют *порядочные герои романов...*». Горчаков также обращается к литературным параллелям. Он характеризует свою жену как «тургеневскую женщину».

Влияние литературных источников сказывается в самом стиле этой главы, в раскрытии облика Ольги через восприятие Листницкого («розовая мочка крохотного ушка», прядь «золотисто-ржавых волос», «гаснущая ущербная красота», «тонкие смугло-красные растрескавшиеся, жаркие губы», «волнующе-трогательное детское выражение». Листницкий хранил «ее светлый, немеркнувший образ, облекая его орсолом недостижимости и поклонения».

Чувство порядочности и чести, которыми хотел прикрыться Листницкий, рушатся при первой же встрече с Ольгой и Аксиной. Им по-прежнему властно правил «разнузданный и дикий инстинкт — «мне все можно». В судьбе Евгения Листницкого Шолохов обобщает пути и судьбы других белых офицеров, крах их надежд, разложение и распад обреченного народом на гибель старого мира.

7.

Летом 1931 года Шолохов снова столкнулся с препятствиями, вставшими на его пути при опубликовании третьей книги «Тихого Дона». Как и раньше, ему предлагали пойти на целый ряд сокращений, обвиняли в том, что он якобы оправдывает белоказачье восстание 1919 года. Узнав об этом, Шолохов попросил А. Фадеева передать рукопись третьей книги романа А. М. Горькому. 6 июня 1931 года Шолохов писал Горькому:

«На днях я послал телеграмму Фадееву с просьбой передать Вам первый экземпляр шестой части «Тихого Дона» ...6-я часть почти целиком посвящена восстанию на Верхнем Дону... Мне хочется узнать Ваше мнение о 6-й части. Если Вы найдете время прочитать, — очень прошу Вас написать мне...

Некоторые «ортодоксальные» «вожди» РАПП'а, читавшие 6-ю часть, обвинили меня в том, что я будто бы оправдываю восстание, приводя факты ущемления казаков Верхнего Дона. Так ли это? Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествовавшую восстанию.

... У некоторых собратьев моих, читавших 6-ю часть и не знающих того, что описываемое мною — исторически правдиво, сложилось заведомое предубеждение против ше-

стой части. Они протестуют против «художественного вымысла», некогда уже претворенного в жизни. Причем, это предубеждение, засвидетельствованное пометками на полях рукописи, носит иногда прямо-таки смехотворный характер...

... Непременным условием печатания мне ставят изъятие ряда мест, наиболее дорогих мне (лирические куски и еще кое-что). Занятно то, что десять человек предлагают выбросить десять разных мест. И если всех слушать, то три четверти нужно выбросить...

... Буду с большим нетерпением ждать от Вас письмо или телеграмму. Изболелся я за эти полтора года за свою работу и рад буду крайне всякому Вашему слову, разрешающему для меня этот проклятый вопрос. В апреле я уехал от Вас из Краскова с большой зарядкой бодрости и желания работать. Спасибо Вам, дорогой Алексей Максимович, за Ваше теплое и внимательное отношение ко мне. Крепко жму руку и крепко желаю Вам здоровья»¹⁾.

Вместе с этим письмом Шолохов прислал из Вешенской последние главы шестой части романа. Еще до получения письма Горький прочел большую часть рукописи и настоятельно предлагал напечатать ее. «Третья часть «Тихого Дона», — писал он А. Фадееву, — произведение высокого достоинства, на мой взгляд — она значительнее второй, лучше сделана... Шолохов — очень даровит, из него может выработаться отличный советский литератор...»²⁾.

Однако третья книга «Тихого Дона» еще долго не появлялась в печати. Выход ее в свет был задержан на целый год. Партия и на этот раз помогла писателю. Шолохов с благодарностью вспоминал, что все препятствия и помехи при выпуске третьей книги «Тихого Дона» «были устранены благодаря вниманию и заботе Центрального Комитета партии и лично товарища Сталина».

Третья книга «Тихого Дона» печаталась в журнале «Октябрь» с большим перерывом и некоторыми сокращениями до октября 1932 года. Первые ее двенадцать глав

¹⁾ Из неопубликованного письма М. А. Шолохова А. М. Горькому. 6 июня 1931 г., ст. Вешенская. Цитируется по копии письма, предоставленной нам И. Г. Лежневым.

²⁾ Из неопубликованного письма А. М. Горького к А. А. Фадееву. 3 июня 1931 г. Цитируется по копии, предоставленной нам И. Г. Лежневым.

появились еще в начале 1929 года, а последующие главы появились на страницах этого журнала лишь в январе 1932 года, причем часть глав была опубликована не полностью (XII, XXXI, XXXIII) и печаталась позже с указанием на то, что они выпали из первых номеров журнала по техническим причинам (рассыпан набор). Препятствия были и при отдельном издании книги. 27 августа 1933 г. А. Фадеев сообщал Шолохову об этих препятствиях и обещал, если не удастся договориться с издательством, направить письмо по известному Шолохову адресу¹⁾.

Несмотря на стремление рапповских «вождей» принизить значение творчества Шолохова, охладить восторги читателей, третья книга «Тихого Дона» получила широкое общественное признание. В статьях и письмах этого времени Горький неоднократно отмечал талантливость автора «Тихого Дона», ставил его роман в число наиболее значительных произведений советской литературы. «Мы можем законно похвастаться, — писал М. Горький, — что в целом ряде книг молодые наши писатели давно уже успели и сумели хорошо изобразить войну 1914—1918 годов со всеми ее ужасами. Широко и многими весьма талантливо использован героический и трагический материал гражданской войны. Надолго останутся в новой истории литературы яркие работы Всеволода Иванова, Зазубрина, Фадеева, Михаила Алексева, Юрия Либединского, Шолохова и десятков других авторов, — вместе они дали широкую, правдивую и талантливейшую картину гражданской войны»²⁾.

Обращая внимание «на литературу в целом, а не на единичные явления ее», оценивая ряд книг, посвященных теме гражданской войны, Горький связывает эти произведения с успехами напряженного строительства нового мира, указывает, что «никогда еще и нигде литература не шла так «нога в ногу» с жизнью, как она идет в наши дни у нас». В произведениях о гражданской войне Горький видит и героизм в изображении больших революционных событий, и талантливое использование «трагического материала гражданской войны», призывает проследить не

¹⁾ Из неопубликованного письма А. А. Фадеева М. А. Шолохову. 27 августа 1933 г. Архив ИМЛИ. Фонд А. А. Фадеева. П. 69. 1152.

²⁾ М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 25. М., Гослитиздат, 1953, стр. 253.

только индивидуальное лицо каждого автора, но и ставит в связь произведения таких разных писателей, как Вс. Иванов, Ю. Либединский, А. Фадеев и М. Шолохов. Говоря о Шолохове и других литераторах, Горький отмечает широту повествования, правдивость изображения гражданской войны.

В другой статье Горький говорил о Шолохове: «Он пишет как казак, влюбленный в Дон, в казацкий быт, в природу»¹⁾. Появление этого замечания в 1931 году не случайно. В третьей книге «Тихого Дона» в большей мере, чем в предыдущих томах, обнаружилось лирическое дарование Шолохова. Пейзажные описания нередко перерастают в развернутые авторские отступления, выражающие любовь писателя к родному краю. Позже Шолохов с гордостью говорил, что, являясь патриотом своей великой Родины, он является «и патриотом своего родного Донского края».

Отмечая, что третья книга «Тихого Дона» значительно лучше второй, лучше сделана, Горький видел и слабые места этой части романа, считал, что Шолохов порой нечетко отделяет авторскую позицию от позиции своего героя Григория Мелехова. Горький перечислял страницы, в которых, по его мнению, выражено «казацкое», и видел в этом проявление «областных» настроений автора. «Областное», по мнению Горького, заставляет Шолохова злоупотреблять местными речениями. В заключение Горький указывает на необходимость бережного, тактического отношения к писателю, который поднимается на высоту социалистического художника²⁾.

15 мая 1934 года М. И. Калинин, беседуя с молодыми крестьянскими писателями, окончившими курсы при оргкомитете Союза советских писателей, высоко отзывался «о простом, незаметном человеке» — Шолохове. Говоря о том, что у некоторых писателей «есть желание обойти трудности», М. И. Калинин привел в пример Шолохова: «Смотрите — Шолохов. Его «Тихий Дон» я считаю нашим лучшим художественным произведением. Отдельные места написаны с исключительной силой. А писал человек в провинции, в станице. Но по языку чувствуется, что он много

¹⁾ М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 26. М., Гослитиздат, 1953, стр. 69.

²⁾ М. Горький. Письмо А. А. Фадееву. 3 июня 1931 г. Архив А. М. Горького. Пгр-л 471—1—1.

и упорно учился и никакие журналы для начинающих ему не помогали. Я не верю, чтобы он написал «Тихий Дон», не будучи хорошо знаком с нашими классиками»¹⁾).

Оценивая «Тихий Дон» как лучшее произведение советской литературы, М. И. Калинин видит причину успеха Шолохова в продолжении традиций классического искусства, которые с особой силой сказываются в языке писателя, в методе обрисовки характеров, в изображении природы, быта.

В связь с этой оценкой «Тихого Дона» следует поставить и высказывание Р. Роллана, который писал: «Лучшие новые произведения советских писателей, например, Шолохова связаны с великой реалистической традицией прошлого века, в которой воплотилась сущность русского искусства и которую обессмертило мастерство Толстого»²⁾. Сравнивая «Войну и мир» Толстого и «Тихий Дон» Шолохова, Р. Роллан отмечает новизну советского романа-эпопеи, утверждавшегося Шолоховым в советской литературе, видел выраженными в его романе волю и разум эпохи.

Показ в «Тихом Доне» революционной ломки старого мира, путей народа в революции, передача остроты классовой борьбы и драматизма ее, — все это явилось существенным вкладом Шолохова в развитие нового советского эпоса.

¹⁾ М. И. Калинин о литературе. Л., Лениздат, 1949, стр. 71.

²⁾ R. Rolland. Par la révolution la paix. Paris, 1935, p. 165.

Н. И. ДОКТОРОВИЧ

**К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ И СЦЕНИЧЕСКОМ
ВОПЛОЩЕНИИ ПЬЕСЫ Б. А. ЛАВРЕНЕВА
«РАЗЛОМ»**

1.

«Нет искусства вне жизни, а жизнь — это жесточайшая борьба классов, и не принимающий в ней участие всеми имеющимися у него средствами тем самым не может служить искусству. Этими основными принципами я руководствовался, работая над ролью Рузаева», — пишет артист Ленинградского Большого драматического театра Н. Ф. Монахов в своей статье «Мысли об актере» в 1925 году¹⁾. Рузаев — большевик, командир партизанского отряда, главный герой пьесы Б. А. Лавренева «Мятеж» был первой ролью советского репертуара Монахова, и слова артиста хорошо раскрывают огромное значение, которое имела советская драматургия для советского актера, для всего советского театра в целом.

Только став участником жизни, активным строителем социалистического общества, художник мог правдиво и полно отразить в своем творчестве тему современности. Советская драматургия, принеся с собой в театр идеи и образы революции, помогала актеру в формировании его мировоззрения, в росте и становлении его нового мастерства.

Но, с другой стороны, и судьба советской драматургии во многом зависела от самого театра, от его умения найти верный подход к раскрытию новой социальной тематики, нового идейного содержания драматического произведения.

Об этом говорит успех на сцене таких пьес, как «Воз-

¹⁾ Журнал «Рабочий и театр», № 41, 1925 год, стр. 5.

душный пирог» В. Ромашова, «Шторм» Билля-Белоцерковского. Эти пьесы зазвучали в полную силу оттого, что театры, в которых они впервые были поставлены, нашли к ним правильный подход, сумели определить главное, решающее в их идейном содержании и в соответствии с ним — художественную форму их сценического воплощения. Несмотря на отдельные недостатки, постановки этих пьес на сценах театра Революции и театра МГСПС были этапными событиями в истории всего советского театра.

Вот как вспоминает, например, о постановке «Шторма» в театре МГСПС народный артист СССР В. В. Ванин в своей статье «Партия учит актера»: «Постановка «Шторма» Билля-Белоцерковского была по сути дела настоящим началом художественной жизни нашего театра. Автор этой пьесы, прежде чем идти к нам, побывал уже во многих театрах и везде получал отказ.

Видимо, театры отпугивала именно принципиальная новизна пьесы: ее боевой гражданский пафос, страстность, правдивость, ее необычность.

А мы, прочитав эту пьесу, сразу почувствовали: вот оно то, чего мы искали!... Вот она, пьеса о том, как «революция воевала, любила, ненавидела». В нашем театре В. Билль-Белоцерковский, что называется, нашел себя как драматург. Его творческие идеи слились с творческими идеями коллектива режиссеров и актеров»¹⁾.

У первой пьесы Лавренёва «Мятеж» не было такой счастливой сценической судьбы. Правда, по своим идейно-художественным качествам «Мятеж» не может быть поставлен рядом со «Штормом». Но и в «Мятеже», в его идейной направленности, в реализме и художественной убедительности его образов жила правда революции, не раскрытая в должной мере в театральной постановке.

Большой драматический театр имени М. Горького в Ленинграде, осуществляя постановку «Мятежа», не сумел использовать богатых возможностей, заключавшихся в пьесе Б. Лавренева. Поэтому «Мятеж» не получил должной оценки и в тогдашней прессе.

Большинство рецензентов отмечало главным образом недостатки пьесы, а не ее достоинства и видело в «Мятеже» только «среднюю пьесу», которая «ничего нового не

¹⁾ Сборник «Образ моего современника». Издательство «Искусство», Москва, 1951 год, стр. 33.

вносит в советскую драматургию». Но даже в этих статьях признавалось, что в «Мятеже» есть «несколько правдиво и сильно данных эпизодов», и было высказано мнение, что вообще пьеса «сценична и интересна». А в отдельных отзывах прямо отмечались новаторские качества лавреневской драмы. Так, в рецензии «Ленинградской правды» мы находим следующую оценку:

«Борис Лавренев в своем «Мятеже» делает интересную попытку дать художественно-правдивое изображение гражданской войны. Он хочет отказаться от сладкой умиленности в изображении героев революции, хочет отказаться и от белогвардейцев, низведенных до уровня полупомешанных животных.

Он хочет говорить правду — ведь Красная Армия боролась и победила сильного врага. Отсюда — равная тщательность Бориса Лавренева в обрисовке обеих борющихся сторон»¹⁾).

Вот этой жизненной правды, заключавшейся в пьесе Лавренева, Большой драматический театр не сумел раскрыть.

И хотя образ Рузаева, благодаря полнокровной реалистической трактовке Монахова, был единодушно признан, как одна из самых больших удач театра, спектакль в целом был только формально той вехой, которая определила путь Большого драматического театра в освоении им советского репертуара.

2.

Вопрос о взаимоотношениях театра и драматурга — одна из самых важных проблем театрального искусства в 20-е годы, когда шла неутихающая борьба за новый реалистический театр.

Уже с 1921 года на страницах периодической печати идут дискуссии по всем вопросам искусства. В Ленинграде, где дебютирует Лавренев как драматург, эти дискуссии находят отражение прежде всего в журнале «Жизнь искусства», руководство которого долгое время принадлежало формалистической критике.

Под видом борьбы за высокое художественное качество театральной продукции журнал вел пропаганду реакционных, формалистических взглядов на советский театр.

¹⁾ «Ленинградская правда», № 242, 22/X, 1925 г.

В годы, когда формировалась советская реалистическая драматургия, журнал «Жизнь искусства» систематически выступал с отрицательной оценкой чуть ли не каждого нового ее произведения.

Существовавший одновременно с «Жизнью искусства» другой театральный периодический орган Ленинграда «Рабочий и театр» занимал позиции реалистического искусства и оказывал поддержку советской драматургии в ее стремлении завоевать сцену профессионального театра. На страницах этих двух журналов и выступали в этот период участники жарких дискуссий по вопросам литературы и театра.

Дискуссии эти шли по двум основным темам: «Писатель-критик-читатель», с одной стороны, «актер-режиссер-драматург» — с другой. Это были главные проблемы, в связи с которыми в 20-е годы в театральной периодике рассматривались и все другие животрепещущие вопросы современности; о творческих позициях новых советских театров, о быте в искусстве и современности, о пути академических театров, об учении Станиславского (в 1926 году, как известно, вышла первым изданием его книга «Моя жизнь в искусстве»).

В этих дискуссиях решался основной вопрос — о дальнейшем пути советского искусства, о его целях и средствах. И чем ожесточеннее были споры, тем явственнее определялись в них позиции буржуазных формалистов, эстетов и вульгаризаторов из рапповского лагеря, стремившихся направить движение советского искусства по неверным путям.

Отсюда — принципиальный спор между автором и критиком, выросший в целую дискуссию — «писатель-критик-читатель».

Главным действующим лицом в этой дискуссии был сам писатель, обратившийся через голову профессиональной критики к массовой аудитории.

Это непосредственное обращение писателя к читателю — одна из лучших традиций советской литературы. Еще в 1930 году Горький писал, что читатели в положительной оценке книг, посвященных теме гражданской войны, опередили профессиональную критику.

Но в статьях, помещаемых советскими писателями под рубрикой «писатель-критик-читатель», встречается не только обращение к читателю, который «умеет находить и це-

нить писателя». В них есть и гневное обвинение по адресу критиков, которые, маскируясь марксистской терминологией, являлись на самом деле прямыми врагами нового советского искусства и марксистской науки.

Для таких критиков не существовало ни мнения народа, ни указаний партии по вопросам литературы и критики в программном документе ЦК ВКП(б) от 18 июня 1925 года.

Вступая в дискуссию 1926 года, Лавренев пишет статью, которая называется «Икс просит слова» («Жизнь искусства», 19, 1926). В ней он выступает против рапповцев — вульгаризаторов и «цитатчиков».

«У критика, если он хочет завоевать уважение писателя, должны быть свои мысли, — пишет Лавренев, — критик должен быть авторитетен. Белинский был голосом эпохи, передатчиком ее соцзаказа, потому что мыслил самостоятельно... Чернышевский и Плеханов вели за собой писателя, потому что знали больше писателя и умели открывать ему неизвестные горизонты. И писатель преклонялся перед их авторитетом».

В этом обращении молодого писателя к лучшим представителям русской демократической критики звучит не голос «обиженного» и «непонятого». Отворачиваясь от критиков-формалистов, рапповцев, он ищет опоры в реалистических, прогрессивных традициях русской культуры, как всякий советский художник, который неразрывно связан с этими традициями, являющимися основой нашей советской культуры.

И так же, как другие писатели, Лавренев в своей статье обращается одновременно к читательским массам, к людям, которые первыми признали его, как талантливого советского писателя, и в доказательство прислали многочисленные письма. Авторы этих писем — молодежь, выросшая в годы революции. «Она плоть от плоти и кровь от крови революционной бури, она в трудовых школах получила достаточный навык к марксистским методам оценки литературного произведения и отнеслась к применению этого метода серьезнее, нежели патентованные «выразители соцзаказа». То есть читатели произведений Лавренева исходили в своих оценках от той жизни, которую он в этих произведениях отражал, а не от готовых формул. Мысли, высказанные Лавреневым в этой статье, говорят о серьезности создавшихся между писателями и рапп-

повской критикой разногласиях и о достаточной принципиальности молодого писателя. Выступивший вскоре после него со статьей о критике А. Н. Толстой писал, что «поднявшаяся вокруг темы «писатель-критик-читатель» дискуссия показывает, насколько сейчас важна и остра задача критики», и заявил при этом, что «важная и нужная задача критики: быть школой для читателя и писателя, быть университетом, энциклопедией, повышать культурный уровень того и другого»¹⁾.

Подобные заявления писателей-реалистов формалистическая и рапповская критика, естественно, встречала крайне враждебно. И не случайно в ответных выступлениях этой критики имена Толстого и Лавренева были связаны друг с другом:

«Высказывания Лавренева — вопиющее мещанство, которое свило себе теплое гнездышко в том, что проповедуют Лавреневы, ...Толстые и иже с ними»²⁾), — так писали люди, продолжавшие, вопреки указаниям партии, применять порочные методы оценок и говорить с писателями командным тоном. В одной из статей было даже прямо сказано, что интеллигент Лавренев попросту боится «классовой резкости» рапповской критики.

Таким образом, Лавренев, благодаря своим творческим позициям и теоретическим высказываниям, оказался вовлеченным в самую гущу той борьбы в искусстве, которая отражала непрекращающуюся классовую борьбу в стране. В одной из своих статей о перспективах советского искусства Луначарский коротко и выразительно определил главную задачу для современного художника, — «чтобы он чувствовал по-революционному». Такую задачу и выполнял своими произведениями Лавренев, которого Луначарский относил вместе с Л. Леоновым и Л. Сейфуллиной к группе молодых писателей, соединивших в своем творчестве «революционный пафос» и «революционное уменье»³⁾.

Характерным выражением идеологической борьбы на театральном фронте явилась и дискуссия «актер-режиссер-драматург», в которой Лавренев также принял активное участие.

¹⁾ «Жизнь искусства», 24, 1926 г., стр. 4.

²⁾ «Икс равен мещанину».

³⁾ «Этапы роста советской литературы». «На литпосту», 1927 г., 22—23.

Основным вопросом, который решался в этой дискуссии, был наболевший вопрос о взаимоотношениях театра и драматурга, о принципах воплощения литературного материала на сцене.

Противоречие между драматургом и театром определялось прежде всего идейным и художественным новаторством советской драматургии. Театры Леф'а, продолжавшие культивировать «словесный и пространственный конструктивизм», «тейлоризованный жест», «биомеханику» и прочие формалистические приемы постановок, могли только исказить пьесы, содержание которых противоречило принципам формалистического театра. В поисках «смычки с современностью», как выражается один театральный критик из формалистического лагеря, эти театры брались иногда за постановку новых пьес, но так беззастенчиво искажали их, что драматурги поднимали подлинный бунт против театра.

Принцип, по которому режиссеры-формалисты позволяли себе уничтожать замысел драматурга и искажать его пьесу, заключался в том, что они вообще не считали репертуар основой театра, а идейно-художественный материал драматургии — основой для работы режиссера. Автор попросту сбрасывался со счета, как помеха, а пьеса его превращалась в черновой материал для режиссерских экспериментов. Образцом подобной «теории» является статья, открывшая в журнале «Жизнь искусства» дискуссию «актер-режиссер-драматург». Автор ее прямо заявляет, что «звание драматурга — анахронизм», а подлинное лицо современного театра, это — «натуризм», который «знает, как превратить абстрактную форму в живой предмет и как можно самую неряшливую бытовую вещь сделать предметом чистой формы»¹⁾.

Откликаясь на эту статью, Лавренев пишет, что современные рассуждения об искусстве состояли преимущественно из «модных слагаемых», а режиссерская практика формалистов — из сплошного трюкачества.

Как молодой драматург, имеющий на счету всего лишь одну пьесу и одну постановку, Лавренев в своей статье использует не свой личный опыт, а широко обобщает многочисленные факты, известные ему вообще по работам режиссеров-формалистов:

¹⁾ «Жизнь искусства», 22, 1926 г., стр. 7.

«Это они ставят бытовую пьесу в конструктивной установке, они из классической трагедии устраивают фарс, где Эдип в оранжевых фильдекосовых кальсонах кувыркается на трапедии, а Антигона с кольцом в ноздре бежит на четвереньках по железобетонной лестнице»¹⁾).

Драматурга глубоко возмущает, что режиссеры-формалисты уничтожают пьесу, как самостоятельную идейно-художественную силу, не дают «честного спектакля».

«... Вместо единого сценического представления предъ-являлся каталог приемов и хитростей от Ромула до наших дней, без плана и порядка, и в результате провал-пьесы, имевший в чтении все шансы на твердый успех, — так пишет Лавренев о сценическом воплощении современной советской пьесы формалистами.

Он защищает от их посягательств не только современные советские драмы, но и классические произведения русской и мировой драматургии. Он защищает жизнь, как источник творчества художника, идейность, как основное его содержание, реализм, как единственно верный творческий метод. Защищая авторские права писателей, которые уже не могут сделать этого сами, Лавренев еще раз настойчиво подчеркивает необходимость опираться в развитии современной театральной культуры на лучшие традиции прошлого искусства. Признавая, что режиссер в театре — «лицо более осведомленное, нежели драматург», Лавренев предлагает «работать вместе и честно, в процессе работы брать друг у друга в порядке товарищеского обмена те специфические знания условий театра, которыми каждый обладает из нас в своей области».

Этот вывод Лавренева совпадает с призывом Е. Любимова-Ланского, который еще в 1925 году, в том же журнале «Жизнь искусства» писал: «На рубеже девятого года революции мы должны объединить драматурга, актера, режиссера и критика, дабы единым фронтом завоевывать неисчерпаемые горизонты, виднеющиеся перед нами, и удовлетворить ту огромную жажду приобщения к искусству, которая таится в народной массе»²⁾).

Совпадение это тем более знаменательно, что Лавренев также обращается к массе зрителей и считает, что зритель, — «пожалуй, самое существенное для театра».

И хотя в его словах «зритель, а не режиссер (имея в

¹⁾ «Жизнь искусства», 23, 1927 г., стр. 11.

²⁾ «Жизнь искусства», 45, 1925 г., стр. 9.

виду, конечно, режиссера-формалиста), актер и драматург призван быть вождем современного театра и даже его создателем» есть определенная полемическая крайность — они понятны. В формалистическом театре действительно меньше всего думали о народном массовом зрителе.

Между тем, в борьбе за реалистический театр этот зритель влиял своими мнениями не только на самих художников, но и на критиков.

Одну из своих дискуссионных статей Лавренев напечатал в журнале «Рабочий и театр» (все остальные — в «Жизни искусства»). Общий заголовок, под которым она помещена, — «Бунт автора», подзаголовок — «Семь бед — один ответчик».

В ней он снова повторяет свои претензии к театру, на этот раз во всем объеме вопросов, связанных с постановкой современной советской пьесы. В ней звучат те же ноты протеста против формалистической режиссуры, которая не понимает и калечит современные пьесы. В ней слышится явная неудовлетворенность Лавренева, как автора, постановкой «Мятежа». А в ответной статье «Плач автора» критик из лагеря формалистов — Крыжицкий, обвиняя его в отсталости, пытается доказать, что драматурги (имея в виду советских драматургов) вообще «безбожно отстали от режиссуры».

«Мятеж» самого Лавренева, — заявляет при этом критик, — как нельзя лучше доказывает, что можно быть хорошим беллетристом и совсем не чувствовать театра»¹⁾.

В условиях борьбы за современный репертуар и полноценное реалистическое воплощение его на сцене особое значение приобретал вопрос о режиссуре академических театров.

К открытию академического сезона в 1926 году в журнале «Жизнь искусства» появились статьи, которые помещались под двумя основными рубриками: «За» и «Против».

Авторы статей «за» своими рассуждениями о сугубо классическом профиле академических театров пытались закрыть двери для современных советских пьес, или по возможности ограничить их число, построив основной репертуар на классике.

Авторы статей «против» рассматривали вопрос о репертуаре значительно шире.

¹⁾ «Рабочий и театр», № 44, 1926 г.

Выступая против ограничения репертуара только классикой и даже заявляя, что «Ромео больше не волнует», они тем не менее не сбрасывали классику с «корабля современности», а требовали принципиального, правильного сочетания в репертуаре классических пьес с современными. Они отстаивали революционный репертуар, отвечающий требованиям современного искусства.

Были в статьях о репертуаре академических театров и отголоски Леф'а. Так, например, в одной из статей решительно заявлялось, что «традиция Островского ушла, она — покойник. Для Островского нужно теперь органическое преодоление, т. е. спектакль от Островского, но на сегодняшний день».

Таким образом, и на вопросе о классике обнаруживалось отрицание формалистами, лефовцами идейно-художественного значения драматургии, как основы театра. «Преодолевать» Островского «на сегодняшний день» означало попросту отрицать его.

За «модными слагаемыми» этих левацких статей скрывалось все то же классово-враждебное отношение к реалистическому, идейному искусству.

Определяя свою позицию в вопросе о репертуаре академических театров, Лавренев считает, что академические театры должны ставить классику и не противопоставлять классику современности.

Но он совершенно справедливо обвиняет академические театры в том, что они чересчур замыкаются в классику и чересчур медлительно осваивают лучшие советские современные пьесы, уже поставленные в Москве: «Виринея» проваливалась в кулисах театра (Ленинградский академический театр имени Пушкина) два года». Он правильно обвиняет ленинградские театры и в том, что они недостаточно внимательно относятся к молодым ленинградским драматургам, пьесы которых успешно идут на сценах рабочих клубов.

И снова настаивает на том, что основой работы театров должен быть «свежий», «актуальный» репертуар.

В статье «Перспективы советского искусства» в 1927 году Луначарский вспоминает слова Ленина из одной предсмертной его статьи, что задача культуры сейчас не менее значительна, чем задача революционная, политико-революционная, военно-революционная.

Мы должны понимать, — заключает Луначарский, —

что наше дело важно не только с точки зрения культурного строительства вообще, но имеет значение и в смысле продвижения социалистического строя к господству во всем мире.

Эти слова Луначарского правильно определяют историческое значение советского искусства, как единственного искусства, утверждающего социалистические идеи.

Эту жизнеутверждающую, идейную силу советского искусства хорошо понимал Лавренев, вступивший в ряды активных борцов за его становление.

3.

Таким образом, на материале рассмотренных нами дискуссий мы можем точно определить ту позицию, которую занял Лавренев в своих теоретических высказываниях. Эта позиция свидетельствует о твердых реалистических принципах, отстаиваемых Лавреным в искусстве. Позже, в 1930 году, он сформулировал эти принципы в словах, обращенных к молодым писателям: ... «я лично, сколько бы меня не убеждали в обратном, продолжаю считать, что наш театр должен быть реалистическим».

Этих принципов он придерживался и в своей практике, хотя были в ней разные опыты, порой уводящие писателя от его «столбовой дороги».

По-разному, но в общем единодушно признаваемый как беллетрист, Лавренев испытал очень много нападков со стороны рапповской критики. В одной из своих статей он так и пишет, что эта критика «обломала» ему «ветки». Как мы уже говорили, «Мятеж» получил в критике незаслуженно отрицательную оценку, именно как явление новое в драматургии тех лет.

Но дискуссия как по общим вопросам современного искусства, так и по вопросам, связанным с личным творчеством Лавренева, только укрепила его основные позиции.

В борьбе с формалистической критикой и режиссурой, отстаивая необходимость широко и полно отражать в современных произведениях искусства жизнь революции, опыт рабочего класса, Лавренев более точно определил свой творческий путь.

Сделав в «Мятеже» первый шаг по созданию героической драмы, и сознавая недостатки своего первого опыта в этой области, он продолжает настойчиво работать и

учиться для того, чтобы окончательно утвердиться на пути драматического писателя. Между «Мятежом» и «Разломом» проходит период в полтора года — 1926 и половина 1927 года.

Кроме дискуссионных статей, в списке произведений Лавренева этого периода мы находим отрывки из романов («Пламенеющий полюс», «Буйная жизнь» и др.), сборник сатирических рассказов «Шалые повести», журнальные очерки о событиях текущего дня. В 1926 году Лавренев пишет свою автобиографию, в которой подводит некоторые творческие итоги.

Исходя из своего жизненного опыта и из своей художественной практики писателя-борца, Лавренев считает, что единственный путь современного писателя — путь реализма, а лучший девиз — слова Маяковского:

Ненавижу всяческую мертвечину,
Обожаю всяческую жизнь!

Призыв к правдивому, точному художественному отображению жизни звучит у Лавренева и в его юбилейной статье 1927 года, посвященной 90-летию со дня смерти Пушкина:

«Мы ищем путей советской литературы, а вечно живой учитель любовно доказывает нам: через преодоление драматургических трудностей и искусственного пафоса символизма — к самой трудной из всех — пушкинской простоте»¹⁾.

Изучая произведения Лавренева, написанные им в 1926 и в начале 1927 года, мы убеждаемся в том, как крепнут его реалистические позиции, как все более ответственно подходит он к раскрытию темы героической борьбы советского народа за коммунизм. За полтора года, предшествующие «Разлому», он разрабатывал ее постоянно в рассказах, набросках, планах.

В 1926 году — это «Буйная жизнь» и «Граф Пузыркин», в 1927 — «Сапоги» и «Седьмой спутник». И в каждом эпизоде, образе, характере — все та же волнующая писателя тема героического подвига. Особый интерес среди произведений, написанных между «Мятежом» и «Разломом», представляет повесть «Седьмой спутник». Она привлекает и своей темой, и детальным психологическим

¹⁾ «Ленинградская правда», 10, II, 1927 г., стр. 3.

анализом поведения главного ее героя, генерала Адамова, военного юриста царской армии, превратившегося из «седьмого спутника», наблюдавшего жизнь революции со стороны, в активного борца за советскую власть и героически погибающего за нее.

Внимательно вглядываясь в людей новой России, Адамов постепенно убеждается в их огромном морально-политическом превосходстве, в их силе, способной навсегда покончить со старым миром. А этому миру Адамов уже давно был чужд, хотя не осознавал этого до конца. И только придя к народу, ставшему хозяином социалистической России, он начинает в полной мере ощущать подлинный смысл жизни.

Великая Октябрьская социалистическая революция была коренным поворотом во всемирной истории человечества. Это ее значение и понял Адамов, пошедший сражаться за новый социалистический мир.

Тема передовой русской интеллигенции, связавшей свою судьбу с судьбой русского революционного народа в героические дни его борьбы за новый мир, в значительной мере определяет и характер «Разлома» — пьесы, ставшей лучшим образцом драматургического мастерства Лавренева.

Беседуя в 1930 году в Ленинградском Доме печати с начинающими писателями о работе над «Разломом», Лавренев назвал причины, обусловившие выбор им драматургической формы для воплощения своего замысла.

Как драматург по призванию, Лавренев часто неудовлетворялся своими беллетристическими произведениями. Ему казалось, что этот жанр обедняет образы героев, не дает им в полной мере проявить себя.

«Театр есть особого вида действенная беллетристика, — говорил в этой беседе Лавренев, — он «дает радостную возможность видеть своих персонажей по-настоящему живыми, разговаривающими, имеющими человеческие привычки и слабости. Меня лично это очень привлекает, удовлетворяет, дает возможность до конца провести своих персонажей в реальную жизнь»¹⁾.

Кроме того, он высказал мысль, что для драматурга чрезвычайно полезно, когда он пишет пьесу для какого-

¹⁾ «Лит. учеба», № 1, 1930 г. Статья Лавренева «Как я работаю».

то определенного театра, а не в «пространство»¹⁾). Поэтому им так охотно был принят заказ на юбилейную пьесу к X-летию Октябрьской революции от Ленинградского Большого драматического театра имени Горького, который он хорошо знал и в котором шла уже его первая пьеса «Мятеж».

Одновременно с Ленинградским театром обратился к Лавреневу и театр имени Вахтангова, предложивший писателю инсценировать его собственную повесть «Звездный цвет», написанную на материале туркестанских впечатлений.

Но Лавренев предпочел написать оригинальную пьесу на новый, самостоятельный сюжет.

Сюжет «Разлома» сложился у драматурга под впечатлением от книги «Восстание в черноморском флоте» (или в Балтийском, точно он не помнит). Увидя на обложке этой книги фотографический снимок с крейсера «Авроры», Б. Лавренев, как он сам рассказывает, подумал, что судьба этого знаменитого крейсера может явиться сюжетом для героической драмы к юбилейной дате.

Вспоминая о замысле «Разлома» спустя 20 лет, в 1947 году, Б. Лавренев говорит: начиная работу над пьесой, «я поставил себе задачу написать о моих современниках, с которыми я жил и проходил путями моей Родины, — без лукавства и ужимок, с максимальной простотой и жизненной правдой, сочетая в работе романтическую приподнятость эпохи с трезвым реалистическим изображением людей и характеров»²⁾.

Это было, как пишет в одной из статей 1927 года А. В. Луначарский, «совпадение жизни и созревшего до нее воплощения искусства».

Выбранный сюжет давал Лавреневу неисчерпаемые возможности для выполнения своего замысла. Но в то же время именно эта широта исторического материала таила в себе ряд трудностей для драматурга. Нужно было найти точную художественную форму для его сценического воплощения.

Лавренев прежде всего считал необходимым ограничить материал каким-нибудь одним «бесспорно-историче-

¹⁾ Этого принципа писать «на театр» Лавренев придерживался и во всей своей дальнейшей драматургической практике.

²⁾ «Литературная газета», 22. II. 47 г. Статья «Два поколения»

ским фактом» и использовать этот факт в рамках «свободной драмы», а не исторической хроники.

Взяв в основу своей драмы имевший место в действительности факт попытки взрыва «Авроры» белогвардейскими заговорщиками, Лавренев считал возможным не только передвинуть его из 1919 года в 1917, но и создать на его материале широкое обобщение событий революции.

Драматургу хотелось «сконцентрировать и подать в обобщенном виде тот бурный и неукротимый дух, который зажигал и двигал вольную матросскую республику на героические подвиги во имя социального сдвига».

Поэтому и действует в его пьесе не историческая «Аврора», а крейсер «Заря» как «символический стержень событий, развертывавшихся во флоте перед Октябрем 1917 года». События эти поняты Лавреневым глубоко и верно.

«Разлом» непосредственно отражает тот исторический, решающий период 1917 года, когда кончилось двоевластие, и вся власть перешла в руки Временного правительства, а Советы с их эсеро-меньшевистским руководством превратились в придаток Временного правительства. Кончился мирный период революции, и на повестке дня стоял вопрос о вооруженном восстании.

В эти дни революционные моряки Балтийского флота влились в ряды того авангарда, который начал штурм старого мира, чтобы свергнуть власть помещиков и капиталистов.

Начиная действие пьесы днем 3-го июля 1917 года, когда происходили демонстрации Петроградских рабочих и солдат, которые требовали передачи власти от буржуазного Временного правительства к Советам рабочих и крестьянских депутатов, Лавренев сразу отразил боевой характер событий, определивших переломный момент во всей истории революции.

В сравнительно короткое время, которое проходит от исторического дня 3 июля до исторической ночи 24 октября 1917 года, Лавреневу удалось показать «разлом» старого мира, который совершался в эти месяцы во всей стране и который определялся политикой партии, обеспечившей победу социалистической революции в великие Октябрьские дни.

В самом замысле пьесы драматург четко определил эту тему и эту идею. Выполнение своей задачи Лавренев

сосредоточил главным образом на характерах действующих лиц, на расстановке сил в решающие дни подготовки Октября.

4.

Как обычно началось утро 3 июля в семье капитана военного крейсера «Заря» Евгения Ивановича Берсенева.

В его просторной уютной квартире на одной из тихих кронштадтских улиц из года в год шла размеренная, хорошо налаженная жизнь. Порядок, чистота, много света, много цветов, много добрых, умных мыслей, задушевных разговоров за чайным столом, где по семейной традиции любили собираться все Берсены. В широкие окна этой квартиры заглядывал такой же налаженный внешний мир: чистые улицы, нарядные деревья, небо, неторопливо меняющее свои тона по временам года. Хорошо, удобно, привычно!

Отправляясь ежедневно на корабль, где его ждали также прочно установленные порядок и чистота, Берснев встречался с командой, уважение которой заслужил многими годами честной службы и внимательным отношением к своим подчиненным.

Так было всегда. И лето 1917 года почти ничего не изменило в обычном распорядке дня Евгения Ивановича. В точно установленный час он выходил из своей квартиры на службу в сияющем белоснежном кителе, в безукоризненных башмаках, спокойно уверенный и по-особому подтянутый. Берснев любил свою профессию, и корабль для него, как для всех моряков, был поистине «вторым домом». Старому капитану было отрадно сознавать, что корабль, которому он отдал всю свою славную трудовую жизнь, сохраняется во всем великолепии своего оборудования, дисциплины, организованности, слаженности, что в нем нерушима та особая сплоченность людей, которая так свойственна морякам. Сохраняя необходимое и привычное расстояние между собой и подчиненными, Берснев, однако, не был для них ни типичным флотским «командиром кулаком», ни равнодушным службистом. В его отношениях с матросами всегда проявлялось сдержанное, но явное доброжелательство, постоянный живой интерес к людям из народа, труженикам, делавшим с ним общее дело. Поэтому он не мог не видеть, как постепенно, исподволь изменился облик его матросов в революцион-

ном 1917 году, когда они смогли, наконец, широко расправить плечи, открыто заговорить о своих правах, о заветных мечтах и мыслях. Были русские матросы всегда смелыми, отважными и честными людьми, но никогда еще эти качества не проявлялись в них с такой силой и красотой, как теперь. Никогда еще старый капитан Берсенева, годами наблюдавший матросов, не видел у них таких открытых лиц, не слышал тех новых интонаций в их речи и в их песнях, которые звучали у команды «Зари» во время массовой палубной уборки. В обычных рабочих буднях крейсера в эти месяцы постоянно ощущалось что-то праздничное, и работа кипела на нем с удвоенной энергией. Естественно, что такими, по-новому раскрывающимися перед ним людьми, Берсенева не просто любовался. Ему хотелось понять, что именно заставило их так уверенно смотреть вперед, во имя чего пробуждалась в них неведомая ему до сих пор созидательная сила.

В бело-синем строю своих образцовых матросов Берсенева уже давно приметил фигуру человека, которому революция дала совершенно новое, незнакомое на флоте звание председателя судового комитета — Артема Годуна. Этот крепкий, сильный человек так умно руководил командой и в то же время с таким большим тактом относился к командирскому авторитету Берсенева, что не мог не вызывать к себе у Берсенева ответного уважения. Работать с ним было легко, разговаривать — интересно.

Такому человеку хотелось отдать до конца свое доверие не только в служебных отношениях, но и в личных.

Годун хорошо знал ту правду жизни, которая еще не была понятна Берсенева. А понять эту правду ему было не так просто. Поэтому он искал у Годуна ответов на многие вопросы, которые каждый день ставила перед ним жизнь в это бурное революционное время. Поэтому он ввел Годуна в свой дом, в свою семью. И поэтому же так решительно отправился с ним 3 июля на петроградскую демонстрацию, чтобы собственными глазами увидеть этот необычный для него акт проявления политической сознательности и организованности революционных солдат и матросов. Он шел на демонстрацию с обычным видом внешней безукоризненности и уверенности, и только походная форма с палашиом и револьвером указывала на «особые обстоятельства» этого выхода. Да где-то глубоко внутри рождалось непреодолимое чувство тревоги за

предпринятый шаг: Берсенева догадывался, что вряд ли ему удастся быть в ожидаемых событиях просто наблюдателем. Так и случилось. То, что он увидел на петроградских улицах 3 июля 1917 года, глубоко потрясло его. Ему, старому боевому офицеру, пришлось быть свидетелем расстрела безоружных войск!

Не понимая еще ни политической остроты момента, ни его исторического значения, Берсенева всем сердцем чувствовал, что на его глазах совершено чудовищное преступление, предательство. В величайшем смятении, пробираясь по окровавленным улицам, перешагивая через тела убитых и раненых людей, Берсенева пытался осмыслить все происшедшее, но ни в какие привычные формулы оно не укладывалось. А разобраться нужно было: кончилась мирная жизнь, кончился ее размеренный ход по знакомому пути.

Непривычно взволнованным, горячим, как после жаркого боя, в запыленном кителе и грязных сапогах, появился Берсенева вечером 3 июля в кругу своей встревоженной его долгим отсутствием семьи, но и здесь не застал привычной обстановки. Уже по тому, как стал реагировать фон-Штубе на его рассказ о демонстрации, Берсенева понял, что в его семье тоже наступил свой «разлом» и что поводом для этого разлома послужил он сам, его поведение, его активный интерес к революционному народу, которого не мог простить Берсенева его зять.

В то время, как Берсенева еще сам не мог себе объяснить того значения, которое имело для него участие в демонстрации, факт этот уже рассматривался фон-Штубе, как «предательство». Так определился в семье Берсеновых ее «разлом», ее основной конфликт, так начался для Евгения Ивановича Берсенова трудный внутренний процесс «переоценки ценностей», процесс мучительный, но необходимый ему, как сама жизнь. Нужно было выбирать и выбирать решительно. События не ждали.

И в напряженной атмосфере, создавшейся в его семье, Берсенева тоже уже не мог быть только наблюдателем. Не мог он теперь, как обычно, вежливо отстраниться от Штубе, в котором он до сих пор видел только холодного себялюбца. Что-то в необычно резком и грубом тоне Штубе насторожило и заставило возражать. Но Берсенева не чувствовал главного, что ненависть Штубе к революционному народу гораздо опаснее, чем он думает. Поэтому в его от-

ветах Штубе звучит не страстный отпор врагу¹⁾, а скорее глубокое огорчение за судьбу дочери, связавшей свою жизнь с «моряком с Елагинской стрелки», с человеком, под мундиром которого оказалась пустышка... Даже наглая фраза Штубе о нежелании есть хлеб, «пахнувший изменой», вызывает у Берсенева только сожаление. «Трудная вещь — преодоление традиций», — в раздумьи говорит он Татьяне, и чувствуется, что внутренне эту фразу он обращает к самому себе.

Прожит трудный день. Нарушен привычный порядок жизни, встревожены чувства и мысли, обнаружен разлад в семье (и, наверное, давно назревший!). Но все это еще не принимается Берсеновым в единстве, во взаимосвязях. Он еще не понимает, что разлом в его семье — часть и неизбежное следствие общего. Он еще не видит политического характера расхождения между собой и дочерью, с одной стороны, и Штубе — с другой. Он не знает, что лейтенант фон-Штубе завтра же может стать в ряды тех, кто стрелял сегодня в народ, стрелял в Берсенева.

Но уже важно то, что он захотел это понять, что в нем возникло настоящее чувство ответственности за свой дальнейший путь в революционной России²⁾.

Драматург уже в 1 акте «Разлома» широко развернул тему Берсенева, тему интеллигенции, переходящей на сторону революционного народа в героические дни Октября.

В трудной дороге Берсенева к новой жизни самым лучшим ориентиром был Годун, его дружеская поддержка, твердость, ясное понимание жизни.

Это был именно тот человек новой истории, путь которого был таким же прямым и решительным, как его характер.

Годун разбирался в самой сложной обстановке и в самых трудных человеческих характерах. Бывало и ему, конечно, нелегко, были и у него свои тяжкие раздумья, сомнения, тревоги. Но он умел превращать их в энергию, волю и поэтому почти всегда действовал без колебаний.

С удивлением и любопытством замечал Берсенов, что такой простой, грубоватый парень, как Годун, явно завоевывает симпатии всей его семьи, особенно укрепившиеся после событий 3 июля. Слушая рассказ Годуна о де-

¹⁾ Проявившийся гораздо ярче во 2-й ред. пьесы.

²⁾ Это тоже значительно ярче раскрывается Лавреневым во 2-й ред. пьесы.

монстрации, Берсенеv хорошо понял силу его оптимизма, ту жизнеутверждающую силу революционера, человека социалистической России, которая так восхищала и генерала Адамова из «Седьмого спутника».

Когда Годун появлялся в их доме, они тоже чувствовали себя увереннее и сильнее. Он умел очень просто говорить о самых трудных вещах, не стыдился своих слабостей, держался с большим достоинством, но без натяжки и особенно привлекательным был в нем тот мягкий юмор, с которым он рассказывал о себе. Это был человек, по-настоящему, искренне заинтересованный в их судьбе и многое им доверяющий. Как люди, честно смотрящие в лицо новой жизни и честно ищущие в нем своего места, Берсенеvы не могли не оценить доверие человека, которому принадлежало будущее. А Годун завоевывал это будущее настойчиво и неутомимо.

Участник революции 1905 года, боевой потемкинец, он всей своей жизнью, всей своей прошлой и настоящей деятельностью служил народу. Он хорошо знал, как знал Роман Кошкин (герой пьесы К. Тренева «Любовь Яровая»), какая тьма—неученье, какой свет—наука. Учебник английского языка в корявых матросских руках да еще в горячие дни подготовки революции — это даже не слишком понятно для такой умной и передовой женщины, как Татьяна. Даже ей нужно было объяснить, что революция требует не только силы и смелости, но и знаний. «По-теперешнему моему чину я вроде как второй командир на корабле. А коли водишь корабль — умеи лоции разбираться... И сколько тебе еще в башку вбить надо, чтобы ты крейсер водить мог, а ты думаешь — революцию ведешь», — как всегда образно и точно объясняет Годун Татьяне свою «неожиданную» страсть к английскому языку. Активной помощи для себя Годун ищет не только в книгах, но и в людях. Поэтому он так ценит людей, которые честно отдают свои знания на служение народу. Поэтому он в свою очередь так терпеливо, внимательно и бережно относится к Берсенеvu, день за днем убеждаясь в том, что Берсенеv станет на сторону народа и будет ему настоящим союзником.

Тема Берсенева в драме Лавренёва неотделима от темы Годуна. Развитие и укрепление их взаимоотношений обусловлено основным конфликтом пьесы, единством происходящих в ней событий. Акты и сцены «Разлома» ни в

коей мере не являются параллельным показом событий в квартире Берсенева и на крейсере «Заря»¹⁾. Они решены Лавренёвым в том единстве, которое рождалось самой жизнью, единством борьбы, в которой Берсенева незаметно для себя начинает принимать участие.

В процессе той сложной внутренней борьбы, которая происходит в Берсенева, он начинает осознавать, что жизнь, его собственная и его семьи, не может быть только его «частным делом». Дом Берсенева не крепость, в которой можно спрятаться от великого исторического разлома в мире и людях. Понимая уже, что ему не уйти от этой проблемы, Берсенева еще не видит конкретного пути, который помог бы ему окончательно решить ее для себя.

* * *

После июльской демонстрации мы встречаемся с Берсенева на крейсере. Он уже успел принять свой обычный внешний вид и только большая внутренняя сосредоточенность говорит о пережитом. Он весь в себе, в своих думах, как Годун — весь в действии. Сегодня Берсенева с особой остротой чувствует, что крейсер уже не подчинен ему безраздельно, и что Годун по-настоящему становится его вторым командиром. Внимательно всматриваясь в лица матросов, он видит, что и в каждом из них живет что-то от Годуна, от его социального оптимизма, независимости, силы. «Неослабевающий романтический порыв, священная ненависть к угнетателям, буйный и упрямый напор, быстрая воспламеняемость и неколеблющаяся решимость — вот качества, характеризовавшие авангард восставших в Октябре рабочих и солдат — матросскую массу, — так писал Лавренев в своем комментарии к «Разлому» и так выглядят матросы в его пьесе в своем подавляющем большинстве.

Но среди них были люди и недостаточно сознательные, колеблющиеся, находящиеся под влиянием меньшевиков и анархистов. Проникали в этот боевой отряд и явные враги²⁾. Поэтому крейсер жил в постоянной атмос-

¹⁾ Таково было понимание драматической композиции пьесы в первые годы ее существования, ставшее традиционным.

²⁾ Неоднородность матросской массы предусматривалась Лавреневым еще в замысле пьесы, но там же он указывал, что большинство в этой массе принадлежит большевикам, в то время как среди комсостава — большинство врагов.

сфере борьбы за неуклонное выполнение генеральной линии партии, за политическую сознательность каждого участника подготавливаемого штурма.

В живых непринужденных матросских сценах «Разлома» все время ощущается тот революционный накал, который в эти дни определял все поступки, все отношения, все оценки людей, высказываемые с особой прямо-той и откровенностью.

Говоря об обобщении событий революции в своей пьесе, Лавренев указывал, что на «Авроре», как «солнце в малой капле вод», отразились действия матросских масс всего революционного флота. И действительно, на примере одного корабля ему удалось достаточно широко показать мощный размах революционного движения в России, раскрыть характер его основных сил.

Жизненная достоверность массовых сцен «Разлома» была обусловлена не только правильностью исторического и политического подхода Лавренева к материалу, но и его собственными живыми наблюдениями над прототипами героев пьесы:

«Я провел среди матросов первые годы гражданской войны, жил с ними дружно и тепло, и психология матроса 17-го года не была для меня загадкой», — говорил он начинающим писателям в 1930 году¹⁾.

В стремительно развивающихся один за другим эпизодах II акта, то шуточных, то героически приподнятых, в разговорах, репликах возникает перед нами по-настоящему новый мир, мир революции. В этот мир, живущий яркой напряженной жизнью, и входит Берсенева с его поисками верного пути в развивающихся событиях. «Фигура Берсенева была положительной фигурой и в этом крылась громадная опасность, потому что, заставив Берсенева играть положительную роль, можно было перегнуть палку», — писал Лавренев в 1930 году в своей статье «Как я работаю».

Драматург внимательно изучил все факты, свидетельствующие о том «разломе» в среде командного состава русского флота, который он хотел показать через Берсенева. Сам он при этом называет историческую личность адмирала Беренса (отсюда и измененная фамилия Бер-

¹⁾ Записную книжку с речевыми характеристиками своих боевых товарищей-матросов Лавренев считает неисчерпаемым источником для своих будущих произведений.

сенева). Мы знаем еще и имя капитана крейсера «Россия» Модеста Иванова, представленного к чину первого советского контр-адмирала за «преданность народу и революции» («История гражданской войны»).

Но факты эти нужно было художественно обобщить, психологически обосновать. В этом была главная трудность. В самом деле, как можно поверить капитану Берсеневу, ставшему командиром революционного корабля, если не знать всей глубины переворота в его сознании, не знать его жестоких сомнений, борьбы, горечи разочарований. Трудно, очень трудно старому человеку менять сложившееся мировоззрение.

Совесьть Берсенева перед матросами была чиста, и шел он к ним с открытой душой, но он еще не умел смотреть их глазами на пропасть, которая разделила Россию на два лагеря. Он не познал еще беспощадной правды классовой борьбы, не допускавшей половинчатых решений, компромиссов. Это была правда, которая не позволяла людям уходить в сторону от решения коренных вопросов жизни. И только она могла помочь Берсеневу в его острой борьбе с самим собой.

* * *

Даже наблюдая жизнь крейсера после решающего для него дня 3 июля, Берсенов еще не видел во всем масштабе той огромной работы, которую вел на крейсере Годун. Она обнаруживается перед ним лишь в кульминационной сцене 2-го акта — сцене приезда представителей Временного правительства.

А между тем деятельность Годуна, как политического руководителя, непосредственно и органично включена в обычный рабочий день крейсера.

Годун умеет сообщить людям важные известия, не отрывая их от дела, поделиться своими соображениями о самых серьезных планах в непринужденной беседе, умеет вовремя вмешаться в разгоревшийся спор и остановить «зарвавшихся». И матросы любят Годуна не только за его боевое революционное прошлое и волю большевика-руководителя. Он дорог им, как свой близкий человек, который хорошо понимает их интересы, их личные заботы и трудности. Особенно привлекательна для них в Годуне его народная сметка, его «жизненная умелость», как хорошо сказал о нем Луначарский. Эту «жизненную уме-

лость» ценил в Годуне и Берсенев. Годун много требует, но зато он много и дает. Воспитанный в лучших традициях русского революционного флота, большевик и революционер, Годун — фигура большого исторического масштаба.

«Годун—это руководитель, это—строитель, это—большой человек», — пишет Луначарский в своей статье «Положительные типы в театре и жизни»¹⁾, определяя образ Годуна, как явление новое и типичное: «такие типы уже есть, даже были и еще будут»... «Годун не единица».

Не выделяясь из общей матросской массы, кровно с ней связанный, говорящий на том же хлестком грубоватом матросском языке, Годун стал вожаком потому, что партия научила его понимать жизнь и суровые законы классовой борьбы.

Годун, по его собственному выражению, имел перед собой мишень, а «нынче тот только себя соблюсти сможет, у кого своя мишень есть», — с гордостью говорит он Татьяна.

Целеустремленность Годуна была той огромной силой, с помощью которой он сплачивал вокруг партийной организации крейсера матросскую массу. Только поэтому он мог успешно вести борьбу с классовыми врагами, пытавшимися нарушить единство матросского коллектива.

Это о таких людях, как Годун, были сказаны великолепные слова Николая Островского:

«Человек делается человеком, если он собран вокруг какой-нибудь настоящей идеи. Тогда человек живет не по частям, а единым целым. С этого, собственно, и начинается человек. Этим он и силен».

Единым целым жила и вся команда «Зари». Годун никогда не говорил «я», когда действовал от имени этого коллектива, потому что для него все честные сознательные матросы, люди передовые, люди из народа, были равноправными участниками борьбы, начатой еще «Потемкиным». «Издавна мы ученые. «Потемкин» начал—нам кончать» — вот тезис, которым определяет Годун позиции революционных матросов в своей разъяснительной беседе перед решающими днями великого Октябрьского штурма.

И простые слова эти, как боевой сигнал, звучат не только для старых потемкинцев, но и для тех, кто понял

¹⁾ «Красная газета», 20. I, 1928 г.

необходимость решительного боя сейчас. Поэтому с таким одобрением выслушивают матросы речь Годуна, которую он посвятил политическому положению в стране и разоблачению контрреволюционной политики Временного правительства, пославшего на крейсер свою комиссию.

«... Идет на нас гром не из туч, а от Керенского. Едут нас пощупать, с чего мы такие шершавые да колючие и нельзя ли у нас найти мягкого места, да ущипнуть покрепче. Раззадорились на нас буржуи, братишки...

Хотят нас к чертовой матери со света сжить, загнать флот в бутылку так, чтобы и нашего духу было не слышно...

Знает канареечка — Керенский, что недолго ему чирикать, пока флот живой. Они вот нам кричат в рожу, что мы, дескать, шпионы немецкие и предатели, с фронта корабли увели, воевать за проливы не желаем, а сами хуже того сделать хотят. Вовсе корабли разоружить, а матросов погнать в маршевые батальоны.

Встреча команды «Зари» с делегацией Временного правительства явилась первым этапом того решительного наступления, которое повел революционный флот на меньшевистско-эсеровских предателей.

Эта встреча была организована Годуном очень умно. Она стала своего рода наглядным уроком для матросов. На ней они могли убедиться и в предательстве Временного правительства и выявить врагов, до сих пор таившихся в их собственной среде под разными масками.

Решительную, переломную роль сыграла эта встреча и для Берсенева. Капитан «Зари» не думал о том, что предстоящий визит носит не совсем обычный характер. Он искренне готовился к официальной встрече. Зная о том, что меньшевики распространили слух о превращении «Зари» в «пловучую помойку», Берсенов испытывал особое чувство гордости за то, что встретит делегацию в полном «порядке и блеске».

И снова подтянутый, корректный капитан Берсенов оказывается свидетелем небывалого акта. Снова он сталкивается с непреодолимой логикой классовой борьбы.

Как маскарадные герои появляются на палубе «Зари» делегаты Временного правительства. Эта маскарадность подчеркнута и в авторской ремарке:

«... На одном из куплетов (песни, которую поют матросы при встрече) на палубе показываются: адмирал,

за ним человек во френче, с заложенной за борт левой рукой под Наполеона, и Матрос в черноморской фуражке, маленький и щуплый человечек, держащийся явно неумело в матросском костюме. Матросы обрывают пение и нарочито же стремительно вскакивают».

Но за этими ряжеными делегатами стояла еще не сломленная революцией враждебная сила буржуазного строя. Эту силу чувствовал за собой адмирал Милицын, пытавшийся нагло распоряжаться на крейсере, отстранив Годуна и Берсенева. В эту силу старался заставить поверить матросов Успенский, самоуверенно призывающий их не проливать «братской крови» и не слушать большевиков. Наглость и несостоятельность делегации, рассчитывающей на успех своей миссии, с головой выдала нелепая фигура «черноморца Хваткина». Эта грубая провокация доставила матросам особенно полное удовольствие разоблачения. «Большевиков не цапай!» — вот их окончательный ответ комиссии. Не ревизия корабля правительственной комиссией, а суд народа над предателями и провокаторами, не «мирные переговоры», а страстное политическое сражение — вот во что вылилась эта встреча, вызвавшая у матросов гневное желание немедленно взяться за оружие.

Даже Годуну трудно было удержать их от расправы с делегатами после угроз Милицына и его приказа об аресте судового комитета. Эпизод явно выходил за рамки намеченного плана. Все это было настоящим открытием для Берсенева. Он впервые почувствовал, как далеко и бесповоротно ушел от прошлого. В несколько коротких напряженных минут к Берсеневу пришло сознание, что он полностью одобряет справедливый гнев матросов. И когда он резко заявляет Милицыну, что «в иные минуты нужно быть зрячим», эта фраза одновременно звучит, как ответ на его собственные ошибки.

«Мне трудно с этим помириться», — честно признается Берсенов Годуну, который с присущей ему чуткостью предложил капитану уйти, если ему «не под силу». — «Мы понимаем, что тяжело против своих идти всерьез».

Но также честно звучат другие слова Берсенева: «(глухо с усилием) Мне поздно отступать.., (твердо) я не оставляю крейсера до конца».

И это не обычное выражение профессиональной честности капитана, не желающего оставлять корабль в труд-

ную минуту. В Берсенева действительно родилась твердая уверенность в том, что как ни труден избранный им путь, он единственно верный для него. Недаром во второй редакции «Разлома» Лавренев делает формулировку его ответа Годуну еще более точной: «Я пойду с матросами до конца».

★ ★ ★

Встреча команды «Зари» с комиссией Временного правительства — центральная сцена II акта и один из самых острых по драматизму эпизодов пьесы, сыгравших переломную роль в сознании Берсенева.

В этой сцене для него раскрылась не только классовая непримиримость позиций революционного народа и буржуазного Временного правительства. Он увидел в ней по-новому и силу этого народа и понял, наконец, истинную роль, которая принадлежала на крейсере Годуну, как его политическому руководителю.

Однако даже после второго потрясения трудно было Берсеневу помириться с тем, что приходится окончательно порывать с прошлым, с установившимися нормами жизни.

Он все еще пытается отделить свою жизнь на корабле от своей домашней, семейной жизни. Он понял социальную правду, утверждавшуюся в России революционным народом, но он еще не до конца осознавал, что, связав с этим народом свою судьбу, он должен быть гораздо более требовательным по отношению к себе и членам своей семьи. Для него еще не стало ясным, что в создавшихся условиях не может быть никаких семейных тайн, тщательно скрываемых от «чужого глаза». Берсенева очень заботит личная драма дочери, порвавшей с мужем. Но в лейтенанте фон-Штубе он видит только глубоко презираемого человека, бездушного эгоиста, чванного аристократа. Брезгливо отгородившись от Штубе в своем доме, Берсенева не замечает его таинственной деятельности, не чувствует за собой притаившегося врага, который активно готовит заговор против народа, против революции. Он считает историю со Штубе лишь обычным семейным делом. И этот его просчет, его неумение за личным увидеть общее, обнаружить врага в собственном доме, едва ли не стоит ему жизни.

Страшной минутой гневного недоверия Годуна и всей матросской массы расплачивается Берсенева за свою «ли-

повую дворянскую гордость», как верно определил его неуместное молчание Годун.

Драматическая сцена разоблачения заговора Штубе — высшая кульминация в отношениях Берсенева с матросами. Все, что до сих пор связывало его с ними, проверяется на этом факте. В нем глубоко раскрывает Лавренев тезис, который проходит через всю пьесу: если идешь с революционным народом, нужно хорошо видеть его врагов, быть бдительным, никого и ни за что из этих врагов не щадить. На всю жизнь запомнит теперь Берсенева тот короткий трагический диалог, которым обменялся он с Годуном в кругу разъяренных матросов.

На живую, полную горечи реплику Годуна об его измене, на взволнованные его вопросы: «Как же мне теперь с вами? Как же? Предали?» — Берсенева мог только также взволнованно воскликнуть: «Годун!». Но за этим одним словом, за интонацией, с которой оно было произнесено, можно было угадать, какой мучительной болью, стыдом и смятением было наполнено сердце старого капитана. Над ним совершался самый страшный, самый невероятный, самый позорный для его гражданской и военной чести акт обвинения в измене, а он все еще пытался сохранить «честь семьи» и не выдать человека, которого эта семья уже давно отвергла. Его оправдывало лишь то, что он действительно ничего конкретного не знал о заговоре Штубе, и прозрение Берсенева было настолько искренним и сильным, что рассеяло всякие подозрения команды, с облегчением вернувшей ему свое доверие и свою любовь.

В одной из своих статей Горький писал: «Необходимо перевоспитать себя так, чтобы служба социальной революции была личным делом каждой честной единицы, чтобы эта служба давала личности наслаждение».

Такой процесс перевоспитания и происходит в Берсенева. После всего пережитого им со дня 3 июля до октябрьского штурма, после всех мучительных раздумий и сомнений, Берсенева осознает, наконец, что служба революции — действительно его личное дело, дело человека новой истории. И только теперь, став этим новым человеком, Берсенева понял, что он не просто капитан «Зари», а командир революционного корабля.

История капитана Берсенева в «Разломе» заканчивается на том важном моменте в его жизни, когда он с

радостью и гордостью за оказанное ему доверие, отдает приказ крейсеру двинуться в поход «За мир, за хлеб, за землю, за нашу долю... в разлом...» — за власть советскую.

★ ★ ★

Берсенева не был единственным офицером на крейсере, пережившим такой жизненный кризис. Около него, как и около Годуна, тоже была своя группа — группа молодых офицеров, мичманов, которые следовали за своим командиром не только по долгу службы, но и по общности убеждений, по своему стремлению быть вместе с народом в решительные моменты его исторической жизни.

Эта молодежь также внимательно и жадно наблюдает жизнь революции, также находит в ней свой путь. И группа эта становилась реальной, положительной силой на крейсере, хотя около Годуна, как говорил Луначарский, была уже «целая связка положительных типов», а около Берсенева — лишь единицы.

В своей статье о работе над «Разломом» Лавренев писал, что ему хотелось возглавить комсостав крейсера двумя фигурами, которые были бы в свою очередь окружены двумя группами: враждебной и дружеской. «Отсюда — четырехугольник: Берсенева—Штубе, Годун—Швача». Этот замысел находит в пьесе совершенно точное выражение.

Линия взаимоотношений этих четырех действующих лиц все время переплетается, причем разоблачение Штубе и Швача идет в пьесе с самого начала и логически завершается в финале. Штубе разоблачает прежде всего сама семья Берсеновых, Швача — матросская масса.

Конфликт между Берсеновым и Штубе, с одной стороны, Швачом и матросом — с другой, построен Лавреневым таким образом, чтобы он широко отражал общий социальный конфликт, существующий между революционным народом и его врагами, то есть тот конфликт, который обуславливает характер и содержание всей пьесы.

Как мы видим, жизненный путь капитана Берсенева закономерно подводит его к служению революции, а социальная биография Штубе, его мировоззрение неизбежно ведут к предательству интересов народа, интересов революции. Это и есть тот «разлом» в среде комсостава, который был так важен для Лавренева. И это в то же время гораздо более широкий и значительный разлом, пото-

му что за спиной Штубе стоят не только представители комсостава флота, но и все враги русского народа, перешедшие, как и Штубе, с позиций стороннего наблюдателя революции к активной, ожесточенной борьбе с ней. Службист, карьерист, он жил только для себя, для своих сугубо личных целей. И так прожил бы, затянутый в мундир, до конца своих дней, не случись в России революции. Она сорвала с него маску и перед лицом его собственной семьи и перед лицом народа. В истерической злобе Штубе, понявшего, что этот народ действительно, по-настоящему становится хозяином жизни, мы узнаем знакомые черты Липеровского из «Мятежа» Лавренева, также славившегося своей офицерской выправкой, своей безупречностью офицера-службиста и также потерявшего человеческий облик в своей яростной ненависти к революционному народу.

Опыт «Мятежа» позволил Лавреневу быть очень лаконичным в изображении Штубе, предельно точная характеристика которого говорит о выросшем мастерстве драматурга.

Шире и детальнее показывая помощника Штубе, боцмана Швача, Лавренев раскрывает в нем не только его собственную психологию врага народа, но и отражение в его взглядах и поведении влияния Штубе, орудием которого Швач является. Швача не трудно было завербовать в контрреволюционный заговор. Его стяжательская кулацкая натура, его презрение к массе, из которой он выделился годами унижительного выслуживания перед начальством, его жадность, грубость, бесцеремонность в выборе средств для продвижения в жизни — все эти качества сродни психологии Штубе и ему подобных. В тот момент, когда переодетый Штубе с помощью Швача взбирается на борт «Зари», сообщники говорят на совершенно одинаковом языке брани и мордобоя.

И оттого, что характеристика Штубе и Швача уже достаточно ясно и детально раскрывается Лавреневым в первых двух актах «Разлома», сам заговор — беседа Штубе с полковником Ярцевым и поручиком Полевым, уточняющая контрреволюционные цели заговорщиков, их движущие силы и средства — композиционно включен в пьесу лишь как внешний сюжетный стержень третьего акта.

В основе же его лежит глубокая внутренняя тема, те-

ма Татьяны Берсеновой, окончательно выбирающей свой путь в революцию.

Татьяна — центральный образ III акта. Через ее отношение, оценки, реакции, воспринимаются в нем все события. Татьяна с детства привыкла жить интересами отца. Любознательная, пытливая девочка много читала, но книги никогда не ограничивали ее круг познаний о мире и людях. Жизнь Берсенева, широко общавшегося с внешним миром, богатая опытом и впечатлениями, была для нее самым лучшим примером. Настоящая большая дружба с отцом, их взаимопонимание, во многом определили характер Татьяны, ее мировоззрение. Но была у Тани и своя большая ошибка в жизни, за которую ей пришлось дорого заплатить. Она выбрала себе мужем лейтенанта фон-Штубе, одного из тех моряков с Елагинской стрелки, которых так презирал ее отец.

Став женой «блестящего» морского офицера, она не превратилась, однако, в типичную светскую женщину. Продолжая жить с мужем в своей семье, она оставалась по-прежнему дочерью своего отца и сохранила ту крепкую духовную связь с ним, которой так дорожила.

В этой умной, энергичной женщине жила постоянная жажда деятельности, стремление ближе узнать тот новый мир, который стремительно возникал вокруг нее.

Работа в госпитале была первым ее шагом в этой новой жизни, открывшейся ей вместе с революцией, и Татьяна сразу почувствовала, что сегодняшний мир не только «кипит и бушует», а что он и «пахнет по-новому». Его содержание определили новые люди. Их нужно было прежде всего узнать, чтобы понять это.

Новые интересы Татьяны, ее поведение, наконец, ее труд медсестры, которым она занималась отнюдь не из благотворительности, изменили и ее отношение к мужу. Его равнодушие к происходящим событиям, его позиция стороннего наблюдателя очень возмущали и волновали Татьяну. Но она никогда не думала, что за внешним холодным безразличием Штубе таится такая неудержимая ненависть к революции, что Штубе способен во имя этой ненависти стать врагом ее отца, которого Татьяна всю жизнь считала образцом честного и справедливого отношения к миру и людям.

В первом же серьезном разговоре с мужем Татьяна убедилась в том, что разрыв с ним неизбежен и что при-

чина его гораздо сложнее, чем можно было до сих пор предполагать.

Самое яркое, самое сильное чувство, охватившее Татьяну, когда она обнаружила истинное лицо Штубе, было чувство непримиримости. И оно было сильнее обычной грусти от разочарования в близком человеке, потому что самым страшным в ее ссоре с мужем было бесповоротное расхождение в мировоззрении. Это было главной катастрофой в личной драме Татьяны.

Но это же сознание и давало ей силы на то, чтобы мужественно пережить ее: она твердо верила в свою правоту. И все же свой разлом, свою горе. Татьяна так же, как и Берсенева, считала только своим личным делом, хотя сама совершенно точно определила, что путь Штубе — подлый путь, что его позиция по отношению именно к народу, а не к ней лично — преступление.

Сознания того, что «все вокруг стремительно и страшно разваливается», еще не было достаточно Татьяне для того, чтобы понять существо этого разлома. Но так же, как отец, она стремилась его понять и хотела до конца разобраться в событиях, так явно повлиявших на ее личную судьбу. Решающую роль в этой судьбе сыграла встреча Татьяны с Годуном.

Дружеские отношения с Годуном возникли в семье Берсеньевых уже давно, но сначала Татьяна ценила его только за преданность отцу и жизнерадостный характер. И только позже оценила в нем те качества, которые могли помочь ей найти правильный выход из создавшегося для нее положения.

Годун был не только непримирим по отношению к врагам народа и не только хорошо знал средства борьбы с ними. В его «упрямой и добротной прочности» Татьяна увидела реальные черты того нового мира, к которому она шла так же открыто, как и ее отец. И так же, как Берсенева, она поняла, что только такие люди, как Годун, знают к нему дорогу. «Это вы правильно сказали о мишени. Хорошо сказали. Верно, я себя оттого так плохо чувствую, что мишени не вижу, оттого, что земля под мной стала шататься и дорога потеряна...», — с горечью признается она Годуну.

Разговор, в котором Татьяна произносит эту очень важную для себя фразу, начинается, как обычно, за чайным столом, когда утомленная тяжелым дежурством Татъ-

яна делится с Годуном своими впечатлениями от пережитого за ночь и невольно задает ему вопрос: Когда это кончится? Для нее это проблема. Для Годуна — «пустой вопрос». И он совсем не упрощает дела своей борьбы, когда объясняет Татьяне правила «большевистской» арифметики. Дать возможность миллионам мирно трудиться, перебив для этого тысячу тунеядцев и эксплуататоров — это дело великое, благородное, трудное, но в то же время сознание необходимости его для революционного народа — действительно «простая вещь». Только с ним можно по-настоящему идти вперед и побеждать.

И Татьяна искренно признает за Годуном право быть ее руководителем на этом пути: «Каждый знает что-нибудь нужное для другого. Научите — честно скажу спасибо».

А в это же время, в соседней комнате идет другой разговор — Штубе со своими сообщниками. И именно здесь зреет настоящий ответ на волнующие Татьяну вопросы. Она еще не знает, что суровые законы классовой борьбы уже начали действовать в ее доме, что представители тех тысяч, о которых говорил Годун, активно стремятся помешать народу установить на земле свою правду, свою большевистскую арифметику. Но не случайно именно Татьяну Лавренев заставляет вовремя предупредить судовой комитет «Зари» о подготовке взрыва. Лавренев не выдумал подобной ситуации и не воспользовался ею для театрального эффекта. В материалах об «Авроре» он обнаружил две строчки: «Пытались взорвать, и организацию заговорщиков выдала женщина».

Задумывая образ Татьяны, Лавренев, конечно, не считал возможным ввести его в пьесу только на основании этих двух строчек, тем более, что, пытаясь узнать что-нибудь подробнее о женщине, раскрывшей заговор, он обнаружил совершенно личную причину ее поступка: она ревновала мужа, участника организации.

«Нужно было продумать какие-то другие психологические мотивировки, которые дали бы возможность, оставивши этот сюжет, перевести его на другие рельсы», — вспоминает Лавренев о своей работе над пьесой. Я решил, что сюжет пьесы должен быть построен на политической стычке, на политическом расхождении между этими персонажами пьесы...» (т. е. Татьяной и ее мужем).

Таков был отправной тезис для решения образа

Татьяны, нашедший в пьесе глубокое психологическое развитие. Политический смысл своего расхождения с мужем Татьяна осознает только в финале, в той сцене, когда Штубе уводят на расстрел. И приходит она к этому сознанию путем сложной борьбы за свое новое понимание смысла жизни.

Мы знакомимся с Татьяной в одну из самых тяжелых для нее минут и шаг за шагом наблюдаем, как мужественно преодолевает она те трудности, которые возникли у нее после разрыва с мужем.

Трудно ей стало жить в своей собственной семье. Не понимала она, оказывается, до сих пор не только мужа. Она не замечала отчуждения родной сестры, не заметила, как рядом с ней вырос совершенно самостоятельный человек с невероятно циничной психологией и манерами кафешантанной дивы. Среди персонажей «Разлома» младшая сестра Татьяны — Ксения занимает очень скромное место. Обычно ее даже считают только пикантной иллюстрацией к тому распаду, который происходит в семье Берсеновых.

Но на образе Ксении Лавренев очень серьезно и глубоко раскрывает не только тему разлома, а совершенно самостоятельную и очень важную тему формирования мировоззрения подростка, не успевшего нажить до разлома никаких прочно установившихся взглядов на жизнь. И показывает Лавренев Ксению совсем не в «игровом» плане» (чем любили пользоваться при постановках пьесы многие театры), а очень тепло и сочувственно. Была Ксения во время войны совсем ребенком, воспитанием ею всерьез никто не занимался, а она между тем выросла и выбрала себе свой собственный путь. Веселая, озорная девчонка, общая любимица семьи, еще недавно с увлечением игравшая в куклы, она втянулась в среду «золотой молодежи», совершенно чуждую духу семьи Берсеновых. Здесь можно было жить в выдуманном мире, уйдя от революционной бури, которой Ксения совсем не понимала, да и не хотела понять.

В судьбе Ксении, игравшей в «эмансипе» и «полудеву», в то время, как ее отец и старшая сестра становились на путь революции — прежде всего вина их самих. Она уже не была тем малым ребенком, которому нельзя знать, что делают взрослые. Ее можно было и должно было отвлечь от опасного пути бесцельного, бездумного

«прожигания жизни», заставить работать, жить и думать по-настоящему, тем более, что за внешним обликом этой прелестной легкомысленной «феи» жило и чувство неудовлетворенности своей богемной жизнью и тревога за будущее.

В коротенькой истории Ксении на первый взгляд нет ничего, связывающего этот образ с такими положительными персонажами пьесы, как Берсенева и Татьяна.

На самом же деле судьба Ксении — одно из звеньев той психологической драмы, которую переживает вся семья Берсеновых.

В душе Ксении тоже идет своя борьба, свой внутренний процесс перевоспитания. Ее легкомыслие — лишь временная и непрочная защита от внешнего мира, от его проблем, от страданий, мыслей, от чувства ответственности за свое существование. И в Ксении совсем не до конца потеряна кровная связь с отцом и сестрой. Иначе она не стала бы объяснять Татьяне причины своего поведения. «Мы начали входить в жизнь, когда она стала рушиться. Мы ничего не видели в ней, кроме разлома и муки». Эти слова Ксении лишний раз должны послужить упреком Татьяне, которая не сумела это понять и в свое время помочь сестре разобраться хотя бы в том, в чем она начала разбираться сама. И это хорошо показывает Лавренев во 2-й редакции «Разлома», где Годун задает Татьяне очень существенный и прямой вопрос, как это могло случиться, что в семейном гнезде Берсеновых Ксения — «будто совсем иных кровей, как кукушкой подкинутая». В то же время Лавренев правильно предусматривает в будущем, что путь Татьяны рано или поздно станет путем Ксении.

Он объединяет сестер уже в истории подготавливаемого взрыва «Зари», которая для каждой из них является по-своему переломным событием.

Для Ксении — это первое и страшное ее столкновение с реальной действительностью, с борьбой, в которой принимает участие ее отец, только начало прозрения, но начало, достаточно сильное, чтобы после него можно было жить по-прежнему.

Для Татьяны — это один из завершающих этапов ее пути в революцию. Теперь она уже совсем ясно увидела те два мира, между которыми шла ожесточенная, кровопролитная борьба, казавшаяся ей такой бессмысленной.

И только на палубе «Зари» после всего пережитого Татьяна могла бы сказать словами Любви Яровой, что лишь с этой минуты она — настоящий товарищ людям, которые открыли ей на это глаза.

Так приходили к служению социальной революции люди, которые поняли величайшую радость борьбы за новый строй жизни. Это к ним, к таким трудовым интеллигентам, как Берсенев и Татьяна, обращался Горький со своим страстным призывом: «Идите с нами к новой жизни, ради создания которой мы работаем. Идите с нами на борьбу против старого порядка, на работу создания нового строя жизни, идите с нами к свободе и красоте жизни!».

5.

Итак, анализируя «Разлом», мы приходим к выводу, что содержание и форма этой пьесы определяются содержанием и формой той классовой борьбы, которая уже привела предреволюционную Россию к «разлому» и ставила на повестку дня необходимость коренного переворота от старого капиталистического мира к новому, социалистическому миру. Характер этой борьбы в условиях подготовки Октябрьской революции безусловно отличается от характера и особенностей классовой борьбы в период гражданской войны, которому посвящена первая пьеса Лавренева «Мятеж». Но идейно-художественная связь между «Мятежом» и «Разломом» несомненна и не только потому, что обе пьесы принадлежат одному жанру — героической драмы.

В «Разломе» в более совершенной, законченной, художественно-убедительной форме Лавренев продолжает развивать ту же тему столкновения сил революции и контрреволюции, в котором побеждает социалистическая революция, побеждает народ. В нем так же, как и в «Мятеже», существо этого столкновения раскрывается в характерах действующих лиц, в их судьбах, взаимоотношениях, психологии.

В «Разломе», как и в «Мятеже», существуют два классово-враждебных лагеря, хотя контрреволюционный лагерь «Разлома» и не имеет своего самостоятельного места действия, своего «стана».

И центральный герой «Разлома» — тоже народ. Не-

смотря на недостатки образа Рузаева, у него много общего с Годуном. Оба они — представители революционного народа, оба воодушевлены одной идеей — окончательной победы революции, оба умеют вести за собой массы и быть беспощадными к врагу. Рузаев, как личность, как герой, так же определяет одно из главных достоинств «Мятежа», как Годун — «Разлома».

Таким образом, «Разлом» непосредственно продолжает линию «Мятежа», а не противопоставлен ему, как говорится в критико-библиографическом очерке И. Эвентова, посвященном творчеству Бориса Лавренева¹⁾.

Прежде всего, неверно основное положение И. Эвентова: он не сравнивает вообще идейно-художественные особенности обеих пьес, а противопоставляет недостаткам «Мятежа» достоинства «Разлома». При этом, недостатки «Мятежа» И. Эвентов также определяет, с нашей точки зрения, неверно. Коренной недостаток этой драмы И. Эвентов видит в «ложно-романтических традициях», в том, что «внешние эффекты» подменяют собой «реалистическую мотивировку событий». В художественных средствах «Мятежа» И. Эвентов видит только ходульность, нарочитость, риторику, натурализм.

Заявляя, что «Разлом» во многом противоположен «Мятежу», И. Эвентов снимает всякое значение опыта «Мятежа» для «Разлома», делает появление «Разлома» не результатом творческого роста Лавренева как драматурга, а фактом случайным, произвольным.

Тематическую и идейно художественную связь «Разлома» с «Мятежом» подтверждают и отклики на «Разлом» в прессе 1927—1928 гг. Появившийся сначала на сцене, а не в печати, так как пьеса писалась по специальному заказу театра и сразу получила сценическое крещение, «Разлом» расценивается в этих откликах как спектакль. Поэтому во многих рецензиях толкование «Разлома»-пьесы подменяется толкованием «Разлома»-спектакля. Это обстоятельство, как мы увидим позже, сыграет значительную роль в судьбе «Разлома», в трактовке его идеи, образов, его главных героев.

Извлекая из этих смешанных рецензий мнения о характере и содержании самой пьесы, мы обнаруживаем

¹⁾ И. Эвентов. «Борис Лавренев». Критико-библиографический очерк. Издательство «Сов. писатель». Ленинград, 1951.

следы той же борьбы реалистического и формалистического направлений в искусстве, которая уже знакома нам по истории «Мятежа», хотя теперь в этой борьбе были иные масштабы и иная расстановка сил. *

Во-первых, признание «Разлома» пьесой, достойно отвечающей юбилейной дате X-летия Октября, было почти единодушно.

Во-вторых, большинство мнений сходилось на том, что идейно-художественные достоинства «Разлома» обусловлены не только вообще реалистическими принципами ее автора, но и принципиально новыми жанровыми признаками «Разлома», как революционной драмы.

«Разломом» дан отличный отпор многочисленным попыткам превратить театр в музей восковых фигур», — писала «Красная газета» в своей рецензии от 9. XI. 27 г.

«Разлом» — первый удачный опыт построения сюжетно разработанной революционной драмы, в которой ни один из разнородных элементов не подавляет другой, но низводит его на уровень эпизода», — так высказывается на этот раз журнал «Жизнь искусства»¹⁾.

Эти мнения определяли точку зрения ленинградской прессы. Ее разделяли и московские рецензенты. Здесь интересное высказывание мы находим у П. А. Маркова. Хотя он так же, как многие критики, считал, что до степени «высоты и обобщенности» лавреневскую пьесу довел театр им. Вахтангова, им отдавалось должное и самой пьесе: «Разлом», по его мнению, уже в самом названии лишен «назойливого разделения по категориям. Разлом, характеризующий Октябрьскую революцию, автор наблюдает и в среде интеллигенции, и в среде матросов, подчеркивая особенности восприятия ими революции и ставя это восприятие в соотношение с внутренним образом, а каждый образ — в действенное столкновение... Принятие или непринятие нового пути становится внутренней проблемой... духовной задачей человека — ради чего?»²⁾.

Выдержал «Разлом» и ответственное испытание у зрителя. Сценическая судьба «Разлома» имеет большую и славную историю, заслуживающую специального исследования.

¹⁾ «Жизнь искусства», № 46, 1927 г., стр. 8.

²⁾ «Новый мир», № 1, 1928. Статья П. А. Маркова. Об Октябрьских премьерах.

Но важно отметить, что уже в самых первых, непосредственных откликах зрителя на спектакли «Разлома» в юбилейные дни 1927 года определялось основное, решающее его достоинство, как героической драмы, содержанием которой была подлинная жизнь революции и ее героев: «Спектакль оставляет неизгладимое впечатление. Когда смотришь его — снова красочно вспоминается все пережитое в годы революции», — писал в своем отзыве В. В. Куйбышев, выражая общее мнение делегатов XV съезда партии, просмотревших спектакль театра им. Вахтангова 9 декабря 1927 года.

Большим событием явилась постановка «Разлома» и для ленинградского зрителя: «Разлом» не только юбилейная пьеса, сходящая с репертуара с окончанием юбилея, но художественная вещь, которой, по-видимому, предназначено долго жить на сцене. Вы посмотрите, как реагирует на нее наш зритель..., впервые на сцене Ленинграда мы наблюдаем такое объединение сцены и зрительного зала: содержание пьесы и исполнение настолько соизвучны современному зрителю, что он то и дело выступает в качестве активного участника спектакля) — таков отзыв о «Разломе» «Ленинградской правды»¹⁾.

Даже этого краткого обзора первых рецензий о «Разломе» вполне достаточно для того, чтобы убедиться, какое значение имела эта пьеса для советского театра.

И формалистическая критика не могла теперь совершенно отрицать «Разлом», как она отрицала «Мятеж». Но принять «Разлом» как положительное и новое явление в драматургии эта критика также не могла.

Об идейном содержании новых советских героических драм многие критики вообще высказывались крайне безапелляционно. Например, критик С. Метиславский, посвятив свою статью двум юбилейным спектаклям — «Разлому» в театре им. Вахтангова и «Бронепоезду» во МХАТ расправляется с обоими, почти буквально одним росчерком пера. «Бронепоезд», по его мнению, мало отвечает юбилейной дате потому, что «только по обывательскому недоразумению может считаться революционным». А «Разлом» есть только «по элементарной политграмоте написанное, несложное по фабуле драматургическое классное сочинение. Сюжет прост до последней меры... Ха-

¹⁾ «Ленинградская правда», 30. XI. 27 г. № 273.

рактеры упрощены до трафаретки». Поэтому спектакль сделан театром «мимо автора»¹⁾. Последним заявлением Мстиславский обнажает истинную причину своего недовольства «Разломом». Эта пьеса еще раз наглядно опровергала принцип самодовлеющего формалистического театра с его подменой автора режиссером-экспериментатором. И критик еще раз пытается доказать, что автор ничего не решал в успехе спектакля. Самое оригинальное, что режиссером, сработавшим спектакль «мимо автора», оказывается А. Д. Попов — один из лучших режиссеров-реалистов, начинавших свою деятельность в ту пору и отличавшийся особенно бережным, внимательным отношением к авторскому замыслу, к авторскому тексту. Еще более циничным было выступление по поводу «Разлома» другого критика в журнале «Октябрь». Начав свою оценку «Разлома» с весьма развязного заявления о том, что пьеса эта действительно с «заслугами на красном фронте», он затем последовательно развенчивает и содержание, и характер, и форму «Разлома»²⁾.

Статья эта была написана спустя два года после постановки «Разлома», в 1929 году. Посвященная специально творчеству Лавренева-драматурга, его двум пьесам — «Разлом» и «Враги», она наполнена откровенными выпадами против стремлений писателя отразить в своих драмах жизнь революции во всей ее полноте и сложности и показать, что участниками революционных событий и строителями социалистического мира становились не только рабочие и крестьяне, но и представители лучшей части интеллигенции.

Борясь, якобы, за «чистоту рядов» героев советской драмы, критик отрицал возможность равноправного существования рядом с героями пролетарского происхождения — Берсеневых и Шаховских³⁾. Своей статьей он наглядно иллюстрирует тот факт, что на литературоведческом фронте продолжалась ожесточенная классовая борьба.

Лавренев, конечно, не мог не откликнуться на подобные выпады. Отвечая Мстиславскому, он правильно определяет источник его рассуждений: это позиция тех же

¹⁾ «Красная газета», 18. XI, № 310.

²⁾ «Октябрь», № 12, 1929 г.

³⁾ «Герой пьесы Лавренева «Враги», бывший дворянин, ставший советским летчиком-командиром.

«цитатчиков и вульгаризаторов», с которыми Лавренев полемизировал еще в дискуссии 1926 года. Они притаились, но иногда вылезают на свет и «мгновенно обнаруживают наследственные навыки (метателей козырных тузов).

«Я отлично знаю, — заявляет при этом Лавренев, — что «Разлом» не идеальная пьеса. Мучительно и трудно строится наш молодой театр... Чрезвычайно обязан всем товарищам, которые... указали не только плюсы пьесы, но и ее минусы, сделали это не с наплевательским злорадством, а с искренним желанием помочь мне в дальнейшей работе по созданию настоящей современной пьесы. Ибо и драматург и критик одинаково заинтересованы в расцвете театра»¹⁾.

То, что дискуссия, возникшая между Мстиславским и Лавреневым, не являлась частным делом и не была лишь эпизодом, несколько омрачившим торжество общего признания «Разлома» прессой, подтверждается интересной статьей «Красной газеты» под заголовком «О партизанах на сцене и партизанах в критике»²⁾. Автор этой статьи пытается «помирить» Лавренева и Мстиславского на нейтральной почве, обвиняя того и другого в крайностях позиций, в недозволенных приемах полемики. Но прежде всего он признает, что «в театр снова пришел настоящий литератор, а не закройщик скороспелок — пьес», следовательно, к этому явлению следует отнестись благожелательно, а не «поплевывать налево и направо».

В выводах статьи справедливо указывается, что полемика Лавренева и Мстиславского лишний раз доказывает неудовлетворительность состояния профессиональной критики, применяющей часто в качестве критерия произведений искусства «устав броневых частей»³⁾ и забывающей, что уже давно устарел взгляд на искусство, как на «летом вкусный лимонад».

Ио этих весьма незначительных и не затрагивающих существо дела признаний было далеко недостаточно, чтобы «Разлом» был действительно оценен по заслугам. В этой осторожной статье критик тоже идет «мимо автора»,

¹⁾ «Красная газета», 5. XII, 1927 г., № 327.

²⁾ «Красная газета», 29. XII, № 351.

³⁾ Мстиславский придирался к техническим деталям бронепоезда в «Бронепоезде 14—69».

мимо главного, что делало «Разлом» настоящей литературой, хотя таковой именно он и признавался.

6.

В 20-е годы текст «Разлома» так и не был подвергнут по-настоящему детальному, принципиальному анализу. И победное шествие его по сценам советских театров на долгие годы задержало этот анализ. Пьеса обычно рассматривалась сквозь призму того или иного спектакля.

А между тем сам автор «Разлома» считал, что в пьесе есть серьезные недостатки. Он признавал это и в 1927 году и значительно позже.

В своей статье «Два поколения», написанной в 1947 году, Лавренев заявил: «Разлом» не был свободен от недостатков и недостатков крупных. В нем было немало прямолинейности и примитивизма в изображении событий. И в 1943 году, просмотрев пьесу, я коренным образом переработал ее»¹⁾.

Вторая редакция «Разлома» представляет большой интерес, хотя работа, проделанная Лавреневым над текстом пьесы, являлась не коренной переработкой, а доработкой, которая имела целью не изменение основного содержания пьесы, а обогащение его.

Прежде всего, во второй редакции уточнены характеристики главных действующих лиц, их взаимоотношения, мотивировка их поведения. От этого точнее, определеннее, ярче стали все события, происходящие в пьесе, напряженнее и острее стала борьба матросов с контрреволюционными элементами на крейсере, значительнее и определеннее все конфликты, все политические, идеологические, личные и общественные столкновения в пьесе.

Особую значительность и силу приобретает во второй редакции образ Годуна. Еще в первой редакции он испытывал чувство большой ответственности за свою роль руководителя. Теперь, в разговоре с Татьяной в 1-м акте, который вообще Лавреневым значительно расширен, Годуну дана развернутая реплика, заканчивающаяся словами: «сколько тебе еще в башку грузить надо, чтобы ты перед Лениным себя оправдать мог»²⁾.

¹⁾ «Литературная газета», 22. II, 1947 г.

²⁾ Б. Лавренев. Пьесы. Искусство, 1951 г., стр. 16.

После такого заявления уже совершенно закономерным оказывается ввод в его рассказ факта о встрече с Лениным, перед которым он чувствует такую ответственность.

Причем встреча эта носит очень скромный, случайный характер, напоминающий историю встречи солдата Шадрина в пьесе Н. Погодина «Человек с ружьем» — и в этом ее особенная убедительность. Ведь Годун — тоже лишь солдат великой армии революции и знал Ленина до прихода во дворец Кшесинской только по портретам.

Но важно, что знакомство с Лениным, с его величайшей человечностью, простотой, непринужденностью в обращении с людьми из народа явилось огромным стимулом для Годуна, для его деятельности руководителя и организатора масс.

Отсюда и более строгое, ответственное обращение его к матросам в III акте, призыв к дисциплине, порядку, беспощадное осуждение всякого своеволия, анархии.

Сохраняя всю свою индивидуальность, образность, яркость, становится строже и язык Годуна. В его речи еще встречаются соленые «морские словечки», необходимая в матросском обиходе специфическая терминология, неправильные обороты — все живое, типичное содержание матросской лексики, но уже явственно ощущается и то, что Годун много читает, хотя и рассказывает о политических событиях не газетным слогом, а собственными словами.

Хорошо подчеркивает Лавренев во второй редакции пьесы и отношение Годуна не только лично к Берсеневу и Татьяне, но и ко всей семье Берсеновых в целом. Это внимание именно к семье — очень характерная деталь для психологии Годуна, человека, который и сам умеет жить целиком, не по частям и того же требует от других.

Естественно, что такое явление в семье Берсеновых, как Ксения, не может не вызвать у него недоумения: «Вам верю, — говорит он Татьяне, — но только приходит мне часто дума, на вас глядя, — как это в одном гнезде разной породы птенцы высиживаются... Взять хотя ваше семейство... Евгений Иванович, вы да мамаша ваша, хоть и тихая она, — все одной породы. А вот сестра ваша, Ксения Евгеньевна, будто совсем иных кровей¹⁾».

¹⁾ Б. Лавренев. Пьесы. Искусство, 1951 г., стр. 42.

Гораздо более серьезно мотивируется во второй редакции доверие со стороны революционного народа Берсеневу. В беседе со Штубе, в 1 акте пьесы, которая происходит после объяснения Штубе с Татьяной, Берсенев, во-первых, поддерживает Татьяну, во-вторых, гораздо более точно, исторически и политически аргументирует свое неприятие позиций Штубе. Он напоминает о том, что теперь Россия уже более не зависит от заграничных управителей, что служить ей нужно честно. А главное — офицерство, за которое Штубе считает себя высказывающимся — не весь флот. «Офицерство тоже разное. Был Нахимов и были зверюги. Были Бестужевы, Суханов, Шмидт, и были Бироны с Дубасовыми»¹⁾).

Таким образом, Берсенев подчеркивает глубокие исторические корни того «разлома» во флоте, который теперь, в предреволюционные дни, должен окончательно определить пути потомков Нахимова, с одной стороны, Дубасова — с другой.

Как Годун приносит с собой в революцию 1917 года лучшие традиции русского революционного флота, традиции Потемкина, так и Берсенев с гордостью утверждает, что за поколением людей, подобно ему идущих в революцию, стоят славные традиции русского флота, традиции честного служения родине. И, если родина вступает на путь революции для того, чтобы создать новый, более совершенный, разумный и справедливый строй на земле, только тот будет ее достоин, кто не бросит ее в этот ответственный час.

«Россия никогда не вернется на старый путь, — твердо заявляет Берсенев Штубе, — может быть, никто из нас не доживет до лучшего будущего, но оно настанет, и новая родина помянет добром только тех, кто остался с ней в тяжелые годы, и навеки проклянет тех, кто кинул ее, как блудный сын, ища теплого местечка за рубежом. С того дня, как ты переступишь этот рубеж, ты станешь вечным скитальцем, без родины, без имени, без чести. И возврата тебе не будет»...²⁾).

Эта глубоко патриотическая речь Берсенева нужна даже не столько для Штубе, которого уже ничем остановить было нельзя, сколько для самого Берсенева.

¹⁾ Б. Лавренев. Пьесы. Искусство. 1951 г., стр. 12.

²⁾ Там же, стр. 38.

Это тот внутренний монолог, о котором можно было догадываться, как о подтексте для поведения Берсенева, еще в первой редакции пьесы. Теперь он вынесен Лавреневым наружу и притом композиционно введен в пьесу таким образом, чтобы еще сильнее подчеркнуть значительность и принципиальную глубину разрыва между Берсенывым и Штубе.

Последний разговор их в первом варианте пьесы происходит мимоходом, на палубе крейсера, во II акте, где произносятся несколько сугубо деловых фраз об удовлетворении просьбы Штубе об отставке.

Теперь же Лавренев помещает этот разговор в начале III акта, перед сценой заговора, и в развернутой форме окончательно определяет позиции Берсенева и Штубе, намеченные еще их первым разговором, в I акте.

С одной стороны, позиции глубоко убежденного патриота, с другой — явного космополита.

Единственно, против чего можно возразить в дополнениях к образу Штубе — это против подчеркивания его немецкого происхождения. Штубе становится врагом Берсенева не как чужеземец, хотя Берснев и вспоминает о многолетнем засилии иностранцев в России.

Штубе классово враждебен Берсеневу, как и всему революционному народу, враждебен как помещик, стяжатель.

После этой расстановки сил дальнейшее поведение Берсенева и Штубе становится особенно закономерным.

Работа по уточнению и обогащению характеристик главных действующих лиц во второй редакции пьесы была органически связана у Лавренева с работой над всеми остальными персонажами и, прежде всего, над характеристикой команды «Зари». Здесь также стали более определенными позиции различных ее представителей и группировок.

В начале 2-го акта пьесы помещен разговор двух мичманов, которые в первой редакции только браво отвечали капитану Берсенеvu, что согласны следовать за ним. О внутренних побуждениях для такого согласия можно было только догадываться. Теперь они ведут очень легкий непринужденный диалог, отдающий даже немного тем офицерским жаргоном, который считался среди молодежи особым шиком, подшучивают друг над другом, говорят о Луна-парке — все это очень естественно, правдиво, жиз-

ненно. Но так же правдива и та нота в их разговоре, которая касается очень волнующего, актуального вопроса, почему матросы так усердно относятся к службе на крейсере и даже особенно, по-новому усердно, хотя нет уже прежнего начальства, и они полностью свободны. Ответ, который дает на этот вопрос один из мичманов, что матросы служат большевикам, и та заинтересованность в исходе событий, которую проявляют оба молодых офицера, дают возможность Лавреневу подчеркнуть их связь с Берсенывым и вообще объяснить их присутствие на революционном крейсере.

То, что они служат ему честно, сохраняют дисциплину, подчеркивается и другим новым эпизодом II акта с участием анархиста.

Появление этого нового персонажа в пьесе ознаменовывается тем, что он нагло бросает на палубу окурков в присутствии одного из мичманов и отвечает грубой бранью на его замечание, сделанное в очень корректной форме. Растерявшегося офицера выручает старый боцман Еремеев, заставивший анархиста поднять окурков.

Эта сцена, открывающая II акт пьесы, не только очень выразительна сама по себе, но и хорошо иллюстрирует обстановку на крейсере, суровое, жесткое соблюдение дисциплины, борьбу со всеми, кто посягает на ее нарушение, а следовательно, и на чистоту революционного флота.

Образ анархиста, выписанный с присущей Лавреневу яркостью, особенно в отношении его речевой характеристики — явление не только типичное, но страшное по своей психологии, по своим враждебным и по существу контрреволюционным целям. «Ему все нипочем. Палуба для него — мусорный ящик, флаг для него — тряпка. Россия — вроде воровской хазы. Ему только одному свободы подай, а другие ему коврики под ноги стели... Да мы из тебя душу вытряхнем, потому что ты все наше дело портишь и пакостишь. Слышишь!»¹⁾ — такую отповедь получает анархист от Годуна.

Разоблачение анархиста идет в пьесе так же последовательно, как и разоблачение других врагов народа, и также находит завершение в финале.

Таким образом, внутренняя борьба на крейсере приобретает еще более острый, напряженный характер. И весь

¹⁾ Б. Лавренев. Пьесы. Искусство, 1951 г., стр. 29.

облик матросской массы во второй редакции становится в связи с этим более строгим. Меньше звучит разухабистых слов. Изменился и характер матросских песен.

За уборкой они поют веселую русскую песню о Дуньке, а комиссию Временного правительства встречают не лхими, отдающими похабщиной, частушками (1-й вариант), а любимой матросской песней — «Варяг».

В обстановке более сложной напряженной борьбы изменяется несколько и поведение Татьяны, ставшее менее импульсивным. Она больше думает, размышляет, взвешивает. Теперь она не остается служить медсестрой на крейсере после того, как помогает разоблачить заговор, а уезжает домой. И это гораздо убедительнее, чем красивый жест с немедленным переходом на службу революционной «Заре» в первом варианте.

После потрясения, вызванного последними событиями, после личного потрясения, после казни мужа, хотя он и был врагом, Татьяне нужно было некоторое время, чтобы все это пережить, передумать, перечувствовать, прежде чем она могла бы стать по-настоящему рядом с отцом. И правильное напутствие дает ей Годун, когда провожает с крейсера: «... Вспомните, как намеренны мы с вами про арифметику разговаривали. Поймите и не осудите».

Татьяна. Я никогда не осуждаю.

Годун. А вот это и плохо. На свете не одни праведники. Кого-то и судить надо. Вы это поймите.

Татьяна возвращается домой не только ради себя. Там ждет ее встревоженная мать и смертельно напуганная Ксения. Им тоже нужна поддержка более сильного человека. Развалившуюся семью надо создавать снова, в новых условиях, для новой жизни. Та Ксения, которую мы встречаем во второй редакции пьесы, может найти в ней место. Она приобрела иной облик — более девичий, более чистый. Ее кафешантанная бравада — лишь маскарадный костюм, а не органическая испорченность, которая давала повод некоторым актрисам играть ее на основании 1-й редакции чуть ли не кокеткой. Из текста Ксении исчезли циничные фразы о Годуне, о его отношениях с Татьяной, о мужчинах. Вульгарные выражения заменены набором модных слов из самых различных областей вплоть до политических (все же что-то слышала или читала), полурусским, полуфранцузским щебетаньем, пустыми песенками.

Теперь можно поверить, что она вовсе не «полудева», а только распустившаяся девчонка, еще вчера носившая в косе гимназический бант. Да и вряд ли капитан Берсенеv, как бы он ни был занят, мог потерпеть в своем доме хотя бы отдаленное подобие шантана.

Таким образом, анализируя вторую редакцию «Разлома», мы убеждаемся в том, что его основное идейное содержание не только полностью сохранилось, но приобрело еще большую глубину, значительность, политическую заостренность.

Лавренев еще ярче подчеркнул в этой редакции, как сложен и труден был путь революции, какой ожесточенной классовой борьбой он сопровождался даже в самые победные ее дни. Обостряя взаимоотношения и конфликт действующих лиц, он иллюстрирует эту борьбу на самых разных эпизодах и лицах, на самых личных, индивидуальных, глубоко затаенных переживаниях. Тем яснее и ярче становится та мысль пьесы, что победа дается только ценою этой ожесточенной борьбы, только в результате преодоления всего, что стоит на ее пути. Если в первой редакции пьесы Годун говорил в финале только о великом походе за хлеб, за волю, за нашу долю, то теперь в его речи при поднятии флага мощно звучит именно эта тема суровой борьбы:

«Братья! Товарищи! В поход! В великий поход! За нашу власть, за землю, за счастье, за волю!...

Пойдем полным ходом в разлом... ломать навски буржуазный хомут. Будем драться, как никогда не дрались, и никто из нас не ступит шагу назад, пока не вырвет победы. А мы вырвем ее! Какие бы грозы и бури не ждали нас впереди, мы пройдем сквозь них с поднятым флагом к победе. Мы нашли свободу и никогда не отдадим ее никому. И кто бы ни захотел отнять ее у нас, кто бы ни тянул к ней жадные руки, мы отхватим эти руки и забьем в могилу врага осиновый кол. Вперед, товарищи! Смирно! Флаг поднят»¹⁾).

Следовательно, сохраняя основную сюжетную линию «Разлома», его композицию и расстановку сил, Лавренев добился во 2-й редакции усиления идейно-политического звучания пьесы главным образом путем более глубокого раскрытия характеров, путем создания более определен-

¹⁾ Б. Лавренев. Пьесы. Искусство, 1951 г., стр. 66.

рых и острых столкновений, тех политических стычек, которые он имел в виду еще в замысле пьесы. Благодаря обогащению характеров и усилению конфликтов, в пьесе усилился в целом и героический характер той борьбы, которую вела «Заря» с силами контрреволюции. Еще более мощным стал в пьесе облик этого революционного крейсера — коллективного героя «Разлома», как справедливо называли его многие критики.

В отзывах на 2-ю редакцию пьесы часто встречается мнение, что в ней Лавренев произвел так называемую переработку с линии Берсенева, т. е. с темы перехода интеллигенции на сторону революции, на линию Годуна, на линию революционного народа. В рецензии Н. Чушкина даже прямо сказано, что во второй редакции появилась новая тема — тема народа, творящего революцию¹⁾.

Усиление героического характера «Разлома» во второй редакции безусловно явилось результатом усиления линии действий революционного народа во главе с Годуном. Но для этого, прежде всего, нужно было, чтобы существовала основа. Тема народа, творящего революцию, никак не может быть новой, иначе не существовало бы и «Разлома» в его первой редакции, как не существовало бы и темы Берсенева, неразрывно связанной с Годуном. В этом смысле очень справедливо мнение о доработке «Разлома», высказанное «Литературной газетой». «Доработка касается не основы, не существа образов. Автору нечего было переосмысливать, т. к. идейно-исторический его прицел был сразу взят не на месяцы и недели, а на десятилетия вперед. Это не сделало менее выпуклым изображение исторического момента, а лишь расширило и углубило его, показало его не изолированно, а в перспективе развития»²⁾.

Различие мнений, высказанных о второй редакции «Разлома», — явление закономерное. Это прежде всего результат того, что «Разлом» с самого начала его появления на сцене в 1927 году оценивался главным образом как спектакль, а не пьеса. Поэтому уже тогда возникли эти два определения его главной темы: Берсенева и Годуна. Одно шло от театра им. Вахтангова, другое — от

¹⁾ «Правда», 23. IV., 1951 г.

²⁾ З. Кедрина. «Возобновление «Разлома», «Литературная газета». 26/IV, 1952 г.

Ленинградского Большого драматического театра им. Горького.

Особенно показательна в этом смысле история постановки «Разлома» в театре им. Вахтангова, где замысел спектакля по существу разошелся с его воплощением. Вот что пишет о замысле «Разлома» постановщик спектакля А. Д. Попов:

«Тема спектакля, осуществляемого нами к 10-летию Октября, построена на одном из самых выдающихся эпизодов революции, а именно на выступлении крейсера «Аврора» в историческую ночь 25 октября.

Собственно говоря, тема самого спектакля несколько шире, она пытается выявить и определить роль матросской массы, роль Балтийского флота, в общем революционном движении с июля по октябрь 1917 года»¹⁾.

И здесь, и в других высказываниях о работе над «Разломом» А. Д. Попов подчеркивает, что основным героем спектакля должна была стать матросская масса, революционный народ.

Как известно, массовые сцены спектакля и были решены театром в этом плане, что создавало необходимую в нем атмосферу. Но самой яркой жизнью в этом спектакле жил все же Берсенева в исполнении Щукина. В этом можно убедиться, ознакомившись и с рецензиями на спектакль 1927—28 гг. и с последующими итоговыми статьями, посвященными работам театра им. Вахтангова.

«Тема победы Октябрьской революции глубоко разработана в образе капитана Берсенева, старого специалиста, которого заставляет перейти на сторону революции чувство чести и связи с матросами», — таков вывод, появившийся в юбилейной статье театра за 1946 год²⁾, — вывод, вполне соответствующий действительности. Такова на самом деле была многолетняя репутация спектакля «Разлом» в театре им. Вахтангова.

В Ленинградском Большом драматическом театре им. М. Горького успех спектакля был обеспечен не только правильным решением массовых сцен, образом крейсера, но и образами двух центральных фигур — Берсенева и Годуна.

¹⁾ «Новый зритель», 1927 г. № 43. Беседа с пост. «Разлома» А. Д. Поповым.

²⁾ Театр им. Вахтангова. Издание музея театра, Москва, 1946 г.

«Разлом» на сцене Большого драматического театра им. М. Горького прозвучал как подлинно героико-революционный спектакль. Он так же, как у вахтанговцев, явился для театра этапной работой и по своей теме и по принципам самой постановки.

Материал «Разлома» дал возможность актерам Большого драматического театра с особой выразительностью проявить свое мастерство. И среди них первое место принадлежало, безусловно, Н. Ф. Монахову, исполнителю роли Годуна. Он подошел к работе над этой ролью с теми же принципами, какие определили и его успех в роли Рузаева в «Мятеже». Поэтому он создал в «Разломе» «одно из самых крупных сценических творений своего большого таланта — образ матроса Годуна, проникнутый горячей революционной устремленностью и дисциплинирующей партийной мыслью»¹).

Больше совпадений и больше единодушия в оценке «Разлома» мы находим у зрителей. В своих оценках того и другого спектакля они исходят главным образом из того основного, что заложено в самой пьесе — от ее героико-революционного пафоса, от ее целеустремленности. Они принимали спектакль в целом, хотя и выражали различную степень удовлетворенности работой того или иного актера. Они хорошо чувствовали уже тогда, на материале первого варианта пьесы, что главное в ней — классовая борьба.

«Глубокое впечатление оставляет изображаемая борьба противоположных классов, удачно олицетворяемая в пьесе матросом Годуном (*Монахов*) и лейтенантом Штубе (*Мичурин*)»²), — таков отзыв одного из рабкоров «Красной газеты» о спектакле Ленинградского Большого драматического театра.

О масштабе матросских сцен в Ленинградском театре, определивших основное звучание спектакля, и о значительности в нем роли Годуна, говорит и рецензия «Ленинградской правды», которая считает, что эти сцены даже несколько поглотили тему Берсенева, и фигуры матросов оказались ярче и выпуклее фигур офицеров. «Недаром почти каждое слово представителя судебного комите-

¹) Ленинградский Большой драматический театр им. М. Горького, Ленинград, 1949 г.

²) «Красная газета», 12. XI. 1927 г. Рабкоровские отзывы.

та Годуна покрывается аплодисментами зрительного зала»¹⁾).

Второе рождение спектакля «Разлом» в 1950—51 гг., созданного на основе второй редакции пьесы, в какой-то мере повторило различие, существовавшее между постановками Москвы и Ленинграда в 1927 году. Правда, теперь, благодаря четкости идейного содержания второй редакции пьесы и огромному опыту советского театра по овладению современным советским репертуаром, это различие обусловлено не идейно-тематическими акцентами спектаклей, а общим характером постановок, их масштабами. Тем не менее это различие существенно и заслуживает внимания тем более, что спектакль «Разлом», поставленный Ленинградским Большим драматическим театром в 1950 году удостоен Сталинской премии.

В постановке МХАТа (постановщик И. М. Раевский) — много верного, а главное — свежего, нового подхода к материалу пьесы — не второе ее рождение, а новое. Это молодежный спектакль, сделанный в целом тщательно, любовно, с увлечением.

Совершенно прав В. Залесский, когда пишет, что душа мхатовского спектакля — сцены на корабле, что именно эти сцены «стали идейным аккумулятором всего спектакля, они несут его главную идею, в них раскрывается тема народа, тема могущества и силы революции»²⁾. Прав и тогда, когда большой удачей этого спектакля считает образ цельного, простого, скромного, сильного Годуна в исполнении молодого актера Щербакова. Но сцены эти в спектакле носят какой-то самодовлеющий характер, они мало связаны со всеми остальными сценами, которые решены более камерно. Дом Берсеневых не вовлечен в гущу событий, не живет активной и напряженной жизнью. Сам Берсенеv слишком замкнут, даже вял. Поэтому отношения его с Годуном приобретают ненужный характер излишнего «нянчания» со стороны Годуна, как верно заметил тот же Залесский. Ни Берсенеv, ни Татьяна не проявляют в этом спектакле по-настоящему ни своего характера, ни инициативы, ни живого, смелого стремления стать на путь революции. Их попросту уводит на этот путь Годун. Облегченными в психологическом отношении

¹⁾ «Красная газета». 11. XII. 1927 г., № 257.

²⁾ Журнал «Театр», № 3, 1951. Судьба одного дипломного спектакля

выглядят в этом спектакле и другие персонажи — Штубе, Успенский, Хваткин. Поэтому нет подлинного напряжения самой борьбы, то есть нет подлинного пафоса, как необходимого условия для героического спектакля.

Оправданием для отсутствия должной масштабности мхатовской постановки может служить, конечно, то обстоятельство, что она выросла из учебной, студийной работы, но при переходе на открытую сцену спектакль должен был решаться иначе.

Успех ленинградской постановки (постановщики А. А. Соколов и И. Зон) — в размахе событий, в их могучей буйной силе, в захвате этими событиями всех действующих лиц, в том единстве сцен на крейсере и в доме Берсеневых, которое было существом «Разлома» с первого дня его рождения. Театр смело раздвинул рамки пьесы, начиная спектакль образом июльской демонстрации, олицетворяемой пеннем «Марсельезы» и потоком красных флагов.

Он широко, крупно и сильно показал события революции на психологии и поведении главных героев «Разлома», объединив их в крепкий союз, который и явился залогом их победы.

Это был «подлинно патристический спектакль о гибели старого мира и рождении нового» — как писала о нем «Ленинградская правда»¹⁾.

В этом спектакле «Разлом» получил то полноценное воплощение, возможности которого заключались в самой пьесе.

Это произошло потому, что театр подошел к ней с тем же всеобъемлющим знанием жизни и психологии людей, с каким создавал пьесу и сам драматург. Поэтому обогащенный литературный материал пьесы получил и соответствующий обогащенный сценический вариант.

«Разлом» не только выдержал испытание временем, но получил при втором рождении еще более яркую, более значительную жизнь потому, что был подлинно-реалистическим произведением, потому что автор его «чувствовал по-революционному».

«Драматург в своей работе имеет дело с жизнью. Жизнь — основной материал драматурга и, как всякий материал, имеет свое сопротивление. Жизнь упрямо со-

¹⁾ «Ленинградская правда», 15. XII. 1950 г.

противляется незнанию. Это сопротивление жизненного материала можно преодолеть только полным и безукоризненным его знанием, подлинно творческим его освоением»¹⁾), — так говорил Лавренев молодым драматургам в 1951 году на основании своего большого жизненного и творческого опыта и тут же указал на второе необходимое качество для советского драматурга: «Советский драматург — партийный или беспартийный — должен быть большевиком по мировоззрению...»²⁾).

Эти качества «Разлома» — его жизненная убедительность и его большевистская, идейная направленность и определили его роль как в истории советского театра, так и в истории молодых театров стран народной демократии, в постановках которых «Разлом» занял одно из первых мест. Эти постановки «Разлома» за рубежом, как и постановки других советских пьес, имели значение не только для создания на сцене театров стран народной демократии идейного, реалистического репертуара. Работа над советскими пьесами помогла актерам и режиссерам этих театров овладеть и новыми, реалистическими методами его воплощения. Об этом говорят многочисленные статьи, посвященные постановкам советских пьес за рубежом, в нашей театральной прессе.

Об этом рассказывают постановщики «Разлома» в Болгарии — Народный артист СССР Б. Бабочкин³⁾), в Чехословакии — лауреат Сталинской премии А. А. Соколов (режиссер Ленинградского театра им. М. Горького).

«Мои репетиции «Разлома» на сцене театра Чехословацкой армии в Праге, происходившие с 3 февраля по 28 марта 1952 г., всегда шли при открытом занавесе, в присутствии многочисленных представителей сценических работников Праги, — говорит А. А. Соколов. — Самое трудное в работе над «Разломом» заключалось в правильном усвоении идейного содержания пьесы, чему и учились присутствующие на репетиции пражские актеры и режиссеры»⁴⁾).

Так осуществляется теперь на материале «Разлома»

¹⁾ Л. Лавренев. «Разговор о профессии». Журнал «Театр», № 8, 1951.

²⁾ Там же.

³⁾ Статья Бабочкина. «Год в Болгарии». «Театр», № 5, 1952.

⁴⁾ Беседа со мной, записанная в июле 1952 года.

мысль, высказанная А. В. Луначарским еще в 1927 году, — о значении социалистических идей, воплощаемых в нашем искусстве, для всего мира.

Написанная к 10-летней годовщине Октябрьской социалистической революции пьеса Б. А. Лавренева «Разлом» до сих пор остается классическим образцом героической драмы, посвященной людям Октября.

«Главное, основное в большевизме и в русской Октябрьской революции есть втягивание в политику именно тех, кто был всего более угнетен при капитализме», — писал Ленин¹⁾.

Годун, простой балтийский матрос, не только сам полностью осознавал большевистскую правду еще в годы первой русской революции, но и повел за собой народные массы, а также помог найти верный путь в революции капитану Берсеневу. Судьба Годуна неотделима от судьбы партии и народа, в этом его неиссякаемая сила, как нового героя истории.

Таковыми героями были и председатель укома в «Шторме» Билля-Белоцерковского, и крестьянин Вершинин в «Бронепоезде 14-69» Вс. Иванова, и рабочий Кошкин в «Любови Яровой» К. Тренева.

Вместе с «Разломом» эти пьесы в свое время сыграли огромную роль в становлении советской реалистической драмы, в утверждении принципов социалистического реализма в советском театральном искусстве.

Но и теперь полны убеждающей жизненной силы их герои. Поэтому в дни славного 40-летия Октября мы должны прежде всего вспомнить о тех, кто творил революцию, о тех, чей живой революционный дух продолжает жить среди нас, помогая нам быстрее и увереннее двигаться к коммунизму.

¹⁾ В. И. Ленин. Соч., т. IV, стр. 138

И. В. ГУРА

**ИСТОРИЯ РЕДАКЦИЙ РОМАНА А. ТОЛСТОГО
«ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД»¹⁾**

В конце 1926 года А. И. Толстой собирался поехать в Италию. Ему казалось, что это будет благоприятным случаем, которым он должен воспользоваться для работы над второй частью «Хождения по мукам». 21 октября 1926 года в одном из писем он писал:

«Для меня ясно только одно: если я не воспользуюсь теперешним случаем, то никогда не напишу вторую часть «Хождения по мукам». Стало быть, я должен воспользоваться. Писать я хочу его в Италии, где в уединении, не рискуя гриппами, не видя друзей и приятелей, значит не вкушая вина и едя, смогу в приличных гигиенических условиях поднять такую огромную и ответственную тему, как 1918—1921 гг.»²⁾. Печатать роман предполагалось в «Новом мире».

Поездка Толстого в Италию не состоялась. Да и уверенность писателя в том, что заграничная обстановка благоприятствовала бы работе над романом, была ошибочной. Вскоре сам Толстой понял, что ему предстоит большая работа по освоению богатого жизненного материала, на котором строилась книга. Только на родине можно было эту работу осуществить, а не «в уединении».

В начале 1927 года Толстой начал писать вторую часть «Хождения по мукам», обогащенный некоторым опытом анализа событий с новых позиций советского гражданина, опытом, который он приобрел главным образом

¹⁾ Вторая глава из диссертации «А. Толстой в работе над «Хождением по мукам» (история редакции трилогии)».

²⁾ Архив А. Толстого. ИМЛИ. № 6230/2.

во время переработки романа «Сестры». Работа над новым романом целиком поглотила писателя. В это время он отказался от всяких других предложений, в различных письмах 1927 года мы находим указания Толстого на то, что он «перегружен работой», что ему «ничего другого не приходится писать» и т. д. Писатель был поставлен в очень жесткие условия. Редактор журнала «Новый мир» Полонский торопил его со сдачей рукописи, а Толстой, ответственно относившийся к этой новой работе, никак не мог уложиться в отведенные ему сроки. В начале июля 1927 года он писал Полонскому: «То, что Вы пишете, чтобы я к 15 июля дал два листа, совершенно невозможно. Моя работа требует большой книжной подготовки, фактической точности. Мой роман точен, как историческое исследование, и в этом его главная сила. Навалить за неделю два листа можно только совершенно безответственной халтуры... Ускорить писание я категорически отказываюсь...»¹⁾).

Толстой сам указывал на то, что подготовительная работа к роману не была для него обычным «собираанием материала». Помимо документов, книг, знакомств с участниками гражданской войны, посещения мест, где происходило действие романа — Царицына, Сальских степей, Краснодара, Кубани, нужно было сделать основное, а именно: «определить свое отношение к материалу. Иными словами, нужно было все заново пережить самому, продумать и прочувствовать»²⁾. Писателю надо было очень многое увидеть, узнать, для того, чтобы у него выработался определенный и правильный взгляд на события гражданской войны.

Работа над романом заняла полтора года. По свидетельству писателя, он пользовался книжным, устным и рукописным материалами. При создании романа автором «руководил инстинкт художника — оформить, привести в порядок, оживотворить огромное, еще дымящееся прошлое»³⁾. Это был такой же «социальный инстинкт», — воплотить историю в художественное произведение, — как и тот, который побудил писателя написать в эмиграции первую книгу трилогии.

¹⁾ Архив А. Толстого. ИМЛИ, № 6230/15.

²⁾ А. Толстой. Как создавалась трилогия «Хождение по мукам». Поли. собр. соч., том 8, стр. 668.

³⁾ Как мы пишем. Изд-во пис. в Л-де 1930, стр. 143—157.

Роман «Восемнадцатый год» появился в то время, когда в творчестве некоторых писателей большое место занимало восхваление стихийности, анархии, партизанщины в гражданской войне.

В 1926 году А. Н. Толстой публикует научно-фантастический роман «Гиперболоид инженера Гарина». В ряде статей, очерков и рассказов этого периода писатель разоблачает империалистическую агрессию, фальшивую буржуазную демократию, буржуазное искусство.

Но все же «дымящаяся история», близкое прошлое гражданской войны продолжает особенно волновать Толстого и побуждает его к работе над эпопеей «Хождение по мукам», отражению в новом романе важнейших социальных сдвигов. Учитывая опыт своих предшественников, Толстой пытается избежать поэтизации анархических, стихийных сил, но это не вполне ему удается. Толстой идет в основном за Фурмановым и Серафимовичем, показывая народ и его исторические судьбы, раскрывая в то же время мучительные поиски русской интеллигенцией «потерянной» родины.

Полемизируя с редактором журнала «Новый мир» В. Полонским, Алексей Николаевич Толстой писал, что он не просто признал революцию, но полюбил ее величие, ее всемирный размах. И писатель поставил своей задачей показать революцию в своей книге во всем ее величии. Главным, по мнению писателя, было передать сложность этого исторического процесса, приведшего к победе революции, показать изменения в сознании людей и рассказать о тех причинах, которые в конце концов обусловили победу. «Мы знаем, что революция победила, — писал Толстой, возражая Полонскому. — Но вы пишете, чтобы я с первых же слов ударил в литавры победы, вы хотите, чтобы я начал с победы и затем, очевидно, показал бы растоптанных врагов. По такому плану я отказываюсь (подчеркнуто А. Т.) писать роман... Мой план и весь его пафос в непрерывном разворачивании революции, в ее непомерных трудностях... В романе я беру живых людей со всеми их слабостями, со всей их силой, и эти живые люди делают живое дело... В романе, — чем тяжелее условия, в которых протекает революция, тем больше для нее чести»¹⁾.

¹⁾ Архив А. Толстого. ИМЛИ. 6230/11.

В своем стремлении показать жизнь в ее революционном развитии Толстой выступает как мастер социалистического реализма, отражающий действительную правду жизни. Толстой создает одно из самых многогранных произведений о гражданской войне.

Тема родины, намеченная в «Сестрах», получает в новом романе дальнейшее углубленное развитие, исторически-конкретное и философское обоснование. Толстой углубляет и расширяет первоначальный замысел под влиянием того нового взгляда на жизнь, который формировался в условиях могучего социалистического строительства. Эпическая форма повествования позволяет Толстому достичь огромного охвата исторических событий, которые определяют судьбы четырех главных героев. Личное счастье неотделимо от счастья народа и родины — вот мысль, которую утверждает писатель всем своим романом. «В 1927 г., — писал Федин, — приступая ко второму роману трилогии, Толстой уже впустил во все двери и окна бурю истории, и она забушевала во взбудораженной, трепещущей жизнью книге, завертев, как песчинки, маленькие, милые и отчаянные судьбы героев романа»¹⁾.

События ожесточенной борьбы разворачиваются на большой арене, в разных уголках страны, где решались судьбы революции: в Москве и в Петрограде, на Дону и на Волге, на украинской и на кубанской земле. В романе нашли свое отражение труднейшие этапы, через которые прошел наш народ, сражаясь за свободу: борьба с Деникиным и с Корниловым, махновщина, чехословацкий мятеж, потопление черноморского флота, немецкая оккупация, ледяной поход белой армии, поход Таманской армии. В произведении дается объективная оценка роли белой армии и через характеры и восприятие героев, и через прямые суждения самого автора. В романе создаются образы подлинных участников событий, исторических лиц, главным из которых является образ В. И. Ленина. Как указывал сам автор, его роман отличается предельным историзмом. В истории А. Толстой ищет то, что его волнует, при помощи чего он может лучше понять свое время. Ибо, — утверждает А. Толстой, — «исторический роман не пишется объективно».

Задача писателя была необычайно ответственной. На-

¹⁾ «Литература и искусство», 1943, 27 марта.

до было не только собрать весь нужный материал, но освоить его художественно. В 1929 г. Толстой писал: «Работа над историческим романом («18 год», «Петр I», который сейчас пишу) усложняется огромным количеством материала; его нужно охватить, систематизировать, выжать из него все ценное и главное — отвлечься от него, превратить его в память»¹⁾).

При всей своей добросовестности и ответственности, Толстой не всегда еще мог справиться с этой задачей, поэтому в первоначальном тексте организующая роль партии была показана недостаточно полно и глубоко. Такие важнейшие моменты, как оборона Царицына, не получили освещения в романе. Большими недостатками был отмечен и стиль романа, носивший на себе следы торопливости. Военно-политические отступления порою протокольно регистрируют голые факты, описания принимают характер беспорядочной хроники событий, мелькающей вереницы незавершенных эпизодов. На это указывал Толстому А. М. Горький в одном из дружеских писем: «Вы можете делать великолепные вещи. Ваш недостаток — торопливость. Вот, читаю сейчас «Хождение по мукам», — «Восемнадцатый год», — какое уменье видеть, изображать! Но есть досадные, недописанные страницы»²⁾).

Работа над романом увлекала писателя, о чем свидетельствуют его письма к В. Полонскому. «Роман меня страшно увлекает...», «я совершенно необычно увлечен романом и «иду на рекорд и на класс...» — вот слова А. Толстого. Боясь «комканья и художественной неточности», А. Толстой просил редактора «Нового мира» дать ему возможность повременить с печатанием первых глав в июньской книжке за 1927 год. Иначе ему не удастся съездить на юг и «дать живого пейзажа и тех деталей в портретах лиц, которые получают только благодаря натуре»³⁾).

Трудность для Толстого заключалась в том, что сам он не наблюдал событий гражданской войны и не участвовал в них. Повествование он должен был строить в основном на документах, на исторических материалах. Ис-

¹⁾ А. Толстой. Как я работаю. «Резец», 1929, № 24, стр. 9.

²⁾ Письмо А. М. Горького к А. Н. Толстому. Архив А. Толстого. ИМЛИ, № 6999/3.

³⁾ Письмо А. Толстого к Полонскому. Архив А. Толстого. ИМЛИ, № 6230/9.

точники же часто подводили писателя, т. к. не отражали во всей полноте грандиозного размаха революции. Но переписка Толстого свидетельствует о том, как он волновался за точность передаваемых событий и сведений об отдельных лицах. Едва уловив малейшую неточность, усомнившись в каких-либо данных, он спешил внести исправления. Так в период печатания глав романа Толстому стали известны новые данные об одном из главарей партии эсеров, упоминавшемся в романе, — Авксентьеве. Из свидетельства надежного лица, которому писатель доверял больше, чем некоторым документам, он узнал, что Авксентьева в Самаре не было, и он сразу же написал письмо Полонскому с пометкой «Весьма важное», прося внести в роман соответствующие исправления: «В главе о Самаре нужно выбросить слова Говядина: «От ЦК эсеров — знаменитый Авксентьев, историческая личность». И заменить их словами: «Все эсеры, непримиримейшие борцы...». Затем в том месте, где Дмитрий Степанович говорит с Авксентьевым, нужно слова доктора: «Простите (Дмитрий Степанович только сейчас догадался), я говорю... и т. д. Вы Авксентьев?», — это выбросить. Вместо этих слов вставить: «Простите (у Дмитрия Степановича мелькнула жуткая догадка)... я говорю с членом ЦК партии? Вы не Авксентьев?... «Этим я оставляю вопрос открытым. Авксентьев не был членом правительства, но в то время находился на Волге»¹⁾).

Толстому важно было не только воспроизвести исторические события, но и дать им оценку с позиций передового мировоззрения советского гражданина. В то же время роман как художественное произведение требовал воспроизведения истории в художественной увлекательной форме. Надо было сочетать историзм с психологизмом, с умением построить сюжет, с живостью изложения. Надо было не просто последовательно, одно за другим, изложить события, но передать их внутренний смысл, в то же время избегая декларации. «Трудность романа огромна, — писал Толстой, — (размеры, охват), но еще труднее сделать из материала гражданской войны, развертывающегося в хронологической последовательности, не литературно-исторический очерк, а роман, т. е. превратить все

¹⁾ Письмо А. Толстого к Полонскому. Архив А. Толстого. ИМЛИ, № 102.

это в ткань искусства... я страшусь сухости, засушки»¹⁾).

Этого тонкого художественного чутья, видимо, не хватало Полонскому, как редактору. Правильно предостерегая Толстого от преувеличения стихийного момента в революции, Полонский навязывал писателю вульгарно-социологические принципы. «Я бы мог подумать, — писал ему Толстой, — что вы хотите от меня романа-плаката, казенного ура-романа». Требования Полонского сводились не к глубокому раскрытию внутренней сущности врагов революции или ее героических бойцов, а к наклеиванию ярлычков: «контрреволюционер», «революционер». Полонский не учитывал своеобразия художественного произведения, стиливых особенностей Толстого, разнообразия его творческого метода и решал вопросы слишком прямолинейно и грубо. Возражая редактору, Толстой говорил о том, что Полонский вынуждает его «послать к чертям всякий стиль, всякую иронию, всю художественную концепцию. Но это значило бы с третьей страницы послать к черту само писание романа».

Так, например, Полонский писал, что слова, начинающие роман, — «Все было кончено» следует изъять, т. к. это погребальные слова, а на самом деле все еще только начиналось. Но Толстой имел в виду старый мир, старый буржуазный Петербург, с которым действительно было кончено, и — «погребальные слова» применительно к умирающему старому, были вполне уместны. Они создавали с самого начала необходимое настроение у читателя — уверенность в том, что со старой царской Россией покончено навсегда. И Толстой был прав, когда отстаивал свою позицию: «Я нарочно начинаю с фразы: «все было кончено», — кончилось старое. Разве это была шутка, — конец всему зданию империи. А новое? Да ведь... о новом-то я и говорю на всем протяжении романа. Не забудьте, — мой роман будут читать не только к десятилетию Октября, но будут читать может быть через 50 лет. Будут читать на многих языках земного шара. Я слишком серьезно чувствую свою ответственность»²⁾).

Полонский не понял иронического смысла характеристики, данной Толстым белогвардейским генералам — «организаторы спасения России». Он боялся, что читатель

¹⁾ Письмо А. Толстого к Полонскому. Архив А. Толстого. ИМЛИ, № 6230/10.

²⁾ Там же, № 6230/II.

поймет это буквально и поспешил заявить Толстому, что ни он, ни редакция журнала не могут солидаризироваться с таким определением, что читатель примет это как попытку реабилитировать контрреволюционных генералов.

«Да как же их назвать, — спрашивал Толстой у Полонского, — контрреволюционерами? Но это должно получиться само собой, этот вывод должен быть сделан художественно. Если я с первых слов скажу — контрреволюционеры, монархисты, — какой же интерес, черт возьми, у читателя? Он и без меня знает, что Алексеев, Корнилов, Деникин — монархисты, контрреволюционеры. Не для того я пишу роман, чтобы показать, какие генералы были контрреволюционеры и монархисты. Генералы мне нужны, как выразители силы, боровшейся с революцией. Чем ярче, чем объективнее я опишу их, — тем сила эта представится сильнее и страшнее, каковой на самом деле она и была... Если вы боитесь за эту фразу, поставьте ее в кавычки»¹⁾. Полонский так и сделал.

Желание Толстого дать правильную оценку революционным событиям было всепоглощающим и искренним. Писатель говорил о своей большой любви к русской революции: «... я безо всякой для себя корысти люблю, — жаль нет другого, более мощного слова, — русскую революцию. Люблю ее, как художник, как человек, как историк..., как русский...». Но писатель недостаточно осознал ту роль, которую сыграла большевистская партия как сила, организующая народные массы на тяжелую и героическую борьбу с врагом. Поэтому, возвращаясь впоследствии к первоначальному варианту романа, А. Толстой много изменял, дополнял, вносил поправки в идейный смысл романа. В 1934 году, перерабатывая вторую часть трилогии, Толстой писал: «В этой книге, начатой в 1927 году, много недостатков, главный — это недостаточный показ организующей роли партии»²⁾. «Недостатки «1918 года», — сообщал А. Толстой в 1934 г. М. Танку, — для меня ясны. Слабо показана роль партии, как организатора борьбы. Преобладает стихийность, непонятно, кто организовал массы»³⁾.

¹⁾ Письмо А. Толстого к Полонскому. Архив А. Толстого ИМЛИ. № 6230/11.

²⁾ А. Толстой. Полн. собр. соч., т. XIII, М., 1949, стр. 501.

³⁾ М. Танк. Новый роман и новый сценарий (в гостях у А. Толстого), Лит. Ленинград. 1934, № 33, 20 июля, стр. 1

А. Толстой использует очень большой историко-описательный материал. Он разрешает важнейшую тему современности — тему родины и революции. Постепенно, от редакции к редакции, мысль писателя становится все более четкой политически. «18 год» — одно из самых многогранных произведений о гражданской войне. Для самого Толстого это был небывалый историко-политический охват событий. Идейное вооружение автора поднялось на более высокий уровень по сравнению с «Сестрами», стало более определенным. Такой верный компас дала писателю революция, принятие ее Толстым. Некоторые черты сменеховства проникли в первый вариант романа, но они были впоследствии убраны А. Толстым.

Очень крупной и значительной вехой в работе Толстого над романом был 1934 год. Как указывает в своей диссертации Л. А. Кишинская¹⁾, летом 1934 г. редактор «Истории гражданской войны» И. И. Минц передал А. Толстому ряд материалов о войне 1918—1919 гг. С июля по октябрь 1934 г. писатель правит корректуры «Восемнадцатого года», вносит ряд существенных изменений. Снова Толстой тщательно пересматривает роман в 1938 и 1943 годах, готовя его к новым изданиям.

Обратимся непосредственно к рассмотрению процесса работы писателя над печатными текстами романа. Сравним основные издания:

1) «18 год». Новый мир, 1927, №№ 7—12; 1928, №№ 1, 2, 5, 6, 7.

2) «18 год». Собр. соч., т. V. Л., ГИХЛ, 1935.

3) «Хождение по мукам». Гослитиздат, 1943²⁾.

Исследуя работу Толстого над печатными текстами романа «18 год», мы довольно легко улавливаем следующие закономерности: во-первых, как и в «Сестрах», правка романа идет по линии сокращения текста, сжатия и ликвидации больших отступлений; во-вторых, большинство исправлений внесено в те моменты, эпизоды, описания, которые связаны с новыми силами, действующими в России. То же, что относится к старому миру, более знакомо Толстому и особых исправлений не требует; в-третьих, изменения касаются главным образом хроникаль-

¹⁾ Л. А. Кишинская. «История создания трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам» М., 1950 г.

²⁾ В дальнейшем эти издания соответственно будут обозначаться: I, II и III редакции.

ных глав, описания исторических событий. Образная система романа не изменяется, как и весь основной замысел произведения.

Конструктивные изменения не так велики, как в «Сестрах», и принципиального значения не имеют. Вторая и третья главы объединены в одну вторую главу. Количество подглавок не составляет большой разницы в вариантах.

Писатель пристально и тщательно правит стиль романа, добиваясь, как всегда, четкости художественного образа, ясности, логичности и зримости описаний, отдельных сцен, людей и предметов. Придает большое значение языку персонажей, являющемуся средством характеристики действующих лиц (особенно это должно быть отнесено к эпизодическим образам, которые охарактеризованы несколькими портретными штрихами и колоритным, присущим им, языком). А. Толстой внимательно присматривается и к главным образам и вносит в их характеристику новые штрихи. Но при всем том, особую ответственность Толстой чувствовал за идейную сущность своего произведения. Надо было дать правильную оценку событиям гражданской войны и в то же время избежать вульгаризации и публицистичности (в худшем значении этого слова), на которые толкал его Полонский. Естественно, что наибольшую группу исправлений составляют те, которые связаны с анализом, описанием и оценкой военно-политических событий. Этот вопрос заслуживает особого внимания.

1. ОЦЕНКА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Борьба трудящихся молодой советской страны против объединенных сил белогвардейщины и иностранных интервентов вошла как героическая страница в историю создания и строительства Советского государства. Мощный общенациональный подъем народных масс, вдохновленных идеей свободы и независимости, направлялся Центральным Комитетом партии во главе с В. И. Лениным. Документы свидетельствуют о той большой роли, которую сыграл В. И. Ленин в победоносном исходе великой исторической борьбы советского народа. Центральный комитет посылал на наиболее опасные участки фронта проверенных коммунистов, которые становились комис-

сарами и командирами. В. И. Ленин писал: «Как мы действовали в более опасные моменты гражданской войны? Мы сосредоточивали лучшие наши партийные силы в Красной Армии; мы прибегали к мобилизации лучших из наших рабочих; мы обращались за поисками новых сил туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры»¹⁾).

Новые работы по истории гражданской войны восстанавливают историческую правду. При характеристике событий 1918 года указывается на то, что произвольное преувеличение роли И. В. Сталина и обороны Царицына оставляло в тени важнейшие события на Восточном и Южном фронтах (борьбу против мятежных чехословаков, поход армии Ковтюха и др.). Заслуга Толстого заключается в том, что, создавая роман о 18 годе, он осветил все эти события, дал широкую панораму героического сражения советских людей на различных фронтах гражданской войны. В романе не было стремления выдвинуть на первый план оборону Царицына («Хлеб» был написан позднее). Отсутствие солидных научных трудов по истории гражданской войны затрудняло работу писателя и, несмотря на правильное общее направление, способствовало проникновению в роман некоторых ошибочных положений.

Сам писатель главной слабостью своего романа считал недостаточный показ организующего государственного и партийного начала в гражданской войне. Очень умело, тактично, без нажима, иногда ограничиваясь всего несколькими словами, автор вводит в роман указания на действия партии, добиваясь переосмысления целых эпизодов.

В последних главах романа очень значительное место занимает рассказ о потоплении черноморского флота. Для того, чтобы показать необходимость, неизбежность этого трагического исхода, Толстой вводит в роман документы. Приводится письмо из Одессы начальника штаба австрийских оккупационных войск в Вену — министру иностранных дел. В письме раскрываются агрессивные планы Германии, ее намерения превратить в свою колонию Крым, завладеть шахтами Донбасса и т. д.

В первой редакции романа «Хождение по мукам» пи-

¹⁾ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 440.

сатель делал следующий вывод: «приходилось покориться, — воевать с немцами было нельзя, но и флота отдавать нельзя».

В последней редакции мы находим следующий абзац: «Когда десятого июня в Москве был получен германский ультиматум, Ленин — как всегда, без колебаний — решил этот тяжелый и для многих «неразрешимый» вопрос. Решение было: воевать с немцами сейчас еще нельзя, но и флота им отдавать нельзя»¹⁾).

В новой редакции подчеркивается, что решение Ленина и партии было обдуманым и единственно правильным, так как ниже писатель квалифицирует его как «единственный большевистский ответ», вместо прежнего «единственный выход» (III редакция, страница 263).

Трагический момент потопления черноморской эскадры писатель описывает очень детально, раскрывая тяжелые переживания русских моряков, вынужденных своими руками пустить ко дну замечательные корабли. Правка всей сцены идет по линии выявления политического смысла этого вынужденного шага, устранения излишней сентиментальности. Так, если раньше, описывая корабли, готовые погибнуть, А. Толстой сравнивал их с живыми существами, которые вот-вот расстанутся с жизнью, то теперь (1943 г.) он отказывается от этого сравнения и называет корабли просто, строго, но более определенно: «грозное достояние революции». (III ред., стр. 263). Значимость предстоящего акта от этого еще более возрастает.

Один из кораблей черноморского флота — дредноут «Воля» не выполнил негласного приказа Совета Народных Комиссаров. «Воля» ушла в Севастополь и сдалась немцам. Характеризуя предательские действия команды корабля, писатель говорит о том, что «Воля» ушла к немцам, чтобы через несколько лет пришвартоваться «обезоруженной, заржавленной и навек опозоренной в далекой Бизерте» (III ред., стр. 264). Подчеркнутые слова введены только в последнюю редакцию романа А. Толстого.

Из других исправленных эпизодов наиболее значительными являются следующие: описание чехословацкого

¹⁾ А. Толстой. Хождение по мукам. Гослитиздат, 1943, стр. 263.

мятежа, «Союза защиты Родины и свободы», похода Таманской армии; коренным образом меняются оценки империалистической и гражданской войн, всего 18 года в финале романа, Октябрьской революции 17 года.

Чехословацкий мятеж, вспыхнувший в мае 1918 года в Поволжье и в Сибири, был спровоцирован империалистами Антанты. Его поддержали кулацкие и контрреволюционные слои. Мятежникам и их сообщникам удалось достичь значительных успехов — была захвачена большая часть Сибири, Урала и Поволжья. На Волге готовился плацдарм для наступления на Москву. Чехи захватили 30 мая Сызрань, а 8 июня — Самару, где было создано контрреволюционное «Самарское правительство», так называемый КОМуч (Комитет членов учредительного собрания). В романе эти события описаны подробно. Членом Комуча Толстой делает д-ра Булавина). Численное превосходство позволило чехам и белогвардейцам к концу июля захватить Симбирск и Казань.

Борьба против объединенных сил белых и чехов приобретала особое значение¹⁾. Создавалось угрожающее положение. Ленин телеграфировал председателю Петроградского Совета: «Категорически предупреждаю, что положение Республики опасное и что питерцы, задерживая посылку рабочих из Питера на чешский фронт, возьмут на себя ответственность за возможную гибель всего дела»²⁾. В постановлении ЦК партии указывалось: «Вопрос о судьбе революции решается ныне на Волге и Урале».

Толстой описывает эти события в правильном свете, вскрывает их значение для судеб революции. Но не все детали сразу были найдены верно. Изменения, связанные с описанием чехословацкого мятежа, по объему довольно велики. Толстой вставляет примерно полторы страницы нового текста (II ред., стр. 437—439), вместо двух страниц старого («Новый мир», 1927, № 12, стр. 11—12). Писатель дает более официальную и точную оценку этому событию в соответствии с исторической правдой, глубже вскрывает причины его, подчеркивает давнюю связь и симпатии чешских крестьян к дружественному славянскому народу России. Толстой особо обращает внимание на ту

¹⁾ См. статью Н. Кузьмина, С. Найда, Ю. Петрова, С. Шишкина «О некоторых вопросах истории гражданской войны». Коммунист, 1956, № 12, стр. 56.

²⁾ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 513

роль, которую сыграли в развязывании мятежа белогвардейские агенты, нашептывавшие чехам о том, что большевики якобы намерены выдать немцам чешские эшелоны.

В моем «1918 году», — говорил в 1934 г. А. Толстой, — причины этого восстания неясны, не показаны. Почему? Очень просто: я не знал тогда многих фактов. И вот, с разрешения тов. Минца, я решил при правке романа для нового издания собрания моих сочинений вставить в текст некоторые из этих документов. Теперь читатель увидит, что чехословаки получали непосредственные директивы — все вплоть до диспозиции — от союзного командования»¹⁾.

Поход Таманской армии — одно из ярких событий гражданской войны. Значение этого похода было понятно и Толстому. Он не мог обойти его в своем романе о восемнадцатом годе. Изображение его в романе беглое, не развернутое. В последующие редакции автор вносит небольшие изменения и уточнения: (так изменяет имя Ковтюх на Кожух). Таманцы проходят через Повороссийск. В первой редакции говорилось: «Поезда таманцев подошли неожиданно» («Н. мир.», 1928, № 7 стр. 165). В III редакции заменено: «Колонны таманцев подошли неожиданно» (267 стр.), т. к. армия Кожуха шла пешком.

В I номере «Нового мира» за 1928 г. в шестой главе романа было большое отступление о революции и гражданской войне на Украине. В этом отступлении Толстой сравнивал Россию, охваченную пламенем, с революционным муравейником. Он передавал ощущение интеллигента-обывателя, который «ошалело мечется по развороченному муравейнику» и мечтает о восстановлении прежних порядков хотя бы на своей улице, хотя бы на клочке земли.

В своем описании Толстой подчеркивал, что в России в это время царила неразбериха: «По совести, трудно было неискушенному разобраться тогда, какие силы куда тянули и кто должен взять верх у государственного руля».

Толстой пытался объяснить в этом отступлении причины гибели буржуазии в результате революции, удивлялся, почему она не снабдила деньгами антикоммунистические партии, почему она не боролась (не может же быть, чтобы целый класс не имел мужественных борцов!).

¹⁾ М. Танк. Новый роман и новый сценарий (В гостях у А. Толстого). «Лит. Л. д.», 1934, № 33, 20 июля, стр. 1.

Писатель находит эту причину в том, что внутри страны у буржуазии не нашлось союзников, но не указывает на основную причину обреченности буржуазии как класса.

Описывая гражданскую войну в юго-западной и правобережной Украине, Толстой подчеркивает опять-таки анархическое, стихийное начало, приводит примеры совершаемых зверств. В борьбе он видит три очага: петлюровщина, атаманство и махновщина. А где же партия большевиков? Ей никакой роли Толстой не отводит. По его мнению, всеми действиями украинского народа руководили «долгожданные головы, атаманы, батьки». Совершенно фальшивым, даже клеветническим является сравнение анархического разгула с «древней гайдамачиной» — движением Богдана Хмельницкого. Толстой допускает целый ряд ошибочных утверждений национального характера. Например: «Хорошо было гулять гайдамачине в 17 веке при Богдане Хмельницком. Прогуляли Украину, — подалась бы она к Польше, к Великороссии, к Галичине, — разниця не велика». Толстой утверждает, что крестьянство не понимало советских агитаторов и что вообще вся Россия якобы состояла из ничего не понимающих обывателей. Всё это отступление написано как бы от лица такого «ничего не понимающего обывателя». В нем нет правильного, объективного анализа исторических общественных событий. Но ведь это — авторское отступление. Значит, сам автор стоит на позиции подобного обывателя. Вполне очевидно, что весь отрывок следовало исключить, что Толстой и сделал в III редакции.

В многочисленных авторских отступлениях публицистического характера в романе дается анализ гражданской войны, различных классовых и политических группировок. Когда создавался первый текст романа, у писателя еще не было выкристаллизовавшегося мировоззрения. В текст вкрались ошибочные положения. Писатель не способен был политически четко и резко квалифицировать различные оппозиционные партии, враждебные основной линии большевиков: эсеров, меньшевиков, анархистов (махновцев).

Уже в 1934 году исключается отрывок, характеризующий эсеров в романтической, расплывчатой манере. Объективно указывая на то, что эсеры потеряли все места в Совнаркоме и еле-еле удержались в ЦИК'е, что они отказались ратифицировать Брест-Литовский мир, что они

не верили в создание регулярной Красной Армии, автор в I редакции не квалифицирует их как врагов народа и революции, а мягко называет их романтиками: «И самым странным было то, что эти романтики, отдавшие все силы и всю жизнь свою революции (подчеркнуто мною — И. Г.), не верили в творческие силы народа, порождаемые революцией»).

Писатель был склонен идеализировать порядки, которые устанавливали на оккупированной территории немцы. Поняв свое заблуждение, он в 1942 г. исключил целый ряд фраз. Так, например, изъяты фразы: «Поезда ходят хорошо, у нас ведь немцы...» и «немцы вежливо обращаются с населением» («Н. мир», 1927, № 12, стр. 23). Новое понимание событий германской интервенции на Украине принесла с собой великая Отечественная война. В 1941 году стали до конца очевидны планы Германии 1918 года, желание поработить и уничтожить славянские народы.

Излишне подробно характеризовался в первой редакции контрреволюционный «Союз защиты родины и свободы». Дать оценку этой организации было необходимо, поскольку по ходу повествования с ней сталкивается Даша. Но, имея значение как эпизод в дашиной жизни, Союз этот не имел того большого значения (в ходе гражданской войны вообще), какое ему приписывает Толстой. С осознанием этой ошибки связан целый ряд важных купюр. Толстой выбрасывает значительный кусок текста, в котором перечислялись партии, входившие в «Союз», говорилось о его задачах, о том, на какие средства он существует и кто его главные руководители. Целый ряд отдельных штрихов, внесенный в текст, призван играть ту же роль.

I редакция

Они захватили военную разведку (разрядка моя — И. Г.). I ред., «Н. мир», 1928, № 2, стр. 115. Кремль опутывался их сетями (тоже).

III редакция

Они просочились в военный контроль (разрядка моя — И. Г.). (III ред., стр. 217). Кремль, казалось, был крепко опутан их сетями (тоже).

Немало купюр и изменений связано с изображением махновцев. Сам образ Махно несколько видоизменен, о чем будет сказано ниже. Если раньше Толстой отождест-

влял действия Махно с партизанским движением, то теперь он исправил эту ошибку. Выпущена песня махновцев «Из-за холма, из-за леса». Она, во-первых, не характерна для этой категории людей, во-вторых, привлекает излишнее внимание к Махно, чего Толстой пытается теперь избежать (III ред., стр. 213).

Трактовка империалистической войны, как и в первом романе трилогии, имела большое значение в «18 годе». Несмотря на то, что ко времени написания второго романа была закончена первая значительная правка «Ссстер», все же во вторую часть трилогии невольно вкрались некоторые отголоски прежних ошибочных взглядов автора. Толстой их устраняет, а кое-где просто усиливает, подчеркивает захватнический смысл войны. Этого он достигает иногда только определением, добавленным к слову «война» — «империалистическая» (II ред., стр. 317). Писатель более глубоко раскрывает отношение народа к этой войне в разговоре фронтовиков, матросов. Причем восприятие одного Семена Красильникова как бы переносится на всех матросов, приобретает типический характер (II ред., стр. 334-335).

В первой редакции Толстому не удалось избежать анархического, стихийного уклона в описании гражданской войны, который был свойственен некоторым писателям того времени. Анархические, бандитские, стихийные настроения слишком часто приписываются Толстым народу на страницах журнального текста. Писатель видит в гражданской войне море анархии, а советская власть представляется ему отдельными островками. Такое неправильное представление о соотношении сил приводило автора к излишне широкому описанию разгула анархических стихий и определяло ту ошибку, на которую он сам указывал — слабый показ роли партии. Исправляя, Толстой устраняет тот анархический оттенок, который он придавал действиям народа, Красной Армии.

Вот, например, один из исключенных в 1943 году кусков журнального текста: «Кроме этих групп было много самоформирующихся отрядов, то примыкавших к армии, то воюющих на свой страх и риск. Иногда такие отряды собирались для какой-нибудь одной операции, затем рассеивались; иногда опасность сбивала их в большие группы, под защиту их сбегались иногородние с женами и детьми; важнейшие решения выносились большинством

голосов на митингах, случалась неудача, кричали: «продали нас, пропили», и разрывали на клочки командиров...

Многотысячные партизанские отряды добывали питание на местах. Тут, конечно, мало стеснялись, в особенности отряды, состоявшие из пришлых, — старых фронтовиков, из голытьбы, бежавшей от немцев, от гетмана и атамана, и, наконец, из тех (а их было много в первые годы революции), кто просто кормился войной за именем лучшего» («Н. мир», 1927, № 11, стр. 52).

Тот же смысл имеют следующие купюры: 1) «Состав армии был текуч, они рассенвались так же быстро, как создавались». («Н. мир», 1927, № 7, стр. 20). 2) «Ощетиненная, лютая Россия» («Н. мир», 1927, № 7, стр. 26). 3) «В этом бою сшиблись на жизнь и смерть: старая и новая Русь, — генеральская, барская, высокомерная, разъяренная из-за отнятых привилегий, оскорбленная в великодержавной гордости, и — мужицкая Русь, разночинная, рабочая, упрямая, еще темная и полуслепая, но уже почуввавшая со всей новорожденной свирепостью, что — «мы сами себе князья». Добровольцам нужно было как можно скорее уходить от этого места, бежать в горы, в леса, в гавани, быть может садиться на корабли, плыть — куда глаза глядят от разбухшей и закипевшей стихии» («Новый мир», 1927, № 10, стр. 6—7). 4) «Народ, в котором кипели все человеческие страсти, бешено бродили возвышенные идеи и низменные желания. Оборванные, шумные красные войска, вооруженные одними винтовками, ручными гранатами да пушками, стреляющими в вольный свет, как в копейку, уходили на север и на восток, дико и недоуменно озираясь» («Н. мир», 1927, № 10, стр. 19). 5) «Большевикам было теперь не до Деникина. Они стягивали буйствующие, раздраженные неудачами полки, чтобы со стороны Тихорецкой ударить по Ростову» («Н. мир», 1927, № 11, стр. 46). 6) «Наконец, московские декреты (которых не очень-то здесь и слушали), продолбили упрямство краевых властей». («Н. мир», 1927, № 11, стр. 52). 3-й и 6-ой отрывки исключены во II ред., остальные — в III.

Оставить все это в тексте было нельзя, тем более, что Толстой неоднократно подчеркивал (потом, правда, тоже убрал) организованность, дисциплинированность, спаянность белой армии. Получалось противопоставление как раз обратное смыслу исторической правды. Красные

части, полки Толстой нередко называл красными бандами» (впоследствии исключено). В тексте встречались и такие термины: банды Деникина, банды Махно, что приводило к нежелательной ассоциации. Автор в 1934 г. берет в кавычки, а в III ред. отказывается от наименования «красные банды». Аналогичен смысл изъятия в III ред. слов: «не-то красные, не-то дезертиры».

В этой связи следует указать и на то, что автор первопечатного текста, не всегда правильно понимая истинные настроения крестьянства, подчас распространяет идеологию кулацкой зажиточной верхушки на все слои крестьянства, показывает, что в сознании крестьянина предрассудок берет перевес над рассудком.

«Нам нужна земля, мы по самый пупок в земле, в навозе...». («Н. мир», 1927, № 7, стр. 23). Или ниже слова того же Алексея: «Мы как звери» («Н. мир», 1928, № 2, стр. 105) — исключено во II ред.

Эти рассуждения Алексея Красильникова, ставшего впоследствии бандитом, махновцем, А. Толстой склонен был выдавать за общие настроения крестьянства. Слова эти исключены в 1943 г.

Из исключенных отрывков в том же году интересно отметить еще один:

«Парни и мужики, расторопные и жадные, набивались в товарные вагоны, со свистом и похабными песнями валили на фронт». («Н. мир», 1927, № 7, стр. 7).

Выходило, что «парни и мужики» не понимали целей революционной, народной войны, в которой они участвовали. Ниже, в отрывке, исключенном также в 1943 г., А. Толстой указывал на то, что народной массой двигала жажда власти, сознание: «мы сами себе князья» (отрывок приводился выше).

Несколько высокомерное, пренебрежительное отношение автора к народу проскальзывало в отдельных словах-определениях, описаниях внешности, жестов, речи и т. д. С этим Толстой также беспощадно борется. В последующих редакциях выражения, взятые в скобки, выпущены: ...«Кучи решительных людей, идущих (как-то дьявольски) (в 1935 г. заменено «нагло») с красной звездой на шапке...». («Н. мир», 1927, № 7, стр. 3 — III ред.; ... потоки серого, разъяренного люда на улицах разрушающегося Петербурга) («Н. мир», 1927, № 11, стр. 62) — II ред., («украинским неповоротливым мужичьем») («Н. мир»,

1927, № 12, стр. 9). — II ред., «Красноармеец... курит на тумбе, (поплевывает жидкой слюной)». («Н. мир», 1927, № 12, стр. 13) — III ред.

Правки текста, сделанные в этом направлении, указывают на то, что Толстой стремился уточнить некоторые неверные или слишком общие определения, показать процесс расслоения крестьянства, пробуждения в крестьянстве революционного сознания. Если раньше все крестьяне шли у Толстого под одним названием — «мужики», то теперь мы видим серьезные изменения, например:

Такие армии упрямых
злых мужиков были
страшны.

(«Н. мир», 1928, № 6, стр. 84).

... набив в них, как сельдь в
бочку, русских мужиков...

(«Н. мир», 1927, № 11, стр. 54).

Такие кулацкие армии бы-
ли страшны.

(III ред., стр. 250)

... набив в них, как сельдь в
бочку, пленных красноармей-
цев.

(II ред., стр. 408).

Роман «18 год» дает читателю яркую картину действий белогвардейских армий на территории России во время гражданской войны. Широко представлены вожди белого воинства — Корнилов, Деникин, Каледин, Кутепов, Краснов, Мърков, Дроздовский и другие. Далеко не с такой полнотой показаны действия красных, их вожди. Фигуры красноармейцев подчас схематичны. Это объясняется тем, что в руках Толстого было мало материалов, освещающих борьбу Красной Армии с белыми. Большинство документов, белых мемуаров рассказывали о том, как белые боролись с красными, а не как красные боролись против белых. Отсюда некоторое неравновесие в показе этих двух противоборствующих сторон.

Однако упрек, который делал когда-то один из исследователей Толстого Старчаков, упрек в том, что Толстой недостаточно критически использовал показания белых мемуаристов, никак не может быть принят.

Этот упрек по существу был в свое время попыткой политически дискредитировать Толстого. Она шла в русле чуждой рапповской критики, мешавшей Толстому преодолевать ошибки своего мировоззрения. Старчаков ставил Толстого не только на сменовеховские, но прямо на белогвардейские позиции. А это было гнусной клеветой на писателя. Сошлемся хотя бы на пример, приводимый Старчаковым:

Корнилов обложил Екатеринодар. Идет второй день

боя. Генерал Марков ведет на город штурмовую колонну.
У Толстого:

«Впереди шагал в сдвинутой на затылок папаше, в расстегнутой ватной куртке Марков. Обращаясь к едва поспевавшему за ним штабному полковнику, он ругался и сволочился по адресу высшего командования:

— Раздергали по частям бригаду, в обозе меня — трах-тарарах — заставили сидеть... Пустили бы меня с бригадой, — я бы давно — трах-тарарах — в Екатеринодаре был...»
(Собр. соч., т. 7, стр. 355).

У Деникина:

«Скоро показался Марков. Идет широким шагом, размахивая нагайкой, и издали еще, на ходу ругается.

— Черт знает что, раздергали мой Кубанский полк, а меня вместо инвалидной команды к обозу пришили. Пустили бы сразу со всей бригадой, я бы уже давно в Екатеринодаре был».

(Деникин, «Очерки русской смуты»).

Из сличения этих двух отрывков Старчаков делал вывод, что «А. Толстой переносит в роман точку зрения мемуариста, объясняя причину поражения белых обозным сидением генерала Маркова»¹⁾.

Нельзя согласиться с этим утверждением. А. Толстой не переносит авторской точки зрения, т. е. не делает свою оценку аналогичной деникинской, а лишь переносит точку зрения действующего лица — генерала Маркова, который остается белым генералом и на страницах романа. Поэтому его точку зрения нельзя отождествлять с авторской. Если Деникин может быть и сходилсЯ со своим «однокашником» Марковым, то из романа не видно, что с ним сходитсЯ Толстой. Наоборот, подчеркивая несостоятельность хвастливых утверждений Маркова, автор устанавливает их несоответствие реальному ходу событий заявлением о том, что офицерский полк Маркова, атаковавший Екатеринодар, вовсе не решил исхода боя, и «второй день, как и первый, не принес победы добровольцам» (III ред., стр. 164).

Отвергая мысль о том, что А. Толстой находился в плену белогвардейской идеологии, мы тем не менее должны признать, что некоторая идеализация белой армии, порой непродуманные определения, выражения (которые могли быть истолкованы в нежелательном направлении) вкрались в первую редакцию романа, и над ними Толстому пришлось немало поработать.

¹⁾ А. Старчаков. Творческий путь А. Толстого. Волжская новь, 1934, № 7—12.

Так, например, Толстой убирает в III ред. определение, данное Дроздовскому, — «великолепный организатор и талантливый полководец» («Н. мир», 1927, № 11, стр. 53), как и определение, данное «монархии» Колчака — «грозная» («Н. мир», 1928, № 7, стр. 173).

Корректируя роман в 1934 и 1943 гг. писатель стремился к его сжатию в первую очередь за счет военно-политических отступлений и за счет описаний отдельных операций белогвардейцев. Сильному сокращению подверглись эпизоды взятия Екатеринодара добровольцами, Каховки — дроздовцами, оценки ледяного похода и т. д.

Писатель убирает все те строки и эпизоды романа, в которых нет отчетливо выраженного отрицательного отношения к белым и которые, благодаря этому, могли быть восприняты, будучи в отдельных случаях объективистскими, как сочувствие автора армии белых. В последних редакциях, четко выражая свое политическое отношение к белым армиям, он беспощадно осуждает их антипатриотическую, предательскую деятельность. Если в I редакции А. Толстой еще сожалел, что силы белой армии были направлены не в том направлении, в котором могли бы быть направлены, то теперь он видит, что иначе быть не могло, т. к. этими людьми руководили чуждые, враждебные Советской власти интересы. Из этих соображений исходит автор при исключении в 1934 году абзаца: «Действительно, настойчивость и мужество этих людей можно было использовать для лучших целей, чем воевать против своего же народа». («Н. мир», 1927, № 9, стр. 26).

Из романа исключаются все упоминания о том, что народ не верил в свою победу, в торжество того правого дела, за которое он боролся. Например, в 1934 году вычеркивается утверждение: «В победу над Корниловым мало кто верил, — казалось, — сам черт наворожил ему счастье». («Н. мир», 1927, № 9, стр. 40).

К числу исключенных из романа отрывков относятся и те, в которых слышатся отзвуки сменовеховской идеологии, в той или иной мере коснувшейся Толстого. Эти черты проскальзывают в оценке белой армии, делая эту оценку частично созвучной взглядам Булгакова, автора романа «Белая гвардия». Булгаков утверждал, что белые не были виноваты, они субъективно хотели хорошего, у них были самые благие намерения, но их дело было исторически обречено. Ближе к этому исключенное Толстым

утверждение, что «настойчивость и мужество этих людей можно было использовать для лучших целей».

Сменовеховцам была свойственна потеря веры и уважения к дореволюционной буржуазии. Толстой тоже пытается доказать, что буржуазия сделала очень мало для того, чтобы задуть революцию. Тем самым, буржуазия частично реабилитируется: она не боролась против революции и Советской власти, а только бежала, спасала бриллианты и просила различные государства помочь ей восстановить старый привычный порядок.

В одном из исключенных в 1943 году из романа отрывков мы читаем: «Но сама буржуазия, пославшая на борьбу все эти партии с непостижимым легкомыслием, не дала им ни копейки денег... Какие бывали деньжищи у купцов, какая осанка, каким владели государством! -- У одного самарского купчины Шехобалова имелось свыше миллиона десятин. — Сам царь вот-вот уже был готов разогнать выживших из ума бояр и обдегенератившихся детей дворянских и поехать в закрытой карете на именины к именитому купечеству. И вдруг, такая небывалая в истории немочь. Молодой, богатый, казалось, такой мощный класс, на которого устремилось острие Октябрьской революции, трусливо увернулся от удара, бросил без единого приличного жеста борьбы заводы, магазины, банки, особняки, квартиры, поместья и, затолкав бриллианты себе в неподходящие места, улетел, куда глаза глядят». («Н. мир», 1928, № 1, стр. 148).

Изучая внесенные Толстым исправления, мы улавливаем одну закономерность: Толстой пытается несколько уменьшить значение и силу белого движения, и в то же время он показывает, что красные одерживали победы, имели успехи на фронтах, оказывали серьезное сопротивление белым, захватывали инициативу в свои руки. Примерами могут служить следующие исправления:

Это был один из многочисленных коротких боев на пути добровольческой армии.
(«Н. мир», 1927, № 7, стр. 25).

Это был один из многочисленных коротких боев, преграждавших путь добровольческой армии. (II ред., стр. 329).

В другом месте писатель вносит необходимое уточнение стилистического порядка, резко меняющее смысл всей фразы:

Колчак... «стиснув зубы, принял матросские комитеты и революционный порядок...» («Н. мир», 1927, № 8, стр. 5).

Колчак... «стиснув зубы, принял к сведению матросские комитеты и революционный порядок...» (подчеркнуто мною — И. Г.)

(II ред. стр. 334).

Уточнение было необходимо, — Колчак, действительно, никогда не принимал Советской власти.

Выше уже говорилось, что под давлением Полонского Толстой изменил фразу: «На первый взгляд кажется непонятным, почему организаторы спасения России от разнузданной черни — главнокомандующие Алексеев и Лавр Корнилов, генерал Марков, Деникин, Романовский и Лукомский — повели пятитысячную армию с жалкой артиллерией, почти без снарядов и патронов на юг, к Екатеринодару, в самое пекло большевизма, охватившего полукольцом столицу кубанских казаков (с востока Армавир, с запада бушующий матросами Новороссийск, с юга горские станицы, где менее всего склонны были умирать за реставрацию дореволюционной власти)» («Н. мир», 1927, № 7, стр. 24).

Он заключил в кавычки определение белогвардейских генералов — Алексеева, Корнилова и др. — «организаторы спасения России», сделав более наглядным тот иронический смысл, который он в это определение вкладывал. Когда Толстой пересматривал роман в 1942 году, фраза эта снова его не удовлетворила. Во-первых, она была слишком громоздкой, и Толстой ее облегчает, избавляя от перечисления имен всех белых генералов (оставляет только Алексеева и Корнилова), от перечисления местностей, окружающих Екатеринодар. Но и по другим причинам она не удовлетворяла писателя: отдельные выражения давались как бы от лица белогвардейцев, но это было недостаточно четко выражено, и отношение самого автора оставалось неясным. Толстой, поняв это, изъял слова «от разнузданной черни» и заменил «пекло большевизма» на «гущу большевизма». Для того, чтобы подчеркнуть ничтожность и показать состав этой антинародной армии, Толстой ввел слова — «горсть офицеров и генералов» (III ред.).

В III редакции фраза выглядела так: «На первый взгляд кажется непонятным, почему «организаторы спасения России» — главнокомандующие Алексеев и Лавр

Корнилов — повели горсть офицеров и юнкеров, — пять тысяч человек, — с жалкой артиллерией, почти без снарядов и патронов, на юг к Екатеринодару, в самую гущу большевизма, охватившего полукольцом столицу кубанских казаков» (III ред., стр. 143).

На примере одной только этой фразы видно, с какой добросовестностью и ответственностью писатель подходил к каждому своему слову, задумывался над каждым смысловым оттенком. Аналогичное исправление мы находим и в другом месте, где восприятие чуждых, враждебных элементов (в данном случае — доктора Булавина) невольно переходит на автора в силу своеобразного построения фразы. Показывая нетерпеливое ожидание доктором прихода чехов, его наблюдение за происходящим на улице из окна своего дома, Толстой описывает раненых красноармейцев. Наблюдая за ними, Булавин думает: «Кол в пузо — только и могли ждать проклятые большевики» («Новый мир», 1927, № 12, стр. 16). Но слова эти Булавину прямо не приписаны, в кавычки не взяты. Описание как бы незаметно переходит в прямую речь, не выделенную соответствующими знаками. Своеобразная творческая манера Толстого, помогавшая ему очень тонко, незаметно вводить читателя в настроение и восприятие того или иного персонажа, в данном случае приводила к нежелательным результатам. Толстой считал за лучшее эту фразу совсем убрать во II ред.

В другом месте во II ред. исключено: «а на улицах — толпы веселой черни, празднующей выход из подполья» («Н. мир», 1928, № 1, стр. 143).

Исключается из авторской речи во II редакции название Деникина по имени и отчеству — Василий Васильевич, в III редакции — характеристика Кутепова как героя («Героем был Кутепов» — «Н. мир», 1928, № 5, стр. 96), характеристика Краснова — «родом казак», придворный кавалер, бойкий писатель, отчаянный вояка» («Н. мир», 1927, № 10, стр. 45).

После эпизода смерти Корнилова А. Толстой вводит большое отступление, в котором подводятся итоги корниловского «ледяного похода». Автор подчеркивает бесславную гибель его вождей и участников, говорит о том, что белые сделали из корниловцев великомучеников и чуть ли не святых, что в глазах врагов Советской власти это служило для них оправданием. Но на самом деле корниловская

армия была такой же, как и все другие. Толстой упоминает о зверствах корниловских генералов — «генерал такой-то перепорол целый уезд шомполами» — и указывает на то, что гибель корниловского мятежа была прологом гибели всего белого движения. Интересно, что в этом отступлении при окончательной правке романа автор счел необходимым изъять из вставленного текста неоправданное сравнение Корниловского похода со «спасением Сусаниным царя в Костромских лесах» (II ред., стр. 378).

К этой же группе исправлений следует отнести те, которые «реабilitируют» Красную Армию и большевиков. Писатель в первом варианте иногда преуменьшал роль и значение русского народа, Красной Армии в борьбе с белогвардейцами и интервентами. Это сказалось в отдельных эпитетах, определениях, описаниях, которые при беглом чтении не бросались в глаза, но придавали отдельным эпизодам нехорошее освещение. Иногда ошибка заключалась не в существе, а в неудачной форме. Например:

Гнездо большевиков было отдано на поток и разорение.

(«Н. мир», 1928, № 7, стр. 165).

... Лезли со своим бородатым Марксом в самую душу главнокомандующего. (О Сорокине).

(«Н. мир», 1928, № 7, стр. 167).

Но с конца ноября питерская власть начала уже показывать зубы.

(«Н. мир», 1927, № 7, стр. 29).

И седые казаки говорили:

«Ну, в добрый час. Дай боже теперь, чтоб нашим врагам очи повылазили». Врагов было много и на Дону по станицам и в особенности на Кубани, где по железнодорожным магистралям оперировали отряды 11 Северо-Кавказской Красной Армии.

(«Н. мир», 1927, № 10, стр. 45).

Так во время похода из Кишинева на Ростов дроздовцам

Город был отдан на поток и разорение.

(II ред., стр. 617).

... Лезли со своим Марксом в самую душу главнокомандующего.

(II ред., стр. 619).

Но с конца ноября питерская власть начала уже разговаривать серьезно.

(III ред., стр. 140).

И седые казаки говорили: «Ну, в добрый час!». Дай боже, теперь, чтобы нашим врагам очи повылазили (II ред., стр. 398). В III ред. оставлено только: «Ну, в добрый час» (стр. 174).

Так, дроздовскому отряду во

пришлось переходить реку. С одной стороны ее, в Бориславле, стояли немцы, с другой, у Каховки, — большевики. Первый враг был национальный, второй — классовый. («Н. мир», 1927, № 10, стр. 46).

время похода из Кишенева на Ростов пришлось однажды переходить реку. С одной стороны ее, в Бориславле, стояли немцы, с другой, у Каховки, — большевики.

(III ред., стр. 174).

Подобного рода стилистические оплошности Толстой исправляет, изымая целые фразы.

Выбрасываются нелестные отзывы о русском народе даже из высказываний действующих лиц. Например, из монолога Телегина исключен целый отрывок: «А ты понимаешь, что значит русскому человеку — поверить. С неизжитым еще буйством, с тысячелетней ненавистью... Мужики, демобилизованные, все наши дебри пошевелиться не захотят ни за какую власть. Всякая власть хуже им горькой редьки, — это значит: война, поборы...». («Н. мир», 1927, № 7, стр. 13).

Из речи Алексея Красильникова (во II ред.): «Русский человек таков, — каким его хочешь, таким он и представится. Вот мы и ходили георгиевскими кавалерами, орлами...». («Н. мир», 1927, № 7, стр. 23).

В нескольких местах Толстой своими исправлениями подчеркивает, что Красная Армия была достаточно сильной, организованной, что она наносила чувствительные и многочисленные удары врагам, что это не были отдельные случаи сопротивления. Об этом свидетельствуют следующие исправления (слова, взятые в скобки, исключены): «Под станицей Кореновской добровольческая армия встретила (первое) очень серьезное сопротивление». («Н. мир», 1927, № 9, стр. 24) изъято во II ред.

«... на высоком берегу Кубани красные оказали (первое) упорное сопротивление». («Н. мир», 1927, № 10, стр. 5) изъято в III ред. Исключается в III ред. следующий отрывок: «Кроме того, военные дела красных были из рук вон плохи, и силы, стремительно растущие против них так могущественны, что нелепо было опасаться какого-либо предательства». («Нов. мир», 1928, № 2, стр. 113—114). Примечательна и такая правка (подчеркнутые слова вставлены в III ред., а взятые в скобки — вычеркнуты): «Так близкая гибель большевиков (была) к а з а л а с ь несомненной; к а з а л о с ь, войска интервентов ужеплыли с четырех сторон света на помощь белым армиям; к а

залось, сто миллионов русских мужиков готовы были молиться на Учредительное собрание; города единой и неделимой империи только и ждали, казались, знака, чтобы, разогнав совдепы, на следующий день восстановить порядок и парламентарную законность» («Н. мир», 1928, № 2, стр. 114).

Порой достаточно было вставить одно слово, чтобы смысл фразы изменился: «В конце мая ее (добровольческую армию — И. Г.) уже не могли раздавить силы красных» («Н. мир», 1927, № 11, стр. 53). — (Вставлено лишь одно слово — «местные» в III ред. Более ответственно подходит Толстой к определению принадлежности к партиям, группам, войскам и т. д., вносит уточнения (взятое в скобки вычеркнуто; остальное — заменено): «Человек десять молодежи (коммунистов) скрылись из села еще до появления немцев». («Н. мир», 1927, № 10, стр. 21) — изъято в III ред.

Одушевленные первыми успехами, большевики сметали все заслоны перед Тихорецкой.

(«Н. мир», 1928, № 7, стр. 154).

Станицы поднимались против Красной Армии.

(«Н. мир», 1928, № 7, стр. 154).

Главная часть Красной Армии ухнула на Екатеринодар.

(«Н. мир», 1928, № 7, стр. 155).

Одушевленные первыми успехами, сорокинцы сметали все заслоны перед Тихорецкой.

(III ред., стр. 261).

Целые станицы поднимались против армии Сорокина.

(III ред., стр. 261).

Главная часть разгромленной сорокинской армии уходила на Екатеринодар.

(III ред., стр. 262).

Подобных изменений много.

Особо необходимо остановиться на финале романа «Восемнадцатый год». В первой редакции концовка романа носила пессимистический характер. Она повторяла те же мотивы, которые продиктовали Толстому начало четвертой (по журнальной нумерации) главы. Здесь писатель говорил о том, что весна 1918 года была периодом распада имперского государственно-политического аппарата на тысячи (самоуправляющихся аппаратиков», периодом, когда народ перестал жить общенациональными интересами, когда «обнаженный человеческий инстинкт тянул к покою, к отдыху». «Новое, свое, трудовое отечество еще не народилось. Было просто 150 миллионов смертно уставших людей на земле» («Н. мир», 1927, № 9, стр. 23). Толстой говорил о том, что в Кремле поворачивали «скрипучий рычаг» (там же, стр. 24). Следова-

тельно, Толстой думал, что Советское правительство организовало народ на борьбу только силой декретов.

Подобные мысли мы встречаем и на последних страницах романа. Писатель утверждал, что 18 год пронесся над Россией диким ураганом, — ничто не решилось и не закончилось: «Разбились страстные порывы, угасали надежды. Снова — непроглядные ночи, мокрый снег, окопы на тысячи верст, как загнивающие рубцы на лице; хмурые деревни, где зажгли стародавнюю лучину, и по вечерам в избах рассказывали про такие страшные дела, что ребята плакали на печках. Впереди — саван долгой зимы. Чего было ждать? Быть может, России уже и нет совсем, пропала Россия? Только один ветер свистит в безвременьи... Угасала надежда на гулкое по всему миру эхо революции. Не услышали, не поняли... Не хватило силы... Смушались даже твердые души» («Н. мир», 1928, № 7, стр. 179).

Конец 1918 года, действительно, принес советскому народу тяжелые испытания. Белогвардейцы нанесли частям Красной Армии Южного фронта ряд серьезных ударов. Англо-французский флот вторгся в важнейшие порты Черного моря. Но молодая советская республика напрягала все силы для спасения дела революции. 26 ноября 1918 года ЦК партии наметил меры для укрепления военного положения, установления строжайшей дисциплины на Южном фронте, разработал план немедленного наступления на всех фронтах.

Оснований для пессимистических выводов, которые делал Толстой, не было. В журнальном тексте, создавая гнетущее настроение уныния, тоски, безнадежности, Толстой давал пейзажную зарисовку, которая гармонировала с авторской субъективной оценкой событий: «Осенние дожди шумели по незасаженным полям, растоптанным нивам. Студеный ветер посвистывал в пожарищах. Ползли северные тучи над бесчисленными фронтами, где в мокрых окопах дрогли красные и белые» (Там же, стр. 174).

В этом отрывке, исключенном в III ред., интересна еще одна деталь. Словами «в мокрых окопах дрогли красные и белые» писатель как бы объединял врагов Советской власти и ее защитников единым настроением — нужности, бесперспективности того «сидения в окопах», на которое они были обречены неизвестно кем. Подне-

вольность и несознательность действий красных бойцов подчеркивались и в другом отрывке, исключенном в 1942 году, где речь идет о подавлении эсеровского мятежа: «Небольшая часть — балтийские моряки, личный отряд Попова — действовала решительно, с темпераментом. Остальные плохо понимали, зачем нужно арестовывать большевиков, мутить город, воевать друг с другом, и — кому это все нужно». («Новый мир», 1928, № 7, страница 175).

Ниже, рассказывая о борьбе красных за Казань, Толстой раньше подчеркивал, что Советская власть ввела в армии режим террора; что только под сильным нажимом и угрозами командованию удалось создать полки и бригады, двинуть их на Казань и освободить город от белых, которые, якобы, в ужасе перед красным террором (!) бежали, куда глаза глядят, на сотни верст, сходили с ума и умирали с голода.

Толстой говорит о том, что в армии было дезертирство, неверие в свои силы и в окончание войны: «... мало кто верил, что они удержатся, если чехи хорошенько поднапрут. Поглядывая на осенние тучи, на посиневшую Волгу, бойцы раздумывали о своих деревнях, где ветер задирает солому на крышах, крапивой зарастали дворы и гнила картошка на огородах.

Тяжело было месить грязь лаптями, дрожать, как мокрая собака, в окопах, еще тяжелее думать, что войне этой, разорению нет конца — краю» («Н. мир», 1928, № 7, стр. 176) — исключено в III ред.

Все эти исключенные или переосмысленные отрывки свидетельствуют о том, что писатель не сумел передать в авторских отступлениях народный характер героической борьбы Красной Армии.

В III ред. Толстой изменяет приведенный выше отрывок: «Надвигающаяся осень не веселила сердца бойцов, и многие, поглядывая на тучи, ползущие с севера, раздумывали о своих деревнях, где ветер задирает солому на крышах, крапивой зарастали дворы и гнила картошка на огородах. А войне и конца не видно».

Чуткий психолог, А. Толстой не собирался показывать радужные настроения бойцов, которым действительно приходилось тяжело. Это было бы неправдой. Писатель указывает на то, что осень наводила фронтовиков на грустные размышления, что они были полны заботами о

доме. Но в новой редакции и речи нет о том, что они дезертировали с фронта, не верили в свои силы.

В III редакции подчеркивается роль Коммунистической партии. Дело в том, что как указывалось выше, партия бросила все силы на укрепление Восточного фронта, даже за счет других фронтов. Ленин писал: «сейчас вся судьба революции стоит на одной карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань-Урал-Самара. Все зависит от этого»¹⁾).

Московская, Петроградская, Иваново-Вознесенская, Орловская и другие партийные организации мобилизовали на фронт своих лучших коммунистов, которые возглавили укрепление и перестройку всего фронта, развернули широкую партийно-политическую работу». Эти мероприятия способствовали переходу частей Восточного фронта в успешное наступление.

Этот факт находит отражение в романе «18 год». Вслед за приведенным отрывком об «осеннем унынии», Толстой в III ред. пишет: «В ответ на осеннее уныние Центральный комитет партии, после того, как республика справилась с мятежами, мобилизовал в Москве, в Петрограде, в Иваново-Вознесенске наиболее стойких коммунаров и направил их в армию».

В первоначальной редакции об этом тоже говорилось, но там коммунары именовались террористами, их отправка в армию связывалась с именем Троцкого, и вообще весь этот эпизод не имел той значительной смысловой нагрузки, которую он получил впоследствии.

В третьей редакции Толстой исключает излишние подробности о врагах Советской власти (Чайковском, эсерах, украинских атаманах и др.).

По сравнению с первоначальной редакцией заключительные страницы романа подверглись значительному сокращению. Более сдержанно рассказывает А. Толстой о провокационном убийстве германского посла Мирбаха и эсеровском мятеже в Трехсвятительском переулке (последний вообще продолжался всего несколько часов, так что этой аванюре не следовало придавать серьезного значения). Меняется последний абзац романа, что имеет большой смысл. Толстой уделял исключительное вни-

¹⁾ В. И. Ленин. Военная переписка 1917—1920. Госполитиздат. 1943, стр. 32.

мание последним строкам своих романов. Избегая декларативности и назидательности, Толстой делал концовки своих романов своеобразным итогом целого произведения и в то же время перекидывал в них мостик к следующему звену трилогии. Во всех трех романах в конце говорится о ком-либо из четырех главных героев (в последнем романе — о всех четырех).

В первой редакции роман «18 год» заканчивался кратким сообщением о революции 1918 года в Германии: «И вот произошло величайшее событие, круто повернувшее историю и Запада, и России. Девятого ноября в Германии началась революция, германская армия сказала: «Довольно! Мир!» Император Вильгельм бежал и на границе Голландии отдал пограничному офицеру свою шпагу» («Н. мир», 1928, № 7, стр. 179).

То обстоятельство, что Толстой рассказал об этом в заключительном абзаце романа, придавало событию особый смысл, значение гораздо большее, чем это было на самом деле. Толстой называл революцию в Германии «величайшим событием, круто повернувшим историю и Запада, и России». Писатель хотел сказать этим, что для судеб гражданской войны революция в Германии имела решающее значение. Без нее большевики проиграли бы войну, революция погибла бы.

Нельзя недооценивать значения немецкой революции 1918 года для молодой советской республики. Советская власть получила возможность ликвидировать грабительские условия брестского договора, да и сам факт революции способствовал подъему народной борьбы в странах Европы. Положение Страны Советов несколько облегчалось, но война далеко еще не была выиграна. Наоборот, силы Антанты укрепились, т. к. Германия признала себя побежденной и смогла усилить наступление против Советской Страны. Уже в ноябре Антанта начала готовить вторжение в нашу республику через Черное море. Правящие круги Антанты, умножили помощь Деникину. Следовательно, значение революции в Германии для Советского Союза было двойственным. В какой-то мере положительным, но не решающим, и эта революция не «повернула историю России», как писал об этом Толстой. В III редакции он отказался от такой концовки.

Исторический обзор заканчивается теперь фразой: «Но все это (взятие Самары, Казани, успехи под Царицы-

ном — И. Г.) было лишь началом великой борьбы, развертыванием сил перед главными событиями) 1919 года».

Но не этим завершается весь роман. В конце Толстой перенес абзац, в котором говорится о том, что Телегин одним из первых ворвался в Самару и, проезжая мимо дома доктора Булавина, мучительно раздумывал над тем, где Даша, что с ней? На этот вопрос никто не мог ему ответить.

Ответом на этот вопрос Толстой, как известно, начинается роман «Хмурое утро» — Даша с Кузьмичем сидит в степи у костра. Так связываются две части трилогии. И не случайно именно о Телегине говорит Толстой в конце романа. Это тот из четырех главных героев, кто неразрывно связан с делом революции. Остальные еще плутают по кривым дорожкам в поисках правды. Таков финал романа в последней редакции, идейно и тематически подготавливающий заключительную часть трилогии.

При всех ошибках исторической концепции Толстого роман «Восемнадцатый год» даже в первой своей редакции свидетельствует о том, что писатель поднялся в понимании движущих сил исторического процесса на более высокую ступень, достиг значительного уровня зрелости, широты исторического видения. Тем не менее, дальнейшее изменение его позиций, эволюция политических взглядов, овладение марксистским мировоззрением диктовали писателю необходимость перерабатывать роман. Для того, чтобы завершить трилогию, А. Толстому понадобилось еще много лет: «И я не жалею, — пишет А. Толстой, — что между второй и третьей частью был такой длинный перерыв, потому что за это время я сам, в своей жизни, в своем отношении к жизни, к действительности, к нашей борьбе, стал относиться гораздо более зрело, гораздо более углубленно»¹⁾.

II. РАБОТА НАД ОБРАЗНОЙ СИСТЕМОЙ РОМАНА

В романе «Восемнадцатый год» главными героями остаются — Телегин, Рошин, Катя и Даша. Но если в романе «Сестры» на них (особенно на образах сестер Булавиных) было сконцентрировано основное внимание ав-

¹⁾ А. Толстой. Как создавалась трилогия «Хождение по мукам». Полн. Собр. соч., т. 8. стр. 668

гора, то в романе «Восемнадцатый год» соотношение меняется. Продолжая оставаться главными героями, эти четыре персонажа отступают с первого плана и сливаются с другими, большей частью — эпизодическими фигурами. Социальные события перестают быть фоном. Война, революция, народные массы, мятежи и наступления, махновцы и сорокинцы — все это как бы растворяет в себе судьбы двух главных супружеских пар романа, подчиняет их себе. Пестрый, шумный, сдвинувшийся со своих мест мир, новые жизненные конфликты и новые необычайные судьбы встают с каждой страницы романа. Решаются судьбы родины и народа, — и это становится главным. Не отдельная личность, а целые классы, группы, массы выдвигаются вперед.

Толстой создает в романе «Восемнадцатый год» целую галерею новых действующих лиц, поделенных самой жизнью и логикой событий на два лагеря — красных и белых. Есть среди них и такие, которые не определили еще своих настроений, не разобрались в событиях. Они мучаются сомнениями, страдают, колеблются, не зная, куда податься.

Система образов романа, как и в «Сестрах», была заранее тщательно продумана Толстым. Характеры определены, как и направление их развития. Наибольшую трудность для Толстого представляло раскрытие перерождения Рощина. Требовалось большое мастерство для того, чтобы показать его убедительно и правдиво. Поэтому Толстому приходилось еще и еще раз возвращаться к работе над этим образом при переизданиях романа «Сестры». Отдельные коррективы в этот образ вносит Толстой и в романе «Восемнадцатый год». Правка образов — Телегина, Кати и Даши продолжает активную линию исправлений начатую в романе «Сестры».

Перо Толстого касается целого ряда других персонажей — их внешности, речи, авторской характеристики. Большинство этих исправлений не меняет сущности характеров, но делает их более рельефными, выпуклыми, колоритными. Особенно внимательно Толстой подходит к той краткой характеристике Ленина, которая дана в романе.

Остановимся на конкретных примерах:

Образ Рощина, как и в романе «Сестры», потребовал наибольших исправлений, среди которых есть до-

вольно значительные. Толстой делает акцент на чертах сдержанности, суровости и твердости в характере Рощина, которому не свойственна сентиментальность. Об этом свидетельствуют следующие исправления: «О нем (Алексее Красильникове. — И. Г.) Вадим Петрович не раз рассказывал (с любовью — II ред.), считал его (настоящим героем — III ред.) великолепным типом умного, даровитого русского мужика» («Н. мир», 1927, № 7, стр. 23). (Слова, взятые в скобки, исключены во II и III ред.).

После того, как Телегин рассказал Рощину об отъезде Кати, — слова Рощина:

— Где она сейчас, где? Полковник...
(«Н. мир», 1928, № 6, стр. 77).

— Так, так, — твердо проговорил Рощин, глядя под ноги, — куда же уехала Екатерина Дмитриевна?
(III ред., стр. 246).

Этой правкой подчеркивается важная психологическая деталь. В первой редакции перед нами — растерявшийся размагниченный интеллигент, для которого потеря Кати — крушение всего, полная катастрофа. Во II редакции это человек, весь подобранный для борьбы, поисков, жизни, сосредоточивший всю свою волю. Наличие этого волевого начала — необходимая черта в характере Рощина.

Передавая воспоминания Рощина о доме, детстве, родных, Толстой во II редакцию вводит упоминание о том, что Вадим Петрович не ответил на последнее письмо матери.

В то же время Толстой избавляет Рощина от излишней злобы, ненависти и презрения к народу. Логика дальнейшего развития образа требовала этого.

— Забыты! Катя, Катя! Тут нужно забыть себя. Забыть огромное прошлое. Былое величие... Еще ста лет не прошло, когда Россия диктовала свою волю Европе... Что же, — и все это смиренно положить к ногам пролетария? Да он, черт его возьми, — таблицу умножения не знает. Пушкина не читал. Нас, военную касту, создавали че-

— Забыты! Катя, Катя! Тут нужно забыть себя, забыть тысячелетнее прошлое. Былое величие... Еще века не прошло, когда Россия диктовала свою волю Европе... Что же, — все это смиренно положить к ногам немцев? Диктатура пролетариата! Слова то какие! Глупость! Ох, глупость российская...

(III ред., стр. 138).

тыреста лет—править государством. А он знает один свой станок, и пусть его знает свой станок... (Он часть механизма, только...) — II ред. Ему — власть? Все равно, что дать власть надомной ногтю на моем мизинце. Чепуха. («Н. мир», 1927, № 7, стр. 16).

Подчеркнутое изменено в редакции 1943 года. Из письма Кати убирается фраза о том, что Роцин ненавидел революцию: «Он ненавидел ее, боялся, она стояла перед ним страшным призраком».

Тот же характер имеет следующее исправление: Роцин узнал старого знакомого Сергея Сергеевича Сапожкова, (подумал:.. «не вывернешься»).

Взятое в скобки вычеркнуто в редакции 1935 г., стр. 350. В первую редакцию романа было включено признание Роцина: «Надо же было сознаться, наконец, что дорожке величия погибшей империи были ему Катины взволнованные, серые, любимые глаза...». («Н. мир», 1928, № 6, стр. 77).

При таком условии уход Роцина к белым не получал никакого оправдания, если дорожке Родины, дорожке ее призрачного величия была любимая женщина, которую он и покинул-то ради Родины. Чтобы избежать этого противоречия, А. Толстой убирает признание Роцина в 1935 году.

Раскрывая процесс перелома в сознании Роцина, писатель исправляет еще один отрывок, связанный с этим образом:

... что еще страшнее, еще ужаснее сейчас кого-то обвинять (разрядка автора), — разве бога, разве богу кричать проклятия, ухватившись за обломок мачты среди бешеных волн революции. («Н. мир», 1928, № 6, стр. 76).

... что ему сейчас больше некого обвинять, — разве самого себя!.

(III ред., стр. 245).

Автор показывает таким образом начало осознания Роциным своей вины: обвинять он должен только себя.

Ошибку допустил сам и сам за нее расплачивается. Сознание вины формирует дальнейшее поведение Рощина, оно ведет его дальше и заставляет пересмотреть свои убеждения.

Это сознание допущенной ошибки, чувство виновности, усиленное в последующих редакциях, очевидно также из следующего примера — Рощин вспоминает об убийстве красного бойца:

Прояснившийся ум силится понять, что произошло, что происходит.

(«Н. мир», 1927, № 11, стр. 47).

Прояснившийся ум силится понять, прав он? Да? Прав. Так почему же он спрашивает самого себя об этом?

(III ред., стр. 175).

Здесь же, несколькими строчками выше, говорилось о том, что Рощин поправился после ранения. В журнальном тексте писатель об этом рассказывал так: «Вадим Петрович чувствовал себя отлично — окреп, обгорел и за последние дни в тихой станице отъелся» («Н. мир», 1927, № 11, стр. 47).

В редакции 1943 года писатель убирает слова «чувствовал себя отлично», так как душевное состояние Рощина вовсе не было отличным. Он подвергал анализу свои поступки, его мучила душевная болезнь, о чем свидетельствует предыдущая правка. Он выздоровел физически, но не морально.

Интересная правка проведена в эпизоде расстрела пленных красноармейцев, свидетелем которого был Рощин. На него произвел тягостное, впечатление взгляд одного из обреченных.

«Знакомые серые глаза, боже мой! Где я их видел?».

(«Н. мир», 1927, № 10, стр. 11).

«Знакомые, родные серые глаза, боже мой!».

(II ред., стр. 374).

Исправляя этот коротенький внутренний монолог Рощина, Толстой преследует определенную задачу. В старой редакции реплика Рощина имела следующий смысл: Вадиму Петровичу увиденные им глаза напомнили кого-то из знакомых, может быть даже Катю — у нее тоже серые глаза, и он внутренне содрогнулся. В новой редакции Толстой придает этой реплике новый, более широкий смысл. Никого конкретно Рощину не напоминает погибший красноармеец, но его глаза — знакомые, родные.

Просто — глаза русского человека, погибающего от руки палача.

Все отмеченные детали, вместе взятые, помогали Толстому сделать характер Рощина более цельным, а его эволюцию более убедительной.

Образ Телегина. Характер Ивана Ильича Телегина более собранный и прямой, определился почти во всех деталях уже в первоначальной редакции. Исправления, внесенные Толстым в последующие издания и касающиеся образа Телегина, имели по преимуществу стилистический характер. Толстой искал пути для более образного раскрытия внешнего и внутреннего облика Телегина, не меняя его основной сути, искал более характерные слова, жесты. Если раньше, например, Телегин говорил «Вася-ка Рублев», то в новых редакциях — «Василий Рублев». В журнальном тексте Телегин отмечал, что Рублев ему помог; после исправления в 1935 г., — «здорово помог». В первой редакции Толстой пытается многое объяснить, рассказать о Телегине. Теперь он больше предоставляет ему действовать, а читателям — делать выводы. Толстой стремится не рассказывать, а показывать. Вот одно из характерных исправлений:

Ивану Ильичу самому понравилось, как он «ковырнул в самое нутро». А еще вчера не мог бы говорить с такой уверенностью. И ему казалось, что все мысли он нашел сам, — подвел итог переживаниям последних месяцев. Додумался, поверил, и теперь надо было решаться переходить к делу. Он заходил по комнате, колебля огонек моргалки:

— Даша, я к чему говорю?.. («Н. мир», 1927, № 7, стр. 13).

Даша продолжала молчать. Он помешал в печке. Сидя на корточках перед дверцей, сказал:

— Понимаешь, к чему говорю?..

II ред., стр. 314.

Телегин отвечает на вопрос Сапожкова, не собирается ли он вступить в партию. В новой редакции Толстой показывает большую возможность такого шага Телегина, чем в первой:

— Ты что же, в партию, быть может, ловчишься?

— Нужно будет для дела, пойду и в партию. Покуда не собираюсь. («Н. мир», 1927, № 11, стр. 57).

— Ты что же, в партию, быть может, ловчишься?

— Нужно будет для дела, пойду и в партию.

II ред., стр. 413.

Подчеркивается осознанность Телегиным цели, за которую он борется, твердость идейных позиций. После разговора с Сергеем Сергеевичем Сапожковым Иван Ильич сильно задумался — о революции, о России, о народе. В этом отрывке Толстой вычеркнул (во II ред.) целый абзац, в котором говорится, что Телегин не понимает еще «новой правды». «Казалось в эту ночь Иван Ильич вот-вот поймет новую правду, ломающую и сокрушающую людей, поймет и правду о дашиных муках, — и Даша кипит в том же котле... Но мысли оборвались, он заснул...» («Н. мир», 1927, № 11, стр. 64).

Приведенные исправления принципиально не меняют образ, линию его развития, не касаются характера Телегина, его поступков, портрета и т. д.

Период, изображенный в романе «Восемнадцатый год», очень существенен для судеб сестер Булавиных. Обе они, подхваченные ветром непонятных им событий, мечутся по жизни. Обе в трудностях, горе и лишениях начинают угадывать какую-то иную правду, чем та, к которой привыкли с детства. Более определенной представлялась писателю судьба Кати. Она не должна была принимать непосредственного участия в политической борьбе, но жизнь ее определялась особенностями исторических событий. Горечь разлуки с любимым человеком, тоска о прошлом, необходимость мириться и привыкать к чуждому укладу жизни — все это Толстой глубоко раскрывает в эпизодах, где действует Катя.

Образ Кати не подвергся существенному изменению. Отдельные детали, которые вносит Толстой, помогают более правдиво раскрыть характер. Так, рассказывая о захвате в плен Кати и других пассажиров, Толстой описывает ее состояние. Катя долго шла по степи, разговаривала с Мишкой Соломиным. Нервное напряжение, усталость давали себя знать. Кате хотелось спать. И когда случайно пришлось остановиться, она «села на землю, опустила лицо в колени». Меньше всего сейчас она думала о том, что говорил ей Мишка. Свое горе, тревога за будущее и смертельная усталость заслонили всё на свете. Поэтому совсем ни к чему вслед за словами «лицо в колени» была фраза: «Мало было своего, — чужое навалилось горе». Фраза убрана в редакции 1943 года («Н. мир», 1928, № 1, стр. 157).

Когда Мишка подвел Катю к хате, то сквозь слипаю-

щиеся веки она увидела большие подсолнечники и за ними зеленые ставни, разрисованные цветами и птицами». Вслед за этим в первой редакции следовало: «Сонно и равнодушно подумала: «Это красиво» («Н. мир», 1928, № 1, стр. 157). В 1935 г. Толстой эту фразу вычеркивает: не до того было Кате, чтобы думать о том, что красиво, а что нет. Она устала и хотела спать. Весь этот эпизод психологически стал более правдивым.

В отдельных местах появляются новые портретные штрихи: синие глаза — ясные глаза (III ред.).

Только одно исправление более или менее значительное. В письме Даше из Ростова Катя писала, что прошлое погибло навсегда, жизнь кончена. «Пусть приходят другие»... В 1943 г. после этих слов Толстой добавил: «сильные... лучшие»...

Слова эти указывают на то, что Катя поняла бренность старого мира, ненужность и бесполезность людей прошлого и ждет прихода новых людей — сильных и лучших. Мысль эта и без того присутствовала в Катинем письме, но приведенными словами она еще больше подчеркивалась.

Таковы немногие исправления, внесенные в характеристику Кати. Более сложной и значительной по объему была работа над образом Даши. Путь Даши в романе «Восемнадцатый год» в какой-то степени аналогичен пути Вадима Рощина. Только непосредственно столкнувшись с борьбой красных и белых, она поняла на чьей стороне правда. Толстой мастерски показывает различные влияния, которые испытывает Даша, решившись выбраться из тесного мирка уютной петербургской квартиры, стряхнуть с себя оцепенение. В романе «Восемнадцатый год» настроения Даши еще не определены. Она мечется, как былинка, подхваченная ветром, встречая на своем пути загадки одну мудренее другой. Куличек и Мамонт Дальский — с одной стороны, фронтовики в поезде и Ленин на заводском митинге — с другой. Отец и муж — белый министр и красный офицер... Где же тут разобраться неискушенной, не знающей жизни, наивной девушке во всей сложности общественных отношений. Вот это и нужно было показать Толстому. Ее связь с «Союзом защиты Родины и свободы», на которую толкнул Куличек, вовсе не была результатом убеждения в необходимости бороться против революции. Выполняя задание

«Союза» Даша едет в Москву. В вагоне она сталкивается с простыми русскими людьми, красноармейцами. Рассказ фронтовика «потряс Дашу». Вслед за этим в журнальном тексте следовало: «Но открой сейчас Даша — зачем она едет в Москву, — разве бы фронтовик с винтовкой уступил ей на ночь место у окна? Расправились бы с ней, как с врагом. Но она ехала потому, что свое дело считала правдой» («Н. мир», 1928, № 2, стр. 123).

В издании 1935 г. Толстой исключает эти строки, которые указывали на сознательное приобщение Даши к белям.

Вовсе не считала Даша свое дело правдой — она просто не знала, где правда, она только еще начала изучать жизнь после того, как была «предоставлена сама себе, одному своему крошечному опыту».

Показывая интерес и доверие Даши к своим спутникам по вагону, к В. И. Ленину, Толстой в то же время оттеняет ее внутреннее недоверие и страх перед Куличком. Ее волнение при встрече с ним ничего общего не имеет с тем возбуждением, которое вызывает в Куличке воспоминание о пролитой крови народа. Поэтому в 1935 г. Толстой исключает слова: «Волнение его передалось Даше» («Н. мир», 1928, № 2, стр. 112).

Исправляя первопечатный текст, Толстой продолжает традицию исправления романа «Сестры», подчеркивая внешнюю и внутреннюю чистоту Даши. Взятое в скобки, исключено в III ред.: «Переступая туфельками, отбросила в сторону штопаное (и грязное) белье».

Из письма Даши: «Мерзавец! (Походя соблазнился)» («Н. мир», 1928, № 6, стр. 95) и другие, подобные.

Работая над текстом романа, Толстой пристальное внимание обращает на трактовку образов людей революции.

Писатель выправляет высказывания действующих лиц, чтобы не погрешить против правды и политически заострить фигуры революционеров.

Прежде всего Толстой задумывается над тем, как показан в романе вождь народа и революции В. И. Ленин. Раньше на совещании в Совнаркоме Ленин говорил «тусклым голосом» (убрано в III ред.):

В речь Ленина вводится страстный призыв к борьбе: «*Драться жестоко. Разбить немцев*». (III ред. стр. 140). Предостерегая против уныния и отчаяния, Ленин раньше

говорил: «Вешать носы, хвататься за голову преждевременно и не имеем права» («Н. мир», 1927, № 7, стр. 19).

В III ред. Толстой исправил: «Вешать носы, хвататься за голову — не большевистское это дело» (стр. 140).

Второй вариант более конкретный, политически более острый. Вторично Ленин появляется в романе на заводском митинге, где произносит речь о хлебе, о борьбе с голодом. Как указывает И. Векслер, речь является букввальным воспроизведением отдельных, наиболее ярких мест ленинского «Доклада о борьбе с голодом», сделанного 4 июня 1918 года на объединенном заседании ВЦИК'а, Московского совета рабочих, крестьян и красноармейских депутатов и профессиональных союзов. С этими словами, «исполненными высокого пафоса», (И. Векслер) не вяжется ни «тусклый голос», как раньше его характеризовал А. Толстой, ни «усталая улыбка», которая была заменена на «ясная улыбка». Рисуя светлый облик Ленина, Толстой отказывается от эпитетов «озабоченное, угрюмое», определяющих лицо Ильича, вносит другие коррективы в портретную характеристику вождя — исключает определение «плотный». Описывая ленинскую манеру говорить, Толстой упоминает о «картавящем голосе», «прищурившихся глазах», руках, опирающихся о стол. Не упускает Толстой и характерную деталь — Ленин любил закладывать большие пальцы за жилет. Но вначале ему не удалось точно передать этот жест. В журнальном тексте читаем: «заложил большие пальцы за вырез жилета». Это не точно, да и трудно себе представить, как можно это сделать. В редакции 1943 года: «заложил большие пальцы с боков за жилет». Все эти исправления внесены в III ред. (стр. 232—234). Так получает соответствие речь персонажа с внутренним и внешним жестом, чему А. Толстой придавал очень большое значение при лепке художественного образа. Это единство слова и жеста ярко выступает в скульптурной фигуре Ленина, созданной писателем одним из первых в советской художественной прозе.

В характеристику рядовых бойцов революции и гражданской войны А. Толстой также вносит различные коррективы. Существенна правка образа Василия Рублева: убрано всего несколько слов — «злой, как бешеный» («Н. мир», 1927, № 8, стр. 7), «глаза одичали». Критика в свое время справедливо отмечала, что в людях револю-

ции автором подчеркивается одно качество, как основное — злость. Видимо, Толстой признал указания критики¹⁾ правильными и убрал это начало злости из образов Рублева и Семена Красильникова.

Образ Семена подвергся существенной переработке. А. Толстой исключил из романа биографию Семена Красильникова до 1918 года, упоминание о том, что он был не слишком бойким, старательным, тихим матросом. Это сокращение было вызвано желанием сосредоточить внимание читателя на том, как пробуждается революционное сознание Семена. Показывая ненависть Семена к врагам, автор меняет его реплику:

Не успокоюсь... Покуда по
локоть руки в крови не намочу.
(«Н. мир», 1927, № 8, стр. 14).

Не успокоюсь... покуда гады
кровь нашу пьют.
(II ред., стр. 344)

В первой редакции слова Семена звучали аналогично сладострастным смакованиям Тепловых и Оноли, жаждавших кровавых расправ с народом. В новой редакции подчеркивается кровожадность врагов и законность гнева Семена.

Толстой правит то место романа, в котором описывается реакция Семена на приход немцев в родное село:

Но он за эти дни, когда с
небывалой легкостью исчезло
все то, за что еще месяц на-
зад проливали кровь, — пропа-
ло, как сон, — растерялся, за-
тих, затаился. Было отчего
растеряться...
(«Н. мир», 1927, № 10, стр. 22).

Но он за эти дни будто
(разрядка моя — И. Г.)
затих, затаился.
(III ред., стр. 170)

В первой редакции показана растерянность Семена, его отчаяние и неверие в силы революции, во второй — раздумье, поиски новых средств борьбы — он только будто затих и затаился.

В первой редакции Семену Красильникову была отведена большая роль в сцене потопления черноморской эскадры. В 1943 году, перерабатывая роман, автор сделал целый ряд исправлений, уменьшая роль Семена. Это было вызвано не желанием принизить значение этого персонажа в романе, а стремлением обобщать, показывать мас-

¹⁾ М. Чарный. «А. Н. Толстой». «Октябрь», 1940, № 1.

ду. Толстого интересуют теперь не чувства и настроения одного Семена, а действия и настроения всех черноморских моряков. И то, что раньше принадлежало Семену, типичному представителю народа, теперь передано целому коллективу, или его безымянному члену.

— Есть поднять сигнал! — во всю глотку ответил Семен, бросаясь к ящику с сигнальными флагами.

(«Н. мир», 1928, № 7, стр. 160)

Семен, улыбаясь, опустил штык: — Проходите, товарищ Шахов.

(«Н. мир», 1928, № 7, стр. 162)

— Есть поднять сигнал! — сразу оживились моряки, бросаясь к ящику с сигнальными флагами.

(III ред., стр. 264)

Матрос хмуро опустил штык:

— Проходите, товарищ Шахов.

(III ред., стр. 266)

Командир отряда, везущего партизанам оружие и патроны, черноморский матрос Хведин является, по замыслу автора, типом большевистского агитатора. Каждое его слово западает в души бойцов. Замысел требовал очень ответственного отношения к речи Хведина. Толстой много работает над ней, лишая блатного жаргона и «крепких морских поминаний». В новом варианте писатель усиливает в речи Хведина любовь к русскому народу, гордость его силой, его передовой ролью в революции:

— И вот, братишечки, покуда вы здесь дремлете, мировой буржуй не дремлет. Он, — тут следовало очень крепкое морское поминание, — хитер... Ему страшно, братишечки... Он, сукин сын, в портки валит со страха... История-то ведь какая... Мы, рабочие и крестьяне чего отчубучили, — а?... Шестую часть света забрали в свои мозолистые руки, — вот это так революция, правду я говорю? Рабочие и крестьяне других стран и государств поглядят-поглядят — завидно! У русских нет буржуа, а у нас, мол, на шее сидит, напился, как клоп, мать его... Понятно, братишечки... А что же, — у них оружия нет? Они хуже нас? Наши кровные братья, — тут он вставал и плашмя кулаком бил себя в грудь, гулко,

— Должны вы понять, братишечки, — говорил он им хрипатым голосом, — не воюем мы с Деникиным, не воюем мы с атаманом Красновым, не воюем мы с чехословаками, а воюем мы со всей кровавой буржуазней обоих полушарий... Мирового буржуа надо бить смертельно, покуда он окончательно не собрался с силами... Нам, ррусским (слово это он произносил отчетливо и форсисто), нам сочувствуют кровные братья пролетарии всех стран. Они ждут одного, — чтоб мы кончили у себя паразитов и пошли подсоблять им в классовой борьбе... Это без слов понятно, братишки. Как смелее ррусского солдата ничего не было на свете — смелее только моряк-краснофлотец, так что у нас все шансы. По-

как в бочку, — наши братья трудящиеся на обоих полушариях должны поднять оружие... Троны и парламенты, оплоты кровавых эксплуататоров, полетят кверху ногами... (Сложное морское поминание). Только вы держитесь, братишечки... Может, еще месяц, ну недель шесть осталось до мировой революции»... («Н. мир», 1928, № 6, стр. 81—82)

нятно, красавцы? Это арифметика, что я говорю. Сегодня бои под Самарой, а через небольшой срок бои будут на всех материках.

(III ред., стр. 248).

В редакции 1943 года Толстой убирает тон балагурства и из реплики помощника Сапожкова, «коренного матроса», вызывающего товарищей на опасное дело:

— Братишки, товарищи, — сказал он в толпу, — к а т и с ь к а на двор, нужны охотники на опасное дело.
(«Н. мир», 1927, № 9, стр. 31)

— Братишки, — сказал он чугунным голосом, — а ну, кому жизнь не дорога...

(III ред., стр. 156)

Эти коррективы вызваны стремлением преодолеть укоренившийся в литературе тех лет стандарт в изображении революционных бойцов. Толстой преодолевает этот штамп не только в речевой, но и в портретной характеристике. Так, например, из внешнего облика помощника Сапожкова исключается традиционный бушлат и папах. («Из управления вышел помощник командира, матрос в бушлате и папаче, мрачный и бородатый») («Н. мир», 1927, № 9, стр. 31).

Теперь сказано так: «Стоявший с Сапожковым коренной матрос спустился с крыльца и стал вызывать охотников на опасное дело». (III ред., стр. 156).

Следует остановиться еще на некоторых изменениях в характеристике эпизодических персонажей.

Т р и ф о н о в — начальник Красной гвардии в Ростове, выступающий на митинге в кинематографе «Солейль». Изменена его портретная характеристика. Придана большая твердость и решительность. Изъяты слова, заключенные в скобки; подчеркнутые — вставлены: «Из-за кулис (неловко ступая), стуча тяжелыми сапогами, вышел начальник Красной гвардии Трифонов. Рукав байковой (заношенной) его куртки был перевязан куском кумача. В руках он держал картуз, тоже перевязанный по око-

лышу красным. Весь он был коренастый (видимо, очень сильный), спокойный. Не спеша подошел к краю сцены. Серая кожа на обритом черепе зашевелилась. Тени от надбровий закрыли глаза. (Широкое лицо, смущенное от света лампы и приветствий, улыбалось. Он кивнул головой, улыбка исчезла, лицо стало твердым). Он поднял (заскорую ладонь) руку, настала тишина, и полусогнутой ладонью указал на стоявшего внизу (Войцеховского) Бройницкого. Правился отрывок дважды: II ред. — стр. 346, III ред. — стр. 150—151.

Здесь мы снова видим, как Толстой ищет нужные жесты, мимику. Его не удовлетворил первый вариант: неловкая походка, смущенная улыбка. В первой редакции неясно было, почему зашевелилась кожа на черепе. Когда же добавились слова «тени от надбровий закрыли глаза», стало ясно: человек нахмурился, наморщил лоб, и брови нависли над глазами.

Более решительной и конкретной стала и речь Трифонова. Обвиняя военного комиссара Бройницкого (в первой редакции было—Войцеховского), Трифонов прибегает не к риторическим вопросам, а к прямым фактам. Усиливая впечатление, Толстой заменяет разговор о недовольстве народа прямым доказательством этого недовольства:

... Известно ему, в чьи руки попадают реквизированные товары? Известно ему, какое впечатление производят подобные действия в городе? Молчите, товарищ Войцеховский? Вам нечего отвечать. Так я отвечаю за вас. Никто вам власти в Ростове не давал, и ваш мандат подложный, и ваши ссылки на Москву, тем паче на товарища Ленина,— наглая ложь... («Н. мир», 1927, № 8, стр. 16)

... Известно ему, в чьи руки попадают реквизированные товары? Молчите, товарищ Бройницкий? Вам нечего отвечать. Реквизированные товары пропиваются шайкой бандитов... (гул в зале. Трифонов поднял руку). И вот что еще нам стало известно... Никто вам власти в Ростове не давал, и ваш мандат подложный, и ваши ссылки на Москву, тем паче на товарища Ленина,— наглая ложь...

(III ред., стр. 151).

Мишка Соломин — солдат телегинской роты. Среди бойцов он славился, как сочинитель стихов и пьяница, хотя пьяным его видели редко. Впервые мы встречаемся с ним, когда он сидит с другими бойцами у костра и принимает участие в их беседе. Телегину кажется странным несоответствие между дурной славой Мишки, ут-

верждениями его о том, что он — злодей и внешним видом — «почти женственно-мягкое длинное лицо, детская (было — жалобная) улыбка».

Через несколько десятков страниц мы снова сталкиваемся с Мишкой Соломиным. Катя попадает в плен к махновцам, и ее конвоиром становится Соломин. Теперь это уже совсем другой человек. Он дезертировал из Красной Армии, перешел в банду Махно, изменился внешне. Эти изменения Толстой еще более усиливает в III редакции:

Вихор из-под картуза закрывал ему глаз. Другой, синий, глаз был веселый.
(«Н. мир», 1928, № 1, стр. 154)

Вихор из-под козырька фуражки закрывал ему глаз. Другой, синий, глаз глядел ясно и нагло.

(III ред., стр. 203)

И все же сквозь эту личину разбитного и грубого парня, похваляющегося своим злодейством, выступают уже знакомые нам черты прежнего Мишки Соломина, когда мы читаем дальше: «Мишка снова весь вытянулся, вдыхая ночную свежесть. Лицо его казалось печальным, почти женственным».

В эту редакцию вводятся и слова Соломина о себе — «Дезертир Красной Армии». Они сразу же проясняют для читателя образ этого человека еще до его подробного рассказа о своем дезертирстве. Рассказ Мишки Соломина о себе не многословен, но в его облике, поведении, в его рассказе встает перед нами трагическая судьба человека.

Так раскрываются в романе зримые образы людей, запутавшихся, не понявших, на чьей стороне правда.

Большой интерес представляет характер Алексея Красильникова — крестьянина, в сознании и поведении которого предрассудок одержал верх над рассудком. Этот образ, видимо, представлялся Толстому отчетливо с самого начала и не требовал дополнительной работы.

Много внимания уделяет писатель образу Сорокина, командующего одиннадцатой армией. Сорокин случайно оказался на посту командира Красной Армии. Это человек слабый, эгоистичный, честолюбец, постоянно любующийся собой. Сорокин мечтает о славе, о власти, он хочет стать вторым Наполеоном. Эти настроения поддерживает и развивает начальник штаба — предатель Беляков.

Подчеркивая позёрство Сорокина, его установку на дешёвый эффект, Толстой вносит коррективы в его описание в сцене митинга на вокзале:

Сорокин стоял теперь на коне у колокола на перроне. Лицо его осунулось. Исподлобья он следил за посадкой. («Н. мир», 1927, № 12, стр. 11)

Черкеска на груди Сорокина была разорвана, он отди-рал ее, показывая старые раны. Лицо его было иступленно бледно.

III ред., стр. 190

Приводя телеграмму Сорокина Кубано-Черноморскому ЦИКу, автор раньше писал: «С сатанинской гордостью Сорокин ответил...». В редакции 1943 года писателем были внесены изменения: «С бонапартовской надменностью Сорокин ответил».... Этой фразой Толстой подчеркивает претензии Сорокина на славу Наполеона.

В изображении контрреволюционных сил А. Толстой остается верным своему реалистическому принципу. Он отказывается от метода карикатуры, от схематичности и нарочитого снижения и оглупления образов. Это не мешает Толстому раскрывать классовую и политическую сущность контрреволюции. Наоборот, помогает, делает это более правдивым.

В романе действуют многие представители белого воинства. Среди них — исторические лица (Корнилов, Деникин, Марков, Мамонтов, Кутепов, Шкуро, Махно и другие) и вымышленные персонажи (Теплов, Оноли, Булавин, Говядин, Куличек и др.). К этому же лагерю принадлежат и некоторые другие действующие лица.

Работая над печатными текстами романа, Толстой не отказывался от принципов реалистического изображения белого лагеря, но некоторые коррективы вносил, делая образ более колоритным, правдивым, похожим, а иногда — заострял его политическую оценку.

Рисуя внешний вид Корнилова, автор вносит деталь: «скуластое лицо» (II ред., стр. 375).

Из характеристики генерала Маркова исключаются некоторые детали: «Здрав острую бородку» (III ред., стр. 157), «скомандовал (резким фатоватым голосом), растягивая гласные» (II ред., стр. 376), а другие вводятся: «Рощин увидел в нескольких шагах впереди мелькающие дырявые подметки Маркова» (II ред., стр. 373).

Агитатор Корнилова Федор Баткин раньше характе-

ризовался как человек «низенького роста», теперь — «кровоногий». Раньше говорилось, что он «на чисто народном языке доказывал, что Корнилов защищает революцию», теперь — «хитроумно доказывал», (II ред., стр. 349).

Исключаются подробности из характеристики генерала Краснова: «родом казак, придворный кавалер, бойкий писатель, отчаянный вояка» (III ред., стр. 174).

Описывая прошлое Махно, А. Толстой отмежевывал его от тех анархистов, которые следовали «учению» Кропоткина из личных эгоистических целей. Поняв, что такое противопоставление неправильно, писатель в 1943 г. исключил отрывок: «поругался с местными гуляй-польскими анархистами, понимавшими главным образом учение Кропоткина как добычу червонного золота, широкий прилив девок из губернии и разлитое море спирту» (стр. 207).

В описание внешнего вида Савинкова внесена одна деталь — «Желтые гетры»: («Он расхаживал с крашеными усами по Москве, носил английский френч, желтые гетры и защитное пальто») — III ред., стр. 217.

Подчеркивается одна деталь во внешности Говядина, в свою очередь характеризующая его как труса. Толстой пишет, что у Говядина, пробирающегося вдоль стены под обстрелом, было бледное от страха лицо. Писателя не удовлетворяет только эпитет «бледное». Чтобы усилить впечатление, сделать более выпуклым образ, автор прибегает к образному выражению, говоря о том, что борода Говядина казалась приклеенной к бледному лицу:

Мочального цвета волосы его висели до плеч, висела нежная борода, лицо, несмотря на жару, было бледно и вытянуто.

(«Н. мир», 1927, № 12, стр. 13).

Мочального цвета волосы его висели до плеч, рыжеватая борода казалась приклеенной к очень бледному длинному лицу.

(III ред., стр. 192)

Психологически убедительным делает поведение Булавина одна фраза, внесенная в редакцию 1943 года:

Дмитрий Степанович, протиснувшись и сопя, взглянул на братьев-славян — действительно, решительные ребята! — и поспешил на конспиративную квартиру, где его ожидали высокие обязанности.

(«Н. мир», 1927, № 12, стр. 17).

Дмитрий Степанович, протиснувшись и сопя, хотел произнести достойное приветствие, но от волнения у него пересохло горло, и он поспешил на конспиративную квартиру, где его ожидали высокие обязанности.

(III ред., стр. 194)

Мы видим Булавина, исполненного сознания собственного достоинства. Сделавшись товарищем министра здравоохранения, он чувствует себя ответственным за судьбу России, и это заставляет его волноваться. Вся сцена написана с явной иронией.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ИСПРАВЛЕНИЯ В РОМАНЕ

Стилистическая правка романа тесно связана с идейной, смысловой. Делая более выразительной авторскую речь и речь персонажей, Толстой тем самым углубляет смысл романа, резче очерчивает образы.

Писатель обращает внимание на те же изобразительные средства, что и при работе над романом «Сестры». Анализируя правку романа, убеждаешься в том, как тесно связана форма с содержанием. Каждое стилистическое исправление влечет за собой изменение смысла, освещает ту или иную деталь новым светом. Стилль у Толстого является действительно формой мысли, идеи, средством раскрытия содержания.

Каждый эпитет, сравнение, метафора полны большого внутреннего смысла. Поэтому работе над художественной формой автор придавал большое значение, много раз выправлял ее, добиваясь чеканного художественного рисунка и максимальной выразительности.

1. Работа над жестом

По-прежнему Толстой отработывает описание жестов своих персонажей, углубляя их психологическую характеристику, раскрывая их состояние, мысли, намерения, отношение к происходящему.

Когда мы читаем, что, разговаривая с безразличной ко всему на свете Дашей, Телегин постучал пальцами в стекло, то его состояние, хотя и угадывается нами, все же не представляется вполне определенно. А когда к этому еще добавляется: «походил по комнате», то сразу становится ясным — человек в нерешительности, он волнуется, не знает, что предпринять. И его раздумье о Даше, переданное автором ниже, не кажется нам неожиданным, мы уже подготовлены к нему поведением Телегина:

Иван Ильич застучал ногтями в запотевшее стекло.
(«Н. мир», 1927, № 7. стр. 14).

Иван Ильич походил по комнате, постучал ногтями в запотевшее стекло.
(II ред., стр. 314).

Изменения в описании жестов, связанные с более глубоким проникновением в психологию героев, мы встречаем и в других случаях. Особенно часты они в описании Даши, судьба которой во втором романе трилогии разворачивается весьма драматически.

Изображая разрыв Даши с Телегиным, автор подчеркивает, что предложение Ивана Ильича расстаться было встречено Дашей с радостью. Впервые за всю зиму у нее радостно блеснули глаза. В этом уже сказывается чувство отчужденности, которое она испытывает к мужу. Поэтому психологически неоправданный жест — «положила руки ему на грудь» — Толстой убирает:

— Мне кажется, — проговорила она и положила руки ему на грудь, — нам лучше расстаться, Иван.

(«Н. мир», 1927, № 11, стр. 62).

— Мне кажется, — нам лучше расстаться, Иван.

(III ред., стр. 184).

Дважды А. Толстой исключает указание на то, что Даша стоит, опустив голову, т. к. этот жест в обоих случаях не помогает нам понять ее состояние, а только запутывает нас. Первый раз — в сцене разговора с неожиданно ворвавшимся в ее пустую петербургскую квартиру Куличком. Внезапность его появления и таинственность, которой он его обставляет, пугают Дашу. И в то же время ей хочется расспросить Куличка о Вадиме Петровиче, о Кате. Она смотрит на него во все глаза. Понятно поэтому, что писатель во II ред. вычеркивает фразу: «Даша стояла перед ним, опустив голову» («Н. мир», 1928, № 2, стр. 112).

Вторая сцена — разговор Даши с отцом, предавшим Телегина. Даша сжимает в руке клочки своего письма. Она произносит решительные слова, требуя спасти Ивана. Ильича, она даже грозит отцу кулаком. Может ли она стоять, опустив голову?

В III ред. Толстой вычеркивает: «Голова ее была низко опущена» («Н. мир», 1928, № 7, стр. 153).

Обращает на себя внимание следующее исправление:

Она была голодна и устала так, что ноги передвигались сами собой.

(«Н. мир», 1928, № 5, стр. 69).

Она была голодна и устала.

(III ред., стр. 224).

В данном случае Толстой отказывается от неточной передачи состояния усталости.

Несколько примечательных исправлений относятся к образу Рощина. Вот Рощин случайно встречается со своим бывшим солдатом Алексеем Красильниковым. Встреча эта ему неприятна (это мы видим по впечатлению Кати). В первоначальной редакции Толстой писал, что Рощин полез в карман за папиросами. Как можно было расценить этот жест? Как желание Рощина подкупить Красильникова. Но Рощин не таков, чтобы перед кем-нибудь заискивать. Искренне же предлагать Красильникову папиросы он тоже не станет. Этими соображениями и было вызвано изъятие во II ред. слов: «усмехаясь, полез в карман за папиросами» («Н. мир», 1927, № 7, стр. 22).

Мужество и решимость Рощина подчеркнуты в другом исправлении. Вадим Петрович осуществил свою мечту — попал к белым. Идет бой. Падают люди. Но, одушевленный идеей, долгом службы, Рощин идет вперед, навстречу пулям:

Ковылявший впереди сутулый человек... неожиданно рванулся вбок и упал, раскинув руки.
(«Н. мир», 1927, № 9, стр. 33).

Ковылявший впереди сутулый человек... неожиданно рванулся вбок, упал. Рощин только ниже нагнулся, преодолевая ветер.

(II ред., стр. 360).

В драматической сцене встречи Рощина и Телегина на вокзале оба проявляют большую выдержку и силу воли. Но сколько успевает пережить каждый за несколько минут, проведенных рядом в полном молчании! Писатель раскрывает перед нами только одну сторону — то, что переживает Рощин, т. к. для него эта встреча важнее. Она является этапным моментом в формировании его мировоззрения. Поэтому детальнее описано и поведение Рощина. Постепенно убедившись в том, что перед ним Иван Ильич, переодетый красный, он не следует первому побуждению донести и задержать «врага», а продолжает сидеть неподвижно, он «прирос к дивану», — пишет Толстой. Подчеркивая это безмолвие, неподвижность, внешнее спокойствие, писатель убирает фразу: «Рощин стиснул рукой глаза» («Н. мир», 1928, № 6, стр. 78). Теперь уже Рощин, как и Телегин, не выдает себя ни единым жестом (II ред., стр. 568).

В эпизоде расставания Рощина и Кати Толстой фик-

сирует внимание читателя опять-таки на поведении Рошина. Поэтому первоначально описанное состояние Кати, ее жесты («медленно стала поднимать руки к лицу», «продолжала сидеть, закрыв лицо руками») изымаются («Н. мир», 1927, № 8, стр. 13) во II и III ред.

Основательно переделана сцena прихода Куличка к Даше, о которой уже упоминалось, и поведение Куличка. Раньше было: «подскочил», в III ред. — «придвинулся». Это соответствует той таинственности, осторожности, которой окружает себя Куличок. Вместо «показал зубы», Толстой пишет о нем — «оскалился». Это гармонирует со всем обликом Куличка, т. к. автор подчеркивает в нем сходство со зверьком.

Извергая потоки слов, Куличок «пронзал черным ногтем пространство, вбивал в него идеи кулачными ударами» («Н. мир», 1928, № 2, стр. 112). В редакции 1935 г. писатель исключил «вбивал в него идеи кулачными ударами», видимо считая, что первый жест достаточно выразительно характеризует Куличка.

Требовательно подходя к описанию эпизодических персонажей, писатель и здесь пытался находить жесты, раскрывающие сущность характеров этих лиц. Существенной правке подвергся образ Трифонова, начальника Красной гвардии. В числе исправлений есть и уточнение жеста:

Неловко ступая тяжелыми сапогами.	Стуча тяжелыми сапогами.
(«Н. мир», 1927 г., № 8, стр. 16).	(III ред., стр. 151).

Учитель физики, задержанный махновцами в числе других пассажиров, в первоначальной редакции говорил: «задирая бородку». В 1935 г. Толстой исправляет: «поправляя пенсне». Этот жест более точно передает нервное состояние испуганного интеллигента. Психологически неоправданным был «жест», приписанный Толстым двум фронтовикам, слушавшим в вагоне рассказ о том, как были расстреляны белые офицеры. Словно красные девицы, «оба фронтовика нахмурились, опустили глаза» («Н. мир», 1928, № 2, стр. 121). В редакции 1943 г. эта фраза Толстым вычеркнута.

Даша проходит ночью по улицам Москвы и сталкивается с патрулем. Толстой искал более верные штрихи для характеристики даже этого мимолетного случая. И он нашел более верный «жест», если можно так сказать:

По пустой улице медленно
прошел патруль -- дугой поле-
тел огонек папиросы.
(«Н. мир», 1928, № 5, стр. 77).

По пустой улице медленно
прошел патруль -- молча и
мрачно пробухали са-
погами.
(II ред., стр. 524).

Желая подчеркнуть полное равнодушие ко всему про-
исходящему коменданта, выдающего Даше одежду из
кладовых Дома анархии, Толстой долго искал нужный и
точный жест:

Комендант, равнодушный к
этому изобилию, сосредоточен-
но занялся своим посом.
(«Н. мир», 1928, № 5, стр. 78).

Комендант, равнодушный к
этому изобилию, только зевал,
присев на ящик.
(II ред., стр. 525).

Отдельные жесты нуждались в уточнении, более точ-
ном обозначении. Например: «Мужики (потянулись), не-
хотя стащили шапки» («Н. мир», 1927, № 10, стр. 20).
Слово «потянулись» исключено в 1943 г., т. к. оно имело
двойной смысл, неточно определяло жест.

Соколовский окончил и судо-
рожно вытирал рот грязным
комочком илатка.
(«Н. мир», 1927, № 11, стр. 68).

Сорокин... «подзывал коман-
диров и, свешиваясь к
ним с седла, ... выслушивал ра-
порты».
(«Н. мир», 1928, № 5, стр. 99).

Телегин лег у себя в вагоне,
заложив руки под голову, за-
крыл глаза.
(«Н. мир», 1927, № 11, стр. 62).

Висленко, белый, как бумага,
рвя кармаи, вытащил ре-
вольвер и выпустил всю обой-
му в упор в Сорокина.
(«Н. мир», 1928, № 7, стр. 173).

О Ленине:
... заложил большие пальцы
за вырез жилета.
(«Н. мир», 1928, № 5, стр. 86).

Соколовский окончил и судо-
рожно вытирал лоб грязным
комочком платка.
(II ред., стр. 428).

Сорокин... «подзывал коман-
диров и, перегибаясь к
ним с седла, ... выслушивал ра-
порты».
(II ред., стр. 555).

Телегин пошел к себе в ку-
пе, стащил сапоги и со вздо-
хом лег на койку, заскрипев
пружинами.
(II ред., стр. 183).

Сидевший рядом с Гымзой
член суда Висленко, белый,
как бумага, загнул руку
за спину, вытащил автома-
тический большой пистолет и
в упор выпустил всю обойму
в Сорокина.
(III ред., стр. 271).

... заложил большие пальцы
с боков за жилет.
(III ред., стр. 232).

О Ж и р о в е:
з н о б я с ь от смешка, он
вспомнил прошлое...
(«Н. мир», 1928, № 5, стр. 75).

Мелко, будто зябко, посмеи-
ваясь, он вспомнил прош-
лое...

(III ред., стр. 225).

Иногда всякие описания, разъяснения заменяются
только указанием на жест:

Положив щетинистый подбо-
родок на крючок трости, он
плакал. Из закрытых глаз
его текли слезы...
(«Н. мир», 1927, № 8, стр. 9).

Положив щетинистый подбо-
родок на крючок трости, он
вздрагивал. Из закрытых
глаз его текли слезы.

(II ред., стр. 338).

2. Поиски точных сравнений.

В романе «18 год» Толстой проводит большую работу над сравнениями. Он безжалостно расстаётся с теми, которые почему-либо его не устраивают (таких случаев больше) или вводит новые, стремясь к более образному выражению мысли. Некоторые сравнения несколько видоизменяются, другие заменяются прямым описанием.

Примеры исключений таковы: Человек в изодранной шляпе «лепил новые и новые листочки декретов, и они ложились белыми (как бельма) заплатками на вековые цоколи домов». («Н. мир», 1927, № 7, стр. 6) — II ред., стр. 304.

В данном случае получалось двойное сравнение. Декреты сравнивались и с заплатками, и с бельмами, да еще получалась тавтология — «белые» и «бельма».

«... двигалась, (как сельдь), сплошной массой за-
кавказская миллионная армия»... (III ред., стр. 140);
«Рощин медленно только, (как рысь), зажмурился и
вышел...» (III ред., стр. 150); «С неба (молнией) скольз-
нула в эту кашу граната...» (II ред., стр. 359); «...сидел
длиннолицый человек в стеганом солдатском жилете (и
как птица) разевал и закрывал рот» (II ред.,
стр. 372); «Хлеб, сахар, мыло, сырье — поездами уходят
в Германию, (будто приставлен большой на-
сос — выкачивать живые соки)» (II ред.,
стр. 393); Катя «прижалась (комочком) в углу койки»
(III ред., стр. 201); ... «в свитках из алого (как жар)
сукна»... (II ред., стр. 481); «Но тут Куличок (точно
трансформатор) вытянул хищный нос»... (II ред., стр. 498).

Случаи замены:

Комиссар в кожаной куртке прыгает, как паук, — наскочил, ударил одного маузером в голову...

(«Н. мир», 1927, № 7, стр. 27).

Комиссар в кожаной куртке заметался — наскочил, ударил одного в спину (II ред., стр. 331).

...Матросы ... слушали адмирала (Колчака. — И. Г.), будто он говорил на иностранном языке. («Н. мир», 1927, № 8, стр. 7).

... матросы... слушали адмирала, как врага, пытающегося их коварно обмануть.

(II ред., стр. 334).

Исправление имеет принципиальный смысл. В первой редакции показано, что матросы просто не понимают Колчака. Во второй — они настороженно к нему относятся, видят в нем врага.

Старик... сидел, как статуя, за кустом сирени. («Н. мир», 1927, № 10, стр. 16).

Старик сидел, ровно поставив мертвые ноги в валенках, ровно сложив жилватые руки на клюке.

(II ред., стр. 382)

Описание в редакции 1935 года, портретные детали гораздо образнее и нагляднее, чем ничего не говорящее сравнение «как статуя».

... а настоящее — все в развалинах, как дом, из которого только что выскочили во время землетрясения. («Н. мир», 1928, № 5, стр. 77).

... а настоящее — все в развалинах, как покинутый дом. (II ред., стр. 525).

Второе сравнение имеет преимущество в краткости и не теряет в выразительности.

3. Выбор эпитета

Как уже указывалось, Толстого постоянно занимал вопрос об употреблении и выборе эпитета и простого определения. Поэтому относящиеся к эпитету исправления особенно многочисленны (около 120). Они идут по следующим основным линиям:

а) исключение лишних эпитетов из числа нескольких,

относящихся к одному и тому же слову или вообще исключение эпитета;

б) замена более удачным эпитетом;

г) введение нового эпитета (редко).

Почти все эти исправления, имея художественное значение, тесно связаны со смыслом, с его изменениями и порой имеют важное идейное, принципиальное значение. Они по-новому раскрывают образ, обращая внимание на какую-то деталь, вносят изменения в портретную характеристику героев.

Враг многословия, Толстой пытается сконцентрировать внимание читателя на каком-то одном качестве, поэтому лишние эпитеты он убирает. Например, о Рублеве: застуженная (черная) рука (исключено в III ред., стр. 134) (худое) и землистое лицо... (II ред., стр. 307); о немце, встреченном Катей в поезде: худое (и умное) в никелевых очках, усталое лицо (III р., стр. 198); о капитане парохода: седенький (низенький) капитан... (III р., стр. 247); об атамане Дутове: (большие) толстые губы (II ред., стр. 584); о Ваське-запевале: (ребячьим) плачущим голосом Васька закричал... (II р., стр. 332); торопливо (окаянно) стучал пулемет (III р., стр. 144); (растрепанные) одичавшие люди с винтовками (II ред., стр. 350); (белый), знойный, пахнувший навозом солнцепек (II ред., стр. 486); это была (грубая, сильная) горячая жизнь (III р., стр. 216); удивительное (и редкое) состояние (II ред., стр. 525); (многоверстая) зеркальная ширина (III р., стр. 248); (ласковый и) смеющийся цветник этих дам (II ред., стр. 584); один (лениво и,) недоброжелательно ответил (III ред., стр. 147). Несмотря на ум, образованность и, как ему казалось, бескорыстную (искреннюю) любовь к России, — Колчак ничего не понимал... (II р., стр. 333); (рослый) солдат... нагнулся к ее помертвевшему лицу (III р., стр. 135); бритое (англизированное) лицо с сильным подбородком, (женственно) слабым ртом и глубоко запавшими глазами (II ред., стр. 334); Легко ранило (шикарного) генерала Романовского (II ред., стр. 365). Доктор был невзрачный человек, (рябоватый, заросший бородой) (II ред., стр. 377); Рощин и Катя... протискались через (вшивую, одичавшую) толпу на вокзале (III ред., стр. 147); Корнилов широко (истово) перекрестился (III р., стр. 160); длинные (неправильные) ряды окопов (II ред., стр. 367); ... жарко пел (первый)

жаворонок (II ред., стр. 380); за еще прозрачной рощей (подернутой зеленой дымкой) (II ред., стр. 382); жужжали в (синем) небе вереницы аэропланов (II ред., стр. 385); ...ему (Деникину) далеко было до (легендарного) Корнилова (III ред., стр. 177); ... давно небритое (черноволосое) худое лицо (II ред., стр. 497); ... (несчастный) Сорокин отступал все дальше и дальше на восток (II ред., стр. 618).

б) Случаи замены одного эпитета другим реже. Здесь писатель ищет более точного и выразительного определения:

... Люди выносят из настерж раскинутых дверей мебель... (заменено — распахнутых) (III ред., стр. 132).

В квартире появилась акушерка, как и все акушерки — не унывающая и горливая.

(«Н. мир», 1927, № 7, стр. 11).

... Каледни обратился к Дону с последним отчаянным призывом...

(«Н. мир», 1927, № 7, стр. 20)

... едва зазеленевших деревьев.

(«Н. мир», 1927, № 10, стр. 9)

... синие воды Кубани.

(«Н. мир», 1927, № 10, стр. 9).

На плечах горели полдневным солнцем, непstовым счастьем золотые корнетские погоны...

(«Н. мир», 1927, № 12, стр. 16).

... изрисованные большими вистскими рожами бумажки.

(«Н. мир», 1927, № 12, стр. 17).

... голубоватый в солнечном тумане город.

(«Н. мир», 1927, № 12, стр. 24).

... лесистая громада Машука...

(«Н. мир», 1928, № 7, стр. 170)

Огромный автомобиль

(«Н. мир», 1928, № 7, стр. 155)

В квартире появилась горливая акушерка.

(III ред., стр. 135).

Каледни обратился к Дону с последним безнадежным призывом.

(III ред., стр. 140).

... едва тронутых зеленой дымкой деревьев

(II ред., стр. 372).

мутно-желтые воды Кубани.

(II ред., стр. 376).

На плечах горели полдневным старорежимным счастьем золотые погоны...

(III ред., стр. 193).

... изрисованные носатыми рожами бумажки

(II ред., стр. 446).

... туманный город (о Петрограде).

(Н ред., стр. 455)

... Лиловая громада Машука...

(II ред., стр. 623).

Продырявленный нулям, пзмятый автомобиль.

(III ред., стр. 261).

в) Некоторые понятия, предметы, явления нуждались в более выразительном и конкретном определении, требовали эпитетов. Писатель вводит в текст новые эпитеты, но делает это очень осторожно, стараясь не перегружать текст лишними образами (только 10 случаев): взволнованная черная Нева (III ред., стр. 135) (в момент трагического происшествия с Дашей); грязный и ободраный город (II ред., стр. 338) (о Ростове); лиловые сады (II ред., стр. 382) (примета ранней весны); угрюмая морщина (III ред., стр. 172)) (о лицах мужиков); многозначительно улыбнулся (о дежурном, который сообщает, что с Сорокиным — Зинка) (II ред., стр. 431); жирное лицо (об атамане (Дутове) (II ред., стр. 584) и другие.

4. Метафорические выражения.

К использованию метафор Толстой подходил очень осторожно, старался не перегружать ими текст романов. Отдельные примеры работы над метафорами (правда, немногочисленные) свидетельствуют о тенденции избавить роман от лишних украшательств, от приевшихся метафорических выражений и гипербол. Например: Ночь (забулькала перепелиными голосами)... (II ред., стр. 408); Люди (головой чуть ли не над облако) (II ред., стр. 422).

Над городом плавали кругами германские самолеты

Над городом высоко кружились германские самолеты

Луна мгlistым медным шаром...

большая медная луна

косой свинцовый дождь

секущий свинец

плюнуло гранатой

ударило гранатой

стучал ноздрей

фыркал ноздрей.

5. Уточнения, детализация

Большое место среди внесенных Толстым в текст романа исправлений занимают различные уточнения. Как и в романе «Сестры», Толстой стремится здесь к максимальной точности, определенности и конкретности. Сравнительно с первым романом трилогии, «Восемнадцатый год» требовал подобной правки в меньших дозах, т. к. стиль его не подвергся декадентским влияниям, в какой-то степени проникшем в роман «Сестры». И все же от-

дельные суждения, выражения нуждались в пояснении, детализации, более тщательной обработке. Иногда менялось, иногда просто вставлялось недостающее, но подразумевающееся слово, уточнялись сроки, предметы, состояние человека, его внешность, редкие для Толстого пейзажные зарисовки, название места, фамилии, названия и номера воинских частей и т. д. Наиболее характерные примеры (подчеркнутые слова введены вновь):

По обмерзлой лестнице, в темноте, Телегин поднялся к себе на пятый этаж (II ред., стр. 308); Тебе нужно найти силы, встряхнуться... Ведь так, как ты живешь, это угасание (II ред., стр. 314); В разбитое окно дул свежий ветер, пахнувший талой землей (III ред., стр. 141); Черный с серой опушкой нагольный полушубок растегнут (о Корнилове) (III ред., стр. 144); Но замерзшая спина впереди качнулась и пошла. Качнулся и пошел за нею Рощин (II ред., стр. 355); На козлах правил белоглазый, с длинной нижней челюстью, нескладный солдат... (III ред., стр. 169); Батайск, почти весь залитый половодьем, сопротивлялся отчаянно (II ред., стр. 398); Он дружески похлопывал по плечу суровых разбойников (III ред., стр. 203); Передняя (тройка — И. Г.) остановилась у окон хаты (II ред., стр. 487); Алексей Красильников, опустив вожжи, сидел на козлах. Семен — бочком на обочине тачанки, по сапогам его хлестали репы и кашки. (III ред., стр. 247). Всадники на берегу были одним из отрядов партизанской крестьянской армии... (II ред., стр. 575).

В других случаях происходит замена слов, понятий, предложений:

«Хорошо бы примус зажечь, — подумал Иван Ильич. («Н. мир», 1927, № 7, стр. 10). Матросы смеялись. Ужасно! Верные, готовые еще вчера в огонь и воду за отечество и андреевский флаг, они кричали своему адмиралу: «Долой патриотов!» («Н. мир», 1927, № 8, стр. 7)

... здесь собирались только

Хорошо бы печурку затопить, — подумал Иван Ильич. (II ред., стр. 309).

Матросы смеялись. Ужасно! Верные, готовые еще вчера в огонь и воду за отечество и андреевский флаг, они кричали своему адмиралу: «Долой наемников империализма!»

(III ред., стр. 146).

... здесь собирались только пе-

перезимовать, чтобы к осенним
дождям вернуться в уютный
полутемный Петроград...

(«Н. мир», 1927, № 8, стр. 8)

Только что мы слышали
здесь голос представителя мел-
кого мещанства...

(из речи Трифонова)

(«Н. мир», 1927, № 8, стр. 16)

В сырой утренней мгле блес-
нула зарница. Бухнуло. Ти-
шина.

(«Н. мир», 1927, № 9, стр. 31)

Прислуга, сидя на хоботах
орудий, смеялась, курила.

(«Н. мир», 1927, № 10, стр. 8)

... вонзал штык в серую ши-
нель...

(«Н. мир», 1927, № 11, стр. 49)

Живо мужики покидали на
них чемоданы...

(«Н. мир», 1928, № 1, стр. 154).

Дроздовцы, «занавешенные ог-
нем одного своего орудия,
... бросились вплавь».

(«Н. мир», 1928, № 5, стр. 90).

Хведин выдернул из карма-
на штанов револьвер.

(«Н. мир», 1928, № 6, стр. 81).

резимовать, чтобы к белым но-
чам вернуться в Петербург...

(II ред., стр. 336).

Только что мы слышали здесь
голос представителя интелли-
генции

(III ред., стр. 151).

В сырой утренней мгле блес-
нула зарница. Бухнуло. Завы-
ло, уходя...

(II ред., стр. 357).

Прислуга, сидя на лафетах,
смеялась, курила.

(III ред., стр. 162).

... вонзал штык в красноармей-
скую шинель...

(III ред., стр. 176).

Махновцы покидали на них че-
моданы...

(III ред., стр. 203).

Дроздовцы, «занавешенные ог-
нем единственного своего ору-
дия, бросились вплавь».

(II ред., стр. 544).

Хведин выдернул из кобуры
револьвер.

(III ред., стр. 248).

Бывают и такие случаи, когда излишняя точность и
детальность не нужны, они придают художественному про-
изведению характер документа, хроники, сводки. Так как
известная хроникальность была свойственна роману «Во-
семнадцатый год», писатель обращает на ее устранение
особое внимание. Он убирает длинные перечисления, на-
звания местностей, номера воинских частей, указания о
точном количестве человек, бойцов, лошадей, оружия
и т. д.

6. Речь персонажей

Наблюдая за работой писателя над речью действующ-
щих лиц, мы замечаем стремление к большей индивиду-
ализации ее, простоте и естественности. Из разговорной
речи писатель убирает все лишнее, те же мысли выра-
жает короче, выпуская то, что подразумевается само со-
бой, как и бывает в непосредственном речевом общении
между людьми. Вводит просторечные слова, хотя пы-
тается избегать вульгаризмов. Толстой обращает внима-

ние и на внутреннюю речь героев, т. е. на слова, которыми передаются раздумья, размышления того или иного лица (чаще всего — Рощина) и на письма. Работа над речью персонажей имеет непосредственную связь с работой над образами действующих лиц.

Д а ш а об умершем ре-
бенке:

Как же ему было страшно,
если волосики стали дыбом...
(«Н. мир», 1927, № 7, стр. 11).

Пойми же — у него волоси-
ки стали дыбом...
(II ред., стр. 311).

Даша расстроена, она говорит коротко и отрывисто: «Один мучился... Я спала...» и приведенная фраза в первой редакции имела слишком сложную конструкцию, не передающую взволнованность говорящей.

Косматый мужик, просунувшийся в окно вагона, рассказывает о том, как сын просил его купить пулемет, и употребляет слово «папочка» «съезди да съезди, говорит, па п о ч к а, на станцию, приценись к пулеметику». Разговаривающий с ним Алексей Красильников спрашивает: «А сколько у тебя лошадей, папочка?». Перерабатывая роман в 1935 году, Толстой почувствовал, что для речи крестьянина это слово не характерно. В первом случае он совсем его выпустил, а во втором заменил словом «папаша» (II ред., стр. 324). Разъяренная женщина, поймавшая вора, с остервенением кричит на него, собирая вокруг себя толпу. Писатель придает ее выкрикам большую энергичность и цельность (взятое в скобки исключено в 1935 году); убираются вульгаризмы: (— Это он, узнала его!) Украл, вытащил из-под пола, охальник! (Жидовская твоя морда!) Отдай деньги! — Она схватила его за щеки, замерла. — (Скрыл деньги, передал их, тут шайка!..) — II ред., стр. 327.

Из речи Сапожкова, выступающего на митинге, исключаются грубые выражения, пренебрежительное обращение к народу: «туды вашу в корень», «морду воротите» и т. д. — II ред., стр. 153.

Разговаривающий с Рощиным Квашин рассказывает ему о своей жизни. В его рассказ Толстой вносит некоторые коррективы. Обращаясь к Рощину, Квашин говорит ему: «Слыхали?», в 1943 г. переправлено на «слыхал?» Раньше было: «за кого мне воевать: за советы или за буржуазию?» стало: «за советы или за буржуев?». Говоря о том, что у народа еще низка сознательность, он

определял его слишком беспощадно: «Скот и скот!» В редакции 1943 г. смягченно — «Плотва!» — III ред., стр. 154.

Правится во II редакции беседа Алексея Красильникова с братом. Исключаются такие, например, выражения: «Ты про мировую революцию, а я — про навоз. Так что ли?» — стр. 383 и др. В речь Семена, как более сознательного, наоборот, вводятся более определенные формулировки.

Мир перевертывается, а ты
со своим меринком.
(«Н. мир», 1927, № 11, стр. 44).

Партизанская война нужна,
а ты со своим хозяйством.
(II ред., стр. 395).

Толстой правит речь солдата Чертоногова, освобождая ее от несвойственных простому человеку выражений: «Может цыган, может индеец, словом — интернационалист!» — II ред., стр. 410.

В письме Кати передается, в каких словах Оноли сообщил о смерти Рощина:

Как по-вашему называется
убит, когда я сам видел, как
его ели мухи...
(«Н. мир», 1927, № 12, стр. 21).

Да, убит, успокойтесь, де-
точка, я сам видел, как его
ели мухи...
(II ред., стр. 452).

Мишка Соломин (о Ро-
щине):

Не поручусь, что не моя пу-
ля его цапнула.
(«Н. мир», 1928, № 1, стр. 155)

Не поручусь, что не моя пу-
ля его хлопнула.
(III ред., стр. 204).

В разговоре Куличка с
Дашей:

И мы вобьем им нашу
правду острием штыка.
(«Н. мир», 1928, № 2, стр. 112).

И мы штыком приколем наш
закон на портале Тавриче-
ского дворца.
(III ред., стр. 216).

Вторая редакция этой фразы, более выпренная, пышная, подчеркивает позировку Куличка, его любовь к красивым жестам, прикрывающим внутреннюю пустоту.

Из рассказа фронтовика в вагоне:

Помню — моросил мелкий дож-
дик. Клонило ко сну, проби-
рала дрожь от сырости.
(«Н. мир», 1928, № 2, стр. 122).

Моросил дождь, спать хо-
чется, сыро...
(II ред., стр. 512).

Грубые и непристойные выражения Толстой убирает по возможности и из речи персонажей, и из авторской речи. Подобных исправлений свыше 30.

Но и другая крайность не удовлетворяет Толстого. Он беспощадно борется со всякими «красивостями», шаблонными, приевшимися или вычурными художественными образами и приемами:

Он (Рошин) чувствовал, —
внутри его дробится и мучит
анархия осколков...
(«Н. мир», 1927, № 8, стр. 8)

Он чувствовал, — внутри его
дробится и мучит колючими
осколками что-то...
(II ред., стр. 337).

«День угасал и умер» — выпущено (во II ред., стр. 463); «Он вызвал в ней (в Кате) желание упасть, раскинув руки, как в туман воды, в призрачный мир» — выпущено (в III ред., стр. 201);

... пена с конской морды летела в выпученные от страха очи пассажиров (заменено — «глаза»). (II ред., стр. 469). «В холодном рассвете появилось кораллово-розовое сияние» — выпущено (II ред., стр. 474).

Огромные тени на косматых
конях, окутанные звездной
ночью, зеленоватым рассветом.
(«Н. мир», 1928, № 1, стр. 157)

Огромные тени на косматых
конях в зеленоватом рассвете.
(III р., стр. 205).

«Дома казались дивными, как из сказки» — выпущено (в III ред., стр. 222); «Сквозь испарения реки они (звезды) мерцали и переливались блаженно» — выпущено (во II ред., стр. 578).

Над рекой разлился закат
прозрачно-мглистым заревом,
медленно тускнели его краски.
(«Н. мир», 1928, № 6, стр. 88)

Над рекой разлился закат
прозрачно-мглистым заревом.
(III р., стр. 252).

Возможно, если бы Толстому пришлось еще раз возвратиться к этому роману, он счел бы необходимым что-либо еще подчистить и исправить. Такова была его писательская манера. Но проведенные исправления уже дают нам право судить о том, как взыскателен был к себе художник. Роман «18 год» в окончательном виде отличается от первой своей редакции большей ясностью и определенностью идеи, четкостью политических выводов и формулировок, более чеканной художественной формой.

Пестрый жизненный материал, охватываемый рома-

ном, требовал и различных приемов его оформления. Наличие исторической тематики обусловило введение в роман публицистического стиля. Но если раньше Толстой еще излишне увлекался публицистическими отступлениями, то в последней редакции, отказавшись от некоторых из них, он добился почти такого же органического растворения публицистических кусков в художественном тексте, как и в «Петре I». Толстой выступает в романе и как лирик, и как бытописатель, и как публицист, и как сатирик, и как замечательный мастер психологического портрета. Кропотливая работа над каждым художественным образом, лишь небольшую часть которой мы можем проследить при сличении различных текстов, приводит к простоте, естественности и высокой художественности изложения. Ромен Роллан говорил, что А. Толстой умел замечательно верно изображать обстановку. «Одним взмахом кисти выразить тончайшие оттенки среды». Но эти «взмахи кисти» давались Толстому с трудом, требовали переделок, пересмотра, нового творческого труда.

Исследуя работу писателя над печатными текстами романа «18 год», мы приходим к выводу, что основные сюжетные линии, характеры героев романа у него были более определенными в начале работы, чем при написании романа «Сестры». Толстой говорил, что у него заранее никогда не бывает подробного, т. к. он сковывал бы его творческое воображение. Но, конечно, какие-то наброски, направление действия, сюжетная канва, хотя и не продуманная во всех деталях, у писателя всегда есть. И воплощенная первоначально в талантливое художественное произведение, она не претерпела серьезных изменений при исправлениях.

Наблюдения над стилем работы Толстого с печатными текстами романа вводят нас в творческую лабораторию писателя. Мы понимаем, как добивался А. Толстой единства содержания, идей и формы своего талантливого романа. Мы видим, как выкристаллизовывалось его мировоззрение, освобождаясь от остатков ошибочных взглядов на историю гражданской войны.

Т. А. БЕСЕДИНА

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ПОЭМЫ Н. А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ
ЖИТЬ ХОРОШО».**

Еще несколько лет назад о центральной поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» не было ни одного монографического исследования. За последние годы появились книги И. Ю. Твердохлебова, А. А. Озеровой, В. Т. Плахотишиной¹⁾, посвященные этому произведению. Анализируя поэму, авторы названных книг в большей или меньшей степени касаются и вопросов творческой истории некрасовской эпопеи. Однако один из этих вопросов, а именно использование Некрасовым в процессе создания «Кому на Руси жить хорошо» достижений своего предшествующего творчества, не привлек должного внимания исследователей. Как правило, они ограничиваются декларативной фразой о том, что «генеальная поэма Некрасова явилась итогом его тридцатилетней творческой деятельности», а если и дают отдельные сопоставления, то они отнюдь не носят характера систематического изложения вопроса, совершенно теряются в массе другого материала.

В результате этого и в учебной литературе, и в практике изучения поэмы в средней школе дело не идет дальше сопоставления поэмы с «Элегией», притом всегда упускается из виду, что стихотворение «Элегия» написано в 1874 году, а замысел «Кому на Руси...» относится к 1863—64 гг.

¹⁾ И. Ю. Твердохлебов. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», изд. АН СССР, М, 1954; А. А. Озерова. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», изд. АПН РСФСР, 2-е изд., 1953.; В. Т. Плахотишина. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», изд. Киевского гос. университета, 1956.

«Кому на Руси жить хорошо» — произведение итоговое. Именно достижения предшествующего творчества Некрасова явились той основой, на которой возможно стало осуществление такой грандиозной задачи, как создание эпопеи народной жизни.

Настоящая статья и имеет целью на конкретном материале, с учетом сделанных в науке наблюдений, показать, что хотя поэма «Кому на Руси жить хорошо» не является произведением, всецело возникшим на материале предшествующего творчества Некрасова, но без учета его она не может быть глубоко понята и изучена, ибо в свою последнюю поэму Некрасов, по его собственным словам, хотел вложить «все свое знание народа, все сведения о нем, накопленные по словечку в течение двадцати лет», ¹⁾ хотел использовать в ней все достижения своей реалистической поэзии.

Постепенно, в течение многих лет складывались те художественные принципы, те особенности «некрасовского стиля», которые характеризуют поэму. Многие темы, мотивы, образы, сюжетные ситуации эпопеи Некрасова, знакомые нам по другим его произведениям, откристаллизовались в творческом сознании поэта раньше, чем возник замысел «Кому на Руси...». Однако, используя некоторые поэтические находки прошлого, Некрасов подчиняет старый материал новому идейно-художественному заданию и создает произведение совершенно оригинальное, занявшее в творческом наследии поэта особое место.

Необходимо оговориться, что вопрос о связи поэмы «Кому на Руси жить хорошо» с предшествующим творчеством Некрасова очень широк, многогранен, и объем статьи не позволяет коснуться всех, связанных с этой темой, сторон. Так, например, совершенно немыслимо проследить по всему творчеству поэта рост его интереса к устному народному творчеству, рост мастерства в использовании последнего, процесс формирования «некрасовского» стиля. В статье взяты лишь те вопросы, конкретное и сравнительно полное изложение которых может быть дано на нескольких страницах.

★ ★ ★

Прежде всего, интересующий нас вопрос может быть рассмотрен в общем идейно-тематическом плане.

¹⁾ «Пчела», 1878, № 2.

«Я лиру посвятил народу своему» — эти слова Некрасова служат лучшей характеристикой основной направленности его поэзии.

Центральным вопросом общественной жизни России XIX века был крестьянский вопрос. В. И. Ленин указывал, что в ту эпоху «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»¹⁾. Вопрос о «русском мужике» стал в центре внимания всей передовой русской литературы XIX века. Но может быть никто из поэтов той поры не связал свое творчество с изображением исторических судеб русского крестьянства так прочно, как Н. А. Некрасов, который еще в 1848 году, в отрывке «Вчерашний день, часу в шестом...» назвал свою Музу сестрой; публично истязаемой крепостной женщины-крестьянки. А перед смертью, в дневниках, Николай Алексеевич записал, что Муза (символ поэтического вдохновения) чаще всего являлась ему в образе «породистой русской крестьянки, в каком она... обрисована в поэме «Мороз, Красный нос». ²⁾.

Именно осознание страданий и невыносимо тяжелого положения народа питает поэтическое вдохновение Некрасова. Русское крестьянство — центральный герой поэмы «Кому на Руси...» — еще с середины сороковых годов начинает занимать видное место в творческих интересах Некрасова.

Первые шаги Некрасова в литературе совпали по времени с периодом формирования в России молодой реалистической школы, возглавляемой Белинским и обычно называемой «натуральной школой». В середине сороковых годов Некрасов, уже воспринявший основы учения Белинского, — яркий представитель и талантливый организатор сил этой школы.

Отличительный характер передовой литературы сороковых годов Белинский видел «в более и более тесном сближении с жизнью, с действительностью»³⁾, в усилении внимания писателей к основным вопросам современной общественной жизни. Белинский считал, что писатели «натуральной школы» должны завершить начатое Пушки-

¹⁾ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 473.

²⁾ Н. А. Некрасов. Литературное наследство, 49/50, М., 1946, стр. 167.

³⁾ В. Г. Белинский. Собр. соч., в трех томах, М., том 3, 1948, стр. 641.

ным и Гоголем дело демократизации русской литературы, большой заслугой молодой литературной школы считал то, что «она обратилась к так называемой «толпе», исключительно избрала её своим героем, изучает её с глубоким вниманием и знакомит её с ней же самой»¹⁾.

Героями литературных произведений становятся представители городской бедноты, обитатели чердаков и подвалов (в этом отношении особенно характерны рассказы Некрасова и его роман «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»), крепостное крестьянство. Городская тема в 40-е годы преобладает и в поэзии Некрасова, но параллельно он выступает и со стихотворениями («В дороге» «Тройка», «Огородник», «Нравственный человек»), в которых во весь голос заявляет о невыносимом положении русского крестьянства, фиксирует растущие в нем настроения протеста («Вино»).

В наступившей после 1848 года обстановке реакции, в годы «мрачного семилетия» крестьянская тема на несколько лет (до 1853 г.) почти исчезает из поэзии Некрасова, но его интерес к «крестьянскому вопросу» проявляется в прозаических произведениях этих лет, в романе «Три страны света» и повести «Тонкий человек».

Годы «мрачного семилетия», исключавшие возможность открытой революционной борьбы, были для Некрасова, как и для других наиболее радикальных членов кружка «Современника», годами накопления знаний о народе, годами тщательного и вдумчивого изучения положения и настроений русского крестьянства, особенностей духовного склада русского мужика. И хотя в романе «Три страны света» тема изображения народной жизни не является основной, некоторые страницы романа, особенно дневник Каютина, свидетельствуют о том, каким глубоким пониманием народного характера обладал Некрасов уже в этот период. С полным основанием В. Е. Евгеньев-Максимов заметил, что судя по роману «Три страны света», в 1849 году Некрасов уже в значительной степени сформулировал «тот взгляд на народ, который лег в основу последующих поэтических произведений Некрасова»²⁾, и в этом смысле роман является значитель-

¹⁾ В. Г. Белинский. Собр. соч., в трех томах, М., том 3, 1948, стр. 15.

²⁾ В. Е. Евгеньев-Максимов. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. II, М., 1950, стр. 149.

ной вехой на подступах к «Кому на Руси жить хорошо».

В романе «Три страны света» Некрасов дал (правда, преимущественно в декларативной форме: дневниковые записи Каютина) анализ особенностей склада русского народного характера и провозгласил свою незыблемую веру в величие сил русского народа. В повести «Тонкий человек» изображению русского мужика, народного крестьянского коллектива уделено уже гораздо больше внимания, причем основные качества русского крепостного крестьянина раскрываются здесь уже непосредственно в действиях и поступках героев.

Начиная с 1853 года, когда обстановка общественного подъема дала возможность писателям заговорить свободнее, крестьянская тема не только вновь появляется в стихах Некрасова, но делается в них ведущей и основной. Стихотворения Некрасова конца 50-х начала 60-х гг. о крестьянстве в сумме своей очень ярко и всесторонне рисуют жизнь русской деревни дореформенного и пореформенного периода.

Новым в поэзии Некрасова 60-х годов явилось то, что, накопив громадный материал наблюдений, связанных с жизнью русского крестьянства, поэт от малых жанровых форм переходит к созданию монументальных художественных полотен, поэм из народной жизни (поэмы «Коробейники», «Мороз, Красный нос» и «Кому на Руси...»).

Мы имеем все основания говорить об идейно-тематической общности стихотворений Некрасова 50-х — 70-х годов о крестьянстве и поэме «Кому на Руси жить хорошо». Возьмем только одну тему, центральную для эпоса Некрасова: разоблачение реформы 1861 года.

Уже в период подготовки реформы, несмотря на желанность ее, у Некрасова зарождается сомнение в ее истинности. Так, в стихотворении «Н. Ф. Крузе» (1858) поэт называет подготавливаемую реформу «лучом света трепетным, сомнительным, чуть зримым».

Понимая то нетерпение, с которым народ ждет свободы,

Ну, говори поскорей,
Что ты слышал про свободу?
(«Деревенские новости», 1860),

Некрасов задумывается над ее сложностью. Он предугадывает те роковые последствия, которые она может иметь

для известной части крестьянства, для дворовых, оторванных от всякого производственного труда и совершенно неподготовленных к резкой перемене жизни. Так, в стихотворении «На псарне» (1860) нарисован образ дворового парня-псаря, который не без основания заявляет:

Нáшто мне воля? Куда я пойду?
Хлеб добывать не умею....

Этот тип дворового, выброшенного реформой за борт жизни и обреченного на гибель, не раз встретится в дальнейшей поэзии Некрасова, особенно в поэме «Кому на Руси...». Вспомним, например, лакея князя Переметьева (глава «Счастливые»), который сорок лет с княжеского стола «шампанское, бургонское» из рюмок допивал, а теперь, на ярмарке, высечен мужиками, т. к. «попался в воровстве». Вспомним «дворню ноющую» в оставленной помещиком усадьбе (пролог главы «Крестьянка»):

Как прусаки слоняются
По нетопленной горнице,
Когда их вымораживать
Задумает мужик,
В усадьбе той слонялися
Голодные дворовые,
Покинутые барином
На произвол судьбы.
Всё старые, всё хворые...

«Освобождение» от крепостной зависимости было воспринято Некрасовым как обман народа и замена одних форм эксплуатации другими:

Знаю, на место сетей крепостных
Люди придумали много иных...
(«Свобода», 1861).

Поэтому в своих стихах 60-х—70-х годов Некрасов продолжал писать о бедственном положении крестьянства, вопреки настояниям либеральной критики, что

Тема старая страдания народа,
И что поэзия забыть её должна...
(«Элегия», 1874).

Основной порок реформы Некрасов видит в том, что она оставила крестьянина по существу без земли. Эта

мысль, художественно обобщенная в маленьком стихотворении 1864 года «Притча о Ермолае Трудящемся», станет стержневой проблемой поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Именно отсутствие у крестьянина жизненно необходимой ему земли заставляло его идти в кабалу к помещику. По манифесту у крестьян остались в основном «пески, болота, мхи»... Неудивительно, что за «луга поемные» вахлаки готовы годами разыгрывать «дурацкую камедь», терпеть издевательства ненавистного Последыша.

Намеченное в ряде стихотворений отрицательное отношение Некрасова к реформе, стремление разоблачить ее половинчатость, крепостнический характер с наибольшей полнотой проявилось в поэме «Кому на Руси...».

Таким образом, поэма «Кому на Руси жить хорошо», где центральное место занимает изображение судеб русского крестьянства, была тематически подготовлена предшествующим творчеством Некрасова. Это ясно и не требует доказательств. Гораздо важнее, и в то же время труднее, проанализировать идейные связи поэмы с предшествующим творчеством, показать, что основные идейно-художественные принципы, примененные Некрасовым к изображению крестьянства, также постепенно складывались в его творчестве в течение ряда лет. Труднее, так как для этого необходим глубокий анализ почти всего творческого наследия Некрасова. Поэтому, в поднятом вопросе мы ограничимся лишь довольно общими указаниями на эти принципы.

* * *

От передовых писателей 40-х годов Белинский требовал прежде всего гуманного подхода к изображению крестьянства. «Природа — вечный образец искусства, а величайший и благороднейший предмет в природе — человек. А разве мужик — не человек?»¹⁾ — восклицал он. Всячески предостерегая от прикрашивания действительности, настаивая, чтобы писатели стремились в своих зарисовках сохранять «возможно близкое сходство изображаемых... лиц с их образцами в действительности»²⁾, Белинский страстно проповедовал гуманное сострадательное отношение к народу.

¹⁾ В. Г. Белинский. Собр. соч., в 3 томах, т. 3, М., 1948, стр. 787.

²⁾ Там же, стр. 783.

«Один спивается от лени, от дурного воспитания, от слабости характера, другой — от несчастных обстоятельств жизни, в которых он, может быть, нисколько не виноват». Писатель должен не отвертываться с презрением, не судить строго, а «с участием и любовью войти в его положение, исследовать до глубины причину его падения и пожалеть о нем, как о человеке, даже и тогда, когда он сам окажется много виноватым в своем падении»¹⁾. В ответ на презрительное третирование мужика как «черной кости» передовая литература должна показать, что мужик такой же человек, что «у мужика есть душа, сердце, есть желания и страсти, есть любовь и ненависть»²⁾, что «со стороны ума, чувства, характера» он часто может быть даже выше представителей просвещенных сословий.

В стихах сороковых годов («В дороге», «Тройка», «Огородник») Некрасов — последовательный и верный ученик Белинского — сумел подойти к изображению крестьянства именно с тех гуманных позиций, которых требовал от писателей Белинский. Каждое из названных стихотворений не только является глубоко проникновенным раскрытием жизненной драмы героя, но звучит как утверждение их человеческих чувств и прав.

Этот гуманизм в изображении жизни и чувств людей из народа сохранит Некрасов и в 50—70 гг., будет ли он говорить о горе осиротевшей старухи, потерявшей кормильца-сына («В деревне», «Орина—мать солдатская»), или о горемычной судьбе мужиков, недопущенных к «владельцу роскошных палат», («Размышления у парадного подъезда»), или о строителях железной дороги, надрывающихся «под зноем, под холодом»...

Эта жгучая боль за страдания народа, любовно-гуманное отношение к героям из крестьянской среды станет одним из основных принципов изображения народа в поэме «Кому на Руси...» Достаточно вспомнить сгорбленного белоруса из главы «Счастливые», Матрену Корчагину, «досыта не едавших» вахлаков, «сеченого, мученого» Калину...

В 40-е годы все внимание Некрасова было сосредоточено на изображении внутреннего мира, переживаний,

¹⁾ В. Г. Белинский. Соч. в трех томах, т. 3, М., 1948, стр. 787—788.

²⁾ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI. Спб., 1903, стр. 305.

чувств, высоких душевных качеств народных героев. В стихотворениях 50—60 гг.¹⁾ появляется новое: поэт все более зорко присматривается к жизни крестьянства, его экономическому положению и в стихах говорит о невыносимой бедности, нищете, каторжном труде, безземелье — иными словами о невыносимых условиях жизни русского мужика. Именно эта суровая правдивость и художественная точность в изображении хозяйственно-экономической стороны жизни русской дореформенной и пореформенной деревни характерны для поэмы «Кому на Руси жить хорошо», многие страницы которой, особенно главы «Поп», «Счастливые» и «Пир на весь мир», служат прекрасной художественной иллюстрацией к статьям В. И. Ленина о положении крестьянства в России.

Революционеры-демократы видели в народе решающую силу исторического процесса. Так, по мнению Добролюбова, «нет... хода истории вне активного участия народных масс. Именно они являются главной решающей силой в историческом процессе, определяющей направление исторических событий»²⁾. На крестьянскую революцию возлагали революционеры-демократы свои надежды. Но для успеха этой революции необходимо было верное, на основе глубокого изучения полученное, представление о жизни, взглядах, особенностях характера русского крестьянства. «Так, точно обязаны мы знать внутреннюю жизнь народа, если хотим что-нибудь сделать для его просвещения и облагорожения»³⁾, — писал Добролюбов.

Поэзия Некрасова и содержит в себе вдумчивый и многосторонний анализ особенностей жизни и взглядов русского крестьянства. Итог своих многолетних наблюдений Некрасов подвел в 1876 году в песне «Русь», завершающей поэму «Кому на Руси...»:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,

¹⁾ Стихотворения «В деревне», «Забытая деревня», «Отрывки из путевых записок графа Гаранского», «Деревенские новости», «В полном разгаре страда деревенская», «Калистрат», «Песни», «Железная дорога», «Притча о Ермолае Трудящемся», «С работы»...

²⁾ В. С. Кружков. Мировоззрение Н. А. Добролюбова, 1950, стр. 373.

³⁾ Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в III томах, т. I, 1950, стр. 589.

Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

К этому глубокому пониманию социальной противоречивости русского крестьянства, пониманию величия и нищеты дореволюционной крестьянской России Некрасов шел постепенно. Изображение народного характера во всей его сложности и противоречивости — этот основной принцип, творчески реализованный в поэме «Кому на Руси жить хорошо», отчетливо проявляется и в предшествующем творчестве Некрасова, если рассматривать не отдельные произведения, а их сумму¹⁾).

Некрасову, как и его великим соратникам, была свойственна вера в ~~великие силы русского~~ народа и его высокое предназначение. Уже в романе «Три страны света» поэт высказал мысль, что «закон исторический» неразрывно связан с «характером народным, с его судьбами древними и настоящими»²⁾. Именно это признание великой исторической роли трудового народа дало впоследствии Некрасову право в поэме «Кому на Руси...» сделать русского мужика судьей всего современного общества.

Полны веры в народ строки поэмы «Несчастные» (1856):

Лишь бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней....

В стихотворении «Школьник» (1856) автор утверждает, что

Не бездарна та природа,
Не погиб ещё тот край,
Что выводит из народа
Столько славных.....

В 1857 году в поэме «Тишина» воспевается проявленный в кровопролитной войне героизм народа:

Народ-герой! в борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца.....

¹⁾ Из отдельных произведений Некрасова в этом отношении наиболее близка его эпическая повесть «Тонкий человек».

²⁾ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. VII, М., 1948, стр. 738.

В 1864 году Некрасов скажет о народе:

Вынесет всё... и широкую ясную
Грудью дорогу проложим себе.

В поэме «Кому на Руси...» подведет итог:

Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь.

Именно эта неистощимая вера в народ давала Некрасову внутреннее право рисовать русского мужика без прикрас, говорить о нем «трезвую правду».

В повести «Тонкий человек» Некрасов писал: «В простом классе наружность надежная мерка. Коли смотрит молодцом, значит, знает свою силу, пробовал и упражнял её, и сам уверен в ней, и добрые люди скажут: жди решительности, смелости, которая города берет, вдохновения минуты, — с таким не пропадёшь, в какую беду ни попади...»¹⁾).

В соответствии с этим Некрасов подчеркивает у своих народных героев («Тройка», «Огородник», «В деревне», «Орина-мать солдатская», «Мороз, Красный нос» и др.) «пригожество, рост и силу» — внешнюю красоту, богатырство.

Эти же черты видим мы и у героев поэмы «Кому на Руси жить хорошо»: Матрена — «осанистая женщина», «широкая и плотная», о вахлаках странники замечают:

Прокосы широчайшие.....
Здесь богатырь — народ!

Савелий-богатырь Святорусский о мужике говорит:

Ты думаешь, Матренушка,
Мужик не богатырь?

Некрасов показывает, что подчас не только молодеватый, а и невзрачный с виду мужик в решительный момент, «в минуты вдохновения» (Некрасов), в «минуты энергических усилий» (Чернышевский) способен совершать былинные подвиги. Вспомним эпизод (роман «Три стра-

¹⁾ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 6, М., 1950, стр. 442.

ны света») опасной переправы барок Каютина через Боровицкие пороги, когда, с виду угрюмые и апатичные, лоцманы проявили столько смелости и находчивости; или ямщика Никиту (повесть «Тонкий человек»), перевозившего во время разлива помещичью семью. И в «Кому на Руси жить хорошо» «старик убогонький» — Яким предстает как богатырь, сильный своим трудовым подвигом:

На пожне гору добрую
Поставил, съел с горошину....

«Ни в ком, кроме русского крестьянина, не встречал я такой удали и находчивости, такой отважности, при совершенном отсутствии хвастовства... В нем есть душа, чувство, энергия, и, что главное, в нем много иронии, иронии дельной и меткой, которая уже, может быть, давно твою собственную особу пустила ходячей притчей по всему околodку...¹⁾ Эти черты ужели мало говорят в пользу его?», — писал Некрасов о русском мужике²⁾.

Но прекрасные качества русского мужика не всякий умеет угадать. «Труден доступ к его сердцу. Он суров, неразговорчив, неохотно обнаруживает своё чувство, глубоко запрятывает в душу тяжелую кручину»³⁾ и поверхностному наблюдателю бросаются в глаза лишь внешние черты: апатия, равнодушие, пассивность, покорность.

Некрасов видел противоречие между скрытой силой народного характера и тем обманчивым смирением, беспечностью, апатичностью, которые составляют лишь внешнюю его оболочку, и считал, что эти внешние факты не должны обманывать и приводить «к ложным и безотрадным выводам» — неверию в силы народа. Поэт говорит о своей Родине, крестьянской Руси:

¹⁾ И в «Кому на Руси жить хорошо» есть строки о меткости народной речи: крестьяне во время «комедии с Петрушкой» хохочут, утешаются.

И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

²⁾ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 7, 1948, стр. 738.

³⁾ Там же, стр. 737.

Тиха, как сонная, снаружи,
Внутри жива и горяча ¹⁾).

Однако Некрасов видел не только противоречие между видимостью и внутренней сущностью характера русского мужика, но и глубокие противоречия, свойственные мировоззрению русского патриархального крестьянства.

Могучая крестьянская Русь в то же время убога и бессильна. В условиях «общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету» ²⁾ складывалась своеобразная жизненная философия русского мужика.

Вековая привычка покоряться, сознание своего бессилия перед существующим злом — порождали утешающую, но глубоко пессимистическую философию фатализма, привычку полагаться «на боженьку». Это бессильное упование на бога возникает тогда, когда массы не знают, «какие общественные силы способны принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий...» ³⁾.

И вот, богатырь-мужик, совершающий былинные подвиги, бессильно восклицает: Никто как бог! Сделав всё, чтобы спасти барки Каютина от гибели, судорабочие рассуждают: «Оно, конечно, ветер, да уж, видно, на то и воля господня. Супротив бога не уберегешься. Видно, так уже указано было тем баркам разбиться» ⁴⁾.

Вера в то, что «видно так уж указано было», лишает энергии в борьбе. Прослушав легенду о Глебе-старосте, вахлаки бессильно разводят руками:

Великий грех! Великий грех!
И впрямь: нам вечно маяться!

И немало Грише приходится потолковать, чтобы разъяснить односельчанам,

Что не они ответчики
За Глеба окаянного...

Даже Савелий-богатырь Святорусский, пытавшийся силой своей сломить гнет крепостничества, и тот, видя беспросветную жизнь крестьян, говорит:

¹⁾ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. II, М., 1948, стр. 461.

²⁾ В. И. Ленин. Соч., том 16, стр. 293.

³⁾ Там же, т. 17, стр. 31.

⁴⁾ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. VII, М., 1948, стр. 374.

Как вы не бейтесь, глупые,
Что на роду написано,
Того не миновать!..
Терпи, многокручинная!
Терпи, многострадальная!
Нам правды не найти...

Некрасов видел политическую незрелость сознания русского крестьянства, видел, что народ, в значительной своей части, еще не проснулся для борьбы. Недаром силы народные поэт называет «немыми». В поэме «Несчастные» (1856) есть строки о России:

... В ее груди
Бежит поток живой и чистый
Еще **немых** народных сил...

В той же поэме автор говорит о забитости, рабской покорности крестьянства:

Но спит народ под тяжким игом,
Бойтся пуль, не внемлет книгам.
О Русь, когда ж проснешься ты?....

Этот же сон, пассивность народа отмечает Некрасов и в стихотворении «В столицах шум...» (1857):

... А там, во глубине России —
Там вековая тишина.

Правда, в поэме «Тишина» того же года, поэт подчеркнул, что эта «вековая тишина» — обманчивая видимость, не раскрывающая истинного состояния жизни народа, который готовится к изменению своей жизни, задумывается над вопросом будущего:

... Над всею Русью тишина,
Но — не предшественница она:
Ей солнце правды в очи блещет,
И думу думает она.

В 60-е годы Некрасов наблюдал рост бунтарских настроений крестьянства, и, хотя отмечал слабость, беспомощность отдельных вспышек народного гнева, отсутствие стойкости в борьбе (стихотворение «Бунт»), хотя и доса-

девал порой на «терпение безмерное» русского мужика,
он верил, что

Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином,

что в глубине народной массы таится, часто незримая,
искра сокрытая», таится до тех пор, пока минута опасности или исторической необходимости не потребует от народа или его представителей минуты «энергических усилий»:

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая.
А загорелась в ней
Искра сокрытая....
Рать подымается —
Нечислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Некрасов никогда не изображал крестьянство в виде единообразной безликой массы. Если силу и величие народа он видел в способности подняться на борьбу, с восторгом говорил о «золоте сердца народного», спасенном в рабстве, то параллельно поэт отмечал губительное влияние «ига рабства долгого» на народный характер. Поэт понимал, что

Нужны столетья, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.
(«Саша», 1855).

Уже в произведениях сороковых годов Некрасов показывает развращающее влияние крепостничества на крестьянство, особенно на дворовых людей. Изображая крепостное крестьянство, Некрасов всегда проводит грань между мужиком-землепашцем и лакеем-холопом. Уже в романе «Три страны света» нарисовано немало отрицательных образов лакеев, картин растленных нравов барской прислуги, погрязшей в лени, склоках, выслуживающейся перед барином и презирающей своих братьев по классу. В повести «Тонкий человек» еще более подчеркивается развращающее действие барской среды на моральный облик крепостных. Некрасов говорит о «мине высокомерия и надменности», которую лакейство носит перед всякой «деревенщиной», о «невозмутимой лакейской наглости», которая растет вместе со страстью подбивать

затылок и производить эффект. У холопа этого типа, — говорит Некрасов, — слова «мужик» и «дурак» — синонимы ругательного свойства.

Презрение холопа дворового к мужикам поэт объясняет именно влиянием барской среды. Невольно вспоминаются слова Белинского: «Посмотрите, как глубоко презирает лакей мужика, который во всех отношениях лучше, благородней, человечнее его! Откуда эта гордость в лакее? Он перенял пороки своего барина и оттого считает себя далеко образованнее мужика»¹⁾.

Этот же подход к изображению крестьянства сохранил Некрасов и в поэме «Кому на Руси жить хорошо»: и здесь мужикам противопоставлен лакей князя Переметьева, гордящийся «болезнью благородною» и презирающий «мужичье» — холуй Ипат,

(Я у князей Утятиных
Холоп — и весь тут сказ),

дворовые в оставленной помещиком усадьбе (пролог главы «Крестьянка»).

Своей поэмой «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов стремился в революционном духе воздействовать на сознание крестьянства. И в этом смысле поэма связана с предшествующим творчеством поэта.

Еще в стихотворении 1853 года «В деревне» высказана мысль:

Что и жалеть, если нечем помочь?

Свою «помощь» народу Некрасов видит в пропаганде революционных идей, в борьбе против рабской покорности и долготерпения народа.

Призыв бороться против «суровой среды», внушающей «покорность без конца», призыв к народному пробуждению мы слышим в стихотворении «На Волге» (1860).

Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?

«Необузданную, дикую к угнетателям вражду» проповедует Некрасов в «Песне Ерёмушке» (1858).

¹⁾ В. Г. Белинский. Собр. соч. в трех томах, т. III, М., 1948, стр. 786.

Итак, гуманный подход к изображению людей из народа, внимание к экономической стороне жизни крестьянства, изображение народа во всей его противоречивости, силе и слабости, показ губительного влияния рабства на судьбы и характер народный, стремление воздействовать в революционном духе на сознание крестьянства — вот основные идейно-художественные принципы, с которыми подходит Некрасов к изображению русского крестьянства. Складываясь постепенно в творчестве Некрасова, они нашли свое наиболее полное художественное выражение в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Рассмотрев эти общие вопросы идейно-тематической связи «Кому на Руси...» с предшествующим творчеством Некрасова, посмотрим, как с ним связаны отдельные образы и проблемы эпопеи Некрасова.

* * *

При работе над главой «Крестьянка» Некрасов опирался на громадный реально-бытовой и в то же время народно-поэтический материал «Причитаний Северного края» (ч. 1, 1872) Е. В. Барсова, книгу, в которой были записаны похоронные причитания знаменитой Олонецкой вопленицы И. В. Федосовой. Использовал Некрасов и свадебные причитания (в главе «До замужества»), собранные П. Н. Рыбниковым. Но, несомненно, что, создавая поэтический рассказ о судьбе «счастливицы» Матрены Тимофеевны Корчагиной, поэт опирался и на достижения своего предшествующего творчества. В главе «Крестьянка» находит свое завершение тема судьбы русской крестьянки, тема, волновавшая Некрасова с начала 40-х годов.

Впервые вопроса о тяжелой участи русской крестьянки повец «долюшки женской» коснулся в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова». К лучшим, наиболее драматическим, принадлежат те страницы романа, где извозчик Ванюха рассказывает своей сестре Агаше о смерти их матери, которая, доведенная до чахотки побоями мужа ¹⁾, и в последние минуты своей жизни полна забот о хлебе насущном, мир покидает со словами о корове Буренке... Образ матери Агаши ²⁾ предвосхищает тип жен-

¹⁾ Сравнить со стихотворением «Тройка»: Будет бить тебя муж привередник...

²⁾ Наблюдение В. Е. Евгеньева - Максимова.

щины, которая «вся воплощенный испуг» и «вековая истома». Зато сама Агаша — первый эскиз того типа русской крестьянки, который привлекает наибольшее внимание и симпатию Некрасова. Красивая, жизнерадостная, мечтающая стать «вольной птицей», она способна на борьбу, ее не легко сломить.

В поэзии о судьбе русской крестьянки Некрасов заговорил в стихотворении «Тройка» (1848)¹⁾. Нарисовав в первой части стихотворения пленительный образ крестьянской девушки, «полный чар, зажигающих кровь», во второй — поэт говорит о печальной судьбе, ожидающей героиню, о гибели девичьей красоты в условиях крестьянского быта. От работы «и черной и трудной» она «отцветет, не успевши расцвести», передник «перетянет уродливо грудь», дети и работа наложат на лицо ее печать «тупого терпения», свидетельствующего об угасании духовных сил. «Грязь обстановки убогой» губит красоту. Отмечая глубокий гуманизм автора, его горячее сочувствие героине, все-таки нельзя не заметить, что есть в стихотворении еще отзвуки старых эстетических понятий. Когда Некрасов вполне усвоит эстетические понятия крестьянства и придет к убеждению, что основа всякой красоты — труд, тогда в ином облике предстанет красавица-крестьянка:

Во всякой одежде красива,
Во всякой работе ловка,

красавица, к которой «грязь обстановки убогой» «словно не липнет».

В стихотворении «Тройка» образ героини раскрыт извне, со стороны. Стихотворение 1853 г. «В деревне» — первый опыт Некрасова в применении лирического способа раскрытия мира женской страдающей души, попытка раскрытия образа изнутри. Передавая плач старухи по умершему сыну, автор сумел воссоздать тон бабьего народного причитания²⁾, голошения по покойнику. У самого народа подслушал, взял Некрасов «этот тягучий, щемящий, хватающий за душу голос»:

¹⁾ Стихотворение «В дороге» мы не рассматриваем, так как в нем идет вопрос о судьбах крепостной интеллигенции.

²⁾ Причитания как жанр, дающий возможность проникновения в психологию женщины-крестьянки, Некрасов особенно широко будет использовать в поэмах «Мороз, Красный нос» и «Кому на Руси жить хорошо».

Умер, Касьяновна, умер, родимая,
Умер и в землю зарыт...¹⁾).

Надрывающее душу причитание осиротевшей старухи вызывает в читателе чувство жгучего сострадания к ней, ее неутолимою горю, заставляет вместе плакать о потере. Горе матери-крестьянки с необычайной силой драматизма изображено и в стихотворении «Орина-мать солдатская» (1863)²⁾. Здесь Некрасов идет тем же путем, что и в стихотворении «В деревне». Чтобы воссоздать внутренний мир чувств и эмоций женщины-крестьянки, автор заставляет героиню рассказывать (от первого лица) о своей жизни и горе. Не подслушанное случайно причитание, а многократно выслушанный рассказ Орины лег в основу стихотворения. Художественное чутье в сочетании со знанием реальной жизни помогло Некрасову в создании его шедевра. Этот художественный прием использования лирического монолога как формы раскрытия внутреннего мира героини найдет наиболее широкое применение в поэме «Мороз, Красный нос» и главе «Крестьянка», «Кому на Руси жить хорошо». Притом, богатый материал для этого лирического монолога дадут Некрасову именно народные причитания.

В 60-е годы интерес Некрасова к «долюшке женской» усиливается. Реформа, в результате которой «крестьяне остались... «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью»³⁾ совсем уже стороной прошла мимо вопроса раскрепощения женщины.

Как и до реформы, женщина оставалась наиболее социально-угнетенным элементом общества. Естественно, что обращение к теме «долюшки женской» носило в пореформенный период характер протеста против узости и ограниченности реформы. Безмерная тяжесть положения русской крестьянки в значительной мере символизировала общий характер положения крестьянства.

Значительным этапом на пути разработки темы женской судьбы явилось стихотворение 1862 г. «В полном

¹⁾ К. И. Чуковский. «Некрасов как художник» сб. «Некрасов в русской критике», М., 1944, стр. 140.

²⁾ Тема рекрутчины, центральная в стихотворении «Орина-мать солдатская», лейтмотивом пройдет через всю эпопею Некрасова: солдат с медалями в главе «Счастливые», гл. «Крестьянка», солдат Овсянников и племянник Якова Примерного в гл. «Пир»...

³⁾ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 65.

разгаре страда деревенская», где дается первый эскиз той картины, которую создал Некрасов в поэмах «Мороз, Красный нос» и «Кому на Руси...». Стихотворение, наряду с конкретной картиной полевых работ, содержит такое широкое обобщение, которое заставляет воспринимать героиню как символ многовекового народного страдания. Образ бабы, которая на покосе роняет слезы и, томимая зноем, подносит «губы свои опаленные» к краям жбана, вырастал в величественный образ многострадальной матери «всевыносящего русского племени», измученного, но страстно томимого жаждой обновления.

Эта картина сюжетно предвосхищает XX—XXII строфы II части поэмы «Мороз, Красный нос», где рисуется картина деревенской страды:

Овод жужжит и кусает,
Смертная жажда томит,
Солнышко серп нагревает...
Спинушка ноет с натуги,
Руки и ноги болят... и т. д.

Напоминает она и некоторые строки рассказа Матрены в главе «Крестьянка»:

Носила я Демидушку
По поженкам,...
Потуги лошадиные
Несли мы; погуляла я,
Как мерин в бороне...

В поэме «Мороз, Красный нос» Некрасов ставил своей целью показ красоты народного характера. Оговорившись, что под воздействием «грозной доли» — многовекового рабства «тип красивой и мощной славянки» измельчал, что более распространенным в русской патриархальной деревне является тип, основные черты которого выражены словами:

Ты вся — воплощенный испуг,
Ты вся — вековая истома...

Некрасов всё внимание в поэме сосредоточил на ином, вопреки всем внешним условиям, сохранившемся типе «величавой славянки», ибо в нем видит поэт крестьянской демократии воплощение лучших черт русского национального характера.

В поэме «Мороз, Красный нос» крестьянская жизнь показана сквозь призму эстетических воззрений крестьянства, в том числе и идеал человеческой красоты дан в народном духе. Многократно замечалось, и нет нужды доказывать, что мы имеем полное совпадение портрета «величавой славянки» и Дарьи с описанием сельской красавицы в трактате Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». Это совпадение тем более знаменательно, что теоретик Чернышевский и поэт Некрасов проявляют полную самостоятельность. И так как каждый из них верно понял народную жизнь, то совпадение было неизбежным. Основные черты, характеризующие героиню Некрасова: «румяна, стройна, высока», «красивые, ровные зубы», «тяжелые русые косы», «красивая сила в движениях». Такова и Дарья:

И ты красотой дивила,
Была и ловка, и сильна...

В портрете Прокла — те же черты: «большие с мозолями руки», красивое лицо, «шелковые кудри», «пригоже-ство, рост и сила», «сила-то в нем богатырская».

«Одним словом, в описаниях красавицы в народных песнях (и у Некрасова—Т. Б.) не найдется ни одного признака красоты, который не был бы выражением цветущего здоровья и равновесия сил в организме, всегдашнего следствия жизни в довольстве при постоянной и нешуточной, но не чрезмерной работе». «Хорошая жизнь», «жизнь как она должна быть», у простого народа состоит в том, чтобы сытно есть, жить в хорошей избе, спать вдоволь; но вместе с этим у поселянина в понятии «жизнь» всегда заключается понятие о работе: жить без работы нельзя; да и скучно было бы». Следствием такого образа жизни у «сельской девушки будет чрезвычайно свежий цвет лица и румянец во всю щеку — первое условие красоты по просто-народным понятиям. Работая много, поэтому будучи крепка сложением, сельская девушка... будет довольно плотна... у сельской красавицы не может быть маленьких ручек и ножек, потому что она много работает»¹⁾.

Это трудовое начало народной красоты подчеркивает и Некрасов: Красавица, «величавая славянка»:

¹⁾ Н. Г. Чернышевский. Избранное, М.-Л., 1950, стр. 404.

Во всякой работе ловка...
Я видывал, как она косит:
Что взмах -- то готова конна!..
По будням не любит безделья...
Ей некогда лясы точить...
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать...

В преодолении тягот жизни, в труде раскрывается красота и Катерицуники из поэмы «Коробейники»:

Под косой трава валялася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лен стлала до темной ноченьки
По росистым по лугам...

Образ Катерицыны намечает основные черты типа «величавой славянки», получившего более глубокую идейно-художественную трактовку в поэме «Мороз, Красный нос». Матрена Корчагина — тот же тип «величавой славянки», на ней лежит та же печать «дельности строгой» и «внутренней силы»:

Матрена Тимофеевна
Осанистая женщина.
Широкая и плотная...
Красива; волос с проседью.
Глаза больше, строже...
Сурова и смугла.

К созданию образа Матрены Некрасов подошел с теми же эстетическими принципами, он опозитизировал в крестьянке Матрене Корчагиной высокую трудовую красоту ее и внешнего и внутреннего облика.

Кроме этой преемственности в раскрытии образа, можно почувствовать также какие-то сюжетные связи между поэмой «Мороз, Красный нос» и главой «Крестьянка»: судьба Матрены во многом сходна с картиной, которая рисуется Дарье в ее размышлениях о судьбе сирот, о рекрутчине, о своем одиночестве. Иначе и быть не могло, ибо и в той, и в другой поэме выбраны наиболее типические факты, характеризующие долю русской крестьянки.

★ ★ ★

В 1928 году К. И. Чуковский опубликовал незаконченную повесть Некрасова «Тонкий человек», которой

лишь первые 4 главы были в свое время (в 1855 г.) напечатаны Некрасовым.

Во вступительном очерке к повести¹⁾ К. И. Чуковский отметил, что один из ее персонажей, праведный бурмистр имения Адóвщина, является прототипом, точнее первым эскизом образа бурмистра Ермила Гирина в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Достаточно сопоставить соответствующие страницы повести «Тонкий человек» и поэмы «Кому на Руси...», чтобы увидеть всё сюжетное и даже лексическое сходство эпизодов. В повести «Тонкий человек» путешественникам-дворянам, а в главе «Счастливые» странникам-правдоискателям рассказывают о выдающемся своими административными способностями и нравственной безупречностью управляющем помещичьим имением.

В повести «Тонкий человек»:

— О какой ты упомянул Адовщину? — перебил его Тростников...

— А господь знает. Вишь ты, раскольников у них много. Ну и прозвали, покои веку так: адовщина да адовщина немрущая.

Да вот уж, почитай, тридцать лет сидит управляющим, пальцем никого не тронул, а строг, точно строг. И-и-и, беда у него, коли мужик фальшь какую сделает — лучше и на глаза не кажись!

— Чем он вам так страшен; что такое за сила особенная?

— Чем страшен? Правдой страшен! — резко сказал ящик. —

Правдой страшен, правдой и силен... Да правдой же и люб... — Что ж он, колдовство, что ли, какое знает?...

В поэме «Кому на Руси...»:

Слыхали про Адовщину,
Юрлова князя вотчину?

Пошел Ермило царствовать
Над всей княжою вотчиной,
И царствовал же он!
В семь лет мирской копеечки
Под ноготь не зажал,
В семь лет не тронул
Правого,
Не попустил виновному...

Каким же колдовством

Мужик над всей округою
Такую силу взял?
Не колдовством, а
Правдою...

¹⁾ Н. Некрасов. Тонкий человек и другие неизданные произведения. «Федерация», М., 1928.

— Нет, не колдовство знает, а бога бонятся да мужика бережёт, — отвечал ямщик.

— Вот как стал новый барин — он было прислал управляющего (нового — Т. Б.) — барин, что ли, такой тоже, ну, известно: не первый сорт... ну, и тоже добрый, нечего сказать... Да как стал он свои порядки вводить — так и пошло всё через пень колодой!..

— Бились так-то год с новым управляющим, и его тож, сердечного, жаль... Думали, думали, — собрались сход: и порешили идти к барину просить старого управляющего... Барин послушался — потребовал к себе Алексея Дементыча да как поговорил с ним, так тотчас и послал его к нам: будь же ты, говорит, у меня управляющим, мне другого не надо... — А велико имение? — спросил Грачев.

— Да немалое. Во всей-то Адóвщине чай тысяч шесть душ будет.

(Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. VI, М. 1950, стр. 367—369).

Таким путем вся вотчина
В пять лет Ермилу Гирина
Узнала хорошо,
А тут его и выгнали...
Жалели крепко Гирина,
Трудненько было к новому,
Хапуге, привыкать...
Однако делать нечего,
По времени приладились
И к новому писцу.
Тот ни строки без трешника,
Ни слова без семишника,
Прожженный, из кутейников —
Ему и бог велел!
Однако волей божией
Недолго он поцарствовал, —
Скончался старый князь,
Приехал князь молоденький,
Прогнал того полковника,
Прогнал его помощника,
Контору всю прогнал,
А нам велел из вотчины
Бурмистра изобрать,
Ну, мы не долго думали,
Шесть тысяч душ,
всей вотчиной
Кричим: «Ермилу Гирина!»
Как человек один!
Зовут Ермилу к

барину.

Поговорив с
крестьянином,
С балкона князь кричит:
«Ну, братцы! Будь по-вашему,
Моей печатью княжеской
Ваш выбор утверждён:
Мужик проворный,
грамотный...»

(Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. III, М. 1949, стр. 212—214. Разрядка моя — Т. Б.).

Есть в повести и известный нам по «Кому на Руси...» эпизод с отдачей в рекруты. Внесено лишь незначительное сюжетное изменение: в поэме в рекруты идти черёд брату бурмистра, а в повести — сыну управляющего.

Образом Потанина Некрасов стремился показать одаренность, талантливость русского парода. Талантливый

организатор, выделяющийся умом и высотой своих гражданских чувств, крепостной крестьянин Потанин изображён, по словам К. И. Чуковского, чем-то вроде президента республики, что было в условиях 1853 года неслыханной дерзостью. «Уже одно указание на то, что крепостные рабы способны управлять и командовать, должно было показаться цензуре потрясением государственных основ»¹⁾. Некрасов в крепостном мужике сумел разглядеть будущего гражданина свободной России. Рисуя картину идеального управления и ведения хозяйства без вмешательства помещика, Некрасов наводил читателя на мысль об абсолютной хозяйственной ненужности помещичьего класса. Ту же веру в одаренность русского крестьянства хотел выразить Некрасов и образом Ермила Гирина.

Потанин, как мы видели, «правдой страшен, правдой силен, да правдой же и люб». В его образе Некрасов воплотил свое представление о нравственной красоте и величии русского мужика. Носителем этих же качеств является и Ермил Гирин в поэме «Кому на Руси...».

Но при всём видимом сходстве ситуации и образов глава «Счастливые» в идейном отношении очень существенно отличается от соответствующего эпизода повести «Тонкий человек». Образ Потанина подвергся коренной переработке, свидетельствующей о росте идейной зрелости и реалистического мастерства Некрасова. Прежде всего обратим внимание на сюжетные различия эпизодов. В повести «Тонкий человек» «мир», «мужики», узнав, что сыну Потанина очередь идти в рекруты, из любви к управляющему решают скрыть это и выставляют на очередь Силантия. Но старуха — мать рекрута не выдерживает, и бросившись в ноги Потанину, всё рассказывает. Алексей Дементьич в гневе, он велит сыну собираться и отправляет его в солдаты, несмотря на увещевания крестьян и жены.

Не то в «Кому на Руси...». Рассказ о Ермиле Гирине, который

В семь лет не тронул правого,
Не попустил виновному,
Душой не покривил

¹⁾ Н. Некрасов. Тонкий человек и другие неизданные произведения, М., «Федерация», 1928 стр. 1.

прерывается репликой «попики седенького»:

Шла борона прямёхонько,
Да вдруг махнула в сторону —
На камень зуб напал!

и далее следует рассказ о том, как однажды

...и Ермил мужик
Свихнулся: из рекрутчины
Меньшого брата Митрия
Повыгородил он.

Сюжетное изменение внесено Некрасовым для того, чтобы показать роковое, развращающее влияние власти и господствующей морали даже на людей нравственно чистых и устойчивых. Проступок Гирина и глубокое осознание им своей вины не снижают образа, а делают его живее, человечнее. Потанин же представлен автором в виде христианского праведника, святого, отчего образ проигрывает в жизненной правдивости. Кстати сказать, представление о христианской праведности Потанина трудно совместимо с тем обстоятельством, что он очень богат и ведет большую хлебную торговлю.

Однако, используя в 60-е годы эпизод своей неоконченной повести, Некрасов не ограничился изменением сюжетной ситуации. Рассказав о Потанине, автор сделал в повести примечание: «Факт этот не сочинён и в главных чертах совершенно верен действительности, желающий может при случае удостовериться в нём. Имение, о котором здесь говорится, находится во Владимирской губернии в Гороховском и смежных уездах и принадлежит одному из русских вельмож. До какой степени помещик умел оценить этого замечательного крестьянина видно из той постоянной доверенности, которою он удостоивает его» и т. д.

У нас нет оснований не верить писателю. Он воспроизвел в повести реальный жизненный факт. Почему же глава о Потанине, при чтении повести, вызывает недоверие и неудовлетворенность читателя? Потому что правда факта не всегда равна художественной правде. Художник из ряда жизненных явлений должен выбирать такие, которые выражают собой закономерность развития жизни. Кроме того, творческая удача художника зависит не

только от выбора характера, но и от умения показать этот характер в типических обстоятельствах. В данном случае Некрасову этого сделать не удалось. Ситуация, нарисованная в повести «Тонкий человек», не типична. В середине пятидесятых годов крестьянство в России глухо волновалось, веками накопившиеся «горы ненависти» находили проявление в бунтах, расправах с помещиками. В стихотворении «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» (1853 г.) Некрасов рассказал о подобной расправе (мужики «сделали из барина-то тесто»...) и выразил взгляд крестьян на помещиков и их управителей:

Помещик — лиходей! А если управитель,
То верно живодёр, отъявленный грабитель!..

А в Адóвщине (по повести «Тонкий человек») в течение 30 лет длится «тишь да гладь, да божья благодать», и помещик, и крестьяне не нарадуются на управляющего. Мало того, что Потанин — праведник, оказывается, что и немец-управляющий Эдуард Кондратьевич «тоже добрый», «не то чтобы строг», мужикам «его, тож, сердечно-го жаль» за хозяйственные неудачи.

Пусть даже в именин, служившем прототипом Адóвщины, было так. Художник-реалист не имеет права рисовать исключения, если он стремится к типизации. Некрасов в повести попытался обойти вопрос о борьбе крестьянства с помещиками. Пусть сделал он это сознательно, учитывая «недреманное око» цензуры, но в результате изображённое оказалось односторонним, нетипичным. Очень резонно предположение В. Е. Евгеньева-Максимова¹⁾, что именно осознание нетипичности эпизода с Потаниным охладило интерес Некрасова к повести, оставшейся в неоконченном виде.

В поэме «Кому на Руси...» Некрасов типизирует факты. Во-первых, избраннику народа, праведнику Ермилу, резко противопоставлены и полковник — управляющий, и его помощник, и вся контора как алчные «хапуги», разорители крестьян. Во-вторых, он взял типичную для эпохи ситуацию: «в избытке благодарности» к «господам эмансипаторам, по всей матушке-Руси, то тут, то там, бунтуют крестьяне. Так вот

¹⁾ В. Е. Евгеньев-Максимов. «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова», т. II, М.-Л., 1950, стр. 187.

Взбунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Испуганной губернии,
Уезда Недыханьева,
Деревня Столбняки....

Здесь-то и раскрывается несовместимость «правды» Ермила Гирина со служением интересам помещика. «Ермил Гирин... сам становится на сторону бунтующих, за что и попадает в острог. Таким образом, по прошествии 12 лет, для поэта необходимым условием праведности стало революционное чувство»¹⁾. Так, используя в «Кому на Руси...» материал одной из своих неоконченных повестей, Некрасов творчески его переосмыслил и подчинил решению новых идейных задач.

★ ★ ★

Одна из глав поэмы «Кому на Руси жить хорошо» названа «Помещик». Идейный смысл этой главы заключается в сатирическом разоблачении дворянского паразитизма. Странники «доведают» помещика Гаврилу Афанасьевича Оболта-Оболдуева, и перед нами возникает колоритно нарисованный образ помещика-крепостника, вздыхающего о тех дореформенных временах, когда единственным законом было его, владельца крепостных душ, желание, а полицией — удар кулака — скуловорррота. Самодовольный, ничтожный, но полный сословного чванства, Оболт сам признает свою полную хозяйственную никчемность и подводит итог своей жизни словами:

Коптил я небо божие...
Сорил казну народную...

Еще в 40 годы в творчестве Некрасова рядом с темой народа возникает тема врагов народа. В поэзии Некрасова мы можем найти немало произведений сатирически рисующих дворянство и его представителей: таковы «Родина», «В неведомой глуши», «Нравственный человек», «Псовая охота», повесть «Тонкий человек» и роман «Три страны света», «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» и др.

¹⁾ К. И. Чуковский. Вводная статья в книге «Н. Некрасов. Тонкий человек и др. неизданные произведения», М., «Федерация», 1928, стр. 18.

Создавая образ Оболта-Оболдуева, Некрасов, естественно, опирался на свой многолетний художественный опыт: отдельные черты идейно-психологического облика Оболта наместились в ряде произведений, написанных задолго до «Кому на Руси...».

Свой разговор с мужиками Оболт-Оболдуев начинает полный уверенности в том, что звание дворянина составляет основное достоинство человека.

— Как с вами говорить? — обращается он к крестьянам, —

Сперва понять вам надо бы,
Что́ значит слово самое:
Помещик, дворянин.
Скажите вы, любезные,
() родословном дереве
Слыхали что-нибудь?

С комическим пафосом рассказывает Оболт о «подвигах» своих предков, «тешивших государыню», пытавшихся поджечь Москву и ограбить казну, о том, что именитость дворянина зависит от древности родословного дерева.

Так вот оно откуда
То дерево дворянское,—

заканчивает рассказчик.

А ты, примерно, яблочко
С того выходишь дерева? —
Сказали мужики.
— Ну, яблочко, так яблочко,
Согласен!

Реплика мужиков, переводящая отвлеченно метафорическое понятие родословного дерева в реально-бытовую плоскость создаёт должный комический эффект.

В литературоведении отмечено, что еще в 1841 году в первом поставленном водевиле Некрасова «Шила в мешке не утаишь, девушки под замком не удержишь» Некрасов иронизировал над проявлениями дворянского гонора, над стремлением кичиться своим происхождением. Один из героев водевиля, Фортункин, переодетый бароном, гордо рассуждает о своем «родословном дереве»: «Барон Генрих—Ульрих-Каспар Христиан... фон Лохенкрет... замечьте: крет, а не Лохен-крот, тот другой ... мужик... из

плебеев... Надо вам сказать, что если бы наше родословное дерево росло и не подсыхало... то я, как верхушка его, был бы теперь в облаках... Один из сучков моего родословного дерева, дядя мой по матери, барон фон Аффенберг, вздумал жениться на ветви другого дерева...» и т. д. ¹⁾). Как верно подметил В. Е. Евгеньев-Максимов, «через двадцать шесть лет после речей Фортункина о «родословном дереве», родовитый помещик Гаврила Афанасьевич Оболт-Оболдуев из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», беседуя с семерыми странниками, в свою очередь, вспоминает о «родословном дереве» ²⁾).

И в «Шиле» и в «Кому на Руси...» Некрасов пользуется одинаковым приемом материализации отвлеченного понятия: «барон» своих родственников величает сучками, а себя вершиной родословного дерева, Оболт — «яблочко» с него. Пусть произведение разделяет 25 лет (1841—1865): в творчестве Некрасова довольно часто наблюдаются возвращения к наброскам и заметкам большой давности. Общность приема, которым раскрывается безосновательность дворянского чванства, дает возможность говорить, что несмотря на промежуток в 25 лет, в «Кому на Руси...» «развивается и углубляется та линия, которая была робкою ещё рукою намечена в речах Фортункина в «Шиле...» ³⁾).

Рассказывая странникам о привольной помещичьей жизни, Оболт-Оболдуев с особым чувством рисует картины «исконно-русской» дворянской потехи—псовой охоты. Образ страстного любителя псовой охоты впервые встречается у Некрасова в водевиле 1844 года «Ростовщик». Помещик Ростомыхов, у которого

Десять тысяч душ имения
И осьмнадцать тысяч свор

не может спокойно говорить об охоте: «Слышите ли вы, черт вас возьми! А? Вот не хотите ли, я вас расскажу, как мы охотимся... собаки лают... гам, гам, гам во весь голос... охотники кричат: го, го, го, го! Трубят в рога... бррр и вдруг заяц летит на чистое поле...» ⁴⁾).

¹⁾ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 4, М. 1950, стр. 255.

²⁾ В. Е. Евгеньев-Максимов и др. Некрасов и театр, М.-Л. 1946, стр. 98.

³⁾ Там же, стр. 100.

⁴⁾ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 4, М. 1950, стр. 167.

Вскоре образ помещика-любителя псовой охоты был повторен Некрасовым в стихотворении «Псовая охота» (1848). Между изображением псовой охоты в этом стихотворении и в главе «Помещик» есть несомненная близость, которая не сводится только к общности охотничьей терминологии. Внутреннее единство заключается в том, что, не боясь показать своеобразную поэзию псовой охоты, Некрасов рисует эту картину в разоблачительно-сатирических целях.

На фоне хмурого, осеннего пейзажа

Мраком задернуты небо и
даль,
Ветер осенний наводит не-
чаль...

Унылые, поблекшие
Леса полураздетые...
(«Кому на Руси...»),

(«Псовая охота»)

на безбрежных просторах Руси-матушки разыгрывается бранная потеха. С удивительной правдивостью Некрасов передает искреннюю увлеченность, охотничий восторг барина:

Гикнул помещик и ринулся в поле...
То-то раздолье помещицъей воле!...
Буйная удаль не знает преград,
Смерть иль победа — ни шагу назад!
(«Псовая охота»)

Пора! Ну, ну! Не выдай, конь!
Не выдайте собаченьки!
Эй, улю-лю! Родимые!
Эй! — улю-лю!.. А-ту!.. »
Гаврило Афанасьевич,
Вскочив с ковра персидского,
Махал рукой, подпрыгивал,
Кричал...

(«Кому на Руси...»).

В «Псовой охоте» автор показывает, что «бранная потеха» помещиков дорого обходится их крестьянам. «Мыста тебя взбутетеним дубьём», — кричит помещику обогрелый пастух, видя растерзанного собаками барана.

В «Кому на Руси...» несколько иной приём. Картина псовой охоты служит, во-первых, средством индивидуализации (и одновременно типизации, ибо это «исконно-русская» помещицья забава) персонажа и средством комического снижения образа. В «Псовой охоте» помещик, охваченный охотничьим азартом, скачет по полям и лу-

гам, при виде затравленного зверя гикает, улюлюкает, и его состояние понятно читателям, не вызывает смеха. В «Кому на Руси...» картина полна комизма: перед семью зоркими наблюдателями, кругленький, румянёный Гаврила Афанасьевич, забыв про «рюмку хереса», «вскочив с ковра персидского», машет руками, подпрыгивает, кричит диким голосом: — Эй! — улю-лю! а-ту!..

Поведение помещика заставляет мужиков «посмеиваться в ус».

Оболт кичится своим неумением трудиться, своим незнанием деревенской жизни: ¹⁾.

Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповедь.
Я не крестьянин-лапотник —
Я божиею милостью
Российский дворянин!..
Сословья благородные
У нас труду не учатся.
У нас чиновник плохонький
И тот полов не выметет.
Не станет печь топить..
Скажу я вам, не хвастая,
Живу почти безвыездно
В деревне 40 лет,
А от ржаного колоса
Не отличу ячменного...

Эта полная оторванность от своего хозяйства заставляет нас вспомнить стихотворение 1853 года «Отрывки из путевых записок графа Гаранского», где также нарисован тип помещика, изучающего быт крестьян из окна своей кареты. Таким образом, глава об Оболте-Оболдуеве в «Кому на Руси...» является, в значительной мере, итогом многократных попыток Некрасова нарисовать образ помещика-крепостника.

«Кому на Руси жить хорошо» — произведение сложное, многопроблемное. В нем, кроме целого ряда социальных, ставится и морально-философский вопрос о понима-

¹⁾ Сравнить с признанием Обломова: «Да разве я мечусь, разве работаю?... Кажется подать, сделать — есть кому? Я ни разу не натянул себе чулки на ноги, как живу, слава богу?... Да, я бари и делать ничего не умею... Я не знаю... что значит четверть ржи или овса, что она стоит, в каком месяце, что сеют и жнут, как и когда продают...».

нии счастья человеческой личностью. На вопрос поэмы. кому на Руси жить хорошо? — Некрасов в главе «Пир на весь мир» дает ответ образом «народного заступника» Григория Добросклонова.

Литература критического реализма ценна не только пафосом отрицания, не только тем, что она выносила суровый приговор действительности. В лучших произведениях литературы прошлого нас привлекает и высота утверждаемых положительных идеалов. Проблема положительного героя является одной из центральных проблем литературы XIX века. При том, наиболее правильно поставить и решить эту проблему смогла лишь революционно-демократическая литература. Образ Григория Добросклонова — одна из наиболее удачных попыток создать образ положительного героя той эпохи, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное целое.

При изучении поэмы «Кому на Руси...» образ Григория и проповедь Некрасовым новой революционной морали подчинения личного общественному обычно связывается с обстановкой второго демократического подъема начала 70-х годов и практикой революционного народничества и совершенно недостаточно связывается с этической теорией Чернышевского ¹⁾ и творчеством Некрасова в 50—60 годы. Поэтому появление Гриши в финале поэмы представляется чем-то неожиданным, глава «Пир»... не звучит как итог многолетних социально-философских и творческих исканий поэта. А это именно так.

Мировоззрение Некрасова сложилось под непосредственным влиянием идей Белинского. Моральный авторитет последнего остался навсегда для Некрасова непререкаемым:

Учитель, перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени...

Не могли не быть усвоены Некрасовым и основы гуманистической этики Белинского. Еще в «Литературных мечтаниях» великий гуманист и демократ писал о двух возможных жизненных путях и моральных нормах поведения человека: «Не забывай, что твоё бесконечное, высочайшее блаженство состоит в уничтожении твоего Я, в чувстве любви. Итак, вот тебе две дороги, два неизбеж-

¹⁾ Это лишь отчасти сделано в книге А. А. Озеровой «Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

ные пути: отрекись от себя, подави свой эгоизм, попри ногами твоё своекорыстное Я, дыши для счастья других, жертвуй всем для блага ближнего, родины, для пользы человечества... Ты не решаешься?.. Так вот тебе другой путь, он шире, спокойнее, легче: люби самого себя больше всего на свете... не бойся зла, когда оно приносит тебе пользу...»¹⁾). Не подобные ли высказывания имел Некрасов в виду, когда посвятил Белинскому строки:

Ты нас гуманно мыслить научил...

Особенно глубоко вопросы морали волновали Некрасова в середине пятидесятых годов. Это нашло отражение и в его письмах к близким друзьям тех лет — И. С. Тургеневу и Л. Н. Толстому, и в его поэзии.

Очень больной, ожидающий смерти, Некрасов с особой настойчивостью задает себе вопрос о смысле человеческой жизни. «Жить для себя, — пишет он Тургеневу 29 октября 1856 года, — не всякий день хочется и стоит... и тогда приходит вопрос: зачем же жить? Поживем для того, чтобы хоть когда-нибудь кому-нибудь было полегче жить... Ах, милый мой Тургенев, как мне понравились твои слова... за готовность жить для других. С этой готовностью, конечно, сделаешь что-нибудь»²⁾). Некрасов приходит к выводу, что, только руководствуясь подобной моралью, человек может испытывать истинное наслаждение. В письме к Л. Н. Толстому от 12 апреля 1857 года Некрасов говорит, что для блага человека, который его любит (в широком смысле), он не пожалеет своей души, он готов на любой подвиг и, продолжает поэт, «одна мысль о возможности этого подвига наполняет меня таким наслаждением, какого ничто в жизни уже мне не может дать»³⁾). В письме к Толстому от 17 мая 1857 года эти мысли, более полугода не оставляющие Некрасова, формулируются еще более четко. Он утверждает, что любовь, понимаемая как отречение от своекорыстного «Я», является ключом к разгадке тайны человеческой жизни. «По мере того, как живешь... мысль о бесцельности жизни начинает томить, тут делаешь посылку к другим — и они, вероятно (т. е. люди в настоящем смысле), чувствуют то

¹⁾ В. Г. Белинский. Собр. соч. в трех томах, т. I, М., 1948, стр. 17—18.

²⁾ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. X, М., 1952, стр. 299—300.

³⁾ Там же, стр. 330.

же — жаль становится их — и вот является любовь. Человек брошен в жизнь загадкой для самого себя, каждый день его приближает к уничтожению — страшного и обидного в этом много! На одном этом можно с ума сойти. Но вот вы замечаете, что другому (или другим) нужны Вы — и жизнь вдруг получает смысл, и человек уже не чувствует той сиротливости, обидной своей ненужности, и так круговая порука... Человек создан быть опорой другому, потому что ему самому нужна опора. Рассмотрите себя как единицу — и Вы придете в отчаяние... Думайте, что и с другими происходит то же самое, и спешите им на помощь»¹⁾).

Нетрудно заметить большое внутреннее сходство между мыслями, выраженными Некрасовым, и вышеприведенным высказыванием Белинского. В письмах Некрасова слышится безусловное осуждение эгоистического индивидуализма. Высшим типом человека («люди в настоящем смысле») признается тот, кто с готовностью «спешит на помощь» другим. Пусть. «будучи лично слабым» Некрасов не всегда ощущал себя способным на абсолютное отречение от старых моральных норм. Так, например, он с горечью пишет Л. Н. Толстому: «Попеременно чувствую себя то хорошим человеком, то очень дрянным...»²⁾. Но, преодолевая роковое влияние «привычки и среды», Некрасов страстно стремился уйти «в стан погибающих за великое дело любви».

Еще несколько абстрактная в письмах к Тургеневу и Толстому формула «любовь к другому» и противопоставление старых и новых моральных норм получает в творчестве Некрасова конкретизацию, наполняется революционным смыслом.

Уже в поэме 1856 года «Несчастные» Некрасов ставит вопрос: во имя чего должен жить человек? Каков должен быть нравственный облик истинного человека?

Два героя поэмы — рассказчик и Крот — предстают как носители двух противоположных моральных концепций. Первый, неся на себе клеймо человеконенавистнического строя, руководствуется в жизни стремлением к утолению своих страстей, эгоистически понимаемому личному счастью. Желание овладеть им — толкает на престу-

¹⁾ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. X, 1952, М., стр. 335.

²⁾ Там же.

пление, опустошает и ожесточает человека. Другая моральная концепция — понимание личного счастья как служения людям, добру, родине. Это желание жить во имя любви к людям, к народу — является источником великой внутренней силы. Крот, воплощающий идею самоотверженного служения родине, окружен ореолом истинного величия:

И мертвый сходен он лицом
С убитым молнией орлом!

Еще более отчетливое противопоставление двух жизненных идеалов мы находим в стихотворении 1858 года «Песня Ерёмушке». В песне няни звучит слагавшаяся веками мораль «холопского терпения» и покорности богатым, эгоистического стремления к «привольной и праздной» жизни. Эту мораль «пошлой жизни мудрецов» проклинает Некрасов и противопоставляет ей другую, единственно совместимую с «человеческими стремлениями». В копии стихотворения, принадлежавшей Добролюбову¹⁾, презрение поэта-революционера Некрасова к паразитическому существованию выражено еще прямее. Поэт говорит:

Жить — не значить пить и есть.
В мире лучше есть стремления,
Благородней блага есть.

Таким лучшим стремлением, благородным назначением человека является борьба за освобождение народа, за Братство, Равенство, Свободу.

Эта светлая любовь к «бескорыстному труду» и людям труда неразрывно сплетается с ненавистью, «необузданной, дикой, к угнетателям враждой». Абстрактная формула «любви к другому» дифференцировалась: любовь к народу и ненависть к его угнетателям.

Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца,

чем эта борьба за «долю народа, счастье его». Только для натур, видящих счастье жизни в том, чтобы «пить и есть», путь этот представляется скудным личными ра-

¹⁾ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем. т. 2, М., 1948, стр. 549.

достями. «Нет, не скуден, очень богат, а хоть бы и был скуден в ином месте», то ведь он помогает «выйти на богатые радостью, бесконечные места»¹⁾. Мы привели эту цитату из романа Чернышевского «Что делать?», чтобы нагляднее показать, что в конце пятидесятых годов Некрасов самостоятельно приближается к формулировке той революционной морали, которая под названием «теории разумного эгоизма» была изложена Чернышевским в его романе «Что делать?».

Н. Г. Чернышевский в литературе видел «учебник жизни». Своей книгой «Что делать?» он учил современную ему демократическую молодежь науке борьбы за светлое коммунистическое будущее. Эгоистической морали буржуазного общества Чернышевский противопоставляет мораль революционного альтруизма. Он учил видеть высочайшее счастье в борьбе за права угнетенного человечества.

Отвечая на клевету, которой подвергались в 60-е годы «нигилисты», «материалисты», т. е. революционеры-демократы, Чернышевский нарисовал «новых людей» как натуры исключительной нравственной чистоты и цельности, способные на подвиг и готовые к нему.

В течение нескольких десятилетий книга Чернышевского оказывала могучее воздействие на формирование взглядов, понятий, идеалов передовой русской молодежи. «Молодые люди толпою пошли за Лопуховым и Кирсановым... Более восторженное меньшинство... нашло себе идеал в ... Рахметовс... И мало-помалу... Рахметов стал находить себе всё большее число подражателей»²⁾.

В 70-е годы, в период «второго демократического подъема», на арену революционной деятельности выходит новое поколение. При всех расхождениях с шестидесятниками в области теории и тактики лучшая часть народнической молодежи 70-х годов, несомненно, полностью восприняла этическую теорию Чернышевского.

Наблюдая героическую борьбу народнической интеллигенции, Некрасов видел у молодежи 70-х годов ту же способность жертвовать собой во имя освобождения народа, которую считал отличительной чертой своих великих друзей — Чернышевского:

¹⁾ Н. Г. Чернышевский. «Что делать?», М., 1947, стр. 278.

²⁾ К. Головин-Орловский. Русский роман и русское общество, СПб, 1897, стр. 202.

Не хуже нас он видит невозможность
Служит добру, не жертвуя собой.
(«Пророк», 1874).

и Добролюбова:

Сознательно мирские наслаждения
Ты отвергал...
... Но более учил ты умирать...
(«Памяти Добролюбова», 1864).

Своей жизнью, делами доказывала молодежь 70-х годов жизненность морали революционного подвига, проповедуемой Чернышевским. И вот в последней главе поэмы «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов — соратник и ученик Чернышевского — паразитическим идеалам счастья господствующих классов противопоставляет более высокое понимание счастья жизни революционерами.

В песне о двух путях:

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути...

поэт не только противопоставляет два противоположных жизненных пути — путь стяжания материальных благ, удовлетворения эгоистических страстей («дорога торная страстей раба») и тернистый путь борьбы «за обойденного, за угнетенного», но и со всей страстью призывает молодежь идти «на бой, на труд» за «долю народа, счастье его».

Таким образом, песня о двух путях представляет собой идейно-художественный итог многолетних размышлений и исканий Некрасова по вопросу о смысле человеческой жизни, о назначении человека, о понимании счастья человеческой личностью.

★ ★ ★

Ещё Гоголь, поставив в поэме «Мертвые души» вопрос о судьбах родины, восклицал: «Где же тот, кто бы на родном языке русской души нашей умел бы нам сказать это всемогущее слово: вперед!»¹⁾

В период общественного подъема 50-х—60-х годов

¹⁾ Н. В. Гоголь. Собр. соч. в 6-ти томах, т. V, М, 1953, стр. 280.

вопрос о положительном герое, о типе общественного деятеля новой эпохи с особенной резкостью встал в литературе. Время, когда «и слово было делом», кончилось. Передовая литература 50-х годов с большей или меньшей степенью резкости вынесла приговор «лишнему человеку» рудинско-агаринского типа, «либералу-идеалисту», единственный подвиг которого в новую эпоху состоял в том, что он ... хотя «не спасал ... утопающих, но и в воду не толкал» («Медвежья охота»).

Положительным героем эпохи, а следовательно, и литературы, мог быть только деятель, связавший себя с освободительной борьбой народа. Жизнь еще только создавала кадры руководителей второго, демократического периода русского революционного движения, но тип такого деятеля наметился еще в сороковые годы в личности Белинского. Чутко откликаясь на запросы времени, Некрасов стремится воскресить в памяти «сдержанного племени» облик своего «учителя». В стихотворении «Памяти приятеля» (1853) и в поэме «Белинский» (1855) он воссоздает образ Белинского как человека и борца. Поступаясь иногда точностью деталей, Некрасов стремится в облике Белинского оттенить те черты, которые свойственны ему как революционеру-демократу: «страстность души», «кипение высоких помыслов», действенность, энергию, непримиримость к врагам, способность открыто «злой клеймить» «могучим словом правды честной», гуманизм. Белинского поэт называет «честным сеятелем добра»¹⁾.

Итак, мы видим, что образ положительного героя формируется в поэзии Некрасова как образ борца и заступника народного.

Идя от конкретных фактов к широкому художественному обобщению, Некрасов центральным героем поэмы «Несчастные» делает политического ссыльного, революционера Крота. Работая над образом Крота, Некрасов творчески соединил в нем отдельные черты идейно-психологического облика Белинского с трагической судьбой многих русских революционеров. Этот творческий прием способствовал усилению типичности фигуры героя. Для истинного революционера «судьба», т. е. условия общественной борьбы, готовила два пути: преждевременную

¹⁾ Сравнить со стихотворением «Сеятелю» цикла «Последние песни» и лирическим обращением в поэме «Кому на Руси...»: О, сеятель! Приди...

смерть от чахотки (поэма «Белинский») или репрессии со стороны правительства:

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И «Пошел!» — привстав с нагайкой,
Ямщику жандарм кричит...
(«Перед дождём», 1846).

Некрасов в сюжете поэмы «Несчастные» соединяет два возможных трагических исхода деятельности революционера: «народный заступник» Крот умирает на каторге от чахотки. Некрасов прекрасно отдает себе отчет в неизбежности революционных жертв и воспекает величие этого подвига:

Иди и гigni безупречно,
Умрешь недаром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...
Хоть мало,
И среди нас судьба являла
Достойных граждан... Знаешь ты
Их участь?.. Преклони колени!..
(«Поэт и гражданин», 1856).

Двадцать лет спустя этот взгляд на величие революционного подвига, укрепленный целым рядом таких трагических фактов, как смерть Добролюбова от чахотки, ссылка Чернышевского, Михайлова и др., Некрасов сформулировал и в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

В середине 60-х годов Некрасов делает еще одну попытку нарисовать образ положительного героя-революционера. Это стихотворение «Памяти Добролюбова» (1864). Опять-таки автор стремится не к портретной точности, а к художественному воспроизведению типических черт «новых людей», революционеров-демократов: «суров ты был», «умел рассудку страсти подчинять», «как женщину ты родину любил». К стихотворению Некрасов сделал примечание: «Надо заметить, что я хлопотал не о верности факта, а старался выразить тот идеал обще-

ственного деятеля, который одно время лелеял Добролюбов»¹⁾.

Образ Добролюбова в стихотворении раскрыт как образ «особенного человека». Об «особенных людях», о Рахметовых, Чернышевский писал, что они в жизни — «теин чаю, букет в благородном вине, от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли»²⁾). Через год Некрасов, повторяя мысль Чернышевского, скажет:

Природа-мать! Когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

Весьма существенно, что проблема революционного деятеля решается Некрасовым в полном соответствии с установками Чернышевского и Добролюбова: сама народная среда должна выдвинуть вождей, революционеров, которые возглавят движение масс. Так, в «Песне Ерёмушке» (1858) «проезжий» к крестьянскому ребенку обращается со словами революционного пророчества:

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей...
Над неправдою лукавою
Грянешь божьею грозой...

Многokrатно привлекавшая внимание Некрасова проблема положительного героя находит свое завершение в финальной главе поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — в образе революционера из народа, «особенного» человека, юноши, «отмеченного печатью дара божьего», Григория Добросклонова, который в свои 15 лет уже твердо знает, «что будет жить для счастья убогого и темного родного уголка». Свое личное счастье Гриша видит в борьбе за «долю народа».

Правда, первоначальным замыслом поэмы не предусмотрено появление счастливца Гриши. Некрасов начал работу над поэмой после ликвидации революционной ситуации в стране, когда «волна революционного прибоя бы-

¹⁾ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. II, М., 1948, стр. 679.

²⁾ Н. Г. Чернышевский. «Что делать?», М., 1947, стр. 278.

ла отбита»¹⁾), а следовательно, вопрос о революционном руководстве крестьянским стихийным движением потерял непосредственную актуальность. Поэтому все внимание автора поэмы было направлено на то, чтобы готовить массы к будущей революционной борьбе, раскрывая крестьянству глаза на виновников его бедствий, прививая ненависть к эксплуататорам. Когда же, в середине семидесятых годов, Россия опять оказалась на пороге революции и жизнь вновь поставила вопрос о типе руководителей, способных направить стихийное революционное движение на верный путь, Некрасов ввел в свою поэму образ положительного героя, юноши добролюбовского склада, «народного заступника» Григория Добросклонова.

Полное основание имеем мы говорить и о том, что отдельные сюжетные ситуации поэмы «Кому на Руси жить хорошо» повторяют сходные сюжетные ситуации, наметившиеся в других произведениях Некрасова, предшествующих по времени созданию «Кому на Руси...».

Выше уже указывалось на сюжетную близость эпизода с Ермилом Гириным одной из глав повести «Тонкий человек». Вот еще несколько примеров сюжетного сходства.

В основу сказа «Про холопа примерного Якова Верного» лег действительный факт, рассказанный Некрасову академиком А. Ф. Кони. Но любопытно, что образ крепостного, «самоубийством мстящего злодею своему», встречается еще в стихотворении Некрасова «Нравственный человек» (1847). В третьей строфе этого стихотворения рассказывается о том, как крепостного крестьянина, получившего «званию неприличное пристрастье» «читать и рассуждать», помещик высек. Крестьянин утопился. Самоубийство героя является своеобразной формой протеста, средством защиты своего поруганного человеческого достоинства. Но самоубийство — рабий способ мести. В стихах 40-х годов Некрасов говорит и о иных формах народного гнева и протеста. Так, в стихотворении «Псовая охота» нарисована картина столкновения крестьян с помещиком. «Бойкий детина» выражает свое отношение к барину бранью:

¹⁾ В. И. Ленин. Соч., т. V, стр. 41.

Мы — ста тебя взбутетеним дубьем...

В стихотворении 1848 г. «Вино» уже прямо указывается на нож и топор, как средства борьбы с угнетателями. Здесь, в отличие от героя стихотворения «Нравственный человек», впервые в жизни, при том без вины, высеченный крестьянин, будучи оскорблен как человек, решается расправиться с *барином*. Он точит нож и на другого своего врага — лукавого старосту, он, рискуя жизнью,

(Наточивши широкий топор
«Пропадай!» — сам себе я сказал...),

готов расправиться с обманщиком купцом. Правда, планы мести остаются неосуществленными: в минуту гнева герой, для храбрости, выпивает чарку вина, и вино, дав минутное забвение, рассеивает гнев:

Не водись-ка на свете вина
Тошен был бы мне свет,
И пожалуй, — силен сатана,
Натворил бы я бед...

Мысль о том, что вино умиряет, рассеивает гневные, бунтарские настроения народа, высказанная Некрасовым в 1848 году, будет повторена им через 15 лет в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

У каждого крестьянина
Душа, что туча черная —
Гневна, грозна, — и надо бы
Громам греметь отудова,
Кровавым лить дождям,
А все вином кончается.
Прошла по жилам чарочка,
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!

Но порой дело кончается не вином, а расправой с угнетателями. В поэме «Кому на Руси...» с сочувствием рассказано о том, как Савелий с товарищами

... в землю немца Фогеля
Христьяна Христианыча
Живого закопал...

Подобную же картину расправы крестьян со своим порабителем-помещиком Некрасов нарисовал еще в «Отрывках из путевых записок графа Гаранского». В стихотворении говорится о том, как, не выдержав притеснения своего «помещика-лиходея»,

...славно мужички расправились с одним...
А что? — Да сделали из барина-то тесто...

Подобные проявления народного гнева Некрасов считает «естественной реакцией на акты насилия и угнетения»¹⁾. Знаменательно, что стихотворение написано в 1853 году, в год приезда Чернышевского в Петербург. Оно говорит о зрелости революционно-демократических убеждений Некрасова, сложившихся уже в период сотрудничества с Белинским и близости к нему.

В книге «Некрасов и театр»²⁾ В. Е. Евгеньев-Максимов, анализируя водевиль Некрасова «Похождения Петра Степанова, сына Столбикова» (1842) в известной мере соотносит картину наезда судебных чиновников, их наглого хозяйничанья в имении малолетнего Столбикова с картиной нашествия чиновников на крестьянскую деревушку в поэме «Кому на Руси...». В водевиле мы читаем: «Помнишь ли, как они налетели сюда после смерти барыни... и точно, такое тогда пошло бражничанье, что и конца не было! Пили, ели, пошли гурьбой в кладовые, погреб, конюшню... И господи! страшно вспомнить, чего тогда не было»³⁾. В поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Беда! Господь прогневался,
Наслал гостей непрощенных
Неправедных судей!
Знать, деньги издержались,
Сапожки притоптались,
Знать, голод разобрал...

Действительно, известная общность темы (показ хищничества чиновников) здесь налицо. Однако вряд ли можно говорить о непосредственном использовании Некрасовым

¹⁾ В. Е. Евгеньев-Максимов. Некрасов, жизнь и деятельность, т. II, М.-Л., 1950, стр. 238.

²⁾ В. Е. Евгеньев-Максимов. Некрасов и театр, М.-Л., 1948, стр. 127.
1950, стр. 325—326.

³⁾ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 4, М.

какого-то мотива своего раннего водевиля. Известно, что картина наезда «неправедный судей» была подсказана Некрасову «Плачем о старосте» Ирины Федосовой.

А вот связь «Кому на Руси...» со стихотворением 1860 года «Деревенские новости» представляется несомненной. Строки стихотворения «Деревенские новости»

В Ботове валится скот,
А у солдатки Аксиньи
Девочку — было ей год
Съели проклятые свиньи.

частично предвосхищают сюжетную ситуацию главы «Дёмушка» из поэмы «Кому на Руси...»:

Заснул старик на солнышке,
Скормил свиньям Демидушку...

а строки о пастушке-мальчугане:

Этакий клоп, а отбил
Этто у волка барана! —

являются зерном сюжетной ситуации главы «Волчица». Кроме того, эпизод с Федотом мог вырасти и из первой строфы 24-й главы II части поэмы «Мороз, Красный нос»:

Стадо у лесу у темного бродит,
Лыки в лесу пастушонко дерет,
Из лесу серый волчище выходит.
Чью он овцу унесет?

Судьбу сирот, собирающих милостыню (глава «Трудный год» поэмы «Кому на Руси...»):

А дети в слезы: «Холодно!
На нас одежда рваная,
С крылечка на крылечко-то
Устанем мы ступать,
Под окнами натопчемся,
Изябнем... У богатого
Нам боязно просить...»

впервые Некрасов изобразил в одной из глав романа «Три страны света» (1849). Став свидетелем трагической гибели женщины, герой романа Каютин задумывается над

судьбой ее семьи. Он вспомнил раздавленную его баркой женщину. «Может быть, — думал он, — теперь, в эту самую минуту, в темной и дымной избе несколько бедных ребятишек напрасно ждут своей матери, и некому ни накормить, ни уложить их. Может быть, отец их беспокоится теперь, ожидая возвращения жены... А может быть и то, что у бедных ребятишек никого не было, кроме матери, и станут они бегать теперь, беспомощные сироты, из деревни в деревню, от дома к дому, в ветер, в дождь, в стужу и будут переминать окоченевшими ногами в грязи и в снегу, выпрашивая кусок хлеба»¹⁾.

Не стремясь доказать (хотя текстуральная близость налицо), что именно этот отрывок нашел какое-то преломление, отражение в поэме, учитывая, что судьба сирот в главе «Волчица» написана в значительной мере по материалам причитаний И. Федосовой, все же отметим, что именно органический интерес Некрасова к подобной тематике предопределил то богатое использование им народных причитаний, собранных Барсовым, которое мы находим в поэме.

Одна из глав поэмы «Кому на Руси...» называется «Сельская ярмонка». Любопытно, что мысль нарисовать картину сельской ярмарки у Некрасова возникла еще в 1853 году, при работе над повестью «Тонкий человек». «Говорят, в селе Холуе, верст сорок за Вязниками, ярмонка; не поехать ли нам туда? — говорит один из героев повести, Грачев. — Я никогда еще не видел сельской ярманки, да и ты тоже, я думаю»²⁾. Повесть «Тонкий человек» не окончена, и главы с описанием сельской ярмарки в ней нет. Но свое намерение Некрасов мастерски осуществил в поэме «Кому на Руси»...».

В той же повести «Тонкий человек» Некрасов с любовью рисует картины народного труда, и, восхищаясь трудолюбием крестьянина, в лирическом обращении пишет: «Трудись, мужичок, — бог любит труды; трудись и не верь твоему земляку, который, побывав в столицах и набравшись скептического духу, изобрел другую пословицу: с работы не будешь богат, а будешь разве горбат»³⁾.

¹⁾ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. VII, М., 1948, стр. 375.

²⁾ Там же, т. VI, М., 1950, стр. 431.

³⁾ Там же, стр. 436.

образ такого крестьянина, побывавшего в столицах, набравшегося скептического духа, пришедшего к выводу о бесплодности добросовестного труда при существующих общественных порядках, появился в главе «Последыш» поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Приведенное выше авторское отступление повести «Тонкий человек» в значительной мере текстуально совпадает со строками поэмы, содержащими характеристику Клим Лавина:

Что ни на есть отчаянный
Был Клим мужик: и пьяница
И на руку нечист.
Работать не работает,
С цыганами возжаётся,
Бродяга, коновал!
Смеется над трудящимся:
С работы, как ни мучайся,
Не будешь ты богат,
А будешь ты горбат!
А впрочем, парень грамотный,
Бывал в Москве и Питере...

★ ★ ★

В поэме «Кому на Руси...» нашли свое завершение и отдельные мотивы, вопросы, мысли, занимавшие значительное место в предшествующем творчестве Некрасова.

Еще А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» писал: «Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее». Вслед за Радищевым, мысль об унылости народных песен как выражении убогости народной жизни высказывалась не раз передовой литературой XIX века. В поэзии Некрасова — певца горя народного — этот мотив звучит особенно ясно. Песня для Некрасова — одно из лучших свидетельств о жизни, думах и чувствах народа. Поэт вполне разделял взгляд Белинского, что лирическая песня, будучи «простодушным излиянием горя или радости сердца... лучше самой истории свидетельствует о внутреннем быте народа»... является «зеркалом его духа»¹⁾. Чувство любви к народной песне у Некрасова всегда окрашено горечью, т. к. в их напеве, по мнению поэта, наиболее ясно отразился основной тонус народной жизни.

¹⁾ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI, Спб, 1903, стр. 358.

В программном стихотворении «Муза» (1851), изобразив свою музу как «печальную спутницу печальных бедняков», Некрасов писал:

В убогой хижине, пред дымною лучиной,
Согбенная трудом, убитая кручиной
Она певала мне — и полон был тоской
И вечной жалобой напев её простой.

Об этом «полном тоски» простом напеве заговорил Некрасов уже в романе «Три страны света» (1848). Там есть характерная зарисовка. Каютин, проезжая, видит бредущего за бороной мужика. «Мужик вдруг, — читаем мы, — затягивал унылую песню; босой мальчик лет шести, которого ветер сбивал с ног, шел к нему с обедом». Мужик «ел хлеб с луком, пил квас... потом снова шел за своей бороной и затягивал свою песню. Каютину становилось тяжело, вероятно, от песни: наши народные песни так унылы»¹⁾. В стихотворении «Несжатая полоса» (1854) Некрасов упоминает о «заунывной песне», которую певал пахарь во время своего труда, а через два года в поэме «Саша» мы снова читаем:

Пахарь ли песню вдали запоет —
Долга песня за сердце берет...

Наибольшее развитие эта тема находит в «Размышлениях у парадного подъезда» (1858):

Вьдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевой!
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля —
Где народ, там и стон...

Об этом же стане, несущемся над широкими просторами «реки рабства и тоски» — Волги, вновь говорит поэт в стихотворении 1860 года «На Волге»:

Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда

¹⁾ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. VII, М. 1948, стр. 196.

С песчаных этих берегов.
И не ушел бы никуда —
Когда б, о Волга! Над тобой
Не раздавался этот вой!

Вряд ли есть в русской поэзии произведение более полное безнадежной тоски и уныния, чем «Песня убогого странника» в поэме «Коробейники» (1861). Холодно, голодно — вот понятия, отражающие сущность положения русского крестьянства и находящие проявление в напеве народных песен.

И песню я услышал в отдаленье.
Знакомая, она была горька,
Звучало в ней бессильное томленье.
Бессильная и вялая тоска... —

читаем мы в стихотворении 1864 года «Возвращение». В 1874 году, задумываясь над положением пореформенного крестьянства, Некрасов опять-таки в песне видит отражение народных дум и страданий:

... в последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долгому пришедшая на смену
Свобода, наконец, внесла ли перемену
В народные судьбы? В напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?

На поставленный вопрос дает ответ стихотворение 1876 года «Как празднуют трусу», где утверждается, что «новое время — свободы, движения, земства, железных путей» не внесло обновления в жизнь крестьянства.

В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедность, невежество, мрак,

а потому в народе звучат всё

Те же напевы, тоску наводящие,
С детства знакомые нам.....

Мысль об унылости народных песен как выражении унылости и скудости крестьянской жизни, пройдя красной нитью через всё творчество Некрасова, нашла свое завершение в «Кому на Руси...»: и в главе «Крестьянка».

куда Некрасов ввел ряд «унылых» драматических песен, и, особенно, в лирических отступлениях и даже композиционном построении главы «Пир на весь мир» (1876). Композиция главы подчинена формуле:

Горькое время — горькие песни.
Доброе время — добрые песни.

«Горькое время — горькие песни». В конце села Вахлачина идет «пир». Желая показать всю убогость этого крестьянского торжества, призрачность радости вахлаков, Некрасов подчеркивает противоречие между заголовком главы «Пир» и характером исполняемых на нем песен. Даже в момент радости поются «унылые, протяжные песни» («иных покуда нет»), а раз унылы песни — значит безрадостна и тягостна жизнь. Автор восклицает:

Не диво ли? широкая
Сторонка Русь крещеная,
Народу в ней тьма тём,
А ни в одной-то душеньке
Спокон веков до нашего
Не загорелась песенка
Веселая и ясная,
Как ведряной денек.
Не дивно ли? не страшно ли?

Поэт-революционер мечтает о том счастливом добром времени, когда действительно «освобожденный от оков, народ неутомимый», славя красоту свободного труда, сложит веселые, бодрые песни:

О время, время новое!
Ты тоже в песне скажешься,
Но как? Душа народная!
Воссмейся ж, наконец!

~ * ~

Хрестоматийно известно знаменитое лирическое отступление Некрасова в главе «Сельская ярмонка» поэмы «Кому на Руси...»

Эх! Эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретикв,
Что книга книге розь?

Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретники
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать....

Широко известен и другой вариант этого лирического отступления:

Крестьянин купит Пушкина,
Белинского и Гоголя...
На кровный купит грош?
То люди именитые,
Заступники народные,
Друзья твои, мужик!

Но не всегда эти стихи воспринимаются как итог многолетней борьбы Некрасова за истинную народность в литературе, борьбы за классическое литературное наследие.

Одной из самых заветных дум поэта была мечта о просвещении народа, о том «желанном» «новом времени», когда русское многострадальное крестьянство приобщится ко всем духовным сокровищам великой русской национальной культуры.

Еще в 40-е годы в качестве представителя передовой литературной критики Некрасов начал борьбу с проявлениями псевдонародности в современной литературе. Процесс демократизации передовой литературы в 40-е годы выдвигал перед ее лучшими деятелями огромной важности задачу: создание литературы для народа, такой литературы, которая бы способствовала пробуждению народного самосознания. «При настоящей бедности у нас в книгах для народного чтения, писать такие книги — дело очень похвальное¹⁾».

Но если хорошая книга способствует просвещению народа, то плохая — может принести ему немало вреда. Когда в 1844 году реакционный журналист Бурнашев начал издавать псевдонародные «Воскресные посиделки», книжку для «добротного народа русского», книжку,

¹⁾ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, М., 1950, стр. 128.

отравленную ядом реакционной пошлости, Некрасов заклеил резкой рецензией позорную попытку дать народу в качестве чтения низкопробную макулатуру. Любопытно, что в этой же рецензии на «Воскресные посиделки» Бурнашева в числе книжной макулатуры, ходящей в народе, упоминается «Английский милорд Георг («Повесть о приключениях английского милорда Георга», лубочный роман Матвея Комарова, впервые напечатанный в 1792 году), книга, о которой говорится в «Кому на Руси...»:

Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет...

И в 40-е годы (рецензии на стихотворения Николая Молчанова, на «Очерки русских нравов» Булгарина и др.) и в 50-е (цикл «Заметки о журналах») Некрасов упорно и систематически ведет борьбу с проявлениями пошлости, псевдонародности и псевдопатриотизма в литературе. В «Заметках о журналах», дав уничтожающую характеристику стихотворению Бенедиктова «Отечеству и врагам его», и назвав патриотизм Бенедиктова квасным, Некрасов протестует против манеры «выражать свою любовь к отчизне любовью к трепаку». — «Любовь к отечеству, — говорит поэт, — заключается прежде всего в глубоком, страстном и бесплодном желании ему добра и просвещения... в благородном негодовании против того, что замедляет путь к совершенствованию»¹⁾.

За это благородное негодование против того, что препятствует прогрессивному развитию страны, за страстное обличение «толпы, ее страстей и заблуждений» преклонялся Некрасов перед гением Гоголя²⁾.

Некрасов испытал на себе благотворное влияние реалистического метода Гоголя. Верный ученик и страстный поклонник гоголевского таланта, Некрасов уже в 40-е годы вместе с Белинским выступил как неутомимый пропагандист творчества Гоголя. Он был организатором сил гоголевской, так называемой «натуральной» школы. По-

¹⁾ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, М, 1950, стр. 312.

²⁾ Наиболее полно вопрос об отношении Некрасова к наследию Пушкина и Гоголя исследован в книге К. И. Чуковского «Мастерство Некрасова».

после смерти Белинского Некрасов продолжал вести борьбу по гоголевское направление в искусстве. В Гоголе поэт видел тип писателя-обличителя, тип особенно необходимый, нужный России. Противопоставляя Гоголя «незловивым поэтам» эстетского направления, Некрасов с воодушевлением говорит о Гоголе:

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающей лирой,

Со всех сторон его клянут
И, только труп его увидя,
Как много сделал он поймут
И как любил он ненавдя!

«Стихотворением «Блажен незловивый поэт» Некрасов воскрешает заветы Белинского и зовет писателей учиться у Гоголя»¹⁾.

Особенно ценит Некрасов в Гоголе его лиризм. Именно в лиризме видел поэт-революционер «настоящую, великую силу Гоголя». «Все неотразимое влияние его творений, — говорил Некрасов о Гоголе, — заключается в лиризме... что без этого были бы его книги! Они были бы только книгами»²⁾. Это высказывание не случайно. Ведь именно в лирических отступлениях высказал Гоголь свою любовь к родине и русскому народу, веру в его богатырские силы, боль за его рабское положение. Именно в лирических страницах своих произведений Гоголь проявляет себя в качестве заступника народного, «враждебным словом отрицанья» борющегося за народное благо.

Другим великим «заступником народным» в сознании Некрасова был Белинский. «Гоголь и Белинский, при всем внешнем несхождении их идейных позиций, были в глазах Некрасова родственно близки друг к другу своим заступничеством за угнетенный народ»³⁾.

В поэме «Кому на Руси...» Некрасов поставил имена Белинского и Гоголя рядом и выразил свою заветную мечту о грядущем культурном расцвете страны, о мужике,

¹⁾ К. И. Чуковский. Мастерство Некрасова, М., 1955, стр. 118.

²⁾ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, М., 1950, стр. 341—342.

³⁾ К. И. Чуковский. Мастерство Некрасова, М., 1955, стр. 157.

несущем с базара Белинского и Гоголя. В наборной рукописи поэмы у Некрасова рядом с именами Белинского и Гоголя стояло и имя Пушкина. Мы не знаем мотивов, по которым Некрасов отбросил этот вариант. Канонический текст закономернее в том смысле, что имена Гоголя и Белинского в сознании Некрасова объединяет критический пафос их деятельности, дух отрицания самодержавно-крепостнической действительности. Мы знаем, что Некрасов не располагал, теперь известными каждому советскому читателю, материалами, которые давали бы ему возможность понять неразрывную связь Пушкина с революционным движением в стране. И Некрасов вычеркнул имя Пушкина. Но вариант наборной рукописи более точно выражает отношение Некрасова к классическому литературному наследию. В годы ожесточенной борьбы пушкинского и гоголевского направлений только он, Некрасов, единственный из убежденных сторонников гоголевского направления, не грешил недооценкой Пушкина, не противопоставлял гоголевского направления пушкинскому. Пропагандируя творчество Гоголя («Надо желать, чтоб по стопам его шли молодые писатели в России»¹⁾), Некрасов одновременно пропагандировал и творчество Пушкина: «Читайте сочинения Пушкина... поучайтесь... примером великого поэта любить искусство, правду и родину... идите по следам Пушкина»²⁾).

Некрасова пленял не только поэтический гений Пушкина, но и черты личности поэта, Пушкин как человек и гражданин, его «мужественный, честный, добрый и ясный характер». Некрасов называет Пушкина гением, сравнивает его с солнцем:

Так я по твоему великий
Повыше Пушкина поэт?..
Нет, ты не гений, но покуда
Не видно солнца ниоткуда....

(«Поэт и гражданин», 1855).

Мало того, в цикле «О погоде» (1859) Некрасов воссоздает образ Пушкина как мятежного поэта, теснимого реакционной цензурой, как своего предшественника по журнальной борьбе. В поэме же «Княгиня Волконская» (1871)

¹⁾ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. X, М., 1952, стр. 233.

²⁾ Там же, т. IX, стр. 364

Пушкин «с тоской бесконечной, с участием брата» ободряет, утешает и напутствует жену декабриста «на подвиг любви бескорыстной».

При таком понимании и восприятии творчества Пушкина Некрасовым вполне понятно намерение последнего поставить имя Пушкина рядом с именами других «народных заступников» — Белинского и Гоголя.

Не рассматривая очень сложных вопросов жанра и композиции поэмы «Кому на Руси...» в целом, ограничимся несколькими наблюдениями, говорящими о том, что и в области жанрово-композиционных особенностей, и в области стиха, «Кому на Руси...» — произведение итоговое.

Созданию реалистических поэм из народной жизни в творчестве Некрасова предшествует большой опыт в области изображения жизни и судеб русского крестьянства. Поэзия Некрасова жанрово очень разнообразна. Изображая жизнь крестьянства, Некрасов создает целый ряд стихотворных психологических новелл («Огородник», «Похороны», «В деревне», «Влас», «Орина-мать солдатская»), где раскрывает драматизм судеб людей из народа, а также ряд произведений в жанре стихотворного очерка («Деревенские новости», «Забытая деревня», «Крестьянские дети»), где подобная же задача решается иными композиционными приемами: массовая сценка, мимолетные зарисовки с натуры. В жанровом отношении эти стихи подготавливали народные поэмы Некрасова, к созданию которых поэт переходит в 60-е годы.

«Коробейники» — первый опыт Некрасова в области этого жанра. «Специфической чертой его народно-реалистической поэмы является постановка на широком бытовом фоне жизни деревни многочисленных социально-политических проблем»¹⁾.

В поэме «Коробейники» Некрасов дает краткое фронтальное обозрение современной народной жизни. Стремясь нарисовать картину предельно широкую и обобщенную, автор все время вырывается за рамки довольно частного (убийство коробейников лесником) сюжета, тем более, что

¹⁾ С. А. Червяковский. «К проблематике жанров поэзии Некрасова», Ученые записки Горьковского гос. пединститута, т. XIV, 1950, стр. 84.

сам по себе мотив странствия героев-коробейников представлял большое удобство для зарисовки различных, сменяющих одна другую, картин. Жанровое своеобразие поэмы «Коробейники» (поэма-обзор) создается преобладанием таких художественных приемов, как мимолетная зарисовка бытовой картины, походная брошенная меткая реплика, вставной психологический эпизод, массовая сценка. Эти приемы экономного красочного мазка, и ранее встречавшиеся у Некрасова («Деревенские новости», «Крестьянские дети»), но ставшие в «Коробейниках» стилевой основой поэмы — найдут богатое развитие в «Кому на Руси...», особенно в таких главах, как «Сельская ярмонка», «Пьяная ночь», «Счастливые», «Пир на весь мир».

Бегло наметив в поэме «Коробейники» многочисленные проблемы современной народной жизни, заявив о разнообразии народных типов, Некрасов, однако, не стремится к углубленно-психологическому раскрытию образов героев, их внутреннего мира, их идеалов. Эту цель углубленного показа русского национального характера поставит себе Некрасов в новой поэме из народной жизни — в поэме «Мороз, Красный нос».

Сама избранная сюжетная ситуация поэмы обуславливала её глубокий психологизм. Ограничивая поле своего наблюдения, показывая лишь один трагический момент в жизни крестьянской семьи, Некрасов в этой поэме достиг глубокого проникновения в психологию русской крестьянки, воссоздал в ней все особенности внутреннего мира представлений, верований и идеалов народа.

Поэму характеризует слияние эпического и лирического начала. В первой части преобладает авторский рассказ о судьбе героев (эпос), во второй — внутренний лирический монолог героини. Голос автора во второй части поэмы сливается с голосом героини. Этот характерный для Некрасова прием самоотождествления автора с народными героями его произведений — с особенной силой проявится в поэме «Кому на Руси...», где автор смотрит на мир глазами своих странствующих мужиков, говорит их словами. Итак, «Мороз, Красный нос» — народно-реалистическая поэма, выросшая из жанра психологической стихотворной новеллы.

«Кому на Руси жить хорошо» обычно определяют как эпопею народной жизни, подчеркивая тем широту изображения в ней русской действительности. Жанровая широ-

га «Кому на Руси...» проявилась в том, что в этой поэме Некрасов синтезировал художественные достижения, в том числе и жанровые признаки, двух предшествовавших поэм. Если с «Коробейниками» «Кому на Руси...» роднит авторское стремление к созданию широкого социально-бытового художественного полотна, мотив странствия героев, то поэма «Мороз, Красный нос» подготовила главу «Крестьянка» — драматическое повествование о жизни русской крестьянки, ее чувствах и судьбе. Если лирический монолог героини в поэме «Мороз...» составляет один из приемов, то вся глава «Крестьянка» построена как лирический монолог, рассказ Матрены о своей жизни. Но в поэме «Кому на Руси...» Некрасов пошел дальше, значительно углубив и обострив звучавшие и в прежних поэмах социальные конфликты.

Выше говорилось, что в поэме «Коробейники» Некрасов использует такой композиционный прием, как странствие героев. Мотив путешествия, как прием способствующий созданию широкой панорамы жизни, Некрасов применял неоднократно¹⁾: в романе «Три страны света», в повести «Тонкий человек», в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Но в поэме «Кому на Руси...» путешествие семи мужиков-правдоискателей — не только композиционный прием, предоставляющий автору большую свободу и простор в зарисовке картин жизни. Это не только прием, организующий сюжет произведения (цепочка встреч странников с предполагаемыми счастливыми). Избранный Некрасовым композиционный прием играл очень важную роль в идейном отношении, он значительно усиливал социальную остроту поэмы. Каким образом?

Для поэзии Некрасова очень характерен прием социально-художественного контраста, находящий свое проявление и в группировке образов, и в стиле, и в композиции произведений. Вспомним контрастные образы Петербурга: «несчастливых», которым нет места даже на чердаках и подвалах и богачей Петербурга, «счастливых, которым тесны целые дома», нарисованные в романе о Тростникове. Уже в этом романе через систему образов, миру богатых, миру «хозяев жизни» противопоставлен мир «погибшей и погибающей» городской бедно-

¹⁾ Возможно, что Некрасов здесь опирался на опыт Гоголя как автора поэмы «Мертвые души».

ты. Тот же прием социального контраста определяет и систему образов романа «Три страны света» и повести «Тонкий человек». Уже в пятидесятые годы для Некрасова характерен «композиционный прием: когда сюжет взят из жизни господ, — давать задний фон с участием народа. На этом фоне краски становятся резче, а иногда по картине пробегают зловещие блики. Что бы ни рисовал поэт, мужик прорывает полотно и высовывает свою голову. Уже одно его появление вносит смущение в среду господ. Бывает и хуже того: мужик не смолчит, да и затянет вдруг свою песню, где все тоска и слезы. Праздник жизни испорчен окончательно»¹⁾.

В повести «Тонкий человек» богатству и праздности помещичьей жизни противопоставлены нищета и непосильный труд крестьян, нравственному ничтожеству «тонких» людей, помещиков — духовное величие народа.

В повести «Тонкий человек» отсутствует тема революционной борьбы, «зловещие блики» еще не пробегают по картине, праздник жизни еще не испорчен окончательно, но на фоне с участием народа краски действительно становятся резче. Патологическое гурманство Грачова кажется особенно грубым, наглым на фоне той нищеты, которую терпят крепостные им «забытой деревни».

Социальный контраст служит для Некрасова средством выявления классового антагонизма не только в прозаических, но и в поэтических жанрах. Ограничимся одним примером. В стихотворении 1858 года «Размышления у парадного подъезда» автор не ставит открыто вопроса о революционной борьбе. Но вот «захлопнулась дверь», и пошли «солнцем палимы», опустив безнадежно головы, горемычные просители. Затянул мужик свою унылую песню, «в которой все тоска и слезы», «застонали пилигримы» — и «праздник жизни испорчен окончательно». Бедность и страдания народа, показанные в резком контрасте с праздною паразитической жизнью «владельца роскошных палат», дают мысли читателя политическое направление, заставляют задуматься о необходимости изменения всего общественного строя. Само построение стихотворения придавало ему революционное звучание. Не случайно в народовольческом списке «Размышлений...»

¹⁾ П. Н. Сакулин. Некрасов — поэт. Цит. по сб. «Некрасов в русской критике», М., 1944, стр. 98.

была вставлена дополнительная революционная строка:

Ты проснешься ль исполненный сил,
Сокрушишь палача и корону...

Она вытекает из идейного содержания стихотворения.

Прием социального контраста определяет и композицию поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

Отправившись странствовать в поисках счастливого, мужики-правдоискатели сталкиваются с представителями господствующих сословий: попом, помещиком. Противопоставление картин жизни и нравственных идеалов эксплуататоров и трудового крестьянства помогает осуществлению основной идеи поэмы.

Поп рассказывает крестьянам о своей жизни, но «фон с участием народа» дает себя знать. Поп говорит о положении крестьянства:

Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые,
Да женщины-печальницы,
И труженицы вечные,
Господь прибавь им сил!

и сам выносит приговор себе:

С таких трудов копейками
Живиться тяжело.

Оболт-Оболдуев со вдохновением повествует о привольной помещичьей жизни, об «индейках жирных», «наливках сочных». Но в памяти читателя еще звучит голос сторбленного крестьянина-белоруса, всю жизнь жевавшего ячменный хлеб «с мякиною, с кострикою». Праздник жизни испорчен окончательно. Паразитическое небокопительство Оболдуевых вызывает гнев и презрение читателя. Так, композиционным приемом противопоставления народа его классовым врагам Некрасов достигает большого идейно-художественного эффекта.

★ ★ ★

Для своей народной эпопеи Некрасов избрал очень емкий и гибкий, передающий непринужденность разговорных интонаций и в то же время обладающий песенной певучестью, стих. Это трехстопный ямб с дактилическими окончаниями, причем, появляясь после некоторого числа

дактилических, замыкают каждую фразу окончания мужские. Схема стиха такова:

/ / / / /
 / / / / /
 / / / / /

Характерно, что Некрасов отказался от рифмы, отсутствующей и в большинстве жанров народной поэзии.

Стиховой размер, которым написана поэма «Кому на Руси жить хорошо», впервые Некрасов применил в 1862 г., создавая стихотворение «Зеленый шум». Сопоставим в метрическом отношении стихотворение с поэмой.

«Зеленый шум»:

Как молоком облитые,	/ / / / / (,)
Стоят сады вишневые,	/ / / / / (,)
Тихохонько шумят;	/ / / / / (;)
Пригреты теплым солнышком,	/ / / / / (,)
Шумят повеселые	/ / / / /
Сосновые леса;	/ / / / / (;)
А рядом, новой зеленью	/ / / / /
Лепечут песню новую	/ / / / /
И липа бледнолистная	/ / / / /
И белая березонька	/ / / / /
С зеленой косой!	/ / / / / (I)

«Кому на Руси жить хорошо»:

Роман сказал: помещику,	/ / / / / (,)
Демьян сказал: чиновнику,	/ / / / / (,)
Лука сказал: попу.	/ / / / / (,)
Купчине толстопузому! —	/ / / / / (I —)
Сказали братья Губины,	/ / / / / (,)
Иван и Митродор.	/ / / / / (,)
Старик Пахом потужился	/ / / / /
И молвил, в землю глядучи:	/ / / / / (:)
Вельможному боярину,	/ / / / / (,)
Министру государеву,	/ / / / / (,)
А Пров сказал: царю.	/ / / / / (,)

Мы видим полное совпадение размера.

Итак, работая над поэмой «Кому на Руси жить хорошо», Некрасов даже в форме стиха опирался на свой творческий опыт, накопленный в течение многих лет литературного труда.

★ ★ ★

Все приведенные выше примеры и сопоставления, далеко, кстати, не полные, все же дают возможность наполнить реальным содержанием общеизвестное суждение: «Кому на Руси жить хорошо» — произведение итоговое.

О. В. ШАЙТАНОВ

**РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО
ГЕРОЯ В РОМАНЕ РОЖЕ ВАЙЯНА
«ПЬЕРЕТТА АМАБЛЬ»**

Проблема создания образа нового положительного героя — одна из проблем, возникших перед современной французской литературой в связи с утверждением метода социалистического реализма. Частью этой проблемы является создание образа новой женщины, участвующей в борьбе за победу идеалов коммунизма. Не мало образов женщин-борцов уже находим в произведениях прогрессивной литературы разных стран. Родоначальницей их была горьковская Ниловна. Следуя по стопам Горького, прогрессивные французские писатели сделали ряд серьезных попыток нарисовать типичный образ новой женщины, в котором ее существенные особенности раскрывались бы через индивидуальные черты характера, внешнего облика и жизненного пути, обусловленные спецификой французской жизни, быта и нравов на каждом конкретном этапе исторического развития Франции. В «Очарованной душе» Романа Роллана мы видели процесс становления образа новой женщины в связи с обострением классовой борьбы во Франции и во всем мире в годы после первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции. В конце романа Аннет Ривьер говорит о себе, что она коммунистка — даже в смерти. Но Аннет как борец за коммунистические идеалы не показана с такой же художественной убедительностью, с какой нарисован образ ее на первом этапе жизни, этапе метаний, исканий и борьбы за свою индивидуальную свободу. В цикле романов Луи Арагона «Реальный мир» тоже была сделана попытка показать процесс становления новой женщины во Франции в период между двумя мировыми войнами.

Образы французских женщин-участниц движения Сопротивления в годы второй мировой войны и немецко-фашистской оккупации вошли во французскую литературу благодаря романам Луи Арагона, Жана Лаффита, Пьера Декса; не все они равноценны по силе типизации, по глубине раскрытия характеров. Образ французской женщины послевоенного периода, участвующей в борьбе за мир, демократию и социализм появился в произведениях Андре Стиля, Пьера Гамарра и др. современных французских писателей. Например, Полетта — в романе «Первый удар». Современницей Полетты, участницей той же борьбы, является Пьеретта Амабль — центральный образ романа Роже Вайяна. В отличие от Полетты, которая лишь один из многочисленных образов романа «Первый удар», многопланового и многосложного, Пьеретта Амабль находится в фокусе всей композиции романа, вокруг нее скрещиваются противоречивые интересы других персонажей, на ней сосредоточено внимание автора, и тем самым открываются большие возможности для глубокого раскрытия образа современной французской женщины-коммунистки, его существенных черт, проявляющихся через индивидуальные особенности отдельной неповторимой личности.

Роман «Пьеретта Амабль» появился только в 1954 году и неудивительно, что критическая литература, посвященная ему, очень невелика. Во вступительной статье к роману (Издательство иностранной литературы, М., 1956 г.) Илья Эренбург справедливо утверждает: «Однако перед передовыми писателями Франции стоит еще нерешенная задача: показать во всей полноте и сложности душевный мир тех людей, за счастье которых они мужественно борются»¹⁾. По словам Эренбурга, роман «Пьеретта Амабль», особенно героиня книги, — большая удача писателя, и даже политические противники Роже Вайяна должны были признать художественную силу этой книги.

Б. Песис в послесловии к тому же изданию говорит о системе образов романа, о ее связях с общественной жизнью современной Франции. Интересны замечания Б. Песиса о соотношении образа Пьеретты Амабль с ее прототипом, которым была работница-коммунистка Мари-

¹⁾ Роже Вайян. «Пьеретта Амабль». М. Изд. ин. лит. 1956 г., стр. 4

Дунза М. К роману «Пьеретта Амабль» Б. Песис вновь обратился к книге «О герое прогрессивной литературы Франции». Здесь «Пьеретта Амабль» рассматривается как этап в творческом развитии Роже Вайяна, как произведение, созданное на основе освоения опыта социалистического реализма в советской литературе и в прогрессивной литературе Франции.

Предшественницы Пьеретты Амабль Аннет Ривьер у Роллана, Сесиль — у Арагона, Роз-Франс — у Лаффита шли к рабочему классу, к его революционной борьбе, преодолевая связи со своим классом, вырываясь из плена представлений буржуазной идеологии. Нужны были чрезвычайные события, громадные потрясения, чтобы произошел переворот в их сознании, чтобы они вступили на путь революционной борьбы. Образ Пьеретты дается в инм, более обыденном плане. Перед нами фабричная работница, в ее сознании протест против существующего общества рождается не в результате всемирных событий, а на основе повседневного существования, в котором на каждом шагу она видела нужду, бесправие, тяжелый труд и социальное угнетение. Пьеретта Амабль чувствует связь своей борьбы с борьбой трудящихся Франции, СССР и других стран, но писатель показывает лишь тот небольшой участок, на котором непосредственно борются Пьеретта и близкие ей люди. В центре романа — столкновение рабочих городка Клюзо с администрацией фабрики из-за попыток последней произвести рационализацию производства, что в условиях капитализма бьет по рабочим, обрекает их на безработицу и нищету.

Вайян обращается к детству героини, чтобы показать истоки того социального протеста, который воплощен в ней. Рассказывает о школе, в которой детей били по рукам, о том, как «шестилетняя Пьеретта бессознательно отождествляла отношения между рабочими и предпринимателем со своими собственными отношениями с учительницей-садисткой»¹⁾. Девочка замечала, что, когда родителей или соседей вызывают в дирекцию, на лице у них появляется выражение страха и стыда. Наибольшим унижением для рабочих была необходимость обращаться за помощью к сестре хозяина фабрики, заставлявшей их посещать церковь и исповедоваться. Рано Пьеретта

¹⁾ «Иностранная литература», 1955, № 2, стр. 110.

заметила также, что есть рабочие, которые не боятся хозяев и держатся с достоинством, идут на вызов хозяина, как на бой. Эти впечатления детских лет не были забыты. «Вот почему Пьеретта, как только достигла положенного возраста, вступила в комсомол»¹⁾).

Обращаясь к прошлому Пьеретты, автор говорит о том, как изменялось ее сознание в связи с участием в борьбе рабочего класса. Вначале ей казалось унижительным приходить за получкой, словно она делала что-то дурное, торговала собой. А с тех пор, как она включилась в борьбу, это ощущение исчезло, она приходила на фабрику бороться. Однако процесс формирования Пьеретты как зрелого и сознательного борца раскрыт недостаточно глубоко и убедительно — это один из важных недостатков решения проблемы положительного героя в романе Роже Вайян. С первых страниц романа Пьеретта предстает перед нами как уже сформировавшийся борец за дело рабочего класса, как опытный руководитель. Прежде всего мы узнаем, что она секретарь местного объединения профсоюзов при ВКТ, член комитета секции коммунистической партии, что Пьеретта помогла организовать забастовку на железной дороге. Затем мы встречаем Пьеретту на балу, устроенном коммунистической партией. После того, как один из явившихся на бал хулиганов оскорбил итальянского товарища, Пьеретта произносит речь о необходимости солидарности рабочих разных национальностей. Политические речи постоянно произносятся героями современных прогрессивных французских писателей. Но Роже Вайян не ограничивается, как это нередко бывает, например, у Лаффита, изложением содержания речи. Мы видим Пьеретту, слышим ее, следим не только за ее речью, но и за ее внутренним состоянием. Автор отмечает: что, заканчивая речь, Пьеретта повысила голос, как заправский оратор, но смутилась и покраснела. «Когда она села за стол, у нее все еще пылали щеки»²⁾. Чувство собственного достоинства — в каждом жесте, в каждом шаге Пьеретты во время ее пребывания в здании дирекции. Получив от представителя администрации предложение сесть в кресло, она хотела отказаться и сесть на один из деревянных стульев, но одернула себя, подумала, почему де-

¹⁾ «Иностранная литература», 1955, № 2, стр. 110.

²⁾ Там же, № 1, стр. 92.

тегатка рабочих не имеет права сидеть в кабинете директора в мягком кресле. Характерна и та непринужденная поза, которую она приняла, опустившись в кресло. Такими деталями Роже Вайян подчеркивает спокойное достоинство Пьеретты, ее внутреннюю убежденность, что даже в мелочах нужно давать отпор хозяевам, противостоять им, не склонять перед ними головы.

Мы видим Пьеретту в борьбе за интересы рабочих против предпринимателей, перешедших в наступление под флагом рационализации производства. Пьеретта понимает трудности предстоящей борьбы, в значительной мере связанные с составом рабочих Клузо: самые решительные мужчины уехали в другие места, где плата больше, остались только женатые на местных крестьянках, рассчитывать на их активность в борьбе не приходилось: они обеспечены жильем и пищей в деревне, среди женщин многие думали только о себе. Надо было убеждать, разъяснять. Пьеретта проявляет большую проницательность, основанную на опыте прошлой борьбы; она быстро разгадывает сущность так называемой «Операции повышения производительности ПТАО — Филипп Летурно». Проницательность Пьеретты стала очевидной всем, когда в связи с «Операцией повышения производительности» начались массовые увольнения. В толпе рабочих, собравшихся перед фабрикой, говорят: «А ведь она права была, так и вышло, как она говорила»¹⁾. Пьеретту Амабль рабочие избирают председателем стачечного комитета. Она не боится крутых мер, не боится возглавить забастовавших рабочих, хотя некоторые товарищи колеблются. Истинно революционная смелость, умение быстро ориентироваться в обстановке, решительность подлинного вожака масс чувствуются в ее ответе боящемуся решительных действий Миньо: «Да мы загигаем... вся фабрика загигает. И это чудесно, что мы взяли такой крутой поворот. А что было бы, если бы мы ждали до завтра? Те, кого меньше других коснулись мероприятия ПТАО, разные ловкачи и делеги, могут передумать, придти к выводу, что они все потеряют, связав свою судьбу с делом товарищей. А теперь, когда выставлены пикеты забастовщиков, даже трусы не посмеют отступить от общего решения. Мы создали такую обстановку, что нужно больше мужества, чтобы от-

¹⁾ «Иностранная литература», № 4, стр. 139.

ступиться от рабочих, чем от предпринимателей. Сегодня даже трусость работает на нас...»¹⁾).

В революционной деятельности Пьеретты, как она изображается Роже Вайяном, нельзя не усмотреть весьма серьезного изъяна: связь героини с партийной организацией показана явно недостаточно, забастовка рабочих ПТАО возникает стихийно, Пьеретта единолично принимает решение возглавить забастовку, рядом с нею нет образов других коммунистов, столь же стойких и сознательных.

Последнее крупное испытание, через которое автор заставляет пройти Пьеретту — это горе в связи с гибелью ее возлюбленного Бомаска, убитого охранниками. Из этого испытания молодая коммунистка тоже выходит с честью: она сохраняет ясность ума, высокую принципиальность, решительность и выдержку. Пьеретта не позволяет себе поддаться чувству личной мести и предупреждает взрыв на дороге, по которой едут охранники. Этот взрыв был задуман несколькими рабочими, имеющими анархистские замашки, во главе с Визилем, взрыв мог бы навлечь серьезные репрессии на партию. Несмотря на то, что силы почти покинули Пьеретту, она карабкается по горным тропинкам, перебирается через бурлящий ручей и, появившись перед Визилем, доказывает ему неправильность его замысла. Локаничностью, резкостью ее речи писатель дает понять, что в этот момент Пьеретте не до лишних слов: «Вы в своем уме?», «Выкинь всю эту взрывчатку... и вы пошли за мной», «Ты собираешься в одиночку устраивать революцию?», «Дурак!». Лишь после того, как Визиль согласился с нею, она дает волю своим чувствам.

В конце романа Пьеретта произносит новую речь — она говорит победившим рабочим о будущих ожесточенных сражениях, а писатель заявляет свое мнение: «Нет сомнения, что Пьеретта покажет себя стойким борцом в эпоху великих грядущих боев»²⁾).

Рисуя Пьеретту Амабль как типичный образ нового положительного героя, участвующего в великой освободительной борьбе. Роже Вайян использует высказывания о ней других персонажей романа. Представитель администрации фабрики Нобле говорит Филиппу Летурно:

1) «Иностранная литература», № 4, стр. 143.

2) Там же, № 4, стр. 181.

«Мадам Амабль нам дорого обходится. Она добилась того, что в ее цехе каждая работница обслуживает только один станок, а по нашим правилам полагается обслуживать два или три станка»¹⁾). Нобле не рискнул перевести Пьеретту в самый большой цех фабрики: она могла и здесь увлечь за собой остальных работниц. Тот же Нобле утверждает, что Пьеретта — женщина незаурядная: «Кажется, из нее выйдет второй Кювро»²⁾). Кювро, организатор большой забастовки в Клюзо, был пугалом для местной буржуазии. Мэр Клюзо считает, что Пьеретта — одна из трех самых опасных коммунистов города. Коммунист Миньо называет Пьеретту керосинницей, т. е. она напоминает ему героических участниц Парижской коммуны.

Итак, со страниц произведений Роже Вайяна перед нами встает образ молодой женщины, наделенной такими чертами, типичными для героя нашего времени, как преданность делу коммунистической партии и рабочего класса, высокая принципиальность, уверенность в победе, мужество, стойкость в борьбе. Все эти черты присущи не одной Пьеретте Амабль, а многим подобным ей женщинам — участницам великой борьбы за дело коммунизма. Чем же отличается Пьеретта от других? Какие стороны ее образа, нарисованного в романе, делают Пьеретту неповторимым индивидуальным характером, а не рупором идей автора? Прежде всего у Пьеретты своя особая биография, хотя и похожая на биографии других французских рабочих и работниц. Отец Пьеретты родился в деревне, в крестьянской семье. В ранней юности поступил на шелкопрядильную фабрику. Во время гитлеровской оккупации скрывался от трудовой повинности и в 1944 году был убит в стычке между партизанами и петэновской милицией. Жена его, тоже работавшая на фабрике, вскоре умерла от родов. Пьеретта, подобно родителям, поступила на фабрику. После окончания войны она вышла замуж, родила сына, а через три года разошлась с мужем. Сын ее растет на ферме дяди — старого крестьянина Эмэ Амабля, в деревушке Гранж-о-Ван.

В эпизоде посещения Пьеретты матерью Филиппа Роже Вайян прибегает к изображению внешности героини

¹⁾ «Иностранная литература», № 1, стр. 85.

²⁾ Там же, № 2, стр. 115.

через восприятие дамы так называемого «высшего» света: «Эмили разглядывала Пьеретту. Ситцевое платье более чем скромное, но сшито со вкусом. Волосы не без изящества зачесаны назад и низко уложены узлом»¹⁾. Эмили не может не признать, что у молодой коммунистки есть вкус, женское изящество, умение одеваться.

Портрет героини возникает постепенно и дается в большинстве случаев через восприятие других персонажей. Автор, который впервые увидел Пьеретту на балу коммунистической партии, говорит, что он успел разглядеть только огромные черные глаза.

О прекрасных черных глазах Пьеретты писатель настойчиво напоминает и дальше, как о самой главной детали портрета. Индивидуальную яркость образу Пьеретты придает также описание ее домашнего быта, ее манеры держать себя с разными людьми, разговаривать, смеяться, улыбаться. Пьеретта живет в рабочем поселке, в одном из домов, построенных администрацией фабрики. Мы видим, как, поставив суп разогреваться на плиту, она разговаривает и спорит с зашедшими к ней товарищами, достает из кухонного стола тетрадку и записывает карандашом, помуслив его, какие задания и кому она дала. Автор сообщает нам, что Пьеретта не любила готовить и покупала себе яйца и консервы, чего не мог позволить себе рядовой рабочий. Такая роскошь была возможна для нее благодаря помощи дяди, у которого жил ее сын. Но роскошь, доступная Пьеретте, была весьма относительной. В конце недели, перед получкой, она сидела на одном хлебе и кофе с молоком. «Пьеретта ни разу не ездила в мягком вагоне, никогда не видела моря, не была в Париже, никогда не носила шелкового белья. В Лионе, куда она отправлялась четыре раза в год на общие собрания делегатов рабочих всех отделений ПТАО, Пьеретта с любопытством разглядывала в витринах парфюмерных магазинов различную косметику, назначение которой ей было известно со слов Маргариты, но губную помаду и крем для лица покупала в магазине «Стандартные цены» или у парикмахера в Кюзозе. Всего два раза в жизни Пьеретте удалось побывать в театре»²⁾.

Многokrатно в романе говорится об улыбке Пьеретты.

¹⁾ «Иностранная литература», 1955, № 2, стр. 116—117.

²⁾ Там же, № 2, стр. 61.

Сама Пьеретта Амабль знает, что иногда улыбка может иметь очень серьезное значение. Она упрекает себя за то, что улыбнулась несколько раз представителю администрации Нортмеру во время деловой беседы. Роже Вайян анализирует переживания героини, показывает логику ее чувств и мыслей: почему, не раз потом спрашивала себя Пьеретта, почему она ответила улыбкой? Когда противник подсказывал ей ее же собственные доводы, это придавало их словесному поединку комический характер, это и впрямь могло показаться смешным. Но Пьеретта хорошо знала, что ее улыбка была вызвана не комизмом положения. Говоря с собой на чистоту, Пьеретта вынуждена была признать, что, улыбаясь Нортмеру, она как бы соглашалась с его высоким мнением об ее уме. Она словно говорила ему: «Вы разговариваете со мной, как с противницей, равной вам по уму, и вы не ошибаетесь, хотя я только работница...». Нобле и другие служащие ПТАО, с которыми ей приходилось скрещивать оружие, пускали против нее в ход либо угрозы, либо хитрость. Нортмер оценил ее по достоинству; когда она ответила ему улыбкой на улыбку, она как бы говорила: «Мне льстит, что вы признаете меня достойной противницей!». Она позволила ему вовлечь ее в свою игру. Пьеретте хотелось доказать Нортмеру, что она тоже умеет вести игру с изяществом. Она хотела оправдать свое право на уважение... «Вот что постоянно вводит в искушение социал-демократов. Стоит им хоть на мгновение приостановить беспощадную классовую борьбу, и они тотчас же скатываются в лагерь противника»¹⁾.

Пьеретта улыбается далеко не всегда, не всегда она предстает перед читателем веселая, бодрая, владеющая собой. «Глаза Пьеретты сверкнули»²⁾, когда дядя пренебрежительно назвал ее возлюбленного макаронщиком. «Глаза ее были бесконечно печальны»³⁾, когда она разговаривает с товарищами, уволенными с фабрики. Вспоминая о своем нерадостном детстве, об унижениях, которым подвергался отец, Пьеретта стоит «с глазами, полными слез»⁴⁾. У Пьеретты усталый вид во время совещания, на котором она доказывает товарищам, что момент

1) «Иностранная литература», 1955, № 4, стр. 130—131.

2) Там же, № 2, стр. 101.

3) Там же, № 1, стр. 125.

4) Там же, № 2, стр. 111.

неблагоприятен для открытой борьбы против предпринимателей. Беременность ослабляет физические и духовные силы Пьеретты, ее мучают кошмары, она чувствует усталость, большую, «чем вчера, чем позавчера, чем во все эти дни, проведенные в борьбе», ей приходят в такие минуты мысли, что «победа так далека, так бесконечно далека»¹⁾. Эти минуты слабости не умаляют Пьеретту в наших глазах, а лишь делают ее образ более человеческим: мы убеждаемся, что молодая коммунистка — не идеальная героиня, не рыцарь без страха и упрека, а обыкновенная женщина, способная уставать и страдать. Эти минуты слабости не могут поколебать нашей уверенности, что Пьеретта сумеет взять себя в руки и будет продолжать борьбу.

Для создания яркого индивидуального облика Пьеретты Роже Вайян использует средства речевой характеристики. В ее речи мы замечаем некоторую резкость, употребление грубоватых словечек и оборотов: «Смотреть на них тошно»²⁾, — заявляет Пьеретта по поводу пьяных. «Упряма как осел»³⁾, — говорит она о подруге, называет Миньо дураком. Резко отвечает Пьеретта своему дяде, который хлопочет о ее замужестве: «Не пойду я за толстого Жана»⁴⁾.

Автор дает характеристику ораторскому искусству Пьеретты: «Порой она, как это было ей свойственно, останавливалась, подыскивая нужное слово, или делала отступления, чтобы возможно точнее изложить факты. Подобно многим рабочим-ораторам, она не боялась длинной фразы; период в ее речи начинался коротким и ясным предложением: «ПТАО бьет в первую очередь по неорганизованным рабочим», затем следовал целый ряд придаточных предложений с «ибо», «потому что», «как вам хорошо известно», «ввиду того, что»; эти придаточные разворачивались очень медленно и, казалось, непосредственно отзывались на каждую реакцию слушателей, тончайшие оттенки которой Пьеретта чутко улавливала, готовая в любую минуту уточнить свою мысль, дополнить ее, повторить сказанное почти в тех же выражениях,

¹⁾ «Иностранная литература», 1955, № 4, стр. 136.

²⁾ Там же, № 1, стр. 82.

³⁾ Там же, № 1, стр. 83.

⁴⁾ Там же, № 2, стр. 101

если она не была уверена, что ее поняли до конца. Однако она ни на мгновение не забывала своей ведущей мысли, и широко развернутый период замыкался начальным предложением с вытекающей из него концовкой: «ПТАО бьет в первую очередь по неорганизованным рабочим, но мы будем защищать их наравне с другими нашими товарищами, интересы которых мы отстаиваем»¹⁾).

Во время переговоров с представителями администрации речь Пьеретты отличается сухостью и холодной вежливостью: «Спасибо», — сказала она безразличным тоном, — «благодарю вас от имени этих рабочих»²⁾), «Что еще? — сухо спросила Пьеретта»³⁾).

Индивидуальный облик Пьеретты особенно отчетливо вырисовывается перед читателем, когда он следит за ее личными делами и интимными переживаниями. Представитель администрации фабрики Нобле рассказывает Филиппу и Натали: «Когда мадам Амабль узнала, что ее муж время от времени встречается со мной, она заперлась в своей квартире на ключ и выкинула его вещи в окно. Потом взбудоражила всех красных в Клузо и ему пришлось уехать»⁴⁾). Благодаря этому рассказу Нобле мы убеждаемся, что Пьеретта весьма решительна и в своих личных делах, что личная жизнь для нее не отделима от борьбы: она выгнала мужа, как только узнала о его связях с администрацией фабрики.

Пьеретта поняла, что в условиях буржуазного общества любовь для женщины — это силки: «вступить в брак», «устроить свою жизнь» означает готовить обед, мыть посуду и стирать на двоих после восьмичасовой работы в цеху; это значит, что уже никогда не будет времени на чтение книг, и надо отказываться от многих поручений, которые составляют смысл ее жизни; а любовные приключения обычно кончаются вмешательством акушерки или бабки и муками, уготовленными женщине»⁵⁾). Пьеретта боролась за то, чтобы любовь для женщины была не силками, а настоящим счастьем. Знакомство Пьеретты с Бомаском началось в связи с тем, что Бомаск организовал на железной дороге объединенное выступление

1) «Иностранная литература», 1955, № 4, стр. 126—127.

2) Там же, № 2, стр. 56.

3) Там же, № 2, стр. 58.

4) Там же, № 1, стр. 84.

5) Там же, № 2, стр. 97.

рабочих-африканцев и итальянцев и обратился за помощью в профсоюзный комитет Ключо, во главе которого стояла Пьеретта. Когда Бомаска уволили с железной дороги, Пьеретта устроила его с помощью друзей шофером в сыроварню, она берется обучать Бомаска французской грамматике. Таким образом, сначала возникла дружба, основанная на участии в общей борьбе.

В целом ряде эпизодов мы видим Пьеретту дома, в новой семье, видим женой, хозяйкой, будущей матерью. Образ Пьеретты открывается перед нами с новой стороны. В ее доме появляется скатерть. Она признает Бомаска главой семьи и выполняет его приказания, отданные, правда, ласковым тоном. Мы знаем, что Пьеретта не любила раньше готовить, покупала консервы и наскоро готовила яичницу, теперь она подает на стол суп и картофель по-савоярски, моет посуду, пока мужчины распивают бутылочку вина. Очень довольна Пьеретта тем, что ей подарили кастрюлю-«чудо». Роже Вайян резюмирует: «женщина как женщина. Мало-помалу она стала находить удовольствие даже в стряпне»¹⁾. Пьеретта чувствует себя счастливой с Бомаском. Она счастлива, что рядом с нею — сильный, спокойный, находчивый мужчина, изобретательный, знающий всякое ремесло, не теряющийся ни перед какой трудностью. Ей нравится гулять с ним, особенно на людях, перед всем городом. Нравится делиться с ним своими заботами и мечтами, нравится даже, что он ревнует ее. Однако в отношениях с Бомаском она сохраняет гордость и чувство человеческого достоинства. Об этом свидетельствует сцена укрощения ею пьяного Бомаска: «Пьеретта пошла прямо на него и, приблизив лицо к его лицу, сказала:

— Ну-ка, ступай, прописы!

Она указала пальцем на дверь. Ее глаза пылали. Никогда еще Бомаску не казались такими огромными большие черные глаза Пьеретты»²⁾. Пьеретту можно упрекнуть в том, что она недостаточно внимательно отнеслась к Бомаску в тяжелый для него момент; занятая работой, борьбой и своей беременностью, она не захотела разобраться, что с ним происходит, почему он каждый день приходит домой пьяным, почему они стали ссориться.

¹⁾ «Иностранная литература», 1955, № 4, стр. 119.

²⁾ Там же, № 4, стр. 138.

Образ Бомаска — самый неудачный в романе. Бомаск — пролетарий, так же, как Пьеретта, он родился в бедной пьемонтской деревушке. Все мужчины в его семье работали каменщиками во Франции, где их презрительно называли «мака» и платили меньше, чем французским рабочим. Рано в Бомаске пробуждается чувство протеста. Он не хочет идти обычным путем, не хочет уезжать во Францию, ищет отворачивание к профессии каменщика, его тянет к технике, но это оказалось несбыточной для него мечтой: «До своего совершеннолетия Бомаск переменил множество профессий, но механиком так и не стал — у него не было денег, чтобы платить за обучение¹⁾»).

Во время войны был отправлен в Ливию, попал в ремонтную мастерскую моторизированной дивизии и получил там элементарные технические навыки. Дезертировав из фашистской армии, Бомаск присоединился к партизанскому отряду, к концу войны политически вырос и уже командовал десятками людей. После освобождения работал каменщиком на верфях в Генуе, полюбил их, но должен был бежать во Францию, спасаясь от преследования за убийство двух чернорубашенников во время движения сопротивления. Во Франции им организована забастовка рабочих — арабов и итальянцев. Бомаск — не коммунист, но голосует всегда за коммунистов. За плечами Бомаска, как рассказывает автор, боевое прошлое, но в настоящем молодой итальянец оказывается в стороне от борьбы. Он работает шофером грузовика сыроварни, и та борьба рабочих Клузо против планов рационализации, которую возглавляют Пьеретта и ее товарищи, проходит мимо него. Бомаск почти не показан в борьбе. Он, — как справедливо отмечено в книге Б. Песиса, — «с увлечением расписывает розами книжные полки Пьеретты как раз в то время, когда она беседует с товарищами о делах»²⁾). Даже Филипп Летурно заметил: «Он, кажется, далеко не такой активный борец, как мне его изображали»³⁾). Правда, иногда Бомаск делает попытки перестать быть лишь наблюдателем, но французские товарищи удерживают его: «Сиди смирно... незачем давать полиции повод, чтобы

¹⁾ «Иностранная литература», 1955, № 1, стр. 73.

²⁾ Б. Песис. «О герое прогрессивной литературы Франции», М., 1956 г. стр. 87.

³⁾ «Иностранная литература», 1955, № 3, стр. 153.

выслать тебя»¹⁾). Следовательно, пассивность Бомаска объясняется в значительной мере внешними причинами: как эмигрант он должен остерегаться полиции, но его осторожность чрезмерна. Бомаск включается в борьбу рабочих Клюзо лишь в самом конце романа, при этом действует на свой страх и риск, и его действия имеют оттенок самопожертвования, индивидуального подвига, совершенного вдвоем с Визилем, для которого характерны анархистские замашки.

Значительно больше внимания при изображении Бомаска автор уделяет его отношениям с женщинами. Подчеркивается его мужское обаяние, говорится о его бесконечных любовных победах. В любви Бомаска и Пьеретты все отчетливее выступает ее чувственная сторона; автор все настойчиво подчеркивает эту сторону, показывая, как Пьеретта тоже поддается мужскому обаянию Бомаска. Уже во время прогулки через горы Пьеретта рассеянно слушает рассказ Бомаска о борьбе итальянских сельскохозяйственных рабочих, о забастовках, о стачках с карабинерами. В дальнейшем идейные разговоры между Бомаском и Пьереттой почти прекращаются. Автор как будто забыл, что Бомаск — сознательный пролетарий, участвовавший во многих классовых боях, превращает его в персонаж, поглощенный своими интимными делами. Писатель делает излишний упор на южный темперамент Бомаска, на его «итальянские» представления о правах и обязанностях мужчины в семье. Рисуя сцену разговора товарищей о семье Миньо, Роже Вайян многозначительно добавляет: «Бомаск усмехнулся. Он, как истый итальянец, знал, как должен вести себя муж, если хочет быть хозяином в доме»²⁾). В уста Бомаска вложены слова, что Миньо ведет себя с женой не как мужчина, что не мешало бы ему бить жену, на что Пьеретта справедливо замечает: «Ты рассуждаешь, как маленький буржуа»³⁾). Подчеркивается, что, согласно итальянским обычаям, «он считал для себя вопросом чести исполнять свой супружеский долг ежедневно»⁴⁾) и какой бы ни возвращалась домой Пьеретта, она должна была воздать должное мужскому самолюбию Бомаска. Такое подчеркивание физиоло-

¹⁾ «Иностранная литература», 1955, № 4, стр. 154.

²⁾ Там же, № 2, стр. 60.

³⁾ Там же, № 2, стр. 91.

⁴⁾ Там же, № 4, стр. 118.

ического в жизни человека идет от традиций буржуазной литературы, от натуралистов и декадентов. Оно явно неуместно при решении проблемы нового положительного героя, хотя было бы неправильным и впадать в другую крайность — изображать его аскетом, не ведающим никаких страстей. Положительный герой не должен быть обязательно идеальным; как всякому человеку, ему могут быть присущи некоторые слабости и недостатки, но те недостатки, которыми наделяет Бомаска Роже Вайян, сближают его с персонажами буржуазной декадентской литературы, не имеющими ничего общего с новым положительным героем современной прогрессивной литературы. Помимо чрезмерно развитой чувственности Бомаск наделен моральной неустойчивостью: он поддается влиянию развращенного буржуа Филиппа, позволяет внушать себе ничем не обоснованные ревнивые подозрения, считает себя обманутым, каждый день напивается, грубо оскорбляет Пьеретту. Героическая смерть Бомаска похожа на самоубийство.

Писателю несомненно удалось образы представителей буржуазного мира, например, Филиппа Летурно, потомка разорившейся и вырождающейся семьи. Филипп безвольно плывет по течению жизни, он всегда зависил от других: от матери, от отца или от сводной сестры, никогда не имел ни убеждений, ни цели жизни, ни гордости, ни энергии.

В любви к Пьеретте Филипп обнаруживает безволие, внутреннюю опустошенность, гнилость и отсутствие мужской гордости. Мертвенность его чувства, неспособность Филиппа на пылкую любовь, подчеркивается тем, как воспринимает Филипп Пьеретту при первой встрече: он сравнивает руки красивой, молодой, полной сил женщины с руками древней деревянной статуи, поднятой со дна озера.

Между Филиппом и Пьереттой нет той идейной близости, с которой начинается дружба Пьеретты с Бомаском. Наоборот, они противостоят друг другу как представитель администрации и делегатка рабочих. Правда, Филипп пытается доказать, что он друг рабочих, и на этой основе установить дружеские отношения с Пьереттой, но она очень недоверчиво относится к этим попыткам. Вот, например, сцена, о которой рассказывает Филипп в письме к Натали: «Едва она вошла в кабинет, я бросился к

ней навстречу и положил руки на ее плечи. Еще вчера я не посмел бы этого сделать.

— Победа за нами!

Она стряхнула мои руки с плеч.

— За вами? Победа?

— Рационализации не будет. Я обо всем договорился с отчимом.

Она устремила на меня взгляд, почти такой же холодный, как взгляд моей матери.

— Опять какие-то махинации?

— Махинации, чьи?

— Ваши, ваших родственников»¹⁾.

Филиппу казалось, что договорившись с отчимом, который возглавлял кампанию, о проведении так называемой «операции по повышению производительности» в одном цехе, вместо реорганизации всего предприятия, он все уладил. Но Пьеретта объясняет ему, что ничего радостного для рабочих в этом нет: «В общем, будь вы настоящим хозяином, вы бы сразу поняли, в чем смысл задуманной «операции». Вы уступили — каковы бы ни были ваши побуждения — своему классовому инстинкту, а результат тот же...»²⁾. Пьеретта признает искренность желаний Филиппа пойти навстречу рабочим, помочь им, но она видит также, что законы классовой борьбы, непримиримость интересов рабочего класса и буржуазии сильнее, чем его желания, и, несмотря на все усилия Филиппа, они остаются на разных сторонах баррикады. Любовь Филиппа к Пьеретте не опирается, следовательно, на дружбу, на общность мыслей, на общность политических устремлений. Филиппа влечет моральная чистота и цельность натуры молодой работницы. Он пишет сестре: «Моя любовь, конечно же, родилась в ту самую минуту, когда я впервые встретил ее на балу в Клузо, прямую, ясную, увидел ее улыбку, когда она так просто и гордо отказалась со мной танцевать»³⁾. Но Филипп не может подняться над теми представлениями о женщине, которые обычны для развращенных буржуа, он судит о Пьеретте по женщинам своего класса, поэтому у него возникает мысль о том, что она находится в тайной любовной связи с Миньо, и он подсказывает эту гнусную мысль Бомаску.

¹⁾ «Иностранная литература», 1955, № 3, стр. 141.

²⁾ Там же, № 3, стр. 143.

³⁾ Там же, № 3, стр. 146.

без него ничего подобного не пришло бы в голову возлюбленного Пьеретты. Филиппу доставляет удовольствие копаться и принуждать Бомаска тоже копаться с грязных подробностях того, что лишь создано его нечистым воображением. Он легко забывает о том, что Пьеретта прежде всего пленила его своей моральной чистотой, Филипп упорно заставляет Бомаска отказаться от преклонения перед Пьереттой как героиней, как женщиной, заслуживающей особого уважения.

Автор сталкивает Пьеретту и с другими представителями господствующего буржуазного класса. Для банкира Амполи Пьеретта — прежде всего коммунистка, одна из тех людей, которых он и ему подобные боятся, ненавидят, но силу и значение которых в современной жизни уже не могут отрицать. Выслушав уверения Филиппа, что он хочет заслужить уважение коммунистов, Амполи заявляет: «Все мы к этому пришли. Мы судим о событиях применительно к коммунистам... Даже когда мы их убиваем или сажаем в тюрьмы»¹⁾. Жена банкира Эмили Прива-Люба холодная женщина, которая никогда никого не любила и все чувства подчиняла деловым расчетам, благодаря чему сделала блестящую карьеру, не сомневается, что молодую коммунистку, как и любого человека, по ее мнению, можно подчинить себе с помощью денег. Она намерена помочь Филиппу деньгами, чтобы он мог содержать Пьеретту в качестве любовницы. Ее расчеты идут дальше: сделать Пьеретту своим личным секретарем, если она окажется достаточно черствой и ограниченной. Политические убеждения жены банкира сводились, — как пишет Роже Вайян, — «к тому, что нужно найти способ сделать коммунистов управляющими предприятиями. По мнению Эмили, социалисты провалились в этой роли от того, что оказались «тряпками»²⁾. Столкнувшись лицом к лицу с Пьереттой, Эмили Права-Люба должна была убедиться (это привело ее в ярость), что есть люди, которые не продают себя и свои убеждения.

Через весь роман, почти не соприкасаясь непосредственно с Пьереттой, проходит образ Натали Амполи, девушки из буржуазной среды, больной физически и нравственно, заполняющей пустоту своей жизни вином и раз-

¹⁾ «Иностранная литература», 1955, № 2, стр. 87.

²⁾ Там же, № 2, стр. 116.

вратом. Сопоставление с этим образом вновь подчеркивает чистоту и нравственную цельность Пьеретты, как женщины молодого, здорового, восходящего класса.

Образ Пьеретты, как новой героини современной французской прогрессивной литературы, раскрывается и через сопоставление с образами других коммунистов, ее товарищей по борьбе. Они дополняют Пьеретту, подчеркивают своеобразие ее яркой индивидуальности. Но как уже отмечалось выше, в романе не хватает рядом с Пьереттой образов таких же стойких и закаленных борцов.

Один из руководителей коммунистической организации в Клюзо — почтовый инспектор Миньо. В борьбе он стоит рядом с Пьереттой, но их взгляды во многом расходятся: Пьеретта опирается на свой жизненный опыт, а Миньо — доктринер, не умеющий разобраться в реальной обстановке. Язвительная оценка Миньо вложена автором в уста Пьеретты: «Ты вообще ничего не знаешь о том, что у нас делается. Тебе известно только то, о чем говорится на собраниях комитета секции» ¹⁾. А Бомаск иронически говорит тому же Миньо: «Слушаю я тебя и как будто газету читаю» ²⁾. Миньо нравится, если собрание затягивается до часу ночи, если за две недели он смог участвовать чуть не в шести демонстрациях. Его пугают крутые повороты, он упрекает Пьеретту за то, что она быстро и смело принимает решения, как этого требовала обстановка: «Круто же ты заворачиваешь... притом ни с кем не посоветовавшись... Почему ты, прежде чем развязывать забастовку, не запросила профсоюзное объединение департамента?... Круто, круто ты загибаешь, ты могла бы, по крайней мере, посоветоваться с партией» ³⁾. Пьеретта резонно отвечает ему, что ждать, откладывать до завтра, упускать момент было нельзя. Она тормозит Миньо: «Хватит теории, я ее знаю не хуже твоего... Да улыбнись же... Научись радоваться!» ⁴⁾. Не без усилий Пьеретта заставила его решиться нарушить законность и бежать из-под ареста. Миньо не разбирается в людях, подходит к ним тоже с доктринерских позиций, на этой почве между ним и Пьереттой происходят столкновения. Он предлагал исключить из партии Визиля, командовавшего партизан-

¹⁾ «Иностранная литература», 1955, № 1, стр. 89.

²⁾ Там же, № 4, стр. 116.

³⁾ Там же, № 4, стр. 143.

⁴⁾ Там же, № 4, стр. 162.

ским отрядом во время войны, но после освобождения переставшего активно участвовать в борьбе. Миньо не верит в искренность Филиппа, доставившего рабочим важные сведения о их врагах. Права Пьеретта, которая осуждает его узкое сектанство, говорит ему: «Мало ты веришь в людей» ¹⁾. Сопоставлением с Миньо подчеркиваются организаторские способности Пьеретты, ее умение разбираться в людях и расставлять их для участия в борьбе. Автор утверждает: «В двадцать пять лет она уже постигла истину, известную хорошим полководцем и крупным предпринимателям, истину, заключающуюся в том, что в любом деле пригоден и ценен каждый преданный человек и на своем месте он может стать незаменимым» ²⁾. В семейной жизни Миньо тоже не мог найти правильной линии, и тут отрицательно сказывается его доктринерство и сектанство. Жена Миньо Реймонда, дочь мелких землевладельцев, ненавидела работу на ферме отца, увлекалась чтением любовных романов, а выйдя замуж, надеялась завести знакомство с местной аристократией и была недовольна, что Миньо приглашал только коммунистов. Вместо того, чтобы терпеливо разъяснять жене вещи, которых она не понимала, Миньо вступал в бесконечные споры и пререкания с нею, грубил, хлопал дверью. Старик Кювро пытался прояснить его: «Незачем было на ней жениться. Или разойдитесь. Но нельзя же день и ночь упрекать ее за то, что она мещанка» ³⁾. Наладить более или менее нормальные отношения с Реймондой Миньо не мог тем более, что он почти не обращал на нее внимания. «Три вечера в неделю он проводил на собраниях; в остальные вечера читал или готовился к выступлениям» ⁴⁾. Не умея договориться со своей женой, Миньо считает себя вправе вмешиваться в семейные дела других, он высказывает недовольство тем, что любовь, по его мнению, отвлекает Пьеретту от борьбы, даже преподносит ей ханжеские поучения: «Не думаешь ли ты, что товарищи стали тебе меньше доверять с тех пор, как ты сошлась с Бомаском? Вы ведь не женаты. Я-то хорошо знаю, что вы живете честно, как муж с женой... Но руководящие товарищи обязаны быть безупречными в своей личной

¹⁾ «Иностранная литература», 1955, № 2, стр. 90.

²⁾ Там же, № 4, стр. 123.

³⁾ Там же, № 2, стр. 60.

⁴⁾ Там же, № 1, стр. 88.

жизни»¹⁾). Нельзя не признать справедливым возмущение Пьеретты, которая обругала его за эти речи: «Ну, знаешь; ты просто дурак! Нет, ты действительно дурак»²⁾). В общем, сопоставление с Миньо помогает понять глубокую человечность Пьеретты, помогает понять, что положительный герой — это не сектант, не доктринер, не ханжа, а человек, находящийся в гуще жизни, умеющий разобраться в людях и не чуждый ничему подлинно человеческому.

Другой коммунист, который изображен рядом с Пьереттой, — это уже упоминавшийся Визиль. Местный буржуа Морель боится его, так как не забыл тех дней, когда после освобождения власть в Клузо была в руках Визиля, как командира партизанского отряда. Хулиганы, устроившие скандал на балу коммунистической партии, утихают, заметив лишь, что Визиль направляется к ним, «останавливается, скручивает сигарету, закуривает и смотрит на них в упор»³⁾). Они бесприкословно подчиняются его приказаниям и сами выволакивают своего буйного председателя. Во время демонстрации рабочих против плана реорганизации предприятий, затеянной американскими акционерами, Визиль с пожарным шлангом в руках атакует подвижную выставку, устроенную администрацией по поводу официального торжества, отгоняет струей воды целый отряд охранников. Все эти эпизоды говорят о большой воле и отваге Визиля, о его готовности взять на себя самое опасное, самое ответственное поручение. Но Визиль не любит повседневной будничной работы, требующей длительной выдержки и настойчивости. Он платит партийные и профсоюзные взносы сразу за целый год, не является ни на собрания, ни на демонстрации. Очень недоброжелательно относится к старику Визилу Миньо, он заявляет Пьеретте: «У твоего Визиля повадки гангстера. И ко всему еще он браконьер. Самый настоящий анархист. У нас еще будут из-за него неприятности, помняи мое слово»...⁴⁾). Миньо как всегда склонен видеть в преувеличенно мрачном свете все, что не укладывается в узкие рамки догматических представлений, но доля истины в его словах есть, действительно у Визиля имеют-

¹⁾ «Иностранная литература», № 4, стр. 134—135.

²⁾ Там же, № 4, стр. 135.

³⁾ Там же, № 1, стр. 91.

⁴⁾ Там же, № 1, стр. 91.

ся анархистские наклонности. Это проявляется особенно в конце романа, когда он хочет отомстить охранникам за смерть Бомаска, обрушить на дорогу, по которой они едут, целую скалу. Только вмешательство Пьеретты предотвращает этот террористический акт, который враги использовали бы против партии.

Старый коммунист Кювро руководил в 1924 году стачкой, закончившейся победой рабочих. В течение двадцати лет он был пугалом для всех буржуа Ключо. Как считает Ноюбле, из Пьеретты лишь в будущем выйдет второй Кювро. Старик обладает большим опытом классовой борьбы и готов поделиться им с младшими товарищами, он еще лучше, чем Пьеретта, разбирается в людях и указывает на ее ошибки. Например, Пьеретта слишком непримиримо относится к тем рабочим, которые имеют дополнительные заработки на стороне, — это затрудняет ей работу в профсоюзе. Кювро говорит Пьеретте: «Они защищаются как умеют... Ты не должна ругать их. Ты должна им объяснить, что их дельце — вещь ненадежная и что они, помимо своей воли, делят участь всего рабочего класса в целом»¹⁾). Оказавшись под арестом, Кювро терпеливо разъясняет жандарму, за что борются рабочие, первый высказывает мысль, что надо бежать. Но Кювро появляется лишь в нескольких эпизодах, при этом только дает советы товарищам, а сам никакими новыми делами не подкрепляет свою старую славу.

В заключение мы можем сделать вывод, что Роже Вайяну во многом удалось решить проблему создания положительного героя на материале современной французской жизни. Заслугой писателя является то, что существенные черты нового героя он стремился воплотить в глубоко индивидуализированные образы отдельных персонажей, наделенных присущими только им характерами, чувствами, страстями. Особенно ярок и глубок образ Пьеретты, он свидетельствует о пристальном внимании автора к внутреннему миру нового человека. Все это дает основание считать роман «Пьеретта Амабль» шагом вперед на пути становления социалистического реализма во французской литературе.

¹⁾ «Иностранная литература», 1955, № 2, стр. 109.

Н. В. ФИЛИППОВИЧ

**«БОРЬБА ПРОГРЕССИВНЫХ РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА ЗА ЕДИНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК»**

*(Изучение темы по курсу истории русской литературы,
8 класс)*

Последовательное проведение принципа историзма в преподавании историко-литературного курса старших классов требует от учителя наряду с разбором вопросов борьбы и смены литературных направлений и преемственности художественных образов и идей также и ознакомления учащихся с развитием русского литературного языка. Конечно, в условиях политехнизации школы на этом останавливаться подробно нет необходимости. Однако не следует игнорировать такую важную сторону историко-литературного процесса. К сожалению, недооценка ее имеет место в практике работы отдельных школ еще и по настоящее время.

Ознакомление с некоторыми моментами развития русского литературного языка, хотя бы и в самой краткой форме, имеет не только образовательное, но и воспитательное значение.

Учащиеся должны почувствовать величие и мощь нашего языка, ощутить его красоту и выразительность, научиться ценить огромный труд, вложенный писателями-классиками и теоретиками в дело создания нашего литературного языка. Поэтому преподавание учебного материала во вопросам развития русского литературного языка должно осуществляться учителями со всею тщательностью.

Разбираемый нами вопрос получил отражение в следующих темах действующей школьной программы:

«Значение Ломоносова в истории русского литератур-

ного языка»; «Борьба прогрессивных русских писателей в начале XIX века за единый литературный язык»; «Значение Пушкина в истории русского литературного языка». Кроме того, итоговая тема по курсу русской литературы XIX в. «Мировое значение русской литературы» также предполагает в своем объеме освещение роли главных русских писателей в развитии литературного языка.

Вопрос о роли писателей-классиков в обновлении и обогащении языка разбирается при работе над соответствующими монографическими темами. Изучение итоговой темы «Мировое значение русской литературы» предполагает лишь обобщение пройденного.

Что касается учебного материала по борьбе прогрессивных писателей в начале XIX века за единый литературный язык, то его изучение планируется программой в объеме обзорной темы «Литература первого периода русского освободительного движения».

В практике работы некоторых школ наблюдались случаи, когда учитель из-за трудностей данной обзорной темы вовсе не знакомил учащихся с этим учебным материалом. Возникали в работе учителей также затруднения с подбором нужного ему материала.

В настоящей статье мы имеем в виду оказать посильную помощь учителю при усвоении учащимися элементов истории литературного языка на фактах борьбы прогрессивных русских писателей в начале XIX века за единый литературный язык. В разработке дается материал для изучения, вопросы для закрепления, перечень наглядных пособий.

МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ

Период первой четверти XIX в. характеризуется в России борьбой между двумя литературными обществами: «Беседой любителей русского слова» и «Арзамасом».

Реакционно настроенные отдельные дворянские круги были недовольны языковой реформой Карамзина, которая ставила себе задачей сблизить литературный язык с живой разговорной речью дворянского общества.

Обеспокоенные «либеральными» мероприятиями начала царствования Александра I, эти круги считали, что создание такого общепонятного языка вытекает якобы из стремления сделать всех людей равными. Возглавлял эти круги дворянства А. С. Шишков. В 1803 году он высту-

пил с книгой «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», в которой указывал, что «желание некоторых новых писателей сравнить книжный язык с разговорным... не похоже ли на желание тех новых мудрецов, которые помышляли все состояния людей сделать равными?» В этой работе Шишков доказывал, что языком русской литературы должен быть язык церковнославянский, что было совершенно неверно. Особенно выступал Шишков против иностранных слов, проникших в русский язык, так как он боялся, что с иностранными словами, особенно с французскими, в Россию могут проникнуть прогрессивные идеи, выдвинутые французской революцией 1789 года. Для замены проникших в русский язык иностранных слов, а также неологизмов Карамзина, Шишков предлагал пользоваться такими церковнославянскими словами, которые отвергались уже Ломоносовым. Эти предложения Шишкова так же как и новые словообразования, принадлежавшие ему лично, были явно неудачными. Шишков предлагал говорить вместо «биллиард» — «шарокат», вместо «тротуар» — «топтальник», вместо «оратор» — «краснослов» и т. п. Шишков дошел до того, что слово «переворот», являющееся неологизмом Карамзина, считал опасным, видя в нем перевод французского слова «революция». Однако книга Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» имела и положительные стороны. В ней Шишков отмечает, что новообразования, проникшие в русскую литературу, являются искусственными, в логическом и стилистическом отношении — неудачными.

Для того, чтобы доказать это, Шишков, пародируя утонченность и манерность слога сентименталистов, простое предложение «луна светит» преобразовал в такую фразу: «бледная Геката отражает тусклые отсветки»; фразу «деревенским девкам навстречу идут цыганки» заменил в стиле сентименталистов фразой — «пестрые толпы сельских ореад сретаются со смуглыми ватагами пресмыкающихся фараонит».

В правильности этих суждений Шишкова учащиеся могут убедиться и сами, вспомнив отдельные выражения из повести Карамзина «Бедная Лиза», например, «вместилище Лизина праха» (вместо слова «могила»), «восходящее светило дня» (вместо слова «солнце») и др.

В 1811 году Шишков и его сторонники объединились

в литературное общество «Беседа любителей русского слова». В состав этого общества входили — поэт Г. Р. Державин, граф Хвостов, князь Шаховской, князь Шихматов и др. Собрания «Беседы» проходили в торжественной обстановке. Съезжалось высшее общество столицы, и в его присутствии специальный чтец декламировал произведения присутствующих тут же членов «Беседы». Особенно торжественными стали эти собрания после того, как председатель общества Шишков сделался президентом Российской Академии. Члены «Беседы» в литературе выступали защитниками классицистического направления. Они старательно культивировали старые жанры, особенно хвалебную оду. Литературу они пытались ограничить преимущественно рамками придворной поэзии, обслуживающей узкий круг титулованной знати. В своих одах они славословили «мудрых» монархов и «доблестных» завоевателей. Участники «Беседы» выступили против своих противников: писателя Карамзина и его последователей, а позже против поэта Жуковского. Они высмеивали чрезмерную чувствительность их произведений. Один из участников общества, князь Шаховский, высмеял поэта Жуковского в комедии «Липецкие воды» в образе унылого поэта Фиалкина, «молодого человека с растрепанными чувствами и измятой наружностью». Сохранились также любопытные воспоминания современника С. П. Жихарева, близкого в то время к Шишкову. С. П. Жихарев как-то выступил с разбором русских переводов стихотворения английского поэта Грея «Сельское кладбище». Из 2-х переводов этого стихотворения один был сделан Жуковским, а другой — участником общества «Беседа» П. И. Кутузовым. Жихарев прочитал на собрании общества перевод стихотворения, сделанный Жуковским, стараясь сохранить его мелодичность. После этого он сказал, что стихи Жуковского сами невольно врезаются в память, а перевод, сделанный Кутузовым, запоминается очень трудно. Однако Жихарев шутливо замечает, что это стоило ему «дорого»: за столом обнесли винегретом, его любимым кушаньем¹⁾.

Сторонники Карамзина, для которых его имя было знаменем просвещения и прогресса, смело приняли вызов Шишкова и его последователей. В 1815 г. в противовес

¹⁾ С. П. Жихарев. Записки современника, изд-во Академии наук СССР, М.-Л., 1955, стр. 438—439.

«Беседе» они организовали литературное общество «Арзамас». Поводом для его создания послужило уже известное учащимся выступление одного из членов «Беседы» Шаховского с его комедией «Липецкие воды», направленной против В. А. Жуковского. Свое название общество получило от города Арзамаса, около которого находилось имение Блудова, одного из друзей Жуковского. Блудов высмеял Шаховского в своем произведении «Видение в Арзамасе». В общество «Арзамас» входили писатели и культурные деятели того времени: Жуковский, поэт Батюшков, поэт В. Л. Пушкин, Блудов. Позже в него вступили будущие члены тайных обществ декабристов: Н. И. Тургенев, Никита Муравьев и, наконец, только что окончивший лицей великий русский поэт Пушкин. Все члены общества приняли условные имена, заимствованные из баллад Жуковского. Сам Жуковский назывался «Светланой», А. С. Пушкин — «Сверчком», поэт Батюшков — «Архиллом» и т. д. Всех этих писателей, часто различных по своим политическим и литературным взглядам, объединяла борьба против реакционного направления литературной деятельности «Беседы». Члены «Арзамас» стояли за подлинное просвещение и за свободное развитие литературы и языка. Они были заинтересованы в уничтожении влияния Шишкова, в проведении реформы языка, в сближении литературы с жизнью. Поэт В. Л. Пушкин в послании «К арзамасцам» так определил задачи общества:

...Прямая наша цель есть польза, просвещение.
Богатство языка и вкуса очищенье...

Арзамасцы высмеивали подчас излишнюю вражду Шишкова к иностранным словам и его неудачные словообразования. От них исходили различные пародии на шишковские приемы употребления слов. Фразу с несколькими иностранными словами «Франт идет из цирка в театр по бульвару в калошах» арзамасцы переделывали в стиле Шишкова следующим образом: «Хорошилище грядет по гульбищу из ристалища на позорище в мокроступах». Арзамасцы осыпали членов «Беседы» остроумными и часто колкими стихами. Они высмеивали их бездарные сочинения, которые не пользовались никаким успехом у читателей. Поэты Батюшков и Измайлов в произведении, написанном ими совместно, охарактеризовали литературное творчество членов «Беседы» так:

... Друзья! Почто покойных нет
Певцов среди «Беседы»!
Их вирши сгнили в кладовых,
Иль съедены мышами,
Иль продают на рынке в них
Салакушку с сельдями...

Основное значение литературного общества «Арзамас» заключается в борьбе за прогрессивное развитие литературы и литературного языка.

Общества «Беседа» и «Арзамас» просуществовали недолго. Первое окончило свое существование в 1816 г., второе — в 1818 г.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ

Содержание учебного материала мы рекомендуем закрепить в беседе с учащимися по таким, примерно, вопросам:

1. Как отнеслись к языковой реформе Карамзина реакционно настроенные дворяне?
2. Как расценивал Шишков в своей книге «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» стремление некоторых новых писателей сравнить книжный язык с разговорным?
3. Какой язык, по мнению Шишкова, должен был стать языком русской литературы?
4. Как относился А. С. Шишков к иностранным словам, проникшим в русский язык?
5. Приведите примеры словообразований А. С. Шишкова.
6. Что было положительного в критике А. С. Шишкова по отношению к последователям школы Карамзина?
7. Назовите основных участников литературного общества «Беседа любителей русского слова» и охарактеризуйте деятельность общества.
8. Назовите основных участников литературного общества «Арзамас» и охарактеризуйте деятельность этого общества.
9. Каково значение литературного общества «Арзамас» в истории русской литературы и литературного языка?

ПЕРЕЧЕНЬ НАГЛЯДНЫХ ПОСОБИЙ

Наглядными пособиями по изучению разбираемого учебного материала могут являться портреты писателей-

декабристов: Рылеева — с миниатюры известного художника; Раевского — с фотографии; Кюхельбекера — с гравюры Матюшина и др. Портреты участников литературных обществ «Беседа» и «Арзамас»: Шишкова, основателя общества «Беседа», с гравюры Райта; Шаховского, члена общества «Беседа», с гравюры неизвестного художника; Хвостова, члена общества «Беседа», с литографии Мошарского; Жуковского в молодости, члена общества «Арзамас», с рисунка Эстеррейха; В. Л. Пушкина, члена общества «Арзамас», с гравюры Галактионова; А. С. Пушкина в молодости, члена общества «Арзамас», с гравюры Гейтмана; Батюшкова, члена общества «Арзамас», с рисунка Кипренского. Желательно продемонстрировать копию автографа Жуковского «Список избранных арзамасцев» (листок из протокола заседания общества).

В качестве источника названных пособий можно рекомендовать: М. М. Калаушин «Пушкин в портретах и иллюстрациях» — пособие для учителей средней школы, под редакцией Д. Д. Благого, учпедгиз, Л. 1951 г.

Данный перечень пособий является минимальным. Учитель может по своему усмотрению использовать и другие пособия из предлагаемого источника.

Б. Н. ГОЛОВИН

СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ВОПРОС О МЕСТЕ ВИДА В ФОРМО- И СЛОВООБРАЗОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ГЛАГОЛА

1.

В изучении современного состояния системы русского языка вообще и системы русского глагола в частности находит все большее применение исследовательский прием соотнесения языковых категорий и языковых единиц.

Этот прием опирается на реальную сопряженность языковых фактов, обладающих взаимоисключающими и при этом взаиморазличающими признаками. Например, сопряжены, взаимно исключают друг друга и взаимно же различают (или может быть, лучше «отличают» гласные и согласные, твердые и мягкие, звонкие и глухие звуки, полные и краткие прилагательные, категории числа имен существительных, главные и второстепенные члены предложения и т. д. В изучении этих и многих других фактов применим, хотя и по-разному, прием их соотнесения.

Применим этот прием и в изучении системы глагола, прежде всего — глагольного словообразования. Производящие и производные глаголы на первой и второй ступени их образования имеют яркую сопряженность и отчетливо выраженные признаки взаимного исключения и различения. *Читать* и *перечитать*, например, сопряжены своими словообразовательными и видовыми отношениями: один глагол не существует без другого как носитель словообразовательных и видовых признаков.

Прием соотнесения языковых единиц обещает дать новые результаты в изучении внутриглагольного словообразования и его связей как с ведущими грамматическими категориями глагола — видом и залогом, так и с лекси-

кой. Вот почему желательны попытки хотя бы схематического пока описания *типов* соотносительности производящей и производной основ.

Так, можно выделить *полную лексическую* соотносительность, при которой каждое значение производящей основы «усваивается» основой производной и при этом лексически изменяется в результате взаимодействия производной основы и приставки. Глагол *делить*, например, дан Толковым словарем Д. Н. Ушакова с четырьмя значениями, и все значения сохранены и лексические изменены в глаголе *разделить*: 1. *делить имущество* — *разделить имущество*; 2. *делить 25 на 5* — *разделить 25 на 5*; 3. *делить кров и пищу с кем-л.* — *разделить кров и пищу с кем-л.*; 4. *делить с кем-л. горе и радость* — *разделить с кем-л. горе и радость*. Однако, как правило, многозначные производящие глаголы не имеют полной лексической соотносительности с глаголами производными: приставка обычно «избирает» из нескольких значений производящей основы лишь некоторые — те, что трансформируются в основе производной. В таких случаях мы сталкиваемся с *неполной лексической соотносительностью* глагольных основ. Глагол *глядеть* дан в том же словаре с восьмью значениями, но лишь одно из них — «направлять взгляд, иметь глаза, направленными на кого-что-н.» — вошло в производную приставочно-аффиксальную основу *заглядеться*, трансформировавшись в результате взаимодействия производящего значения основы и значения производящего сцепленного комплекса *до—ся*.

Известно, что в русском языке производная глагольная основа часто не отличается от производящей содержанием своих лексических значений. Глагол *выделить*, по данным словаря Д. Н. Ушакова, имеет семь значений. Все они, по-видимому, «усваиваются» без каких-либо дополнительных лексических наслоений производным глаголом *выделять*: 1. *выделить* — *выделять слабых учеников в отдельную группу*; 2. *выделить* — *выделять товарищей для работы в деревне*; 3. *выделить* — *выделять способных студентов* (в смысле «отличить, заметить среди других»); 4. *выделить* — *выделять слова жирным шрифтом*; 5. *выделить* — *выделять часть имущества*; 6. *выделить* — *выделять дочерей* (устар.); 7 — *выделить* — *выделять смолу*.

В таких случаях налицо *полная грамматическая соотносительность* основ, которая проявляется в том, что каждое значение производящей основы «входит» в производ-

ную основу, изменяя лишь видовую принадлежность, но не изменяя лексического содержания. Полная грамматическая соотносительность чаще наблюдается в области второй ступени глагольного слово- и формообразования. В области же первой ступени глагольного слово- и формообразования такая соотносительность — явление редкое, зато здесь сравнительно часты случаи *неполной грамматической соотносительности* основ, отличающейся от полной лишь тем, что не каждое значение производящей основы «выходит» в основу производную — следовательно, сохраняя тождество лексических значений, производящая и производная основы различаются их числом. Глагол *звать*, по данным словаря С. И. Ожегова, имеет три значения: а) «голосом приглашать прийти, приблизиться», б) «приглашать куда-н.», в) «именовать, называть». Первое и второе значения сохраняются производным глаголом *позвать*, не меняют своего лексического содержания; третье же значение не «вошло» в производную основу, и таким образом, это значение выключено из соотношения основ. Неполной грамматической соотносительностью связаны, например, и глаголы *зеленеть* — *позеленеть*, *зеленеть* — *зазеленеть*.

Логика заставляет предполагать существование в языке и *лексико-грамматической соотносительности* основ, которая должна бы выражаться в том, что одни производящие значения соотнесены с соответствующими производными *лексически*, другие же — лишь *грамматически*, т. е. никакого лексического изменения, преобразования, приращения в производной основе не получают. Однако наблюдения над фактами из области глагольного словообразования не дают пока основания утверждать, что лексико-грамматическая соотносительность основ уже возникла.

Можно думать, что в настоящее время в русском языке основными типами соотносительности глагольных основ являются те четыре, которые были названы выше, а именно: *лексическая полная соотносительность*, *лексическая неполная соотносительность*, *грамматическая полная соотносительность* и *грамматическая неполная соотносительность*.

Однако эта ясная типология осложняется тремя моментами: а) развитием словообразовательной полисемии, б) влияниями внутривидовых значений, в) процессами опрощения глагольных основ.

Термином «словообразовательная полисемия» здесь названо наличие двух или нескольких словообразовательных значений в одном и том же ряду производных основ, причем такие значения развиваются на базе одних и тех же значений производящих.

Так, глаголы *задергать*, *закачать*, *застирать*, *заговорить* несут каждый по два однотипных словообразовательных значения: а) начать действие производящей основы, б) причинить вред, утомить тем же действием. Глаголы *прочитать*, *продумать*, *проговорить*, *пропеть* также несут два значения: а) окончить действие, б) осуществить это действие в течение достаточно длительного отрезка времени (сравним: «Прочитал книгу» и «Прочитал целый день», «Продумал задачу» и «Продумал два часа», «Проговорил неразборчиво две фразы» и «Проговорил все заседание», «Пропел песню» и «Пропел весь вечер»).

Развитие словообразовательной полисемии ведет к тому, что одно производящее значение начинает соотноситься с двумя или несколькими производными (*читал книгу* соотносится с *прочитал книгу* и *прочитал книгу всю ночь*). Такую соотносительность, возможно, следует назвать *расщепленной*, не предрешая, разумеется, ответа на вопрос о том, какой — лексический или грамматический характер имеют «расщепившиеся» производные значения в их отношении к значению производящему.

По-видимому, расщепленная соотносительность может быть *лексической* (значения производной основы, опирающиеся на одно и то же производящее значение, изменяют его *лексически*) и *лексико-грамматической* (значения производной основы относятся к своему производящему различно: одно из производных значений изменяет производящее *лексически*, другое же — изменяет *лишь видовую принадлежность* производящего).

По-особому расщепление соотносительности глагольных основ выглядит тогда, когда оно возникает в результате взаимодействия особых внутривидовых значений со значениями вида и с лексическими значениями основ. Дело в том, что глаголы несовершенного вида обнаруживают, как правило, три разновидности значения несовершенности (три внутривидовых значения)¹⁾: а) «осуществлять

¹⁾ Наблюдения над внутривидовыми значениями автор этой статьи изложил в работах: 1. «О видовых и внутривидовых значе-

действие глагольной основы в определенный момент времени», б) «осуществлять действие глагольной основы время от времени, повторно; заниматься осуществлением этого действия», в) «быть способным к осуществлению действия глагольной основы, иметь свойство производить или воспринимать его». Так, глагол *читать* может значить: а) «осуществлять чтение в определенный момент времени». «Мы слышим, как за стеной кто-то читает фельетон из *«Правды»*»; б) «осуществлять чтение время от времени, повторно заниматься чтением» (*Тихон Матвеевич много читает, особенно по вечерам*); в) «быть способным осуществлять чтение» (*Елена Клавдиевна прекрасно читает по-английски и по-французски, но говорит на этих языках несвободно*).

И вот, соотносительность глагольных основ заметно и сильно осложнена вторжением внутривидовых значений. Как правило, в области первой ступени глагольного слово- и формообразования производная основа сокращает число внутривидовых значений производящей основы до одного, а в области второй ступени глагольного формо- и словообразования, наоборот, производная основа вновь увеличивает число внутривидовых значений до трех (или, в известных случаях, двух). Это значит, что соотносительность глагольных основ в области внутривидовых значений не может быть полной. А если так, возникает вопрос: отличаются ли друг от друга так называемые парные по виду «формы» только значением вида?

Наконец, общий обзор типов соотносительности глагольных основ должен, очевидно, включать в себя некоторые замечания о влиянии на нее явлений (процессов) опрощения. В глаголе *идти* словарь Ожегова насчитывает 24 значения; в главе же *выйти* тот же словарь регистрирует лишь семь значений, и в их числе такие, которые, в результате действия процессов опрощения, не осознаются производными от значений производящей основы. Вот они: а) «получиться, образоваться в результате какой-н. обработки» (Из куска материи *вышло* два платья);

ниях современных русских глаголов». — «Ученые записки Вологодского государственного педагогического института», т. VII, филологический. Вологда, 1950, с. 249; 2. «О приставочных формах выражения внутривидовых значений в современном русском языке». — «Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина», т. 54. М. Учпедгиз, 1952, с. 37.

б) «получиться, оказаться как следствие чего-то» (Из него *вышел* хороший инженер). Глагол *вязать* имеет, по данным того же словаря, четыре значения, а глагол *навязать* — три; но лишь одно из трех значений производной основы соотносится с одним из значений производящей основы (*вязать чулки — навязать чулок*); другие же значения производной основы не являются по существу производными и не имеют живой соотносительности ни с одним из производящих современных значений. Эти и подобные факты (весьма, кстати, многочисленные) позволяют, думается, говорить о наличии в системе русского глагола *неполной и полной формальной соотносительности глагольных основ*. Формальная соотносительность является неполной тогда, когда не все значения производной основы утратили связь со значениями основы производящей (примеры были только что даны); формальная соотносительность оказывается полной тогда, когда ни одно из значений производной основы не имеет живой связи ни с одним из значений основы производящей, и соотносительность остается выявленной только формальным сходством основ: *верить — доверить, быть — добыть, вести — довести, пасти — запасти, дать — издать, купить — искупить, вернуть — извернуться, винить — извиниться* и т. д. Конечно, степень «формализации» глагольной соотносительности оказывается очень различной.

2.

Намечаемые в статье типы соотносительности глагольных основ неодинаково выявлены в области первой и в области второй ступени внутриглагольного формо- и словообразования. Эти различия соотносительности основ, связанные с двумя степенями формо- и словообразования, требуют пристального наблюдения и изучения, так как их понимание могло бы серьезно помочь в решении некоторых проблем лексикологии, грамматики и лексикографии. Пока можно высказать лишь отдельные предварительные наблюдения и соображения по этому вопросу.

В области первой ступени внутриглагольного формо- и словообразования активными являются типы лексической соотносительности — полной, неполной и формальной. Внешне все эти типы отмечены префиксальным и

префиксально-аффиксальным распространением производящей основы по схеме *качать* — *откачать* или *ходить* — *находиться* (устать, ходить).

Глагол *катить*, например, является производящим по отношению ко многим глаголам: *вкатить*, *выкатить*, *докатить*, *закатить*, *накатить*, *обкатить* (*окатить*), *перекатить*, *прикатить*, *покатить*, *подкатить*, *прокатить*, *раскатить*, *скатить*, *укатить*.

Этот глагол, если верны сведения толковых словарей, располагает двумя значениями: 1) «двигать, вращая или заставляя скользить по какой-н. поверхности» (*катить бочку, шар, мяч*); 2. «Быстро ехать» (*катить на велосипеде, в автомобиле, на тройке*).

Производно-приставочные глаголы в одних случаях используют оба эти значения: *докатил мяч до порога* и *докатили, не останавливаясь, до города*; *прикатили бочки с пивом* и только что *прикатили с ярмарки*; *покатил мячик* и опять *покатил к своему приятелю*; *котенок прокатил шарик мимо двери* и *прокатил на рысаках мимо клуба*; *укатил пуговицу в самый дальний угол* и *укатил со своими друзьями неизвестно куда*. Здесь налицо, таким образом, полная лексическая соотносительность производящей и производных основ.

В других случаях производно-приставочные основы используют лишь одно первое значение производящей основы: *обкатить катушку вокруг стола*, *перекатить бочку с одного места на другое*, *раскатить бревна в разные стороны*, *скатить снежный ком с горки*. Здесь мы видим неполную лексическую соотносительность производящей и производных основ.

Наконец, в третьих случаях приставочно-производная основа, опираясь на значения производящей основы, развивает вместе с тем и такие значения, которые не соотносятся ни с одним из значений производящих. Так, в числе значений глагола *вкатить* есть и такое, которое можно определить — «неожиданно и отрицательно оценить чьи-либо знания, работу, поведение»: *учитель вкатил Петрову двойку*; *ему вкатили выговор за поведение*. Глагол *закатить*, в числе других, имеет значение «неожиданно и интенсивно проявить себя в действии или деятельности»: *закатить пощечину*, *закатить истерику*, *закатить пир горой*, *закатить обед на сто персон*, *закатить головоломную задачу*. Глагол *накатить* располагает, в числе других,

значением «впасть в болезненное состояние»: *накатило на него сегодня*. Глагол *подкатить* имеет значение — «почувствовать боль внутри, удушье»: *к сердцу подкатило*. Глагол *прокатить* может означать «раскритиковать, лишить доверия, не избрать куда-л.»: *тебя в стенгазете прокатили; его на собрании прокатали* и т. д.

Очевидно, что все только что иллюстрированные значения лишены живой соотносительности со значениями производящей основы, поэтому в случаях *катить* — *вкатить*, *катить* — *закатить*, *катить* — *накатить*, *катить* — *подкатить* и *катить* — *прокатить* мы видим неполную формальную соотносительность основ; кажется, именно в таких случаях обнаруживается ясная тенденция к выделению формально соотносимых производных значений в самостоятельное, отдельное слово-омоним.

В области первой ступени внутриглагольного формо- и словообразования наблюдаются и случаи расщепленной соотносительности. Так, шесть значений глагола *зайти* опираются лишь на два производящих значения глагола *идти* («двигаться, переступая ногами» и «двигаться, перемещаться»).

В той же области внутриглагольного словообразования активен способ *суффиксально-аффиксального* производства глаголов совершенного вида, связанный с дополнительным осложнением словообразовательных соотношений между основами: *идти* — *пройтись*, *идти* — *разойтись*, *идти* — *сойтись* и т. д.

В области второй ступени глагольного слово- и формообразования обнаруживаются свои особенности типологии соотносительности глагольных основ. Прежде всего, нельзя не заметить, что в этой области активно выявлена грамматическая соотносительность. Это объясняется известным науке фактом давней грамматикализации суффиксов *-а-*, *-ыва-*, *-ва-*, т. е. всех главных суффиксов, распространяющих производные основы первой ступени и образующих производные основы второй ступени. Известно также, что при помощи этих суффиксов почти от каждого глагола совершенного вида (приставочного и приставочно-аффиксального) образуется «парная» форма несовершенного вида: *вручить* — *вручать*, *врыть* — *врывать*, *вселиться* — *вселяться*, *вскинуть* — *вскидывать*, *всклочить* — *всклочивать*, *вскормить* — *вскармливать*, *вскочить* — *вскакивать*, *вслушаться* — *вслушиваться*, *нажарить* — *нажари-*

затя. нажариться — нажариваться, нажить — наживать, нажиться — наживаться, обложить — облагать, пережить — переживать и т. д.

Заметных лексических различий между производящими и производными основами в области второй ступени формо- и словообразования, как правило, нет. Отсюда можно было бы сделать вывод о полном господстве здесь «чистой» грамматической соотносительности. Однако это не совсем так. Внутривидовые значения нарушают её предполагаемую ясность и определенность. Правилom оказывается то, что производная основа несовершенного вида богаче внутривидовыми значениями, чем производящая основа совершенного вида. *Вручить* — значит «завершить акт вручения». Но *вручать* — значит и «осуществлять акт вручения в данный момент» (*Мы видим, как председатель вручает диплом нашему лучшему гимнасту*), и «осуществлять акт вручения время от времени, повторно, обычно, исполнять обязанности вручения чего-л.» (*Грамоты облсовета вручает его председатель*), и, наконец, — «иметь способность, особую выучку, необходимую для осуществления акта вручения» (*Наш директор артистически вручает награды на торжественных заседаниях*).

Таким образом, грамматическая соотносительность основ на второй ступени формо- и словообразования оказывается не «чистой», а расщепленной из-за влияния на нее, идущего со стороны внутривидовых значений.

В некоторых же случаях обнаруживается очевидное расхождение основ и по их лексическим значениям. Академический словарь устанавливает наличие в слове *заворачивать* значения «распоряжаться, управлять, руководить»; этого значения нет в производящей основе *завернуть*. Тот же словарь в статье *заводиться* — *завестись* дает значение «начинаться, затеваться» (*заводились танцы, драки*); едва ли это значение есть в слове *завестись*. В глаголе *заговариваться* словарь регистрирует значение «говорить бессвязно, невпопад; путаться, сбиваться в речи»; это значение отсутствует в производящем глаголе *заговориться*. Значение *загребать* — «делать движения руками при плавании или как при плавании» не отражено производящим словом *загрести*. Примеры могут быть умножены без особого труда.

Очевидно, что и в этих случаях налицо расщепляющая соотносительность, но расщепление здесь лексическое, а не

грамматическое, как в случаях с несоотносительностью внутривидовых значений.

На второй ступени внутриглагольного формо- и словообразования соотносительность глагольных основ особенно заметно осложнена влияниями, связанными с использованием аффикса — *ся*.

Не вполне ясно, например, как соотносятся возвратные глаголы *загримироваться* — *загримировываться*, *загрязниться* — *загрязняться*, *задаться* — *задаваться*, *задержаться* — *задерживаться* и подобные. Эта неясность сказывается и в исследованиях по грамматике и словообразованию, и в лексикографической практике. Обычно подобные глагольные пары даются в словарях в пределах одной и той же словарной статьи (иногда с выделением в отдельную статью страдательно-возвратного глагола), не отграничивается видовое и залоговое словообразование от видового и залогового формообразования.

Например, глагол *задерживаться* дан в Академическом словаре подле глагола *задерживать*, и в словарной статье, в качестве парной, указана форма *задержаться*. Значит, по убеждению составителей словаря, *задержаться* и *задерживаться* тождественны лексически и различаются лишь значениями вида. Но это, конечно, не так: ведь *задерживаться* образовано от *задерживать*, а *задержаться* (параллельно) от *задержать*. Страдательное значение формы *задерживаться* («подвергаться задержке», по определению составителей словаря) несвойственно слову *задержаться*.

Действительная, реальная языковая соотносительность производящей и производной основ в таких случаях сложна и противоречива. Ее можно было бы изобразить такой схемой, указывающей пути от производящих основ к производным:

I задержать задержаться IV
II задерживать задерживаться III

В этом прямоугольнике четыре члена. Первый и второй члены лексически почти тождественны, грамматически различаются видом и внутривидовыми значениями; они образуют видовую пару. Первый и четвертый члены связаны лексико-грамматической залоговой соотносительностью в пределах одной и той же ступени глагольного слово- и формообразования. Их соотношение может быть

передано формулой «*задержать кого-то или что-то: задержать самого себя*»; эти члены имеют тенденцию к объединению в залоговую пару. Второй и третий члены соотнесены аналогично соотнесенности первого и четвертого, но с «чрезвычайной прибавкой»: четвертый член имеет, помимо средnezалогового, еще и страдательное значение, обнаруживающее тенденцию к выделению в самостоятельное слово-омоним. Наконец, четвертый и третий члены имеют грамматическую соотнесенность, подобную соотнесенности членов первого и второго, но осложненную различием залогового значения: четвертый член имеет средний залог, а третий — средний и страдательный. Положение третьего члена в цепи словообразования оказывается двойственным: он осознается произведенным одновременно от двух основ — *задерживать* (*задерживать — задерживаться* несомненно соотнесены по страдательному залогу) и *задержаться* (*задержаться и задерживаться* соотнесены подобно соотнесенности *задержать — задерживать*). Положение четвертого члена (*задержаться*) по отношению к третьему (*задерживаться*) также двойственно: формально *задержаться* может быть производящим словом по отношению к *задерживаться*, по залоговому же значению *задержаться* зависит от *задерживаться*: страдательное значение формы несовершенного вида, возникшее раньше и вполне ясное в современном русском языке, отраженно появляется и в формах совершенного вида, хотя не во всех и очень неотчетливо. Оно есть, например, в случаях *лампа зажглась, карандаш заточился, ящик стола задвинулся, бревно еле-еле распилилось, часы починились* и под.

Вторая ступень внутриглагольного формо- и словообразования заметно осложнена, таким образом, вторжениями в нее залоговых соотношений, которые своеобразно ставят всю проблему видовой парности глаголов: для ее прояснения нужно определить место залоговых образований страдательного значения — являются ли они самостоятельными словами или же остаются в сфере возвратного глагола со средnezалоговым значением? Не следует ли признать страдательные глагольные основы формами соответствующих им действительных?

Можно подумать и о том, как, вообще, должна быть поставлена и решена проблема парности глагольных основ по залогу?

Пристальное изучение типов соотносительности глагольных основ могло бы содействовать известному прояснению вопроса о месте вида в слово- и формообразовании глагола.

По-видимому, для того, чтобы производящая и производная основы могли стать формами одного глагольного слова, они должны быть связаны *полной грамматической соотносительностью*; только в этом случае такие основы окажутся лексически тождественными — образуют «чистую» видовую пару.

Но даже и в этом случае соотношение глагольных основ не будет тождественно классическим образцам соотношения грамматических форм падежа в имени или форм времени в глаголе. Ведь падежные формы имени и временные формы глагола имеют, как правило, одну и ту же основу (различие основ времени не выходит сейчас за пределы формально-звуковых наращений, не затрагивающих семантику основы). Парные же по виду основы отличаются друг от друга формально-семантически: приставкой, суффиксом или же сцеплением приставки и суффикса (аффикса).

Во-вторых, различие между формами падежа в имени или формами времени в глаголе никак не отражается на отименном или отглагольном словообразовании. Различие же парных по виду глаголов отражается на отглагольном образовании имен очень заметно: от *перечитывать* язык образовал имя *перечитывание*, а от *перечитать* имя неизвестно; от *исказить* язык произвел *искажение*, а от *исказать* имя не произведено: вспомним также *заплыть* — *заплыв*, но *заплывать* — *заплывание* и т. д.

В-третьих (и это самое главное), даже в самых бесспорных случаях парная видовая соотносительность глагольных основ лишена той определенности и чистоты, которые свойственны отношениям между формами падежа в имени или формами времени в глаголе. Можем ли мы утверждать, например, что в области второй ступени глагольного формо- и словообразования соотносимые парные формы семантически идентичны? Едва ли. Лексикографическая практика самого последнего времени не устраняет, а укрепляет наши сомнения. В V томе Академического словаря находим десятки глаголов несовершенного вида,

иллюстрированных высказываниями, содержащими парную к иллюстрируемой форму совершенного вида. В статье *избавляться* даны три иллюстрации — и все с глаголами совершенного вида. В статье *избаловывать* шесть иллюстраций — и ни одна из них не содержит спрягаемой формы иллюстрируемого глагола несовершенного вида. Подобным образом подобраны иллюстрации и к значениям глаголов *извязывать, изгаживать, изгаживаться, изгибать, изглаживать, изглаживаться, изгрызть, издирать, издыривлять* и т. д.

Это произошло потому, что во многих случаях видовой парности глаголов нет тождества значений производной и производящей основ, и поэтому степень употребительности каждой из них отнюдь неодинакова: многие формы несовершенного вида, выдвинутые составителями словаря на заглавное место, вообще, вероятно, не употребляются или же остаются как факты речи, не закрепляясь в системе языка.

Достаточно вспомнить, в связи с этим, хотя бы о том, что многие глаголы совершенного вида не обнаруживают никакого намека на внутреннее расслоение по внутривидовым значениям. Но эти значения (три или, по крайней мере, два) свойственны почти всем глаголам несовершенного вида, что накладывает отпечаток на весь объем смыслового значения глагола. Между формами совершенного и несовершенного вида возникают и развиваются большие или меньшие расхождения смысла, а в результате не может сложиться та идеальная парность по виду, которая одна только могла бы служить основанием для понимания видовой пары как объединения двух форм одного слова.

Члены видовой пары на второй ступени глагольного формо- и словообразования не имеют, как правило, ни тождества семантики, ни идентичности ее развития. Они в этом смысле обладают заметной автономией — и прежде всего из-за резкого расхождения систем внутривидовых значений.

На первой ступени формо- и словообразования нередко встречается *неполная грамматическая соотносительность*. Но она не дает видовой пары, так как не создает лексического тождества производящей и производной основ. Перечисляемые ниже соотношения, как известно, принято считать чисто видовыми: *любить — полюбить, чув-*

ствовать—*почувствовать*, *сеять*—*посеять*, *верстать* — *сверстать*, *петь* — *спеть*, *терпеть*—*стерпеть*, *шить*—*сшить*, *фиксировать* — *зафиксировать*, *душить* — *задушить*, *красть* — *украсть*, *морить* — *уморить*, *ваять*—*изваять*, *печь*—*испечь*, *топить* — *истопить*, *писать* — *написать*, *печатать* — *напечатать*, *хмуриться* — *нахмуриться*, *точить* — *наточить*, *потеть* — *вспотеть*, *бунтовать* — *взбунтовать* (и даже *взбунтоваться*), *мужать* — *возмужать*... Думается, что далеко не все перечисленные соотношения являются действительно парными. Установление видовой парности основ не может дать бесспорных результатов, если не приняты во внимание связи видовых соотношений с соотношениями словообразовательными. Об этом лишний раз говорит неудача, постигшая И. П. Мучника, попытавшегося произвести точный подсчет видовых пар, образуемых различными приставками¹⁾.

В статье И. П. Мучника высказано немало интересных и правильных мыслей. Тем не менее ее центральная часть, содержащая перечни глаголов, имеющих якобы видовую префиксальную «корреляцию», не отражает реального положения вещей и противоречит правильной мысли автора о сложности и многообразии глагольных «корреляций».

Автор убежден, что каждый из префиксов (из числа 14) образует строго определенное число видовых «корреляций»: префикс *в* — одну (?), префикс *при* — пять, префикс *от* — пятнадцать, префикс *по* — двести сорок пять и т. д.

Уже сами по себе точные цифры в этом случае настораживают. Тем более, что в самой статье признается очень большая сложность взаимных отношений лексических и грамматических моментов в «коррелирующих» основах. А ведь эти взаимные отношения находятся в процессе развития, изменения — поэтому-то и исключена возможность точного числового подсчета видовых пар, образованных той или иной приставкой.

По-видимому, автор статьи избрал не вполне надежную методику изучения заинтересовавших его и действительно очень интересных явлений: исследователь произвел подсчеты на основании данных, содержащихся в системе помет словаря Д. Н. Ушакова. Но едва ли все указания

¹⁾ И. П. Мучник. О видовых корреляциях в системе спряжения глагола в современном русском языке. Вопросы языкознания, 1956, № 6, стр. 92.

этого очень хорошего словаря правильны и исчерпывающи. Использование словарных данных в изучении словообразования и морфологии, разумеется, желательно и даже необходимо, но только при условии проверки фактами и мыслью исследователя словарных сведений, при условии применения такой методики, которая обеспечивает объективные научные выводы.

Показать схематизм сведений, содержащихся в рассматриваемой статье, можно, анализируя перечень глаголов с какой-нибудь одной приставкой, например, с приставкой *вы-*. По убеждению автора статьи, эта приставка образует 26 видовых корреляций: *белить* — *выбелить*, *бучить* — *выбучить*, *валять* — *вывалять*, *гладить* — *выгладить*, *дрессировать* — *выдрессировать*, *дудить* — *выдудить* (?), *желтить* — *выжелтить*, *клянчить* — *выклянчить*, *конопатить* — *выконопатить*, *купать* — *выкупать*, *лепить* — *вылепить*, *мочить* — *вымочить*, *муштровать* — *вымуштровать*, *пороть* — *выпороть*, *потрошить* — *выпотрошить*, *рвать* — *вырвать*, *ругать* — *выругать*, *сечь* — *высечь*, *сморкать(ся)* — *высморкать(ся)*, *стирать* — *выстирать*, *сушить* — *высушить*, *тошнить* — *вытошнить*, *травить* — *вытравить*, *утюжить* — *выутюжить*, *холостить* (?) — *выхолостить*.

В числе 26 приставочных глаголов оказались слова, по крайней мере, шести словообразовательных типов, каждый из которых имеет свое типовое словообразовательное значение. Но так как ни один из этих типов не представлен в двадцатishестичленном ряду И. П. Мучника с достаточной полнотой, то сразу же возникает недоуменный вопрос: почему же одни глаголы каждого типа входят в видовую «корреляцию», другие же, с идентичными типовыми значениями, не входят в нее? Ведь отношение к виду всех глаголов, объединенных одним и тем же словообразовательным значением, должно быть, несомненно, одинаковым?

А между тем в перечне глаголов с приставкой *вы-*, данным в статье И. П. Мучника, представлены (неполностью) следующие словообразовательные типы.

1. Объединяет глаголы со значением «распространить действие производящей основы на весь ряд предметов или на весь предмет в целом». В статье даны глаголы *ывалять*, *ыгладить*, *ыконопатить*, *ыутюжить*. Но в статье нет глаголов этого же типового значения — *ымочить*, *ы-*

морозить, выстудить, вымостить, выстлать, выткать и т. д.

2. Объединяет глаголы со значением «распространить действие производящей основы на поверхность предмета». Даны слова *выжелтить, выбелить*; но почему-то в статье нет слов *вызеленить, вычернить, вызолотить, высеребрить, высинить, вымолить, вылудить* и т. п.

3. Объединяет глаголы с типовым словообразовательным значением «действием производящей основы извлечь, изъять, выделить один предмет из другого». Дан глагол *выпотрошить*; вне контекста с этим же значением могут быть восприняты и глаголы *вырвать, выпороть*. Не даны в статье десятки глаголов этого же типа.

4. Объединяет глаголы с общим словообразовательным значением «действием производящей основы изготовить что-либо». Дан один глагол *вылепить*. Но нет в статье глаголов *вычеканить, выпилить, вырубить, выточить, вышить, выстроить, вывязать* и т. п.

5. Объединяет глаголы со значением «получить, приобрести что-либо действием производящей основы». В статье находим опять-таки один глагол *выклянчить*. Но мы не найдем в ней глаголов *выпросить, вымолить, вытребовать, выхлопотать* и т. п.

6. Объединяет глаголы с типовым значением «действием производящей основы изменить состояние объекта, довести его до желаемого результата». В статью попали два таких глагола — *выдрессировать* и *вымуштровать*. Но нет в статье слов того же самого общего значения — *выездить, выкормить, выучить, вынянчить, выпестовать, вылечить, вытрезвить* и т. д.

Таким же схематизмом характеризуются и все остальные перечни «коррелирующих» глаголов, составленные И. П. Мучником, введенным в заблуждение предвзятой идеей возможности установить видовые «корреляции» без предварительного изучения сложной системы словообразовательных значений, абстракцией от которых и является ведь значение вида!

Невнимание к глагольному словообразованию заставило автора упомянутой статьи предположить, что приставка *в-* образует одну видовую «корреляцию»; *скоро-дить* — *вскородить*. Но ведь *скородить* по производящему словообразовательному значению входит в один ряд со словами *пахать, боронить, бороздить*. Ни с одним из этих глаголов приставка *в-* как будто не соединяется, — раз-

только в речи? Но с ними свободно соединяется приставки *вз-*: *вспахать, взборонить, взбороздить*. В этот же ряд очень спокойно встает и глагол... *вскородить*. Может быть, потому, что в нем нет и не было приставки *в-*, а была приставка *вз-*, теперь фонетически деформированная? Но это, конечно, частность.

Главное же состоит в том, что перечни «коррелирующих» глаголов, предложенные вниманию исследователей И. П. Мучником, не выдерживают проверки фактами. А это наводит на мысль о том, что прежде чем подсчитывать количество приставочных глаголов, образующих чистовидовые «корреляции», нужно, очевидно, заняться трезвым и систематическим описанием типов приставочного внутриглагольного словообразования и типов соотносительности глагольных основ.

Мысль В. В. Виноградова о том, что «соотносительные парные формы совершенного и несовершенного вида — при отсутствии различий в лексических значениях — являются формами одного и того же глагола»¹⁾, формулирует очень сложную проблему, для полного решения которой наука не располагает пока достаточными данными²⁾.

Во всяком случае, для ее решения необходимо отказаться от предположения, будто в языке существуют лишь соотношения типа *читать — читатель* (разные слова) и *читатель — читателя — читателю* (разные формы одного слова). Эти соотношения в языке есть, но ими не исчерпывается реальное богатство и многообразие подобных соотношений. Между этими крайними, полярными соотношениями располагаются какие-то переходные, смешанные, формо-словообразовательные соотношения, тяготеющие к тому или иному из двух полярных пунктов на структурно-языковом пути от словообразования к образованию грамматических форм одного и того же слова. На таком пути парные соотношения глаголов типа *читать — прочитывать* или *вычитать — вычитывать* занимают место недале-

¹⁾ В. В. Виноградов. Русский язык. Учпедгиз, 1947, с. 498.

²⁾ Новые интересные данные и соображения, относящиеся к этой проблеме, находим в работах: А. Н. Гвоздев. О соотношении форм несовершенного и совершенного видов. — Русский язык в школе, 1955, № 2; В. П. Григорьева. Префиксация как средство внутриглагольного словопроизводства в современном русском литературном языке. (Автореферат диссертации). М., 1955.

кое от крайнего «формообразовательного пункта»; а соотношения типа *читать — дочитать, ехать — отъехать* занимают место, недалекое от крайнего «словообразовательного пункта». Где-то на этом пути нашли свое место и залоговые соотношения основ.

Но все эти и им подобные сложные вещи могут быть уяснены только в случае тщательного изучения различных типов соотносительности производящей и производной основ. В результате могла бы получить дополнительное освещение и проблема зависимости, существующей между степенью грамматикализации соотносимых основ и типовым словообразовательным значением глагола, т. е. тем значением, которое является обобщением ряда значений ряда глаголов, полученным на базе распространения их основ с помощью одного и того же словообразовательного аффикса.

Тенденция соотносящихся основ к объединению в одно слово, очевидно, тем сильнее, чем ближе типовое словообразовательное значение к значению предела в развитии процесса и чем шире такое типовое значение захватывает различные лексические значения производящих основ. Типовое же словообразовательное значение тем ближе к значению предела, чем отвлеченнее исторически вторичные значения глагольных приставок, или же чем ближе их исторически первичные значения (пространственные и — затем — временные) к значению указания на достижение известной границы, предела, результата.

Так, среди типовых словообразовательных значений глаголов с приставкой *в-* нет таких, которые допускали бы видовую парность производной и производящей основ. Можно думать, что это объясняется тем, что *пространственное* значение приставки достаточно ясно проступает почти во всех словообразовательных типах, даже в том из них, значение которого можно определить — «привыкнуть к действию производящей основы, освоиться с ним» (*грызть — вгрызться, глядеть — вглядеться, думать — вдуматься*); ведь здесь по существу метафоризация словообразовательного значения!

Но зато среди типовых словообразовательных значений глаголов с приставкой *вы-* есть несколько таких, которые порождают сильную тенденцию к объединению соотносимых глагольных основ в видовую пару. Таковы значения: «действием производящей основы изготовить что-либо» (*рубить — вырубить, тачать — вытачать, шить — вышить*,

звать — *вызывать*); «действием производящей основы приобрести, получить что-либо» (*клянчить — выклянчить, просить — выпросить, молить — вымолить, плакать — выплакать*); «действием производящей основы достичь результата в изменении состояния объекта» (*учить — выучить, нянчить — вынянчить, ходить — выходить*).

Грамматикализуемые словообразовательные значения находим и в глаголах с приставкой *за-*: «завершить действие производящей основы» (*морозить — заморозить, парить — запарить, сахарить — засахарить, спиртовать — за-спиртовать, сушить — засушить, калить — закалить*); «достичь предела в развитии состояния» (*мигать — замигать, киснуть — закинуть, матереть — заматереть, мерзнуть — замерзнуть*); «начать действие производящей основы» (*кашлять — закашлять, качать — закачать, кричать — закричать, бегать — забегать, плавать — заплавать*). Последнее значение наиболее отчетливо грамматикализировалось и по какому-то традиционному недоразумению рассматривается в кругу словообразующих, не допускающих объединения производящей и производной основ в видовую пару.

В. А. ШИТОВ

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ДВУЗВЕННЫМ ОДНОРОДНО-РАЗНОСКРЕПНЫМ СОПОДЧИНЕНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ ¹⁾

В различных стилях современного русского литературного языка широко употребляются сложные предложения с двузвенным однородным соподчинением, в которых обе придаточные части присоединены к соответствующей главной каждая своим союзом или союзным словом.

Многие из таких предложений характеризуются тем, что союзы или союзные слова, выступающие в указанной функции, являются одинаковыми. Этот тип сочетания двух придаточных с одной главной частью сложного предложения можно было бы назвать однородноскрепным двузвенно-однородным соподчинением ²⁾.

Определенное распространение в современном русском литературном языке имеют и такие сложные предложения, в которых обе придаточные части присоединены к соответствующей главной каждая своим союзом или союзным словом, причем эти союзы или союзные слова являются различными, хотя и употреблены для выражения синтаксически однородных отношений между соответ-

¹⁾ Предлагаемая работа является продолжением нашей статьи об однородном соподчинении предложений, опубликованной в 1956 году. (В. А. Шитов. Сложные предложения с однородным соподчинением в современном русском литературном языке. Вологодский государственный педагогический институт. «Ученые записки», том XVIII, филологический; Вологда, 1956, стр. 271—359).

²⁾ Основные особенности строения и употребления сложных предложений с однородноскрепным двузвенно-однородным соподчинением в современном русском литературном языке были рассмотрены нами в упомянутой выше статье об однородном соподчинении.

ствующими частями сложного предложения с двумя придаточными. Данный тип сочетания двух придаточных с одной главной частью сложного предложения целесообразно называть разноскрепным двузвенно-однородным соподчинением.

Специальному рассмотрению сложные предложения с однородно-разноскрепным соподчинением до сих пор, насколько нам известно, не подвергались. Между тем, такие сложные предложения, характеризуясь структурным многообразием и широкой употребительностью в различных стилях современного русского литературного языка, безусловно, заслуживают специального рассмотрения. Они представляют собой, по-видимому, продуктивный, развивающийся тип сложных предложений с двумя придаточными.

Не отмечена самая возможность именно разноскрепного однородного соподчинения и изданной Академией наук СССР «Грамматикой русского языка», где говорится: «...придаточные соподчиненные... связываются с главным предложением при помощи одного и того же союза или союзного слова, а также вопросительно-относительных наречий»¹⁾. Правда, среди иллюстративных примеров в упомянутой «Грамматике» один раз встречается сложное предложение именно с разноскрепным однородным соподчинением²⁾.

Упоминание о сложных предложениях интересующей нас структуры содержится в статье И. А. Василенко «Сложные предложения с однородным соподчинением»³⁾. Не употребляя самого термина «разноскрепное однородное соподчинение», И. А. Василенко сообщает о таких предложениях, что придаточные части в них «соединены с главной с помощью не одних и тех же, а разных союзных слов»⁴⁾ и «следуют за главной частью, точнее—непосредственно за тем словом главного предложения, которое они раскрывают. По значению эти придаточные чаще

¹⁾ Грамматика русского языка, изд. Академии Наук СССР, том II, часть II, М., 1954, стр. 361.

²⁾ Имеется в виду следующее сложное предложение: «Никто не предупредил Воропаева о том, куда его ведут и что он увидит...». Павленко. Счастье, 1, 5. (Академия наук ССР. Грамматика русского языка, том II, часть II, М., 1954, стр. 362).

³⁾ И. А. Василенко. Сложные предложения с однородным соподчинением. «Русский язык в школе», 1955, № 1, стр. 11—12.

⁴⁾ Там же, стр. 11.

всего являются изъяснительными, определительными и обстоятельственными»¹⁾. «Иногда в стилистических целях в сложных предложениях такого рода возможно выдвижение придаточных частей на первое место»²⁾. «Такая инверсия частей сложного предложения не нарушает его грамматических связей и отношений, но смысловая значимость придаточных увеличивается при перестановке, и все предложение получает более выразительный характер. Хотя эти предложения и встречаются в речи автора, на них лежит явный оттенок разговорной речи. В этом заключается стилистическая функция такого рода инверсии частей сложного предложения»³⁾.

Вся совокупность многочисленных структурных и иных типов рассматриваемых сложных предложений иллюстрируется в статье И. А. Василенко лишь четырьмя заимствованными из прозаических произведений писателей-классиков примерами употребления в русском литературном языке анализируемых сложных предложений.

Таким образом, в статье И. А. Василенко, при всей ее краткости, содержатся некоторые интересные и новые высказывания о специфике сложных предложений именно с разноскрепленным однородным соподчинением.

Однако, не со всеми высказанными И. А. Василенко мыслями можно безоговорочно согласиться.

В частности, в статье утверждается⁴⁾, что при разноскрепленном соподчинении в качестве скреп могут выступать лишь различные союзные слова. Приводимые ниже факты убедительно свидетельствуют о том, что в качестве таких скреп могут выступать не только различные относительные слова, но и (правда, гораздо более редко) различные союзы, а также союзы в сочетании с относительными словами.

В статье И. А. Василенко говорится о том, что в сложных предложениях рассматриваемой структуры (заметим кстати, что у И. А. Василенко речь идет тоже именно только о двузвенном соподчинении) придаточные части являются чаще всего изъяснительными, определительными и обстоятельственными. Обобщение значительного ко-

¹⁾ И. А. Василенко. Сложные предложения с однородным соподчинением, «Русский язык в школе», 1955, № 1, стр. 11—12.

²⁾ Там же, стр. 12.

³⁾ Там же, стр. 11—12.

⁴⁾ Там же.

решения анализируемых ниже фактов позволяет прийти к тому выводу, что чаще всего однородно соподчиненные придаточные части при разноскрепном соподчинении являются именно изъяснительными (в соответствии с традиционной терминологией, — дополнительными или подлежащими). Употребительность же сложных предложений с разноскрепным однородным соподчинением, имеющих в своем составе определительные или различного рода обстоятельственные придаточные части составляет ничтожный процент по отношению к употребительности сложных предложений аналогичной структуры с изъяснительными придаточными частями. У И. А. Василенко же получается, что сложные предложения с разноскрепным однородным соподчинением, имеющие в своем составе изъяснительные, определительные и различного рода обстоятельственные придаточные части, характеризуются приблизительно одинаковой употребительностью в русском литературном языке. Отметим кстати, что в числе приведенных И. А. Василенко в упомянутой статье четырех сложных предложений с разноскрепным однородным соподчинением нет ни одного сложного предложения с определительными придаточными частями.

В конце статьи И. А. Василенко говорится о том, что в сложных предложениях с однородным соподчинением соединение придаточных частей с помощью различных крепок происходит «очень редко»¹⁾. По нашим наблюдениям, сложные предложения с разноскрепным однородным соподчинением широко распространены в нашем языке²⁾, употребляясь отнюдь не «очень редко», хотя,

1) И. А. Василенко. Сложные предложения с однородным соподчинением. «Русский язык в школе», 1955, № 1, стр. 12. Аналогичное высказывание содержится и в другой статье того же автора (И. А. Василенко. Сложные предложения с неоднородным соподчинением. «Русский язык в школе», 1953, № 5, стр. 21).

2) Кстати, никак нельзя согласиться с утверждением Д. Э. Розенталя о том, что повторение одинаковых союзов или союзных слов является нарушением литературной нормы в сложных предложениях. (Д. Э. Розенталь. Культура речи лектора. М., 1956, стр. 32—33). Правда, примеры сложных предложений с однородным соподчинением и повторяющимися союзами или союзными словами у Д. Э. Розенталя отсутствуют, но и из приводимых в перечне нарушений литературной нормы примеров сложных предложений с последовательным подчинением и одинаковыми скрепами вполне очевидно, что любое сложное предложение с соподчинением и одинаковыми скрепами следует, как предлагает Д. Э. Розенталь, счи-

конечно, несколько реже, чем сложные предложения с однокрепными или однородноскрепным однородным соподчинением. Следует отметить также, что в сложных предложениях с многозвенным однородным соподчинением соединение с соответствующей главной частью придаточных частей разными скрепами решительно преобладает над соединением придаточных частей одинаковыми скрепами или одной скрепой.

Некоторые краткие сведения о сложных предложениях с двузвенным разноскрепно-однородным соподчинением сообщает И. А. Василенко в своей докторской диссертации (судим по опубликованному на правах рукописи автореферату ее ¹⁾).

Во-первых, в диссертации отмечено, что изредка однородно-разноскрепные соподчиненные придаточные могут присоединяться к соответствующей главной части не только различными относительными словами, но и различными союзами, например, *что* и *чтобы*, а также *сколь ни* и *как бы* ²⁾. Таким образом, И. А. Василенко называет только две пары различных союзов, выступающих в функции присоединять к соответствующей главной разноскрепные однородно соподчиненные придаточные части. На самом деле, таких пар, как будет показано ниже, гораздо больше. К тому же, вряд ли целесообразно сочетания *сколь ни* и *как бы* безоговорочно относить к числу союзов ³⁾. Аналогичные сочетания (равно как и скрепы *когда* и *как*), сохраняя, как правило, возможность употребляться в функции тех или иных членов придаточного предложения и будучи связанными по своему происхождению с вопросительно-относительными местоимениями или наречиями, рассматриваются ниже в качестве союзных слов.

тать нарушением литературной нормы. На самом деле, сложные предложения с однородным соподчинением и одинаковыми скрепами (также как и сложные предложения с разноскрепным однородным соподчинением) широко распространены в современном русском литературном языке и нарушениями литературной нормы, конечно, ни в коей мере не являются.

¹⁾ И. А. Василенко. Сложное предложение в современном русском литературном языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, М., 1954.

²⁾ Там же, стр. 16.

³⁾ Это тем более нецелесообразно, что в том же автореферате на стр. 18 в паре *сколь* и *коли* И. А. Василенко находит уже относительные слова, а не союзы, с чем опять же, имея в виду скрепу *коли*, трудно согласиться.

Во-вторых, в диссертации значительно подробнее, чем в соответствующей статье того же автора ¹⁾, рассмотрен вопрос о таких сложных предложениях с двузвенным однородным соподчинением, в которых придаточные присоединяются к соответствующей главной части различными относительными словами, причем перечисляются некоторые пары различных относительных слов, используемых для грамматической связи с соответствующей главной частью однородно соподчиненных придаточных. Всего таких пар И. А. Василенко насчитывает 18: *что и сколько, что и как, что и какой, где и куда, где и откуда, куда и где, откуда и отчего, зачем и куда, что и кто, какой и как, кто и почему, что и почему, насколько и сколько, сколь и коли, сколько и как, который и когда, куда и какой, когда и кто* ²⁾. Подчеркивается в диссертации, что «однородное соподчинение с помощью различных относительных слов — живой... способ образования соподчиненных предложений» ³⁾. «Этот способ, — говорится далее, — интересен тем, что здесь сочиняются подчиненные части сложного предложения с различными значениями, вносимыми самими относительными словами как членами предложения. В большинстве случаев придаточные части, вводимые различными относительными словами, относятся к сказуемому главной части, реже — к обстоятельству члену» ⁴⁾.

Таким образом, в докторской диссертации И. А. Василенко, посвященной в целом гораздо более общей проблеме, содержатся, по сравнению с упоминавшейся выше статьей об однородном соподчинении того же автора, несколько более подробные сведения о сложных предложениях с двузвенным разноскрепно-однородным соподчинением ⁵⁾.

¹⁾ И. А. Василенко. Сложные предложения с однородным соподчинением. «Русский язык в школе», 1955, № 1, стр. 8—12.

²⁾ И. А. Василенко. Упом. автореферат, стр. 18.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же.

⁵⁾ Изложение вопроса о разноскрепно-однородном соподчинении в статье И. А. Василенко, опубликованной в 1956 году (И. А. Василенко. Сложное предложение с соподчинением в современном русском литературном языке. «Ученые записки» Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина, том LI, М., 1956; стр. 73—75, 78) ничем существенным не отличается от изложения этого же вопроса в упомянутой диссертации того же автора.

Однако некоторых существенных вопросов, касающихся особенностей структуры и употребления в русском литературном языке таких сложных предложений, И. А. Василенко не затрагивает ни в диссертации, а некоторые другие вопросы, важные для данной узкой темы, затрагиваются им лишь вскользь.

Так, например, почти не затрагиваются в упомянутой диссертации вопросы специфики в сложных предложениях с разноскрепным однородным соподчинением синтаксических взаимоотношений между однородными придаточными частями, с одной стороны, и соответствующей главной частью, с другой стороны.

Имея в виду различные относительные слова, выступающие в качестве скреп при разноскрепно-однородном соподчинении, И. А. Василенко насчитывает, как отмечено выше, 18 пар различных относительных слов, употребляемых в такой функции; на самом деле, таких пар различных относительных слов во много раз больше, как о том свидетельствуют приводимые ниже факты.

Наконец, ничего не говорится в диссертации И. А. Василенко о таких имеющих определенное распространение в русском литературном языке сложных предложениях с однородным двузвенно-разноскрепным соподчинением, в составе которых одна из однородно соподчиненных придаточных частей присоединена к соответствующей главной части союзом, а другая — относительным словом.

Анализу предложений с однородным соподчинением, встречающихся в художественных произведениях А. М. Горького посвящена защищенная в 1954 году кандидатская диссертация В. В. Казмина.¹⁾ Некоторые наши соображения по поводу достоинств и недостатков этой диссертации в целом были уже изложены нами ранее²⁾.

Говоря о сложных предложениях интересующей нас структуры, В. В. Казмин останавливается только на тех

¹⁾ В. В. Казмин. Сложное предложение с однородными придаточными частями (союзное подчинение). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону, 1954. Рукопись. Автореферат указанной диссертации. Ростов-на-Дону, 1954.

²⁾ См. стр. 281—285 нашей статьи «Сложные предложения с однородным соподчинением в современном русском литературном языке», опубликованной в «Ученых записках» Вологодского государственного педагогического института, том XVIII, филологический, Вологда, 1956.

предложениях, в составе которых разноскрепно-однородные придаточные присоединяются к соответствующей главной части различными относительными словами. Таких пар различных относительных слов, выступающих в функции скреп при разноскрепно-однородном соподчинении, В. В. Казмин насчитывает уже 55: *который и что, который и кто, который и какой, который и чей, который и где, который и куда, который и откуда, который и когда, что и который, что и какой, что и чей, что и где, что и куда, что и откуда, что и когда, кто и который, кто и какой, кто и чей, какой и который, какой и что, какой и кто, какой и чей, какой и где, какой и куда, какой и откуда, какой и когда, чей и который, чей и что, чей и кто, чей и какой, чей и где, чей и куда, чей и откуда, где и который, где и что, где и какой, где и чей, где и куда, где и откуда, куда и который, куда и что, куда и какой, куда и чей, куда и где, куда и откуда, откуда и который, откуда и что, откуда и какой, откуда и чей, откуда и куда, откуда и когда, когда и который, когда и что, когда и какой, когда и откуда*¹⁾.

Этот перечень является гораздо более обширным, чем у И. А. Василенко, хотя и далек от исчерпывающего.

Существенным недостатком диссертации В. В. Казмина является то, что точный учет пар различных относительных слов, употребляемых А. М. Горьким в качестве скреп при разноскрепно-однородном соподчинении почти не сопровождается анализом синтаксических взаимоотношений между разноскрепно-однородными придаточными, с одной стороны, и соответствующей главной частью сложного предложения, с другой стороны. А между тем, как будет показано ниже, сложные предложения с разноскрепно-однородным соподчинением заметно отличаются от сложных предложений с односкрепным или однородноскрепным однородным соподчинением, помимо прочего, также и определенной спецификой синтаксических взаимоотношений между главной частью и совокупностью разноскрепно-соподчиненных придаточных.

Ничего не говорится в диссертации В. В. Казмина о разноскрепно-однородном соподчинении придаточных ча-

¹⁾ В. В. Казмин. Сложное предложение с однородными придаточными частями (союзное подчинение). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону, 1954, стр. 7.

стей с помощью различных союзов, а также с помощью союза и союзного слова. Это, по-видимому, обусловлено тем, что сложные предложения соответствующей структуры, вообще имеющие некоторое распространение в различных стилях современного русского литературного языка, не были зафиксированы В. В. Казминым в текстах художественных произведений А. М. Горького, из других же источников языковые факты в упомянутой диссертации не извлекались.

В формальном отношении сложные предложения с двузвенным однородно-разноскрепным соподчинением не менее разнообразны, чем сложные предложения с двузвенным же однородноскрепным или односкрепным однородным соподчинением.

Обзор наиболее продуктивных в современном русском литературном языке структурных типов сложных предложений с двузвенным однородно-разноскрепным соподчинением целесообразнее всего производить, классифицируя упомянутые сложные предложения по специфичным именно для разноскрепно-однородного соподчинения признакам.

Таких признаков может быть выделено, прежде всего, два. Это, во-первых, — характер синтаксических взаимоотношений между однородно соподчиненными придаточными частями сложного предложения, с одной стороны, и соответствующей главной частью того же сложного предложения, с другой стороны; во-вторых, это — скрепы, употребляемые в сложном предложении для присоединения к соответствующей главной части разноскрепно-однородных придаточных.

Специфичность для рассматриваемых сложных предложений второго из указанных признаков не нуждается в особых комментариях, поскольку речь идет именно о разноскрепно-однородном соподчинении.

Что же касается особенностей синтаксических взаимоотношений между совокупностью соподчиненных придаточных и соответствующей главной частью сложного предложения, то этот признак является специфичным для анализируемых сложных предложений и может служить одним из оснований их классификации потому, что упомянутые взаимоотношения в сложных предложениях с разноскрепно-однородным соподчинением во много раз менее разнообразны, чем в сложноподчиненных предло-

нениях с одной придаточной частью и значительно менее разнообразны, чем в сложных предложениях с односкрепным или однородноскрепным однородным соподчинением.

В сложноподчиненных предложениях с одной придаточной частью синтаксические взаимоотношения между главной и придаточной частями могут быть самыми разнообразными, и обычно насчитывается около полутора десятков основных видов таких взаимоотношений, а в связи именно с этим, около полутора десятков «типов» придаточных.

В сложных предложениях с односкрепным или однородноскрепным однородным соподчинением основных «видов» или «типов» синтаксических взаимоотношений между совокупностью однородно соподчиненных придаточных и соответствующей главной частью насчитывается уже несколько меньше и, по-видимому, не более десятка.

Подавляющее же большинство сложных предложений с разноскрепно-однородным соподчинением (до 90% их общего количества) характеризуется принципиально однотипными — именно дополнительными — синтаксическими взаимоотношениями между совокупностью разноскрепно-однородных придаточных частей и соответствующей главной частью.

Гораздо более редко (около 10% по отношению к общему количеству) встречаются сложные предложения с разноскрепно-однородным соподчинением, имеющие в своем составе подлежащные или определительные придаточные. Наконец, лишь в качестве редчайших исключений, часто как своеобразные отступления от синтаксических норм, могут употребляться в современном русском литературном языке сложные предложения, имеющие в своем составе уступительные, временные, условные и некоторые другие разноскрепно-однородные соподчиненные придаточные части.

Некоторые же «типы» придаточных, по-видимому, принципиально не могут даже в редких случаях употребляться в составе сложных предложений анализируемой структуры. Это, вероятнее всего, связано именно с разноскрепным характером однородного соподчинения в рассматриваемых сложных предложениях, поскольку для осуществления самой возможности такого соподчинения необходимо, чтобы однотипные однородно-соподчиненные придаточные присоединялись к соответствующей части

сложного предложения именно различными скрепами. В современном же русском литературном языке употребляются, помимо прочих, конечно, и некоторые такие «типы» придаточных предложений, которые могут присоединяться к соответствующим главным частям сложного предложения очень ограниченным кругом скреп, а иногда даже всего одной-двумя скрепами (как, например, следственные и целевые придаточные). Естественно, что такие придаточные не могут в составе сложного предложения с соподчинением употребляться в качестве разноскрепно-однородных.

И наоборот, чем большим количеством скреп в сложноподчиненных предложениях с одной придаточной частью может быть присоединена к соответствующей главной определенного типа придаточная часть, тем чаще употребляются такие придаточные в составе сложных предложений соподчинением в качестве разноскрепно-однородных.

Таким образом, синтаксические взаимоотношения между совокупностью однородно соподчиненных придаточных частей и соответствующей главной частью характеризуются в сложных предложениях с разноскрепно-однородным соподчинением известной специфичностью как по сравнению со сложными предложениями, имеющими в своем составе лишь одну придаточную часть, так и по сравнению со сложными предложениями с односкрепным или однородноскрепным однородным соподчинением, имеющими в своем составе две придаточные части.

Это позволяет при рассмотрении сложных предложений с разноскрепно-однородным соподчинением и выделении в их числе различных структурных типов основываться прежде всего именно на характере синтаксических взаимоотношений между совокупностью разноскрепно-однородных соподчиненных придаточных и соответствующей главной частью сложного предложения. Всего таких структурных типов анализируемых сложных предложений ниже выделено десять, причем до 90% общего количества сложных предложений с двузвенным разноскрепно-однородным соподчинением (а всего анализу было подвергнуто около двух тысяч таких сложных предложений) относится к первому типу, и более 98% общего количества рассматриваемых сложных предложений относится к первым трем типам.

Внутри каждого из структурных типов могут быть выделены три подтипа:

А. Обе разноскрепно-однородные соподчиненные придаточные присоединяются к соответствующей главной части различными относительными словами;

Б. Одна из разноскрепно-однородных соподчиненных придаточных частей присоединяется к соответствующей главной части относительным словом, а другая — союзом;

В. Обе разноскрепно-однородные соподчиненные придаточные присоединяются к соответствующей главной части различными союзами.

Внутри каждого из подтипов в зависимости от того, какие именно конкретные скрепы употреблены в данном сложном предложении для связи разноскрепно-однородных соподчиненных придаточных с соответствующей главной частью сложного предложения, могут быть выделены различные структурные разновидности.

Каждое конкретное сложное предложение с двузвенным однородно-разноскрепным соподчинением, помимо специфики скреп, соединяющих с соответствующей главной частью соподчиненные придаточные, и характера синтаксических взаимоотношений между совокупностью придаточных и соответствующей главной частью, всегда характеризуется и иными особенностями своей структуры.

Одна из этих иных структурных особенностей рассматриваемых сложных предложений состоит, например, в различных для разных сложных предложений анализируемой структуры типах видо-временного соотношения глаголов-сказуемых в соподчиненных придаточных и в соответствующей главной части. Однако эта особенность, по нашим наблюдениям, ни в коей мере не является специфичной для сложных предложений именно с разноскрепно-однородным соподчинением, ибо закономерности видо-временных соотношений глаголов-сказуемых в сложных предложениях с разноскрепно-однородным соподчинением совершенно таковы же, какими они являются в сложных предложениях с однокрепным или однородно-скрепным однородным соподчинением¹⁾.

Подобно этому, не является специфичной для разноскрепного соподчинения возможность объединения однородных придаточных частей сочинительными союзами. За-

¹⁾ Из-за недостатка места опускаем подтверждающие факты.

кономерности употребления сочинительных союзов в сложных предложениях с разноскрепно-однородным соподчинением являются опять же совершенно теми же самыми, что и в сложных предложениях с односкрепным или однородноскрепным однородным соподчинением¹⁾.

Не являются специфичными для разноскрепно-однородного соподчинения и закономерности взаимного расположения однородно соподчиненных придаточных, с одной стороны, и соответствующей главной части, с другой стороны¹⁾.

Учитывая изложенное, при специальном рассмотрении особенностей структуры сложных предложений с разноскрепно-однородным соподчинением следует обращать преимущественное, если не исключительное внимание именно на специфические их структурные особенности, а таких особенностей у рассматриваемых сложных предложений, как уже указывалось выше, две: специфика крепов, соединяющих с соответствующей главной частью соподчиненные придаточные, и характер синтаксических взаимоотношений между совокупностью придаточных и соответствующей главной частью.

Поскольку эти специфичные для сложных предложений с разноскрепно-однородным соподчинением структурные особенности теснейшим образом связаны одна с другой и частично обуславливают одна другую, поскольку оказывается возможной классификация сложных предложений с двузвенным разноскрепно-однородным соподчинением, основанная на учете обеих упомянутых особенностей одновременно.

Каковы же основные структурные типы, подтипы и разновидности широко употребляемых в современном русском литературном языке сложных предложений с двузвенным разноскрепно-однородным соподчинением?

1-ый тип. Придаточные являются дополнительными по отношению к соответствующей главной части сложного предложения.

Подтип А. Придаточные присоединяются к соответствующей главной части сложного предложения различными относительными словами.

Разновидность I. Первая придаточная часть присоединяется к соответствующей главной части сложного

¹⁾ Из-за недостатка места опускаем подтверждающие факты.

предложения относительным словом *где*, вторая же придаточная часть присоединяется к той же главной части относительным словом *как*. Например:

«Я не знал состава исполнителей, не знал даже, *где* снимается фильм, *как* идет работа». (В. Овечкин. О кинофильме «Своими руками». «Литературная газета» от 11 февраля 1956 г.).

Разновидность 2. Относительные слова *где* и *какой*. Например:

«Я не знаю, *где* вы работаете, *какая* у вас должность, это — ваше личное дело». (Б. Ласкин. Подходящий момент. «Огонек», 1957, № 1).

Разновидность 3. Относительные слова *где* и *кто*. Например:

«И Ольга, оправив юбку, побежала бегом, сама еще не зная, *где* ей искать этого Амильджана и *кто* он, собственно». (П. Павленко. Труженики мира; 1, 4).

Разновидность 4. Относительные слова *где* и *почему*. Например:

«Он не сразу соображает, *где* он и *почему* здесь». (А. Акимов. Первое сентября; 8).

Разновидность 5. Относительные слова *где* и *что*. Например:

«Однако опять же ничего не пойму, *где* я и *что* со мной стряслось». (М. Шолохов. Судьба человека).

Разновидность 6. Относительные слова *зачем* и *как*. Например:

«Всё дело в том, *зачем* писатель выбрал именно такой случай и *как* он рассказывает его». (В. Смирнова. Об ответственности таланта. «Литературная газета» от 12 февраля 1953 г.).

Разновидность 7. Относительные слова *зачем* и *какой*. Например:

«— Врут! Хитрят! — думал Рукавишников, но *зачем* врут и *какая* тут заложена мина, он никак не мог постичь». (И. Горелик. Первые страницы; I, VI, 2).

Разновидность 8. Относительные слова *зачем* и *куда*. Например:

«Скворцы темной тучей поднялись над самым садом отца протоиерея, но Почешихин и Оптимов уже не видели их; они

стояли и всё глядели вверх, стараясь понять, *зачем* собралась такая толпа и куда она смотрит». (А. Чехов. Брожение умов).

Разновидность 9. Относительные слова *зачем* и *отчего*. Например:

«Монахи тоже заплакали и с участием стали расспрашивать, *зачем* он плачет, *отчего* лицо его так угрюмо, но он не сказал ни слова и заперся в своей келье». (А. Чехов. Без заглавия).

Разновидность 10. Относительные слова *зачем* и *что*. Например:

«Секунданты были смущены и переглядывались друг с другом, как бы спрашивая, *зачем* они тут и *что* им делать». (А. Чехов. Дуэль; XIX).

Разновидность 11. Относительные слова *как* и *где*. Например:

«Узнал не мало он смешного — интриг секретных шесть иль пять, узнал, невесты *как* богаты, *где* свахи водятся иль сваты; но занял более всего мысль беспокойную его рассказ о молодой соседке». (М. Лермонтов. Тамбовская казначейша; XVIII).

Разновидность 12. Относительные слова *как* и *каков*. Например:

«Но ему также интересно знать, *как* живут советские люди, *каков* их быт». (В. Кожеников. Женщина нового Китая. «Правда» от 12 января 1953 г.).

Разновидность 13. Относительные слова *как* и *какой*. Например:

«Товарищи вспоминали, *как* Чех шутил, *какой* он был храбрый и невозмутимый». (И. Эренбург. Девятый вал; 84).

Разновидность 14. Относительные слова *как* и *когда*. Например:

«О марше почти не вспоминали, а если и вспоминали, то лишь думая о том, *как* процент износа моторов скажется на возможности их форсирования в бою и *когда* подойдет второй эшелон с запасами бензина, необходимыми в случае затяжных манёвренных операций». (К. Симонов. Товарищи по оружию; 14).

Разновидность 15. Относительные слова *как* и *кто*. Например:

«Он дружески расспрашивал, *как* выглядит Москва, с кем Саблон там встречался». (И. Эренбург. Девятый вал; 47).

Разновидность 16. Относительные слова *как* и *насколько*. Например:

«Всё это наглядно показывает, *как* боятся народа те, кто заседает сейчас во дворце стадиона «Форум Италии», *насколько* их замыслы далеки от интересов широких народных масс». (О. Чечёткина. Очередное собрание поджигателей войны. Правда от 27 ноября 1951 г.).

Разновидность 17. Относительные слова *как* и *откуда*. Например:

«*Как* звать его, *откуда* родом он, — об этом ничего я не узнаю». (М. Матусовский. Памяти неизвестного солдата).

Разновидность 18. Относительные слова *как* и *почему*. Например:

«Вспоминая, каким одиноким он выглядел в ту минуту, Аня не понимала, *как* она могла остаться в стороне, *почему* она тогда не побежала за ним следом, не сказала: ты прав! — не сказала: люблю больше, чем когда бы то ни было!». (В. Кетлинская. Дни нашей жизни; 4, 7).

Разновидность 19. Относительные слова *как* и *сколько*. Например:

«Посмотри, *как* Зоя ожила, *сколько* в ней надежды и тепла». (Л. Ошанин. Зоя Павловна).

Разновидность 20. Относительные слова *как* и *чей*. Например:

«Но всё-таки от начала до конца я понимаю, *как* автор относится к происходящему, *на чьей* стороне он, и, как всегда бывает в таких случаях, чувствую авторскую интонацию». (С. Антонов. Письма о рассказе. «Литературная газета» от 27 декабря 1952 г.).

Разновидность 21. Относительные слова *как* и *что*. Например:

«Судья заехал к Кларку, мялся, спрашивал, *как* здоровье госпожи Кларк, *что* поделявает Белла». (И. Эренбург. Десятый вал; 49).

Разновидность 22. Относительные слова *каков* и *как*. Например:

«Подали самовар, и Гаврила Гаврилович послал девчонку узнать от Марьи Гавриловны, *каково* ее здоровье и *как* она почивала». (А. Пушкин. Метель).

Разновидность 23. Относительные слова *каков* и *какой*. Например:

«Чехословацкий народ неоднократно имел возможность собственными глазами убедиться, *каковы* в действительности эти «избранные лица», засылаемые американскими органами на территорию Чехословацкой Республики, и *какой* цели служит «помощь», предоставляемая им указанными выше органами». (Нота Чехословацкого правительства правительству США. «Правда» от 12 февраля 1952 г.).

Разновидность 24. Относительные слова *каков* и *кто*. Например:

«Многочисленные сообщения иностранной печати не оставляют сомнений в том, *каково* назначение этих опорных пунктов и *против кого* они направлены». (А. Максимов. «Оплоты мира» по г-ну Ачесону. «Литературная газета» от 20 ноября 1951 г.).

Разновидность 25. Относительные слова *каков* и *насколько*. Например:

«Что дает указание о преобладании в «Русской Правде» полногласных слов над неполногласными, начальных *ро, ло* над *ра, ла*, начального *о* над *е*, на употребление *ж* вместо старославянского *жд*, на наличие в сложном предложении исконно русских союзов и т. д., если мы не знаем, *каково* место этих фактов в других стилях языка, *другими словами, насколько* они важны для характеристики именно «Русской Правды». (В. Д. Левин, А. И. Ефимов. История русского литературного языка. М., 1954. «Вопросы языкознания», 1955, № 5).

Разновидность 26. Относительные слова *каков* и *что*. Например:

«И вот теперь я сообщить вам мчусь, *каков* я был — и *что* со мною случилось!». (С. Есенин. Письмо к женщине).

Разновидность 27. Относительные слова *какой* и *где*. Например:

«Присуждение Сталинских премий показывает также, *в какой* области советская литература успешно движется вперед, завоевывает новые высоты и *где* в нашем литературном хозяйстве есть отсталые участки, на которые наш долг — обратить внимание». (К. Симонов. Ярче и полнее изображать нашу советскую жизнь. «Правда» от 17 марта 1952 г.).

Разновидность 28. Относительные слова *какой* и *как*. Например:

«Посмотрите, с *каким* жадным любопытством наблюдают жизнь крестьянские дети и *как* они метки в своих суждениях». (А. Куприн. Молох; IV);

«Однако теперь Бакир понял — дело не только в том, *каким* видом спорта занимаешься, а *как* это делаешь». (В. Пашинин. Шаг за шагом. «Советский спорт» от 5 февраля 1955 г.).

Последнее из числа приведенных сложное предложение заслуживает особого рассмотрения. Постпозитивные по отношению к соответствующей главной части разнотвердно-однородные придаточные в нем связаны между собой двойным сочинительным союзом *не только...а*.

Обращает на себя внимание переходный характер этой конструкции, близость ее к так называемому разнотвердному соподчинению. Эта близость обуславливается, по-видимому, тем, что к соотносительному слову в составе главной части «в том» в данном предложении относится по смыслу только первая придаточная часть. Вторая же из придаточных частей, с формальной точки зрения являющаяся однотвердно-соподчиненной, подобно первой придаточной части, по отношению к соответствующей главной, к этому соотносительному слову по смыслу не относится, поясняя отсутствующее в составе главной части другое соотносительное слово, которое должно было бы предварять собою непосредственно вторую придаточную часть. Такое опущение соотносительного слова перед второй придаточной частью (а следовательно, и превращение конструкции с разнотвердным соподчинением в конструкцию с однотвердным соподчинением) в тех случаях, когда по смыслу к соотносительному слову в составе главной части относится только первая придаточная часть, является, безусловно, стилистически нежелательным, и конструкции с таким опущением воспринимаются в качестве нарушений синтаксических норм современного русского литературного языка, примером чего и может служить только что приведенное сложное предложение. Конечно, было бы гораздо более приемлемым стилистически выражение того же самого содержания средствами разнотвердного, а не однотвердного соподчинения, то есть если бы, вместо конструкции: «...дело не только в том, каким... а как...» была бы употреблена конструкция: «...дело не только в том, каким..., а в том, как...».

Подобные нарушения грамматических норм построения сложных предложений с соподчинением, получившие определенное распространение, главным образом, в публицистическом стиле современного русского литературного языка последних лет, бесспорно, не должны оставаться вне поля зрения исследователей. Лишь учитывая специфику таких нарушений, можно сформулировать именно нормы построения сложных предложений с двумя или не-

сколькими придаточными в современном русском литературном языке. В настоящее время эти нормы, объективно, вне всякого сомнения, определяющие в литературном языке строение данных конструкций, еще не описаны в теоретическом плане, ввиду почти полной неизученности строения и употребления многих типов сложных предложений с двумя или несколькими придаточными.

Разновидность 29. Относительные слова *какой* и *каков*. Например:

«Кроме того, в статье т. Переславцева есть одно утверждение, свидетельствующее об удручающем непонимании им того, *какую* роль в нашей жизни играют рост и выдвижение молодых кадров и *каковы* наши советские нормы отношения к этому». О молодых кадрах кинорежиссеров и сценаристов. «Литературная газета» от 24 ноября 1951 г.).

Разновидность 30. Относительные слова *какой* и *когда*. Например:

«Сообразите: 1) через *какой* промежуток времени школа останется совсем без дров, а также 2) *когда*, наконец, Октябрьский район пресечет подобные действия этого ретивого начальника?» (Я. Лидин. Есть ли предел? «Учительская газета» от 22 декабря 1956 г.).

Разновидность 31. Относительные слова *какой* и *кто*. Например:

«Посмотрим, *при каких* обстоятельствах война может помогать развитию науки и *для кого* это выгодно». (Э. Кабрера. Способствует ли война научному прогрессу? «В защиту мира», 1953, № 21).

Разновидность 32. Относительные слова *какой* и *насколько*. Например:

«Пример Балабека ошутимо показывает, *какое* сильное влияние может оказать на жизнь правдивый сатирический образ, *насколько* он полезен в той беспощадной борьбе, которую ведет наш народ с уродливыми явлениями, встречающимися в нашей жизни». (Л. Ахвердян. О жанрах. «Советское искусство» от 14 мая 1952 г.).

Разновидность 33. Относительные слова *какой* и *отчего*. Например:

«Не знал он людей, которые, бодрствуя или во сне, проносились мимо его снявшего во мраке зеленого фонаря. Не знал, *по каким* делам они едут, *отчего* снялись с насиженного места и несутся ночью в грохочущем поезде». (Б. Ямпольский. Дорога испытаний; IV, 2).

Разновидность 34. Относительные слова *какой* и *сколько*. Например:

«По выстрелам Карацуна уже знал, *какой* системы у врага револьвер, *сколько* в обойме патронов». (Е. Рябчиков. Следопыт).

Разновидность 35. Относительные слова *какой* и *что*. Например:

«Татьяна видит с трепетаньем, *Какою* мыслью, замечанием бывал Онегин поражен, *В чём* молча соглашался он». (А. Пушкин. Евгений Онегин; VII, XXIII).

Разновидность 36. Относительные слова *когда* и *как*. Например:

«Это не помешало г. Ачесону 31 декабря 1951 г. на парадном обеде, который ему устроили европейские ветераны второй мировой войны в «Вальдорф-Астория», говоря о Корее, сказать: «Мы не знаем, *когда* закончится эта война и *как* скоро она закончится». (6-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Американский план так называемых «коллективных мероприятий» — план подготовки войны. Речь А. Я. Вышинского в Политическом комитете 7 января 1952 г. «Правда» от 11 января 1952 г.).

Разновидность 37. Относительные слова *когда* и *какой*. Например:

«Играют в колхозе свадьбу — председатель решает, *когда, сколько и каких* именно лошадей нужно дать на праздник и в *каком* коробке или в *каких* санях поедут сами молодожены...». (С. Залыгин. Вопросы, которые ставит жизнь. «Литературная газета» от 23 июня 1955 г.).

Разновидность 38. Относительные слова *когда* и *кто*. Например:

«*Когда и в какое* время он поступил в департамент и *кто* определил его, этого никто не мог припомнить». (Н. Гоголь. Шинель).

Разновидность 39. Относительные слова *когда* и *что*. Например:

«Прошу разрешения принимать все нужные меры по всему ходу работ без оглядки на то, *когда* выздоровеет начальник цеха и *что* он скажет». (В. Кетлинская. Дни нашей жизни; 4, 9).

Разновидность 40. Относительные слова *который* и *где*. Например:

«Оставался один выход — необычайный, но совершенно справедливый: надо было просить Владыкина присвоить Хазову лейтенантское звание и назначить его командиром «СК 0944», который он знает вдоль и поперек и где каждого человека экипажа изучил как самого себя». (Л. Соболев. Зеленый луч: VI).

Разновидность 41. Относительные слова *кто* и *где*. Например:

«Они препирались из-за книг и из-за погоды, из-за того, кому грести и где ехать — в душном вагоне или на площадке, продуваемой сквозняком». (В. Кетлинская. Дни нашей жизни; 4, 11).

Разновидность 42. Относительные слова *кто* и *как*. Например:

«В любой момент он может сказать нам, за кого они выступают, как их лучше всего удержать на этой позиции или изменить их позицию...». (Эйзенхауэр выдвинут кандидатом на пост президента США от республиканской партии. «Правда» от 12 июля 1952 г.).

Разновидность 43. Относительные слова *кто* и *каков*. Например:

«В журнале входящих бумаг имеются особые графы, в которых секретарь отмечает, кому документ передан для исполнения и каков срок исполнения, а при карточной регистрации те же сведения отмечаются на карточке, сверху же самой карточки прикрепляется небольшой зажим (так называемый наездник), по которому сразу видно, что по данной карточке исполнение не закончено». (Е. И. Дмитриевская, Н. Н. Дмитриевский. Учебник машинописи; XIV).

Разновидность 44. Относительные слова *кто* и *какой*. Например:

«Пино не фигура, чтобы публика интересовалась, с кем он ужинает и какой на нем костюм». (И. Эренбург. Девятый вал; 26).

Разновидность 45. Относительные слова *кто* и *кой*. Например:

«Среди владельцев удостоверений немало тех, кого американский президент именует «отобранными лицами» и для содержания коих предназначена некоторая доля из ста миллионов долларов, ассигнованных по так называемому «Закону 1951 года о взаимном обеспечении безопасности». (И. Волк. Записная книжка диверсанта № 7715. «Литературная газета» от 4 декабря 1951 г.).

Разновидность 46. Относительные слова *кто* и *откуда*. Например:

«Ей захотелось расспросить парня, *кто* он, *откуда*, но она не решалась сделать этого, чтобы он не подумал, чего не следует». (Н. Воронов. Кассирша. «Огонек», 1955, № 3);

«Мала птаха, да умна. С другими птицами живет мирно, но быстро подмечает, *кто и как* к ней относится, *откуда* опасности ждать...». (С. Михалков. Варакушка).

В редких случаях, как это имеет место в последнем из числа только что приведенных сложном предложении, одна из однородно соподчиненных придаточных частей присоединяется к соответствующей главной части сочетанием двух относительных слов.

Разновидность 47. Относительные слова *кто* и *почему*. Например:

«Недавно на отчётно-выборном комсомольском собрании Академии наук УССР возник острый, принципиальный разговор о том, *кто* идет в науку, *почему* у многих аспирантов не ладится с занятиями». (В. Шумов. На пути в науку. «Комсомольская правда» от 4 ноября 1952 г.).

Разновидность 48. Относительные слова *кто* и *сколько*. Например:

«Пусть только никогда не забывают сыновья, *для кого* был проложен этот путь *и сколько* на нем осталось отцовской крови». (А. Калинин. Идущие вперед. Правда» от 14 декабря 1956 г.).

Разновидность 49. Относительные слова *кто* и *чей*. Например:

«Трудно было понять, *кто* кого сживал со света *и ради чьей* гибели заварилась в природе каша, но, судя по неумолкаемому, зловещему гулу, кому-то приходилось очень круто». (А. Чехов. Ведьма).

Разновидность 50. Относительные слова *кто* и *что*. Например:

«Скажи я: «Ну, знаешь ли, вот это Плюшкин! — никому и на ум не придет спрашивать — *кто это или что* такое Плюшкин». (К. Федин. Чудесный гений. «Правда», от 4 марта 1952 г.).

Разновидность 51. Относительные слова *куда* и *зачем*. Например:

«Она повеселела и иногда, в обеденный перерыв, бродила по этажам и расспрашивала Митю, *куда* идут трубы *и зачем*

на двери будки нарисованы череп и кости». (С. Антонов. Первая должность).

Разновидность 52. Относительные слова *куда* и *какой*. Например:

«Я хотел было спросить, *куда* он идет с ребенком, *какая* нужда его гонит в такую распутицу, но он опередил меня вопросом: «Ты что же, всю войну за баранкой?». (М. Шолохов. Судьба человека).

Разновидность 53. Относительные слова *куда* и *кто*. Например:

«Впереди как будто никого не было, и Мальцев не знал, *куда* он должен стрелять и *от кого* прикрывать разведчиков». (М. Алексеев. Солдаты; 1, 2, 6).

Разновидность 54. Относительные слова *куда* и *что*. Например:

«Никто не предупредил Воропаева о том, *куда* его ведут и *что* он увидит...». (П. Павленко. Счастье; 1, 5).

Разновидность 55. Относительные слова *насколько* и *как*. Например:

«Каждая биография говорит нам, *насколько* по-разному приходили писатели в советскую литературу и *как* различны отданные ей таланты — Ольга Форш, Пришвин, Тренев, Вересаев, Шишков и вот Алексей Толстой — большой русский советский писатель». (Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Выступления участников съезда. Речь К. Федина. «Литературная газета» от 26 декабря 1954 г.).

Разновидность 56. Относительные слова *насколько* и *каков*. Например:

«Все это показывает, *насколько* абсурдными являются всякого рода заявления о какой-то угрозе для стран Ближнего и Среднего Востока, ссылками на которую пытаются оправдать необходимость создания так называемого средневосточного командования, и *каковы* действительные цели, преследуемые правительствами США, Англии, Франции и Турции в связи с их предложениями о создании такого командования». (Ноты Советского правительства правительствам Египта, Сирии, Ливана, Ирака, Саудовской Аравии, Йемена и Израиля. «Правда» от 23 ноября 1951 г.).

Разновидность 57. Относительные слова *насколько* и *какой*. Например:

«Злобная реакция боннских реваншистов на советские предложения лишь подтверждает, *насколько* своевременно они были сделаны и *какую* действенную базу для решения германской

проблемы они представляют». (В. Корионов. Международное обозрение. «Правда» от 17 марта 1952 г.).

Разновидность 58. Относительные слова *насколько* и *сколь*. Например:

«Я не могу осуждать французских писателей, которые выступили как судьи венгерских событий; пример их подтверждает, *насколько* опасно высказываться по вопросам, о которых мы не знаем, и *сколь* роковые последствия могут иметь такие заявления». (Обращение Бела Иллеша к французским писателям. «Советская культура» от 18 декабря 1956 г.).

Разновидность 59. Относительные слова *откуда* и *где*. Например:

«Все эти наблюдения и привели меня к выводу о том, *откуда* идет военная опасность и *где* следует искать выхода из этой опасности». (С. Крушинский. Мы будем неустанно бороться за мир! «Правда» от 23 декабря 1952 г.).

Разновидность 60. Относительные слова *откуда* и *зачем*. Например:

«Когда он спросил, *откуда* эта собака и *зачем* она ей. Валя смущенно ответила: «Так... Купила...» (З. Рудская. Рядом с нами; 13).

Разновидность 61. Относительные слова *откуда* и *кто*. Например:

«Она не спрашивала себя, *откуда* у нее это счастье, *кто* дал ей его». (Б. Зубавин. Самое главное; 7).

Разновидность 62. Относительные слова *откуда* и *почему*. Например:

«Георгий Иванович учительствовал в этом селе уже сорок лет, и каждый непременно здоровался с ним, когда он старческой, негнушейся походкой шел из школы в клуб, где по воскресным дням рассказывал то о былой маяте лесных старателей, зависевших от милости хозяев и курса акций на петербургской бирже, то о необыкновенном и достопамятном пути холмогорского земляка Михайлы Ломоносова, а то порой и о том, *откуда* берутся звезды или *почему* нельзя изводить лес, растущий по берегам рек». (Ю. Добряков. Туман; 2).

Это сложное предложение заслуживает особого внимания. Оно характеризуется наличием в составе главной части соотносительного слова, поясняемого однородно соподчиненными придаточными, связанными между собой сочинительным союзом *или*, и обнаруживает некоторое сходство с конструкцией, называемой разночленным со-

подчинением. Это сходство проявляется в том, что то же самое соотносительное слово может быть употреблено также и перед второй придаточной частью. Структура, специфичная для одночленно-однородного соподчинения, при этом, разумеется, разрушается, возникает структура, специфичная для соподчинения разночленного, но обе эти структуры, по-видимому, являются во многих случаях взаимно-заменяемыми и синонимичными, как это и имеет место, например, в данном предложении: «...рассказывал... о том, откуда... или почему...» — одночленно-однородное соподчинение, «...рассказывал ... о том, откуда... или о том, почему...» — разночленно-однородное соподчинение.

Разновидность 63. Относительные слова *откуда* и *что*. Например:

«Гурьян Фомич выслушал меня, спросил деловито, *откуда* я, чем занимаюсь». (И. Ара м и л е в. На охоте).

Разновидность 64. Относительные слова *отчего* и *зачем*. Например:

«Скажи, *отчего* ты так плачешь, *зачем* так печально слушаешь повесть о битвах дапаев, о Трое погибшей?» (В. Гроссман. За правое дело; 3, 53).

Разновидность 65. Относительные слова *почему* и *каков*. Например:

«У товарища Иванова — совершенно понятно, что так и должно было быть, — товарищи спрашивали, *почему* понадобился человек со стороны, *каковы* будут его обязанности в партбюро». (В. Кочетов. Молодость с нами; X, 4).

Разновидность 66. Относительные слова *почему* и *какой*. Например:

«Страшно... — пробормотал Лаевский, не понимая, — *почему* Ачмпанов так возбужден *и какие* это тайны могут быть в скучном, никому не нужном городишке». (А. Чехов. Дуэль; XV).

Разновидность 67. Относительные слова *почему* и *кто*. Например:

«И на это Витя ничего не мог ответить, но получалось, что, действительно, могут спросить, *почему*, мол, Лиза на службу не ходит, а гулять ходит, *и кто* же ее ближайшие родичи — не Мешков ли Меркурий Авдеевич, которого держат на заметке за то, что он посылает внука торговать на базаре». (К. Федин. Необыкновенное лето; 6).

Разновидность 68. Относительные слова *почему* и *отчего*. Например:

«Перед ним не надо было оправдываться, объяснять, *почему* ты поступаешь так, а не иначе, *отчего* ты угрюм и не-брит». (М. Пархонов. Судьба товарища; 26).

Разновидность 69. Относительные слова *почему* и *что*. Например:

«Не спрашивайте меня, *почему* выздоровел ишак, *что* было дальше с самим Мирзабаем». (А. Е. Ферсман. Из путевой книжки минералога. «Юность», 1955, № 2).

Разновидность 70. Относительные слова *сколько* и *как*. Например:

«Партия подчеркивает в проекте измененного текста Устава, *сколько* ответственные требования, предъявляемые к строителям коммунизма, *как* много спрашивается с коммуниста». (Б. Рюриков. «В жизни так не бывает». «Литературная газета» от 11 сентября 1952 г.).

Разновидность 71. Относительные слова *сколько* и *где*. Например:

«Разве не выходили «кольеры» того времени, на страницах которых печатались статьи и карты, показывающие, *за сколько* недель Гитлер разгромит Советскую Армию и *где* будут стоять его войска?». (А. Корнейчук. Путь, ведущий к миру. «Литературная газета» от 6 января 1953 г.).

Разновидность 72. Относительные слова *сколько* и *как*. Например:

«Он продолжал обстоятельно рассказывать Кате о том, *сколько* монтажников работало на паровых и электрических кранах, *как* подвозили по реке на барках металлические конструкции». (Г. Свирский. Здравствуй, университет; 1, 6).

Разновидность 73. Относительные слова *сколько* и *какой*. Например:

«Работает в магазине уже не первый год и знает, *сколько* бочонков селедки нужно открыть и *какие* папиросы раньше пустить в продажу». (И. Горелов. Ходкий товар).

Разновидность 74. Относительные слова *сколько* и *когда*. Например:

«Он начал расспрашивать, *сколько* я получаю, *когда* мне надбавят...». (И. Эренбург. Девятый вал; 49).

Разновидность 75. Относительные слова *сколько* и *что*. Например:

«Час назад она уже рассчитала всё: *сколько* можно выручить на их великолепной желто-розовой окраске *и чего* стоит само название лук «цитаусский» и морковь «шаптене». (Г. Николасва. Жатва; III).

Разновидность 76. Относительные слова *чей* и *как*. Например:

«Не завершив будто бы до конца конфликта между героями (в книжном варианте повести автор, правда, пошел немного дальше, приведя Стешу под окна клуба, где танцует в одиночестве Федор), писатель на самом деле открыл перед читателем перспективу: додумывай, решай, *на чей* ты стороне, *как* ты сам поступил бы в подобной ситуации». (К. Ланин. Когда «берет за живое». «Литературная газета» от 18 января 1955 г.).

Разновидность 77. Относительные слова *чей* и *кто*. Например:

«Да мы навеки друзья тому, *чья* душа негасимой мечтой согрета, *кто* неустанно идет сквозь тьму». (С. Васильев. У мавзолея).

Разновидность 78. Относительные слова *чей* и *откуда*. Например:

«И этот могучий, сильный, совершенно реальный человек, с которым были многие в нашем городе знакомы, ходил по нашим улицам, общался с нашими людьми, сохранив даже внешние, в одежде, облик рабочего: сапоги и простую блузу, подпоясанную ремешком, как бы особо подчеркивая, *чей* он, *откуда* он». (П. Павленко. А. М. Горький).

Разновидность 79. Относительные слова *чей* и *почему*. Например:

«Оно не давало ему уснуть, и он никак не мог вспомнить, *что* это лицо *и почему* оно преследует его». (Э. Казакевич. Дом на площади; III, XX).

Разновидность 80. Относительные слова *что* и *где*. Например:

«За ней трудно следить, а нужно постоянно видеть, *что* с деталью, *где* она застряла». (Б. Зубавин. Самое главное; 4).

Разновидность 81. Относительные слова *что* и *как*. Например:

«Вена узнала, *что* такое затемнение, *как* рвутся фугаски». (И. Шотов. Апрель; 3).

Разновидность 82. Относительные слова *что* и *каков*. Например:

«Если бы его спросили, что представляет собой Трудовая партия, какова ее программа, он мог бы ответить на это лишь в общих чертах». (А. Чаковский. Хван Чер стоит на посту).

Разновидность 83. Относительные слова *что* и *какой*. Например:

«Доктор поднялся и, стоя, начал рассказывать, что пишут за границей и в России и какое замечается теперь направление мысли». (А. Чехов. Палата № 6; IX).

Разновидность 84. Относительные слова *что* и *когда*. Например:

«Он знает, что такое Галактика и когда Колумб открыл Америку». (А. Дорохов. Рядом с жизнью. «Литературная газета» от 23 июля 1955 г.).

Разновидность 85. Относительные слова *что* и *кто*. Например:

«Что это за соединение и кто такой Ковпак, мы тогда еще не знали». (А. Попов. Сталь и шлак; 46);

«А жизнь уже давно требует устранить противоречие между тем, чему учат студентов на факультете и кого факультет готовит». (А. Фролов. Университет и школа. «Учительская газета» от 9 февраля 1957 г.).

Последнее из числа только что приведенных сложное предложение построено вопреки синтаксическим нормам современного русского литературного языка. В соответствии с этими нормами в данном сложном предложении в составе главной его части должно быть употреблено не одно, а два соотносительных слова, раскрываемых со стороны их вещественного содержания каждое своей придаточной частью. Иначе говоря, в соответствии с синтаксическими нормами современного русского литературного языка, данное сложное предложение должно было бы характеризоваться разночленным, а не одночленным соподчинением придаточных частей. Следовательно, в соответствии с синтаксическими нормами, данная конструкция: «...противоречие между тем, чему... и кого...» может быть трансформирована следующим, например, образом: «...противоречие между тем, чему..., и тем, кого...».

Разновидность 86. Относительные слова *что* и *куда*. Например:

«И я с вековой тоскою, как волк под ущербной луной, не знаю, что делать с собою, куда мне лететь за тобой!». (А. Блок. На поле Куликовом; 4).

Разновидность 87. Относительные слова *что* и *несколько*. Например:

«Он терпеливо стал ее экзаменовать, стараясь выяснить, *что* удержала валина память из школьных знаний и *насколько* эти знания прочны». (З. Рудская. Рядом с нами; 10).

Разновидность 88. Относительные слова *что* и *откуда*. Например:

«В театр пришли с опозданием и поэтому не слышали, *что* за артисты и *откуда* они». (А. Суконцев. Валеты и дамочки. «Советская культура» от 24 ноября 1955 г.).

Разновидность 89. Относительные слова *что* и *отчего*. Например:

«Он понимал, к *чему* приводят «фокусы» Макарычева, как он мысленно назвал их, и *отчего* Макарычев блаженствует». (И. Горелик. Первые страницы; II, VII, I).

Разновидность 90. Относительные слова *что* и *почему*. Например:

«Я не сразу поняла, *что* в действительности представлял собой наш спор и *почему* вокруг него в поселке началось такое волнение». (В. Каверин. Доктор Власенкова; 3, 21).

Разновидность 91. Относительные слова *что* и *сколько*. Например:

«Потом она отвела в сторону дочь и робко спросила, *чем* занимается молодой человек и *сколько* ему лет, — на вид ему было не больше восемнадцати». (И. Эренбург. Девятый вал; 35).

Разновидность 92. Относительные слова *что* и *чей*. Например:

«Дело в том, что он знал, или по крайней мере догадывался, к *чему* клонилась вся эта возня за окном и *чьих* рук было это дело». (А. Чехов. Ведьма).

Подтип Б. Одна из разноскрепно-однородных соподчиненных придаточных частей присоединяется к соответствующей главной части относительным словом, а другая союзом.

Это — редкий и никем до сих пор не отмеченный структурный подтип рассматриваемых сложных предложений.

Разновидность 1. Первая придаточная часть присоединяется к соответствующей главной части сложного

предложения относительным словом *как*, вторая же придаточная часть присоединяется к той же главной части союзом-частицей *ли*. Например:

«Она спросила, *как* здоровье Андрея, в Москве *ли* он?» (В. Каверин. Доктор Власенкова; 5, 29).

Разновидность 2. Относительное слово *как* и союз *что*. Например:

«В том *как* она его встретила и *что* сама подошла к нему, чувствовалась доброжелательность, но не больше». (Э. Казакевич. Сердце друга; IV, I).

Разновидность 3. Относительное слово *какой* и союз-частица *ли*. Например:

«Им необходимо выяснить, *какую* линию следует развивать в новой породе скота, можно *ли* рекомендовать эту породу колхозам других областей и т. д.» (А. Ерохин. Адаптация коровы).

Разновидность 4. Относительное слово *какой* и союз *что*. Например:

«Всем скажу, *какой* ты развеселый и *что* бредят девушки тобой». (А. Прокофьев. Песенка Тони).

Разновидность 5. Относительное слово *когда* и союз-частица *ли*. Например:

«И этой удивительной, белой ночи, похожей на утро, не было никакого дела до того, *когда* надо вставать двум людям, заблудившимся в знакомом переулке, и надо *ли* им вообще спать». (В. Кетлинская. Дни нашей жизни; 4, 7).

Разновидность 6. Относительное слово *кто* и союз-частица *ли*. Например:

«Он не знал еще, *кто* сидит в машине и есть *ли* в ней жандармы». (К. Симонов. Товарищи по оружию; 30).

Разновидность 7. Относительное слово *кто* и союз *чтобы*. Например:

«Собрания были, — говорит он пресно, — обсуждали, *у* кого двойки и *чтобы* не подсказывали». (Л. Розанова. Комсомольцы приходят в университет. «Новый мир», 1955, № 9).

Разновидность 8. Относительное слово *куда* и союз-частица *ли*. Например:

«Очевидно, и в самой Америке люди, весьма далекие от симпатий к коммунизму, спрашивают себя, *куда* ведут их «просвещенные эгоисты» и не превратятся *ли* воздушные замки ми-

рового господства в груды реальных чудовищных развалин». (И. Эренбург. Решающие годы. «Правда» от 23 февраля 1953 г.).

Разновидность 9. Относительное слово *насколько* и союз-частица *ли*. Например:

«Интересно, — скупно одобрил он, дослушав объяснения, и спросил, — *насколько* значительны будут перемены в деталях, могут *ли* быть использованы уже изготовленные детали и уже отлитые заготовки». (В. Кетлинская. Дни нашей жизни; 2, 14).

Разновидность 10. Относительное слово *почему* и союз-частица *ли*. Например:

«Когда корреспондент спросил, *почему* различные деятели США поднимают тревогу и кричат об угрозе безопасности США и есть *ли* какие-либо для этого основания, глава Советского правительства И. В. Сталин ответил: «Для такой тревоги нет никаких оснований». (6-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. «Правда» от 12 января 1952 г.).

Разновидность 11. Относительное слово *сколько* и союз-частица *ли*. Например:

«Всё зависит от того, указывают эти круги, *сколько* конгресс США ассигнует на военную помощь и «сможет *ли* каждая европейская страна выполнить свои обещания». (Б. Вронский. На международные темы. «Известия» от 1 марта 1952 г.).

Разновидность 12. Относительное слово *что* и союз-частица *ли*. Например:

«Я спрашивал людей, *что* они думают о Германии, будет *ли* война, они либо молчали, либо отделивались газетными фразами». (И. Эренбург. Девятый вал; 31).

Разновидность 13. Относительное слово *что* и союз *что*. Например:

«Только там, в народе, мы воочию увидим, *что* такое метод социалистического реализма и *что* он единственный и естественный метод, дающий возможность раскрыть перед всем миром великую и прекрасную правду жизни, всю красоту человеческой души наших дней». (Первый Всесоюзный съезд советских художников. Прения по докладу Б. В. Иогансона и содокладам. Речь А. А. Пластова. «Советская культура» от 7 марта 1957 г.).

Разновидность 14. Союз-частица *ли* и относительное слово *где*. Например:

«Никогда он не задумывался, есть *ли* у Ксаны родители и *где* она росла, всегда она представлялась ему существом из

своего, но все же какого-то самого светлого и высокого мира». (В. Кетлинская. Дни нашей жизни; 2, 10).

Разновидность 15. Союз-частица *ли* и относительное слово *как*. Например:

«Они не заметили, дотянулось *ли* солнце до опустевшего стула *и как* оно ушло из комнаты». (В. Кетлинская. Дни нашей жизни; 4, 13).

Разновидность 16. Союз-частица *ли* и относительное слово *какой*. Например:

«Встречала я в коридоре председателей колхозов, областное начальство, мельком здоровалась, обменивалась фразами насчёт того, готов *ли* самовар *и какая* погода нынче...». (А. Акимова. Первое сентября; 14).

«И в то же время иногда диву даешься, насколько жизнь человека зависит от того, взял он шагом правее *или* левее, *какое* положение заняло его тело в секунду встречи с кусочком металла, который мы потом из него выковыриваем». (К. Си-монов. Товарищи по оружию; 11).

Союз-частица *ли* как средство синтаксической связи с соответствующей главной частью первой из однородно-соподчиненных придаточных частей опущен в последнем из числа приведенных сложном предложении в силу наличия в составе первой придаточной его части однородных членов, связываемых с помощью сочинительного союза *или*.

Разновидность 17. Союз-частица *ли* и относительное слово *когда*. Например:

«Связывать себе наперед руки, говорить открыто врагу, который сейчас вооружен лучше нас, будем *ли* воевать с ним *и когда*, есть глупость, а не революционность». (В. И. Ленин. Детская болезнь левизны в коммунизме; VIII).

Разновидность 18. Союз-частица *ли* и относительное слово *куда*. Например:

«Он выкупил кабинет, позвал столяра, наводнившего дом горелой кислотной клея и пронзительной вонью полукрупки, и всё жил, жил, никуда не торопясь, размышляя, не явился *ли* он па этот свет с особым предназначением *и куда* поведет его звезда, кивнувшая ему с загадочной высоты, едва он начал привередливую сочинительскую жизнь». (К. Федин. Первые радости; 2).

Разновидность 19. Союз-частица *ли* и относительное слово *отчего*. Например:

«А старушка с котенком и бесчисленными узлами вдруг спросила, не плохо ли мне, отчего я бледна...». (Ю. Друнина. Я ушла от тебя...).

Разновидность 20. Союз-частица *ли* и относительное слово *почему*. Например:

«Мы поинтересовались у Саши, давно ли она ловит и почему она, девушка, вдруг увлеклась удочками». (Н. Грибачев. Бесплезная победа. «Огонёк», 1955, № 29).

Разновидность 21. Союз-частица *ли* и относительное слово *что*. Например:

«Он долго мечтал побывать на одной горе у Енисея, чтобы узнать, далеко ли с нее видны земные просторы и что делается в далеких даях». (М. Бубеннов. Белая береза; 2, 2, IX).

Разновидность 22. Союз *что* и относительное слово *как*. Например:

«Литвинов чрезвычайно сердился на самого себя за подобные неуместные воспоминания и тут же, вспомнив Татьяну, ее внезапный отъезд, всё это горе, и страдание, и стыд, слишком глубоко почувствовал, что дело он затеял нешуточное и как он был прав, когда говорил Ирине, что для самой его чести другого исхода не оставалось...». (И. Тургенев. Дым; XXIV).

Необходимо отметить, что в сложных предложениях рассматриваемого подтипа одной из скреп, присоединяющих к соответствующей главной одну из однородно соподчиненных придаточных частей, является обычно союз-частица *ли*. В функции же другой скрепы, присоединяющей к этой же главной другую из числа тех же однородно соподчиненных придаточную часть, выступают обычно различные относительные слова. В числе описанных выше 22 структурных разновидностей сложных предложений анализируемого подтипа 17 (а именно: 1, 3, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12; 14; 15, 16, 17, 18, 19, 20 и 21-я) характеризуются как раз тем, что в сложных предложениях этих разновидностей одна из разноскрепно-однородных соподчиненных придаточных частей присоединяется к соответствующей главной союзом-частицей *ли*, а другая — каким-либо относительным словом. Наиболее часто сочетаются с *ли* при таком способе соединения с соответствующей главной дополнительных однородно соподчиненных придаточных частей относительные слова: *где*, *как*, *какой*, *когда*, *кто*, *куда*, *насколько*, *отчего*, *почему*, *сколько*, *что*.

Причем, по-видимому, нет существенных грамматических различий между, с одной стороны, сложными предложениями, в которых первая из однородно соподчиненных придаточных присоединяется к соответствующей главной части союзом-частицей *ли*, а вторая — каким-либо из относительных слов, и, с другой стороны, сложными предложениями, в которых первая из однородно соподчиненных придаточных присоединяется к соответствующей главной части каким-либо относительным словом, а вторая — союзом-частицей *ли*.

Остальные 5 структурных разновидностей сложных предложений рассматриваемого подтипа (а именно разновидности: 2, 4, 7, 13 и 22-я) характеризуются тем, что в сложных предложениях этих разновидностей одна из разноскрепно-однородных соподчиненных придаточных частей присоединяется к соответствующей главной союзом *что* или союзом *чтобы* а другая — каким-либо относительным словом (чаще всего: *как*, *какой*, *кто* и *что*). Обычным здесь является присоединение к соответствующей главной с помощью союза второй, а не первой придаточной части. Это характерно для всех таких сложных предложений из числа рассмотренных (см., например, разновидности 2, 4, 7 и 13-ю), кроме предложений разновидности 22-й.

Употребление таких скреп (то есть, с одной стороны, относительных слов, с другой стороны, союзов, кроме *ли*) в одном и том же сложном предложении с однородным соподчинением может восприниматься как не вполне обычное с точки зрения синтаксических норм современного русского литературного языка.

Таким образом, сложные предложения со скрепами: относительное слово — союз (кроме *ли*) часто являются, по-видимому, нарушениями синтаксических норм и поэтому не вполне приемлемыми стилистически. Сложные же предложения со скрепами: относительное слово — союз-частица *ли* (или, в обратном порядке: союз-частица *ли* — относительное слово) в качестве нарушений синтаксических норм не воспринимаются.

Возможно, это объясняется тем, что союз-частица *ли*, в силу своей функции употребляться и в вопросительных предложениях, ближе, чем обычные подчинительные союзы, к относительным словам. Нормой же построения сложных предложений с разноскрепно-однородным сопод-

чинением (хотя эта норма часто и нарушается даже писателями-классиками) является, по-видимому, употребление в качестве скреп либо различных относительных слов, либо различных союзов.

Грубыми нарушениями синтаксических норм современного русского литературного языка являются сложные предложения, подобные следующему:

«Когда мы встретились после войны, он объявил мне, что знает жизнь и что почём». (Н. Давыдов. Как ты живешь, моя первая любовь? «Огонек», 1956, № 33).

Наличие сочинительного союза *и* в составе придаточных этого сложного предложения создаст формальную возможность рассмотрения упомянутых придаточных в качестве одночленно-соподчиненных. Однако такому их рассмотрению препятствует лексическое, вещественное содержание данного сложного предложения в целом. Учитывая это содержание, приведенное сложное предложение целесообразно рассматривать не как конструкцию с двузвенным одночленным однородно-разноскрепным соподчинением и союзом *и* между соподчиненными придаточными частями, а только как конструкцию с двустепенным последовательным подчинением, в которой, вопреки синтаксическим нормам современного русского литературного языка, во-первых, употреблен сочинительный союз между двумя разностепенными последовательно подчиненными соответствующей главной придаточными частями *и*, во-вторых, придаточная часть второй степени находится в одном ряду однородных членов с прямым дополнением как членом простого предложения в составе придаточной части первой степени.

Подтип В. Придаточные присоединяются к соответствующей главной части сложного предложения различными союзами.

Употребление в современном русском литературном языке описываемых ниже структурных разновидностей данного подтипа никем до сих пор отмечено не было.

Разновидность 1. Первая придаточная часть присоединяется к соответствующей главной части союзом *будто*, вторая же придаточная часть присоединяется к той же главной части союзом *что*. Например:

«Проф. Артамонов утверждал, *будто* Киевская Русь выходила на историческую арену «в роли вассала Византийской импе-

ран» и что Хазарский каганат послужил для нее якобы образцом нового типа государства». (П. Иванов. Об одной ошибочной концепции. «Правда» от 25 декабря 1951 г.).

Разновидность 2. Союзы *что* и *чтобы*. Например:

«Сонечка писала, *что* настроение тяжелое, *но чтобы* он о них не беспокоился — у них в доме оборудовано прекрасное бомбоубежище». (В. Панова. Спутники; 11, 5).

Разновидность 3. Союзы *чтобы* и *что*. Например:

«Я же сказал, — голос Полюнина стал окончательно холодным и неприятным, — *чтобы* подождали меня, *что* я в первый раз сам поведу его в девятке». (К. Симонов. Товарищи по оружию; 12).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что во всех сложных предложениях данного подтипа однородно соподчиненные придаточные поясняют собою непосредственно глагол-сказуемое главной части.

2-й тип. Придаточные являются определительными по отношению к соответствующей главной части сложного предложения.

К числу определительных ниже отнесены и такие придаточные, которые, поясняя собою непосредственно субстантивный член главной части сложного предложения, могли бы быть рассмотрены, при введении в главную часть как называемых соотносительных слов, также и в качестве придаточных дополнительных.

Подтип А. Придаточные присоединяются к соответствующей главной части сложного предложения различными относительными словами.

Разновидность 1. Первая придаточная часть присоединяется к соответствующей главной части сложного предложения относительным словом *где*, вторая же придаточная часть присоединяется к той же главной части относительным словом *как*. Например:

«На недоуменные вопросы рабочих, успевших узнать, что бараки недооборудованы: *«Где* же печи в общежитиях, о которых сообщил в дороге Язев, *как* без транспорта ночью доставить детей за восемь километров», — он стал говорить о трудностях, о фронтовиках, о необходимости приносить жертвы, не считаться ни с какими лишениями». (В. Гроссман. За правое дело; 2, 48).

Разновидность 2. Относительные слова *где* и *который*. Например:

«Чудачки эти светские женщины, — думал он, — никакой в них нет последовательности... и как извращает их среда, где они живут *и* безобразие *которой* они сами чувствуют!...» (И. Тургенев. Дым; XIV).

Разновидность 3. Относительные слова *где* и *куда*. Например:

«Ему давали деньги в оккупационных марках и долларах и разрешали посещать американский офицерский бар, *где* всегда было весело и шумно *и куда* ходили немки, предварительно освидетельствованные американским врачом-венерологом». (Э. Казакевич. Дом на площади; III, XX).

Разновидность 4. Относительные слова *где* и *откуда*. Например:

«Из почтово-телеграфного отделения в колхозе, *где* установлен телефонный коммутатор *и откуда* можно говорить по телефону с-городами и республиками всего Советского Союза, вышел Саша Гусев — маленький колхозный почтальон в больших сапогах и с огромной, как почтовый ящик, сумкой». (Л. Митинский. Весна в Кольцовке).

В этом сложном предложении: «...из... отделения... где установлен... коммутатор и откуда...» нетрудно заметить одну весьма существенную структурную особенность, иногда свойственную однородному соподчинению, которая состоит в том, что в аналогичных случаях между однородно соподчиненными придаточными частями обязательно должен быть употреблен сочинительный союз. Опускание сочинительного союза в таких случаях радикальным образом изменяет структуру сложного предложения; вместо однородного соподчинения (при наличии союза *и*) получается последовательное подчинение (при том же формальном составе сложного предложения, но без *и* между соответствующими придаточными частями сложного предложения). Следовательно, при отсутствии союза *и* мы должны были бы рассмотреть вторую придаточную часть данных сложных предложений в качестве непосредственно подчиненной не главной части, а первой придаточной части.

Необходимым условием обязательного употребления союза *и* между однородно соподчиненными придаточными частями в сложных предложениях такой структуры является, несомненно, наличие в составе первой придаточной части такого субстантивного члена, который мог бы без лексических и грамматических препятствий к этому (а одним из таких грамматических препятствий является как

раз наличие союза *и* в указанном его положении) поясняется второй придаточной частью, имеющейся в составе данного же сложного предложения.

Разновидность 5. Относительные слова *какой* и *где*. Например:

«В такой книге, *какую* предложил студентам-филологам П. Шантрэн, *где* такое большое внимание уделено диалектальным фактам, мы вправе были бы ожидать хотя бы самого краткого обзора древнегреческих диалектов с их научной классификацией и характеристикой главных их отличий друг от друга». (М. Я. Немировский. П. Шантрэн. Историческая морфология греческого языка. «Вопросы языкознания», 1955, № 4).

Разновидность 6. Относительные слова *какой* и *как*. Например:

«Она (проверка, -- В. Ш.) должна начинаться прежде всего со знакомства, *над какой* литературой по данной дисциплине работал заочник *и как* он ее усвоил». (Заочники начинают учебный год. «Учительская газета» от 28 сентября 1955 г.).

Разновидность 7. Относительные слова *какой* и *который*. Например:

«Я многих директоров МТС перевидал на своем веку, это, может, первый настоящий директор, *какого* я знаю, *которого* председатели колхозов и без приказа слушаются». (В. Овечкин. Трудная весна; III, 9).

Разновидность 8. Относительные слова *какой* и *сколько*. Например:

«Этого никто не отрицает, и вместе с тем до сего времени нет ясности, *какими* темпами будет развиваться здесь открытая добыча, *сколько* угля нужно добывать». (А. Озерский. Инженер Осокин бонится своих замыслов. «Литературная газета» от 14 июля 1956 г.).

Разновидность 9. Относительные слова *кой* и *который*. Например:

«Имея от природы романтическое воображение, я всех сильнее прежде всего был привязан к человеку, *кого* жизнь была загадочною *и который* казался мне героем таинственной какой-то повести». (А. Пушкин. Выстрел; I).

В данном сложном предложении сочинительный союз *и*, употребленный между однородно соподчиненными придаточными частями, может быть опущен без разрушения характерной для однородного соподчинения структуры, ибо хотя в составе первой придаточной части и налицо

такой субстантивный член, который мог бы поясняться имеющейся в этом же сложном предложении второй придаточной частью, но этому препятствуют лексические значения некоторых слов, входящих в данное сложное предложение. Из грамматических же моментов этому препятствует то, что вторая придаточная часть присоединяется в данном сложном предложении к соответствующей главной части относительным словом *который*, как правило, согласуемым в роде и числе с поясняемым субстантивным членом. В данном же случае относительное слово *который* в составе второй придаточной части употреблено в форме мужского рода, а субстантивный член в составе первой придаточной части является существительным женского рода. Поэтому, вторая придаточная часть здесь не может рассматриваться в качестве подчиненной первой придаточной части, даже если исходить только из грамматических критериев, а, следовательно, союз *и* может быть опущен без разрушения структуры однородного соподчинения.

Разновидность 10. Относительные слова *который* и *где*. Например:

«В этом легко убедиться на примерах Америки и Африки, *которые* по плотности населения относятся к самым малонаселенным частям света, *но где* тем не менее обширные районы поражены голодом». (Б. И з а к о в. «География голода». «Новое время» от 21 января 1953 г.);

«Те участки идеологической работы, *которые* почему-либо выпадают из поля зрения партийных организаций, *где* ослабевает партийное руководство и влияние, эти участки пытаются прибрать к рукам чуждые люди, всякие элементы из охвостыя разбитых партией антиленинских групп и использовать для протаскивания своей линии, для возрождения и распространения разного рода немарксистских «точек зрения» и «концепций». (Отчетный доклад ЦК ВКП(б) XIX съезду партии).

Следует отметить, что последнее из числа только что приведенных сложное предложение, характеризуемое отсутствием сочинительного союза между однородно соподчиненными придаточными частями, допускает формальную возможность своего рассмотрения и в качестве такого сложного предложения, в котором имеется последовательное подчинение, а не однородное соподчинение придаточных частей. В известной степени препятствуют в данном случае такому рассмотрению лишь лексические условия. Отсутствовала бы возможность такого рассмотрения

и в условиях устного речевого общения, в силу специфических для сложных предложений с однородным соподчинением интонационных особенностей.

Разновидность 11. Относительные слова *который* и *кто*. Например:

«Вслед за ним в газете появились письма о людях, подобных Ельшину; студентах Данилове, Абдуллаеве и Собинове, *которым* дороже всего праздность, безделье, *кто*, поправ законы нашей морали, не прочь превратить жизнь в сплошную прогулку». (В. Бендерова. Бороться за человека. «Комсомольская правда» от 28 декабря 1952 г.).

Разновидность 12. Относительные слова *который* и *куда*. Например:

«Всего в нескольких милях отсюда вниз по Суэцкому каналу лежит Порт-Санд, город, *который* я полюбил и *куда* я сейчас не могу поехать». (О. Орестов. «Страшная драма, превосходящая гитлеровский Бельзен». «Правда» от 17 декабря 1956 г.).

Разновидность 13. Относительные слова *который* и *чей*. Например:

«Из биографии поэта известно, что во время своего пребывания на Украине Шевченко ничего не нашел для себя хорошего в среде украинской знати, *которая* для него оставалась крепостнической, рабовладельческой, *чью* «просвещенность» и «гуманизм» Шевченко испытал с детства, будучи помещичьим крестьянином». (Н. Погодин. Фильм о великом поэте. «Литературная газета» от 15 декабря 1951 г.).

Разновидность 14. Относительные слова *который* и *что*. Например.

«В синем тумане, в который погружена вторая половина повести, не видно никакой перспективы, никаких очертаний той жизни, во имя *которой* шла война, *ради* чего воевал и умер Акимов». (В. Смирнова. Ответственности таланта. «Литературная газета» от 12 февраля 1953 г.).

Только что приведенное сложное предложение, по-видимому, не безукоризненно в стилистическом отношении и является отклонением от грамматических норм современного русского литературного языка. Норма же здесь состоит, очевидно, в том, что при одночленно-однородном соподчинении определительных придаточных частей обе эти части должны пояснять собою один и тот же член соответствующей главной части сложного предложения. В данном же случае первая из однородно соподчиненных

придаточная часть раскрывает вещественное содержание определения «той» в составе главной части, а вторая придаточная часть вообще не соотносится с каким-либо определенным членом главной части данного сложного предложения.

Кроме того, в приведенном сложном предложении невозможно изменить порядок следования после главной части однородно соподчиненных придаточных, хотя обычно такое изменение в анализируемых сложных предложениях не только рассматриваемого, но и других типов почти всегда оказывается возможным без сколь-нибудь существенного ущерба для смысла целого.

Разновидность 15. Относительные слова *куда* и *где*. Например:

«За этой комнатой есть еще другая, *куда* не пускают и *где* мелькает папа — личность в высшей степени загадочная!». (А. Чехов. Гриша).

Разновидность 16. Относительные слова *куда* и *который*. Например:

«Он, ослабевший и недвижимый, Хочет всё новых знаний — кому Вручит он свои запоздалые знания? Если, всего безногий пока, Не нынче, так завтра в полном сознание Лишится зрения и языка И, обладая единственно слухом, Станет бездонным колодезцем, *куда* Последние мысли скатятся глухо, Но из которого никогда!» (К. Симонов. Победитель; 8).

Разновидность 17. Относительные слова *насколько* и *какой*. Например:

«Следует, однако, поставить вопрос, *насколько* восполняет книга А. И. Ефимова этот осязательный пробел, *в какой* степени она удовлетворяет настоятельной потребности в учебном пособии по истории русского литературного языка». (В. Д. Левин. А. И. Ефимов. История русского литературного языка. М., 1954. «Вопросы языкознания», 1955, № 5).

Разновидность 18. Относительные слова *почему* и *как*. Например:

«Совершенно ясно, что, говоря о крупнейшем сражении Великой Отечественной войны, писатель обязан был иметь ясное представление о причинах второй мировой войны, он обязан был всем содержанием своего произведения ответить на вопрос: *почему* мы оказались сильнее вооруженного до зубов и внезапно вторгшегося врага, *как* была завоевана победа Советской Армией и всем советским народом». (На ложном пути. «Литературная газета» от 21 февраля 1953 г.).

Разновидность 19. Относительные слова *почему* и *какой*. Например:

«Подсудимые не смогли дать соответствующего объяснения, *почему* на самолете находились военные карты важных районов Советского Союза, а также карты Чехословацкой Республики, Румынской Народной Республики и Венгерской Народной Республики, *какая* необходимость была в полевой радиостанции, в излишних парашютах, большом количестве одеял, свернутых в туки и предназначенных для сбрасывания, что указывает на то, что эти предметы они хотели сбросить для саботажников и диверсантов в странах народной демократии». (Приговор венгерского суда американским разведчикам. «Правда» от 24 декабря 1951 г.).

Разновидность 20. Относительные слова *почему* и *когда*. Например:

«В своем письме Холлинэн заявляет: «Поскольку Эйзенхауэр и Стивенсон договорились исключить из избирательной кампании центральный вопрос, стоящий перед всеми американскими солдатами, — *почему* мы ведем войну в Корее *и когда* она кончится», настоятельно необходимо, чтобы наши солдаты, моряки, летчики и женщины, находящиеся на военной службе, знали, что прогрессивная партия предлагает альтернативу войне». (Перед выборами в США. «Правда» от 6 сентября 1952 г.).

Разновидность 21. Относительные слова *сколько* и *как*. Например:

«Малоопытная хозяйка не раз обратится к книге за точной справкой, *сколько* сахарного песка вмещает чайная ложка *или как* вывести винные пятна со скатерти...». (В. Соколов. Подарок семье. «Литературная газета» от 22 мая 1952 г.).

Разновидность 22. Относительные слова *сколько* и *какой*. Например:

«Подробности, *сколько* весит курица Дзюбы *и какой* из нее получится вкусный бульон с клецками, Камышина не интересовали». (В. Кукушкин. В добрый час; IX, 3).

Разновидность 23. Относительные слова *чей* и *который*. Например:

«Более того, после заключения этого «договора» правительство Иосифа немедленно освободило 88 самых злостных военных преступников, *чей* руки обгажены кровью китайского народа *и в числе которых* находится небезызвестный Ясудай Окамура». (Заявление министра иностранных дел Китайской Народной Республики Чжоу Энь-дзя. «Правда» от 7 мая 1952 г.).

Разновидность 24. Относительные слова *что* и *где*. Например:

«Мастер расстроился и от расстройства даже не ответил на вопрос Козлова, *что* ему делать и *где* работать». (В. Кетлинская. Дни нашей жизни; 2,6).

Разновидность 25. Относительные слова *что* и *как*. Например:

«Молодой человек просит совета, *что* делать, *как* жить; прежде чем ответить, другой бы задумался, а тут уж готов ответ: стремись к уразумению или к истинному благу». (А. Чехов. Палата № 6; X).

Разновидность 26. Относительные слова *что* и *который*. Например:

«Но где-то за всеми делами, за бытом Минувшая светит любовь. Любовь, *что* не хочет обнов и гостинцев, Не просит возвышенных фраз, *С которой* не встретиться и не проститься, Не свидеться с глазу на глаз». (В. Шефнер. Ты скажешь — смешно вспоминать о забытом...).

Грубым нарушением грамматических норм современного русского литературного языка является употребление относительных слов *который* и *почему* в качестве скреп, соединяющих с соответствующей главной определительные одночленно-однородные соподчиненные придаточные части, как это имеет место, например, в следующем сложном предложении:

«12 августа правительство Египта изложило причины, *по которым* конференция, ставящая целью обсудить будущее составной части Египта, но созданная без консультации с ним, не является законной и *почему* Египет не может принять соглашение». (Нота Египетского правительства о Суэцком канале. «Правда» от 11 сентября 1956 г.).

Это сложное предложение, безусловно, является отклонением от синтаксических норм современного русского литературного языка. Относительное слово *почему*, присоединяющее в составе данного сложного предложения вторую придаточную часть к соответствующей главной, в данном случае вполне тождественно по значению и функциям предложному сочетанию «благодаря которым». Не нормативный характер этой редкой конструкции обусловлен не только употреблением скрепы *почему* для присоединения определительной придаточной части, но также и тем, что эта определительная придаточная часть со скрепой *почему* весьма далеко отстоит от разъясняемого однородно соподчиненными придаточными соответствующего

субстантивного члена главной части данного сложного предложения.

Анализ сложных предложений с разноскрепно-однородным соподчинением (в частности, имеющих в своем составе определительные придаточные части) мог бы содействовать выделению среди союзных слов и союзов синонимических рядов, что, однако, не входило в нашу задачу.

Подтип Б. Одна из разноскрепно-однородных соподчиненных придаточных частей присоединяется к соответствующей главной части относительным словом, а другая — союзом.

Разновидность 1. Первая придаточная часть присоединяется к соответствующей главной части сложного предложения союзом-частицей *ли*, вторая же придаточная часть присоединяется к той же главной части относительным словом *каков*. Например:

«Поскольку принятие Японией подобных, совершенно не вызываемых необходимостью расходов означало бы дальнейший рост цен на продукты питания и товары массового потребления, падение реальной заработной платы рабочих и служащих и рост налогов на крестьян и жителей городов, т. е. затрагивает коренные жизненные интересы всего японского народа, было бы желательно получить от председателя ответ на следующий вопрос: Соответствует *ли* приведенное выше сообщение японской прессы действительности *и каково* мнение штаба главнокомандующего об упомянутом выше сообщении газеты «Ниппон таймс». (В Союзном совете для Японии. «Правда» от 22 января 1952 г.).

Разновидность 2. Союз-частица *ли* и относительное слово *насколько*. Например:

«Но для простого англичанина все эти сложные проблемы сводятся к двум элементарным вопросам: уменьшится *ли* угроза войны *и насколько* ухудшатся жизненные условия.» (В. Некрасов. На улицах Лондона. «Правда» от 2 января 1957 г.).

Подтип В. Придаточные присоединяются к соответствующей главной части сложного предложения различными союзами.

Разновидность 1. Первая придаточная часть присоединяется к соответствующей главной части союзом *будто*, вторая же придаточная часть присоединяется к той же главной части союзом *что*. Например:

«Он делает вид, *будто* шумахеровцы были очень опасными противниками *и что* победа ему далась нелегко». (П. Наумов.

Немецкий народ против плана Шумана. «Правда» от 4 февраля 1952 г.).

3-й тип. Придаточные являются подлежащими по отношению к соответствующей главной части сложного предложения.

Подтип А. Придаточные присоединяются к соответствующей главной части сложного предложения различными относительными словами.

Разновидность 1. Первая придаточная часть присоединяется к соответствующей главной части сложного предложения относительным словом *где*, вторая же придаточная часть присоединяется к той же главной части относительным словом *какой*. Например:

«Меня интересовало, *где* будем на озере жить, *какой* необходимый инвентарь брать с собою». (И. Арамылев. На охоте.).

Разновидность 2. Относительные слова *зачем* и *что*. Например:

«А мне теперь, когда я стал старше, уже не понятно, *зачем* я говорил те слова, *для чего* шутил...» (А. Чехов. Шуточка.).

Разновидность 3. Относительные слова *как* и *зачем*. Например:

«Как часто в пьесах на зарубежные темы мы встречаем врагов наших в таком упрощенном виде, что становится совершенно непонятно, *как* это им удастся сделать столько зла в мире *и зачем* нужно подымать многомиллионные народы для того, чтобы обуздать этих совершенно не опасных, явных «дурачков». (В. Комиссаржевский. Человек на сцене. «Новый мир», 1952, № 10).

Разновидность 4. Относительные слова *как* и *что*. Например:

«Было совершенно неизвестно, *как* держать себя *и* что говорить, но та присущая ему прямота, которая не раз причиняла ему в жизни хлопоты, на этот раз его выручила: он снял фуражку и, присев на чью-то койку, сказал очень просто и душевно: — Садитесь, товарищи, поговорим...» (Л. Соболев. Зеленый луч; 11).

Разновидность 5. Относительные слова *какой* и *как*. Например:

«Любопытно, с *какой* скоростью движется связистская мысль в районном масштабе *и как* плетется она в масштабе центральном». (Д. Заславский. Кое-кто, кое-как, кое-где. «Правда» от 9 января 1952 г.).

Разновидность 6. Относительные слова *какой* и *насколько*. Например:

«Неважно, *какими* словами они прикрывают эту свою политику и *насколько* эти слова убедительны». (Э. К а з а к е в и ч Дом на площади; III, IX).

Разновидность 7. Относительные слова *какой* и *что*. Например:

«Из-за этого случая ясно видно, *какая* есть наша работа и *чего* она требует!» (Г. Н и к о л а е в а. Жатва; III).

Однородно соподчиненные придаточные части в данном сложном предложении могут быть рассмотрены также и в качестве дополнительных по отношению к соответствующей главной части сложного предложения.

Разновидность 8. Относительные слова *который* и *чей*. Например:

«Меня провожала не та, *которую* видеть хотелось, *чья* нравилась мне чистота и радовала несмелость». (М. Ш е х т е р. Меня провожала не та...).

Разновидность 9. Относительные слова *кто* и *где*. Например:

«Не все ли равно, *кого* они возьмут в правительство и *где* оно будет заседать — во Франкфурте, в Бонне, на Курфюрстендаме?». (И. Э р е н б у р г. Девятый вал; 26).

Разновидность 10. Относительные слова *кто* и *каков*. Например:

«А *кто* супруг и *каков* супруг — это его абсолютно не интересует». (В. Г е р а с и м о в а. «Нелегкий разговор» продолжается. «Новый мир», 1956, № 10).

Разновидность 11. Относительные слова *кто* и *чей*. Например:

«Может быть, те, *кто* был подальше от огня второй мировой войны и *по чьей* земле не прошли гитлеровские орды, несколько по-иному подходят к решению германского вопроса». (Совещание Министров Иностранных дел четырех держав в Женеве. Заявление по вопросу о европейской безопасности в Германии 2 ноября 1955 года, «Правда» от 3 ноября 1955 г.).

Разновидность 12. Относительные слова *куда* и *почему*. Например:

«Тов. Основин вынужден был признать, что областному отделу неизвестно, *куда* же «исчезли» многие ученики и *почему*

так велик разрыв между народнохозяйственным планом и фактической явкой детей на занятия». (К. Минин. Критика оставлена без последствий... «Учительская газета» от 28 мая 1955 г.).

Разновидность 13. Относительные слова *откуда* и *какой*. Например:

«Необъяснимо только, *откуда* спекулянты достают билеты, *какая* бабушка им ворожит?». (Ю. Арбат, В. Монсеев. Пароход идет по Волге. «Крокодил», 1956, № 23).

Разновидность 14. Относительные слова *откуда* и *что*. Например:

«Почему не показана судьба Потапенко и Долгина, не показано, *откуда* появились такие люди и *чем* они кончили?». (Д. Гранин. Отвечая читателям... «Литературная газета» от 10 ноября 1955 г.).

Разновидность 15. Относительные слова *что* и *где*. Например:

«Спрашивается: *чем* же собственно владеет колхоз, *где* та колхозная собственность, которой он может распоряжаться вполне свободно, по собственному усмотрению?». (И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Ответ товарищам Санниной А. В. и Венжеру В. Г.; 2).

Разновидность 16. Относительные слова *что* и *как*. Например:

«На *что* тратит человек свое время и *как* его тратит — это, собственно и есть сам человек». (С. Алешин. Директор и его права. «Литературная газета» от 24 ноября 1955 г.).

Разновидность 17. Относительные слова *что* и *каков*. Например:

«Во-первых, никому неизвестно, *что* из себя представляет эта рекламируемая т-щем Ярошенко «высшая научная» или «рациональная» организация производительных сил, *каково* ее конкретное содержание?» (И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Об ошибках тов. Ярошенко Л. Д.; 1);

«Другие измерения — *что* изготавливают предприятия, *каковы* качество и ассортимент продукции — их не интересуют». О. Сидоринина. «Рыцари одного измерения». «Вечерняя Москва» от 14 августа 1956 г.).

В последнем из числа приведенных сложном предложении однородно соподчиненные придаточные части можно, по-видимому, рассмотреть также и в качестве определительных по отношению к соответствующей главной части данного сложного предложения.

Разновидность 18. Относительные слова *что* и *какой*. Например:

«Я думаю, что нет никакой необходимости посещать эти так называемые лагеря, эти школы «перевоспитания», о которых здесь говорил греческий делегат, потому что всем хорошо известно, *что* там творится, *какое* «перевоспитание» там ведется». (Положить конец фашистскому террору в Греции. «Правда» от 28 октября 1949 г.).

Разновидность 19. Относительные слова *что* и *который*. Например:

«Впереди него и за ним выстроилась цепочка поршней; они медленно передвигались, и когда тот, *что* родился на глазах Моргунова *и на который* был все время нацелен его взгляд, приблизился к отрезному станку, целая стайка матовых лебедей с гордыми шеями и пышными хвостами все еще продолжала подплывать к станку». (И. Горелик. Первые страницы; II, X).

Разновидность 20. Относительные слова *что* и *кто*. Например:

«Те, *что* вновь сползлись в военный лагерь. В *ком* давно умолкли стыд и честь, Могут и сегодня на рейхстаге Мой автограф огненный прочесть». (М. Матусовский. Слово моего фронтового друга);

«*Что* это за «система» *и кому* она служит, видно из того, что не кто иной, как президент моргановской «Бэнкерс траст компании» Стронг, стал первым управляющим этого банка». (В. Морев. Улица в Нью-Йорке. «Литературная газета» от 13 мая 1952 г.).

Однородно соподчиненные придаточные части в последнем из числа приведенных сложном предложении могут быть рассмотрены также и в качестве дополнительных по отношению к соответствующей главной части сложного предложения.

Разновидность 21. Относительные слова *что* и *почему*. Например:

«Без намеков каждому понятно, *Чем* в такие дни душа жива. *Почему* все чаще в письмах пятна Размывают бодрые слова». (А. Сурков. Знаю — ты тоскуешь, дорогая...).

Подтип Б. Одна из разноскрепно-однородных соподчиненных придаточных частей присоединяется к соответствующей главной части относительным словом, а другая — союзом.

Разновидность 1. Первая придаточная часть присоединяется к соответствующей главной части сложно-

го предложения относительным словом *как*, вторая же придаточная часть присоединяется к той же главной части союзом-частицей *ли*. Например:

«Его волновало не только то, *как* строят и достроят *ли* к сроку, с жаром следил он за ростом апатитовой промышленности, за упрямым трудом огородников, за техникумом, за дорогами, за буднями города». (И. Эренбург. Девятый вал: 42).

Разновидность 2. Относительное слово *как* и союз *что*. Например:

«И о чем бы ни говорили — обонх поражало и радовало, *как* легко они понимают друг друга и *что* они вообще все понимают одинаково». (А. Акимов. Первое сентября; 15).

Разновидность 3. Относительное слово *когда* и союз-частица *ли*. Например:

«Неизвестно даже, *когда* это время настанет и настанет *ли* оно вообще». (6-ая сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Американский план так называемых «коллективных мероприятий» — план подготовки войны. Речь А. Я. Вышинского в Политическом комитете 3 января 1952 г. «Правда» от 6 января 1952 г.).

Разновидность 4. Относительное слово *что* и союз-частица *ли*. Например:

«Интересно, *что* ему там сказали в штабе, скоро *ли* ударим? — думал Матюхин, искоса поглядывая на комбата». (Э. Казакевич. Сердце друга; VII. I).

Разновидность 5. Относительное слово *что* и союз *что*. Например:

«Они сказали молодому человеку: то, *что* в вашей статье верно, а именно, *что* процессы, происходящие в коре головного мозга могут влиять на физиологические процессы в силу того, что головной мозг взаимодействует со всем организмом, — это не ново и не ваше открытие». (Р. Бершадский. На высоте «Антилысотина». «Литературная газета» от 26 января 1952 г.).

Однородно соподчиненные придаточные части в сложных предложениях рассматриваемого структурного типа, как, по-видимому, и вообще при разноскрепно-однородном соподчинении, располагаются либо обе после соответствующей главной части сложного предложения, либо обе — впереди главной части, либо же, наконец, обе придаточные части рядом одна с другой располагаются внутри главной части сложного предложения. Иных случаев взаимного расположения главной части сложного предло-

жения, с одной стороны, и разноскрепно-однородных соподчиненных придаточных, с другой стороны, — нами не зафиксировано, хотя при однородноскрепном однородном соподчинении такие случаи изредка встречаются¹⁾).

Сложные предложения типа:

«И что больше всего поразило меня — это то, что она (пустыня — В. Ш.) оказалась точно такой, какой представлялась с детства по картинкам учебника географии». (Р. Бершадский. На раскопках древнего Хорезма).

целесообразно, по-видимому, рассматривать в качестве имеющих в своем составе не разноскрепное одночленно-однородное, а разноскрепное разночленно-неоднородное соподчинение, при котором в данном случае одна из придаточных частей является сказуемой, а другая — подлежащей.

Разновидность 6. Союз-частица *ли* и относительное слово *когда*. Например:

«Не удивительно, что в своей новогодней речи г. Ачесон должен был признать, что еще неизвестно, как он сказал, — добьемся *ли* мы окончания войны в Корее *и когда* именно». (6-ая сессия Генеральной Ассамблеи ООН. О мерах против угрозы новой мировой войны и по укреплению мира и дружбы между народами. Речь А. Я. Вышинского в Политическом комитете 12 января 1952 г. «Правда» от 15 января 1952 г.).

Разновидность 7. Союз *что* и относительное слово *что*. Например:

«Он был комсомольцем, но никого в райкоме комсомола не тревожило, *что* этот восемнадцатилетний парень предоставлен в трудное для него время самому себе *и к чему* может это привести». (М. Витценко. В трудную минуту. «Литературная газета» от 9 августа 1956 г.).

Подтип В. Придаточные присоединяются к соответствующей главной части сложного предложения различными союзами.

Разновидность 1. Первая придаточная часть присоединяется к соответствующей главной части сложного предложения союзом *что*, вторая же придаточная часть присоединяется к той же главной части союзом *чтобы*:

¹⁾ См., например, об этом в нашей статье о сложных предложениях с односкрепным и однородноскрепным однородным соподчинением: «Сложные предложения с однородным соподчинением в современном русском литературном языке». «Ученые записки» Вологодского педагогического института, т. XVIII; 1956, стр. 303.

В одной из них содержалось, что по дошедшим показаниям и донесениям находится в их губернии делатель фальшивых ассигнаций, скрывающийся под разными именами, и чтобы немедленно было учинено строжайшее разыскание». (Н. Гоголь. Мертвые души; I, IX).

4-ый тип. Придаточные являются уступительными по отношению к соответствующей главной части сложного предложения.

Подтип А. Придаточные присоединяются к соответствующей главной части различными относительными словами.

Разновидность 1. Первая придаточная часть присоединяется к соответствующей главной части сложного предложения сочетанием *где бы ни*, вторая же придаточная часть присоединяется к той же главной части сочетанием *какой бы ни*. Например:

«Где бы он ни был, каким бы гонениям ни подвергался, он всюду остается неустрашимым борцом-революционером, поэтом, умеющим глубоко воспринимать, чувствовать и отражать в своем творчестве народную жизнь». (О. Гончар. Фильм о великом народном поэте. «Правда» от 20 декабря 1951 г.).

Разновидность 2. Сочетания *где бы ни* и *кто бы ни*. Например:

«В заключение своей речи аббат Булье заявил, что конгресс окажет большую услугу делу мира, если осудит призывы к крестовому походу как самую гнусную пропаганду войны и тем самым подтвердит священное право всех людей мирно жить бок о бок друг с другом, где бы то ни было, кем бы они ни были, верующими или неверующими». (Второй Всемирный конгресс сторонников мира. «Правда» от 21 ноября 1950 г.).

Разновидность 3. Сочетания *где бы ни* и *куда бы ни*. Например:

«Где б я ни шел. Куда б мой путь ни лег, Нет для меня Родней твоих дорог». (А. Пришелец. Родина).

Разновидность 4. Сочетания *где бы ни* и *что бы ни*. Например:

«Старый и добрый Кузьмич видел, что где бы она ни была и что бы она ни делала,— всюду за ней следили умные, чуть раскосые глаза парторга». (М. Алексеев. Солдаты; II, 1, 8).

Разновидность 5. Сочетания *как бы ни (как ни)* и *какой бы ни (какой ни)*. Например:

«Но как бы ни бесновались американо-английские поджигатели войны, какие бы новые средства уничтожения людей они

ни придумывали, пусть не забудут, что им никогда не сломить стойкости духа миролюбивых народов». (В. Тим а к о в. Чудовищные злодеяния американских агрессоров. «Новое время», 1952, № 12);

«Только как ты *ни* кричи об этом *И в какой ни* уличай вине, Не хочу тащиться за кюветом От большой дороги в стороне». (Н. Г р и б а ч е в. Своему сердцу).

Разновидность 6. Сочетания *как ни* и *сколько ни*. Например:

«*И как ни* механичен был усвоенный Извековым с юношеских лет уход за телом, *сколько ни* казалось, что, пока руки заняты заученными движениями, мозг продолжает делать свое дело, — в действительности мозг только отдыхал, наслаждаясь телесной работой, посылавшей ему, волну за волной, разгоряченную кровь». (К. Ф е д и н. В семье Извекова, «Правда» от 2 января 1957 г.).

Разновидность 7. Сочетания *как бы ни* и *что бы ни*. Например:

«*Как бы ни* назывался финский фильм, о чем бы он ни рассказывал, у него, как у волка в сказке о Красной шапочке, всегда торчат зубы и когти голливудского образца. (Б. Ч и р к о в. В Польше и Финляндии. «Советское искусство» от 9 января 1952 г.).

Разновидность 8. Сочетания *какой бы ни* и *как бы ни*. Например:

«*С какой бы* суровой действительностью *ни* сталкивался советский человек, *как бы* тяжелы *ни* были испытания, выпавшие на его долю, великое чувство жизнеутверждения, заложенное в нем всей системой нашего благородного, гуманного воспитания, всем строем нашей прекрасной действительности, вечно будет цвести в его сердце чудесным, неумирающим цветом». (М. Се м е н о в. Героика народной борьбы. «Литературная газета» от 8 мая 1952 г.).

Разновидность 9. Сочетания *какой бы ни* и *когда бы ни*. Например:

«*Какие бы* мысли *ни* возникали в голове человека и *когда бы* они *ни* возникали, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз». (И. В. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкознания).

Разновидность 10. Сочетания *какой бы ни* и *сколько бы ни*. Например:

«*Какие бы ни* миновали сроки *И сколько б я ни* исходил земли, Мне вновь и вновь благословлять дороги, Что нас с тобою к встрече привели». (С. Щ и п а ч е в. Своей любви перебрывая даты...).

Разновидность 11. Сочетания *какой бы ни и что бы ни*. Например:

«Какую бы глупость ни сморозил мой незабвенный учитель и что бы ни сделала Татьяна Ивановна, все находил он милым и восхитительным». (А. Чехов. Тайный советник).

Разновидность 12. Сочетания *кто бы ни и как бы ни*. Например:

«Ему показалось, что он сразу понял, что именно эта девушка — кем бы она ни была и как бы ее ни звали — эта девушка, со смехом вынырнувшая из осеннего, темного и безбрежного мира, и есть та самая, о которой он думал в течение всей прошлой жизни». (Э. Казакевич. Сердце друга; II, I).

Разновидность 13. Сочетания *кто бы ни и какой бы ни*. Например:

«За каждым человеком, посещающим квартиру Меркера, в свою очередь, должна быть установлена слежка, все равно, кто бы ни был этот посетитель и какое бы место он ни занимал, скажем, в магистрате или где бы то ни было». (Э. Казакевич. Дом на площади; III, XI).

Разновидность 14. Сочетания *куда бы ни и какой бы ни*. Например:

«Куда бы ты ни поспешал, Хоть на любовное свидание, Какой б в сердце ни питал Ты сокровенное мечтанье, — Но встретясь с ней, смущенный, Вдруг остановишься невольно, Благоговя богомольно Перед святыней красоты». (А. Пушкин. Красавица).

Разновидность 15. Сочетания *сколько бы ни и какой бы ни*. Например:

«Сколько бы раз ни привелось потом моряку стоять на других мостиках, какие бы огромные корабли ни водил он потом в дальние походы, даже тяжелая громада линкора не сможет заслонить в его сердце тот маленький кораблик, где в первый раз испытал он гордое, тревожное и радостное доверие к самому себе, поняв, наконец, вполне, всем существом, что он командир корабля». (Л. Соболев. Зеленый луч; II).

Разновидность 16. Сочетания *сколько бы ни и что бы ни*. Например:

«Говорят, сколько бы ни занимался студент и чем бы он ни занимался, ему всегда не хватает только одного дня». (К. Лебедев. Люди и степени; 7).

Разновидность 17. Сочетания *что бы ни и где бы ни*. Например:

«Мы были счастливы; по крайней мере Я счастлив был тобой, твоей любовью, И что вперед со мною ни случится, Где бы ни был я, всегда я буду помнить Тебя, мой друг; того, что я теряю, Ничто на свете мне не заменит». (А. Пушкин. Русалка).

Разновидность 18. Сочетания что бы ни (что ни) и как бы ни (как бы). Например:

«Чем бы ни угрожали враги мира, как бы ни старались они спровоцировать и посеять разлад между народами, все их попытки обречены на провал перед лицом объединенных народов всех стран». (Отдать все силы делу защиты мира! «Правда» от 30 июля 1952 г.).

И что ей душу ни смутило, Как сильно ни была она Удвиглена, поражена, Но ей ничто не изменило: В ней сохранился тот же тон, Был так же тих ее поклон». (А. Пушкин. Евгений Онегин: VIII, XVIII).

Разновидность 19. Сочетания что бы ни и какой бы ни. Например:

«Что бы ни случилось, какие бы интриги ни затеяли поджигатели войны в расчете на то, чтобы спутать карты и обмануть общественное мнение, для нас и для широчайших, решающих по своей численности масс нашей страны положение ясно уже сегодня». (Защитить национальную независимость Италии! «Правда» от 20 октября 1952 г.).

Обращает на себя внимание в сложных предложениях рассмотренного структурного подтипа преимущественное употребление однородно-соподчиненных придаточных частей в препозитивном их положении по отношению к соответствующей главной части.

Сложных предложений описываемого структурного типа, относящихся к подтипам Б и В, нами не зафиксировано.

Б-ый тип. Придаточные являются по отношению к соответствующей главной части сложного предложения придаточными образа действия.

Нами зафиксирована лишь одна структурная разновидность сложных предложений этого типа, относящаяся к подтипу В.

Эта разновидность характеризуется тем, что первая из однородно соподчиненных придаточных частей присоединяется к соответствующей главной части союзом *будто*, вторая же из однородно соподчиненных придаточных частей присоединяется к той же главной части союзом *словно*. Например:

«И на полинялой до рыжины, потерявшей сверканье крыл пролетке с кожаной подушкой в трещинах он сидел так, *будто* никакого значения не имело, что он едет на былом купеческом ли, адвокатском ли выезде, *и словно*—того и гляди—он соскочит и начнет запросто мерить саженками мостовую, раскачиваясь на кругловатых высоких ногах». (К. Ф е д и н. Необыкновенное лето; 7).

6-ой тип. Придаточные являются временными по отношению к соответствующей главной части сложного предложения.

Нами зафиксированы две структурные разновидности сложных предложений этого типа, относящиеся, соответственно, к подтипам Б и В.

Разновидность 1. (Подтип Б). Первая из однородно соподчиненных придаточных частей присоединяется к соответствующей главной части союзом *как только*, вторая же из однородно соподчиненных придаточных частей присоединяется к той же главной части относительным словом *когда*. Например:

«Тут нам угрожает целый ряд опасностей, которые сплошь и рядом проявляют себя, *как только* задача учиться коммунизму ставится неправильно *или когда* она понимается слишком однобоко». (В. И. Ленин. Задачи союзов молодежи).

Разновидность 2. (Подтип В). Первая из однородно соподчиненных придаточных частей присоединяется к соответствующей главной части союзом *покуда*, вторая же присоединяется к той же главной части союзом *пока*. Например:

«С такими людьми можно идти народу, они на малом не помирятся, не остановятся, пока не одолеют все обманы, всю злобу и жадность, они не сложат рук, *покуда* весь народ не сольется в одну душу, *пока* он в один голос не скажет я владыка, я сам построю законы для всех равные!...». (М. Горький. Мать; II, XVII).

7-ой тип. Придаточные являются по отношению к соответствующей главной части сложного предложения придаточными места.

Нами зафиксирована лишь одна структурная разновидность этого типа, относящаяся к подтипу А.

Эта разновидность характеризуется тем, что первая из однородно соподчиненных придаточных частей присоединяется к соответствующей главной части относительным словом *где*, вторая же из однородно соподчиненных при-

даточных частей присоединяется к той же главной части относительным словом *куда*. Например:

«Наши санитары, переложив на свои носилки обоих раненых, не теряя времени, уже несли их туда, *где* виднелся санитарный автобус и *куда* теперь вплотную подрулил самолет». (К. Симонов. Товарищи по оружию; 33).

8-о й т и п. Придаточные являются сказуемыми по отношению к соответствующей главной части сложного предложения.

Нами зафиксирована лишь одна структурная разновидность сложных предложений данного типа, относящаяся к подтипу А.

Эта разновидность характеризуется тем, что первая из однородно соподчиненных придаточных частей присоединяется к соответствующей главной части относительным словом *кто*, вторая же из однородно соподчиненных придаточных частей присоединяется к той же главной части относительным словом *который*. Например:

«За счет «прочих» иной раз удастся пристроить парнишку; иногда это тот, *с кем* обычная семилетняя школа не справилась, *но которого* в силах направить и сделать человеком завод». (М. Прилежаева. О молодых рабочих. «Новый мир»; 1955, № 9).

9-ы й т и п. Придаточные являются условными по отношению к соответствующей главной части сложного предложения.

Нами зафиксирована лишь одна структурная разновидность сложных предложений и данного типа, относящаяся к подтипу В.

Эта разновидность характеризуется тем, что первая из однородно соподчиненных придаточных частей присоединяется к соответствующей главной части союзом *если*, вторая же из однородно соподчиненных придаточных частей присоединяется к той же главной части союзом *когда*. Например:

«*Если* стала неровной Шага, *Когда* дверей не смог я отпереть — Ни к чему в любви моей отвага». (С. Есенин. В Хоросане есть такие двери...).

По-видимому, отступлениями от грамматических норм современного русского литературного языка следует считать такие сложные предложения, в которых одна из однородно соподчиненных придаточных частей присоеди-

няется к соответствующей главной части скрепой *раз*, обычно употребляющейся в условных придаточных, другая же из числа тех же соподчиненных придаточных присоединяется к той же главной части скрепой *поскольку*, обычно употребляющейся в составе причинных придаточных. Взаимоотношения между однородно соподчиненными придаточными, с одной стороны, и соответствующей главной частью, с другой стороны, в таких сложных предложениях можно было бы охарактеризовать как условно-причинные (промежуточные между условными и причинными, совмещающие в себе оба эти значения). Например:

«Шорр. Но *раз* Вы подняли вопрос о неприятностях Америки на Формозе и *поскольку* мы ведем откровенную беседу, я хотел лишь спросить, как долго, по Вашему мнению, продержался бы режим Кадара без советских войск и танков в Венгрии?» (Беседа Н. С. Хрущева с корреспондентами американской радиотелевизионной компании «Коламбия Бродкастинг Систем» 28 мая 1957 года, «Правда» от 4 июня 1957 г.).

10-ый тип. Придаточные являются присоединительными по отношению к соответствующей главной части сложного предложения.

Нами зафиксирована опять же лишь одна структурная разновидность сложных предложений данного типа, относящаяся к подтипу А.

Эта разновидность характеризуется тем, что первая из однородно соподчиненных придаточных частей присоединяется к соответствующей главной части относительным словом *как*, вторая же из однородно соподчиненных придаточных частей присоединяется к той же главной части относительным словом *что*. Например:

«Конкретная система», предложенная комитетом, по существу означала бы «перенятие на себя» эксплуатации канала, *как* об этом указывали накануне конференции правительства-организаторы приглашенным правительствам и *что* по существу утверждалось все это время, несмотря на употребление различных терминов». (Ответное письмо президента Насера «комитету пяти». «Правда» от 11 сентября 1956 г.).

Таковы основные структурные типы, подтипы и разновидности сложных предложений с двузвенным однородно-разноскрепным соподчинением в современном русском литературном языке.

Изложенное выше позволяет прийти к таким выводам.

1. Сложные предложения с двузвенным однородно-разноскрепным соподчинением широко употребляются в различных стилях современного русского литературного языка.

2. Эти сложные предложения характеризуются многообразием своих структурных особенностей. (В тексте работы проанализировано свыше двухсот структурных разновидностей таких сложных предложений). Многообразие структурных разновидностей, составляющих в своей совокупности все-таки, несомненно, очень частное синтаксическое явление, называемое сложными предложениями с двузвенным однородно-разноскрепным соподчинением, еще раз с очевидностью свидетельствует о богатстве выразительных возможностей русского литературного языка.

3. Синтаксические взаимоотношения между разноскрепно-однородными соподчиненными придаточными, с одной стороны, и соответствующей главной частью сложного предложения, с другой, в подавляющем большинстве случаев являются дополнительными. Некоторые же виды упомянутых синтаксических взаимоотношений и соответственные «типы» придаточных вообще не могут употребляться в сложных предложениях рассматриваемой структуры, что обуславливается, помимо иных причин, спецификой разноскрепно-однородного соподчинения.

4. В качестве грамматических скреп при двузвенном разноскрепно-однородном соподчинении в подавляющем большинстве случаев употребляются различные союзные слова (около 150 случаев из 180 зафиксированных пар скреп).

5. Сочетания типа «союзное слово — союз» (или: «союз — союзное слово») употребляются в качестве скреп при разноскрепно-однородном соподчинении редко и не производят впечатления нарушений грамматических норм русского литературного языка только тогда, когда в роли подчинительного союза, сочетающегося в указанной функции с каким-либо союзным словом, выступает союз-частица *ли*.

6. Два различных союза могут выступать в качестве скреп при разноскрепно-однородном соподчинении в очень редких случаях, многие из которых воспринимаются как нарушения литературной нормы.

7. С помощью определенной пары скреп, употребляе-

мых при разноскрепно-однородном соподчинении, выражаются, как правило, определенные синтаксические взаимоотношения между соподчиненными придаточными, с одной стороны, и соответствующей главной частью сложного предложения, с другой. В ряде случаев с помощью одной и той же пары скреп могут быть выражены и различные в разных сложных предложениях грамматические взаимоотношения между главной частью, с одной стороны, и соподчиненными придаточными, с другой. (Так, например, с помощью сочетаний относительных слов *как-что*, *какой-как*, *что-где* и *что-как* может выражаться даже не два, а три ряда таких взаимоотношений).

Т. Г. ПАНИКАРОВСКАЯ

**ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
ГОВОРА ДЕРЕВНИ ПАРФЕНКИ НОВО-
ПЕТРОВСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ
ОБЛАСТИ ¹⁾**

Предметом настоящей статьи является описание системы гласных звуков одного из средневеликорусских подмосковных говоров, а именно говора деревни Парфёнки Ново-Петровского района Московской области. Деревня Парфёнки ²⁾ Покоевского сельсовета (в прошлом Васильевской волости Рузского уезда Московской губернии) находится приблизительно в 100 километрах от Москвы в северо-западном направлении на расстоянии 7 км от станции Румянцево Калининской железной дороги и 8 км от районного центра — села Ново-Петровское. Деревня входит в укрупненный колхоз имени Мичурина. В деревне Покоево (в 3-х км от Парфёнок) имеется неполная средняя школа (в прошлом в Покоеве была земская школа), медицинский пункт, изба-читальня, библиотека колхоза, располагающая значительным выбором общественно-политической, сельскохозяйственной и художественной литературы.

До Великой Октябрьской социалистической революции мужское население деревни Парфёнки и окружающих деревень Васильевской волости, помимо сельского хозяйства, занималось отхожими промыслами и, главным образом,

¹⁾ Предлагаемая статья представляет собой краткое изложение одного из разделов подготавливаемой нами диссертации на тему «Фонетико-морфологическое описание говора деревни Парфёнки Ново-Петровского района Московской области».

²⁾ Происхождение названия данного населенного пункта неясно, как, впрочем, и большинства других, по свидетельству Ю. Готье (Ю. Готье. Замосковский край в 17 веке, М., 1906), населенных пунктов бывшего Рузского уезда.

извозом. Н. Волков в «Описании Рузского уезда» отмечал, что уже в первой половине 19 века в Рузском уезде не было селений, «где крестьяне занимались бы только хлебопашеством»; часть населения была занята на промыслах¹⁾. Пятьдесят лет назад, по свидетельству Н. Н. Дурново²⁾, грамотных среди мужчин с десятилетнего возраста в Парфёнках было немногим больше половины, в Курове — около $\frac{3}{4}$ всего мужского населения. Девочек же в школу не посылали. В настоящее время все дети школьного возраста учатся, почти вся молодежь имеет семилетнее образование, многие закончили десятилетку.

Изучение подмосковных говоров представляет для науки о русском языке значительный интерес в связи с проблемой формирования общенародного языка великорусской народности XIV—XVI вв., диалектной основой которого явился, как известно, ростовско-суздальский диалект, одним из говоров последнего был московский.

Подмосковные говоры изучены еще недостаточно. В трудах Московской Диалектологической Комиссии, в работах В. И. Чернышева³⁾, А. А. Шахматова⁴⁾, А. В. Текучева⁵⁾, в диссертациях К. А. Фёдоровой⁶⁾, В. Н. Пахомовой⁷⁾, А. Ф. Манаенковой⁸⁾ содержатся более или

1) Н. Волков. Описание Рузского уезда, Московские губернские ведомости. 1851, № 2, стр. 225.

2) Н. И. Дурново. Описание говора деревни Парфёнок Рузского уезда, Московской губернии, В., 1903, стр. 3.

3) В. И. Чернышев. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов. Изв. ОРЯС АН, т. 75, № 2 СПб, 1904. См. также его работу: Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда. Изв. ОРЯС АН, т. 68, № 3, СПб, 1900.

4) А. А. Шахматов. Описание лексинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. Изв. ОРЯС АН, т. XVIII, кн. 4, СПб, 1913.

5) А. В. Текучев. Изучение говоров западных районов Московской области. Ученые записки Московского областного педагогического института, труды кафедры русского языка, вып. I, т. XII. М. 1948.

6) К. А. Фёдорова. К истории говоров западного Подмосьья (Можайские говоры). Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук, М., 1951.

7) В. Н. Пахомова. Фонетическая система говора села Кокино Каширского района Московской области. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук, М., 1948.

8) А. Ф. Манаenkova. Лексика говоров Каширского района Московской области. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 1948.

менее подробные статистические описания отдельных подмосковных говоров. Исследований, освещающих на конкретном материале процесс изменения подмосковных говоров под влиянием литературно обработанной формы общенародного языка, мало. Нам известны лишь две работы, а именно книга Н. М. Каринского «Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Ванилово»¹⁾ и статья С. С. Высотского «О говоре д. Лека»²⁾, в которых рассматриваются изменения, происшедшие в говоре за тридцать лет. Из новейших исследований изучению истории подмосковных говоров посвящены кандидатские диссертации Л. Э. Калнынь³⁾ и В. В. Иванова⁴⁾.

Между тем процесс растворения именно подмосковных говоров в едином общенародном национальном русском языке происходит под влиянием литературного языка особенно интенсивно, что объясняется, помимо прочего, близостью территории распространения этих говоров к Москве.

Говор деревни Парфёнки Ново-Петровского района Московской области, подробно изученный в конце прошлого века Н. Н. Дурново⁵⁾, представляет особый интерес для лингвистического обследования, т. к. сопоставление данных Н. Н. Дурново с современными данными позволяет на конкретных фактах проследить те изменения, которые произошли за пятьдесят с лишним лет в звуковой системе и грамматическом строе говора в результате постепенного воздействия на последний литературного языка.

В настоящей статье мы ставим своей целью: 1) дать описание современного состояния системы гласных звуков говора деревни Парфёнки; 2) сравнивая наши данные с данными Н. Н. Дурново, проследить, какие изменения произошли в системе вокализма говора за пятьдесят с

¹⁾ М.-Л., 1936.

²⁾ Материалы и исследования по русской диалектологии, т. II, изд. Ак. Наук СССР, М.-Л., 1949.

³⁾ Л. Э. Калнынь. Коломенские говоры в их истории и в современном состоянии, диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 1952.

⁴⁾ В. В. Иванова. Из истории говоров северо-западного Подмосковья (Волоколамские говоры), диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 1953.

⁵⁾ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфёнок Рузского уезда, Московской губернии, В., 1903.

лишним лет в результате постепенного воздействия на говор литературного языка.

Говор деревни Парфёнки изучался нами во время специальных поездок в 1950—1953 годах. Одновременно были обследованы 8 окружающих Парфёнки деревень, а именно: деревни Курово, Покоево, Назарово, Медведки, Савельево, Горки, Долево, Васильевское, находящиеся в радиусе до пяти—шести километров от Парфёнок.

Говоры всех обследованных населенных пунктов, в основном, однородны; некоторые особенности говора по отдельным деревням оговариваются в соответствующих местах статьи. Наблюдения велись прежде всего над речью представителей старшего поколения, которое является, как правило, носителем традиционных особенностей говора.

Чтобы выяснить, какие изменения произошли в нашем говоре за пятьдесят с лишним лет, записывалась речь представителей молодого поколения, получивших начальное или чаще неполное среднее образование, речь представителей сельского актива, являющихся местными уроженцами; записывались выступления колхозников на собраниях и заседаниях правления колхоза. Нами были просмотрены книги протоколов общих собраний колхозов и заседаний правления, несколько номеров стенгазеты «Земледелец», боевые листки «За подъем высокого урожая», а также тетради учащихся. Источником фактического материала явились систематические наблюдения над живой речью двадцати человек, уроженцев и коренных жителей деревни Парфёнки. В окружающих Парфёнки деревнях запись диалектологического материала произведена также от двадцати лиц разного возраста.

Гласные звуки слога, находящегося под ударением

При изучении фонетической системы любого языка или местного (территориального) говора неизбежно приходится оперировать понятием «фонемы», имеющим различные определения. Характеризуя звуковую систему говора, мы исходим из определения фонемы, содержащегося в «Фонетике французского языка» Л. В. Щербы ¹⁾. В изучаемом говоре, как и в литературно обработанной форме на-

¹⁾ Л. В. Щ е р б а. Фонетика французского языка, М., 1953, стр. 19.

ционального русского языка, а также в большинстве русских народных говоров (в том числе подмосковных) в положении под ударением не между мягкими согласными представлено шесть гласных звуков (фонем) и, ы, у, э, о, а.

Гласный звук *а* употребляется в говоре после твердых согласных звуков перед твердыми, а также в положении после твердых согласных на конце слова: пла́вѣит, краснѣйѣ, вада́, брада́ и т. д. Гласный *а* является, как и в литературном языке, звуком средне-заднего ряда, нижнего подъема, нелабиализованным.

В положении после твердых согласных перед мягкими, а также после мягких согласных перед твердыми гласный *а* становится звуком более переднего ряда и более верхнего подъема: събира́т', зѣкапа́лись, указа́н'ѣ, гра́знѣйѣ и т. д.

В положении между мягкими согласными ударяемый гласный *а* сохраняет в описываемом говоре свое качество, однако становится, как и в литературном языке, еще более передним и верхним. Ударяемый гласный *а* в положении между мягкими согласными является звуком передне-среднего ряда: ати́али, вз́али, вал́алис, гра́с', зава́з-нит, ма́ли, пра́ли и т. д.

Отметим, что в словах «запрячь», «трясть» в положении между мягкими согласными (этимологически носовой гласный переднего ряда) в нашем говоре последовательно наблюдается ударяемый гласный э: запря́ч', атпрѣ́ч', распрѣ́ч', трѣ́с', трѣ́с'т'.

Наличие ударяемого гласного э между мягкими согласными в словах запря́ч', трѣ́с' (трѣ́с'т'), возможно, является остатком фонетической черты, характеризовавшей изучаемый говор в прошлом и исчезнувшей под влиянием норм литературно обработанной формы национального языка. В конце 19-го, в начале 20-го века ударяемый гласный э в положении между мягкими согласными (в соответствии с гласным *а* литературного языка) наблюдался, по свидетельству Н. Н. Дурново,¹⁾ также в словах мѣч', мѣч'ик (литерат. мяч, мячик)²⁾. По нашим наблю-

¹⁾ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфёнок, Рузского уезда, Московской губернии, В., 1903, стр. 10.

²⁾ Звук *а* в этих словах восходит, по всей вероятности, к носовому гласному переднего ряда (См., например, А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, М., 1910—1916, стр. 585).

дениям, в настоящее время эти слова произносятся в говоре только с гласным *а*.

Сохранение гласного *э* в слове «запр'эч'» (запр'ók) вызвано, очевидно, аналогией с глаголами: п'эч' — п'ók, л'эч' — л'ок, т'эч' — т'ок и т. д.; а формы «тр'эс'» (тр'эс'т') — «тр'ос» появились, возможно, по аналогии с формами «н'эс'т'» (н'эс') — «н'ос», «в'эс'т'» (в'эс') «в'ос» и так далее.

Гласный *о* является в нашем говоре звуком открытым и обладает теми же артикуляционно-акустическими особенностями, что и в литературном языке. Звук *о* под ударением представлен в положении между твердыми согласными: дроф, про́сь, по́мн'ут. Ударяемый гласный *о* наблюдается в положении после твердых согласных перед мягкими: до́л'ъ, во́л'п'ый и т. д., а также после мягких согласных перед твердыми: т'о́пл'ый, прат'о́рл'ъ и т. д., в положении между мягкими согласными ударяемый гласный *о* является звуком передне-среднего ряда: т'о́г'ъ, в'из'о́т'и, парн'о́ч'ку и т. д. На конце слова гласный *о* под ударением представлен как после твердых, так и после мягких согласных: зв'и́но, с'ало́, тр'и́п'йо́, фс'о и т. д.

Ударяемый гласный *э* наблюдается в говоре в положении между мягкими согласными как на месте этимологического *ять*, так и на месте этимологического *э*, а также *э*, возникшего из редуцированного гласного *ь* в сильном положении. Например: п'э́с'н'ъ, т'и́р'п'э́т', хат'э́л'и. л'э́з'ит, д'э́с'ит', ум'э́н'шы́т' фт'э́м'ин', д'э́н', в'э́р'х и т. д.

Ударяемый гласный *э* в этом положении является закрытым звуком. После мягких согласных, а также после шипящих *ж*, *ш* (звуков, бывших мягкими в древнерусском языке) перед твердыми под ударением в соответствии с гласным *э* (этимологическим, а также образовавшимся из *ь*) в говоре, как и в литературном языке, последовательно употребляется гласный *о*. Примеры: с'о́л'ъ, с'о́стры, бир'о́зъ, м'о́ду, л'о́хкыйъ, прин'о́с, грыз'о́ццъ, прад'о́ргъвъ́т м'о́рзнут, д'н'о́м, жо́лтый, шо́пъ́т, шо́лкъвъ́, жо́ны. Ударяемый гласный *о* в соответствии с этимологическим *э* наблюдается в конце слова после мягких, а также после согласных *ж*, *ш*, *ц*: майо́, фс'о́, плич'о́, сви́жо́, лицо́ и т. д.

Перед шипящими *ж*, *ш*, твердыми в нашем говоре, как и в современном литературном языке, в соответствии с этимологическим *э* наблюдается под ударением, как

правило, гласный звук *о*: д'ошывъ, лип'ошкъ, л'ождъ, мѣлад'ошын'къ, мѣлад'ош, абамр'ош, бир'ош, пихн'бш. ваткн'ош. Однако говору известны и формы с ударяемым гласным *э* перед твердыми шипящими *ж, ш*. Таковы слова: ад'эждъ¹⁾, над'эждъ, гѣлав'эшкъ, рим'эшык, ч'эшыщъ, бр'эшит (говорит неправду, лжет). В числе слов с ударяемым гласным *э* перед шипящими *ж, ш*, Н. Н. Дурново²⁾ упоминает и предлог «промеж» — между, отмечая, однако, что более употребительна в говоре форма «мижду». В настоящее время в говоре употребляются предлоги «между», «промежду» (первый наиболее часто), управляющие родительным падежом. Например: мижду р'адѡф салдѡт стайѡлъ, прѣмижду них рѣз'дил'ѡли (Парф.). Форма «промежду» возникла в результате контаминации двух форм — специфической для говора формы «промеж» с литературной формой «между».

Формулируя закон об изменении этимологических *э, ъ*, ударяемых в *о* перед твердыми согласными, Р. Ф. Брандт³⁾ и А. И. Соболевский⁴⁾ полагали, что в эпоху действия в русском языке этого закона согласные *ж, ш* еще не отвердели. Следствием этого и является, по мнению Р. Ф. Брандта и А. И. Соболевского, наличие в русском языке ряда слов с ударяемым гласным *э* перед шипящими *ж, ш*; многочисленные же факты с ударяемым *о* из *э* перед шипящими *ж, ш* — аналогического происхождения.

Однако появление ударяемого гласного *о* (в соответствии с *э*) перед *ж, ш* можно объяснить действием аналогии лишь в очень немногих примерах. Переход *э* в *о* под ударением перед шипящими *ш, ж* — явление фонетическое. «Следует ... признать, — указывает С. П. Обнорский, действие закона о переходе с в *о* и перед *ш, ж*, т. е. предполагая соответственно более раннее их отвердение на почве литературного языка, чем отвердение *ц*⁵⁾».

¹⁾ Слово «одежда» (ад'эждъ) употребляется в речи представителей старшего поколения редко. Более распространенной является форма «одѣжа» (ад'ождъ) с ударяемым гласным *о* и производные: одѣжина (ад'оджынъ), одѣжинка (ад'оджынкъ).

²⁾ Н. Н. Дурново. Говор деревни Парфёнок Рузского уезда, Московской губернии, В., 1903, стр. 13.

³⁾ Р. Ф. Брандт. Лекции по исторической грамматике русского языка, М., 1913, стр. 18.

⁴⁾ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, М., 1907, изд. 4, стр. 63.

⁵⁾ С. П. Обнорский. Переход *е* в *о* в современном русском языке. Сб. А. А. Шахматов, 1947, стр. 297.

В нашем говоре, как и в литературном языке, отверждение шипящих звуков *ж, ш*, по-видимому предшествовало изменению *э* (этимологического, а также из *ь*) под ударением в *о*. Поэтому формы с ударяемым гласным *о* (в соответствии с *э*) перед согласными *ж, ш* фонетически закономерны: шипящие *ш, ж* как звуки твердые обуславливали изменение ударяемого гласного *э* в *о*. Слова же с ударяемым *э* перед шипящими *ж, ш* являются либо книжными элементами, проникшими в говор из литературного языка, например: одежда, надежда, либо, быть может, заимствованы из других местных говоров к югу от Москвы, не знающих изменения *э* в *о*. В ряде же случаев наличие ударяемого гласного *э* перед твердыми шипящими вызвано аналогией, например: ремешек — ремень.

Ударяемый гласный *о* (в соответствии с этимологическими *э, ь*) перед твердыми согласными отмечен в нашем говоре несколько шире, чем в литературной форме общенародного русского языка. Так, например, гласный *о* произносится под ударением в словах смёртный (см'ёртнѣй), поперёчный (пѣпир'ошнѣй), приземистый (приз'омистѣй), в собственном имени Пармён (Парм'он). Ср. литерат.: смертный, поперечный, приземистый, Пармен. Например: прид'от мой см'ёртнѣй ч'ас, атсах'э атводы пѣпир'ошнѣй, приз'омистѣй мужык (Парф.).

С ударяемым гласным *о* произносят в говоре формы глагола «держать» (настоящее время: дѣржишь, дѣржит, дѣржим, дѣржите дѣржут) и производные: задѣржка, поддѣржка. С. П. Обнорский ¹⁾ считает, что произношение с ударяемым *о* форм настоящего времени от глагола «держать» характерно исключительно для севернорусских народных говоров, где оно распространено очень широко. Однако это явление известно и южнорусским говорам. Отмечая это явление в лекинском говоре, А. А. Шахматов писал: «Отверждение *ж* повело к отверждению предшествующего *р*, а затем к переходу *е* перед *р* в *о*: д'оржут, пад'оржынѣй ²⁾».

В нашем говоре постепенно всё более широкое распространение приобретают литературные формы: держишь,

¹⁾ С. П. Обнорский. Переход *е* в *о* в современном русском языке. Сб. А. А. Шахматов, 1947, стр. 300.

²⁾ А. А. Шахматов. Описание лекинского говора Егорьевского уезда, Рязанской губернии. Сб. Изв. ОРЯС АН. Н., т. XVIII, кн. 4, стр. 191.

держит и т. д. Наоборот, сохраняется в произношении ударяемый гласный э перед мягкими шипящими в словах: мишэчик, гаршэчик, жэш'ш'и — ср. степень прилагательного жесткий. В литературном языке изменение э в о в этих словах вызвано аналогией с формами, в которых оно закономерно фонетически. Ср. мешочек — мешок, горшочек — горшок, жэстче — жэсткий. В нашем говоре эта аналогия не имела места.

В словах «женский» (жэнскый), «деревенский» (д'ри-в'энскый), «смоленский», (смал'энскый), «душевный» (душэвный) в изучаемом говоре, как и в литературном языке, наблюдается ударяемый гласный э. Сохранение гласного э под ударением перед твердым согласным в этих словах объясняется тем, что в эпоху действия закона о переходе э в о за гласным э следовал мягкий согласный звук, позднее отвердевший. Сударяемым гласным э перед твердым согласным произносятся и слова: небо (н'эбь), крест (кр'эст, хр'эст), вред (вр'эт), в среду (фср'эду), являющиеся болгарскими элементами в русской лексике и проникшие в говор из литературного языка. При форме крест (кр'эст, хр'эст) в нашем говоре широко употребительны формы — хр'осный, хр'оснь с гласным о перед твердым согласным.

Гласный э под ударением (в соответствии с этимологическим *ять*) наблюдается в нашем говоре перед твердым согласным и на конце слова: хл'эп, м'эсть, б'эдный, н'гар'э, н'р'ик'э. Отклонением от этой нормы являются формы множ. числа: — гн'эзды, зв'эзды; прош. вр. приабр'ёл, б'ок (уб'ок, паб'ок, приб'ок и т. д.); сущ. пад'д'офкь; прич. над'овън¹⁾ (Ср. в литературном языке также: гнёзда, звёзды, приобрёл, поддёвка, надёван). Общепринятым было мнение, что появление ударяемого гласного о в соответствии с этимологическим *ять* — результат «аналогического воздействия на данные формы слов однотипных образований от иных слов: по аналогии с формами ед. ч. село — мн. ч. сёла возникла форма мн. ч. гнёзда при форме ед. числа гнездо; по аналогии с формами ед. ч. сестра — мн. ч. сёстры появилась форма мн. ч., звёзды при форме ед. ч. звезда; под влиянием форм прошедшего времени вёл, мёл при формах настоящего времени мету,

¹⁾ А. И. Соболевский. (Лекции по истории русского языка, изд. 4, М., 1907, стр. 65) допускает мысль, что в корнях слов «надёван», «поддёвка», «бег», исконным был гласный э, а не *ять*.

веду, стала возможна форма приобрёл и т. д.¹⁾). Форма надёван возникла по аналогии с формами типа воёван, форма бёг — по типу тёк и т. д.²⁾). Произношение гласного *о* под ударением в соответствии с этимологическим *ять* в этих словах, по свидетельству С. П. Обнорского³⁾), широко распространено как в севернорусских говорах, так и в говорах переходных. Отмечая, что появление ударяемого *о* (в соответствии с этимологическим *ять*) во многих случаях затруднительно объяснить действием аналогии, С. П. Обнорский считает, что история перехода *ять* в *о* заключалась в следующем: первоначально изменение этимологического *ять* в *о* произошло в севернорусских говорах в предударном положении (т. е. возникли формы *гнёздо*, *звёзда*). Причиной этого явления было «совпадение, именно не в ударяемом положении, — старого *ять* и *е*. Новое же *е* из «*ять*» испытало общую на почве данных говоров судьбу с исконным *е*, т. е. перешло, в частности именно в предударном положении в *о*⁴⁾). Появление гласного *о* в соответствии с этимологическим *ять* под ударением — явление более позднее и было вызвано, по мнению С. П. Обнорского⁵⁾), влиянием на формы с гласным *ять* ударяемых форм этих же слов с гласным не под ударением, изменившимся в *о*. «Таким образом звезды перешло в звёзды, — пишет С. П. Обнорский⁶⁾), — не под воздействием сёстры и под., а под выравнивающим воздействием форм этого же слова с ударением не на корне, т. е. под воздействием форм ед. числа звёзда, звёзды и т. д.»...

В форме множ. числа ведры (в'эдры) в соответствии с этимологическим *ять* в говоре последовательно наблюдается ударяемый гласный *э*. Эта форма множественного числа, по свидетельству С. П. Обнорского, встречается как в севернорусских, так и в южнорусских говорах (I, 305—310).

На конце слов *акрам'а*, *пасл'а*, *апасл'а*, *вазл'а* (лите-

1) А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, изд. 4, М., 1907, стр. 65.

2) В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, изд. 4, К., 1913, стр. 87.

3) С. П. Обнорский. Переход *ево* в современном русском языке, Сб. А. А. Шахматов, М., 1947, стр. 311.

4) Там же, стр. 312.

5) Там же.

6) Там же, стр. 312.

ратурные формы кроме, после, возле) в соответствии с этимологическим *ять*¹⁾ в речи, главным образом, старшего поколения носителей говора произносится под ударением гласный *а*. Например: кул'тивир'эвъл п'оч'ву п'ас-т'á пáхты (Кур.), йа вазл'á акнá с'áду, акрам'á йав'о фс'э хад'или (Парф.). Формы пасля, апасля отмечены В. И. Чернышевым в говоре села Радомля б. Московской губернии²⁾. Под влиянием литературного языка диалектные формы пасл'á, вазл'á, акрам'á постепенно вытесняются литературными — п'осл'и, в'озли, кр'оми. Например: в'истушнм п'осли даклáдъ, н'эстьнавис в'озли мин'á, кр'омн пив'о' фс'э раб'от'ли (Парф.).

В начале слова гласный *э* является как и в литературном языке, звуком йотированным (йэл'ник, йэл', йэс'т', йэх'т'). «Исключение, — замечал Н. Н. Дурново, — составляют слова, сложные с частицей *э* (и сама эта частица): эпа, эва, эх, эк'ий, эд'к, эд'кай, эт'йт, эп'т'т и др. Это *э* не так грубо, как иногда в литературном произношении, и, являясь после согласной предлога, обыкновенно смягчает ее. Так, говорят: в'етим, к'эт'му, аб'эт'м, ут'эт'т (вот этот), но с эс'тим, ат'эт'ва, пад'этим, где с, т, д не мягкие, а только средние. Впрочем, употребительно и произношение: в'эф'тим, к'эт'му, аб'эт'м, со средней, а не с мягкой согласной перед *е*. Говорят также и йет'т и, кажется йэд'к»³⁾. Йотация начального гласного *э* под ударением в указательных местоимениях, а также в указательной частицей *эвэ* в настоящее время широко распространена в изучаемом говоре. Йотированный гласный *э* наблюдается преимущественно, если указательное местоимение или частица находятся либо в начале фразы, либо после предлога, оканчивающегося гласным звуком. Например: йэп'ти п'ат' гиктáр'ф ржы жжына'ли (Парф.) з'а йэ'т'ь нагрáду п'луч'или (Кур.). Значительно реже встречается в нашем говоре йотация начального гласного *э* в указательных местоимениях после предлога, оканчивающегося согласным звуком.

¹⁾ А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, М., 1910, стр. 69, 389, 112, 90.

²⁾ В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда, Сб. Изв. ОРЯС АК. Н., т. 68, № 3. СПб, 1900, стр. 7.

³⁾ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфёнок Рузского уезда, Московской губернии, В., 1902, стр. 12.

В положении перед гласным э твердые согласные звуки, как и в литературном языке, смягчаются. Отметим единичный факт отсутствия палатализации твердого согласного т перед гласным э в наречии аттеда (аттэдь). Появление в говоре гласного э под ударением в наречии аттеда (в соответствии с гласным у литературного языка) относится, по всей вероятности, к давнему времени и было вызвано, возможно, влиянием наречия «отселе» с ударяемым гласным э.

Гласный и наблюдается под ударением после мягких согласных перед твердыми: нъхадíльс, слíвы; после мягких согласных на конце слова: пирадí, привизлí; между мягкими согласными: барíтис, вíлись.

Гласный ы употребляется под ударением после твердых согласных перед твердыми: забýл, вýmъу; после твердых согласных перед мягкими: хлýнит, бýли; а также после твердых согласных на конце слова: цвитý, сталбý и т. д.

В словах «грып», «брычкъ» (ср. литер. гриб, бричка) в связи с тем, что согласный р является твердым в говоре под ударением наблюдается гласный ы (то же в безударном положении: грыбóч'ки). Такое произношение характерно, главным образом, для людей старшего поколения. В слове «рига» отмечено колебание сочетаний р-ры (рíгъ, рыгъ), причем наиболее употребительно это слово с ударяемым гласным и. В слове «кринка», которое Н. Н. Дурново отметил в числе слов с ударяемым гласным ы, в настоящее время, как и в литературном языке, произносится гласный и. В прилагательном «давнýшнýй» — им. ед. м. р. (давнýшнийъ — им. ед. ж. р., давнýшнийъ — им. мн. ч.) наблюдается под ударением гласный ы, появление которого вызвано твердостью предшествующего согласного звука (возможно, по аналогии с формой давно).

Гласный у произносится под ударением после твердых согласных перед твердыми: трúднъ, клуп; после мягких согласных перед твердыми: н'úхът', нъкан'úшни; после твердых согласных перед мягкими: пýтинúли, пúс'т'ут; а также между мягкими согласными: бр'úти, кастр'úл'ъ. Гласный у может употребляться на конце слов как после твердого, так и после мягкого согласного: виснú, саснú, аблипл'ú, лубл'ú, а также в начале слова как перед твердым, так и перед мягким согласным: úгъл, úл'ый...

Таким образом, ударный вокализм изучаемого говора характеризуется тем же составом фонем, что и ударный вокализм литературного языка.

Однако, будучи в основном, тождественным ударному вокализму литературно обработанной формы национального русского языка, ударный вокализм нашего говора отличается от последнего рядом специфических особенностей в употреблении гласных звуков. Некоторые из этих особенностей были нами отмечены. Дополнительно укажем следующие.

В соответствии с этимологическим гласным *a* в ряде глаголов наблюдается под ударением гласный *o*: *насо́дит*, *плóтит*, *то́ш'ш'ит*, *ко́лит* (аналогично во всех остальных личных формах единственного и множественного числа). Например: *па́рн'у с'тип'э́н'дийу плóт'ут*, *плóтим со́рък*, *гьсуда́рствь мн'э плóтит* (Парф.), *пасóдим л'он* (Наз.), *на́льшыт' пасóдит* (Парф.), *ни-в'э́сту р'а́дъм пасóд'ут* (Пок), *патош'ш'им аста-но́вимсь*, *нако́лим гарóху* (Парф.). В глаголе *ко́тит*, *ко́тиць* (литер. *катит*, *катиться*) и в остальных формах единственного и множественного чисел, обнаруживается колебание форм с ударяемыми гласными *o—a*. Колебание гласных *o—a* под ударением в этих глагольных формах наблюдалось в говоре, по свидетельству Н. Н. Дурново¹⁾, и в конце 19-го, в начале 20-го века. В настоящее время формы с гласным *o* под ударением ещё являются в говоре преобладающими и очень устойчивы, о чем свидетельствует употребление этих форм представителями всех поколений носителей нашего говора. Такое произношение характерно также для окружающих Парфенки деревень. Появление гласного *o* под ударением в соответствии с этимологическим *a* является следствием распространения *аканья*. На связь этого явления в области ударного вокализма с *аканьем* обратил внимание ещё Е. Ф. Будде. Он писал: «Возникновение таких форм объяснимо только *аканьем*, в силу которого возможно было образование этих новых форм по аналогии с формами старыми от глагола *носить* — *носишь* и пр. Основанием такого новообразования по аналогии послужило произношение неударяемого *o* в неопределённом наклонении, как

¹⁾ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда, Московской губернии, В., 1902, стр. 6.

а, подобно глаголу «платить», где а было этимологическим»¹⁾). Подобное же объяснение указанного явления находим в работах В. И. Чернышева²⁾, Н. Н. Дурново³⁾, А. А. Шахматова⁴⁾).

Произношение ударяемого гласного о в соответствии с этимологическим а в глаголах (явление, ставшее фонетико-грамматическим) широко распространено в южно-русских и среднерусских народных говорах (II, 98; III, 205)⁵⁾. В. И. Чернышевым зафиксированы в б. Московской губернии формы: заплóтим, заплóтит, пасóжена, всóжена, пасóдят, пасóдют, сóдит (IV, 5—6), а также формы плóтют, дóрют, заплóтишь, заплóтют, пасóдишь, пасóдют, сóдит (V, 10, 32). Известно это явление, по свидетельству К. А. Федоровой, и можайским говорам западной части Подмоскovie, территориально близким к изучаемому говору: Ср. пасодят, пасодят, пасодыш и пр., плóтит, падо́рьт (VI, 26). В. В. Иванов отмечает формы: плóтим, пасóдим, нагос'ут, кóтит, тош'ш'ут в волоколамских говорах Московской области (VII, 466).

В форме сравнительной степени «глубже» (поглубже) в соответствии с ударяемым гласным у литературного языка (этимология звука неясна: ср. древнерусское «глубокий», глыбокий»...⁷⁾), в изучаемом говоре последовательно произносится гласный ы. Например: ры́бь йш'ш'ит д'э́ глы́ б жы́, йаму́ па́дь на́ глы́ б жи́ (Парф.) В словах с этим же корнем в безударном положении также наблюдается гласный ы: глы́ б ó ки гр'ады́, глы́ б ó к'й óсн'йу́ (Парф.), глы́ б ó к' р'а́ка́ (Кур.). Гласный ы произносится также в слове бы́тть (будто), возможно, по аналогии с инфинитивом «быть»: бы́тть

1) Е. Ф. Будде. К диалектологии великорусских наречий (Исследование особенностей рязанского говора), В., 1892, стр. 19—20.

2) В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда. Сб. Изв. ОРЯС АН. Н., т. 68, № 3, СПб, 1900, стр. 5—6.

3) Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфёнок Рязанского уезда, Московской губернии, В., 1903, стр. 7.

4) А. А. Шахматов. Описание лекнинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. Сб. Изв. ОРЯС АН. Н. т. XVIII. кн. 4, СПб, 1913, стр. 205.

5) См прилагаемый к статье список использованной литературы. Первая цифра римская указывает на название работы, вторая — на страницу.

6) Преображенский. Этимологический словарь русского языка, М., 1910—1916, стр. 128.

жѣниха нашлѣ (Парф.). Гласный *ы* под ударением в соответствии с гласным *у* литературного языка в этих формах характерен для многих подмосковных говоров. Так, например, В. И. Чернышев отметил формы: глыбжы, глыбже, глыбѡка, бытта в говорах б. Московского уезда (IV, 8, 39, 78; V, 35); К. А. Федорова указывает на распространение форм: глыбжы, паглыбжы, а также в безударном положении: глыбѡка, глыбѡкѣй в можайских говорах Московской области (VI, 28).

Н. Н. Дурново, наблюдавший говор деревни Парфенки в 1897—1899 годах подчеркивал, что гласный звук *ы* в соответствии с гласным *у* литературного языка возможен лишь под ударением, а в безударном положении обыкновенно наблюдается гласный *у*: глѹбѡкѣй, глѹбакѡ, глѹбжынѣ, редко глыбакѡ»...¹⁾. Мы не обнаружили ни одного случая произношения гласного *у* в безударном положении в этих словах. По-видимому, с течением времени произошла известная унификация — в безударном положении, как и под ударением, в этих словах стал произноситься гласный *ы*.

В соответствии с этимологическим гласным *и* под ударением в глаголах «п'элит», «ч'энит» (ср. литер. пѣлит, чѣнит), а также и в остальных формах ед. и множ. числа в речи старшего поколения носителей изучаемого говора произносится гласный *э*: п'элим драва́, п'э-л'ут драва́, п'ьрип'элим скар'эйъ, дарѡгу ч'э-н'ут, съмава́ры ч'энит (Парф.). Под влиянием литературного языка в речи молодѣжи и передовых людей старшего поколения в этих словах все чаще наблюдается ударяемый гласный *и*. Ср. драва́эц найстыл'у атп'и́лим, в'исно́й н'и́лит драва́ настанцы́у (Парф.).

Таковы основные особенности ударного вокализма описываемого говора.

Гласные звуки 1-го предударного слога

Гласные звуки полного образования употребляются в изучаемом говоре, как и в литературном языке, только в положении под ударением. В безударном положении гласные подвергаются редукции, которая для одних звуков (*и*, *ы*, *у*) является лишь количественной, а для дру-

¹⁾ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфёнок Рузского уезда, Московской губернии, В., 1903, стр. 22.

гих (*а, о э*) и качественной. Из числа слогов, предшествующих ударению наиболее сильным в экспираторном отношении, наиболее «полновесным» является в нашем говоре, как и в литературном языке, первый предударный слог.

Изучаемый говор принадлежит к числу акающих, т. е. ему свойственно неразличение после твердых согласных, за исключением шипящих *ш, ж*, в безударном положении гласных звуков неверхнего подъёма. Говор характеризуется, как и пятьдесят лет назад ¹⁾ недиссимилятивным аканьем: гласные звуки неверхнего подъёма (*а, о*) совпадают в первом предударном слоге в звуке *а* (звуке среднезаднего ряда, нижнего подъёма, нелабиализованном, но менее открытом, чем гласный *а* под ударением) независимо от того, какой гласный звук находится под ударением. Примеры: съмава́р, зьбра́ла, га́товит, на́рот; магу́, за́думьлѣс; ста́лы, за́былѣ; нѣвази́ли, краси́вай; сма́тр'эл, на́б'эгъмсь.

В абсолютном начале слова в первом предударном слоге в соответствии с этимологическими *а, о* наблюдается в нашем говоре *а* того же качества, что и *а* в первом предударном слоге не абсолютного начала слова, т. е. звук, несколько менее открытый, чем гласный *а* под ударением ²⁾. Примеры: аста́вили, аста́нит, аку́чивѣт — 3 л. ед. ч., абиднѣ, ад'элѣ, абу́лѣ. Знаменательных слов с этимологическим *а* в абсолютном начале слова очень мало, и они не являются исконно русскими. Например: анба́р, ал'эйкѣ, ака́цыи.

После шипящих *ш, ж, ч* в первом предударном слоге перед твердыми согласными гласный *а* в речи старшего поколения носителей говора сохраняет свое качество: два шага́, шагну́лѣ, шары́, жарá, жары́, сч'аса́ми (Парф.). фч'асовни (Кур.).

Перед мягкими согласными звуками в соответствии с этимологическим *а* в первом предударном слоге после шипящих *ж, ш* в говоре, как повсеместно в умеренно акающих говорах (как в речи молодёжи, так и в речи старшего поколения) наблюдается гласный *ы*, после шипящего *ч*—и: жыл'эл, жыри́ш'шѣ, шы́'ор (Парф.), нълѣшы-

¹⁾ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфёнок Рузского уезда, Московской губернии, В., 1903, стр. 124.

²⁾ В принятой нами системе транскрипции этот звук обозначается тем же самым знаком, что и гласный *а* под ударением.

сѣх (Вас.), чист'ѣн'къ — частенько, чийо́к (Парф.). В речи молодого поколения гласные *ы*, *и* в первом предударном слоге на месте этимологического *а* соответственно после шипящих *ш*, *ж*, а также после *ч* наблюдаются и перед твердыми согласными звуками: фшѣтр'ѣ, жинд'армы, шыг'ал (Парф.), жыра́ (Кур.), нъчилá (Парф.), нъчисы́ (Кур.), чисту́шки (Парф.).

Изучаемому говору свойственно умеренное яканье, которое, как известно, характеризуется тем, что гласные звуки неверхнего подъёма, *а*, *о*, *э* в первом предударном слоге после мягких согласных перед твердыми совпадают в гласном звуке *а* независимо от характера гласного звука, находящегося под ударением, а перед мягкими согласными — в звуке *и*.

I. В соответствии с *э* исконным, а также *э* из *ь*: в'аснá, с'т'яр'аглá, с'астрá (Парф.), с'т'аклó, в'аснóй, зан'аслó (Пок.), таплóм (Пок.), зьс'алóм (Кур.), з'арнóм (Парф.), прин'асу́, прив'азут, б'арут (Парф.), с'т'апны́и, в'арсты́ (Парф.), св'асны́ (Кур.).

II. В соответствии с этимологическим *ятъ*: н'ъвыл'азáй-ут пьдб'агáл (Парф.), в'асá (Кур.), зьр'акóй, в'адрó (Парф.), зьс'т'анóй (Сав.). с'адóй — им. ед. м. р., св'адрóm (Парф.), л'асóк (Кур.), вл'асу́, п'атух (Парф.), т'в'атут (Кур.), в'асы́, т'в'аты́ (Парф.), сл'ады́ (Пок.).

III. В соответствии с гласным *а*: пл'асáт', вз'алá, зьпр'агáй (Парф.), п'атнó, м'асцó (Парф.), ср'абóй (Вас.), вьд'анóй, св'атóй — им. ед. м. р. (Парф.), п'атóчик (Сав.), гр'азну́ль, пр'аду́ (Парф.), пл'асун'йъ (Кур.), р'ады́ (Кур.), йазы́к (Парф.), св'аты́х (Сав.).

В соответствии с гласными *э* (исконным, а также из *ь*, *ятъ*), *а* в первом предударном слоге перед мягким согласным последовательно произносится гласный и независимо от того, какой гласный звук находится под ударением:

I. В соответствии с *э* исконным, а также *э* из *ь*: п'ьриб'йу́ (Парф.), приисы́ (Медв.), пръслизйáлсь (Парф.), нъбис'эду́ (Парф.), привиз'óт (Парф.), бир'óm (Сав.), тил'он'ък, дин'óк (Парф.), тир'át', утвир'д'át (Парф.), сим'йá (Сев.), в'сил'áцъ (Дол.).

II. В соответствии с этимологическим *ятъ*: пьбил'у́, смий'ус, нъдив'ишник'ъ (Парф.), зьбил'или́ (Сав.), збисил'сь (Кур.), пьспий'ót (Парф.), бил'óсийъ (Кур.), св'иг'óлкъ (Парф.), д'ил'áнкъ (Сав.).

III. В соответствии с гласным а: нъприд'й (Парф.), дьсит'ин (Кур.), нърид'йлсь (Парф.), нъгрид'э, глид'элъ (Парф.), ап'йин'эл (Кур.), трип'йо, нъприд'ом (Парф.), трис'ощь (Кур.).

Характерной особенностью умеренного яканья в говоре является то, что перед твердыми шипящими *ш*, *ж* на месте гласных *э*, *а* в указанном фонетическом положении произносится гласный *и* независимо от того, какой гласный звук находится под ударением, т. е. шипящие, бывшие некогда мягкими, но отвердевшие, оказывают такое же влияние на характер гласного первого предударного слога как и мягкие согласные. Это явление нередко наблюдается в среднерусских говорах с умеренным яканьем, а также в говорах южнорусских. Твердые шипящие влияют на предударный гласный как мягкие и в большинстве подмосковных говоров, в частности, в территориально близких к описываемому волоколамских и можайских говорах (VII, 469, VI, 35, VIII, 64), что по-видимому, свидетельствует о том, что развитие яканья в этих говорах предшествовало отвердению шипящих.

Примеры: лиж'у, нъмиж'у (Парф.), лиж'ат (Кур.), лиж'йт, диш'ов'й (Парф.), б'ьриж'от (Кур.), с'т'ьриж'от, нъмиж'э (Парф.), спиш'у (Парф.), слиж'у (Кур.), риш'ат (Парф.), убиж'аль (Медв.), риш'ылсь (Парф.), пр'ьсвиж'ысь (Кур.), риш'от'ч'ку (Парф.), миш'ок (Кур.), сниж'ок, вмиш'к'э (Парф.), свиж'усь, п'ьглиж'у (Парф.) нъриж'али (Кур.), атриж'али (Парф.), привиж'и (Кур.), плиш'и (Парф.), п'ьр'ьприж'ош (Парф.).

На эту существенную особенность вокализма первого предударного слога изучаемого говора обращал внимание пятьдесят с лишним лет назад Н. Н. Дурново. «В этом положении *а* является очень редко: чиж'ол'т'й (не говоря уже о чиж'эл'шь, где ж полумягкое), миш'ок, миш'ка, пиш'ком. Никогда не говорят: чаж'ол'т'й, мяш'ок, мяш'ка, п'яш'ком. Но иногда произносят: бириш'ком (при имен. все-таки бириж'ок), шаш'нац'т' при шыш'нац'т'т'й. В обоих случаях *а*, быть может, нефонетич. из бириг'у (на бириг'у), бириг'а, и шаст'ой). Впрочем в шаш'нац'т' *а*, быть может, и фонетическое из шас'нац'т'»¹⁾.

Форма «бириш'ком» — тв. ед. м. р. в указанном Н. Н.

¹⁾ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфёнок Рузского уезда, Московской губернии. В., 1903, стр. 27.

Турново произношении нами не зафиксирована... Эта форма в настоящее время произносится с гласным *и* в первом предударном слоге.

В слове «шашна́ццът'» и до сих пор старшее поколение носителей говора произносит, как правило, гласный *а* в первом предударном слоге. Появление предударного гласного *а* в числительном «шашна́ццът'» является, по-видимому, результатом межслоговой ассимиляции гласных звуков, а именно результатом уподобления гласного звука предударного слога гласному звуку под ударением.

Отметим, что после шипящих *и* *ц* на месте гласных *э* (исконного, а также возникшего из *ятъ*), *а* перед твердым согласным в первом предударном слоге наблюдается гласный *а* независимо от того, какой гласный звук находится под ударением.

Эта фонетическая особенность характеризует в настоящее время преимущественно речь старшего поколения носителей говора. Примеры: жанá, н'ѣжанáтъй (Парф.), пѣжалáл (Пок.), в'ѣчарáми (Кур.), жанóй, пѣшанó (Парф.), р'ѣшатó (Кур.), жалтóк (Парф.), зѣжанú, жалúдък (Парф.), нѣв'ѣч'арú (Кур.), жанý (Парф.), ч'аты-ри (Сав.), цапá, цалá (Парф.), цанóй (Кур.), цалúй (Парф.), апцалúит (Кур.), цанý (Парф.). В речи молодёжи, а также представителей старшего поколения, усваивающих нормы литературного произношения в соответствии с гласными *э*, *а* в этом положении, как правило, произносится гласный *ы*, после *ч* — *и*: жына́, жына́тъй, пѣжыла́н'йѣ, жыно́й, жылу́дък, жыну́, цына́, цыно́й.

В соответствии с гласными *э* (исконным, а также на месте этимологического *ятъ*), *а* после шипящих *ж*, *ш* и свистящего *ц* в первом предударном слоге перед мягким согласным неизменно наблюдается гласный *ы*, после *ч* — *и*. Например: пѣджыл'ѣзъ, фпшын'ѣ (Парф.), ужын'ѣ (Медв.), пѣшыв'ѣлит (Кур.), исцым'ѣнту (Парф.), жы-н'йх (Кур.), пшын'ицы, жыни́с (Парф.), в'ч'ири́ны (Кур.), съжын'áми — тв. мн. (Вас.), пѣцын'ѣ (Парф.), уцыл'ѣлъ (Кур.), прѣцыд'йлъ (Парф.), прицыпи́лис (Сав.), жыл'эл, нѣжыр'ѣ, лышыд'áм (Парф.).

В речи молодёжи, а также лиц старшего поколения, в той или иной степени усвоивших нормы литературного произношения, в первом предударном слоге перед твердыми согласными представлен гласный *и*. Примеры: висна́, зѣпикла́с (Парф.), висно́й, силó, тимно́, зирно́ (Парф.),

зѣиискѡм, сѣтипнѡй — им. ед. м. р. (Парф.), вислѡм (Сав.),
зирнѡм (Кур.); привидѹ, зѣгрибѹ (Парф.), прѣсѣтѣригѹ
(Вас.), събирѹт (Пок.), сѣстры, вирѣсты (Парф.); дилѣ,
сѣзривѣлѣ, гнѣздѡ (Парф.), зѣрикоѹ (Кур.), збѣдоѹ
(Парф.), сидѡй — им. ед. м. р. (Парф.), билѡк (Кур.),
питѹх, (Парф.), нѣусмихнѹщѣ (Кур.), висѣ, слидѣ,
(Парф.), атприглѣ (Наз.); зѣвизѣлѣ (Парф.), питнѡ, при-
мѡй — им. ед. м. р. (Парф.), рѣстрѣсѹт, зѣпригѹ (Парф.),
плисунѣйѣ (Кур.), гридѣ, вридѣ (Парф.).

Наличие гласного *и* на месте этимологических *э, ъ, ять, а* в первом предударном слоге перед твердыми согласными объясняется в этих случаях, по-видимому, во-первых, унифицирующим влиянием слов, в которых гласные *э, а* в первом предударном слоге после мягких согласных перед мягкими совпадают в звуке *и, и*, во-вторых, влиянием литературного произношения.

Как в речи старшего поколения, так и в речи молодежи устойчивым и преобладающим (несмотря на все возрастающее воздействие норм литературного языка) является произношение гласного *а* в первом предударном слоге в форме родительного-винительного и дательного падежей личного местоимения третьего лица единственного числа мужского рода, а также в притяжательном местоимении мужского рода — его: унѣавѡ, ѣавѡ, ѣамѹ.

Причина устойчивости произношения гласного *а* в первом предударном слоге в этих местоимениях неясна. Возможно, она состоит в том, что эти местоимения не имеют «мягкого» варианта, т. е. этимологический гласный *э* первого предударного слога постоянно находится перед твердым согласным. Сохранению *яканья* в этих местоимениях, быть может способствует влияние на последние и стяженных форм родительного-винительного и дательного падежей единственного числа личных притяжательных местоимений, произносимых с гласным *а* в предударном слоге, форм: мавѡ, твавѡ, свавѡ; мамѹ, твамѹ, свамѹ. Это явление известно и другим подмосковным говорам с умеренным *яканьем*. Так, например, Л. Н. Булатова отмечает сохранение *яканья* в формах личного и притяжательного местоимений в говорах Озерского района Московской области¹⁾.

¹⁾ Л. Н. Булатова. О диалектологической экспедиции в Озерский район Московской области. Бюллетень диалектологического сектора института русского языка, вып. I, М.—Л., 1947, стр. 65.

В описываемом говоре гласный *и* в соответствии с этимологическими *э*, *ять* в первом предударном слоге последовательно употребляется перед группой согласных звуков, первый из которых является твердым, а последующий мягким. Например: увизл^и, испикл^и, б'ьригл^и, лигл^и (Парф.), нъс'тикл'э (Кур.), нъсидл'э, скрибл'и, зимл^и, зимл'а, фтипл'э, в'в'идр'э, зъс'тигн'и (Парф.). Группа звуков в этих случаях действует как один мягкий звук. Это своеобразное «отклонение» от системы умеренного яканья обычно объясняют действием грамматической аналогии. Так, например, В. Г. Орлова считает, что формы ксистр'э, наст'икл'э, фтипл'э, пикл^и, лигл^и и др. возникают в говорах с умеренным аканьем под влиянием морфологической аналогии: «р'акá им. пад., но рик'э дат. и пр., в'алá единственное число, но вил^и множественное число, а стало быть, и с'астра — систр'э, п'аклá — пикл^и»¹⁾. Эту точку зрения разделяет также Р. И. Аванесов²⁾.

Считая нефонетическое происхождение гласного *и* в первом предударном слоге перед группой согласных наиболее вероятным, Р. И. Аванесов высказывает предположение, что в некоторых словах появление гласного *и* могло быть и фонетическим, например, в формах типа «пикл^и», т. к... «некоторые из твердых согласных перед мягкими в прошлом были в какой-то мере мягкими в частности задненебные *к*, *г*. Однако у нас нет никаких указаний, — пишет Р. И. Аванесов, — на мягкость в прошлом *д*, *т* перед *р* и др. Между тем не подлежит сомнению, что случаи типа систр'э, видр'э такого же порядка, что и стикл'э, и должны быть объяснены одинаково. Случай же стикл'э ничем не отличается от пикл^и, тикл^и и также, вероятно, объясняется одинаково с последними³⁾».

В. Н. Сидоров⁴⁾, напротив, объясняет (достаточно убедительно, на наш взгляд) отмеченные отклонения фонетическими причинами, сопоставляя, вслед за Л. Н. Бу-

¹⁾ В. Г. Орлова. Говоры Северо-восточной части Рязанской области. Бюллетень диалектологического сектора института русского языка, вып. 3, М.—Л., 1948, стр. 48.

²⁾ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. I, М., 1949, стр. 80.

³⁾ Там же.

⁴⁾ В. Н. Сидоров. О происхождении умеренного яканья. Изв. Акад. наук СССР. Отд. лит. и яз., 1951, т. X, вып. II, стр. 181.

латовой ¹⁾), эти отклонения с подобным явлением в ёкающих севернорусских говорах, где перед сочетанием твердого согласного с последующим мягким гласный э сохраняется без изменения в о, как и перед мягкими согласными. Изменение гласного э в о не имело места в положении перед группой согласных, оканчивающейся мягким согласным звуком, т. к. «согласная, находящаяся перед мягкой согласной, — справедливо замечает В. Н. Сидоров, — не была лабиализованной..., возможно, не была также и вполне твердой» ²⁾). Произношение в среднерусских говорах с умеренным яканьем, «в словах и формах типа зймл'а, систр'ица, систр'ё, пикл'и, предударного и представляет собой, — пишет В. Н. Сидоров, — отражение подобного же явления ёкающих говоров ³⁾).

Наличие гласного и в первом предударном слоге перед группой согласных, первый из которых является твердым, в случаях: «пикл'и», «визл'и» и под. можно, по-видимому, считать и результатом межслоговой ассимиляции гласных по степени подъёма языка.

В отрицании «не», в предлогах «без», «через», «перед», для всех носителей говора характерно произношение в первом предударном слоге как перед мягким, так и перед твердым согласным гласного и, т. е. эти предлоги, приставки и отрицание «не» выпадают из системы умеренного яканья. Например:

ниб'уду, ниндр'авицц'ъ, бизд'омъ, бизгр'амъты, ч'ъризд'ом.
ч'ъризд'эн, п'ъридд'омъм, биспл'атнъ, бизгр'амътн'ий.

Предлоги и отрицание «не» легко перемещаются и часто оказываются перед словами, начинающимися с мягкого согласного. Наличие гласного и (на месте этимологического э) в первом предударном слоге перед твердыми согласными в этих предлогах, а также в отрицании «не» можно, по всей вероятности, объяснять унифицирующим влиянием слов с этими же предлогами или с отрицанием «не», в которых гласный первого предударного слога оказывается перед мягким согласным, а также значительным

¹⁾ Л. Н. Булатова. Об окаящих говорах Курловского и Гусь-Хрустального районов Владимирской области. Бюллетень диалектологического сектора института русского языка, вып. 5, М.—Л., 1949, стр. 73—74.

²⁾ В. Н. Сидоров. Происхождение умеренного яканья. Изв. Ака. Наук СССР, Отд. литер. и яз. 1951, т. X, вып. II, стр. 181.

³⁾ В. Н. Сидоров. Цитированная работа, стр. 182.

изменением на фонетическую систему говора «икающего» литературного произношения.

При рассмотрении фонетической системы говора в современном его состоянии обращает на себя внимание тот факт, что в словах, проникших в словарный состав изучаемого местного говора из литературного языка, яканье, как правило, отсутствует: эти слова усваиваются носителями говора в литературной форме. Примеры:

прѣтсидáтил', зѣсидáнийъ, пѣсивнáйъ, звинó вирхóвнъй савѣт и т. д. Многие из этих слов являются заимствованными по происхождению и в литературном языке. Таковы, например, слова: гиктáр, агригáт, ридáкцийъ, ридáктър, тѣлифóн, дѣлигáцийъ, риспѣблѣкъ, рисѣрсы, рѣкѣминдáцийъ, тирмóмитр, сѣклитáр', бункирá, михáник, спиктáкл', апира́цийъ, кѣминдáнт, римóнт, дитáл' мидáл', сизóн, пѣтифóн и пр.

Любопытно, что умеренное яканье, еще довольно последовательно характеризующее фонетическую систему говора деревни Парфѣнки, наблюдается не во всех деревнях, из числа окружающих Парфѣнки приблизительно в радиусе 5 км. Так, например, в деревнях Курове и Назарове, расположенных соответственно на расстоянии 1,5 км на восток и 2,5—3 км на северо-восток от Парфѣнок, яканья нет даже в речи старшего поколения местных жителей. Отсутствие умеренного яканья в Курове связано, возможно, с тем, что значительная часть населения этой деревни была, по данным Н. Н. Дурново¹⁾ и устным рассказам крестьян, переселена в XIX веке либо из Орловской, либо из Курской губернии, для которых умеренное яканье, как известно, не характерно. Н. Н. Дурново замечает: «Говор их (т. е. жителей деревни Курово — Т. П.) отличается более умеренным аканьем, ближе к московскому и в остальном заметных отличий от говора д. Парфѣнок не представляет».²⁾ Причины отсутствия яканья в Назарове неясны. Возможно, следует видеть их в том, что Назарово как большое село было в прошлом более тесно связано с Москвой, чем остальные деревни, в том числе и Парфѣнки. Местное население осознает различие в системе вокализма первого предударного слога говора деревень Курово и Назарово, с одной стороны, и

¹⁾ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда, Московской губернии, В., 1903, стр. 122.

²⁾ Там же.

Парфенок, а также других близлежащих деревень, с другой стороны.

Характеризуя вокализм предударного слога говора, Н. Н. Дурново писал: «В разбираемом говоре это аканье (вернее яканье) выдерживается нестрого; рядом с *a* может явиться *и* (а после ж и ш-ы), независимо от других окружающих условий. Прим.: йаво́ и йиво́, йаму́ и йиму́, ни́чаво́ и ни́чиво́, тряпа́т' и трипа́т'; рябо́й, хлябо́к, хлябо́ч'ьк, йаго́р (реже йиго́р), Йаго́рвна, ъб'вяза́т' и аб'виза́т', рѣжаство́ (всегда с *a*), но рѣждиство́ (всегда с *и*), жала́н'ѣй, би́жжала́н'ѣй, чи́жало́, жа́на́, жы́ра́ и др., но всегда: йизы́к, йи́мшы́к. Установить здесь какие-нибудь правила, при каких условиях чаще *a*, при каких — *и*, кажется, нельзя, т. к. только в очень немногих словах в этом положении один и тот же звук. Кажется, например, лясá реже, чем в лясу́, но проверить это было бы очень трудно, т. к. такое произношение стоит в зависимости от того, кто говорит, иногда от настроения говорящего. Можно только отметить, что на *и* в таком положении побочное ударение слабее, чем на *a*, ср. ъб'вяза́т' *и* аб'виза́т', почти — аб'виза́т'»¹⁾). Таким образом, в конце 19-го — в начале 20-го века говор деревни Парфёнки характеризовался сбитой системой умеренного яканья, умеренное яканье и иканье были представлены в говоре непоследовательно.

Умеренное яканье, выдерживавшееся в говоре не строго уже в конце 19-го — в начале 20-го века, характеризует речь старшего поколения носителей говора и в современном его состоянии, однако, в настоящее время эта специфически диалектная фонетическая особенность интенсивно вытесняется иканьем под воздействием норм литературного языка.

В речи молодежи, обучавшейся и обучающейся в школе, а также в речи передовых людей старшего поколения яканье, как правило, отсутствует.

Гласные звуки предударных слогов, не предшествующих непосредственно ударению

Когда речь идет о слогах, не предшествующих непосредственно ударению, главным образом, имеются в ви-

¹⁾ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфёнок Рузского уезда, Московской губернии, В., 1903, стр. 25.

ду второй или третий предударные слоги, т. к. слов, имеющих слоги, более удаленные от ударения, чем третий, в русском языке сравнительно немного.

Гласные звуки 2-го и 3-го предударных слогов, а также слогов, более далеких от ударения, чем 2-й и 3-й, подвергаются в нашем говоре, как и в литературном языке, редукции как количественной, так и качественной.

Гласные звуки *и, ы, у* сохраняют в безударном положении свое качество почти неизменным.

Гласные звуки *а, о* во 2-м или третьем предударных слогах не в абсолютном начале слова в положении между твердыми согласными, а также после твердых согласных перед мягкими подвергаются качественной редукции и совпадают в редуцированном гласном среднего ряда, среднего подъема, нелабиализованном, который является с акустической стороны, по определению В. А. Богородицкого, звуком «колеблющимся между неясным *а* и неясным *ы* ¹⁾». Обозначаем этот гласный знаком *ъ*. Примеры: зъгатовит', зъбралá, зъвивáим, зъпир'эт', зънимáль; стъгавáт', мълатíль, пьсадíли, рьдилá, събирáт', прът'áнуль; гъльдавáт', прътипитíт', ньб'ьригú, нькулач'тэ (Парф).

В соответствии с гласным *а* во втором предударном слоге после мягких как перед твердыми, так и перед мягкими произносится в говоре редуцированный гласный звук переднего ряда, «ослабленное и, гласный элемент переднего ряда, на границе положений высокого и среднего», по определению О. Брока ²⁾. Обозначаем этот редуцированный знаком *ь*. Примеры: п'ятако́ф — Род. мн., п'ди-сáт, п'тач'о́к (Парф.), м'сайэ́т (Вас.), гр'эзнава́ть (Кур.),

Последовательно наблюдается в говоре гласный *а* во втором и третьем предударных слогах абсолютного начала слова в соответствии с гласными *о, а* как перед твердыми, так и перед мягкими согласными. Редуцированные гласные в этом положении не встречаются. Примеры: абману́ль, абматáль, агаваривут — 3 л. мн. ч., апраста́льс (Парф.). Число слов, в которых звук *а* во втором или третьем предударных слогах абсолютного начала слова наблюдается в соответствии с гласным *а* в говоре невелико,

¹⁾ В. А. Богородицкий. Очерки по языковедению и русскому языку, М., 1939, изд. 4, стр. 114—115.

²⁾ О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. Энциклопедия славянской филологии, вып. 52, СПб, 1910, стр. 132.

т. к. эти слова являются в русском языке заимствованными и проникли в говор из литературного языка. Например: аграт'эхникъ, анул'ръвъли, агит'ацийъ, апит'ит, ап'тра-гуръ (Парф.).

Нашему говору известно стяжение гласных звуков в предударных слогах, либо на стыке предлога со следующим словом, либо на стыке приставки и корня слова, либо при соединении «не», «ни» со словом. В результате стяжения гласных в предударных слогах число слогов в слове неизбежно уменьшается на один. Примеры:

1. Стяжение гласных на стыке предлога и слова, следующего за ним. Сочетание этимологических гласных $a + o$: н'ъ р ж а н'и ш'ъ л'бшыди х'д'ут, прихад'и к нам н'ъ г а р'от (Парф.), н'ъ д н'и а ли пр'амъ лиж'ал (Сав.), фс'э з'дн а в'о с т а й'ат, н'ъ ф ч'а р'н'и к'ъ пр'ьтсид'атил' (Парф.).

Сочетание этимологических гласных $o + o$: н'ъ д н а м'у лист'оч'ку сабр'ал (Парф.), п а к р'уж н'ъ с'т и н'и мн'огъ риз'анстих (Бодр.).

2. Стяжение гласных на стыке приставки и корня слова. Сочетание этимологических гласных $o + a$:

п'ъ к у р'а т'н'и и вид'и сиб'а (Парф.).

3. Сочетание этимологических гласных $и + o$ либо на стыке приставки с корнем, либо при соединении усиленной частицы «ни» со следующим за ней словом, либо при соединении предлога со словом. Например: при-ст'ъ н а в'и л и плат'ит', н и д н а в'о з'убу н'эту умин'а (Парф.).

4. Сочетание этимологических гласных $э + o$, $э + и$ при соединении отрицания «не» со словом, начинающимся с гласного звука:

н'ъ т р и к'а и ц'ъ а т м'атири, н'ъ т'а й д'от ад'д'элъ, н'ъ т а р в'а т', атн'ав'о Парф.), н'ъ б и ж'а й у т мин'а (Кур.) кваш'онку н и с п'э ч (Парф.), с'эм л'эт н и с п'о л-ни ц'ъ (Пок.).

Выпадение гласных звуков в результате стяжения наиболее часто происходит во 2-м предударном слоге, несколько реже наблюдается выпадение второго из встретившихся гласных в первом предударном слоге и очень редко — в третьем слоге из числа предшествующих ударению. Стяжение гласных звуков в предударных слогах широко распространено в подмосковных говорах. (IV, 42, V, 13; VI, 48 и др.; IX, 143—144). Это явление известно

и многим южнорусским говорам. (X, 43; III, 206; XI, 131—132; XII, 29; XIII, 30).

Нашему говору известно присоединение в начале отдельных слов гласных *а* и независимо от того, начинают эти слова фразу и употребляются после паузы или не отделены паузой от предшествующего слова. Гласный *а* отмечен в словах аржаной, ал'н'аной (ср. литер. ржаной, льняной): хл'эп аржаной нийэс, салóмы аржаной иривизли, мáсль ал'н'аной искънап'эй би́ли, прóстын' ал'н'ану́ю далá (Парф.). Появление в начале этих слов гласного *а* перед плавными *р*, *л* связано, как известно, с утратой былого слогового качества плавных в старых сочетаниях плавных с редуцированными в положении перед согласными звуками (Ср. древнерусск. рожь, ржь, старославян. ржь, болг. ржь¹); древнерусск: льнь, старославян. льнь²). Однако природа этого протетического *а* неясна. Гласный *а*, присоединяясь в начале этих слов, образует второй предударный слог. В формах, ржы—ржыч'ки, род. ед., л'ну—род. ед., л'ном—тв. ед. и т. д. присоединения гласного *а* не наблюдается.

При сочетании этих слов, начинающихся с плавного, с предлогом «из» возможно присоединение к согласному звуку предлога гласного, чтобы избежать стечения согласных звуков. Например, из аржы пъясти́ (Парф.), пли́ли из ал'ну на́лóбнич'к (Медв.). Ср. также: из ашкóлы ишли́ (Парф.), из афсéх д'рив'эн' (Сав.) и так далее.

Гласный *а* произносится в говоре также в начале следующих слов: ага́рóх (горох), ага́рóшник, ага́рóхъвник—название стеблей гороха, агра́мáдн'ый (громадный), апа́сл'á (после), акра́м'á (кроме).

В числе слов, в которых наблюдается присоединение гласных звуков, Н. Н. Дурново называет также слово «апшанийшный»³), нами не отмеченное. Старая форма «апшанийшн'ый», зафиксированная Н. Н. Дурново, по-видимому, вышла из употребления под влиянием литературного языка. В речи старшего поколения sporadически наблюдается в этом слове вставка редуцированного глас-

¹) А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, М., 1910, стр. 211.

²) Там же, стр. 447.

³) Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда, Московской губернии, В., 1903, стр. 48.

ного среднего ряда в предударном слоге после согласного *л*.

Присоединение гласного *и* в предударных слогах наблюдается в слове *сруб* (истру́п), а также в формах прошедшего времени глагола «итти»: *ишо́л* — м. р., *ишла́* — ж. р., *ишли́* — мн. ч. Появление начального гласного *и* в слове «иструп», возможно, вызвано влиянием слова *изба*, (ср. древнерус. *изба*, *изъба*, *истьба*, *истъба*, *изъбный*, *истопка*¹⁾). Возникновение форм прошедшего времени «ишо́л», «ишла́», «ишли́» объясняется, по-видимому, влиянием форм настоящего времени: *иду́*, *ид'ош*, *ид'от* и т. д., а также инфинитива: *ит'т'и́*, *ит'т'ит'*.

Присоединение гласных звуков в начале слова известно многим подмосковным говорам. Материалы архива Диалектологического сектора Института языкознания Академии наук СССР свидетельствуют о том, что в большей части говоров Московской области наблюдается присоединение гласного *а* во втором предударном слоге в словах «аржаной», «ал'н'аной». Это явление отмечено, например, в деревне Мусино (№ 136)²⁾ Ефимьево (№ 137), Шекино (№ 138), с. Матренино (№ 139) Волоколамского района; в д. Мышкино (№ 60) и с. Глазово (№ 274) Можайского района; в д. Ликино (№ 322), Маслово (№ 323), в с. Захарово (№ 8) Звенигородского района; в деревнях Марьино-Корытцево (№ 182), Стародуб (№ 183) Загорского района; в с. Майданово (№ 331) Клинского района; в д. Плесенское (№ 325) Наро-Фоминского района; в д. Корыстово (№ 185) Каширского района; в с. Богородское-Папино (№ 184) Константиновского района и т. д.

В. И. Чернышев зафиксировал указанное явление в говорах б. Тверского, Клинского и Московского уездов (V, стр. 21).

Присоединение гласных в начале слов наблюдается в говоре преимущественно в речи старшего поколения. Менее характерно это явление для речи молодежи, однако некоторые слова и в речи молодого поколения произно-

1) А. Преображенский. Этимологический словарь, М. 1910, стр. 265.

2) Номера, указанные в скобках, являются регистрационными номерами названных населенных пунктов в архиве Диалектологического сектора Института языкознания Академии наук СССР.

сятся с начальным гласным перед группой согласных, например: аржаной, ал'н'аной, аграмáднѣй, агарóх.

Гласный э (в соответствии с этимологическими э, ять) во втором и третьем предударных слогах в положении после мягких согласных звуков как перед твердыми, так и перед мягкими согласными испытывает качественную редукцию, изменяясь в направлении к и и реализуется в редуцированном гласном переднего ряда.

Примеры: пр'эспакóйнѣ (Парф.), п'ър'эсидѣт (Кур.), н'ѣприв'этит (Парф.), т'эснатá (Кур.), б'ѣгавѣи — им. мн. (Парф.), б'ѣднаватѣ (Пок.), п'ѣтухá — род. ед., ас'т'ѣригáйуцѣ (Парф.), д'ѣрив'áн'ин'кѣй (Кур.), в'ѣсил'áцѣ, л'ѣс'никóм — тв. ед., б'ѣд'ник'ѣй, з'ѣрн'эсушыл'кѣ (Парф.), пр'ѣпѣдаѣут (Кур.), н'ѣпѣган'у, б'ѣлгалóвѣй (Парф.), б'л'ѣднѣзил'óнѣй (Кур.), с'ѣдѣбарóдѣй; в'ѣр'ѣт'анó (Парф.), н'ѣр'ѣвадил'сѣ (Кур.), п'ѣр'ѣнис'тѣ (Дол.).

После шипящих ш, ж, а также после ц в соответствии с этимологическими э, ять во втором предударном слоге как перед твердыми, так и перед мягкими согласными произносится редуцированный гласный среднего рода, среднего подъема, нелабиализованный: ж'ѣгар'á — им. мн. (Бодр.), ж'ѣнихѣй (Парф.), ш'ѣдис'ат (Кур.), ш'ѣвил'н'уцѣ, ж'ѣриб'óнѣк; цѣлавáт', цѣликóм, цѣримóнийѣ (Парф.).

Изредка в говоре наблюдается редукция гласного э во 2-м предударном слоге, ведущая к полной утрате гласного звука. Непременным условием редукции гласного э до степени нуля звука является соседство гласного с плавным р: п'ър'визлѣй, пир'вилѣй, спър'варóту (Парф.), пър'гарóткѣ (Бодр.), пър'гар'эл (Парф.). Редукция гласного э до степени нуля звука известна ряду других подмосковных говоров (V, 12; IV, 50; IX, 140—141); широко представлено это явление и в южнорусских говорах (III, 201; XIV, 22; II, 113; XI, 118; XV, 27; XIII, 30; XVI, 55; XVII, 8).

Гласные и, у, ы в предударных слогах (как в первом, так и в слогах, более удаленных от ударения, чем первый предударный) испытывают лишь количественную редукцию, не подвергаясь качественным преобразованиям.

Примеры: присáд'ник, удивѣлисѣ, игóлкѣ, дивавáлис, прибáгáлѣ, изур'áжны, извивáйус;

убрáцѣ, увѣдилѣ, пѣкупáтил', зѣгубѣлѣ, угавáриуцѣ — 3 л. мн. ч., увѣлѣчилѣ, лугавѣнѣ, л'убавáцѣ, улѣстав'эрит', придурѣкавáтѣй;

призыва́ли, вышива́ит, цыга́ны, грыз'о́щъ, выгавари́вут — 3 л. мн. ч., выжыга́ли, выб'ага́лъ, пыздыравл'э́н'йъ, выськасо́ртн'йъ.

Гласный *ы* в некоторых словах, находясь в первом предударном слоге после губных *м*, *п*, в соседстве с лабиализованным гласным *у* предшествующего слога, под влиянием последнего меняет артикуляцию и заменяется гласным *у*. Это фонетическое явление охватывает в нашем говоре очень небольшой круг слов, оно обнаруживается в архаическом слое говора в словах: мужу́ки, при им. ед. мужы́к, пузур'о́к, пузур'кí, пузур'о́ч'ик, пустури́. Примеры: зэмлу́ дили́ли палоск'ьми п'ъ мужу́ка́м (Парф.); мужу́ку́ двэ́ души (Кур.), вмасквэ́ мужу́ки жы́ли, мужу́ка́м нъ ч'тв'артну́йу (Парф.), пузу́р'о́к нашол во́фкъ (Парф.), пу́стур'и́ бал'шы́и бы́ли (Бодр.), пу́стур'а́ми нипо́л'зв'ьли́с. (Вас.). Лабиализация гласного *ы* в I-м предударном слоге в соседстве с *у* предшествующего слога в указанных словах находит широкое распространение в говорах Московской области, о чем, в частности, свидетельствуют архивные материалы Диалектологического сектора Института языкознания Академии наук СССР.

Приведем некоторый фактический материал: «у мужу́ка́», «пузур'о́к» — д. Мышкино, Можайский район (№ 60), «мужу́ки», «пузур'о́к» — д. Плесенское, Наро-Фоминский район (№ 325), «мужу́ки» — д. Маслово, Звенигородский район (№ 323), «мужуч'о́к», «пузур'о́к», «мужуко́ф» — д. Матренино, Волоколамский район (№ 339), «мужу́ки», «мужуко́ф» — д. Ефимьево, Волоколамский район (№ 137), «мужу́ки», «мужу́ку», «мужуко́ф», «пузур'о́к» — д. Мусино, Волоколамский район (№ 136), «мужу́ки», «пузур'о́к», д. Супонево, Звенигородский район (№ 324) и др. В. И. Чернышевым зафиксированы в б. Московской губернии формы: «мужу́ка́», «мужуко́м», «мужучк'и́», «мужучку́» (V, 35). Это явление встречается во многих русских народных говорах (XIII, 30; XIV, 22; XVI, 153; XVIII, 52; XIX, II).

В нашем говоре лабиализация предударного гласного наблюдается также в слове «крузо́вник» (крыжовник). Следует, впрочем, отметить, что это слово чаще употребляется в форме «грыжо́вник». С гласным *у* в первом предударном слоге употребляется в говоре и слово «кълуб'э́л'» (литер. колыбель).

Н. Н. Дурново считал, что в слове «кълуб'эл'» гласный *у* в первом предударном слоге возник фонетически. Быть может, скорее форма «кълуб'эл'» является результатом народной этимологии, результатом отождествления этого слова со словами: лубок, лубочный, тем более, что корпус колыбели обычно делался из лубка.

В песенном языке, не во всем тождественном разговорной речи, во 2-м предударном слоге в глагольной приставке *вы* перед губными согласными *б, п* в соответствии с гласным *ы* литературного языка произносится редуцированный гласный среднего ряда, среднего подъёма: ч'а́сты тр'а́ды прѣгриба́т', кра́сных д'ѣвѣк ѡѡбира́т' (Парф.), ста́ль ана́ искосы́н'ки л'ѣнту въ плита́т' (Кур.). Н. Н. Дурново отмечал употребление редуцированного гласного среднего ряда, среднего подъёма *э*, а также гласного *а* (очень глухое *а*, по его терминологии) во 2-м предударном слоге в соответствии с гласным *ы* в глагольной приставке *вы*. В песенном языке им зафиксированы следующие случаи указанного произношения: «въраста́т'», «вабира́йт'», ваступа́йт, ва га ня ла я кароф на расу, с'ня́шкѣй б'ѣлы ва па д'а́ли, васпрашавати и пр. ¹⁾.

Гласные звуки заударных слогов

Система заударного вокализма говора имеет много общего с системой гласных звуков предударных слогов (исключение составляют гласные 1-го предударного слога, а также гласные абсолютного начала слова), однако полностью отождествить систему заударного вокализма с системой гласных звуков предударных слогов нельзя. Заударный вокализм имеет некоторые специфические особенности, что объясняется особой ролью интонационно-ритмического и морфологического факторов.

Заударный вокализм говора характеризуется тем, что большинство гласных звуков испытывает, кроме количественной редукции, качественную. Даже узкие гласные *и, у, ы* не представляют исключения в этом отношении, хотя они подвергаются качественной редукции, главным образом, лишь в определенных грамматических категориях.

Гласные звуки *а, о*, претерпевая в заударных слогах

¹⁾ Н. Н. Дурново. Описание говора д. Парфёнок Рузского уезда, Московской губернии, Варшава, 1903, стр. 34.

качественные изменения, реализуются в положении после твердых согласных в неконечном заударном слоге независимо от того, насколько удален от ударения данный слог, в редуцированном гласном среднего ряда, среднего подъёма, нелабиализованном.

Примеры: б'э́гѣит, зад'у́мѣтъ, н'ѣ́бал'о́вѣны, в'ы́пи́стыи, бо́ръны, в'ы́пѣтъск'ѣйу, гра́мѣтън'ѣй, за́рѣ́бѣтък.

В инфинитиве «выгнать», а также в формах прошедшего времени в соответствии с гласным *а* (ср. в древнерус.: гнати, гьнати, в старославян. гьнати, гьнати) в заударном слоге как неконечном, так и конечном старшее поколение носителей говора произносит гласный *у*. Например: в'ы́гн'ули маво́ст'рик'а (Парф.), в'ы́гнул н'э́миц ист'эх зимл'а́н'къ (Сав.) на́дъ в'ы́гн'ут' казу́тъ (Парф.). Появление гласного *у* в заударном слоге в упомянутых формах вызвано не фонетическими причинами; оно связано, по-видимому, с влиянием инфинитивов «гнуть», «выгнуть».

Гласные звуки *а*, *о*, находясь в заударном неконечном слоге в положении после твердых согласных во флексиях именительного падежа единственного числа полных прилагательных женского и среднего рода, совпадают в редуцированном гласном среднего ряда, средне-верхнего подъёма¹⁾. При произношении этого редуцированного звука средняя часть спинки языка, артикулируя, достигает при подъёме более высокого уровня, чем при произношении редуцированного гласного среднего ряда, среднего подъёма. Уровень подъёма средней части спинки языка при произношении этого звука в значительной степени приближается к тому уровню, который имеет место при произношении гласного *ы*, но не достигает все же последнего. Редуцированный средне-верхнего подъёма во флексиях именит. пад. ед. ч. прилагательных женского и среднего рода часто проясняется в гласный *ы*. Примеры: кул'т'у́рн'ѣйъ дир'э́вн'ъ (Парф.), би́до́в'ѣйъ ба́бъ (Кур.) г'ѣ́лава́ст'ѣйъ, д'э́фкъ, ка́лхо́зн'ѣйъ м'ѣ́ладо́ш (Парф.);

гр'а́зн'ѣйъ бил'й'о, бил'о́с'ѣйъ худо́йъ ли́цо, па́л'э́зн'ѣйъ удабр'э́н'ѣйъ (Парф.), бы́тъ сабра́н'ѣйъ бри́га́дн'ѣйъ (Кур.).

¹⁾ Этот звук обозначаем по техническим причинам также буквой *ѣ*.

Редуцированный гласный среднего ряда, среднего подъёма во флексиях именительного падежа единственного числа прилагательных женского и среднего рода наблюдается редко и лишь в речи наиболее образованных людей из числа носителей говора.

Заударное *ы* во флексии имен. пад. ед. числа прилагательных женского рода зафиксировано, по свидетельству архивных материалов Диалектологического сектора Института языкознания Академии наук СССР, в говоре деревни Мусино Волоколамского района Московской области (Ср. с'ерд'ечн'ыйь бал'эст' жыл'эзныйь крыша, мл'атшыйь с'астр'а, св'ётлыйь ноч' и т. д.); В. И. Чернышев отметил безударную флексию *ыя* в песенном языке в мецовских говорах (XVI, 160).

Редуцированный гласный среднего ряда, среднего подъёма нелабиализованный в соответствии с гласными *а, о* наблюдается, главным образом, в заударных конечных слогах как закрытых, так и открытых в положении после твердых согласных звуков. Примеры: вымыльс, зар'эзът', испуг'альс (Парф.), плакъл (Кур.), извир'овък, д'эвък—родительный множественного (Парф.), з'арьбътък (Кур.), тил'онък, вир'офкъ, вытир'аль (Парф.), приган'аль (Кур.), саломъ, дал'окъ, биспл'атнъ, заглазнъ (Парф.), д'ивнъ (Сав.).

Наряду с редуцированным гласным «э», в конечных заударных слогах как закрытых, так и открытых после твердых согласных возможен факультативно звук *а*, несколько более краткий, чем *а* ударяемое или первого предударного слога. В строгом стиле литературной речи в соответствии с гласными *а, о* в этом положении наблюдается, как правило, редуцированный гласный; впрочем, при определенных фонетических, интонационно-синтаксических или ритмико-паузных условиях допустима и первая ступень редукции, т. е. произношение в соответствии с гласными, *а, о* довольно ясного *а*¹⁾.

Появление гласного *а* в заударном конечном слоге как закрытом, так и открытом в соответствии с гласными *а, о* обуславливается чаще всего тем, что слог с этими глас-

¹⁾ См., напр., В. А. Богородицкий. Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1939, изд. 4, стр. 116; М. В. Панов. Заударный вокализм современного русского литературного языка, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 1952, стр. 9—13.

ными оказывается либо в конце фразы, либо перед паузой внутри предложения.

На месте этимологического *a* в положении после мягких согласных в заударных слогах произносятся в говоре гласные: *и, ь, ъ*.

Гласный *и* отмечен в заударных неконечных слогах после мягких согласных в соответствии с гласным *a* как перед твердыми, так и перед мягкими согласными в корнях слов: *вы́тинул, вы́глинул, вы́трихн'ът, пр'и́нили, на-пр'и́визи* (Парф.); перед мягким согласным в окончании именит. пад. един. числа имен прилагательных женского рода: *ви́ч'э́р'нийъ зар'а́, да́м'а́шнийъ скати́нинъ* (Парф.), *зи́мнийъ но́ч'* (Сав.), *га́р'а́чийъ кро́ф* (Медв.), *ра́н'нийъ висна́* (Парф.). Заударная флексия *ийъ* в именительном падеже единственного числа прилагательных женского рода встречается в подмосковных говорах, например, в говоре деревни Плесенское Наро-Фоминского района отмечена форма *зи́мнийъ но́ч'* и т. д.¹⁾. Формы *с'и́н'ийа ру́ба́ха, по́зн'ийа, йа н'имало́д'ин'к'ийа, ма́л'ин'к'ийа д'ев'ч'к'а, харо́шын'к'ийа стару́ха* зафиксированы также Р. И. Аванесовым в рязанских говорах (XX, 215).

Гласный *и* в соответствии с гласным *a* наблюдается также в заударных конечных закрытых слогах после мягких согласных перед мягкими в корнях слов, например: *д'э́сит', па́мит', д'э́вит'* и в глагольном суффиксе, например: *с'э́ит', та́ит', раста́ит'*.

Редуцированный гласный переднего ряда верхне-среднего подъема *ь* произносится в говоре в соответствии с гласным *a* после мягких согласных перед мягкими как в неконечных, так и в конечных закрытых заударных слогах соответственно во флексиях творительного и предложного падежей множественного числа существительных. Например: *мида́л'ьми* (Парф.), *смазо́л'ьми* (Кур.), *ку́ч'ьми* (Медв.), *з'ьса́райьми, нагло́бл'ьх* (Парф.), *фс'э́н'ьх* (Кур.), *фсас'э́д'ьх* (Парф.), *на́йа́бл'ьн'ьх* (Кур.).

Редуцированный гласный среднего ряда, средне-верхнего подъема, нелабиализованный *ѣ* отмечен в соответствии с гласным *a* после мягких согласных в заударных конечных открытых слогах: в имен. пад. един. числа суще-

¹⁾ По сведениям архивных материалов Диалектологического сектора Института языкознания Академии наук СССР.

ствительных женского, а также общего рода на *a* с основой на мягкий согласный: ба́рын'ъ (Парф.), ба́н'ъ (Кур.), дир'э́вн'ъ (Сав.), гр'азну́л'ъ (Парф.), плису́н'йъ (Сав.); в имен. пад. един. числа прилагательных женского рода: бѣйива́йъ, глуха́йъ, звукава́йъ, кърмава́йъ, трудава́йъ; в родит. пад. един. числа существительных мужского и среднего рода с основой на мягкий согласный: д'э́вир'ъ, го́луб'ъ (Парф.), па́рн'ъ (Кур.), т'э́с'т'ъ, тир'п'э́н'йъ (Парф.), удабр'э́н'йъ (Гор.); в сравнит. степени наречий с двусложным суффиксом *ея* (йэ́йъ): бы́стрэ́йъ (Парф.), дабр'э́йъ (Сав.), в'э́сил'э́йъ (Парф.), крас'н'э́йъ (Сав.), ска́р'э́йъ (Парф.), смил'э́йъ (Кур.).

Редуцированный гласный *ѣ* отмечен также в заударном конечном закрытом слоге после мягкого согласного перед твердым во флексии дат. падежа множ. числа существительных: гжѣ́тил'ѣм (Медв.), гри́зну́л'ѣм, пр'ѣ́тси-да́тил'ѣм (Парф.), кса́с'э́д'ѣм (Сав.).

После твердых шипящих *ж, ш*, а также после *ц* в соответствии с гласным *a* в заударном положении отмечены гласные звуки *ы, ѣ*. Гласный *ы* наблюдается как перед твердыми, так и перед мягкими согласными в заударных неконечных слогах: в'э́шылъ, ло́шыди (Парф.), ко́жын'ѣи — им. ед. м. р. (Пок.), паку́шылъ (Кур.), слѣ́шы-ли, вѣ́цыпы́ли, вѣ́цыр'ѣпы́ли, зга́с'тѣ́нцыми — тв. мн. (Парф.). Редуцированный гласный среднего ряда, среднего подъема произносится как перед твердыми, так и перед мягкими согласными в заударном конечном слоге как закрытом, так и открытом: в'э́шѣ́т', ло́шѣ́т', влѣ́жѣ́х, ку́шѣ́л, пита́нѣ́цѣ́т', ва́шѣ́, ма́шѣ́, ад'о́жѣ́ старо́жѣ́, ба́л'нѣ́цѣ́, засто́лицѣ́ (Парф.).

Гласный *э*, испытывая в заударных слогах, наряду с количественной редуцией, и качественную, реализуется в говоре в гласных звуках полного образования *и, ы*, а также в редуцированных гласных *ѣ, ѣ*.

Гласный *и* наблюдается в первом заударном слоге на месте этимологических *э, ѣ, ять*: 1) в неконечном заударном слоге как перед твердыми, так и перед мягкими согласными: вѣ́тиклъ, вѣ́визут, вѣ́дирнул, вѣ́бирут, вѣ́види, вѣ́литъл, з'э́лини (Парф.), вѣ́дилъ, вѣ́лизу (Парф.) ѣ́зриткъ (Наз.), со́виснъ (Парф.), вѣ́лизиш, б'э́звис'т'и — род. ед., вѣ́дили (Парф.); 2) в конечном закрытом слоге перед твердыми согласными: в основах слов: в'э́тир, д'э́вир', л'э́мих, па́рин', гѣ́бил' (Парф.); в окончаниях имен

существительных: з'з'áтим, кáмним (Парф.), крáим (Кур.), пóлим; д'эник, избр'óвин (Парф.), кап'эик (Сав.); в окончаниях личных форм глаголов 1-го спряжения: вымир'áиш, выступáиш (Парф.), дастáниш (Кур.), выдува́ит, гул'áит (Парф.), зав'áнит (Пок.), зад'эним, закрóим (Парф.), см'элим (Сав.), зъкрывáйтис, ръзайд'йтис (Парф.); 3) в конечном открытом слоге: а) в окончаниях предложного падежа единств. числа существительных: вдóми (Кур.), взау́лти, нъзавóди, фкалхóзи, над'эли, нам'эс'ти, фпóли, вдир'эвни, нъдароги, нъмашы́ни (Парф.); б) во флексии дат. пад. един. числа существ. ж. рода: кызгаротти (Кур.), карóви (Кур.), хпагóди, скатíни (Парф.).

Гласный *ы* в заударном положении после твердых шипящих и *ц* как перед твердыми, так и перед мягкими согласными отмечен: 1) в неконечном заударном слоге: до́шывъ, зъгарóжыны, б'эшы́нъй, пасóжынъ, врум'áнцывъ, фка́рцывъ (Парф.); 2) в конечном закрытом слоге: а) в основах: аврáжык, с'т'э́ржын' (Парь.), б) во флексиях имен существительных: смúжым, са́жый (Парф.), паткрь́шый (Пок.), пáл'цым, с'с'истрь́ций, лóжык, лип'óшык (Парф.), гас'тíнцыф, м'э́сицыф (Парф.), н'эмцыф (Кур.), в) в окончаниях личных форм глаголов первого спряжения: запáшыш, ника́жыш (Парф.), памáжыш (Вас.), прив'áжыш (Бодр.); зака́жыт (Парф.), мо́жыт (Сав.), р'э́жыт (Парф.), ска́жыт (Кур.), запáшым, нар'э́жым (Парф.), пíшым (Кур.), св'áжым (Парф.); 3) в конечном открытом слоге: а) в предложном падеже единственного числа существительных: вад'óжы, фса́жы, влúжы, вбал'ни́цы (Парф.), б) в сравнительной степени прилагательных и наречий: бо́л'шы, м'э́н'шы (Парф.), дарóжы (Кур.), крас'йфшы (Парф.), плóшы (Кур.), úжы, хúжы (Парф.).

Эти формы сравнительной степени прилагательных и наречий были широко употребительны в старомосковском языке. Так, например, в Уложении 1649 г., по свидетельству П. Я. Черных¹⁾, от прилагательных великий, большой сравнительная степень употребляется в виде больши, от прилагательного малый — меньши с ударением преимущественно на основе.

¹⁾ П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года, изд. Ак. Наук СССР, М., 1953, стр. 315.

Редуцированный гласный переднего ряда, верхне-среднего подъёма *ь* наблюдается в заударном положении в конечном открытом слоге: 1) во флексии именительного — винительного падежей единственного числа существительных среднего рода: вар'эн'йь, мór'ь, пól'ь, им'э-н'йь, плát'йь, сабрán'йь (Парф.); 2) во флексии имен. — вин. пад. един. ч. прилагательных среднего рода: бал'шóйь, миснóйь, плахóйь, раднóйь, сырóйь (Парф.); 3) во флексии именительного падежа множественного числа имен прилагательных и порядковых числительных: бал'шыйь, дърадийь, мъладыйь, радныйь, фтарыйь, шыстыйь, (Парф.); 4) в окончании 2-го лица множественного числа настоящего — будущего времени изъявительного наклонения, а также в окончании 2-го лица множественного числа повелительного наклонения: бйóт'ь, дайóт'ь, гъвар'йт'ь, вал'йт'ь, давайт'ь, глйд'йт'ь (Парф.).

Редуцированный гласный переднего ряда *ь* употребляется после мягких согласных и в заударном конечном закрытом слоге в окончаниях родительного, дательного и предложного падежей единственного числа прилагательных женского рода: гар'áчйь, зймн'йь, крán'н'йь, авис'эн'н'йь (Парф.).

Редуцированный гласный среднего ряда, среднего подъёма *э* зафиксирован: 1) в конечном закрытом слоге после шипящих *ж, ш* в окончаниях родительного, дательного и предложного падежей единственного числа прилагательных женского рода: св'эжйь, рýжйь (Парф.), ахарóшйь (Сав.), пригóжйь (Парф.); 2) в конечном открытом слоге: а) после *ц* во флексии именительного — винительного падежа единственного числа существительных среднего рода: пълат'энцъ, сóнцъ, с'эрцъ, акóнцъ (Парф.), б) в энклитической частице *же*: штóжъ ан'э.

В заударных слогах, более далеких от ударения, чем слог, непосредственно следующий за ударным слогом, на месте гласных *э*, редуцированного *я* наблюдаются редуцированные гласные *ь, э*. Редуцированный гласный переднего ряда *ь* употребляется в положении после мягких согласных звуков: вѳбир'ѳм, вѳлит'ѳл, вѳплыв'ѳм, кóзыр'ѳ — род. мн., пóтпис'ѳй, суч'ѳтил'ѳм, навóздух'ѳ (Парф.), вгóрѳд'ѳ (Кур.). После шипящих *ж, ш*, а также после *ц* произносится редуцированный гласный среднего ряда *э*, например: д'эушѳк, зáмушѳм, кáмушѳк, стóрѳжѳм, закúз'ниѳй, м'эсиѳѳ, вжѳйт'ниѳ (Парф.).

Гласные *и, у, ы*, находясь в заударном положении как в первом заударном слоге, так и в более далеких от ударения слогах, подвергаются в нашем говоре, как правило, лишь количественным изменениям. Примеры: *вы́рубили, заму́ч'илъс, п̑ниво́лилъ, вы́чис'тит', выпил, кал'о́с'ник вы́рубили, апра́тинул̑с, н'атро́нулъ, вы́пуск, вы́вирнус, з'а́бнут; ба́рын'ъ вы́плыв'ѣм, пухо́выми, ст'о́плыми* — творительный падеж, множественное число *кра́сных, но́вым, па́разным, вапро́сы, го́лъвы*.

Заударные гласные *и, у, ы* испытывают качественную редукцию лишь в определенных грамматических формах. В соответствии с заударным гласным *и* в именительном-винительном падеже единственного числа прилагательных мужского рода с основой на заднеязычный согласный наблюдается редуцированный гласный среднего ряда, среднего подъема *ѣ*, факультативно отмечен и гласный *а*. Примеры: *д'ѣрив'ѣ́нскѣй, глыбо́кѣй* (Парф.), *мало́дин'кѣй* (Кур.), *сла́ткѣй, агрѣ́тихнѣ́скѣй* (Парф.).

Если основа прилагательного оканчивается на мягкий согласный, то в окончании именительного-винительного падежа единственного числа мужского рода наблюдается редуцированный гласный переднего ряда, верхне-среднего подъема — *ь*, *га́р'а́ч'ѣй, си́н'ѣй, ли́ту́ч'ѣй, ны́нишн'ѣй, рабо́чѣй, ру́кьвад'а́ш'ш'ѣй* (Парф.).

Редуцированный *ѣ* представлен также во флексии именительного падежа единственного числа существительных мужского рода собственных с основой на мягкий согласный: *васи́л'ѣй, игна́т'ѣй, ми́тр'ѣй*. Под влиянием норм орфографии младшее поколение носителей говора (главным образом учащиеся) произносит в заударной флексии именительного падежа единственного числа прилагательных мужского рода с основой на заднеязычный или мягкий согласный гласный *и*. Во флексии творительного падежа множественного числа прилагательных с основой на заднеязычный согласный в соответствии с заударным гласным *и* в речи старшего поколения носителей говора наблюдается редуцированный гласный среднего ряда, среднего подъема *ѣ*, например: *збáркѣми л'уд'ми уйд'о́т, ма́лин'кѣми были* (Парф.), *каси́ли шыро́кѣми г'ласа́ми* (Кур.), *зимл'а ш'ш'ита́лъсѣ п'ласа́ми фс'а́кѣми* (Пок.).

Гласный *у* подвергается качественной редукции после твердых согласных в заударной флексии винительного па-

пада единственного числа женского рода прилагательных, порядковых числительных, причастий и реализуется в редуцированном гласном среднего ряда, средне-верхнего подъёма, нелабиализованном *ѣ*, «склонном» к *ы*¹⁾. Например: грѣзѣнѣйу рубѣху надѣл, кѣраводнѣйу нѣсѣнѣу спайѣу, на круглѣйу лѣду павѣники, блѣнку выписѣнѣйу дѣли (Парф.), нѣдаполѣнѣйу грѣтку (Кур.), нѣрѣвѣйу дѣфку холит (Парф.).

В песенном языке в прилагательных женского рода с основой на твердый согласный широко употребительна заударная флексия винительного падежа единственного числа — *аю* (айу). Это окончание отмечено А. А. Шахматовым в говоре д. Лека б. Егорьевского уезда Рязанской области (ныне Коробовского района Московской области (III, 187). В прилагательных женского рода с основой на мягкий согласный в заударном окончании винительного падежа единственного числа в соответствии с гласным *у* наблюдается гласный *и*: взѣмнѣйу пору, в рѣннѣйу смѣну (Парф.), гарѣчѣйу картошку (Сав.), фпознѣйу пору (Парф.). Гласный *у* в заударной флексии винительного падежа единственного числа прилагательных женского рода встречается лишь в речи наиболее образованных людей из числа носителей говора, а также в речи школьников.

Редуцированный гласный *ѣ* наблюдается в соответствии с заударным гласным *ы* в приставочных глаголах, образованных от глагола «быть», а также в глаголе «быть» с ударяемым отрицанием «не»: сѣтакѣл нѣбѣлѣ, утибѣл нѣбѣли, сфрѣнту прѣбѣл, давнѣ вѣбѣл.

Появление редуцированного *ѣ* в формах единственного числа среднего рода: *ѣбѣлѣ*, *прѣбѣлѣ*, *выбѣлѣ*, *нѣбѣлѣ*, по-видимому, — результат межслоговой ассимиляции гласных. Под влиянием этих форм редуцированный гласный наблюдается и в формах *выбѣл*, *выбѣли*, *прѣбѣл*, *прѣбѣли*, *ѣбѣл*, *ѣбѣли*, *нѣбѣл*, *нѣбѣли*. Н. Н. Дурново²⁾ считал, что появление редуцированного гласного в заударном слого обусловлено ослаблением значения самого глагола и, наоборот, усилением, подчеркиванием значения

¹⁾ По техническим причинам этот звук обозначается также знаком *ѣ*.

²⁾ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфенок Рузского уезда, Московской губернии, В., 1903, стр. 34—35.

приставки или отрицания. С этим объяснением можно было бы согласиться, если бы редуцированный гласный употреблялся в соответствии с гласным *ы* в приставочных глаголах, образованных от глагола «быть», или в глаголе «быть» с отрицанием «не» лишь при наличии ударяемых приставки или отрицания. Однако редуцированный гласный *ѣ* встречается и в предударном слоге, т. е. когда приставка является безударной: прѣбѣла, прибѣта, убѣла, нѣбѣла. Форма «выбѣли» зафиксирована в говоре села Матренино Волоколамского района Московской области (VII, 485). О. Брок отметил в калужских говорах форму «нѣбыло» (XIII, 30). Качественной редукции подвергается также гласный *ы* в энклитической частице «бы»: знáльбѣ, читáльбѣ, нѣл'убѣльбѣ.

В глаголах «вымыть», «вырыть», «вымыл», «вырыл» в соответствии с этимологическим гласным *ы* (древнерус. мыти, рыти) в заударном положении наблюдается редуцированный гласный *ѣ*: вымѣт', вырѣт' вымѣл, вырѣл. Из числа подмосковных говоров формы вымѣл, вырѣл, выбѣл известны, например, говору села Супонино Звенигородского района Московской области ¹⁾.

В форме именительного падежа единственного числа прилагательных, причастий, порядковых числительных и определительных местоимений мужского рода в соответствии с заударным *ы* (этимологически флексия «*ый*» из *ѣ* + *и*) произносится редуцированный гласный *ѣ*; факультативно возможен также гласный *а* (обычно если заударный слог — флексия оказывается перед паузой). Примеры: бал'ѣзнѣй, вин'ч'áл'нѣй, дѣлгав'áзѣй, нѣдѣлгав'ѣшнѣй. В речи молодежи (главным образом, учащихся) под влиянием норм орфографии наблюдается заударная флексия *ый*: óпытный уч'áстѣк, кантрóл'ный пост, вдáнный мам'энт, сѣмáхóдный камбáйн (Парф.).

В глагольном суффиксе *-ыва* в заударном положении наблюдается редуцированный гласный среднего ряда, среднего подъёма *ѣ*: выкѣдѣвли, захвáтѣвли, абм'óтѣвли, п'ърнд'ѣтѣвли, паскрѣпѣвли (Парф.). Появление этого редуцированного гласного в суффиксе *-ыва*, возможно, обусловлено аналогией с глаголами, имеющими суффикс *-ова*, где редуцированный гласный наблюдается

¹⁾ По данным архива Диалектологического сектора Института языкознания Академии Наук СССР.

как результат качественной редукции гласного *о* в заударном положении.

В песенном языке в соответствии с заударным гласным *ы* во флексии именительного падежа множественного числа прилагательных спорадически наблюдается гласный *и*. Например: *пъдымáлис в'этры б'у́йна и*.

Такова система гласных звуков говора. Изучаемый говор, как мы пытались показать, характеризуется сравнительно с литературно обработанной формой общенародного национального русского языка некоторыми специфическими особенностями в области вокализма. Эти особенности весьма существенны, однако они занимают сравнительно незначительное место среди элементов, общих у говора с общенародным языком. Говор деревни Парфенки типичен для среднерусских подмосковных говоров и объединяется по своим особенностям с говорами северо-западного Подмоскovie, в частности с можайскими и волоколамскими.

Изменения, происшедшие в области вокализма говора за пятьдесят с лишним лет (со времени обследования говора Н. Н. Дурново), вызваны воздействием на говор литературного языка, сближением говора с литературным языком.

Диалектные особенности устойчивы, однако ряд диалектных черт в области гласных звуков, характеризовавших наш говор в конце 19-го — в начале 20-го века, под влиянием литературного языка в настоящее время уже утрачен. Так, например: в словах «мяч», «мячик» в положении между мягкими согласными под ударением наблюдался, по свидетельству Н. Н. Дурново, гласный *э*, сейчас эти слова произносятся только с ударяемым *а*; в слове «кринка», которое Н. Н. Дурново отметил в числе слов с ударяемым гласным *ы*, в настоящее время, как и в литературном языке, под ударением наблюдается гласный *и*; утратилась старая форма «апшан'йшн'й», зафиксированная Н. Н. Дурново с начальным гласным *а* и под.

Под влиянием литературно обработанной формы национального языка изучаемый говор постепенно утрачивает свои специфические особенности в области фонетики. Так, например: диалектные формы «пасл'á», «вазл'á», «акрам'á» с ударяемым *а* (в соответствии с этимологическим *ять*) постепенно вытесняются формами литературными; умеренное яканье, выдерживавшееся в говоре не строго

уже в конце 19-го—в начале 20 го века, в настоящее время интенсивно вытесняется «иканьем»; после шипящих и *ц* на месте гласных *э*, *а* перед твердыми согласными в первом предударном слоге, как и в литературном произношении, отмечены гласные *ы* (после *ж*, *ш*, *ц*), *и* (после *ч*); часто не наблюдается лабнализации гласного *ы* в 1-м предударном слоге в соседстве с *у* предшествующего слога в словах «мужики», «пузырек», «пустыри» и т. д.

Некоторые фонетические изменения вызваны наблюдающимися в говоре взаимовлияниями в области гласных. Так, например: в словах «эна», «эва», «эх», «экъй», «эдък», «эдъкъй», «этът», «энтът» и др. йотация ударяемого гласного вызвана влиянием слов с начальным йотированным *э*; гласный *ы* (в соответствии с гласным *у* литературного языка) в конце 19-го—в начале 20-го века был возможен лишь под ударением (глыбжы и под.), с течением времени произошла известная унификация — в безударном положении, как и под ударением, в этих словах стал произноситься гласный *ы* и т. д...

Т. Г. ПАНИКАРОВСКАЯ

**МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГОВОРА
ДЕРЕВНИ ПАРФЕНКИ НОВО-ПЕТРОВСКОГО
РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹⁾**

Грамматический строй изучаемого говора в современном его состоянии включает, подобно другим местным говорам русского языка, наряду с явлениями, присущими общенародному языку в литературно обработанной его форме, явления, специфические для среднерусских, в частности подмосковных говоров.

Так в изучаемом говоре наблюдаются некоторые отклонения от норм литературного языка в области категории рода: некоторые существительные принадлежат к иному грамматическому роду, чем в литературном языке. Таковы, например, слова: «яблок», «яблочек», «коромысел», которые в настоящее время, как и пятьдесят лет назад, чаще употребляются в говоре в форме мужского рода. Например: далá кадáть адíнь йáблѣк, какой йáблѣчѣк мáлин'кѣй, ваз'мй кѣрамѣсил пóвѣду пайд'ом (Парф.) Переход слова «яблок» в грамматическую категорию мужского рода наблюдается, по свидетельству С. П. Обнорского²⁾, повсеместно как в севернорусских, так и в южнорусских народных говорах. К числу слов мужского рода относятся в говоре также слова «статуй» (сравни литературное слово: статуя), «мышь». Примеры:

¹⁾ Предлагаемая статья представляет собой краткое изложение двух разделов («существительное» и «местоимение») подготавливаемой нами диссертации на тему «Фонетико-морфологическое описание говора деревни Парфенки Ново-Петровского района Московской области» и является продолжением статьи, посвящённой фонетическому описанию этого говора.

²⁾ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. I, Л., 1927, стр. 46.

што стал как статуя? (Парф.), ко́шкь мышá пайма́ль (Горк.), кат'о́нъкъ смышом игра́л (Парф.).

В речи старшего поколения носителей говора наблюдается отсутствие грамматической категории среднего рода и замена среднего рода мужским. Прилагательные, местоимения, числительные, а также глаголы в форме прошедшего времени, согласуемые с существительными, принадлежащими в литературном языке к категории среднего рода, имеют в говоре форму мужского рода. Примеры: па́рнóй мѣлако́, худо́й в'адро́, у́зин'к'ѣй го́рлушк'ѣ, ли́цо т'о́мн'ѣй см'угл'ѣй (Парф.), ус'а́дибн'ѣй с'э́нъ харо́ш'ѣй (Наз.), ад'йн с'т'акло́ в'э́с'трэ́снут'ѣй (Парф.), р'ьскало́ль э́т'ѣт в'адро́ (Кур.), и́хн'ѣй им'э́н'ѣй з'ьпрудо́м (Пок.), са́м'ѣй жни́во тап'э́р' (Медв.), л'э́тъ был дажл'ѣив'ѣй (Наз.), ви́дро з'ѣди́р-жа́лс'ѣ (Парф.).

Замена среднего рода мужским представлена широко, по наблюдениям С. С. Высотского ¹⁾, в говорах к западу от Москвы, в частности, в территориально близких к изучаемому говору волоколамских говорах ²⁾.

Допустить, что замена среднего рода мужским возникла как следствие редукции заударного гласного э во флексии имен прилагательных, трудно, т. к. «если бы такая редукция и была известна, то она, — справедливо замечает С. С. Высотский ³⁾, — неудержимо должна была бы захватить и безударное а в том слабом положении, в котором оно существует в сходных окончаниях женского рода (т. е. «из белая рубашка» получилась бы форма «бел'ѣй рубашка, как бел'ѣй п'ялатно)». Прилагательное по-видимому не могло вызвать изменение категории рода существительного. Замена среднего рода существительных мужским является, по всей вероятности, следствием морфологического обобщения.

Под влиянием грамматических норм литературного

¹⁾ С. С. Высотский. Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы. Доклады и сообщения Института русского языка, М.-Л., 1948, вып. I, стр. 85.

²⁾ В. В. Иванов. Из истории говоров северо-западного Подмоскovie. (Волоколамские говоры), диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М. 1955, стр. 12.

³⁾ С. С. Высотский. Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы. Доклады и сообщения Института русского языка. М.-Л., 1948, вып. I, стр. 85.

языка категория среднего рода постепенно утверждается в говоре. Примеры:

сыро́й зирно́ сушы́т, са́мъй ч'и́стый зирно́ (Парф.), пра́вил'н'ы́ съди́жа́н'и́ живо́тных (Кур.), пра́кти́чск'и́ а́бръзава́н'и́ н'а́пахди́мъ, с'э́л'ск'и́ хаз'а́йствъ, ка́лх'о́зн'и́ сабра́н'и́, би́л'о́с'и́ худо́й ли́цо, са́м'и́ на́л'э́зн'и́ уда́бро́н'и́. (Парф.).

Отмечены случаи, когда в одном и том же предложении прилагательные, числительные, местоимения, глаголы прошедшего времени по-разному согласуются с именами существительными, принадлежащими в литературном языке к категории среднего рода, что свидетельствует, с одной стороны, о сохранении специфически диалектной грамматической черты, а именно об отсутствии категории среднего рода (согласование по мужскому роду), а с другой стороны, о постепенном утверждении в говоре категории среднего рода (согласование по среднему роду) под влиянием литературного языка. Например: а́д'и́н с'ти́кло́ нъз'га́ро́тку па́в'э́силъ ф'с'о́ раско́л'н'ъ, ка́лх'о́зн'и́ м'я́лако́ п'р'р'аба́тъвут ку́да а́но на́зн'а́чин'ъ. (Парф.).

Существенных отличий от норм литературного языка в области категории числа в изучаемом говоре не наблюдается.

Система склонений имен существительных в говоре характеризуется значительным сходством с системой склонения в литературном языке. Однако легко устанавливаются и некоторые специфические особенности.

К первому типу склонения существительных принадлежит ряд слов, изменяющихся в литературном языке по 3-му склонению. Так, например, по 1-му типу склоняется в говоре слово «церква», исторически принадлежавшее к склонению с основой на согласный. Это слово имеет во всех падежных формах единственного числа флексии первого типа склонения: ба́л'шай́ цэ́р'кв'ъ, йэ́дут быва́ль фцэ́р'кву, тап'э́р' н'э́ту цэ́р'квы (Парф.), а́н'э́па тцэ́р'кв'и́ п'х'аро́ниты (Бодр.), фцэ́р'кв'и́ ста́йа́ли (Парф.). В именительном и винительном падежах единственного числа флексии первого типа склонения имеют также слова: «болезня», «веща», «гармония», «жизня», «постеля». Примеры:

жы́з'н'а́ бы́ла́ тру́дн'и́ (Парф.), п'сма́тр'э́лб'ь хто́

нѣмайу жыз'н'у (Кур.) фс'у жыз'н'у, прѣжыла, бал'эз'н'ѣ прицыпильсь, п'рин'ос бал'эз'н'у (Парф.). гарм'он'у ат'эц пѣдарыл (Сав.), нап'алку нас'ожын'ѣ жыл'эзны'ѣ в'эш'ш'ѣ (Пок.), к'уплины'ѣ в'эш'ш'у жал'кѣ (Сав.), пух'овы'ѣ п'аст'эл'ѣ (Парф.), нѣ п'аст'эл'у сунд'ук стѣнавила (Вас.).

С. П. Обнорский отмечает повсеместное употребление форм «церква», «постеля» в русских народных говорах и проникновение их в литературный язык 19-го века ¹⁾).

К первому типу склонения относятся в говоре также некоторые заимствованные слова, являющиеся в литературном языке словами мужского рода. Таковы, например, слова: бланка, метра (ср. литер.: бланк, метр): нѣниво бл'анкѣ выпис'нѣ (Парф.), пада'й бл'анку вб'анк (Кур.), л'итры нѣхвата'ит, л'итру сиб'э аста'вилѣ (Парф.).

По мягкому варианту второго типа склонения существительных (по образцу существительных среднего рода) изменяются в говоре существительные среднего рода на—*мя* (древние основы на—*ен*). Например: картошку рыль низна'мѣ ск'ол'кѣ в'р'эм'ѣ (Наз.), пл'охѣ кав'р'эм'у н'эту, сав'р'эм'им фс'у рош ск'ос'ут (Парф.), забыл аба в'р'эм и сиж'у, с'эм'ѣ н'эбыль сафс'эм (Парф.), миш'окѣ с'с'эмим пади? (Кур.) пай'м'у вѣклик'аит нив'эсту (Парф.), папл'ам'у уви'дилѣ (Кур.). Исключение составляют случаи употребления существительного «имя» в новых цельных словосочетаниях. Например: п'ър'дѣв'икѣ калх'озѣ й'мини ми'ч'урин'ѣ.

Заимствованные имена существительные (пальто, кино и др.), несклоняемые в литературном языке, а также сложносокращенные слова (сельпо, райзо и под.) изменяются в говоре по образцу существительных среднего рода на *о*. Примеры: фпал'т'э пайду х'олд'нѣ, фс'эм пѣпал'т'у купыл, фкин'э была фсигда нѣкин'о ходит (Парф.), рѣз'дилили пѣтил'у (Кур.), нѣднаво тил'а низдали, в'ради в'ѣ старинны'ѣ п'эс'ни п'эли (Парф.), фсил'п'э пѣкупаль (Наз.), в'райф'э инсп'экт'ър'м ана (Парф.).

Ко второму типу склонения принадлежат также существительные «мышь», «статуй», имеющие в говоре грамматическое значение мужского рода.

¹⁾ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1, 1927, стр. 13.

Существительное среднего рода «дитя», падежные формы которого в единственном числе малоупотребительны, образует в говоре форму именительного падежа единственного числа по образцу слов среднего рода на *о* второго типа склонения. Например: майо́ дит' о́ жа́лкъ йаво́.

Мы не будем за недостатком места подробно характеризовать систему склонения существительных в говоре, а ограничимся замечаниями об отдельных падежах, указывая наиболее существенные специфически диалектные черты.

Круг имен существительных мужского рода неодушевленных, употребляющихся с окончанием *у* в родительном падеже единственного числа, в говоре шире, чем в литературном языке, хотя это окончание наблюдается, в основном, при тех же условиях, что и в литературном языке. Его имеют неодушевленные имена существительные мужского рода, главным образом, с вещественно-собирательным или отвлеченным значением, а также слова, разнообразные семантически, играющие роль обстоятельств со значением места. Примеры:

вал' о́ жник у мно́гъ, тил' а́ ты бискóр му (Парф.), чит'и́ри мишкá кл'э́виру (Кур.), лип'ъвъ скóль'къ былъ л'э́су (Наз.), вазо́ф сто́ навóзу (Парф.), до́лгъ н'э́быль сн'э́гу (Сав.);

изад'н'у́ вд'эн' рабо́тъит (Парф.), до́свиту́ шли рабо́тът' (Медв.), йа́ वो́сим'дъс'ътшысто́въ го́ду (Медв.), м'э́сицу н'э́ту, по́сли уро́ку на́д аста́вит (Парф.), вавр'эм'ъ п'ьр'ь ва́ро́ту зга́р'эл (Медв.), байссь су́ду (Парф.), ипа́м'йну н'э́быль э́тъвъ (Горк.), скандáлуть скóкъ былъ (Парф.), ста́ръсть дл'ъ па́р'áтку был (Пок.), н'э́днаво́ вы́гъвъру н'э́быль (Парф.), ту́ды до́пуску н'э́ту (Наз.);

дъ па́го́сту (Парф.), из ро́ту (Кур.), аттэ́дъ скл'э́виру, круго́м са́ду канáвъ, исприй'у́ту вз'áли, атавра́гу п'э́р'вый дом, гул'áйу вдо́л' къ раво́ду (Парф.), израйо́ну, павы́шы по́ду къл'ьс'ники́ (Медв.), испру́ду л'от вази́ль (Парф.), сфрóнту прие́хъл (Кур.), испл'э́ну атпус'ти́ли (Наз.), о́кълывра́гу пам'э́ш'ш'ик жыл (Бодр.), д'э́ник вз'áли и зба́нку (Парф.).

Формы родительного падежа единственного числа мужского рода на *у* достаточно широко наблюдались уже во второй половине 17-го века. Окончание *у* в родительном

падеже единственного числа мужского рода распространено повсеместно как в севернорусских, так и в южнорусских диалектах, в последних оно употребляется значительно шире, будучи возможно в именах с ударяемой флексией, в категории одушевленных имен и даже в словах среднего рода с ударением как на основе, так и на окончании¹⁾. Отметим единственный случай употребления в нашем говоре окончания *у* в родительном падеже единственного числа среднего рода: пыл' дѡннбу пѣдымѡт' (Парф.).

Несколько шире, чем в литературном языке, наблюдается в говоре ударяемое окончание *у* в предложном падеже единственного числа существительных мужского рода, обозначающих неодушевленные предметы, однако многие слова употребляются в говоре в соответствии с нормой литературного языка с окончанием *э*. Форма предложного падежа единственного числа на *у*, как правило, наблюдается у существительных с односложной или двусложной основой, с предлогами *в*, *на*, функции которых «обуславливают значение указания места». Примеры: нѣскладу́, нѣплану́, вдаму́ (Парф.), нѣснапу́ (Пок.), нѣстану́ (Вас.), нѣкусту́, вгѣраду́, фпѣлагу́, нѣвъчиру́, нѣпѣйзду́ (Парф.).

В говоре распространены также формы предложного падежа единственного числа мужского рода на *у* с временным значением: нѣгаду́, над'н'у́ и т. д. Форму предложного падежа единственного числа на *у* образуют в большинстве случаев те имена существительные мужского рода, у которых и в родительном падеже единственного числа наблюдается окончание *у*, однако окончание *у* в родительном падеже получило в говоре более широкое распространение по сравнению с предложным падежом.

С. П. Обнорский²⁾ утверждает, что распространение окончания *у* стало наблюдаться в истории русского языка

¹⁾ Подробные сведения о территориальном распространении окончания *у* в родительном падеже единственного числа в местных говорах, а также об употреблении этого окончания в памятниках письменности и произведениях русских писателей 18-го, 19-го, 20-го веков содержатся в монографии С. П. Обнорского. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1, 1927, стр. 107—145, стр. 146, стр. 149, стр. 153—157, стр. 159—164, стр. 187—191, стр. 194—199, стр. 201—214, стр. 217—223).

²⁾ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1, Л., 1927, стр. 104—105.

одновременно в родительном и предложном падежах единственного числа существительных мужского рода с основой на *о*, причём, основной причиной, вызвавшей появление флексии *у* в предложном падеже единственного числа существительных мужского рода с основой на *о*, как и в родительном падеже, следует считать наличие подвижного ударения в части существительных мужского рода с основой на *о*. ...«подобно тому, — пишет С. П. Обнорский, — как сама воздействующая категория имен на *у* содержала в себе лишь существительные по ударению подвижного типа, от которых поэтому род. падеж имел образование на *у* неударяемое, а местн. напротив на *у* с перенесением на него с основы ударением, подобно этому и в пределах новых имен с основами на *о* флексия *у* стала распространяться лишь на имена с подвижным типом ударяемости, отчего и получились и у них формы род. падежа с обязательным ударением на основе, формы местного падежа — с ударением на флексии»¹⁾).

В отдельных словах мужского рода 2-го склонения, имеющих в литературном языке окончание *у* в предложном падеже единственного числа, в говоре употребляется архаическая флексия *э*, в безударном положении — *и*: фклив'э, нъстул'э, вугл'э, вл'эси, вмо́хи.

Отметим сохранение архаической формы родительного падежа единственного числа на *и* существительного «день». Примеры: трит'о́вь д'нй хадíль фпакóивъ, два д'нй н'была́ умáн'ти (Парф.), Форма родительного падежа единственного числа «дни» является, по свидетельству С. П. Обнорского²⁾, широко употребительной как в южнорусских, так и в севернорусских говорах. Особенно широкое распространение эта форма имеет в северновеликорусских говорах. В настоящее время, однако, все более широкое распространение в говоре получает литературная форма родительного падежа — дня, которая постепенно вытесняет диалектную форму дни, д'н'а н'хвaтíль тиб'э, пас скaтíну зaнийó двá д'н'á. (Парф.).

В родительном падеже единственного числа существительных женского и мужского рода на *а* I-го типа склонения широко употребительны, преимущественно в пред-

¹⁾ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. 1, Л., 1927, стр. 106.

²⁾ Там же, стр. 82—85.

ложных сочетаниях, окончания: *э* (под ударением), *и*, *ь* (в безударном положении). Примеры: сид'э́ль нѣв'ѣч'ару́ у с и с т р'э́, калі́тка ука́з'э́ атп'о́ртъ (Парф.), гул'а́л ук у м'э́ (Кур.), нѣч'ава́ль ус на х'э́ (Пок.), питу́х б'ѣз' гла́в'э́ упры́гъл (Парф.), н'эмцы́ бижа́ли ат ма́ск в'э́ (Кур.), ук а́с'э́ йэс' два́ калы́ца́ (Парф.), п'ѣриго́ски уни-в'э́с'тин'ѣ́ рад'и'э́ (Наз.), ри́б'о́нък ун'аво́ атп'ѣ́р'в'ѣ́й жы́н'э́ (Дол.), с'ѣш'ни́ч'ти ус а́х'э́ бы́ли (Медв.). Значительно реже наблюдается ударяемое окончание *э* в родительном падеже единственного числа существительных I-го типа склонения, не имеющих при себе предлога. Например: до́ч' друго́й снах'э́ (Парф.), э́тъ май'э́й с и с т р'э́ ма́т' (Кур.), п'ѣ́р'в'ѣ́й й а́ в о́ жы́н'э́ па́рин' (Парф.).

В родительном падеже единственного числа существительных I склонения с ударением на основе отмечены окончания *-и*, *-ь*; эти гласные являются в результате качественной редукции гласного звука *э* в заударном положении. Примеры: ук а́ р о́ в и фхлив'э́ (Парф.), у н и́ в'э́с'ти́ касá (Кур.), ус в'о́кли батва́ (Пок.), с ма́ш'ѣ́ни пры́гнуль, займу́ уз'ѣ́ни (Сев.), ис ка́ло́мни при-йэ́х'ѣ́ли (Борд.), у ф'а́до́ри жы́ла́, спра́си у та́т'ѣ́а́ни, а́ты́стри́ н'ѣда́ло́къ, ус ка́ти́ни па́чи́с'ти́ш, жы́в'о́т уба́ушт'ь (Парф.), па́вы́шы ста́р'ѣ́с'т'ь (Пок.).

Окончание *э* в родительном падеже единственного числа существительных I-го склонения с твёрдой основой возникло, как известно, в говорах русского языка в результате влияния мягкой разновидности I-го склонения на твёрдую. Это окончание наблюдается в ряде подмосковных говоров. Так, например, В. И. Чернышев отмечал формы: адба́би, атниве́с'ти, Илье́ проро́ка, сви́не́ нёт, да-пе́тле и др. (XXI, 370), у га́спаже́, уста́рости (XXIII, 150, 157); от куме́, у сно́хэ́, у сестре́, мно́го земле́, от не́вэс'ти́, у кня́жне́, без земле́, у ста́рости; у ево́жене́, у старши́не́, у са́хэ́, у ка́сэ́, адду́ше́, с маши́ны и др. (V, 15, 20, 27, 30, 41). С. С. Высотским в говоре деревни Лека, наряду с формами родительного падежа: у сестры́, с на́ги, земли́, у ба́бы, зафиксированы формы: у жени́е́, с на́гие́, у ба́б'ь (XXIII, 56). Окончание *-е* в родительном падеже единственного числа существительных I-го типа склонения встречается как в севернорусских, так и в южнорусских диалектах (XXIV, 92; XIV, 31; II, 54, 69, 75, 133, 136, 350; XXV, 117; XXVI, 204).

Окончание *-е* (*и*, *ь*) в родительном падеже единствен-

ного числа существительных 1-го склонения устойчиво и широко употребительно в нашем говоре в современном его состоянии, однако, наряду с этим окончанием, отмечены окончания *-ы*, *-и* (как под ударением, так и безударные), соответственно в основах на твёрдый и мягкий или заднеязычный согласный, являющиеся нормой литературного языка. Примеры: принисѣ в а д ы, н'ѣдажд'осѣ с и с т р ы, н'аткѣ касы, з и м л ь н'ѣбълѣ (Парф.), п а ш н и н'ѣдълѣ (Пок.), план ф с п а ш к и парѣф (Парф.); св'асны, дл'ѣфкуснаты, з ду ш ы платѣли (Парф.), дѣвайны (Кур.), сказ'бы (Парф.), сѣавѣ стѣраны (Бодр.), дл'ѣйады, аткаровы, атпшыныцы, бизграмѣты, возли, йстры, иссаломы (Парф.), избир'ѣзы (Кур.), сн'ив'ѣсты, посль шкѣлы (Парф.).

Под влиянием норм литературного языка окончания *-ы*, *-и* получают все более широкое распространение в говоре, постепенно вытесняя диалектные окончания *-е* *-и*, *-ѣ*.

Некоторые слова мужского рода, имеющие в литературном языке безударную флексию *-ы*-, *-и*- в именительном падеже множественного числа, употребляются в нашем говоре с этой же флексией, однако, она является ударяемой. Таковы, например, слова: кѣфтаны, планы, ш'ш'аты (счеты).

Именительный падеж множественного числа существительных среднего рода характеризуется в говоре в отличие от литературного языка широким употреблением неударяемого окончания *-ы* (*и*). Это окончание в именительном падеже множественного числа среднего рода возникло в говорах русского языка морфологически: по аналогии с формами именительного падежа множественного числа существительных мужского и женского рода на *ы* (*и*). Примеры: в'ѣдры, гѣрлы, гѣвны, бр'ѣвны, гн'ѣзды, з'ѣрны, ѣкны, кал'ѣсы, с'ѣлы, балѣты, кѣл'цы, с'т'ѣкы, п'атны, в'ѣслы, капѣты, пѣс'мы, пѣлат'ѣнцы, сѣкны, акѣшки, уб'ѣжыш'ш'и, плѣтѣи. Распространению окончаний *ы*, *и* в именительном падеже множественного числа существительных среднего рода, по-видимому, способствовало исчезновению в говоре категории среднего рода и замена среднего рода мужским.

Значительно шире, чем в литературном языке, наблюдается в говоре ударяемое окончание *-а* в именительном падеже множественного числа существительных мужского

рода. Это окончание наблюдается у имен существительных мужского рода как неодушевлённых, так и одушевлённых (с твёрдой или мягкой основой) с подвижным ударением, а именно с ударением на основе в падежных формах единственного числа и на окончании — в формах множественного числа. Например: вазá, витрá, въласá, гуртá, льгир'á, атрубá, абруч'á, плугá, сáда, сракá, тръхтарá инжънирá, писар'á, шъфирá.

Ударяемое окончание *-и* употребляется также в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода с устойчивым ударением на окончании как в единственном, так и во множественном числе. Например: афсá, гр'ахá, армигá, жъгар'á, стъл'арá, ужá и др.

Ударяемая флексия *а*- в именительном падеже множественного числа возможна в говоре и в иноязычных по происхождению существительных мужского рода, проникших в говор из литературного языка. Форма именительного падежа множественного числа мужского рода на *а*, возникшая в 15-м веке под воздействием старых форм именительного падежа двойственного числа основ на *о*¹⁾, получила широкое распространение в процессе развития русского языка сравнительно поздно. Так, например, по данным П. Я. Черных, эта форма не имела ещё большого распространения в языке Москвы ни в первой половине, ни в середине 17-го века. П. Я. Черных отмечает единственный случай употребления формы именительного падежа множественного числа мужского рода на *а* — «леса» в Соборном Уложении 1649 года²⁾.

Некоторые существительные мужского рода обнаруживают колебания в употреблении флексии именительного падежа множественного числа и возможны как с флексией *ы*- (*и*-), так и с флексией *а*; вóльсы — въласá, грихí — грихá, инжын'эры — инжънирá, садý — садá, стагí — стагá, трáхтъры — тръхтарá и т. д., причём, флексия *а* в ряде случаев, являясь более широко распространённой, постепенно вытесняет флексию *ы* (*и*).

Флексия *а* в именительном падеже множественного

¹⁾ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. II, Л, 1931, стр. 6, 7, 23, 25, 53.

П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология, изд. Московского университета, 1953, стр. 108.

²⁾ П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 г.; изд. Ак. наук СССР, 1953, стр. 264.

числа спорадически наблюдается в именах существительных мужского рода на *a* 1-го типа склонения. Например: гърастá йаму пъччин'áлис (Парф.).

По аналогии с существительными мужского и среднего рода с ударяемым окончанием *a* и под влиянием последних это окончание изредка встречается в нашем говоре в именительном-винительном падеже множественного числа существительных женского рода 1-го типа склонения, которые обычно употребляются с окончанием *-ы* (*и*). Например: жълизá, н'ъклáл ничивó в гъ л а в á ¹⁾ (Парф.), йъ блáн'á зам'óрзли (при форме именит. яблоня) фскачил м'эсиц нъ г р и д á ²⁾ (песн. Парф.).

В говоре отмечены два случая употребления именительного падежа множественного числа на *a* у существительных женского рода 3-го склонения: м'ъ т п р'á, цы п'á (Парф.).

Несколько шире, чем в литературном языке, распространено в говоре окончание *-a* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода после *й*, осложняющего основу во множественном числе. Форма именительного падежа множественного числа на ударяемое *йа* (*из ь йа*) наблюдается преимущественно в словах, принадлежащих к категории одушевленных имен:

брат'йá, д'эвир'йá, зит'йá, друз'йá, дид'йá, мужйá, книз'йá, сват'йá, търъкан'йá ³⁾.

Формы именительного падежа множественного числа мужского рода на *йа* в говоре либо не отличаются от соответственных форм литературного языка (например, мужйá, друз'йá), либо отличаются от последних местом

¹⁾ Форма «в головá», «на головá» встречается в ряде русских говоров как северных, так и южных; в частности, в говорах Владимирской, Московской, Воронежской и др. областей, а также в Нижнеудинских говорах Сибири (смотри об этом у С. П. Обнорского. Именное склонение в современном русском языке, вып. II, стр. 56).

²⁾ Форма «нъгридá», по свидетельству С. П. Обнорского. (Именное склонение в современном русском языке, вып. II, стр. 56), зафиксирована в бывшем Рузском уезде Московской губернии, на территории, которого находилась и деревня Парфёнки (сравни в песне: калядá, калядá, скачил месяц на грядá), а также в бывшем Мценском уезде Орловской губернии.

³⁾ Формы таракáнья, таракан'я зафиксированы в говорах Московской, Пензенской, и Калужской областей (С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, вып. II, Л., 1931, стр. 97).

ударения (ср.: брат'йá и литер. бра́тьи), либо диалектным формам на *йа* соответствуют в литературном языке формы с флексией *ы* (*и*) (ср.: сват'йá и литер.: свáты, дид'йá и литер. д'áди).

Отметим форму именительного падежа множественного числа (пайáс'йъ». Н. Н. Дурново¹⁾ в начале 20-го века в изучаемом говоре была зафиксирована форма именительного падежа множественного числа: пайси (при именительном единственного: пояс). В настоящее время этой форме соответствует форма с суффиксом *й* и окончанием *ъ*: пайáс'йъ. По свидетельству Н. Н. Дурново²⁾, именительный падеж множественного числа мужского рода на *йа* в конце 19-го — в начале 20-го века наблюдался в тех же случаях, что и в литературном языке. Исключением являлась форма «пут'йá», неизвестная литературному языку. Мы не встретили в говоре упоминаемой Н. Н. Дурново формы «пут'йá». В процессе изменения говора на протяжении более, чем пятидесяти лет, круг слов мужского рода, оканчивающихся в именительном падеже множественного числа на *йа* несколько расширился, очевидно, под влиянием употребительных в говоре форм именительного падежа множественного числа на *а*.

Форма именительного падежа множественного числа существительных мужского рода с суффиксом *ин* в основе единственного числа оканчивается на-*ы*; этот суффикс в основе множественного числа отсутствует. Например: крис'йáны и хрис'йáны, байáры, татáры, балгáры (Парф).

Имена существительные мужского рода с суффиксом -ёнок- (-онък-) в единственном числе, обозначающие название детенышей, образуют формы множественного числа, как и в литературном языке, с помощью суффикса -ят- (-ат-); тем самым основа множественного числа отличается в этих словах от основы единственного числа. В именительном падеже множественного числа существительные с этим суффиксом имеют безударную флексию *ы*. Например:

жъриб'áты, тил'áты, цыпл'áты, пърас'áты, кат'áты, ут'áты, риб'áты (ой вы кúръски риб'áты никаво́ нибóйтись... (Частушка), внуч'áты, пръвнуч'áты.

По аналогии со словами на -ёнок- (-онък-), как спра-

¹⁾ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфёнок Рузского уезда, Московской губернии, В., 1903, стр. 135.

²⁾ Там же.

ведливо отмечал Н. Н. Дурново¹⁾), образуется и форма именительного падежа множественного числа шпитáты (от именительного единственного шпитóнък - «вспитомок» — ребенок, которого брали на воспитание в крестьянскую семью из приюта). Однако это слово вышло из широкого употребления и встречается лишь в речи старшего поколения, преимущественно в рассказах о прошлом. Аналогией со словами на ёнок (онък) вызвано появление суффикса -ят- (-ат) в существительном опёнок, имеющем в именительном падеже единственного числа суффикс-ок, (о-пен-ок). Именительный падеж множественного числа — ап'áты.

Формы множественного числа с суффиксами -ят- (-ат) образует в нашем говоре также неодушевленное существительное «бочонок». Именительный падеж множественного числа — бач'áты.

Архаическое нулевое окончание родительного падежа множественного числа мужского рода зафиксировано в говоре в существительном «зуб»: зу п н'эту сафс'эм уми н'á. Эта архаическая форма, как указывает С. П. Обнорский²⁾ распространена на территории нынешних Ленинградской, Псковской, Тамбовской, Смоленской, Московской (бывший Рузский уезд), Калужской, Рязанской, Курской, Воронежской, Великолукской, Тульской и Кировской областей, то есть распространена почти повсеместно как в севернорусских, так и в южнорусских народных говорах. В речи молодого поколения употребляется современная литературная форма «зубо́ф».

С нулевым окончанием и твердым согласным основы в родительном падеже множественного числа последовательно употребляется в речи старшего поколения носителей говора слово «день», принадлежавшее исторически к типу склонения с основой на согласный. Например: п'ат' д'он прашло́ (Парф.), вы́лижътъ д'эсит' д'он (Кур.). Сравни в наречной форме: с п ал д'о́н н'ылива́иш кру́шку (Парф.). В речи молодёжи употребительна литературная форма «дней».

Под влиянием существительных женского рода III-го склонения с основой на мягкий согласный в родительном падеже множественного числа существительных I-го

¹⁾ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфёнок, стр. 136.

²⁾ С. П. Обнорский. Именное склонение..., вып. II, стр. 155.

склонения «свадьба» (основа на твёрдый согласный), «ро-ща» (основа на мягкий шипящий) наблюдается оконча-ние эй: умыфти даро́жы фс'эх с в а д' б' э й бы́ли (Парф.), ско́л'кь с в а д' б'э́й быва́ль (Медв.), н з р а ш' ш' э́й драва́ ва́зйли (Сав.).

Наиболее широко распространенным окончанием роди-тельного падежа множественного числа существительных является в говоре окончание *-ов* (в положении после мягких согласных *-ев-*). Окончание *-ов* (*-ев*) может быть как ударяемым, так и безударным; в безударном поло-жении это окончание выступает в виде *-ѳф*, *-иф*, *-ьф*, в за-висимости от твердости или мягкости конечного согласо-го основы.

Окончание *-ов* (*-ев*) в родительном падеже множест-венного числа в говоре распространено значительно ши-ре, чем в литературном языке. Это окончание характер-но для слов мужского рода (в словах мужского рода оно является наиболее широко употребительным по сравне-нию с флексией *ей-* и с нулем флексии), но встречается и в словах среднего и женского рода.

Флексия *ов-* наблюдается в изучаемом говоре и у тех существительных мужского рода с твёрдой основой, кото-рые в литературном языке имеют в родительном падеже множественного числа нулевое окончание. Например: аршы́н'ѳ, пѣмидо́р'ѳ, сѣпаго́ф, шэс' разо́ф, ч'улко́ф. Без-ударное окончание *-ьф-*, *-иф* отмечено в родительном па-деже множественного числа существительных мужского рода с основой на мягкие сонорные согласные *р*, *л*, *н*; а также отчасти на согласный *д*. Например: радѣтил'ѳ, ко-зыр'ѳ, пѣпичѣтил'ѳ, жы́тил'ѳ, библинат'экър'ѳ, ло́дыр'ѳ, мидв'эди́ф, у́глиф, про́лижни'ѳ, то́пъл'ѳ, сас'эди́ф и т. п. Приведённые нами случаи употребления флексии *ов-* в родительном падеже множественного числа существи-тельных мужского рода с мягкой основой позволяют счита-ть устаревшим утверждение С. П. Обнорского, осно-ванное на данных Н. Н. Дурново, что в Рузском уезде ¹⁾ «из форм на *ов* отмечается единичная форма рублёв, но и она чередуется с нормальной формой рублей» ²⁾.

Имена существительные мужского рода, образующие в говоре именительный падеж множественного числа с

¹⁾ Деревня Парфёнки по старому административному делению принадлежала к Рузскому уезду.

²⁾ С. П. Обнорский. Именное склонение..., вып. II, стр. 231.

помощью суффикса *-й-* и флексии *а-*, имеют в родительном падеже множественного числа окончания *-оф*, *-ьф*. Например:

мужйѳ, сынѳв'йѳ, брат'йѳ, зит'йѳ, бѳран'йѳ, бѳракѳн'йѳ, блѳкнѳг'йѳ.

Окончание *-ов*, *-ев*, (*-оф*, *ѳф*, *-ьф*, *-иф*) в родительном падеже множественного числа отмечены в говоре в отличие от литературного языка также у существительных среднего и женского рода. Примеры: дилѳф, м'астѳф, избривнѳф, кал'цѳф, балѳтѳф, в'ѳдрѳф, п'ѳрышкѳф, с'ѳмич'кѳф, пѳлат'ѳнцѳф, им'ѳн'йѳф, рѳз'дил'ѳн'йѳф; минѳф, машынѳф, нив'ѳстѳф, мѳлатилкѳф, адгрѳзѳф, в'ѳрбѳф, надрѳжын'кѳф, см'ѳнѳф, жѳйт'ницѳф, грѳшѳф, тѳш'ш'иф, кампѳн'йѳф; рыс'ѳф, бал'ѳз'ниф.

Ряд имен существительных обнаруживает в говоре колебание в образовании формы родительного падежа множественного числа: наблюдаются параллельные формы как с нулевым окончанием, так и с окончанием *-ов*. Например: призывѳли салдѳт, мѳждѳ ридѳф салдѳтѳшла (Пок.) крис'йѳн притис'н'ѳли, укрис'йѳнѳлук атн'ѳл бѳр'ин; бѳн' внѳгѳ вн'ѳктѳрых мѳстѳх; унас срѳду бѳниф н'ѳбѳль (Парф.) кѳтаржѳнѳф н'ѳбѳль, кѳтаржѳн гнѳли (Кур.).

Изучая говор деревни Парфѳнки, Н. Н. Дурново¹⁾ отмечал, что в конце 19-го — в начале 20-го века родительный падеж множественного числа существительных женского и среднего рода обычно не имел окончания и что флексия *ов-* (*ев-*) встречалась лишь в некоторых словах. Современное состояние говора свидетельствует о значительном распространении форм родительного падежа множественного числа на *ов* (*ев*) не только в словах мужского, но и женского и среднего рода.

Некоторые имена существительные женского рода III-го типа склонения (например: дочь, грудь, лошадѳ) обнаруживают колебания в образовании формы творительного падежа множественного числа: параллельно со старыми формами на *ми* после мягких согласных (окончанием творительного падежа множественного числа основ на *и*) употребляется окончание *-ами*, являвшееся исторически принадлежностью основ на *а*. Ср.: жив'ѳт

¹⁾ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфѳнок... стр. 143.

здѣчир'мѣи, йѣз'дилъ здѣчир'амѣи; груд'мѣи кар'мѣль, свайѣми груд'амѣи кар'мѣль, мѣлатѣли лѣшыд'мѣи, зѣлѣшыд'амѣи ухажѣвѣтъ (Парф.). Старое окончание творительного падежа множественного числа основ на *и* — *ьми* представлено также в существительных «дети», «люди», хотя наиболее употребительным является окончание *ами*: здѣит'мѣи живѣотъ, дѣит'амѣи давол'нѣи сѣит'ими луд'мѣи слуд'амѣи пѣгѣварѣль (Парф.).

В нашем говоре наблюдается сохранение архаических форм дательного и предложного падежей множественного числа с окончаниями и соответственно *-ом* (*ѣм*), *ох* (*-ѣх*) существительного «лошадь», принадлежавшего исконно к склонению основ на *и*, а также существительного «сани», не имеющего формы единственного числа. Например: клѣшыд'омъ пашлѣ (Парф.), лѣшыд'омъ искармѣшѣи нѣстѣли давѣтъ (Кур.), нѣлѣшыд'охъ вмаску йѣз'дили (Парф.), йѣдутъ надвѣхъ трѣохъ лѣшыд'охъ (Пок.), ксан'омъ пѣдбижалѣи (Парф.), на сан'охъ мѣжнѣ пѣйѣхѣтъ (Медв.).

Зафиксирована также форма дательного падежа множественного числа «дѣт'омъ»: дѣт'омъ нѣдытъ пѣйѣс (Парф.).

Старые формы дательного падежа множественного числа на *ом* и предложного падежа множественного числа на *ох* употребляются параллельно с литературными формами на *ам*, *ах* в территориально-близких к изучаемому говору волоколамских говорах (VII, 555).

С. П. Обнорский¹⁾ считает формы дательного и предложного падежей множественного числа соответственно на *ом*, *ох* типично южновеликорусскими. Эти формы возникли фонетически. В древнерусском языке в дательном и предложном падежах множественного числа существительных со старой основой на *и* наблюдались соответственно флексии *ьм-* *ьх-* с сильным редуцированным гласным, который в процессе двойного изменения редуцированных изменился в *е*. Гласный *э* под ударением перед твердым согласным закономерно изменился в *о*.

Отмеченные в говоре старшего поколения формы: «лѣшыд'омъ», «лѣшыд'охъ», «сан'омъ», «нѣсан'охъ» употребляются, наряду с литературными формами «лѣшыд'амѣи»,

¹⁾ С. П. Обнорский. Именное склонение..., вып. II, стр. 306—307.

«лышyd'áx», «сан'ám», «сан'áx», причем последние распространены значительно шире и постепенно вытесняют диалектные формы на ом, ох. Ср.: касыл'ышным лышы-д'ám ав'ос выпис'ын (Парф.), н'ъ л'ъ шы д'á х барн'уйут (Медв.), н'ъ сан'áx й'эз'д'ут (Парф.).

Отличия от литературного языка в области местоимения заключаются, прежде всего, в количественном составе некоторых разрядов местоимений. Так, например, наряду с притяжательными местоимениями — мой, твой, свой, наш, ваш, в говоре употребляется местоимение — йхн'ый, обозначающее принадлежность 3-му лицу множественного числа; в говоре не употребляются отдельные местоимения, представленные в литературном языке: относительное местоимение — каковой; указательные местоимения — таковой, — сей, — он'ый; неопределённые местоимения — некто, — нечто, — некий; определительные местоимения — всяк, всяческий.

Специфически диалектные черты, отличающие говор от литературного языка, наблюдаются также в морфологическом оформлении ряда падежных форм местоимений.

В говоре отмечено употребление форм косвенных падежей личных местоимений 3-го лица единственного числа в сочетаниях с предлогами как с начальным -н-, так и без него. Преобладают, однако, формы без начального — н. Примеры: т'омн'ъ вызб'э а т'ы й'ó, вир'óфти в'й'ут из н'и й'ó (Парф.); л'убавáлис н'ъ и й'ó, з'ъ н'и й'ó работ'ъл двá д'н'а (Парф.); й'эз'дит к'й'э й', прихад'ыл к'н'э й' радн'ой ат'эн (Парф.); с'ыти мы с'й'э й' (Парф.), з'а н'э й' з'ъ кри п'л'ó н'ъ (Парф.); а б'й'э й' саск'учил'с, а б'н'э й' плáк'ыли (Парф.); у н'á во гус'э й' паслá (Бодр.), скáндáлу б'ыл'ь мнóг'ъ изз'ыйав'ó (Парф.); н'ъ й'ав'ó блáнк'ъ выпис'ын'ъ (Парф.); з'ын'ав'ó нишла зáмуш (Кур.); кл'ьвирá п'ъ й'а м'у с'эим, увизл'и к'н'а м'у (Парф.).

В предложном падеже единственного числа личного местоимения 3-го лица мужского и среднего рода, наряду с формой с начальным согласным — н (н'ом), широко употребляется в говоре форма с начальным й (йом). Примеры: ўг'ыл' згáрайт в н'ом, а б'н'óm спрáшыв'ыл'ь (Парф.), Ср. жыру в й'óm бóл'шы, вгóр'ьди в й'óm хóдит' (Парф.), сид'ит нá й'óm выплáчит (Бодр.). Начальный согласный — й — в этой форме возник под влиянием форм родительного, винительного и дательного падежей един-

ственного числа, имеющих начальный —*й*—как в беспредложных, так и в предложных сочетаниях.

Форма творительного падежа единственного числа личного местоимения 3-го лица мужского и среднего рода идентична форме предложного падежа. Например: рѣзгавáривѣт сн'ом (Парф.), хлѣш'ш'ут йом (Кур.). Ср. плáчит абй'ом, ап'ом фс'о думѣит (Парф.). Н. Н. Дурново¹⁾ отмечал, что в личном местоимении 3-го лица мужского и среднего рода форма предложного падежа единственного числа употребляется вместо формы творительного падежа «в зависимости от предлогов», т. е. по-видимому, лишь в сочетаниях с предлогами. В настоящее время форма творительного падежа личного местоимения 3-го лица единственного числа мужского и среднего рода как с предлогами, так и без предлогов совпадает с формой предложного падежа; причём в сочетаниях с предлогами обычно употребляется форма творительного падежа, тождественная форме предложного падежа с начальным —*н*— (н'ом), значительно реже — форма с начальным —*й*— (йом); в беспредложных сочетаниях употребляется лишь форма с начальным —*й*—. Примеры: рѣзгавáривѣт' антр'ѣснѣ сн'ом, рѣзв'алáсь сн'ом (Парф.), зан'ом приѣхъли (Парф.) систрá зан'ом зáмужѣм (Кур.); грыз'ощъ сй'ом (Парф.), рѣз'дили́лись сй'ом (Наз.), д'ѣн'ги абм'ѣнивъли приѣом (Кур.); пѣрас'онкѣ й'ом кар'мл'ѣ, памажым рѣки й'ом, гольву вымѣжи йом (Парф.).

Формы «ном», «йом» широко употребительны и устойчивы в говоре, что объясняется, по-видимому, влиянием творительного падежа единственного числа мужского — среднего рода существительных с окончанием -ом: селом, окном. В речи молодого поколения наблюдаются и формы творительного падежа — ним, йим, отличающиеся от формы предложного падежа. Например: н'ѣвил'át с ним вадѣщъ (Парф.), сматр'ѣт' бѣду зан'й'ом (Кур.), д'ѣфкѣ сй'й'ом н'ѣпѣклáнильсь (Парф.) Благодаря все более усиливающемуся воздействию на говор литературного языка, именно эти формы получают заметное распространение, однако преобладающими в настоящее время остаются ещё диалектные формы.

¹⁾ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфёнок... стр. 149.

Диалектную форму творительного падежа единственного числа, идентичную форме предложного падежа, имеют в говоре также вопросительно-относительные местоимения — кто (хто), — что (што), а также производные от них местоимения. Примеры: *ском пьгъварѣли?*, *ском ты нагѣниш?* *скáжъш ском живѣт* (Парф.), *мѣжит ском нѣкажѣ* (Наз.), *пашлѣт ском ни бут* (Парф.), *пáдрáлсь ском ли бѣ* (Кур.), *прислáли скомъ* (Парф.), *н'э ском гул'áт'тъ д'эфкъм*, *н'эзакѣм д'эль н'стáнит* (Парф.), *н'эзкъм хадѣт'тъ* (Наз.), *ч'уит ч'ом пáхнит*, *бѣлѣбѣ ч'ом тапѣт* (Парф.), *ч'ом запѣт' кáпли?* (Кур.), *н'ѣдавѣлнѣ ч'ѣмтъ*, *удáрил ч'ѣм ни бут?*, *н'эзач'ѣм нистáн'ѣт д'эль* (Парф.).

Форму — ч'ом имеет в говоре и сравнительный союз «чем». Примеры: *сабáкъ хужѣй ч'ом кѣшкъ*, *жѣру бѣлшы вѣѣм ч'ом фкарѣвѣим*, *этъ л'энтъч'къ красѣфшы ч'ом энтъ* (Парф.). В речи молодого поколения, наряду с диалектными формами *ком*, — ч'ом, употребляются литературные формы — *кем*, *чем*: *к'эм рабѣтъл низнáйу*, *ск'эм гул'áлѣ нивѣдили*, *ч'эм бит' низнáйу* (Парф.), *плѣхъ б'ѣскафшá пѣчир'пнѣт' ч'эм* (Вас.).

В единичных случаях форма творительного падежа единственного числа, тождественная форме предложного падежа, отмечена в определительном местоимении мужского и среднего рода (весь, все). Примеры: *рѣсквитáлсь сáфсѣм*, *зѣбыкá касѣли фсѣм ѡпчѣствѣм* (Парф.).

В говоре спорадически наблюдается также влияние творительного падежа на предложный в личных местоимениях 3-го лица мужского — среднего рода, а также в вопросительно-относительных местоимениях, как и в полных прилагательных. Например: *тѣлку внѣм мáлѣ* (Медв.), *лубл'у рубáшки б'элыи нак'эм* (Парф.) ¹⁾.

Именительный падеж множественного числа личных местоимений 3-го лица представлен, независимо от родовой принадлежности, формой — *ане*, возникшей под влиянием формы именительного падежа множественного числа указательного местоимения — *те*. Примеры: *ан'э трѣхтарѣсты*, *ан'э б'эгѣйут бѣлѣвники*, *ан'э атпѣли нарѣшнѣ*, *ан'э крѣглѣй гѣт и рабѣтъйут* (Парф.). Форма именительного падежа множественного числа — *ане* отме-

¹⁾ Н. Н. Дурново указывал на формы «на ком», «ап ком» как на единственно возможные в говоре. (Описание говора деревни Парфёнок... стр. 150).

цена в территориально-близких к описываемому говору волоколамских говорах (VII, 564). Форма — *ани*, соответствующая литературной, встречается в речи молодого поколения.

Формы косвенных падежей множественного числа личных местоимений 3-го лица в сочетании с предлогами употребляются в говоре как с начальным согласным — *н*, так и без этого согласного. Например: *мнѡгъ ч'ѣс'ти дл'а их* (Парф.), *дл'анѣх старайсѣ* (Кур.), *к им приѣхъл*, *к ним пѣдбивъл*, *з а н их п'ѣр'ѣживъл* *у фс'ѡ*, *з их пѣлу-ч'ѣлъ* (Парф.), *абѣх плѣчу фс'ѡ* (Кур.), *зобѣтилсѣ абнѣх* (Парф.).

В родительном и дательном падежах единственного числа мужского и среднего рода личные притяжательные местоимения — *мой*, *твой*, а также возвратное притяжательное местоимение — *свой* употребляются преимущественно в стяженной форме — *мавѡ*, *твавѡ*, *свавѡ*, *мамѡ*, *твамѡ*, *свамѡ*. Возникновение этих форм является результатом фонетических изменений, а именно утраты интервокального йота, последующей ассимиляции гласного — *е* предшествующему — *о* и стяжения гласных.

Примеры: *н'ѣт мавѡ спѣсу* (Парф.), *у мавѡ св'ѡкѣръ былѣ лѡшыт'* (Сав.), *твавѡ рукад'ѣл'ѣх скѣтир'т'* (Парф.), *и ствавѡ мѣтир'ѣалу* (Пок.), *у свавѡ мѡжѣ живѡт*, *мы свавѡ н'ѣнасили* (Парф.);

мавѡ пѣрнѣ видѣлъ, *б'ѣригѣ сынѣ мавѡ* (Парф.), *видѣлъ твавѡ мужукѣ* (Кур.), *твавѡ сирѡшку пат'ѣгѣвли*, *пѣкажѣкѣ свавѡ т'ѣс'тѣ*, *жылѣл свавѡ рибѡнкѣ* (Парф.);

ма мѡ сыну свѣтли, *пѣтвамѡ ѡдрису ѣтѣ съѣбра-жѣн'ѣх*, *тва мѡ мѡжу дом пѣставили* (Парф.); *прихѣди к свамѡ приѣтилѡ* (Кур.), *нѣдѣ свамѡ пѣрасѡнку давѣт'* (Парф.). Это явление довольно широко известно говорам северо-западного Подмосковья, в частности, говорам Лотошинского (XXVI, 187) и Волоколамского (VII, 564) районов Московской области.

Стяженные формы притяжательных местоимений возникли в говорах западного Подмосковья, по-видимому, сравнительно поздно. По свидетельству В. В. Иванова¹⁾, это явление не нашло никакого отражения в волоколам-

¹⁾ В. В. Иванов. Из истории говоров северо-западного Подмосковья (Волоколамские говоры). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 1953, стр. 564.

ских грамотах 15—18 веков. Стяженные формы притяжательных местоимений устойчивы в говоре. Значительно реже и преимущественно в речи молодого поколения наблюдаются соответственные литературные формы, почти не употреблявшиеся, по данным Н. Н. Дурново¹⁾ в говоре в конце 19-го, в начале 20-го века. Например: твѣй и вѣо рибѣонкѣ учили (Парф.), брѣтъ мѣй и вѣо вдава (Вас.), свѣй и вѣо тканѣя, (Парф.), мѣй и мѣу сыну выдѣли (Кур.), твѣй и мѣу хѣчѣищѣ йѣхѣтъ (Парф.).

Притяжательные местоимения — мой, моё, твой, твоё, свой, своё, вопросительно-относительное местоимение — чей, чье числительное — один, одно, употребляющееся также в значении неопределенного местоимения или частицы — только, имеют гласный — е в окончании творительного падежа единственного числа, появившийся под влиянием формы творительного падежа единственного числа указательного местоимения — тот, то и определительного местоимения — весь, все.

Примеры: с ма йѣм вѣфкѣй аднагѣтки, асталис зѣ ма йѣм дварѣм фѣоли (Кур.); ства йѣм ацѣом сѣтирѣок (Парф.); нѣсва йѣм гѣльсѣм кричѣтъ (Кур.), сѣсва йѣм хазѣйствѣм запѣтъльс (Паз.); за чѣ йѣм агарѣдѣм (Парф.), чѣйѣм нѣжыкѣм рѣзъл? (Кур.), рѣзнакѣмилсѣ с ад нѣм чѣлавѣкѣм (Парф.).

Форма предложного падежа единственного числа притяжательных местоимений — мой, мое, — твой, твоё, свой, своё, вопросительно-относительного местоимения — чей, чье и числительного — один, одно совпадает в говоре с формой творительного падежа. Примеры: дѣръгѣ при ма йѣм кармѣни (Парф.), фѣтва йѣм рѣспѣрижѣнѣйи чѣас (Кур.), нѣсва йѣм агарѣди (Парф.), начѣйѣм учѣаски рабѣтъль? (Кур.), аб чѣ йѣм пастѣупки гѣварѣиш?, нѣад нѣм планѣу бѣдим жытъ (Парф.).

Формы творительного-предложного падежей единственного числа мужского и среднего рода «майѣм», «твайѣм», «свайѣм» встречаются во многих подмосковных говорах, о чем свидетельствуют, например, архивные материалы Диалектологического сектора Института языкознания Академии Наук СССР: зѣмойѣм огорѣдѣм, в мойѣм дѣоми — деревня Марѣино — Корытцево Загорского рай-

¹⁾ Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфѣнок..., стр. 151.

она; нъсваём, фсваём доми; наряду с формами: нъсвайм, вмайм доми, фтвайом, съсвайм, смайм — село Матренино Волоколамского района; зьмойём, твойём, свойём — село Богородское — Лапино Константиновского района.

Именительный падеж множественного числа притяжательных местоимений — мой, твой, свой, вопросительно-относительных местоимений — чей, какой, а также числительного — один, употребляющегося часто либо в значении неопределенного местоимения — кто-то, — некий, либо в значении частицы — только, имеет окончание *е* по аналогии с формами местоимений — те, все.

Примеры: с в а й э рабóт'ники были, с в а й э сажгли на́шу дир'эвн'у (Парф.), м а й э д'эфти уч'уцъ (Кур.), м а й э хл'эбы нъсп'эйут, т в а й э гла́з а н'исмо́тр'ут (Парф.), т в а й э в Маскв'у уй'эхъли (Парф.), ч'й э вы бу́дитъ (Кур.), бы́ли ч'й э стър'ста низна́йу (Сав.), к а т'эйъ э тъ вир'об'фти (Дол.), пана́шиму уч'аску п'га-во́рка а д' н' э, а д' н' э шко́л'ники были (Парф.).

В косвенных падежах множественного числа эти местоимения имеют в окончаниях гласный — *е*, появившийся под влиянием форм косвенных падежей множественного числа местоимений — тот, весь. Примеры: а т с в а й э х слоф н'ятк'азъвь'ус, аста́ницъ у м а й э х ра́д'ити́л'ый (Кур.), зна́йу т в а й э х (Парф.);

м а й э м сл'азам канца́ н'эт (Парф.), т в а й э м диг'ам а́ца́ на́дъ (Кур.), к а д' н' э м надво́р валко́ф мно́гъ за-бра́лис (Медв.); с т в а й э м н дит'м'и дом с'тир'эч' (Сав.), ч'йэмижъ им'эн'йими р'сп'рижа́лс'ь?, с а д' н' э м н стро́йк'ьми аб'рва́ли'сь (Парф.);

фс'о в м а й э х рука́х, пр'ъ т в а й э х плахо́въ н'ьскаж'у (Парф.), нъс в а й э х лыш'ыд'ах изво́з'нич'ьл (Паз.), нъа д' н' э х рука́х фс'о хаза́йствъ (Парф.).

Вопросительно-относительное местоимение — какой может иметь в именительном, винительном падеже множественного числа стяженную форму — какэ: ч'й э вы бу́дитъ к а к' э? (Парф.).

Формы типа мое, твоё, своё были, по свидетельству П. Я. Черных¹⁾, известны московскому приказному языку 17-го века, однако встречались редко даже в памятниках 20-х и 30-х годов.

¹⁾ П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года, изд. Ак. Наук, 1953, стр. 107.

Формы типа — «мое» широко распространены в современных подмосковных говорах. По данным архивных материалов Диалектологического сектора Института языкознания Академии Наук СССР, эти диалектные формы зафиксированы в ряде местных говоров Московской области.

В соответствии с литературной формой родительного надежа множественного числа личного местоимения 3-его лица (их), употребляемой в значении притяжательного местоимения, в говоре представлено притяжательное местоимение *ихнѣй* (мужской род), *ихнѣйъ* (женск. род), *ихнѣйь* (ср. род), склоняемое по типу имен прилагательных: *и х н ѣ й п а р и н ' р а з б ѣ л , н и й ѣ х н ы ѣ ѣ д ѣ в ѣ ч ' к ѣ* (Парф.).

Указательное местоимение — «этот», «эта», «это» характеризуется наличием вставочных согласных *ф*, *с*, *н*. Это явление было известно нашему говору уже в начале девятисотых годов Н. Н. Дурново¹⁾ указывал, что в говоре наблюдается повторение предлогов — *в*, *с*. Например: *ф трахтіри ни была, была дѣ ни в ефтим, гуляда дѣ ни с естим*. Н. Н. Дурново отмечал, что в говоре возможно также повторение свистящего согласного предлогов — *из*, *из-за*: *из естих* ²⁾. Н. Н. Дурново была зафиксирована и форма — *ентот* с вставочным — *н*, однако он рассматривал последнюю как сложное слово, образовавшееся путем сложения — *зна + тот* и содержащее указание на отделенный предмет³⁾. Вставочный согласный в указательном местоимении — «этот» представляет собой этимологически, по мнению А. И. Соболевского⁴⁾, повторение предлога после — *э*: *в э в том, с э с тем* и т. п. На соответствие вставочных согласных в местоимении — «этот» предлогам указывали В. И. Чернышев⁵⁾, В. Мансикка⁶⁾.

Однако зависимость местоименных форм — «этот» и ир. от предлога наблюдается, замечает П. Я. Черных⁷⁾,

¹⁾ Н. Н. Дурново. Описание ..., стр. 151.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же, стр. 152.

⁴⁾ А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, изд. 4, М., 1907, стр. 151.

⁵⁾ В. И. Чернышев. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского у. Сб. Изв. ОРЯС, т. 75, 1904, стр. 42.

⁶⁾ В. Мансикка. Заметки о говоре Никольского уезда Вологодской губернии. Изв. ОРЯС, т. XIX, кн. 4, 1914.

⁷⁾ П. Я. Черных. Местоименные формы «эвтот», «энтот» и т. п., Доклады и сообщения филологического факультета, вып. 8, изд. Московского университета, М., 1949, стр. 56.

лишь в тех говорах, которые знают употребление более, чем одного из обычных вставочных согласных. П. Я Черных¹⁾ высказывает, по-видимому, верное предположение, что появление вставочных согласных в указательном местоимении — «этот» было вызвано двояким употреблением в русском языке в прошлом местоименной частицы — э с далее следовавшим указательным местоимением — тот. Местоименная частица — э могла быть отделена от местоимения предлогами: э в том, э к тому, э с тем и т. п... «Но, по всей видимости, — замечает П. Я. Черных²⁾, — такое употребление словечка — э перед предлогами (э в том и т. п.) не являлось обязательным. Можно было сказать и: в этом, к этому, с этим (этим) и т. д. Таким образом, в старину существовало два способа, два приема употребления словечка — э с далее следующим местоимением «тот» или другими. Вследствие смешения этих двух способов, двух приемов вскоре стали возможны и сочетания: в э в том, к э к тому, с э с тем (тим) и т. д.» С течением времени стало возможно употребление указательных местоимений со вставочными согласными без всякого предлога или с предлогами, не тождественными вставочному согласному³⁾. В обследованном говоре в современном его состоянии количественно преобладают формы указательного местоимения с вставочным — н, формы, по свидетельству П. Я. Черных⁴⁾, южнорусские. Вставочный — н в указательном местоимении наблюдается независимо от отсутствия или наличия предлога, а также независимо от того, какой именно предлог употребляется с местоимением. Вставочный согласный — н в указательном местоимении возможен как при сочетании последнего с предлогом — «на», так и с предлогами — в — с, — из, к и т. д. Например: э н т' т в' адрó угапл' алсь, э н т' м у 'врач' у г' вар' иль; наэ н' тим планту́, л' ункъ на э н т' й рабóт'ь давно́, в э н' тим д' эли п' ынима́нт, с э н' т' им бра́т' ьм за э н' т' им и дама́ми, к э н т' м у до́му иди́ (Парф.).

В указательном местоимении с вставочным — н на-

1) П. Я. Черных. Местоименные формы «эвот», «энтот» и т. п. Доклады и сообщения филологического факультета, вып. 8, изд. Московского университета, М., 1949, стр. 56.

2) Там же.

3) См. об этом А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, изд. 4, М., 1907, стр. 151.

4) П. Я. Черных, там же, стр. 54.

гласный — э может произноситься с йотацией: *йэнтът, йэн'ти* и пр.

Вставочный согласный *ф* наблюдается в указательном местоимении лишь тогда, когда местоимение сочетается с предлогом — *в*: *в эфтът*, а вставочный — *с* — когда местоимение — «этот» употребляется после предлога — *с*: *в эфтъ вр'эмъ, в эфтъм л'асу, с эс'т'и х пор нийэл, с эстът дóm б́удит* (Парф.). Ср., однако: *вэнтъм дóми жи́ут, с э н'т'и х пор аста́льсь адна́* (Парф.).

В единичных случаях возможно употребление вставочного согласного — *с* в указательном местоимении при сочетании местоимения с предлогом — «по»: *па́с'тих пор вгриз'и́* (Парф.).

П. Я. Черных предполагает, что указательное местоимение — *этот* со вставочными согласными — *н*, — *с*, — *в* (или — *ф*), — *к* (или — *х*), возможно «было не совсем чуждо разговорной московской речи середины XVII в.¹⁾».

Вставочные согласные в указательном местоимении (особенно при наличии предлога перед местоимением) отмечены во многих подмосковных говорах: *энта, эфат* — в б. Московском уезде (IV, 19); *эфто, энтот, энтово, сэстим, об эфтом, к эхтому, на этим мести* — в б. Бронницком уезде (XXVII, 363, 364); *к эхтому, энтат, энти* — в б. Егорьевском уезде (III, 210, 216).

Наряду с формами указательного местоимения со вставочными согласными — *н*, — *в*, — *с*, в говоре наблюдаются и литературные формы: *этот, эта, это, эти*, не имеющие вставочных согласных независимо от наличия или отсутствия предлогов. Примеры: *э тът пасат, в э тът й тъ ру-ба́шти, на э тим пасáди, к э тъм у ид'от* (Парф.).

Литературные формы получают в говоре все более широкое распространение и постепенно вытесняют диалектные формы указательных местоимений, однако последние в настоящее время еще заметно преобладают.

Формы творительного и предложного падежей единственного числа мужского и среднего рода указательных и определительных местоимений, а также вопросительно-относительных местоимений: *какой, который, кое-какой* совпадают в форме творительного. Примеры: *на т'эм крайú дир'эвни, в э н'т'им даму́ жив'от, ва фс'эм сил'э са́-*

¹⁾ П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. Изд. Ак. Наук СССР, М., 1953, стр. 94.

мыйъ старыйъ, нѣ как ѣмъ по́ли па́шутъ? фка́то́рымъ га́ду а́н'э уйѣхъли? фка́кѣмъ го́рьдъ рабо́тѣи? (Парф.). Ср. в речи молодого поколения: на́то́мъ б'ѣри́гу аста́лѣс, на́ѣтѣмъ па́сту да́вно, нѣ ка́ко́мъ тѣ сабра́н'ѣи (Парф.).

Указательное местоимение женского рода — та, определительные местоимения — вся, — сама (при именах существительных женского рода одушевленных), числительное — одна, употребляющееся и в значении неопределённого местоимения, имеют в винительном падеже единственного числа, соответственно формы: та́йо, фсѣ́йо, съма́йо, адна́йо, тождественные формам родительного падежа. Примеры: стр'ѣну́ль та́йо ба́бу, та́йо спра́фку пѣти́р'а́ль, фс'ѣ́йо ди́р'ѣвн'у са́жгли, ми́н'а́ съма́йо вы́учили, сва́тъл адна́йо н'ѣв'ѣсту (Парф.), вы́пусти́ли ѣнту а́фцѣ́ адна́йо (Наз.). В говоре встречаются также литературные формы: ту, фс'ѣ́у, са́мѣ́у, аднѣ́у. Примеры: зна́йѣу ту да́ро́гу, ту с'а́стру́ жы́л'ѣли, фс'ѣ́у ди́р'ѣвн'у са́жгли, спра́шывѣ́л са́мѣ́у ха́з'а́йку, на́дѣ аднѣ́у аста́вл'а́т' (Парф.).

Наряду с отмеченными выше формами винительного падежа единственного числа определительного местоимения — вся: фсѣ́йо, фс'ѣ́у, в обследованном говоре наблюдается форма фсѣ́йѣ́у, возникшая в результате контаминации форм: фсѣ́йо и фс'ѣ́у. Примеры: абабра́ли фсѣ́йѣ́у ка́бы н'ѣпли́м'а́н'н'ѣк, фсѣ́йѣ́у но́ч'ку нѣспа́мшы, фсѣ́йѣ́у изби́л (Парф.).

В говоре наблюдается также форма родительного падежа множественного числа вопросительно-относительного местоимения — кой в сочетании с предлогом — до: да́к'ѣ́х. Примеры: да́к'ѣ́х по́р бу́ду му́чища? да́к'ѣ́х по́р карто́шку са́жа́ль, да́к'ѣ́х по́р н'ѣпри́га'н'а́ль (Парф.).

Эта форма, несомненно, возникла под влиянием формы родительного падежа множественного числа указательного местоимения — те́х. Спорадически встречается в говоре также форма — ке́их, являющаяся результатом контаминации диалектной формы родительного падежа множественного числа — к'ѣ́х с литературной формой — ко́их.

Примеры: низна́йѣу да́к'ѣ́и х по́р бу́ду удо́чири, да́к'ѣ́и х по́р пла́кѣ́ль. (Парф.).

В соответствии с литературной формой определительного местоимения — ка́ждѣ́й в говоре представлена диалектная форма — ка́жнѣ́й (ка́жнѣ́й), восходящая, по сви-

детельству А. Преображенского¹⁾), к форме кажьдъный (с суффиксом ѣнь), в которой выпал согласный — Ѣ.

Изучаемый говор, как мы пытались показать, характеризуется сравнительно с литературно обработанной формой общенародного национального языка некоторыми специфическими особенностями в области существительного и местоимения. Эти особенности существенны, но они занимают сравнительно небольшое место среди элементов, общих у говора с общенародным языком.

В области морфологии в говоре наблюдаются различные типы взаимовлияний и взаимодействий. Таково, например, воздействие существительных среднего рода 2-го типа склонения на существительные среднего рода на «мя» (с древними основами на «ен»), влияние существительных женского рода первого типа склонения на существительные третьего склонения, влияние формы предложного падежа единственного числа личного местоимения третьего лица мужского рода на творительный падеж и под.

Изменения, происшедшие в говоре в области существительного и местоимения за пятьдесят с лишним лет (со времени обследования говора Н. Н. Дурново), вызваны воздействием на говор литературного языка, сближением говора с литературным языком.

Диалектные особенности в области существительного и местоимения устойчивы, тем не менее многие из них постепенно утрачиваются говором под интенсивным влиянием литературного языка. Так, например, под воздействием грамматических норм литературного языка в говоре постепенно утверждается грамматическая категория среднего рода; все более широкое распространение получают литературные формы родительного падежа «дня», «дней» вместо диалектных «дни», «дён»; распространяются как ударяемые, так и безударные флексии *ы-*, *и-* в родительном падеже единственного числа существительных женского рода 1-го склонения, постепенно вытесняя диалектные флексии *е-*, *и-*, *ь-*; утверждаются литературные формы творительного падежа единственного числа вопросительно-относительного местоимения — кем, — чем вместо старых, ком, чом и под.

¹⁾ А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, М., 1910, стр. 281.

ЛИТЕРАТУРА

- I. С. П. Обнорский. Переход ево в современном русском языке, сб. А. А. Шахматов, 1947.
- II. Е. Ф. Будде. К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народных говоров в Касимовском уезде, Рязанской губернии. Казань, 1896.
- III. А. А. Шахматов. Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. Сб. Изв. ОРЯС Ак. Наук, т. XVIII, кн. 4, СПб., 1913.
- IV. В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда, Сб. Изв. ОРЯС Ак. Наук, т. 68, № 3, СПб., 1900.
- V. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского, Московского уездов. Сб. Изв. ОРЯС Ак. Наук, т. 75, № 2, № 2, СПб. 1903.
- VI. К. А. Федорова. К истории говоров западного Подмосковья (Можайские говоры). Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук, М., 1951.
- VII. В. В. Иванов. Из истории говоров северо-западного Подмосковья (Волоколамские говоры). Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М. 1953.
- VIII. Л. Н. Булатова. О диалектологической экспедиции в Озерский район Московской области. Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка, вып. I, М.-Л., 1947.
- IX. К. Н. Пахомова. Фонетическая система говора села Кокино Каширского района Московской области. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук, М., 1948.
- X. Е. Ф. Будде. К диалектологии великорусских наречий. (Исследование особенностей рязанского говора), В., 1892.
- XI. О. Н. Мораховская. Говоры Мещерского края. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 1951.
- XII. П. Тихонов. Брянский говор, сб. Изв. ОРЯС Ак. Наук, т. 76, № 4.
- XIII. О. Брок. Говоры к западу от Мосальска, Пгр., 1916.
- XIV. Ю. В. Петровская. К диалектологии рязанских говоров. Говор с. Матыр Зарайского уезда, Пгр. 1922, Сб. ОРЯС ХСІХ, № 6.
- XV. А. А. Шахматов. Звуковые особенности Ельнинских и Мосальских говоров, В. 1903.
- XVI. В. И. Чернышев. Материалы для изучения говора и быта Мещовского уезда. Сб. Изв. ОРЯС. Ак. Наук, т. 70, № 7, СПб., 1906.
- XVII. М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии. Сб. Изв. ОРЯС, Ак. Наук., т. 76, № 5, СПб, 1904.
- XVIII. О. Б. Сиротинина. Говоры восточной половины Духовницкого района Саратовской области. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Саратов, 1948.
- XIX С. А. Копорский. Архаические говоры Осташковского р-на Калининской области. Ученые записки Калининского госуд. педагогического института, т. X, вып. 3, Калинин, 1945.
- XX. Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии Рязанской мещеры. Сб. Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I, М.-Л., 1949.
- XXI. В. И. Чернышев. Несколько сведений о быте и говоре «Шуваликов» Верейского уезда. Сб. Изв. ОРЯС Ак. Наук, т. X, кн. 2.

XXII. **В. И. Чернышев.** Народные говоры селений, расположенных от Боровска до Москвы по старому Московскому тракту. Сб. Изв. ОРЯС Ак. Наук, т. 13, кн. I.

XXIII. **С. С. Высотский.** О говоре д. Лека. Сб. Материалы и исследования по русской диалектологии, т. II, М., 1949.

XXIV. **С. П. Обнорский.** Именное склонение в современном русском языке, вып. I, 1927.

XXV. **В. Н. Сидоров.** Наблюдения над языком одного из говоров рязанской меширы. Сб. Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I, М.-Л., 1949.

XXVI. **А. В. Текучев.** Изучение говоров западных районов Московской области. Ученые записки Московского областного педагогического института, труды кафедры русского языка, вып. I, т. XII. М. 1948.

XXVII. **Н. М. Каринский.** О говорах восточной половины Бронницкого уезда. Сб. Изв. ОРЯС Ак. Наук, т. 9, кн. I. 1903.

А. В. НЕХОРОШКИНА

**ДВУСОСТАВНЫЕ БЕЗГЛАГОЛЬНЫЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ С БЫТИЙНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ ¹⁾.***(К вопросу о неполных предложениях)*

В нашем языке широко распространены конструкции, представляющие собой сочетание подлежащего с наречием или косвенным падежом в зависимом составе предложения. Грамматическая традиция относит подобные структуры к числу неполных предложений, основываясь на том, что в этих предложениях отсутствует сказуемое, выраженное личной формой глагола. Специальные исследования о неполных предложениях появились сравнительно недавно ²⁾. Все они ставят своей целью дать решение проблемы в целом. Привлекаемый ими материал отличается чрезвычайной разнородностью. Само по себе понятие неполноты предложения является условным, допускает различные истолкования. Отсутствие того или иного члена предложения объяснялось в истории грамматической науки особенностями стиля речи, различием состава предложения и суждения; тем, что опущенные члены подразумеваются по смыслу, и, наконец в последнее время — формой некоторых наличных слов. Проблему, как отмечает И. А. Попова, можно перевести и в психо-физиологический план: насколько полно передаются словом

¹⁾ Названные предложения составляют предмет исследования первых двух глав диссертации «Двусоставные безглагольные конструкции в современном русском языке».

²⁾ А. Н. Назаров. Неполные предложения, условия их употребления и их структуры. Кандидатская диссертация, Пенза, 1951 г.; Н. П. Колесников. Неполные предложения, их структура и условия их употребления. Кандидатская диссертация, Тбилиси, 1953 г.; И. А. Попова. Неполные предложения в современном русском языке. Труды Ин-та языкознания, изд. АН СССР, т. 2, М., 1953 г.

ощущения и представления человека¹⁾). Поэтому в настоящей статье не может быть исчерпывающего решения вопроса о неполных предложениях. Необходим более тщательный и всесторонний анализ каждого типа предложений, называемых неполными, и в первую очередь предложений без сказуемого, на основании чего впоследствии можно будет сделать общий вывод о синтаксической их природе. Задача настоящей статьи, таким образом, состоит в том, чтобы дифференцировать случаи отсутствия главного сказуемого в конструкциях избранного нами типа, дать характеристику их грамматического значения и формы.

При анализе конкретного материала основные исходные положения должны быть все же установлены. В качестве «рабочего» в статье используется понятие о предложении, данное Грамматикой русского языка АН СССР, как относительно законченной по смыслу, грамматически оформленной, интонационно замкнутой единице речи. Основные грамматические признаки предложения — интонация сообщения и категория предикативности, т. е. категории наклонения, времени и лица²⁾). Исследуемые конструкции определяются как полные или неполные в зависимости от степени и характера лексико-грамматической законченности *отдельно взятого, изолированного от контекста* предложения. Оно не может считаться полным лишь *на основании того, что выполняет в речи свою коммуникативную функцию*. Каждое предложение в условиях своего употребления является полным. Это положение не требует доказательств: таковы условия и задачи речевого общения³⁾). При определении полноты и неполноты отдельно взятого предложения решающим признается его грамматическое значение, а не форма слов, входящих в зависимый состав этих структур. По своему грамматическо-

¹⁾ Неполные предложения в современном русском языке. Труды Ин-та языкознания, изд. АН СССР, т. 2, М., 1953 г., стр. 22.

²⁾ Грамматика русского языка, т. 1, М., 1952 г. Введение; т. 2, ч. 1, М., 1954 г., Введение.

³⁾ Поэтому работа И. А. Поповой о неполных предложениях в целом представляется беспредметной: она приходит к выводу, который служит исходным пунктом ее исследования и не может оспариваться. Н. С. Поспелов справедливо отмечает, что вопрос о синтаксической природе конструкций, объединяемых термином «неполное предложение» остается по-прежнему открытым. (Вопросы языкознания, М., 1954. № 1, стр. 136).

му значению все они делятся на предложения со значением действия и бытийные предложения. Думается, что именно в зависимости от этого определяется специфика их формального состава. Значение бытия обуславливает смысловую полноту изолированного от контекста предложения, в то время как всегда существует (в той или иной степени) неясность, какой именно глагол со значением действия опущен. Ср.

Мы на берегу,

и

Мы — к берегу.

Значение местонахождения лица в первом предложении совершенно очевидно. Во втором примере имеется лишь указание на движение лица в определенном направлении. Конкретное действие (плыть, идти, бежать и т. д.) уточняется окружающим контекстом, более или менее широким.

В наибольшей степени зависимость от контекста проявляется в том случае, когда в соседнем предложении имеется глагол, не повторяемый в конструкции интересующего нас типа. Предложения с неназванным сказуемым широко представлены в составе сложного предложения и сложного синтаксического целого (под сложным синтаксическим целым понимается смысловое и структурное объединение предложений, разделенных паузой точки). Примеры:

Грушницкий: Надо вам заметить, что княгиня была здесь, а княжна дома. (Лермонтов, Княжна Мери); Говорят еще несколько человек. Потом я. За мной — Абросимов. (В. Некрасов, В окопах Сталинграда).

Подобные двусоставные безглагольные конструкции независимо от их значения следует считать неполными. Самостоятельно употребляемые простые предложения со значением действия занимают промежуточное положение среди полных и неполных предложений. Переходные случаи подобного рода гораздо более разнообразны и должны привлекать к себе особое внимание.

Наибольшей употребительностью отличаются двусоставные безглагольные предложения с бытийным значением. Рассмотрение их связано с рядом актуальных теоретических проблем. Прежде всего следует установить, какое значение можно считать бытийным. Предложения, имею-

щие в своем составе обстоятельственные или объективные слова, конкретизируют общее значение бытия. Например: Левее — полузатонувшая баржа. (В. Некрасов, В окопах Сталинграда, II, 3); Помни — все хорошее от человека. (Горький, Сказки об Италии, 3).

В первом предложении говорится о наличии предмета в определенных пространственных отношениях к другим предметам. Во втором случае указывается на источник существования того, что выражено подлежащим. Наречие и косвенный падеж образуют зависимый состав этих предложений. Подобные конструкции могут быть и односоставными. Например:

Дверь *налево*, обитая чёрной клеенкой... (В. Панова, Спутники, I, 1); Мало ли женщин с *родинками на щеках*? (Лермонтов, Княжна Мери).

Наречие и косвенные падежи выполняют в этих предложениях функцию определения.

В интонации и грамматическом составе приведенных предложений выражается различие их логического содержания. Все они служат формой выражения суждения, но предикат его неодинаков. В первых двух предложениях предикатом суждения является утверждение наличия именно данного предмета (в первом предложении) или данной объектной характеристики предмета (во втором). В двух последних предложениях предикатом суждения служит лишь самое общее утверждение существования, наличия предмета, обозначенного составом главного члена этих конструкций. Ср. Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. (Блок). Бытийными следует считать не только те предложения, которые указывают на местонахождение, наличие предмета, но и те, где говорится о появлении предмета в восприятии, особенно тогда, когда воспринимаемые предметы неподвижны. Например:

Но вдруг пред витязем пещера... (Пушкин, Руслан и Людмила, I); ... и как орёл, он кинулся... и *выстрел снова*... (Лермонтов, Демон, I, 9) ¹⁾.

¹⁾ О бытийных предложениях со значением «обнаружения». «восприятия» говорится в Грамматике русского языка АН СССР т. II, ч. II, М., 1954, стр. 97. И. А. Попова различает конструкции, обозначающие бытие предмета «статически» и «динамически». (Неполные предложения в современном русском языке. Труды Ин-та языкознания, изд. АН СССР, т. II, М., 1953 г., стр. 60, 61).

Принципиальное значение имеет классификация двусоставных бытийных предложений. В специальной литературе указывается на их логическое содержание, значение и форму зависимых членов, интонационные особенности, порядок слов.

Главным основанием грамматической классификации исследуемых предложений представляется значение и форма обстоятельственных и объектных слов. Необходимо учитывать также порядок расположения членов бытийной конструкции, причем не только главных, но и второстепенных. Обращает на себя внимание и интонационная форма данных предложений, особенно наличие или отсутствие паузы между главными их членами.

Наиболее сложен вопрос о категории сказуемого двусоставных безглагольных структур. Существуют три различные точки зрения относительно формального состава этих предложений. Наиболее полно названные точки зрения представлены в работах А. А. Шахматова, А. М. Пешковского и И. А. Поповой.

А. А. Шахматов считает косвенные падежи и наречия обстоятельствами и дополнениями зависимого состава предложения. Сказуемое выражается, следовательно, глаголом, которого нет, но который подразумевается. А. А. Шахматов приходит к выводу о том, что в процессе своего исторического развития русский язык утратил формы настоящего времени глагола «быть» и как связку, и как слово реального значения. Тем не менее, конструкции «Отец в городе», «Он теперь уже на воле» А. А. Шахматов относит к неполным, объединяя их с предложениями «Он за ним» и т. п.¹⁾

На основании того, что глаголы в некоторых предложениях вообще никогда не употребляются, А. М. Пешковский развивает теорию нулевого глагольного сказуемого. В предложениях: «Иванов дома», — «Иванов на вокзале» — ничего не опущено, ничего не подразумевается. В предложениях же типа «Ты куда?» глаголы «словесно» не выражены.

Нулевые грамматические показатели являются общепризнанными в науке, однако существование одной лишь идеи сказуемого — слова с полнознаменательным значе-

¹⁾ Синтаксис русского языка, изд. 2, Л., 1941, § 192.

²⁾ Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7, М., 1956, стр. 261, 377, 401.

нием — само по себе вызывает сомнения. Тем более нельзя согласиться с тем, что предложения, где имеется нулевое глагольное сказуемое, следует считать неполными. Когда мы говорим, например, о нулевой флексии в слове «стол», то мы характеризуем это слово не как существительное женского или среднего рода с не выраженным в языке окончанием -а или -о, а как существительное мужского рода, которое в подавляющем большинстве случаев не имеет в русском языке окончания именительного падежа, единственного числа.

При анализе конкретных фактов языка некоторые исследователи вынуждены высказывать противоречивые утверждения по вопросу о средствах выражения сказуемого в интересующих нас предложениях. Характерны, например, колебания Л. А. Булаховского в определении синтаксической роли глагола. Л. А. Булаховский утверждает, что в состав сказуемой части могут входить самые различные зависимые от глагола формы и что теперь они обходятся в речи без глаголов (в прошедшем и будущем времени в подобных предложениях появляются сказуемые «был», «будет» и под.).

Путь степной без конца, без исхода,
Степь да ветер — *и вдруг*
Многоярусный корпус завода. (Блок).

Слово «вдруг», по мнению Л. А. Булаховского, предполагает «опущенное, или точнее, возможное, «стоит», «находится» и под.».

Далее Л. А. Булаховский отличает назывные слова и словосочетания от предложений, в которых «остатки сказуемой части, планирующие вокруг им. п. *не особенно чётко воспринимаются как зависимые от отсутствующего сказуемого слова. У сельского совета море голов.* (Панферов)¹⁾. Вывод же его таков, что сказуемое, и отсутствуя, дает о себе знать наличием обстоятельственного члена предложения.

Вопрос об именном сказуемом в подобных предложениях неоднократно ставился в русской грамматической литературе. Решение этого вопроса отличается неясностью, противоречивостью или носит слишком крайний характер.

¹⁾ Курс русского литературного языка, т. 1, изд. 5, Киев, 1952, стр. 334, Подчёркнуто нами. (А. Н.).

В конце прошлого века в журнале «Филологические записки» были напечатаны статьи А. Дмитриевского и Г. Миловидова о значении и средствах выражения сказуемого в русском языке. По мнению А. Дмитриевского, сфера именного сказуемого является очень широкой. Никакого глагола не подразумевается в предложениях типа: *Домой! — Прочь! — Как так? — Где же он? — Он там. — Ну ты как? — Ведь это всё за мной.* Подобные конструкции автор называет «поглощением» сказуемого во второстепенном члене предложения, причем характер второстепенности этого члена признается чисто внешним. По существу это «сказуемое поглощения»¹⁾.

Г. Миловидов²⁾ оценивает подобную точку зрения в целом как слишком крайнюю, и с этим нельзя не согласиться. Несомненно, что в первую очередь следует выделить предложения с именительным падежом подлежащего, обозначающие бытие лица или предмета в его конкретных отношениях к месту, времени и т. д.

В статье И. А. Поповой о неполных предложениях говорится лишь о категории сказуемого эллиптических конструкций. По отношению к ним сохраняются термины «обстоятельство», «дополнение», и в то же время говорится об обстоятельственных и дополнительных словах, выражающих сказуемое. Совершенно непонятен термин «глагольная часть сказуемого». Помимо слов группы сказуемого, — полагает далее И. А. Попова, — его функции выполняет всё предложение в целом, его смысловое содержание. Подобный подход нельзя назвать грамматическим.

Неясность в вопросе о грамматическом составе предложений данной структуры существует и в Грамматике русского языка АН СССР. Специально он здесь не рассматривается. В примечании сказано, что по отношению к неполным предложениям сохраняется терминология, принятая в грамматической традиции. Эту терминологию следует понимать условно, что, в частности, касается и термина «сказуемое»³⁾. В другом примечании говорится,

¹⁾ Практические заметки о русском синтаксисе. Филологические записки, Воронеж, 1878, вып. 1.

²⁾ Значение и способы выражения сказуемого. Там же, 1881, вып. 1.

³⁾ Грамматика русского языка, изд. АН СССР, т. II, ч. II. М., 1954, стр. 91.

что подчеркивание постпозитивного, иногда отделенного от подлежащего паузой предложно-именного сочетания делает его функцию близкой функции сказуемого: Шван-ля: *Деньги у тебя, хозяин?* (Тренёв, Любовь Яровая, I, II). Возможно употребление в этом случае предикативной связки: *А д и рай — это у Диккенса. — А у нас — жизнь, всё вперемежку...* (Эренбург, Буря, I, 3) ¹⁾.

Как здесь понимать термин «сказуемое»? Признание предикативной функции (хотя бы частично) родительного падежа существительного и местоимения с предлогом «у» не является традиционным.

Таким образом, анализ теоретической литературы заставляет согласиться с тем, что обстоятельственные и объектные слова могут употребляться и в предикативной функции.

Признавая за наречием и косвенным падежом право называться сказуемым, мы не можем говорить в этом случае о *поглощении* ими глагола, как предлагает А. Дмитриевский. Процесс утраты формы «есть» нельзя считать законченным, и едва ли эта форма когда-либо полностью исчезнет из языка, т. к. с ее употреблением связываются определенные лексические и стилистические оттенки. Кроме того, существуют другие глаголы с бытийным значением. Точнее было бы, таким образом, говорить не о поглощении наречием или косвенным падежом глагола, а о разнообразии морфологических средств выражения сказуемого в современном русском языке. Многообразие форм подлежащего не оспаривается грамматикой, и только традиционное преувеличение синтаксической роли глагола мешает сделать аналогичный вывод относительно второго главного члена предложения.

1. Предложения с одним обстоятельственным или объектным словом

1. Обстоятельственные значения сказуемого

... Чаще всего наречие или косвенный падеж имеет в данных конструкциях *пространственное* значение. Различные его оттенки связаны с неодинаковой морфологической формой сказуемого.

¹⁾ Грамматика русского языка, изд. АН СССР, т. II, ч. II, М., 1954, стр. 101.

При прямом порядке главных членов логическое ударение в большинстве случаев падает на сказуемое, при обратном — на подлежащее. Примеры:

Примеры:

Телегин: Даша, ты *гдѣ?* (А. Толстой. Сёстры, I).
Она еще тут, — подумала она. (Л. Толстой, Анна Каренина. II, XXXV);

Зги не видно. — *Ночь вокруг.* — (Твардовский, Василий Тёркин, На привале), *Впереди* фордовец. (Маяковский. Моё открытие Америки)¹⁾.

Очень часто главные члены бытийной конструкции бывают разделены паузой. При этом и на подлежащее, и на сказуемое падают смысловые ударения. По мнению И. А. Поповой, оба они являются логическими; например, при противопоставлении:

Направо — горы и река,
Налево — тёмный лес...

(Некрасов, Русские женщины, Княгиня Трубецкая, VI)²⁾.

Однако характер этих ударений неодинаков. Если одно из них логическое, то другое не может быть связано со структурой суждения. Оно падает на один из главных членов, также увеличивая его смысловую нагрузку. В этом заключается лексико-синтаксическая роль паузы в подобных предложениях.

Пётр: Илья — *гдѣ?* (Горький, Дело Артамоновых, IV)³⁾,
Везде — люди... (Горький, На дне, IV); *Рядом* — Виктор Лещинский, стройный, изнеженный юноша. (Н. Островский, Как закалялась сталь, I, III).

Сама по себе пауза не имеет никакого значения. Она не может, например, — как это утверждает И. А. Попо-

¹⁾ В синтаксических исследованиях последнего времени делаются попытки включить изучение смыслового веса членов предложения в грамматику, рассматривать их «коммуникативную нагрузку» в качестве неотъемлемого элемента категории предикативности. (См. К. Г. Крушельницкая, К вопросу о смысловом членении предложения. Вопросы языкознания, 1956, № 5). Соглашаясь с этой точкой зрения и подтверждая её фактами, мы придерживаемся традиционной терминологии в целях удобства изложения.

²⁾ Неполные предложения в современном русском языке. Труды Ин-та языкознания, изд. АН СССР, т. II, М., 1953, стр. 73.

³⁾ В дальнейшем обозначается лишь место логического ударения.

ва, — указывать на «внезапность возникновения» того, о чем говорится в предложении:

Шли долго, долго... Наконец,
Дверь взвизгнула, — и вдруг
Пред нею он... живой мертвец.
Пред нею — бедный друг!
(Некрасов. Русские женщины, VI)¹⁾.

Не является пауза в данных предложениях и «своеобразным показателем отсутствия глагольной части сказуемого»²⁾.

Наблюдения над расположением слов ограничиваются в имеющихся работах установлением прямого и обратного порядка главных членов бытийной конструкции. В Грамматике русского языка АН СССР он ставится в зависимость от значения наречия и косвенного падежа, что не подтверждается фактами языка. С порядком слов Грамматика связывает и наличие или отсутствие паузы в бытийных предложениях (при прямом порядке главных членов паузы между ними будто бы нет). По отношению к некоторым предложениям понятия прямого и обратного порядка главных членов неприменимы. В этих конструкциях или подлежащее находится среди слов состава сказуемого, или наоборот. Несомненно, что синтаксические связи между членами подобных предложений остаются неизменными: Сабуров: *Что это тут за пулемёт?* (Симонов, Дни и ночи, XVI).

Бытийная конструкция нередко служит составной частью сложного предложения и сложного синтаксического целого, находясь в самых разнообразных отношениях к главному и к другим придаточным предложениям. Например:

Начальник артиллерии: *Где уверенность*, что белые полезут именно на лобовой участок? (А. Толстой, Хмурое утро, VII).

Лексически и интонационно главное предложение зависит здесь от придаточного, но это никак не связано с отсутствием бытийного глагола. Как составная часть сложносочиненного предложения (и сложного синтаксического целого при сочинительной связи предложений, разде-

¹⁾ Неполные предложения в современном русском языке. Труды Ин-та языкознания, изд. АН СССР, т. II, М., 1953, стр. 73.

²⁾ Там же, стр. 72, 74.

ленных паузой точки) бытийная конструкция наиболее самостоятельна. Например:

Пимен: Спешу туда — *а там уже весь город*. (Пушкин, Борис Годунов, Ночь, Келья в Чудовом монастыре).

Подчинительный союз в составе бытийного предложения указывает на структурную зависимость его от главного. Например:

Он узнал, *что она тёт*, по радости и страху, охватившим его сердце. (Л. Толстой, Анна Каренина, I, IX).

Наибольшей является зависимость бытийной конструкции от соседних частей сложного предложения в том случае, если подлежащим или сказуемым этой конструкции служит относительно-вопросительное слово. Примеры:

Полозова: Я знаю, *где мы*. (Тургенев, Вешние воды, X, II); Панова: Плох же ваш нос, если не чует, *где правда*. (Тренев, Любовь Яровая, III).

Параша: Ты вот слов моих испугался, а кабы ты в душу-то мою заглянул, *что там-то!* (А. Островский, Горячее сердце, II, III).

Употребление конструкции со сказуемым «где» отличается рядом особенностей.

Порядок главных членов в этих предложениях обычно обратный, особенно если они служат составной частью сложного предложения. (Ср. *А он где*, не знаешь? (В. Некрасов, В окопах Сталинграда, I, 8).

Двусоставные бытийные предложения могут быть повествовательными, повествовательно-восклицательными, вопросительно-восклицательными, вопросительными. Самостоятельно употребляемые повествовательные и повествовательно-восклицательные предложения со сказуемым «где» возможны лишь при наличии частицы «вот»: — *Вот где бёлые*, — сказал начштаба: (А: Толстой, Сёстры, V). — *Струков: Вот где сила!* (А. Толстой, Восемнадцатый год, XXXV).

Логическое ударение в большинстве случаев на подлежащем, интонационное выделение сказуемого — при совпадении его с предикатом — в составе предложения незначительно. *Полозова: Я знаю, где мы*. (Тургенев, Вешние воды, X, II).

Пауза между главными членами встречается редко и носит своеобразный характер. Например:

Надя: Вдруг всё как-то спуталось, и я уже не понимаю... где хорошие люди, где — дурные? (Горький, Враги).

Пауза в данном случае объясняется тем, что в составе подлежащего не повторяется слово «люди».

Местоименные слова «тут» и «там» могут и не иметь пространственного значения, сближаясь по своей функции с указательной частицей. Пауза между ними и подлежащим возможна, но логическое ударение на служебные слова «тут» и «там» никогда не падает. Примеры:

Облонский: Что тебе делать? Как поступить? *Тут страшная драма.* (Л. Толстой, Анна Каренина, I, XI); Медведев: Тут — семейное дело! (Горький, На дне, II); ...сын оглушительно сказал в затылок ему: — Не одного убили вы, *вон, там,* целое кладбище убитых фабrikой. (Горький, Дело Артамоновых II).

В данном предложении слово «там» обособляется, уточняя другую указательную частицу — «вот».

Среди косвенных падежей с пространственным значением чаще всего встречается форма предложного падежа с предлогами «в» и «на». Нередко это значение передается творительным падежом с предлогами «за», «под», «над», «между», сложным «рядом с» и наречным «перед». Довольно часто пространственные отношения выражаются родительным падежом (наиболее употребителен здесь предлог «у» и многочисленные наречные предлоги). Довольно часто сказуемое бытийных предложений имеет форму дательного падежа с предлогом «по». Немногочисленны конструкции со сказуемым — предложным падежом с предлогом «при», единичны примеры, где сказуемое — винительный падеж с предлогом «по». Оттенки обстоятельственной характеристики лица или предмета связаны в данных предложениях не только со значением тех частей речи, которые употребляются в функции сказуемого, но и со значением предлогов. Значения эти присущи им или самим по себе, или в сочетании с тем или иным словом.

Обычно косвенные падежи в сочетании с различными предлогами обозначают местонахождение или наличие предмета в пределах какого-либо пространства, более или менее ограниченного. Примеры:

Вырин: *Много их в Петербурге молоденьких дур,* сегодня в атласе, да в бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою. (Пушкин, Станционный смотритель); Синцов: *Что на заводе?* (Горький, Враги, II); Ямщик остановил

усталую тройку у ворот единственного каменного дома, что при въезде. (Лермонтов, Тамань); Елисавет: Наши по эту сторону Жегловского моста. (Тренев, Любовь Яровая, I).

В пространственном значении предлога и существительного возможны различные оттенки.

В некоторых случаях местонахождение, наличие предмета определяется непосредственной близостью другого предмета. Примеры:

Немцы всё еще за оврагом. (В. Некрасов, В окопах Сталинграда, I, 15). У письменного стола мягкое кресло. (Симонов, Чужая тень, II, III).

В следующем предложении пространственное значение передается указанием на образ, способ бытия предмета:

Моцарт и Сальери за столом. (Пушкин, Моцарт и Сальери, II).

Чуть обидно, да приятно,
Что такой же рядом с ним,
Тёркин — Тёркин. (Твардовский, В. Тёркин)

Три яруса подвесных коёк с каждой стороны. (Панова, Спутники, I, I).

Сказуемое обозначает местонахождение предмета как совместность лица и предмета. Пример:

Дефорж освещал дорогу фонарем, Антон Пафнутий шел за ним довольно бодро, прижимая изредка к груди потаённую суму — дабы удостовериться, что деньги еще при нём. (Пушкин, Дубровский, II, X).

Сочетания с названными предлогами имеют и специфические значения. Предлог «в», например, указывает на местонахождение одного предмета внутри другого: В сельдерее — железо. (Маяковский, Моё открытие Америки).

При этом возможны более сложные и разнообразные отношения между двумя предметами. Например:

Ракитин: И что я вижу! Цветок в петлице. (Тургенев, Месяц в деревне, V);

Шляпа — в руке, и он мнет ее пальцами. (Горький, Враги, I).

Форма предложного падежа с предлогом «в» может обозначать принадлежность лица к определенному коллективу, общественной организации. Например:

А. Красильников: А кто в *комитете*? (А. Толстой, Восемнадцатый год, IV); Ширяев: Пожалели мы, пожалели, а потом он и говорит, *будто в сто восемьдесят четвёртой ты*. (В. Некрасов, В окопах Сталинграда, II, 15).

2. Сказуемое обозначает источник наличия чего-либо, направление восприятия.

Предложения этого типа могут быть поняты двояко: как предложения со значением действия и как бытийные. Например:

Соломин: Оттуда — распределение. (А. Толстой, Сёстры, VII). Только одно требовалось: иметь деньги в банке, не спрашивая, *откуда они...* (Толстой, Анна Каренина, VII, II). Яровой: С фронта что (Тренев, Любовь Яровая, IV).

Значение прошедшего — будущего времени в этих предложениях может быть передано соответствующими формами глагола «быть», например: Оттуда было (будет) распределение.

То же самое следует сказать о предложениях со сказуемым образа, способа бытия, его причины и цели.

3. Временное значение сказуемого.

Рассматриваемые здесь предложения по степени употребительности занимают второе место после предложений с пространственным значением сказуемого.

Лена: Что *сейчас*? (Симонов, Чужая тень, II, II.); Кручинина: Лавры-то *потом*, а *сначала* горе да слёзы. (А. Островский, Без вины виноватые, II, III); ... И *завтра* то же, что вчера. (Пушкин, Евгений Онегин, I, XXXVI); Иван Гора: *До пяти часов* — отдых. (А. Толстой, Хмурое утро, IX).

4. Сказуемое имеет значение меры (времени, расстояния и др.).

Сабуров: По-моему, война ещё *надоблёб*. (Симонов, Дни и ночи, X); *Скоро конёц*, они встретятся. (Панова, Спутники, III, XI); *Всё время* брёл. (Н. Островский, Как закалялась сталь, I, IX); *Через пять минут* — колокольчик!.. и фельдгегерь бросает ему на стол свою дорожную!.. (Пушкин, Станционный смотритель);

Он *далеко*, он не узнает,
Не оценит тоски твоей...
(Лермонтов, Демон).

Вот он — *в полвершке* — противник. (Твардовский, Василий Тёркин, Поединок); Артём: *Мать за сорок вёрст* да и у ней приюту нет. (Н. Островский, Как закалялась сталь,

I, V); А таких купцов и посредников — армия — *один на каждые пятьсот человек*. (М а я к о в с к и й. Моё открытие Америки).

5. Сказуемое обозначает способ бытия, обнаружения предмета.

— Вот он *опять*, — заговорил Гагин. (Тургенев, Ася, IX); Полина: Такая глушь, и *вдруг* — *социализм*... (Горький, Враги, I).

Предложения, сказуемое которых выражено местоименным наречием «как», содержат общее указание на состояние лица или предмета. Примеры:

Долли: *Как* она? (Л. Толстой, Анна Каренина, VI, VII); Градобоев: *А как* дело? (А. Островский, Горячее сердце, II, I); Вот уже вечер, а он *без шинели*. (Симонов, Дни и ночи, VIII).

Грамматика АН СССР рассматривает эту форму существительного как один из видов несогласованного именного сказуемого:

У Огородника *взошло всё* и поспело;
Он с *прибылью*, и в шляпе *дело*;
А философ — без огурцов.
(Крылов, Огородник и философ¹);

Через плечо — *маузер*, из кармана торчит ручная граната.
(Н. Островский, Как закалялась сталь, I, IV);

Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкою в руке:
«Вот стихи, и всё понятно,
Всё на русском языке».

(Твардовский, Василий Тёркин, От автора).

6. Сказуемое обозначает причину бытия предмета:

Отчего это? (Лермонтов, Княжна Мэри); Почему один конверт? (Панова, Спутники, II, VII); Аэлита: *От этого* моя тревога. (А. Толстой, Аэлита).

В Грамматике АН СССР родительный падеж существительного в данных конструкциях признаётся сказуемым полного двухсоставного предложения. Например:

Романтизм — это от страха *взглянуть правде в глаза*, — сказал он вчера по поводу стихов Бальмонта. (Горький, Л. Толстой, XI)²).

¹) Грамматика русского языка, изд. АН СССР, т. II, ч. I, М., 1954, стр. 438.

²) Там же, стр. 439.

Подобные же конструкции рассматриваются и в разделе о неполных предложениях:

Из-за балбеса да такая кутерьма! (Салтыков, Господа Головлевы, Семейный суд)¹⁾.

Отсутствие глагольного сказуемого считается структурной особенностью данных предложений. Следовательно, косвенный падеж в их составе следует определять как сказуемое, хотя Грамматика этого вывода и не делает.

7. Сказуемое обозначает цель, назначение бытия.

Зачём это? (Тургенев, Вешние воды, XXXVIII); *На еду* пятнадцать минут. (Маяковский, Моё открытие Америки).
Малинин: Впрочем, это *не для печати*. (Тренев, Любовь Яровая, III). Елена Андреевна: *К чему это?* (Чехов, Дядя Ваня, II).

Родительный падеж существительного с предлогом «для» указан в Грамматике АН СССР среди форм и значений несогласованного именного сказуемого.

Наташа: У Ирины комната как раз для ребёнка. (Чехов, Три сестры, II) и др.²⁾.

Объектные значения сказуемого.

Грамматические значения подобных конструкций разнообразны.

1. Косвенный падеж обозначает предмет, для которого что-либо имеется, существует, предназначается.

Наиболее распространен в этой функции дательный падеж.

Лушин: Урок *вам, молодой человек*. (Тургенев, Первая любовь, XX); — Вы, душенька, ошиблись, сказала она: *эта записка не ко мне* (Пушкин, Пиковая дама, III).

Устойчивой по своему грамматическому составу является конструкция с указательной частицей «вот» (логическое ударение при этом на подлежащем):

Силан: *Вот тебе шапка!* (А. Островский, Горячее сердце, II, VII); Троекуров: *Вот тебе жених*, князь тебя сватает. (Пушкин, Дубровский, II, XIV).

В таких предложениях, как «Вот тебе и закон», «Уж

¹⁾ Грамматика русского языка, изд. АН СССР, т. II, ч. II, М., стр. 100.

²⁾ Там же, т. II, ч. I, М., 1954, стр. 439.

эти мне поэты» дательный падеж местоимения сказуемым назвать нельзя. Эта форма приобретает обобщенный, служебный характер, способствуя превращению всей конструкции в устойчивое сочетание с ярким эмоциональным содержанием ¹⁾).

Сказуемое может быть также выражено родительным и винительным падежами:

Гор: *Для нас* — борьба. (А. Толстой, Аэлита); Наталья Петровна: *Против вас заговор*, я вас предупреждаю. (Тургенев, Месяц в деревне, II); — Да, *вся надежда на тебя*, — сказал Степан Аркадьевич. (Л. Толстой, Анна Каренина, I, XVIII).

2. В сказуемом — значение предмета — источника существования, наличия чего-либо.

Это значение выражается формой родительного падежа существительного или местоимения с предлогом «от».

Сабуров: *Вот от него* пакет. (Симонов, Дни и ночи, XVIII); *Вот в стороне* лежит пачка... писем. *Это от просителей*. (Чехов, Бабье царство; I); Старуха Изергиль: *Было на свете сердце, которое однажды вспыхнуло огнём... И вот от него* эти искры. (Горький, Старуха Изергиль, II).

3. Сказуемое обозначает предмет при характеристике его внешних качеств.

Речь в подобных предложениях может идти о физическом облике лица, о предмете его одежды.

Ольга Александровна: *У тебя такое лицо*, как будто ты чем-то очень взволнован и обрадован? (Симонов, Чужая тень, II, II); *У Волынцева пшеничные волосы и такие же брови*. (Н. Островский, Как закалялась сталь, II, III); *Она в нарядном шелковом платье*. (А. Толстой, Восемнадцатый год, V); Я сразу со всей врожденной неделикатностью заорал:

— Отдавайте пари, Есенин, *на вас и пиджак и галстук!* (Маяковский, Как делать стихи).

Характеристика внешнего вида предмета заключается в указании на то, что присуще самому предмету, служит его составной частью или на то, что является внешним по отношению к данному предмету, находится на его поверхности.

Формой выражения сказуемых в этих предложениях

¹⁾ Ср. А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, изд. 2, Л., 1941, § 442.

является преимущественно родительный падеж с предлогом «у» и предложный с предлогом «в» и «на». Например:

Чернильные пятна *на клеенке*. (Панова, Спутники, III, XIII); Она быстро пробежала три шага, отделявшие её от гранаты... и в последнюю секунду подумала, что она очень далеко кинет гранату, *потому что у нее такая длинная ручка*. (Симонов, Дни и ночи, XXII).

4. Сказуемое обозначает лицо при характеристике его внутренних качеств.

Вернер: *У вас* большой дар соображения. (Лермонтов, Княжна Мэри); Берсенев: *У него* одна мысль: освобождение его родины. (Тургенев, Накануне, X). Тоня: Сколько в нем огня и упорства! (Н. Островский, Как закалялась сталь, I, III).

Наиболее продуктивна в этой функции форма родительного падежа с предлогом «у».

5. Сказуемое обозначает лицо при указании на его душевное или физическое состояние.

Формой выражения сказуемого является родительный падеж с предлогом «у» и творительный с предлогом «с».

— *У меня* сердцебиение, — сказала она. (Чехов, Случай из практики); *Если у меня горе*, — думал доктор, — почему другие должны от этого страдать? (Панова, Спутники, II, VII); *Что с Калининым?* (Маяковский, В. И. Ленин); *Что с сестрой* — не знаю... (А. Толстой, Восемнадцатый год, VII)

По своему значению и структуре обороты с творительным падежом являются устойчивой, привычной формой выражения, близки предложениям, сказуемое которых выражено местоименным наречием «как».

6. Сказуемое обозначает предмет, принадлежащий какому-либо лицу.

Наиболее распространенной формой сказуемого и в данном случае выступает родительный падеж с предлогом «у».

Значение принадлежности может быть самым общим.

— *Что это у тебя*, — прибавил он, подвинувшись к ней: *цветы?* (Тургенев, Свидание); Потом он спросил, *сколько у нее денег?* (Горький, Дело Артамоновых, I); Дымов: *У каждого* своё. (Чехов, Попрыгунья).

Творительный падеж с предлогом «за»:

Леднев: Победа *за нами*. (Н. Островский, Как закалялась сталь, II, IX); Так точно, — продолжал он, — *выстрел за мной*, я приехал разрядить мой пистолет; готов ли ты? (Пушкин, Выстрел).

Подлежащее может обозначать предмет, который принадлежит говорящему или третьему лицу, а не лицу, выраженному сказуемым; предложение таким образом, выражает прямо противоположное значение:

Елисавет: Павла Петровна, *за вами* последний вальс, (Тренев, Любовь Яровая, IV); Проценко: Так ему и скажи: *медаль за мной*. (Симонов, Дни и ночи, XXV).

7. Сказуемое выражает отношения совместности (лиц, предметов, понятий).

Обычная форма сказуемого в этих предложениях — творительный падеж существительного или местоимения.

Лена: Кто же *с ним*? (Симонов, Чужая тень, II, II); Ислаев: Стало быть, *между вами тайна*? (Тургенев, Месяц в деревне, III); Ну, *уж если она вместе с богородицей*, — надо молчать! (Горький, Рождение человека);

Возможен предложный падеж с предлогом «при»:

Анна: Узнай подробно, где он, *кто при нём*. (Л. Толстой, Анна Каренина, VII, XVIII).

8. Сказуемое обозначает лицо при характеристике окружающих его условий, внешней среды.

Морфологическая форма сказуемого — родительный падеж с предлогом «у»:

У нас зима... (Пушкин, Роман в письмах); Соня: И мне некогда, мне нужно завтра рано вставать, *у меня сенокос*. (Чехов, Дядя Ваня, II); Полина: Ты же знаешь—*у нас полная анархия*. (Горький, Враги, III).

9. В сказуемом — обозначение лица при указании на его отношение к другому лицу.

И в данном случае сказуемое выражается родительным падежом с предлогом «у».

Градобоев: Ты знаешь наше жалованье-то, *а у меня семья*. (А. Островский, Горячее сердце, II, IV); *У них две девочки*; они росли как-то сами по себе: зимой ходили в школу, летом уезжали в пионерский лагерь... (Панова, Спутники, II, VI); Мне вдобавок смеялась речка: *«У милашки новый друг»*. (Есенин. Избранное. Гослитиздат, М., 1952, стр. 17).

10. Сказуемое обозначает предмет речи:

По своей форме сказуемое является предложным падежом с предлогом «о» («об»).

Рабочий: Вот *об этом* и разговор. (Тренев, Любовь Яровая, V);
Ракитин: Но *не об этом* речъ. (Тургенев, Месяц в деревне, III).

Полными можно считать только те предложения, в которых подлежащее имеет значение речи, выражается словами «речь», «разговор» и под. Если же оно обозначает лицо, конструкция теряет бытийное значение. Ср. (Ракитин вдруг смеётся). Шпигельский: *О чём вы?* (Тургенев, Месяц в дер., П).

Предложениям с объектным сказуемым свойственны также некоторые другие значения, указанные и в Грамматике АН СССР.

Рассмотрение бытийных предложений, состоящих из именительного падежа существительного или местоимения и одного слова с обстоятельственным или объектным значением, приводит к следующим выводам:

1. В данных предложениях утверждается конкретная форма бытия предмета (или, если предикат суждения выражен подлежащим, бытие именно данного предмета).

2. Изолированные от контекста, эти конструкции полноценны в структурном отношении, не нуждаясь в восстановлении глагола или сохранении за ним пустого синтаксического места.

Наречия и косвенные падежи непосредственно, по смыслу и грамматически, относятся к подлежащему. Они являются особым видом несогласованного именного сказуемого (в односоставном предложении — несогласованного определения).

3. Наличие паузы между именительным падежом и словом обстоятельственного или объектного значения в этих предложениях не связано с отсутствием глагольного сказуемого. Об этом свидетельствует уже сам факт существования двусоставных бытийных безглагольных предложений, члены которых представляют собой одно интонационное целое. Пауза часто отсутствует в предложениях как с прямым, так и с обратным порядком главных членов, а также во всех случаях, когда названные понятия к расположению слов в предложении неприменимы.

Пауза между подлежащим и сказуемым предложений

рассмотренного типа вызывается разными причинами и имеет неодинаковую длительность. Главные члены всегда несколько интонационно разделены, если один из них или они оба распространены. Следовательно, здесь пауза вызывается чисто фонетическими причинами. Она может иметь и грамматическое значение, но лишь в случае неполноты состава подлежащего или сказуемого за счет определения или определяемого слова, находящегося в предшествующем предложении. В подавляющем большинстве случаев эта пауза играет лексико-синтаксическую роль, — увеличивает смысловую нагрузку обоих главных членов. Это целиком зависит от намерения автора, поэтому перечислить все виды предложений с паузой подобного рода невозможно. Наиболее значительна пауза при совпадении названных условий — фонетических, грамматических и лексико-синтаксических.

4. При наличии паузы между главными членами на подлежащее и сказуемое падает смысловое ударение. Оно неодинаково по силе и характеру. Одно из них является логическим (указывает на место предиката суждения) и наиболее сильным. Другое, меньшее по своей силе, выделяет второй главный член предложения.

5. Порядок главных членов в рассмотренных предложениях не зависит от значения сказуемого. В известной мере он связан с местом логического ударения, как и в глагольных конструкциях. Если оно на сказуемом, то порядок главных членов, как правило, прямой, если на подлежащем, то обратный. Существуют, однако, довольно частые отклонения от этого правила.

В ряде случаев понятия прямого и обратного порядка главных членов теряют свой смысл, так как подлежащее находится среди слов состава сказуемого и наоборот.

6. Сказуемое обстоятельственного значения может быть выражено не только наречием и «предложно-именным сочетанием» (термин Грамматики АН СССР), но и косвенным падежом без предлога.

II. Бытийные предложения с двумя и несколькими обстоятельными или объектными словами.

Бытийная конструкция может иметь несколько слов с обстоятельным или объектным значением, а также одновременно и обстоятельные, и объектные слова. В научной литературе этому вопросу не уделялось вни-

мания. Для предложений, сказуемое которых считается опущенным или нулевым, наличие нескольких зависимых от глагола слов не играет особой роли. Принципиальную важность приобретает этот вопрос в том случае, если за обстоятельственными и объектными словами признается возможность выступать в предикативной функции. В одних предложениях эту функцию выполняет каждое наречие или косвенный падеж, в других сказуемое одно, а остальные обстоятельственные и объектные слова служат второстепенными членами. Распространенными нередко являются и однородные сказуемые, и второстепенные члены¹⁾.

Синтаксическая функция слов с обстоятельственным и объектным значением привлекала внимание исследователей и в связи с вопросом об именном несогласованном определении (на материале в первую очередь глагольных конструкций²⁾). Для этих работ характерно стремление подчеркнуть условность отнесения рассматриваемых членов предложения к определению, их промежуточное положение между определением, с одной стороны, обстоятельством и дополнением, с другой. Существование многочисленных примеров промежуточного синтаксического положения слова не должно, однако, заслонять собой бесспорных случаев определения с обстоятельственным и объектным значением. Следует строго разграничивать значение и синтаксическую роль того или иного члена предложения.

Задача, таким образом, состоит в том, чтобы определить синтаксические связи и отношения слов, выраженных наречиями и косвенными падежами. Критерием здесь могут служить лишь смысловые связи членов предложения, его значение в целом, поэтому возрастает в этих конструкциях роль логического ударения.

¹⁾ В статье рассматриваются только те второстепенные члены, которые имеют названное значение и которые при других условиях могли бы стать сказуемым бытийного предложения.

²⁾ См., в частности, Н. Г. Ковинина. «Несогласованное определение как особая форма выражения грамматического атрибута». Русский язык в школе, 1956, № 2, стр. 26; «Несогласованное определение современного русского языка», Кандидатская диссертация. Ин-т языкознания, М., 1954; Г. М. Макаров. «Несогласованное именное определение с пространственным значением», Русский язык в школе, № 2, 1955 г.

Однородные сказуемые.

Как правило, однородные сказуемые имеют одинаковое обстоятельственное или объектное значение.

Вместо веселого свадебного бала и ужина, вместо музыки и танцев — поездка на богомолье за двести верст. (Чехов, Анна на шее).

Винительные падежи со значением меры и направления служат в этом предложении определениями в составе подлежащего.

Сабуров понял, что это не от смущения, а оттого, что она хотела сказать что-то важное и подбирала слова. (Симонов, Дни и ночи, XIII).

Во многих случаях одно из слов с пространственным значением уточняет, конкретизирует другое. Следовательно, они не равноправны в смысловом отношении: уточняющее слово относится по смыслу и к подлежащему, и к другому обстоятельному слову. Являются ли в данном случае обстоятельные члены предложения однородными? Граматики русского языка отмечают возможность пояснительных отношений между однородными членами предложения и даже допускают отсутствие сочинительной связи между ними (в противоречие с общим определением грамматической однородности¹).

Смысловая зависимость одного наречия или косвенного падежа от другого неодинакова, в связи с чем различно их интонационное оформление. Эти слова могут представлять собой одно интонационное целое:

В комнате Риты на столе незакрытый дневник. (Н. Островский, Как закалялась сталь, II, II); *Направо у стены* — куча старых досок, брусьев. (Горький, На дне, III).

Уточняющее значение слова подчеркивается его обособлением:

Большие старые липы. В глубине, под ними, белая солдатская палатка. (Горький, Враги, I); *Справа, высоко из пыльных окон, — желтоватый мучительный свет.* (А. Толстой, Сёстры, XXIII).

Внешне сходны с обособлением присоединительные связи между словами:

¹) Грамматика русского языка, изд. АН СССР, т. II, ч. I, М., 1954, стр. 612, 617; А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев, Русский язык, изд. 5, ч. II, М., 1955, стр. 55, 64.

Махно: *Ваша жена в шестой роте, у Красильникова, на хуторе Прохладном.* (А. Толстой, Хмурое утро, XI).

Нередко одно из слов является обобщающим:

На зубах, в ушах, за шиворотом — везде песок. (В. Некрасов, В окопах Сталинграда, I, 13).

Сказуемые однородны лишь при наличии присоединительной связи и обобщающих слов.

Гораздо реже однородные сказуемые имеют различное обстоятельственное или объектное значение. При наличии сочинительной связи нам встретился лишь один пример:

Мы все должны

Признаться: *вкусу очень мало*

У нас и в наших именах. (Пушкин, Евгений Онегин, II, XXIV).

Последующее сказуемое в этих предложениях обычно имеет присоединительное значение:

В полверсте, в кустах — противник. (Твардовский, Василий Тёркин, «Кто стрелял?»); *Вот толстый денежный пакет. Это из лесной дачи, от приказчика.* (Чехов, Бабыньце царство, I).

Предложения с одним сказуемым.

Определение синтаксической роли наречия и косвенного падежа связано в подобных предложениях с учетом значения этих слов, а если их значения одинаковы, то морфологической формы. В подавляющем большинстве случаев сказуемое данных конструкций обозначает пространственные и объектные отношения. Из двух падежей с объектным значением сказуемым является более распространенная, привычная для данного контекста форма. Смысловые, а следовательно, грамматические связи слов зависимого состава предложения наиболее очевидны в том случае, если на состав сказуемого падает логическое ударение или если обстоятельственное слово лексически не может быть соотнесено с подлежащим. Во многих случаях каждое слово с обстоятельственным или объектным значением способно образовать предикативное словосочетание с подлежащим, хотя эта возможность и неодинакова. Но в контексте данных предложений сказуемое одно.

Наречие и косвенный падеж — обстоятельство.

Названные формы выступают в роли *обстоятельства*

почти во всех его значениях (времени, места, меры, образа, цели, причины, условия). Состав словосочетания образуют два наречия или два косвенных падежа, а также наречие и косвенный падеж. (Опорным словом может быть каждая из этих форм).

Лодка уткнулась в песок, и Сабуров, выскочив на берег, пошел узнавать, *где теперь та переправа*, которая раньше была ближе других к штабу армии. (Симонов, Дни и ночи, IX), Ну, а где Вронский *теперь*? — спросил он, вдруг положив мыло. (Л. Толстой, Анна Каренина, II, XVII); Везде *по степям* — нары. (Горький, На дне, I); Грушницкий: Они здесь *только три дня*. (Лермонтов, Княжна Мери); Марина Савар *уже часа два на столе*, а они гулять пошли. (Чехов, Дядя Ваня, I);

Вдруг — сигнал за поворотом; Дверцу выбросил шофер... (Твардовский, Василий Теркин, Гармонь); Отрадина: *Зачем ты в городе?* (А. Островский, Без вины виноватые, I, IV); Артем: *Теперь понятно, почему такой кавардак в квартире*. (Н. Островский, Как закалялась сталь, I, VI); В нем только брезгливость и тошнота *при мысли о людях*. (А. Толстой, Хмурое утро, IX).

Наречие и косвенный падеж — дополнение.

Наиболее распространённой формой дополнения служит родительный падеж существительного и местоимения. Употребителен дательный падеж, возможна форма винительного и творительного падежей.

Откуда *у него* это упорство? (Н. Островский, Как закалялась сталь, I, IX);

Костылев: Кому *от этого* польза? (Горький, На дне, I); Савельич: Зачем *ему* твой заячий тулуп? (Пушкин, Капитанская дочка); Петр: От меня *тебе* — часы, на! (Горький, Дело Артамоновых, II); Поп: Их на бунт *влечет*, а *откуда* *гонение власти на них*. (Там же).

Наречие и косвенный падеж — определение.

Наречие и косвенный падеж могут определять или непосредственно сказуемое, или второстепенный член его состава. Во многих предложениях именное несогласованное определение с этим значением входит в состав подлежащего.

Обстоятельственное определение в составе сказуемого обозначает место, направление и характер восприятия предмета.

Свет от зрителя и сверху вниз — из *квадратного окна с правой стороны*. (Горький, На дне, I); В комнате Корчаги-

на, на столе *у окна*, груды принесенных из партийной библиотеки книг, стопа газет, несколько исписанных блокнотов. (Н. Островский, Как закалялась сталь, II, VIII); Один в смушковой бекеше, с биноклем *через шею* и с тяжелой, *на сыромятной портупее*, кавалерийской шашкой. (А. Толстой, Хмурое утро, III); На них не глядят и их не слушают — *они у штыков в лесу*. (Маяковский, Хорошо! 16).

Функции определения и дополнения в ряде случаев совпадают:

Гляжу, *на крыльце у Прона*
Горластый мужицкий галдеж.

(Есенин, А. Снегина).

Более разнообразны обстоятельственные определения к подлежащему. Помимо значения места, направления, характера восприятия, определение в составе подлежащего имеет и значение меры, цели, причины.

Гор: Внизу ход в лабиринт. (А. Толстой, Аэлита); Дуракам — прогулка в украшенном фонариками автомобиле в китайский квартал... (Маяковский, Мое открытие Америки). Вот доктору Белову письмо из Ленинграда. (Панова, Спутники II, VII); *В патронных лентах* внизу пулеметчики. (Маяковский, В. И. Ленин); А там, в тусклом тумане, — торчащие печные трубы, *среди пожарниц дымы до самого неба и грохот колес*. (А. Толстой, Сестры, XXVI); Лена: Все, как раньше: *нож для бумаги прямо*, закладки слева, карандаши справа... (Симонов, Чужая тень, I, I); На гимнастерке две нашивки *за ранения* и колодка с орденскими ленточками. (Там же).

Большим многообразием отличаются формы и значения объектного определения к подлежащему:

Вдруг сильный стук *в калитку*. (Чехов, Душечка); Матеев: У меня хорошая память *на лица*. (Симонов, Чужая тень, IV, V); Он сидит, освободитель, *Набок шапка со звездой*. (Твардовский, Василий Теркин, По дороге на Берлин).

К одному несогласованному определению может относиться другое несогласованное определение:

На месте поставленного аппарата светящаяся *жёнщина со свитком в светящихся буквах*. (Маяковский, Баня, IV).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что синтаксические связи членов глагольного предложения в составе бытийной структуры коренным образом изменяются. Грамматическим центром становится слово, которое по от-

ношению к глагольному сказуемому занимает подчинённое положение. Остальные члены с тем же обстоятельственным или объектным значением образуют словосочетания, большинство которых невозможно в составе глагольной конструкции.

Грамматическую зависимость между рассмотренными членами безглагольного бытийного предложения нельзя назвать ни согласованием, ни управлением¹⁾. Подобная зависимость может быть только примыканием и часто в очень широком смысле этого слова.

По вопросу о характере грамматических отношений между словами обращает на себя внимание точка зрения акад. В. В. Виноградова: ²⁾ по его мнению, связи слов в предложении по сравнению со словосочетанием гораздо богаче и разнообразнее. Возможно существование еще неисследованных видов грамматической зависимости структурных элементов предложения. В. В. Виноградов считает, что традиционная грамматика «преувеличивает действительную степень централизованности» предложения, что в процессе исторического развития языка всё большую роль играют синтаксические связи в известной мере свободного, присоединительного характера, близкие к примыканию.

В контексте предложения возможно непосредственное сопоставление, координация его членов;

Привет борцам за мир и свободу!
Вот вам посылка.

Различные типы обстоятельств, — полагает В. В. Виноградов, — могут относиться ко всей остальной части предложения в целом: *Кругом молчанье и покой. — В селе за рекою потух огонек.*

В. В. Виноградов говорит при этом о необходимости грамматического подхода к определению подобных отношений, однако не все приводимые им примеры отвечают этому требованию; при наличии глагольного сказуемого

¹⁾ Это не означает, следовательно, что в составе данных структур вообще не встречается согласуемых или управляемых слов, с тем же самым или другим значением.

²⁾ См. его работы «Синтаксис русского языка», акад. А. А. Шахматова» в сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, «Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения в «журнале «Вопросы языкознания», 1954, № 1 и Введение ко II тому Грамматики русского языка АН СССР.

слова с обстоятельственным значением (не в функции определения) относятся к глаголу.

Нельзя отрицать также роли главных членов в качестве грамматических центров и в именном предложении. В то же время следует признать наличие грамматических связей, которые не подходят под традиционное определение согласования, управления и примыкания.

III. Категория предикативности и особенности ее выражения в двусоставных бытийных конструкциях.

Определение синтаксической природы данных предложений предполагает установление того, как выражены в них категории лица, наклонения и времени, с которыми связывается понятие предикативности.

Как известно, наиболее типичным средством выражения этих важнейших признаков предложения является личная форма глагола — сказуемого. Однако далеко не всегда названные категории передаются лишь одной этой частью речи. Существуют, например, многочисленные переносные употребления форм времени и наклонения, значение которых устанавливается контекстом всего данного предложения или соседних предложений. Категория лица не различается в глаголе прошедшего времени. В этом случае она выражается только подлежащим. Если глагольное сказуемое стоит в форме настоящего-будущего времени, то эта категория в двусоставном предложении выражена дважды — подлежащим и личным окончанием глагола. Поэтому и возможно выделение в особый структурный тип глагольных односоставных предложений, где главный член указывает и на действие, и на совершенно определенное лицо, которому оно приписывается: *Я иду — Иду*¹⁾.

Таким образом, категория лица (а также числа и рода) всегда выражена в предложениях интересующего нас типа подлежащим — необходимым структурным элементом подобных конструкций. Лицо выражается синтаксически — существительным, местоимением, теми частями речи, которые употребляются в значении существительного, и лексико-синтаксически — личными местоимениями.

¹⁾ Подлежащее — личное местоимение 1 и 2 лица необходимо только тогда, когда на него падает логическое ударение.

Первое и второе лицо может быть выражено только личными местоимениями, а третье, — помимо этого, — всеми другими морфологическими формами в роли подлежащего.

Присуща рассматриваемым конструкциям и *категория наклонения*.

Бытие лица или предмета (его существование, наличие, нахождение) мыслится в этих предложениях прежде всего как реальный факт прошедшего, настоящего или будущего. Следовательно, в преобладающем большинстве случаев они имеют значение *изъявительного наклонения*. Оно определяется на основании смыслового содержания данного предложения, а в некоторых случаях и окружающего контекста.

Содержание бытийного предложения может также восприниматься как предполагаемое или желаемое. Эти *значения сослагательного наклонения* выражаются грамматически — частицей «бы», значением данной конструкции и более широкого контекста, интонацией. Примеры немногочисленны.

Значение предположения.

Есть не хотелось, *с чего бы это?* (С и м о н о в, Дни и ночи, VII); Он не успел подумать, *с чего бы это вдруг*, как сейчас же одна за другой пять или шесть немецких мин просвистели над его головой и разорвались примерно там, где был Конюков. (Там же).

Частица «бы» относится в этих предложениях к сказуемому. Она может находиться и в составе союза:

И весь этот короткий сон затем, *чтобы снова — смерть, разлука*, и снова — полет ледяных кристаллов. (А. Толстой, Аэлита).

В следующем примере значение предложения определяется контекстом всего сложного предложения:

Челкаш: Кабы эти дьяволы погнались за нами — *конец тебе*. (Г о р ь к и й, Челкаш, II).

Придаточное предложение обозначает условие, при котором совершилось бы то, о чем говорится в главном.

В следующих предложениях выражается *желательность* наличия чего-либо;

Тут, как всегда, Полина осыпала его обидными словами: — Конечно, тебе, паук, только бы хорошее настроение! (Г о р ь

к н и й. Дело Артамоновых, IV); *Хоть бы знак какой оттуда*. И беда б за полбеда. (Т в а р д о в с к и й, В. Теркин, Переправа).

Значение повелительного наклонения бытийным предложениям данной структуры не свойственно. Существует лишь определённый тип предложений, выражающих желание:

Самозванец: Честь храброму и мир его душе. (П у ш к и н, Борис Годунов, Лес); Фамусов: Кузьма Петрович! *мир ему!*

Что за тузы в Москве живут и умирают! (Г р и б о е д о в, Горе от ума, II, I); Привет тебе и мир! (Т у р г е н е в, Ася, VII).

Сказуемое этих конструкций выражено дательным падежом существительного или местоимения. Порядок главных членов прямой, и несмотря на это, логическое ударение на подлежащем. Как правило, подобные предложения являются побудительно-восклицательными. Они служат синонимами предложений с глаголами и частицами повелительного наклонения: «*Пусть будет мир...*» — «*Да будет мир...*» В предложении:

Хороводко: Скажи, дескать, мобилизация отменена, а *им за героство честь и слава*. (Н. О с т р о в с к и й, Как закалялась сталь, II, IV)

эта конструкция имеет изъявительное наклонение, что определяется контекстом сложного предложения. Порядок главных членов здесь обратный, интонация повествовательная.

Наибольший интерес и сложность представляет в данных предложениях *категория времени*. В грамматической литературе вопрос этот совершенно не разработан. Замечания И. А. Поповой касаются в основном отрицательных структур: конструкции с отсутствующей формой «не» имеют значение настоящего времени или вневременное:

Анисья: Ни работы от тебя, ни радости. (Л. Толстой, Власть тьмы, I).

Эта категория выступает несколько ослабленно:

На стене ни одного образа — дурной знак! (Л е р м о н т о в, Тамань) ¹⁾.

¹⁾ Неполные предложения в современном русском языке. Труды И-та языкознания, изд. АН СССР, т. II, М., 1953, стр. 77—78.

Грамматика АН СССР утверждает, что в предложениях, структурной особенностью которых является отсутствие глагольного сказуемого, значение времени определяется «общим временным планом повествования»¹⁾. Н. С. Поспелов же считает, что каждое предложение данного типа имеет совершенно конкретное временное значение²⁾.

Таким образом, имеющиеся в литературе точки зрения расходятся между собой. Необходимо определить, как выражается категория времени в отдельно взятом предложении данного типа, каково значение и форма этой категории.

В специальной литературе неоднократно указывалось на исчезновение форм настоящего времени глагола «быть». Отсюда можно было бы сделать вывод о том, что бытийные предложения имеют нулевую форму настоящего времени с теми же значениями, которые могут быть ей присущи. Однако факты языка свидетельствуют о том, что средства выражения категории времени в данном случае различны и своеобразны. Рассматриваемые предложения могут иметь не только значение настоящего времени, прямое и переносное, но и значение прошедшего и будущего времени. Временное значение может определяться на основании контекста и самого данного предложения, и соседних предложений, предшествующих или последующих. Понятие контекста самого данного предложения составляют как отдельные его члены, так и всё смысловое содержание в целом.

1. Если в контексте данного предложения нет указания на время бытия лица или предмета, то содержание этого предложения воспринимается в плане настоящего времени.

Оно может быть собственно-настоящим, то есть совпадать с моментом речи, и расширенным, вплоть до беспредельно длительного. Примеры многочисленны и очевидны. Длительное, в той или иной мере, настоящее время:

¹⁾ Грамматика русского языка, изд. АН СССР, т. II, ч. II, М. 1954, стр. 97.

²⁾ Рецензия на II том Трудов Ин-та языкознания за 1953 г. Вопросы языкознания, М., 1954, № 1.

Печорин: Вы ошибаетесь опять: я вовсе не гастроном: у меня прескверный желудок. (Лермонтов, Княжна Мэри);

Облонский: *Но в этом-то и цель образования: из всего делать наслаждение.* (Л. Толстой, Анна Каренина, I X); Теплов: *Понимаешь, Вадим, у нас в частях очень подавленное настроение.* (А. Толстой, Хмурое утро, XIX).

Указанное временное значение устанавливается смысловым содержанием самих бытийных конструкций.

На этом же основании определяется значение собственно-настоящего времени в предложениях:

Дубровский: *А зачем с тобою топор?* (Пушкин, Дубровский, I); Соня: *Дядя, у тебя на глазах слезы!* (Чехов. Дядя Ваня, II); *Кто здесь? — слышался голос Инсарова.* (Тургенев, Накануне, XXV).

При непосредственном обращении ко второму лицу возможно только это временное значение.

В ряде случаев оно также определяется лишь контекстом сложного предложения или ряда самостоятельных предложений:

Смотрите наверх! — шепнул я ей: — это ничего, только не бойтесь: я с вами. (Лермонтов. Княжна Мэри); *Я подполковник Дундич, со мной — моя охрана.* (А. Толстой, Хмурое утро, XIX).

Предложение может иметь значение и прошедшего, и будущего времени, что устанавливается лишь в более широком контексте. В отдельных случаях решающее значение имеет не форма времени соседних предложений, а смысловое содержание бытийной конструкции или окружающего контекста.

Значение прошедшего времени

Временное значение выделенной конструкции определяется категорией времени предшествующего предложения:

И княгиня внутренне радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервический припадок: она проведет ночь без сна и будет плакать. (Лермонтов, Княжна Мэри).

В следующем контексте временной план повествования определяют глаголы второго простого предложения:

Казбич: Вдруг предо мною рывина глубокая; скакун мой призадумался — и прыгнул. (Лермонтов, Бэла); *Глухой треск под ногами, и сотрясения аппарата стали так сильны, что Гусев схватился за сиденье, выкатил глаза.* (А. Толстой, Аэлита).

Гораздо чаще категория времени устанавливается, однако, предшествующим контекстом.

Глагольные и связочные формы, на основании которых определяется временное значение, могут находиться одновременно и в предыдущем и в последующем контексте и даже (в качестве придаточного предложения) в составе рассматриваемой конструкции:

Его ладонь *была* влажная, и на лбу *влажная* прядь волос, и влажные длинные чёрные глаза *засматривали* с мокрой нежностью. (А. Толстой, Сестры, II); По их тону и выражению лиц никак нельзя было предположить, что там, на правом берегу, куда они так *спешили*, — *осажденный город*, на улицах которого каждую минуту рвались снаряды. (Симонов, Дни и ночи, III); Что ему было делать: от Арзиньяна до Тифлиса два месяца *ездл*, а оставалось только два дня. (Лермонтов, Ашик-Кериб).

Несмотря на общий временный план повествования, это последнее выделенное предложение имеет значение настоящего расширенного времени, что определяется его лексическим содержанием.

В следующих простых предложениях значение настоящего расширенного времени подсказывается содержанием всего сложного предложения:

Немцы взяли пароходик в так называемую артиллерийскую вилку — *один снаряд впереди, один сзади*. (Симонов, Дни и ночи, III).

Особо должны быть рассмотрены случаи, когда в соседнем предложении употреблена форма прошедшего времени бытийного глагола.

Здесь *было* много плодов и дичи, в горах *золото, олово и медь*. (А. Толстой, Аэлита);

Гусев пошёл заглядывать в боковые—низкие, затхлые, слабо освещенные комнаты. В одной *был* высохший бассейн, в нём *валялся* дохлый паук. В другой — *вдребезги разбитое зеркало, составляющее одну из стен, на полу — куча истлевшего тряпья, опрокинутая мебель, в шкафах — лохмотья одежд*. (Там же).

Рассмотренные выше бытийные конструкции имеют значение настоящего исторического времени с присущей ему выразительностью в передаче фактов прошлого. Различие между наглядностью формы настоящего времени и простой описательностью прошедшего ярко выражено в следующем сложном предложении, где третье простое предложение является бытийным безглагольным:

Обширный кабинет *был* убран со всевозможной роскошью; около стен *стояли* шкафы с книгами, и *над* каждым *бронзовый бюст*; *над* мраморным камином было *широкое зеркало*; пол обит *был* зелёным сукном и устлан коврами. (Пушкин, Выстрел).

Во многих случаях, однако, отсутствие бытийного глагола объясняется только тем, что по стилистическим нормам русского языка оно не повторяется в соседнем простом предложении в составе сложного:

У Кати *была* мама, а у мамы *домик* в три комнаты, *корова и садик с малиной*. (Панова, Спутники I, II); Ольга Александровна: Двадцать три года назад, когда мне *было* семнадцать, а ему *двадцать один*, он неудачно объяснился мне в любви. (Симонов, Чужая тень, III, IV).

Возникает вопрос: не следует ли считать все выделенные предложения неполными? Если в составе сложного предложения или сложного синтаксического целого два или несколько простых предложений имеют общее не бытийное сказуемое, то безглагольная конструкция будет неполной, например: *Один из них стоял у окна, другой — у двери*.

Глаголы же с бытийным значением отличаются в этом отношении от всех других глаголов. Значение бытия передается данной структурой предложения и без помощи глагола, контекстом уточняется лишь значение времени, что само по себе не создает неполноты интересующей нас конструкции.

Однако в тех случаях, когда факты языка неоспоримо указывают на пропуск, простое неповторение глагола, бытийное безглагольное предложение будет неполным. Сам факт существования неполных бытийных предложений подобного типа свидетельствует о структурной самостоятельности конструкций, признаваемых полными.

Значение будущего времени.

Значение времени бытийного предложения определяется окружающим контекстом.

Жиров: *Объявим* всеобщий карнавал... Винные склады — на улицу, на площадях — *военные оркестры*... (А. Толстой, Восемнадцатый год, VIII); Здесь все казалось лёгким и возможным. А какова *будет* расплата потом, на севере, в скучной квартире, когда за окнами *дождь*, а в прихожей *трещит* телефон и все кому-то чем-то обязаны, — стоит ли *думать о расплате*. (А. Толстой, Сёстры, XII).

Показательно, что это же временное значение присуще в данном примере и двум соседним предложениям, сказуемое которых выражено другими морфологическими средствами.

Даша: Мы пока в комнату к тебе заходить *не будем, мы на кухне...* (А. Толстой, Хмурое утро, XX); В самом деле Три дома на вечер зовут: Там *будет* бал, там *детский праздник*. (Пушкин, Евгений Онегин, I, XV).

Два последних выделенных предложения — неполные.

Оттуда до низу будет сажень тридцать, *внизу острые камни*. (Лермонтов, Княжна Мэри).

В последнем примере форма будущего времени бытийного глагола имеет значение настоящего расширенного. То же самое значение присуще и выделенной конструкции. Следовательно, она является полной.

Если в самом данном предложении есть слова с временным значением, то на этом основании определяется или одно какое-либо значение, или возможно различное понимание временного плана повествования, и тогда категория времени устанавливается более широким контекстом.

а) Временное значение определяется общим планом повествования.

Значение прошедшего времени.

Потом была радуга. Радуга *отразилась, замкнулась* в океане, и мы, как циркачи, бросались в радужный обруч. *Потом опять пловучие губки, летучие рыбки и опять пловучие губки Саргассова моря*, а в редкие торжественные случаи — фонтаны китов. (Маяковский, Моё открытие Америки); *Было уже два часа — её не было, потом три, потом четыре...* (Симонов, Дни и ночи, XV).

Без окружающего контекста возможно и значение будущего времени в приведённых выше бытийных предложениях.

Значение будущего времени.

Анна: *Нынче скачки, его лошади скажут, он едет*. (Л. Толстой, Анна Каренина, VI, XXIII).

Значение будущего времени глаголов определяется здесь более широким, чем данное сложное предложение, контекстом.

Лось подумал (сознание было спокойное и ясное): — через секунду, — аппарат *не успеет* повернуть в притягивающей его массе горлом, — *через секунду — смерть.* (А. Толстой, Аэлита); Фосфорическая женщина: Сначала *признайте*, — *выгоды потом.* (Маяковский, Баня, V).

В отдельно взятом бытийном предложении возможно здесь и значение прошедшего времени. (Нынче были скачки. Выводы были потом и др.).

Значение настоящего постоянного.

Проходит время; между тем
Прикажут Ольге чай готовить;
Там ужин, там и спать пора,
И гости едут со двора.
(Пушкин, Евгений Онегин II, XXXIV).

Жизнь армейского офицера известна. *Утром ученье, манеж; обед у полкового командира или в жидовском трактире, вечером пунш и карты.* (Пушкин, Выстрел); До двух часов занятия должны были идти не прерываясь, а в *два часа — перерыв и завтрак.* (А. Толстой, Анна Каренина, I, V); Кручинина: Лавры—то потом, а сначала горе да слезы. (А. Островский, Без вины виноватые, II, III); Адьютант: Сначала демократия, потом парламент. (Маяковский, Хорошо! 5).

Во всех этих случаях временное значение бытийных конструкций выясняется из смыслового содержания всего сложного предложения или ряда самостоятельных предложений.

Значение собственно-настоящего времени.

— *Теперь три градуса тепла*, а между тем *идет снег*, — говорил Гуров дочери. (Чехов, Дама с собачкой).

В данном случае категория времени определяется формой настоящего времени глагола во втором простом предложении, т. к. при слове «теперь» возможно и сказуемое «будет». Все рассмотренные бытийные предложения следует признать полными.

б) Предложение имеет только одно какое-либо временное значение (что определяется наличием соответствующих слов в его составе).

Настоящее время.

Теперь три четверти двенадцатого, — сказал он самому себе... (Тургенев, Накануне, XXVIII).

Ольга Ивановна: *Сегодня четверг*, значит, в половине де-

сятого придёт пароход. (Чехов, Попрыгунья); Трубников: Сегодня двадцать первое декабря... (Симонов, Чужая тень, I, I).

Будущее время.

Незнамов: Что тогда? (А. Островский, Без вины виноватые, III, VIII); Муров: Я один из самых крупных землевладельцев, у нас скоро выборы, я баллотируюсь на видную должность... (Там же, IV).

Прошедшее время.

Вчера — бой, завтра — бой. (А. Толстой, Восемнадцатый год, V).

И при всех других обозначениях прошедшего отрезка времени сказуемым или обстоятельством: на прошлой неделе, в прошлом году и т. п.

Распространены предложения с перфектным значением:

Максим Максимыч:... я тотчас же догадался, что он на Кавказе у нас недавно. (Лермонтов, Бэла); Муров: Но откуда же у вас это имя? (А. Островский, Без вины виноватые, III, VII); Артём: От Павки известия. (Н. Островский, Как закалялась сталь, I, VII).

Таким образом, каждое отдельно взятое двусоставное бытийное безглагольное предложение обладает категорией времени. Эта категория определяется здесь не отсутствием формы настоящего времени глагола «быть», а наличием или отсутствием в составе предложения слов с временным значением.

Бытийная конструкция может иметь любое из существующих в современном русском языке временных значений. Формой их выражения служит как содержание всего предложения в целом, так и значение отдельного его члена — сказуемого или обстоятельства. В ряде случаев значение времени устанавливается на основании более широкого, чем данное предложение, контекста, что не создает неполноты рассматриваемых конструкций за исключением тех случаев, когда в языке имеется объективное указание на пропуск бытийного глагола.

Категория времени выражается здесь грамматически (категорией времени глагола или глагольной связки соседних предложений), лексическими (смысловым содержанием данной конструкции или окружающих предложений) и лексико-грамматическими средствами (значением сказуемого или обстоятельства бытийного предложения).

Всё это свидетельствует о том, что в рассмотренных предложениях могут отсутствовать не только формы настоящего времени бытийного глагола, *но также формы прошедшего и будущего времени*, и это вызывается не утратой в современном русском языке всех этих форм, а возможностью передачи смыслового и грамматического содержания предложений данного типа без участия глагольного сказуемого.

Таким образом, среди двусоставных безглагольных конструкций, относимых к числу неполных, по широте своего употребления и грамматическим особенностям выделяются прежде всего предложения с бытийным значением. По отношению к соответствующим глагольным конструкциям (там, где они существуют в языке) их следует считать самостоятельным структурным типом грамматического строя современного русского языка, разновидностью двусоставных предложений с несогласованным именным сказуемым. Наречия и косвенные падежи в составе этих предложений выполняют функцию сказуемого или любого второстепенного члена, что свидетельствует о разнообразии в современном языке форм и значений таких членов предложения, как сказуемое и определение.

М. И. МОРОЗОВА

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ГЛАГОЛОВ
V ПРОДУКТИВНОГО КЛАССА В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

В последнее время немало работ посвящено конкретному изучению глагольного словообразования, главным образом, приставочного и суффиксального. При описании словообразовательных типов исследователи учитывают, что общее значение образований является результатом взаимопроникновения основы и аффикса, что «один и тот же словообразовательный аффикс может быть продуктивным в соединении с одним разрядом основ и непродуктивным с другим»¹⁾. Поэтому, описывая словообразовательные типы, исследователи обычно устанавливают внутри их так называемые модели, т. е. главные разновидности сочетаний словообразовательного аффикса с различными семантико-морфологическими типами основ и рассматривают уже эти модели.

В настоящей статье мы тоже делаем попытку наметить и кратко описать словообразовательные модели глаголов пятого продуктивного класса с суффиксом -ну/-н-. К решению этой задачи можно подойти по-разному, в зависимости от того, какие черты глаголов выбрать за основу их классификации.

В современных работах по глагольному словообразованию модели выделяют на основании ряда различных признаков. Таким признаком может быть общее значение образований, которое получается в результате взаимо-

¹⁾ В. В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, сб. Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, изд. АН СССР, М., 1952 г., стр. 129.

действия общего значения аффикса с семантикой основ. Оно не равно значению ни одного из компонентов слова, хотя принято называть его значением аффиксов. В словообразовательном анализе, на наш взгляд, такого рода значения точнее называть, как это делает Б. Н. Головин, «словообразовательными». Словообразовательными являются, например, начинательное значение глаголов с приставками за-, по-, детерминативное значение глаголов с приставками по-, про- и т. п.

Выделение словообразовательных моделей может также быть основано на типе лексического значения основ. Например, Е. А. Земская¹⁾ среди глаголов с приставкой за- и словообразовательным значением начала процесса называет глаголы речи и звуковых явлений (зашуметь), конкретного физического действия (замахаться), чувств и психических переживаний (захотеть) и т. д. Описание этих типов дает представление о лексических границах распространения того или иного словообразовательного значения (которое, как правило, объединяет несколько лексических групп основ); кроме того, аффикс может быть в различной мере продуктивен с разными лексическими типами основ. Со структурно-грамматической стороны модели могут характеризовать морфологическая природа основ (в суффиксальных типах принадлежность производящих основ той или иной части речи, в приставочных — словообразовательному классу глаголов) и вариант суффикса (в суффиксальных типах).

Помимо этих основных признаков словообразовательные модели глаголов могут различаться целым рядом других особенностей: отношением к грамматическим категориям (в частности, к категории переходности), стилевой принадлежностью, отношением к ударению и др.

В конечном итоге такой анализ позволяет выявить продуктивные модели образования новых слов, словообразовательную тенденцию класса. «При таком изучении открывается диалектический ход развития словообразовательных категорий, — пишет акад. В. В. Виноградов. — В пределах одного и того же словообразовательного типа наблюдается сложное взаимодействие и соотношение отживающих, отмирающих, пережиточных форм с новыми,

¹⁾ Е. А. Земская. Вопросы изучения приставочного словообразования в современном русском языке, канд. дисс., М., 1952 г.

активно развивающимися»¹⁾). Продуктивность модели зависит от многих моментов: от продуктивности аффикса в сочетании с данным типом основ, от того, какими ресурсами таких основ располагает язык, от структурной прозрачности словообразовательной модели и др.

Однако в разных словообразовательных типах все эти черты проявляются неодинаково. Особенно резкая разница существует между приставочными и суффиксальными (-бесприставочными) образованиями глагола. Приставочным в большинстве случаев (кроме «грамматикализованных» образований, связанных видовой соотносительностью с бесприставочными глаголами) присуще яркое словообразовательное значение, которое «перекрывает» структурно-грамматические различия глаголов и объединяет глаголы разных классов с разными приставками. Поэтому при словообразовательном анализе приставочных глаголов последние принято группировать по словообразовательным значениям, а не структурно-грамматическим признакам²⁾ Суффиксальным образованиям глагола редко бывает свойственно яркое словообразовательное значение, поэтому в словообразовательном анализе на первый план выдвигаются структурно-грамматические особенности.

Кроме того, перечисленные выше словообразовательные признаки обычно сложно переплетаются между собой в одних и тех же глаголах; например, при одинаковом варианте суффикса глаголы могут различаться морфологической природой основ и при одинаковой морфологической природе основ могут иметь разные варианты суффикса. Глаголы 1-го продуктивного класса с суффиксом -а-, соотносятся с именами, звукоподражаниями, глаголами, те же глаголы, соотносительные с именами, образуются с суффиксами -а-, -нича-, -ича-. Поэтому *разграничение* структурно-семантических групп глаголов всегда в известной мере условно и зависит от исследователя: если имеется несколько возможных оснований для классификации, исследователь вправе выбрать разные варианты группировки глаголов.

¹⁾ В. В. Виноградов. Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. «Русский язык в школе», 1951 г., № 2, стр. 8.

²⁾ См. Е. А. Земская, указ. диссертация. В. П. Григорьева. Префиксация как средство внутриглагольного словопроизводства в современном русском литературном языке, канд. дис., М., 1956 г.

И мы, прежде, чем изложить принятую нами классификацию глаголов V продуктивного класса, нашли нелишним рассмотреть другие возможности классификации, от которых мы отказались. Их было две — сгруппировать глаголы 1) по соотнесённости с основами других частей речи и 2) по варианту суффиксов. Надо заметить, что мы учитывали при этом наличие в составе V продуктивного класса новообразований типа *голоснуть*, *группнуть*, *крикнуть*, *торгануть* и т. п. Как отдельные слова немногие из них стали общеупотребительными и вошли в словарный состав современного языка (в большинстве случаев они принадлежат разговорному «словотворчеству»). Но как способ образования новых слов они представляют продуктивнейшую в современном языке словообразовательную модель, игнорировать которую при описании V продуктивного класса нам казалось невозможно.

Можно было глаголы V продуктивного класса сгруппировать по соотнесённости с основами других частей речи. На этом признаке построены, например, классификации глаголов в диссертациях К. С. Самуйловой и В. Г. Костомарова¹⁾. В. Г. Костомаров в пределах 4-го продуктивного класса рассматривает «модели образования глаголов от основ имен существительных» и «модели образования глаголов от основ имен прилагательных». К. С. Самуйлова в 1-ом продуктивном классе выделяет группы непроеизводных глаголов и глаголов, соотносительных с именами, звукоподражаниями, глаголами. Целью этих классификаций является «строгое разграничение внутриглагольного словообразования и словообразования от основ других частей речи»²⁾.

В V продуктивном классе, помимо глаголов, соотнесенных только с глаголами (*толкнуть*—*толкать*, *качать*—*качать* и др.), есть глаголы, соотнесенные с именами существительными (*голоснуть* — *голос*, *критикнуть* — *критика*, *штрафнуть* — *штраф*, *пискнуть* — *писк*, *свистнуть* — *свист* и др.), звукоподражаниями и междометиями (*аукнуть* — *ау!*, *каркнуть* — *кар!*, *ахнуть* — *ах!*, *дакнуть* — *да*

¹⁾ К. С. Самуйлова. Вопросы суффиксального образования глаголов 1-го прод. класса в современном русском языке. М., 1954 г., канд. дисс. В. Г. Костомаров. Словообразовательная структура глаголов класса -ить (-ю) — -ять в современном русском языке, М., 1955 г., канд. дисс.

²⁾ См. указ. дисс. В. Г. Костомарова, стр. 30.

и т. п.). Но «строгое разграничение» двух сфер глагольного словообразования затруднено здесь тем, что глаголы, соотнесенные с именами и междометиями, одновременно соотнесены и с глаголами: *голоснуть* — *голосовать*, *критикнуть* — *критиковать*, *пискнуть* — *пищать*, *аукнуть* — *аукать*, *ахнуть* — *ахать*, *дакнуть* — *дакать* и т. д. В лингвистической литературе суффикс -ну- признан исключительно средством внутриглагольного словообразования, которое служит для производства форм сов. вида от глаголов несов. вида. Иначе говоря, связь глаголов сов. вида на -нуть- типа *аукнуть*, *дакнуть* со сферой внешнеглагольного словообразования считается, по-видимому, опосредствованной формами несов. вида (*аукать*, *каркать*). Так, В. В. Виноградов в качестве средств производства глаголов от междометий и слов, близких к ним по функции, называет только суффиксы -ать,- -кать, не упоминая о суффиксе -ну о нём же говорит только как о средстве внутриглагольного словообразования¹⁾.

Неясно лишь, распространяется ли то, что говорится о суффиксах, целиком на глаголы с этими суффиксами. Если так, то глаголы *аукать*, *гавкать*, *ахать*, *дакать* и т. п. приходится целиком отнести к сфере внешнеглагольного, а глаголы с той же основой *аукнуть*, *гавкнуть*, *ахнуть*, *дакнуть* и др. — к сфере внутриглагольного словообразования. Между тем, если исходить из отношений современного языка, трудно сказать, какая из двух видовых форм звукоподражательных глаголов производится непосредственно от междометия, а какая является уже производной от нее. Обе видовые формы образуются присоединением суффиксов -а- и -ну- к одной и той же одинаково оформленной основе: ау-к -ать, -нуть; кар-к -ать, -нуть; да-к/-ать, нуть; трень-к/-ать, -нуть; ах/-ать, -нуть и т. п. Другими словами, в современном языке подобные основы одинаково способны образовывать обе видовые формы; суффиксы -а- и -ну- по отношению друг к другу в равной мере различают вид и класс глаголов внутриглагольной системы: если суффикс -ну- служит показателем глагола сов. вида в отличие от глагола несов. вида, то то же действительно для суффикса -а-: он отличает глагол несов. вида от глагола сов. вида с суффиксом -ну-.

¹⁾ В. В. Виноградов. Русский язык, 1947 г., стр. 436, 437—438.

Их внутриглагольное различие взаимно. В то же время морфологическим происхождением основ обе формы связаны со сферой внешнеглагольного словообразования; через нее происходит пополнение звукоподражательных глагольных основ вообще, которые уже в зависимости от вида глагола оформляются по I-му или V-му продуктивному классу. Мы не считаем возможным отнести звукоподражательные глаголы к какой-нибудь одной сфере глагольного словообразования, полагая, что они одновременно принадлежат обоим сферам (внутренней и внешней).

Такой же двойной соотнесённостью обладают и новообразования типа *голоснуть*, *критикнуть*: внутри глагольной системы они соотнесены с глаголами несов. вида (*голосовать*, *критиковать*), вне её — с именами существительными (*голос*, *критика*).

Поэтому, если б за основу классификации глаголов V прод. класса мы выбрали признак их соотнесённости с основами других частей речи, то отказались бы от строгого разграничения их по сферам внутри- и внешнеглагольного словообразования¹⁾. Тогда классификация выглядела бы так: 1) глаголы, соотнесенные только с глаголами, 2) глаголы, соотнесенные с глаголами и междометиями, 3) глаголы, соотнесенные с глаголами и именами.

Теперь о составе этих групп. Мы не можем согласиться с К. С. Самуйловой, которая в группу междометных и звукоподражательных глаголов включает глаголы *брякать*, *гроыхать*, *гаркать*, *рявкать*, *хлюпать*, *чиркать*, *чмокать*, *хрупать*, *шамкать*, *шаркать*, *щелкать* и т. п. — неясно, по соотнесённости ли с современными междометиями или на основании их этимологии? Если К. С. Самуйлова имела в виду звукоподражательное происхождение этих глаголов, то нужно было доказать его, потому что в современном языке оно неясно. Но такое основание классификации при анализе современного языка является грубым нарушением синхронии²⁾. Если К. С. Самуйлова

1) В классификации К. С. Самуйловой разграничиваются «глаголы, соотносительные с глаголами» (*прыгать* — *прыгнуть*, *качать* — *качнуть*) и «глаголы междометные и звукоподражательные» (*аукать*, *ахать*, *брякать*). Но последние тоже соотносятся с глаголами (*аукнуть*, *ахнуть*, *брякнуть*), так что по внутриглагольной соотносительности они не противопоставлены первым.

2) Мы имеем в виду только недопустимость смещения планов синхронии и диахронии. Вообще же привлечение истории при изучении современного языка во многих случаях необходимо.

имела в виду их соотнесённость с междометиями *бряк! чирк! шарк! чмок! шмяк! щёлк!* и т. п., то они являются глагольными, такими же, как междометия *брык! дерг! толк! порх! двиг! прыг!* и т. п. при глаголах *брыкнуть, дернуть, толкнуть, порхнуть, двинуть, прыгнуть*, и др.¹⁾. Признавая их междометными на этом основании, надо признать междометными и глаголы *толкнуть, порхнуть, двинуть, прыгнуть*, и т. п., что явно невозможно.

Мы считаем, что звукоподражательными и междометными глаголами можно считать только такие, производность которых от первичных звукоподражаний и междометий несомненна в современном языке, в силу чего они сохраняют прозрачную словообразовательную структуру: *ау-к-нуть, мяу-к-нуть, кар-к-нуть, фу-к-нуть, да-к-нуть, не-к-нуть, я-к-нуть, ах-нуть, ох-нуть* и т. д. Глаголы же *брякнуть, звякнуть, чиркнуть, шаркнуть* и т. п., может быть, и звукоподражательные по происхождению, в современном языке не соотнесены с первичными звукоподражаниями и междометиями и не являются звукоподражательными.

С другой стороны, эти глаголы имеют ряд общих черт со звукоподражательными: звуковое значение, ударение на корне (безударный суффикс) и характерное окончание корня -к- (реже другие окончания: *писк-нуть, лязг-нуть, хлоп-нуть* и т. д., о чем речь будет ниже). Поэтому мы согласны с К. С. Самуйловой в том, что для настоящего описания удобно объединить их в одну группу, но не по признаку происхождения, а по звуковому значению. Как раз по признаку соотнесённости с основами других частей речи подобные глаголы не представляют единства в современном языке и оказываются в трех разных группах глаголов, соотнесённых 1) только с глаголами: *брякнуть, чиркнуть, шаркнуть, щелкнуть*; 2) с глаголами и именами: *пискнуть — писк, лязгнуть — лязг, крикнуть — крик, треснуть — треск*; 3) с глаголами и междометиями: *аукнуть-ау! тренькнуть-трень! ахнуть-ах!*

Другой недостаток такой классификации мы видим в

¹⁾ На глагольное происхождение междометий *бряк! звяк! чирк! шарк!* и др. указывает присутствие особого элемента -к-, посредством которого производятся глагольные основы от звукоподражаний и первичных междометий: *бряк!* из *брень-к-/нуть*, *звяк!* из *звень-к-/нуть*, *бурк!* из *бур-к-/нуть*, *бульк!* из *буль-к-/нуть*, *фырк!* из *фыр-к-/нуть* и т. д.

том, что не выделенными в ней, не отграниченными от старых однократных глаголов остаются просторечно-экспрессивные новообразования (от основ сложно-составного и отвлеченного действия). Они могут соотноситься и только с глаголами: *гульнуть* — *гулять*, *кутнуть* — *кутить*, *писнуть* — *писать* («*писнуть* письмо, фельетон»), *сыпнуть* — *спать*, как глаголы *брякнуть*, *щелкнуть*, *толкнуть*, *лизнуть* и др., — и с глаголами и именами: *крикнуть* — *критика*, *гриппнуть* — *грипп*, *голоснуть* — *голос*, *шикнуть* — *шик*, как глаголы *пискнуть*, *лязгнуть*, *греснуть*, *свистнуть* и т. п.

Более приемлемой была бы классификация по вариантам суффикса, которая тоже принята в описаниях суффиксальных типов глагола. Н. С. Авилова¹⁾, например, глаголы 3-го продуктивного класса группирует по наличию суффиксов -ова, -ствова-, -ирова-, -изирова-, -изова-; К. С. Самуйлова глаголы 1-го продуктивного класса, соотносительные с именами, рассматривает в зависимости от суффиксов -а-, -нича-, -ича-, глаголы, соотносительные с глаголами, в зависимости от суффиксов -а-, -ва-, -ева-, -ыва- и т. д.

В V продуктивном классе есть варианты суффикса (-ну-, -нү-, -анү-) и существует определенная тенденция в их распределении, которая должна быть отражена любой классификацией. Тем не менее классификация не была бы полной, если основать её только на этом признаке без учёта семантического типа основ, с которыми сочетается суффикс -ну- и его варианты. В ней осталось бы не выраженным новое явление внутри V продуктивного класса — появление образований от основ необычного для него типа, со значением сложносоставного и отвлеченного действия (*агитнуть*, *критикнуть* и проч.).

Наибольшее единство представляла бы группа глаголов с безударным суффиксом -ну-. В нее совсем не попали бы просторечно-экспрессивные новообразования типа *голоснүть*, *агитнүть*, а только глаголы со значением простейшего (звукового или физического) действия. Подавляющую часть этой группы составляли бы глаголы звукового значения: *аукнуть*, *булькнуть*, *гавкнуть*, *звякнуть*, *крикнуть*, *пискнуть*, *щёлкнуть* и т. д.; пятую часть состав-

¹⁾ Н. С. А в и л о в а. Вопросы суффиксального словообразования в современном русском литературном языке. Глаголы с суффиксом -ова-. Канд. дисс., М. 1953 г.

ляли бы глаголы со значением простого физического действия (совсем не имеющие звукового значения): *брызнуть, двинуть, дернуть, кинуть, прыгнуть* и др.

Довольно единой по просторечно-экспрессивной окраске всех образований и семантическому составу основ была бы и группа с суффиксом *-ану́-*. Большинство глаголов с суффиксом *-ану́-* в современном языке образуется от основ со значением простейшего (звукового или физического) действия, при которых уже существуют нейтральные однократные глаголы с суффиксом *-ну-ну́-*: *толкну́ть (толкнуть), дергану́ть (дернуть), щелкану́ть (щелкнуть), хлестану́ть (хлестнуть), махану́ть (махнуть)* и т. д. Но возможны образования с суффиксом *-ану-* и от основ сложносоставного и отвлеченного действия: *торгануть, психануть, рискануть, штрафануть* и др., которые попали бы в ту же группу.

Самой разношерстной по стилистической окраске глаголов и семантике основ оказалась бы группа глаголов с суффиксом *-ну́-*. С ним в современном языке существуют и нейтральные однократные глаголы, называющие такое простейшее единичное (физическое) действие, которое может быть тут же неоднократно повторено вновь: *глотнуть, копнуть, качнуть, моргнуть, толкнуть, шагнуть* и т. д.; и с ним же, в основном, образуются очень продуктивные в современном языке просторечно-экспрессивные глаголы, называющие сложное и отвлеченное действие: *агитнуть, критикнуть, спекульнуть, грипнуть, эксплуатнуть* и т. п.

Мы думаем, что в словообразовательной классификации глаголов V продуктивного класса, как, может быть, никакого другого класса, должен быть учтён семантический тип основ, с которыми сочетается суффикс *-ну-*.

Если говорить только об общеупотребительных глаголах, являющихся «фактами языка», то V продуктивный класс очень однороден по семантическому составу: почти полностью состоит из глаголов, называющих предельно простые и конкретные действия (так наз. однократных, мгновенных, или моментальных глаголов: *глотнуть, моргнуть, прыгнуть, дернуть, пискнуть, щёлкнуть* и т. д.). С основами более сложного семантического типа суффикс *-ну-* до недавнего времени, по-видимому, почти не сочетался. Очевидно, «семантическая связанность» суффикса *-ну-* с определённым, очень узким кругом основ и являет-

ся причиной малочисленности глаголов V продуктивного класса по сравнению с глаголами 1-го, 3-го и 4-го продуктивных классов (бесприставочных глаголов в нём насчитывается в современном языке меньше двухсот, все глаголы с суффиксом -ну-, по подсчёту К. С. Самуйловой, составляют 5% всех суффиксальных глаголов, в то время как глаголы 1-го, 3-го и 4-го продуктивных классов, взятые вместе, — около 90%).

В современной разговорно-фамильярной речи суффикс -ну- (-ану́-) получил способность сочетаться с самыми разнообразными основами, обозначающими сложные отвлечённые понятия из сферы общественной, деловой, психической и проч. жизни человека: *агитнуть, голоснуть, спекнуть, трухнуть, форснуть, гульнуть, писнуть, гриппнуть, телеграфнуть, торгануть, психануть, флиртануть* и т. п. Очевидно, этому «освобождению» суффикса -ну-, хотя бы пока только в фамильярном стиле речи, привело какое-то внутреннее развитие класса (может быть, развитие экспрессивных и переносных отвлечённых значений в старых однократных глаголах). В настоящее время среди всех основ, с которыми стал сочетаться суффикс -ну-, трудно выделить какие-нибудь основные семантические группировки, настолько они разнообразны. Их только объединяет в противоположность основам однократных глаголов большая сложность и отвлечённость называемого ими действия. Это противоположение мы и приняли за основу классификации.

Итак, древнейшей и характернейшей моделью класса являются сочетания суффикса -ну- — -ну- (-ану́-) с основами предельно простого и конкретного (звукового или физического) действия (так называемые однократные глаголы). Новой словообразовательной моделью являются сочетания суффикса -ну́- (-ану́-) с основами сложносоставного и отвлечённого действия.

Внутри первой модели глаголы с суффиксом -ану́- противопоставлены глаголам с суффиксами -ну- — ну, как стилистически сниженные экспрессивные образования (в большинстве случаев при одной и той же основе: *махнуть-махануть*), но по характеру обозначаемого ими действия и общему однократному значению (допускающему повторяемость единичных простых действий) они являются однократными глаголами. Подлинным ядром V продуктивного класса являются однократные глаголы с суффик-

сом -ну-нў-. Среди них выделяются глаголы звукового значения и физического действия: первым соответствует безударный суффикс -ну- (*аўкнуць, звякнуць*), вторым в большинстве случаев — ударяемый суффикс -нў- (*толкнуць, качнуць*), но возможен и безударный (*дёрнуть, двинуть*).

Внутри второй модели (типа *агитнуть*) тоже оказываются глаголы с суффиксами -нў- и -анў-: *торг-анўть* и *спекуль-нўть*, *штраф-анўть* и *телеграф-нўть*, *флирт-анўть* и *щеголь-нуть*. Но здесь различие вариантов -нў и -анў- не означает различия глаголов по экспрессивной и стилевой окраске, потому что те и другие одинаково являются просторечно-экспрессивными образованиями (в первой же модели глаголы с суффиксами -ну- — -ну- являются обычно нейтральными, если сама основа не является просторечной). Не различаются они и в лексико-семантическом отношении (ср. *торгануть* и *спекульнуть*). Мы не считаем поэтому, что внутри этой модели необходимо разграничить глаголы в зависимости от варианта суффикса, тем более, что и выбор суффикса (-нў- или -анў-) здесь нередко случаен.

Итак, словообразовательная классификация глаголов V продуктивного класса представляется нам в следующем виде:

1) ОБРАЗОВАНИЯ ОТ ОСНОВ ПРЕДЕЛЬНО ПРОСТОГО И КОНКРЕТНОГО ДЕЙСТВИЯ

А. Глаголы с суффиксом -ну-нў,

1. *звукового действия* (с суффиксом -ну-),
2. *физического действия* (преимущественно с суффиксом -нў-).

Б. Глаголы с суффиксом -анў-.

2) ОБРАЗОВАНИЯ ОТ ОСНОВ СЛОЖНОСОСТАВНОГО И ОТВЛЕЧЕННОГО ДЕЙСТВИЯ (С СУФФИКСАМИ -НУ-АНУ-).

Конечно, как и всякая другая, эта классификация условна, т. к. учитывает наиболее типичные, крайние случаи, между которыми есть и переходные, и просто невыразительные образования. Например, глаголы *брякнуть*, *хлопнуть*, *шлепнуть*, *стукнуть*, *шаркнуть* и др. могут обозначать звуковое действие — и действие физическое, сопровождаемое звуком (иногда без него). Мы относим такие глаголы в группу глаголов звукового значения, с

которыми, кроме значения, их объединяет безударный суффикс. В классификации мы не столько стремились предусмотреть и отразить все эти случаи, сколько выразить основное «распластование» и новые явления внутри V продуктивного класса: «раскрепощение» суффикса -ну- в современном языке, получившего в просторечии способность сочетаться с самыми разнообразными основами, и распространение просторечного суффикса -ану-.

1) ОБРАЗОВАНИЯ ОТ ОСНОВ ПРЕДЕЛЬНО ПРОСТОГО И КОНКРЕТНОГО ДЕЙСТВИЯ

А.

1. Глаголы с суффиксами -ну-ну-

Звукового значения

В группе насчитывается немногим больше восьмидесяти общеупотребительных глаголов ¹⁾.

Характерной словообразовательной чертой их является безударный суффикс (ударение на корне): *а́укнуть, а́хнуть, ба́хнуть, бра́хнуть, га́вкнуть, га́ркнуть, ка́ркнуть, кри́кнуть, ля́згнуть, пи́скнуть, сви́стнуть, скри́пнуть, хмы́кнуть, хри́стнуть, ша́ркнуть, шмя́кнуть, ще́лкнуть* и т. д. Исключения очень редки: *икну́ть, чихну́ть, рыгну́ть, щипну́ть, храпну́ть, шмыгну́ть* (носом), *громыхну́ть*. Все новообразования в современном языке от междометий и звукоподражаний имеют ударение на корне: *тре́нькнуть, о́кнуть, я́кнуть, фи́кнуть, ну́кнуть, дзе́кнуть, цо́кнуть* и т. п.

Глаголы звукового значения могут быть соотнесены только с глаголами: *брякнуть — брякать, гаркнуть — гаркать, шаркнуть — шаркать, шмякнуть — шмякать*; с глаголами и именами: *свистнуть-свистеть-свист, хрустнуть-хрустеть-хруст, скрипнуть-скрипеть-скрип, лязгнуть-лязгать-лязг*; с глаголами и первичными междометиями (звукоподражаниями): *аукнуть-аукать-ау!, каркнуть-каркать-кар!, хрюкнуть-хрюкать-хрю!, фукнуть-фукать-фу!, шикнуть-шикать-ши!, дакнуть-дакать-да* и т. д.

Соотносительные глаголы несов. вида в большинстве случаев принадлежат первому продуктивному классу: *аукать, булькать, каркать, грохать, хлопать* и т. д. Уда-

¹⁾ Мы имеем здесь в виду только бесприставочные глаголы V продуктивного класса.

рение в них всегда совпадает с ударением однократного глагола, т. е., как правило, находится на корне: *а́укнуть-а́укать, бу́лькнуть-бу́лькать* и т. д. (но *икнуть-ика́ть, рыг-ну́ть-рыга́ть*).

Небольшая замкнутая группа глаголов соотносится с глаголами непродуктивных классов — с инфинитивом на -еть или, после шипящих, на -ать при окончании 3-го лица множественного числа -ат/-ят: *сви́стнуть-свисте́ть, хри́стнуть-хрусте́ть, скри́пнуть-скрипе́ть, храни́ть-храни́ть, кри́кнуть-крича́ть, сту́кнуть-сту́чать, пи́скнуть-пи́щать, тре́снуть-треща́ть, ви́згнуть-визжа́ть, брёнькнутъ-бренча́ть, кря́кнуть-кряхте́ть* (его омоним: *крякнутъ-кряка́ть*), *бу́ркнуть-бурча́ть* (и *бу́ркать*); с инфинитивом на -ать при окончании 3-го лица множественного числа -ут/-ют: *сви́стнуть-свиста́ть* (*свищут*), *шепну́ть-шепта́ть* (*шепчут*). В этих соотносительных глаголах ударение всегда падает на суффикс, т. е. обычно не совпадает с ударением однократного глагола.

Интересно, что с глаголами непродуктивных классов в современном языке соотносятся главным образом те из глаголов звукового значения, при которых существуют имена существительные: *свистеть — свистать — свист, скрипеть — скрип, храни́ть — хран, кричать — крик, сту́чать — стук, пи́щать — писк, тре́щать — треск, шепта́ть — шепот, визжа́ть — визг, хрусте́ть — хруст*. В словаре В. Даля наряду с некоторыми из них указаны формы на -ать, причём, с ударением на корне (следовательно, первого продуктивного класса): *хри́стать* — нвг, вят. (Д., изд. 1955 г., т. 4, 566); *скри́пать* — пск., твр., только в переносном значении: «быть еле живу» (Д. т. 4, 209); *храни́ть* (*храни́ть*) — сиб., (Д., т. 4, 564); *пи́ска́ть* — «Мышь пи́щит, а цыплёнок пи́скает» (Д., т. 3, 114). Так что, ударение в соотносительных глаголах несов. вида, несомненно, связано с классом глаголов.

Представляет интерес словообразовательная структура глаголов звукового значения. Мы уже говорили, что глаголы V прод. класса, соотносительные с основами других частей речи, приходится рассматривать как принадлежащие одновременно двум сферам глагольного словообразования — внешней и внутренней. Взятые в сфере внутривербального словообразования (соотнесённые с глаголами) *все* глаголы звукового значения до суффикса имеют нерасчленённую основу: как *хлоп-нуть — хлоп-*

*ать, бряк-нуть — бряк-ать, щёлк-нуть — щёлк-ать, гарк-нуть — гарк-ать, так и карк-нуть — карк-ать, бульк-нуть — бульк-ать, аук-нуть — аук-ать, дак-нуть — дак-ать, треньк-нуть — треньк-ать и т. д. И только взятые в сфере внешне-глагольного словообразования глаголы, соотносённые в современном языке с первичными междометиями, вычлениают особый структурный элемент -к-: *ау!* — *ау-к-нуть* (*ау-к-ать*), *карр!* — *кар-к-нуть* (*кар-к-ать*), *буль-буль!* — *буль-к-нуть* (*буль-к-ать*), *трень!* — *трень-к-нуть* (*трень-к-ать*), *да* — *да-к-нуть* (*да-к-ать*) и т. п.*

В литературе элемент -к- звукоподражательных глаголов признается суффиксальным¹⁾. Некоторое разногласие существует только в вопросе, рассматривать ли его в составе видового суффикса или самостоятельно. Акад. В. В. Виноградов и авторы академической Грамматики говорят о продуктивности суффиксов -а- и -ка- (подразумевая только глаголы первого продуктивного класса) в звукоподражательных глаголах. Проф. П. С. Кузнецов считает элемент -к- самостоятельным суффиксом; такое же мнение высказывает К. С. Самуйлова.

Мы считаем, что элемент -к- нельзя рассматривать в составе видовых суффиксов (-а-, -ива-, -ну-), потому что он является постоянной принадлежностью глагольной основы. Видовые суффиксы могут меняться, а он при этом всегда остается: *ау-к/-ать* — *ау-к/-нуть*, *кар-к/-ать* — *кар-к/-нуть*, *да-к/-ать* — *да-к/-нуть* — *под-да-к/-нуть* — *под-да-к/-ивать* — и т. д. Когда же глагол перестает соотноситься с междометием, от которого он был образован, элемент -к- примыкает к корню (а не к суффиксу) и становится его неотъемлемой принадлежностью, как, например, в глаголах: *гарк-нуть*, *харк-нуть* (образованных по типу *кар-к-нуть*); *бурк-нуть* (от *брр!* по типу *фыр-к-нуть*); *вяк-нуть*, *кряк-нуть*, *шмяк-нуть* (по типу *звякнуть*, *бряк-нуть* из *звень-к-нуть*, *брень-к-нуть*); *чавк-нуть*, *рявк-нуть* (ср. *гав-к-нуть*); *шамк-нуть* (Вл. Даль в значении «пришепетывать по-стариковски» приводит глаголы того же корня, но без -к-, *шамать* и *шамшишь*²⁾; *цок-нуть* (копы-

¹⁾ Хотя мы очень сомневаемся в существовании таких «асемантических морфем» (См. Ю. С. Маслов. О морфологическом членении глагольных форм и морфол. классификации глаголов в совр. болгарском лит. языке, Ин-т славяноведения АН СССР, краткие сообщения, вып. 10, М., 1953 г.).

²⁾ В. Д а л ь. Толковый словарь, изд. 1955, г., т. 4, стр. 620.

тами), *чмок-нуть* (образованные по тому же типу, что глаголы *ц-ок-нуть*, *ч-ок-нуть* и под. со значением «произвести звуки ц, ч.»); *чик-нуть*, *чирк-нуть*, *чирик-нуть* (того же происхождения, что и глаголы *чиви-к-нуть*, *чили-к-нуть*; см. у В. Даля: «Пичужка чикает» — отрывисто по-свистывает¹⁾; *чиркать* — издавать звук «чир»²⁾); *хнык-нуть* (ср. выражение: «а он хоть бы хны!»; у В. Даля: «хны—междометие, подражательное плачу, а иногда храпению во сне»³⁾). и т. д.

В современном языке ослабевает смысловая связь глаголов *шикнуть*, *цыкнуть*, *фыркнуть*, *шукнуть* (криком «шу!» прогнать птиц) и междометиями *ши! тс-с! фрр! шу!* по мере чего -к- перестает вычленяться из состава корня. К. С. Самуйлова, например, в глаголе *шикать* ещё находит суффикс -к-, глаголы же *цыкать*, *фыркать* относит к глаголам с суффиксом -а-, т. е. считает в них элемент -к- уже невычленимым, принадлежащим корню.

Таким образом, в процессе опрощения междометной глагольной основы элемент -к- сливается с корнем, обнаруживая полную независимость от суффиксов -а- и -ну- (в противном случае он слился бы с ними и создал новые варианты -ка- и -кну-). Несомненно, что в современных звукоподражательных глаголах он является самостоятельным словообразовательным элементом, которым глагольная основа без видового суффикса отличается от первичного междометия: ср. *ау!* и *аук*, *-мяу!* и *мяук*-, *карр!* и *карк*-. Но достаточно ли этого, чтобы считать его суффиксом, — мы сомневаемся.

Если элемент -к- и является суффиксом, то принципиально отличным от глагольных суффиксов -а- /ај-, е-/еј-, -ова-/уј-, -ну-/н- и др. Эти суффиксы, как правило, несут определенные видо-временные значения, им соответствует известная система спрягаемых форм, причем, сами они находятся в непосредственном контакте с флексиями этих форм. Элемент -к- не имеет никакого видо-временного значения (а также лексического или стилистического) и не связан с определенной системой спрягаемых форм и флексий. Вместо них он связан с видо-временными суффиксами -а- и -ну- (редко -ива-); они и определяют всю систему форм, в которых он встречается.

¹⁾ В. Даль. Толковый словарь, изд. 1955 г., т. 4, стр. 604.

²⁾ Там же, стр. 606.

Поэтому, признавая -к- самостоятельным словообразовательным элементом, даже особым суффиксом звукоподражательных глаголов, ни в коем случае нельзя приравнивать его к суффиксам видо-временного значения, как это делает К. С. Самуйлова. Приводя, например, процентное соотношение распространенности различных глагольных суффиксов в современном языке, она в одном ряду с суффиксами -а-, -нича-, -ва-, -ива-, -ова-, -ствова-, -е-, -и-, -ну- и т. д., рассматривает и элемент -к- (глаголы с которым, по её подсчету, составляют 0,29% общего количества суффиксальных глаголов). Как К. С. Самуйлова смогла отделить глаголы с суффиксом -к- от глаголов с суффиксами -а- и -ну-, если он встречается с ними в одних и тех же глаголах? По-видимому, она руководствовалась тем, что «в междометных и звукоподражательных глаголах суффикс -а- в современном языке не обладает продуктивностью, *главную роль* в новых образованиях играет особый глагольный суффикс -к-»¹⁾, (подчеркнуто мною — М. М.), поэтому глаголы типа *аукать, каркать* и т. п. были подсчитаны ею как глаголы с суффиксом -к- и исключены из числа глаголов с суффиксом -а-.

Нам кажется, вообще трудно судить, что продуктивнее в глаголах *ау-к-ать, фу-к-а-ть, да-к-ать, кар-к-а-ть* — элемент -к- или суффикс -а-, т. к. оба одновременно участвуют в их образовании. Тем более сомнительно, что «главную роль» играет -к-. Правда, он отличает глагольную основу от междометия, но *аук-, фук-, дак-, карк-* и т. п. — далеко ещё не глаголы и не могут стать ими без суффиксов, определяющих вид и всю систему спрягаемых форм глагола. Они-то, собственно, и делают глагол, а не элемент -к-, который вовсе не так обязателен для образования глагола. Образованы же без него междометные глаголы *ах-а-ть — ах-ну-ть, ох-а-ть — ох-ну-ть, так-а-ть — так-ну-ть* и т. п. (от междометий на заднеязычный согласный); и образуются же глаголы от имён без всяких специальных «глагольных оформителей» основы. Ясно, что морфологическая потребность в таком «глагольном оформителе» основ не так уже велика.

Можно предположить, что первоначально появление -к- было вызвано необходимостью в тех звукоподражательных глаголах, в которых без него происходило бы

¹⁾ К. С. Самуйлова, указанная диссертация, стр. 210.

столкновение гласного корня (если на него оканчивалось междометие) и суффикса -а-, как в современных глаголах *ау-/к/-ать*, *мяу-/к/-ать*, *да-/к/-ать*, *ну-/к/-ать*, *фу-/к/-ать*, *хихи-/к/-ать* и т. п., а затем распространился на остальные случаи. В современных глаголах звукового значения (вычленяющих и не вычленяющих -к-) чаще всего ему предшествует гласный звук: *аукнуть*, *дакнуть*, *гикнуть*, *кокнуть*, *мяукнуть*, *хрюкнуть*, *хмыкнуть*, *хихикнуть*, *чикнуть*, *чирикнуть*, *чмокнуть*, *цокнуть*, *цыкнуть* и т. д.; в остальных случаях — *в* и сонорные согласные *р*, *н*, гораздо реже *м* и *л*, *лб*; *гавкнуть*, *тявкнуть*, *чавкнуть*, *рявкнуть*; *каркнуть*, *гаркнуть*, *харкнуть*, *фыркнуть*, *буркнуть*, *чиркнуть*, *шаркнуть*, *шваркнуть*; *тренькнуть*, *бренькнуть*, *цвенькнуть*, *дзинькнуть* и т. п. (в новообразованиях); *шамкнуть*, *бамкнуть* (о звоне колокола); *булькнуть*, *шёлкнуть*. В русском литературном языке конечный -к- основы не встречается после заднеязычного *х*: *ахнуть*, *охнуть*, *бахнуть*, *бухнуть*, *грохнуть*, *трахнуть*, но в северно-русских говорах, в украинском и белорусском языках вставка -к- после *х* возможна (может быть, это продолжает действовать аналогия, вызвавшая распространение -к- в звукоподражательных глаголах после согласных звуков): олон. *охкать*, *рёхкать* (*рёхать*, *хрюкать*)¹⁾; в украинском языке — *ахати* и *ахкати*, *охати* и *охкати*; в белорусском — *ахаць* и *ахкаць*, *охаць* и *охкаць*, *бухаць* и *бухкаць*.

Кроме согласных *к* и *х*, основы глаголов звукового значения V продуктивного класса могут оканчиваться на звуки -ск-, -зг-, -ст- (-зд-), -п-: *пискнуть*, *прыс /к/нуть*, *трес/к/нуть*, *вискнуть*, *визгнуть*, *хрустнуть*, *свистнуть*, *хрупнуть*, *хлопнуть*, *скрипнуть*, *шлепнуть* и т. д. В современном языке эти звуки не вычленяются из состава корней, подобно -к-, и после них -к- никогда не вставляется (по типу *охкать*). Зато наблюдается известное соответствие (взаимозамещаемость) их между собой и их же с окончанием основы -к- в корнях, родственных по происхождению, судя по звуковому составу, и сохранивших близкие значения в современном языке. Ср., например: *пик-нуть*. (В. Даль: отозваться писком «пи») и *писк-нуть*; лит. *фырк-нуть* и олон. *фурск-нуть* (в том же значении);

¹⁾ Г. Куликовский. Словарь областного Олонецкого наречия, СПб., 1898.

с одинаковым значением глаголы *хруст-ать, -нуть, хруп-ать, -нуть, хруск-ать, -нуть, хрумк-ать, -нуть* (грызть, громко жевать¹⁾), в том же значении в говорах существуют глаголы *хряст-ать, -нуть, хряп-ать, -нуть, хряск-ать, -нуть*²⁾; ср. *визг-нуть* и обл. *виск-нуть, вик-нуть*. В Даль: прм. *викать* — «издавать голосом визг»³⁾, обл. *вереск-нуть* и *верезг-нуть*; *прыс/к/-нуть* (фыркнуть от смеха и брызнуть жидкостью) и *брыз/г/нуть* (без звукового значения в современном языке); *ляск-нуть* (зубами) и *лязг-нуть* (цепью); ср. также *свист-ать, -нуть* и *звизд-ать, -нуть* (в старославянском означавший то же, что *свистать-свистнуть*).

Легко предположить, что в прошлом -ск-, -зг-, -ст-/зд-, -п- и элемент -к- имели сходное назначение в этих глаголах, если без ущерба для значения могли варьироваться при одних и тех же корнях, — и что из их числа впоследствии выделился и приобрел чрезвычайную продуктивность в звукоподражательных глаголах элемент -к-.

Интересно и другое. Именно глаголы с окончанием основ -ск-, -зг-, -ст- и -п- составляют большинство глаголов звукового значения, соотнесенных в современном языке с именами существительными: *свистнуть-свист, хрустнуть-хруст, скрипнуть-скрип, храпнуть-храп, пискнуть-писк, трес/к/нуть-треск, визгнуть-визг, лязгнуть-лязг*. Возможно, глаголы *свистнуть, хрустнуть, скрипнуть* и др. образовались от существительных *свист, хруст, скрип* и др. и от них заимствовали окончания своих основ -ск-, -зг-, -ст- и -п-.

Очень вероятно, что и элемент -к- звукоподражательных глаголов по происхождению является именным суффиксом: и потому, что в старых образованиях он встречается в одном ряду с окончаниями основ -ск-, -ст- и др. (*пикнуть-пискнуть, хрумкнуть-хрустнуть-хрупнуть* и т. д.), что указывает на их одинаковую природу, и есть случаи соотнесённости основ на -к- с именами: *крик-нуть — крик, клик-нуть — клик* (или кличь). Причем, существительные *крик, клик, (кличь, очевидно, звукоподражатель-*

¹⁾ Мы имеем здесь в виду не только литературный язык, но и говоры.

²⁾ В. Даль. Толковый словарь, изд. 1955 г., т. 4, стр. 566.

³⁾ Там же, стр. 567.

ного происхождения¹⁾. Возможно, образование таких существительных было промежуточным звеном между звукоподражаниями и глаголами до того, как произошло отделение суффикса -к- от имен, и он стал употребляться глагольным «оформителем» звукоподражательных основ.

В современном языке образования звукоподражательных глаголов с элементом (или суффиксом) -к- очень продуктивны. Проф. П. С. Кузнецов пишет, что «от любого субстантивированного слова может быть образован глагол с суффиксом -к- и с оформлением по 1-му продуктивному классу (на -ать) со значением «произносить соответствующее слово» (или даже «соответствующий звук» или звукосочетание, поскольку в качестве существительного может быть употреблено и название любого звука) »²⁾. То же самое относится к звукоподражательным глаголам V продуктивного класса, которые свободно образуются в живой речи от звукоподражаний, междометий и слов в омеждомеченном употреблении: *нукнуть*, *ойкнуть*, *агакнуть*, *чтокнуть* (спросить «что?»), *дакнуть*, *некнуть*, *такнуть*, *якнуть* *выкнуть*, *тыкнуть* — от местоимений я, вы, ты; *акнуть*, *окнуть*, *цокнуть*, *дзекнуть* — от звуков речи; *тренькнуть*, *цвенькнуть*, *дзинькнуть* и т. д. Причём, как и отмечает П. С. Кузнецов, наиболее продуктивны образования от звуков и слов человеческой речи.

2. Глаголы с суффиксами -ну-нү-

Значения физического действия

По численности глаголов эта группа приблизительно равна первой, т. е. насчитывает около девяноста глаголов, общеупотребительных в современном русском языке. Основным лексическим значением их является простейшее физическое действие, производимое обычно мускульным

¹⁾ Звукосочетание кри-, кли- ср. с областными звукоподражаниями: *ки-ки!* — крику птиц, глагол *ки-к-нуть* (Д., изд. 1955 г., т. 2, 107); *кули!* — крику кулика, глагол *кули-к-нуть*; *кра-кра!* (то же, что *карр* Д., т. 2, 183). А. Преображенский объединяет глаголы *крикнуть*, *кликнуть* с глаголами *крякнуть* *каркнуть*, *курлыкнуть* и проч., возводя их к индеевропейскому корню *кг, *кл, *ку., означающему крик (А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. 1—9, стр. 315; вып. 13, стр. 312—313 и др.).

²⁾ Современный русский язык, Морфология, изд. МГУ, 1952 г., стр. 267.

усилием человека или животных: *боднѣть, глотнѣть, брыкнѣть, грызнѣть, двинѣть, дѣрнуть, качнѣть, кивнѣть, копнѣть, лизнѣть, лягнѣть, махнѣть, стегнѣть толкнѣть, хлестнѣть, шмыгнѣть, и т. д.*

Почти все глаголы группы соотнесены только с глаголами: *боднуть — бодать, грызнуть — грызть, лизнуть — лизать, толкнуть — толкать* и т. д. В редких случаях при них одновременно могут существовать однокорневые имена существительные: *шагнуть — шагать — шаг, махнуть — махать — мах, ворохнуть — ворошить — ворох, стрельнуть — стрелять — стрела, куснуть — кусать — кус* (простор.).

Соотносительные глаголы несов. вида в большинстве случаев принадлежат первому продуктивному классу, как и у глаголов первой группы: *бодать, глотать, зевать, качать, кивать, копать, толкать, порхать, строгать, стрелять* и т. д., но в этой группе шире, чем в первой, наблюдается соотносительность с глаголами других классов: *клянуть — клевать, плюнуть — плевать, сунуть — совать* (3-го продуктивного класса); *ворохнуть — ворошить, скользнуть — скользить, шевельнуть — шевелить, рубнуть — рубить* (4-го продуктивного класса); *лизнуть — лизать, махнуть — махать, метнуть — метать, колебнуть — колебать* (1-й непродуктивной группы по классификации академической Грамматики); *блеснуть — блеснуть, глянуть — глядеть, дрогнуть — брожать, дыхнуть — дышать* (2-й непродуктивной группы по той же классификации); *тряхнуть — трясти, гребнуть — грести, грызнуть — грызть, стригнуть — стричь, секнуть — сечь, кольнуть — колоть, дунуть — дуть* (остальных непродуктивных групп).

Громадное большинство глаголов второй группы имеет ударение на суффиксе: *глотнѣть, грызнѣть, копнѣть, тряхнѣть, коснѣться, вильнѣть, порхнѣть, строгнѣть, стегнѣть, хлестнѣть, шатнѣть* и т. д.; но все же глаголы с ударением на корне составляют значительную (почти четвертую) часть группы: *брызнуть, двинуть, дѣрнуть, жамкнуть, дрыгнуть, дѣнуть, капнуть, клѣнуть, кѣнуть, лѣпнуть, сѣнуть, трѣнуть, тыкнуть, тѣснуть, прѣнуть, цѣпнуть, царѣпнуть, прыгнуть, глѣнуть*, — т. е. ударение этой группы более разнородное, чем первой.

Конечно, подобное распределение ударения в глаголах второй группы может быть чисто случайным. Но возможно, что один из типов ударения (на основе или на

суффиксе) обнаруживает большую жизнеспособность, продуктивность, чем другой.

Вопрос этот тем интереснее, что в V продуктивном классе в целом намечается вполне определенная тенденция в ударении. Противоположным по ударению являются глаголы первой группы (звукового значения) с ударением на корне (*а́укнуть, звя́кнуть*) — и экспрессивные новообразования обоих типов (первой модели — *толка́нуть, щелкану́ть* и второй — *голосну́ть, агитну́ть*), всегда имеющие ударение на суффиксе. По сравнению с ними вторая группа оказывается самой разнородной по ударению, промежуточной. Но зато это позволяет сравнить близкие между собой образования с разным ударением (нельзя же, например, сравнивать ничем не связанные между собой глаголы *а́укнуть* и *голосну́ть*).

Сравнение, нам кажется, ясно обнаруживает тенденцию в ударении глаголов 2-ой группы. Все новообразования (или те, которые мы, руководствуясь чувством современного языка, воспринимаем как новообразования) имеют ударение на суффиксе, даже если однокорневые глаголы несоверш. вида имеют ударение на корне: *ма́зать — мазну́ть, ре́зать — резну́ть, сы́пать — сыпну́ть, по́лзать — ползну́ть; кру́тнуть, ко́внуть (ковать), кусну́ть (вм. кусить), чесну́ть, хватну́ть (вм. хватить), да́внуть (давить), пилну́ть (пилить), метну́ть (мести)* и др. И, наоборот, ударение на основе имеют глаголы, либо сохраняющие древнейшие структурные особенности, либо звукоподражательного происхождения, утратившие в современном языке звуковое значение.

Так, глаголы *кля́нуть, плю́нуть, су́нуть* имеют древний звуковой вид корня *кля-*, *плю-*, *су-* и находятся теперь в застывшем, совершенно не характерном для старых глаголов V продуктивного класса чередовании с глаголами несоверш. вида *клев-ать, плев-ать, сов-ать*. Эти соотносительные глаголы, как пишет акад. В. В. Виноградов, «находятся на периферии III класса, лишь примыкая к нему»¹⁾, поскольку сочетание *-ова-*, *-ева-* не является в них суффиксом, а возникло в результате соединения *-а-* с последними звуками основы *-ов-/-ев-*. По правилам современного языка однократные формы от них должны были бы образовываться присоединением суф-

¹⁾ В. В. Виноградов. «Русский язык», 1947 г., стр. 455.

фикса -ну- к последнему согласному корня (с переносом ударения на суффикс): *клев-нѹть*, *плев-нѹть*, *сов-нѹть*¹⁾ наподобие глаголов *жевнѹть*, *ковнѹть* (Д. т. 2, 128), образованных от основ несоверш. вида того же типа — *жевать*, *ковать* (древние образования однократных форм от этих основ должны были бы иметь вид *жѹнѹть*, *кѹнѹть*). Таким образом, ударение на основе в глаголах *клѹнѹть*, *плѹнѹть*, *сѹнѹть* несомненно связано с древним звуковым видом их основ.

Ударение на основе имеет и другая изолированная в V прод. классе группа глаголов, в которых основа перед суффиксом -ну- оканчивается на гласный или сонорный звук в результате выпадения конечного согласного: *гля/д/нѹть*, *кѹ/д/нѹть*, *двѹ/г/нѹть*, *дѣр/г/нѹть*, *ка/п/нѹть*, *трѣ/г/нѹть*, *прѣ/д/нѹть*. Выпадение согласного перед суффиксом -ну- в тех случаях, когда ему предшествует гласный или сонорный звук, нехарактерно для современного языка²⁾. Кроме этих глаголов, основу на гласный во второй группе имеют: единичный глагол *дѹ-нѹть*, в котором этот гласный является исконным окончанием основы ср. (ду-ть), а также несоотносительные (собственно не-однократные), неясные по образованию глаголы *рѹнѹться* и *хлѹнѹть*. Как правило же, суффиксу -ну- предшествует согласный звук: *морг-нѹть*, *стег-нѹть*, *мельк-нѹть*, *греб-нѹть*, *хлеб-нѹть*, *толк-нѹть*, *щип-нѹть*, *глот-нѹть*, *грыз-нѹть*, *кив-нѹть* и т. д., а в звукоподражательных глаголах после гласных и сонорных звуков междометий даже вставляется посторонний согласный: *ау-к-нѹть*, *да-к-нѹть*, *кар-к-нѹть*, *буль-к-нѹть* и т. д.

Выпадение согласного корня перед суффиксом -ну- было вызвано действием закона открытого слога и в то время, по-видимому, было представлено гораздо шире, чем в современном языке. На протяжении дальнейшей истории языка происходила обратная вставка, «восстановление» опущенных согласных корня перед суффиксом

¹⁾ Г. Павский, приводя способы «приложения буквы н к глаголам, кончающимся на разные буквы», при глаголах *плѹнѹть*, *сѹнѹть*, в скобках добавляет: «вм. *плевнѹть*», «вм. *совнѹть*». (Филологические наблюдения протоиерея Г. Павского над составом русского языка. Третье рассуждение (о глаголе), Спб., 1842 г., стр. 41—43).

²⁾ После фрикативного, напротив, (с, з) часто опускается: *хлес/т/нѹть*, *хрус/т/нѹть*, *трес/к/нѹть*, *блес/т/нѹть*, *хряс/т/нѹть*, *брыз/г/нѹть*, *свис/т/нѹть* и др.

-ну-. В Грамматике М. Ломоносова¹⁾ приведены глаголы *гренул* (*грести*), *глонул* (*глотать*), последний указан и в нормативном Словаре Академии Российской (1789—1794 г. г.), но в современном литературном языке они употребляются только в виде «*глотнуть*», «*гребнуть*». Следовательно, вставка конечных корневых согласных в этих глаголах произошла совсем недавно, на протяжении последних полутреста лет. Очевидно, также недавно «появился» глагол *капнуть*, вытеснивший в этом значении глагол *кануть*: в Словаре Академии Российской (1-ое изд.) оба глагола приведены в одинаковом значении — «*капнул* или *канул*». Немало примеров выпадения корневых согласных перед суффиксом -ну- записано Г. Куликовским в олонекских говорах:²⁾ *хле-нуть* вместо современного литературного *хлеб-нуть*, *гре-нуть* вместо *греб-нуть*, *тол-нуть*, вместо *толк-нуть*; *тор-нуть* при форме несов. вида *торк-ать* (*толкать*), *тыр-нуть* при несов. виде *тырк-ать*, *кря-нуть* при несов. виде *крят-ать* (*трогать*, *двигать*) и др.

Нет сомнения, что и глаголы *кинуть*, *двинуть*, *тро-нуть* и др., с выпадением согласного корня перед суффиксом, подобно глаголам *клянуть*, *плюнуть*, сохраняют в современном языке древнюю звуковую структуру.

Наконец, ударение на корне имеют глаголы *брыз/г/нуть*, *лопнуть*, *тис/к/нуть*, *тяпнуть*, *жамкнуть*, *цапнуть*, *царапнуть*. Характерно, что основа этих глаголов перед суффиксом кончается звуками -з/г/—с/к/-, -п-, -к-, подобно основам глаголов звукового значения (первой группы). Помимо этого некоторые данные говорят об их звукоподражательном происхождении.

Глагол *прыс/к/нуть* в фонетическом отношении отличается от глагола *брыз/г/нуть* только глухостью согласных корня — их общее происхождение не вызывает сомнений и подтверждается наличием общего значения в современном языке: извергнуть брызги, вдруг политься. Но глагол *прыс/к/нуть*, кроме этого значения, имеет звуковое значение, а также звуковые варианты в говорах: *пырснуть* и *порскнуть* со значением «фыркнуть от смеха»; в белорусском же языке глагол *порскаць* имеет

¹⁾ М. Ломоносов. Русская грамматика. СПб., 1755 г., стр. 114—115.

²⁾ Г. Куликовский. Словарь олонекского наречия, СПб., 1898 г.

чисто звукоподражательное значение — «фыркнуть». Очевидно, и современные глаголы литературного языка *брызнуть*, *приснуть* по происхождению звукоподражательные, с первоначальным значением «фыркнуть, брызгая слюной».

Глагол *лопнуть* (с ударением на корне) в современном языке тоже не имеет звукового значения, по-видимому, утратил его. Но его значение «расколоться, дать трещину» встречается во многих современных глаголах звукового значения, является характерным для них вторичным значением. Ср. глаголы литературного языка и говоров: *треснуть*, *кокнуть*, *крякнуть* («лёд крякнул, но не поломился», Д., т. 2, стр. 193), *хряпнуть* (*хряпать* иметь в говорах значения «хрустать, жевать с треском» — и «лопнуть, треснуть»: «ось *хряпнула*» — Д., т. 4, стр. 567), *хряснуть* (с теми же значениями: «ось подалась, села, скоро хряснет» — Д., т. 4, стр. 567), *луснуть* (-*лускать* имеет звуковое значение «щёлкать» и значение «лопнуть» — кур. твр., Д., т. 2, стр. 274) и т. д.

Наконец, у А. С. Пушкина глагол *лопать* — *лопнуть* встречается в явно звуковом значении, например: «И *лопал* на огне печеный ростовщик... Тут звучно *лопнул* он...»¹⁾.

Глаголы *цапнуть* и *царяпнуть* со всей очевидностью имеют общее происхождение: об этом говорит двойное междометие *цап-царан!*; глагол *цапнуть* встречается в говорах в значении *царапнуть*: «Кошка *цапнула* меня. *Оцапнулся* (оцарапался). *Расцапал* руку». (Д., изд. 1955 г., т. 4, 570). И, наоборот, глагол *царапнуть* может иметь значение *цапнуть*, схватить (см. там же.). Глагол *царапнуть* по звуковому составу отличается от глагола *цапнуть* «лишним» слогом -ра-. Такие «вставочные» слоги, распространяющие первичный корень, как раз свойственны глаголам звукоподражательного происхождения. Ср.: *трахнуть* — *тарарахнуть*²⁾; *бухнуть* — *чубухнуть* (пск., твр.) -*чу/че/бурахнуть* (Д., изд. 1955 г., т. 4, 611); *чикнуть* — *чирикнуть*, *чиликнуть*, *чивикнуть* и др. А. Преображенский глагол *цапать* — *цапнуть* определяет как несомненно звукоподражательный, о глаголе *царапать* —

¹⁾ Цитировано по книге В. В. Виноградова. «Русский язык», 1947 г., стр. 526.

²⁾ Ср.: «Я, — говорит Лапша Голопузу, — *шарарахну по нотам*». (Помяловский, Очерки бурсы. — Выделено курсивом автором).

цапануть замечает: «Русское новообразование, вероятно, звукоподражательного происхождения»¹⁾).

Примерно такие же доводы могли бы мы привести в пользу того, что и глаголы *жа́мкнуть*, *ти́с/к/нуть*, *тя́пнуть*, (с ударением на корне) имели, но утратили звуковое значение. Мы заключаем из этого, что ударение на корне в глаголах *бры́знуть*, *ло́пнуть*, *жа́мкнуть*, *ти́снуть*, *тя́пнуть*, *ца́пнуть*, *ца́пануть* не является новым, развивающимся типом ударения, а, напротив, сохранением словообразовательной черты глаголов звукового значения после того, как глаголы утратили это значение. В других случаях утрата глаголами звукового значения вела к переносу ударения на суффикс: *шугну́ть* (ср. *шу́кнуть* — криком «шу»! прогнать), *плес/к/ну́ть*, *чиркну́ть* (ср. *чи́ркнуть*, *хлестну́ть* (ср. *хля́с/к/нуть* в том же значении), *стрекну́ть*, (арх. *стрéкать* — *стрéкнуть* — трещать о горящих дровах или угольях).

Таким образом, ударение на корне во второй группе имеют либо древние, иногда изолированные в структурном отношении образования, либо «выходцы» из первой группы (глаголов звукового значения), в то время как ударение на суффиксе получают все новообразования. Очевидно, единственно продуктивным типом ударения в этой группе является ударение на суффиксе.

В связи с вопросом об ударении в глаголах V продуктивного класса интересно вспомнить, что все глаголы на -нуть непродуктивного класса, в древности составлявшие одну группу с глаголами современного продуктивного класса, имеют ударение на корне: *блёкнуть*, *га́снуть*, *вя́знуть*, *дря́хнуть*, *мо́кнуть*, *со́хнуть*, *хри́пнуть*, *ча́хнуть* и т. д. В некоторых случаях местом ударения различаются глаголы-омонимы разных классов:

несов. в. *па́хнуть* — сов. в. *пахну́ть*,

несов. в. *до́хнуть* — сов. в. *дохну́ть*,

несов. в. *дро́гнуть* — сов. в. *дрогну́ть* (или *дро́гнуть*).

Видимо, различие в ударении повело к возникновению омонимов *мо́кнуть* и *макну́ть*; М. Ломоносов приводит последний в написании *мокнул* (через *о*) и производит

¹⁾ А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. последний, Труды Ин-та русского языка, т. I, 1949 г., стр. 42—43.

его от глагола «мочу»¹⁾). Акад. С. П. Обнорский предполагает, что формами разного вида (соверш. и несоверш.) являются глагол литературного языка *махну́ть* и глагол из областного языка *ма́хнуть* «в значении близком к *махать* несовершенного вида; отсюда форма литературная *махну́л*, но отмеченная в материалах *сма́хла* из областного языка»²⁾).

Если верно, что глаголы этих пар имеют общее происхождение, то один из них должен обладать более молодым типом ударения, другой — древним (первичным). Мы полагаем, что древнее ударение скорее может сохраниться в непродуктивном классе, чем в продуктивном. Иначе говоря, предполагаем, что более близким к древнейшему типу ударения в глаголах на *-нуть* является ударение на основе, как в глаголах непродуктивного класса. Это, нам кажется, подтверждается и тем, что в непродуктивном классе известен только этот тип ударения (не считая глаголов несов. вида *льну́ть*, *гну́ть*, *то́нуть* и *тяну́ть*, имеющих ударение на суффиксе и примыкающих к V продуктивному классу³⁾). Ударение на суффиксе, по-видимому, могло развиться после того, как наметилось современное расхождение глаголов продуктивного и непродуктивного классов (или само способствовало этому расхождению), иначе оно было бы свойственно глаголам того и другого класса в одинаковой мере. Глаголам же непродуктивного класса свойственно единообразие в ударении.

Внутри V продуктивного класса в разных словообразовательных группах продуктивны оба типа ударения: ударение на корне продуктивно в группе глаголов звукового значения (его получают все вновь образуемые звукоподражательные глаголы), ударение на суффиксе продуктивно во всех остальных группах. Но «прогрессивным»

¹⁾ М. Ломоносов. Русская грамматика, СПб., 1755, стр. 115.

²⁾ Акад. С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола, изд. АН СССР, М., 1953 г., стр. 33.

³⁾ Может быть, в некоторых случаях ударение способствовало словообразовательному расхождению глаголов продуктивного и непродуктивного классов — сохранению суффикса *-ну-* в формах прош. времени глаголов продуктивного класса. Глаголы несов. в. *льну́ть*, *то́нуть*, *тяну́ть*, *гну́ть*, примыкающие к V прод. классу, имеют ударение на суффиксе в отличие от остальных глаголов несов. в. на *-нуть*.

с точки зрения этого класса, отражающим направление его развития нам представляется ударение на суффиксе. Мы видим это в том, что нередко глаголы звукоподражательного происхождения вместе с приобретением значения физического действия (и потерей звукового значения) или различных экспрессивных значений получают ударение на суффиксе (вторичное): *стрекнуть* (арх. *стрёкнуть* в звуковом значении), *хлестнуть* (ср. юж. зап. *хляснуть*), *шугнуть* (ср. *шукнуть*), *шмугнуть* (ср. разг. «шмыкнуть носом») и др. В Словаре Академии Российской глагол *свистнуть* в экспрессивном значении приведен с ударением на суффиксе: «*Свистнуть* кого камнем». С ударением на суффиксе встречаются в говорах глаголы: *шаркнуть*, *шархнуть* (Д., изд. 4, т. 4, 1402) в экспрессивном значении «сильно резнуть, рвануть, ударить»; литер. *лязгать* — *лязгнуть*, а твр. пск. *лязгать* — *лязнуть* — бежать, улепetyвать, улизнуть (Д., изд. 1955 г., т. 2, 286); *куликать* — *куликнуть* — кричать куликом, но *кулика́ть* — *куликнуть*, *кулюкнуть* — пьянствовать, выпить водки (ср. *клюкнуть*. Д., изд. 4, т. 2, 554—555, 558). Но ещё больше общее направление класса в развитии ударения обнаруживается в том, что экспрессивные новообразования класса (от нового типа основ), позднейшие по времени возникновения модели, получили ударение на суффиксе.

Таким образом, соотношение типов ударения внутри рассматриваемой второй группы (продуктивность ударения на суффиксе) соответствует, на наш взгляд, общей тенденции класса.

Остаётся сказать о путях пополнения глаголов второй группы. Один из них, о котором мы уже упоминали, — пополнение за счёт глаголов звукоподражательного происхождения. Последние постепенно могут приобретать значение физического действия, утрачивая вместе с этим первичное звуковое значение. По-видимому, весьма значительная часть глаголов физического действия имеет звукоподражательное происхождение, подобно упоминавшимся *брызнуть*, *лопнуть*, *цапнуть*, *царапнуть*, *хлестнуть*, *чиркнуть* и др. Этот процесс продолжается и в современном языке: глаголы *брякнуть*, *треснуть*, *топнуть*, *приснуть*, *хлопнуть*, *чикнуть*, *шаркнуть*, *шлёпнуть*, *щёлкнуть* и др. ещё называют звук (обычно сопровождающий определенное физическое действие), но с таким же успе-

хом могут обозначать «чистое» физическое действие, не сопровождаемое звуком.

Другой путь пополнения, тоже долгий, малозаметный, — за счёт глаголов на -ить соверш. вида с тем же реальным значением простого физического действия. Сравнительно недавно вышли из употребления и заменены формами на -нуть глаголы *кусить*, *глотить*, *скочить*, *стрелить*; на наших глазах выходят из употребления последние глаголы на -ить с таким значением (кроме глагола *бросить*) — *ступить* и *хватить*: в разговорном языке можно уже слышать «*ступнул*», «*хватнул*».

Совершенно новым и, по-видимому, предполагающим широкое дальнейшее развитие, является образование глаголов от именных основ типа *пульнуть*, *салютнуть*, *паснуть*, *тормознуть*: «—Я ж говорил! — сказал Гуд окружающим, презрительно всех оглянул и *салютнул* по-колонийски». (А. Макаренко, Педагогическая поэма).

Что же касается самого простого и, казалось бы, творческого в современном языке образования однократных глаголов — путём непосредственного производства от основ глаголов несоверш. вида, — то мы не можем привести вполне достоверных примеров таких новообразований. Дело в том, что многие из глаголов, малоупотребительных в современном языке и кажущихся новообразованиями, были, по-видимому, весьма употребительны (и, возможно, даже больше, чем теперь) в XVIII и начале XIX вв. В трудах М. Ломоносова, И. И. Мартынова, А. Востокова называются (и некоторые повторно) глаголы: *колебнуть*, *марнуть*, *чеснуть*, *мазнуть*, *резнуть* *теснуть* (*тешу*), *давнуть*, *ползнуть*, *ломнуть*, *соснуть* (*сосу*), *блевнуть*, *скребнуть*, *стригнуть*, *шатнуть*, *нюхнуть* и др.

Б. Глаголы с суффиксом -ану́- от основ предельно простого и конкретного действия

Образования с суффиксом -ану́- широко известны в современном языке: «Больно *щипануло* сердце: куда баба-то попалась, чисто курица во щи». (А. Каравеева, Двор); «Да мы тебя того, ненароком... не спугнули? — и подмигнул, легонько *толканув* его в бок» (Леонов, Русский лес): «Ох, как я *рубану* его», — думал Ростов, сжимая в руке ефес сабли». (Л. Толстой, Война и мир); — Палаши австрийцы не точат, тупым тебя *секанул*, теперь на всю жизнь рубец будет» (Шолохов,

Тихий Дон); «Полковник *трепанул* усами, и скулы у него вздрогнули и набухли», (Гладков, Цемент); «Не родня вы мне, не сват, не жена, а как узнал, что вы прихворнули, — словно кто ножом *резанул*». (А. Чехов, Актерская гибель); «Казаки, выламывая из плетня колья, *сыпанули* через гумно в степь». (Шолохов, Тихий Дон); «Только у нас враг лицом к лицу оказался и *стегануть* по нас из пулеметов не могли: своих же покосили бы». (Коптяева, Дружба) и т. д.

Упоминания об этих образованиях встречаются в русских грамматиках уже с начала прошлого века. А. Востоков, давая в своей грамматике список всех вообще однократных глаголов, указывает варианты *стрекнуть* и *стрекануть*, *толкнуть* и *толкануть*, *щелкнуть* и *щелкануть* (1831 г.)¹⁾. Н. И. Греч, описывая виды глаголов в русском языке, в примечании указывает: «В просторечии есть еще одна модификация однократного вида: *толконул*, *дергонул*»²⁾ (1840 г.). Г. Павский (1842 г.) тоже не забывает сказать, что «в просторечии ещё говорится *толконуть* вместо *толкнуть*, *щелконуть* вместо *щелкнуть*»³⁾. Глагол *стрекануть*, наряду с формой *стрекнуть*, зафиксирован и в Словаре Академии Российской (Спб., 1822 г., вып. V, стр. 540).

Эти краткие свидетельства о распространении глаголов на -ануть (-онуть) в начале прошлого века представляются очень важными, если учесть, что доступ в художественную литературу того времени этим действительно просторечным образованиям был почти закрыт и потому письменные свидетельства живого (разговорного) употребления их до нас почти не дошли. Между тем, чтобы попасть в грамматики А. Востокова, Н. И. Греча, Г. Павского они должны были представлять собою не два и не три случайных образования, занесённых из областного языка, а уже заметный для исследователя тип, способ образования новых слов по определенной модели. Кстати заметим, что даже в наши дни, когда никто не

¹⁾ А. Востоков. Русская грамматика, Спб., 1831 г., стр. 193—195.

²⁾ Н. И. Греч. Чтения о русском языке, ч. I, Спб., 1840 г., стр. 297.

³⁾ Г. Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка. Третье рассуждение (о глаголе), Спб., 1842 г., стр. 43—44.

сомневается в большой продуктивности глаголов на -ануть и когда они широко отражаются в языке художественной литературы, в грамматиках и словарях они тоже представлены единичными примерами: во всём Толковом словаре под редакцией Ушакова их меньше десяти, в академической Грамматике — пять. Мы думаем поэтому, что свидетельства грамматик начала прошлого века о существовании глаголов на -ануть/-онуть/ говорят уже о значительном распространении их в то время.

Самым ранним из известных нам примеров образования на -ануть является глагол *въскопанути* из списков XIV—XV вв.: «Доскою же каменею огражено бысть обихожение пути градъскаго. Василии... оприся ногою *въскопанувъ* дъску каменую изверже и до полатныхъ вратъ внидоша»¹⁾).

Трудно сделать исчерпывающий перечень существующих в современном языке глаголов на -ануть, так как ещё немногие из них стали общеупотребительными. Приходится говорить лишь о «возможных» и «невозможных» в настоящее время образованиях. Тем не менее, мы сочли нужным хотя бы приблизительно представить масштабы распространённости этой быстро развивающейся модели. По нашим подсчётам²⁾ таких *возможных* образований может быть не меньше 70. (Проф. А. Стендер-Петерсен называет 52): *блескануть, брызгануть, визгануть, глотануть, гребануть, грызануть, давануть, двигануть, дергануть, долбануть, драпануть, дрыгануть, жигануть, зевануть, звиздануть, копануть, кусануть, лизануть, ляпануть, мазануть, махануть, мелькануть, моргануть, пасануть, пискануть, прыгануть, резануть, рубануть, сверкануть, свистануть, скрипануть, сморкануться, садануть, сигануть, стукануть, секануть, строгануть, трепануть, топануть, тискануть, толкануть, тряхануть, хрустануть, чесануть, шагануть, шлепануть, шмыгануть, шибануть, щипануть, щелкануть* и ряд других.

Из них не имеют параллельных форм на -нуть только глаголы *долбануть* (*долбнуть* не встречается), *драпануть*, *гвоздануть*, *звиздануть*, *садануть*, *сигануть*, *шибануть* (*шибнуть* уже можно считать формой, вышедшей из

¹⁾ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 405.

²⁾ Подсчёты производились на материале наблюдений над языком художественных текстов и устной речью.

употребления); к ним примыкают и глаголы литературного языка *рвануть, кашлянуть*. В остальных (шестьдесят) случаях образования с суффиксом -ану- соответствуют параллельные глаголы с суффиксом -ну-; *глотануть — глотнуть, грызануть — грызнуть, давануть — давнуть, копануть — копнуть, лизануть — лизнуть, мазануть — мазнуть, сыпануть — сыпнуть, хлестануть — хлестнуть, черпануть — черпнуть* и т. п.

Со стороны же однократных глаголов с суффиксом -ну- число глаголов, при которых возможны параллельные формы с суффиксом -ану-, составляет меньше половины существующих однократных глаголов. Например, исключена возможность образования форм с суффиксом -ану- при звукоподражательных глаголах с прозрачной словопроизводственной структурой: *аукнуть, ахнуть, гавкнуть, дакнуть, мяукнуть, каркнуть, фукнуть, хмыкнуть, хрюкнуть, чирикнуть*. Не может быть: «А ты авкани громче!», «кошка мяуканула», «собака гавканула» и т. п. Вообще, по-видимому, образование таких форм от глаголов звукового значения затруднено в современном языке: вряд ли они возможны сейчас при глаголах *брякнуть, гаркнуть, звякнуть, лязгнуть, чавкнуть, чикнуть, чмокнуть, шмякнуть*, — хотя при затемнённой словопроизводственной структуре они все же возможны в большей степени, чем при прозрачной, например, могут быть: *свистануть, скрипануть, хрустануть, визгануть, шаркануть, пискануть, храпануть*. Можно также предположить, что образование формы с суффиксом -ану- затруднено, если корень глагола состоит больше, чем из одного слога; так, оно невозможно от основ глаголов *болтыхнуть, ворохнуть, ковырнуть, козырнуть, колебнуть, колыхнуть, ковыркнуть (ся), царапнуть, шевельнуть*, хотя в просторечии известно *полоснуть — полосануть* и, по-видимому, возможна форма *колупануть* при глаголе *колупнуть*.

Помимо перечисленных, невозможны в современном языке формы на -ануть при глаголах *вильнуть, глянуть, дыхнуть, ёкнуть, икнуть, капнуть, качнуть, кокнуть, кольнуть, коснуться, кивнуть, метнуть, нырнуть, пахнуть, плюнуть, рыгнуть, стрельнуть, ткнуть, тронуть, тюкнуть, тяпнуть* и ряде других.

Существуют разные мнения о том, в чем состоит смысловая разница между суффиксами -ну- и -ану-, которая объясняла бы их словообразовательное дублиро-

вание в современном языке (сочетание с одними и теми же основами). Наиболее распространено мнение, что глаголам с суффиксом -ану- присущи дополнительные значения: ослабленности или усиленной энергичности, напряженности, грубости действия (Н. И. Греч, проф. С. Смаль-Стоцкий, акад. В. В. Виноградов)¹⁾; оттенки шутливости, иронии, пренебрежительности «для обозначения действия неожиданного, решительного, быстрого» (академическая Грамматика, т. I, стр. 543). С. Карцевский²⁾ считал, что глаголам на -ануть всегда присущ оттенок изолированности, отдельности (isolative) действия, обозначают ли они при этом действие ослабленное или грубое и сильное.

Сторонники другого мнения считают, что за исключением просторечного оттенка суффикс -ану- не вносит в глагол никаких новых значений относительно тех, которые вносит суффикс -ну-. В. И. Чернышёв, вспоминая замечание Н. И. Греча, что просторечные глаголы *толкнул, дергонул* значат «чуть-чуть, едва *толкнул, дёрнул*», писал: «Такое видовое образование действительно существует и преимущественно в просторечии. Означает оно мгновенность действия, но не его слабость. Разницы по смыслу между *толкнуть* и *толкнуть*, *рубнуть* и *рубануть* и т. п. мы не чувствуем»³⁾.

А. Стендер-Петерсен⁴⁾ находил, что встречающееся в литературе семасиологическое разделение глаголов на -нуть и на -ануть в известной мере фиктивно, иллюзорно. По его мнению, принципиально оба типа глаголов идентичны, различно только лексическое окружение, к которому они принадлежат: в одном случае «литературное», «образованное», в другом «простонародное». Различие смыслового нюанса возникает только в тот момент, когда это простонародное слово врывается в литературный язык и употребляется наряду с его литературным вари-

1) Н. И. Греч. Чтения о русском языке, ч. I, Спб., 1840 г., стр. 297; статью Смаль-Стоцкого см. в Archiv für Slavische Philologie, B. XXXVI. В. В. Виноградов. Русский язык, 1947 г., стр. 439.

2) Karcevski, Slavia I, S. s. 257, 513.

3) В. И. Чернышёв. Правильность и чистота русской речи 1915 г. вып. 2-ой, стр. 213—232.

4) A. Stender-Petersen, Eine verbale Neubildung im Russischen. Zeitschrift für Slavische philologie, B. VIII, Leipzig, 1931 г., S. 75.

антом. Тогда при сравнении их значений в одинаковом лексическом окружении простонародная форма естественно кажется более свежей и экспрессивной, чем приглаголенная и отточенная литературная форма. Эта экспрессивность и истолковывается произвольно в зависимости от контекста как интенсивность, подчеркнутая однократность, сила, грубость или ослабленность действия.

После рассмотрения различных случаев употребления глаголов на -ануть мы пришли почти к такому же убеждению.

Во-первых, совсем не обязательно глаголам на -ануть свойственно какое-нибудь «оценочное» значение: силы, резкости, ослабленности, грубости действия, иронии, пренебрежительности и т. п. (если оно уже не заключено в основе глагола). Ср.: «...Мальчик у самой площадки *паснул* головой Механику... Ефим бросился наперерез, но Механик точно *пасанул* Николке...» (С. Антонов, Футбол) — Никакой разницы в резкости, силе и т. п. мы здесь не ощущаем. «*Черкните* непременно, при случае, удалось ли ей легализоваться» (В. И. Ленин, Письма) — «Если выпадет свободная минутка, *черкани* пару слов привет, если не забыл, конечно, не загордился» (Андреев, Широкое течение). Здесь в глаголе на -ануть, может быть, несколько ярче значение «изолированности», отдельности действия, как называл его С. Карцевский. Так же и в случаях: «скрипанула половица» — ср. «скрипнула», «писканул котёнок» — ср. «пискнул», «визганула от страха» — ср. «визгнула» и т. п. Ср. оба просторечных глагола: «На ходу *мазнул* рукой Гришку по голове и ушёл». (Сейфуллина, Правонарушители) — «Окрашена стена, *не мазанула* пальто?» (устн. речь). «Спор шёл о том, созрело ли зерно для жатвы и можно ли пускать комбайн... — Да ты *давни*, *давни* ногтем Смотри, из него вода побежит!» (С. Антонов, Поддубенские частушки) — «Соломин подошел, не спеша к обоим посетителям, *даванул*, молча, руку каждому из них своей мозолистой, костлявой рукой...» (Тургенев, Новь). В последнем примере, может быть, есть дополнительный оттенок силы, но он связан с впечатлением внутренней силы, значительности, которое производил сам Соломин с его мозолистой рукой.

Вообще глаголы на -ануть способны очень гибко передавать различные оттенки контекста, иногда проти-

воположные. Например, акад. В. В. Виноградов значение ослабленности суффикса -ану- иллюстрирует на примере: «Паром *толканешь*, он уже и на другой стороне». (К о р о л е н к о, Убивец). Это, на первый взгляд, значение, можно подтвердить многими примерами: «Словно в плечико *толкнули*, мальчик двинулся влево...». (Л е о н о в, Русский лес), «... и подмигнул, легонько *толкнув* его в бок (там же). Но тот же глагол может быть употреблен с противоположным значением резкого, грубого, сильного действия: «Я *толкну* — на ногах не устоишь!» «Ну, *толкнул*, что всё полетело!» В случае же: «Ученики, как говорится в бурсе, ни в зуб толкнуть» (П о м я л о в с к и й, Очерки бursы) — нет ни силы, ни ослабленности действия, только ярко просторечный, жаргонный оттенок.

Ясно, что если бы значение ослабленности в глаголе *толкнуть* вносилось суффиксом -ану-, оно было бы постоянным значением этого глагола. Ср. ещё примеры.

«Он потом так бил, что сто кнутов ударил всё только для одного мучения, а тот все жив был, а потом как сто первым *щелкнул*, так всю позвоночную кость растрошил». (Л е с к о в, Тупейный художник) — «Анна Павловна, с свойственной ей придворною и женскою ловкостью и быстротою такта, захотела и *щелкнуть* князя за то, что он дерзнул так отозваться о лице, рекомендованном императрице, и в то же время утешить его» (Л. Т о л с т о й, Война и Мир). В первом случае по смыслу контекста полагается действие «изо всей силы», во втором — «слегка». Эти оттенки и сливаются с глаголом *щелкнуть*.

Действие глагола может представляться резким, сильным и без суффикса -ану-: «Резала морковь, дак вместо морковки палец как хватнула!» (устн. речь) — и при суффиксе -ану- быть гораздо слабее, почти нейтральным: «Он (пес) и меня два раза *хватанул*». (И. Э р е н б у р г, Оттепель).

Ср. и другие примеры, свидетельствующие о том, что значение глаголов на -ануть- навеивается контекстом: «Я те сам *щипану*! Какой нашёлся товарищ ротный, командир сопливый!» (С е й ф у л л и н а, Певец); «Крепко побил-то?... — Чево, *стуканул* разочка два!» (Л е о н о в, Русский лес); «...а сейчас перед дверью твоя заробел... скажи, *стукануть* разок — ровно рука отнялась».

(там же); и — «Сиятельный Шувалов переступил свою монополию британскому кораблестроителю Тому, а уж тот *тряханул* их, наши онежские дебри, как нынче говорят, взявши за грудки». (Леонов, Русский лес). — Ср.: «Тряхани-ка пальто», *тряханул* кудрями».

Все эти дополнительные оценки действия не являются значениями суффикса -ану-, потому что в таком случае они были бы постоянными значениями глаголов. Эти оттенки возникают в контексте, т. е. создаются *условиями* употребления глаголов, а не присущи самим глаголам. Но несомненно также и то, что в экспрессивном контексте (если даётся какая-нибудь оценка действию) из двух возможных форм, с суффиксом -ну- и -ану-, выбирается обычно форма с суффиксом -ану—. Ср., например: «Он отвел удар... и, привстав, *рубнул* по спине скакавшего с левой стороны немца» (Шолохов, Тихий Дон), но: «*Чувствуя чудовищное облегчение*, Григорий *рубанул* его по голове» (там же).

Мы не согласны с утверждением, что сам по себе суффикс -ану- «обозначает ослабленность мгновенного действия или, чаще, резкость, грубость, напряженность такого действия»¹⁾. Все эти значения возникают в контексте и являются частными, временными для глагола. Суффикс -ану- делает только глагол просторечным, свежим и необычным, а уже это создает предпосылки для употребления его в экспрессивном (часто «оценочном») контексте и особую восприимчивость к различным оттенкам и «настроениям речи», которая вообще характерна для просторечного и разговорно-фамильярного стиля²⁾. Поэтому представление о глаголах на -ануть связано обычно с ярким и красочным экспрессивным контекстом (который может быть и литературным). В нейтральном контексте они придают речи фамильярный оттенок и, по видимому, ярче подчеркивают единичность, отдельность действия: «Дай *кусануть*, *глотануть*, *лизануть*» и т. п.

1). В. В. Виноградов. «Русский язык», М.-Л., 1947 г., стр. 439.

2) Мы не говорим здесь ещё об одном явлении, которое встречается у глаголов на -ануть- в ярком просторечии, — «семантической пустоте». В зависимости от контекста просторечное слово способно принимать самые различные значения. Можно услышать: «Ох, и *рубану* сейчас!» (на лыжах), «Смотри, сейчас *рубану* тебя!» (в шахматной игре, обыграю) «Рубанул сегодня 20 страниц» (написал), «Рубанул выводы» (сделал), «*Рубанул* всю книгу за два

Но в некоторых случаях значение резкости, силы, грубости действия бывает постоянным значением глаголов на -ануть- и не зависит от контекста. Это бывает в тех случаях, когда оно заложено в реальном значении основы или в нарочитой её просторечности: ²⁾ *садануть, гвоздануть, звиздануть, жигануть, шибануть, долбануть, сига-нуть, драпануть, стрекануть* и т. д. Они не отличаются от таких же просторечных глаголов на -нуть- типа *полос-нуть, турнуть, дерябнуть, дербалызнуть, хлобыстнуть*. В отличие от тех глаголов на -ануть, о которых речь шла выше, они в любом контексте сохраняют значение сильного и грубого действия, даже если это противоречит общему стилю речи. Иногда на этом свойстве строится комический эффект: «—Будьте добры, *grande tataп*, разрешите один разок *садануть* в воздух». — Пожалуй-ста, — говорит она, — *саданите*, только чтобы мальчи-ки не обижались. Какие уж там взрывы!» (Макаренко, Педагогическая поэма); «Инвалид Гусев умер с перепугу. Его, собственно, *звездануло* кирпичом по затыл-ку». (М. Зощенко, Дрова).

К ним примыкают глаголы, употребленные в экспрес-сивных переносных значениях, обычно тоже простореч-ных: «А ну, Оляпкин, *чесанём* психопатов!» (Коптяева, Дружба) — ср. *чесануть* волосы. «Не спеша положил Алёша Бровкин шапку, принял со стола барабан... и *че-санул* плясовую — ух, ты!» (А. Толстой, Петр Первый); «И грозился перстом вслед желтобрюхому, пока не *стега-нуло* однажды старика свинцовым дождичком». (Ле-онов, Русский лес). «...Кто-то на глазах у него *резанул* всем составом в хвост стоящего впереди (поезда)». (Там же).

В примере, которым акад. В. В. Виноградов иллюстри-рует значение силы и резкости суффикса -ану: «Озноб захватил его — *трепанул*» (Яковлев, Терновый ве-

дня «прочитал», «*Рубанул* сегодня всю работу» (сделал), «*Ру-банул* напрямик» сказал). «*Рубанули* на всю стипендию» (кут-нули или накупили), «Целый батон *рубанул*» (съел) и так далее и так далее. Реже это явление встречается и у глаголов на -нуть-, во-обще же такая изменчивость значений слов в контексте широко свойственна просторечию.

²⁾ В глаголах *рубануть, хлестануть, стегануть* и т. п. некото-рый оттенок грубости, силы действия, по-видимому, тоже объяс-няется характером самого действия и усиливается просторечностью формы.

нец), — глагол *трепануть* употреблен в переносном значении «изматывать, мучить». Ср. тот же глагол с противоположным оттенком в прямом значении: «Поля тревожно взглянула на нее и остановилась. А Даша ласково *трепнула* ее руку и быстро вышла на улицу». (Ф. Г л а д к о в, Цемент).

Экспрессивное переносное значение основы играет, очевидно, такую же роль, как экспрессивный контекст, способствуя возникновению (или выбору из двух форм) формы на -ануть.

О происхождении суффикса -ану- (а в северно-русских говорах и украинском языке -ону-) высказаны различные гипотезы. А. А. Шахматов¹⁾ предполагал, что он восходит к более древнему суффиксу -ънѹти (в котором ѣ он предполагал на тех же основаниях, что и в глагольных суффиксах -ѣкати, -ѣтати, -ѣхати, -ѣсати и др.). Суффикс -ону- развился под влиянием тех форм, где на ѣ падало ударение, например, в формах наст. вр.: *двигѣнеть, хлопѣнуть, крикѣнеть*. Такое ударение могло явиться в них под влиянием более старых образований *тонѹ-тѹнет, клѣнѹ-клѣнем* (совр. сев. *рячѹнет (зарычит), лѣпѹне (ударит)*, укр. *різѹнути, тавѹнути*). Так явились глаголы с ѣ сильного образования *tlkѣnùti, torxѣnùti*. Но в других случаях по общему фонетическому закону ѣ исчезал, удлиняя при этом предшествующие гласные и сонаты. Так явились образования с ѣ, подлежавшим исчезновению: *tlkѣnùti, torxѣnùti* и т. д.

Другие гипотезы представляются менее вероятными. Г. А. Ильинский²⁾ высказал предположение, что глаголы на -онѹти произошли от глаголов на -онѹти, в которых суффикс -он-/-ѣн- он считал по происхождению именным (укр. *стугонѹти* образовано, по его мнению, от прасл. имени *стугонѣ*). А. Стендер-Петерсен справедливо замечал, что если бы глаголы -опѹти произошли от глаголов на опѹти, то это хотя бы в отдельных случаях должно быть подтверждено их дублированием, чего, на самом деле нет; и никакой славянский язык не указывает

¹⁾ А. А. Шахматов. К истории звуков русского языка, Известия ОРЯС Императорской Академии Наук, Спб., 1902 г., т. 7, кн. 2-ая, стр. 330—331.

²⁾ Г. А. Ильинский, К истории носовых основ праславянского глагола, Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского, Л., 1928 г., 250—252.

на существование доисторических отыменных образований на -oniti.

А. Стендер-Петерсен¹⁾ твердо считал, что в глаголах на -ануть мы имеем дело с относительно молодыми новообразованиями. Ключ к появлению суффикса -ану- он предлагал искать в тех случаях, где его можно объяснить артикуляционной необходимостью, а именно: в глаголах *кашлянуть*, *рвануть*, *игрануть*. Сочетания -шльн-, -рвн- были трудны для артикуляции и, чтобы справиться с ними, язык прибегнул к вставке под влиянием инфинитива гласных -а- и -я-: *рв-а-ть* — *рв-а-ну-ть*, *кашл-я-ть* — *кашл-я-ну-ть*. Далее проф. Стендер-Петерсен допускал, что наряду с глаголом *рвануть* вполне возможны были параллельные образования *жрануть* от *жрать* — *жру*, *врануть* от *врать* — *вру*, *лгануть* от *лгать* — *лгу*, которые могли бы способствовать абстрагированию нового моментального суффикса -ану-. По аналогии стали бы образовывать моментальные варианты на -ануть и остальные глаголы на -ать²⁾. Центром возникновения этих новообразований А. Стендер-Петерсен предполагал южно-великорусскую область (аканье), откуда они распространялись на юг и на север, но были восприняты как акающие и замещены местным окающим суффиксом -онути-онуть.

Надо сказать, что образования с суффиксом -ану-, -ону- одинаково широко распространены по всей восточно-славянской области: не только в южно-русских, но и в северно- и западно-русских говорах, украинском и белорусском языке. Пока не известно никаких особых оснований, по которым можно было бы приписывать их возникновение какой-то одной, территориально ограниченной области (связывал же Смаль-Стоцкий их возникновение преимущественно с украинским языком). Видимо, в гипотезе

¹⁾ A. Stender-Petersen. Eine verbale Neubildung im Slavische philologie. B. VIII. Leipzig 1931. S. s. 67—84.

²⁾ В кн. «Русский язык» В. В. Виноградов идею возникновения экспрессивного суффикса -ану-, -ону- путем морфологического переразложения таких образований, как *рва-нуть*, *кашля-нуть* приписывает Г. Павскому. (стр. 439). Но у Г. Павского сказано только: «Если же в корне нет гласной, или при одной гласной много согласных, то вставляется гласная. Так вместо *рвнуть*, *трнуть*, *кашлнуть* (от корней *рв*, *тр*, *кашл*) говорится: *рвануть*, *тирнуть*, *кашленуть*. В просторечии еще говорится *толконуть* вм. *толкнуть*, *щелконуть* вм. *щелкнуть*. Филологические наблюдения, О глаголе, 1850 г., стр. 42.

тезе А. Стендер-Петерсена немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что в большинстве случаев образования с суффиксом -ану- — -ону- связаны с глаголами несов. вида на -ать. В случае морфологического переразложения основ закономерным должен был быть «акающий» суффикс -ану; тогда ясно, что «окающий» суффикс -ону- был бы вторичным, переосмысленным. Но при этом упускается из вида другое обстоятельство: что в подавляющем большинстве глаголы на -ануть- — онуть образуются как параллельные к глаголам на -нуть, а эти, как известно, соотносятся главным образом с глаголами на -ать. В тех же случаях, когда глаголы на -ануть образуются от глаголов других классов, их появлению почти всегда предшествует (уже предполагает его) существование формы на -нуть: *рубить-рубнуть-рубануть, грести-гребнуть-гребануть, трясти-тряхнуть-тряхануть, грызть-грызнуть-грызануть, стричь-стригнуть-стригануть, сечь-секнуть-секануть* и т. д. Итак, происхождение суффикса -ану- мо-, возможно, непосредственно и не связано с глаголами на -ать, но их своеобразное дублирование глаголов на -нуть, соотнесенных с глаголами на -ать, обеспечило и им такую же соотнесенность.

Вообще предположение А. Стендер-Петерсена, что суффикс -ану- вычленился из основ типа *рвануть, кашлянуть*, не объясняет, на наш взгляд, как этот суффикс стал употребляться для просторечного *дублирования* уже существующих глаголов на -нуть: между глаголами *рвануть, кашлянуть*, вызванными артикуляционной потребностью, не имеющими параллельных образований на -нуть-, и глаголами *глотануть, тряхануть, толкануть*, фактически повторяющими глаголы *глотнуть, толкнуть, тряхнуть* и, следовательно, не вызванными никакой необходимостью, лежит целая пропасть. Гипотеза А. А. Шахматова позволяет объяснить это дублирование.

Наконец, неверно, что в случаях *рвануть, кашлянуть* вставка гласных -а-, -я- под влиянием инфинитива была неизбежна, не было другого выхода, как доказывает А. Стендер-Петерсен. Правда, сам Стендер-Петерсен называет другую возможность избежать такого стечения согласных — вставку гласного внутри корня: *ровннуть* как *дохнуть*, либо *рывннуть* как *тыкнуть*, — но тут же опровергает это, утверждая, что в данном случае образование обоих вариантов было затруднено или невозможно. Фор-

ма *ровнуть*, по его мнению, слишком удалена от основного глагола *рвать-реу* и походит на *ровный*, *ровнять*, а форма *рывнуть* не была поддержана существованием формы *рывать*, как, например, *тыкнуть* было поддержано формой *тыкать*. Нас не убеждают эти доводы! Мы считаем, что как раз форма *рывнуть* была бы закономерной и поддержана формой *рывать*: ср. *с-рывать*, *раз-рывать* (*-разорвать*), *рыв-ок* и т. п. Убеждают в этом и аналогичные образования в говорах: от глагола *лгать-лыгнуть*, «*Лыгнул*, да и покраснел!» (Д. Изд. 1955 г., т. 2, 241); от глагола *спать-сыпнуть*, пск. твр. (Д. изд. 4, 1912 г., т. 4, 434). От глагола *кашлять* возможна была бы форма *кашельнуть* (ср. сущ. *кашель*). Форма *рывнуть* и *кашельнуть* со вставкой или удлинением внутрикорневого гласного в случае стечения согласных были бы более «правильными» закономерными с точки зрения нашего языка, чем формы *рвануть* и *кашлянуть*, со вставкой гласного после корня (ср. *тыкнуть* из *ткнуть*, *пихнуть* из *пхнуть*, *чихнуть* из *чхнуть*, а не *чхануть* и др.). «Неправильное» же образование глаголов *рвануть* и *кашлянуть*, нам кажется, говорит о том, что в момент их возникновения в языке уже были известны формы со вставкой гласного *после* корня (современные глаголы на *-ануть*-, *-онуть* или их предшественники). Другими словами, образования *рвануть*, *кашлянуть*, на наш взгляд, скорее являются следствием распространения суффикса *-ану-*, чем причиной его возникновения.

2) ОБРАЗОВАНИЯ ОТ ОСНОВ СЛОЖНОСОСТАВНОГО И ОТВЛЕЧЕННОГО ДЕЙСТВИЯ С СУФФИКСАМИ *-нү-* *-анү-*

К этой модели, напомним, мы отнесли образования с новым, нехарактерным для V прод. класса типом основ: *агитнүть*, *голоснүть*, *гульнүть*, *психанүть*, *сказанүть*, *торганүть* и т. п. Стилистического различия между вариантами *-нү-* и *-анү-* внутри этой модели (как внутри первой) за редким исключением, нет, т. е. сочетание того и другого суффикса с основами сложносоставного и отвлеченного действия в одинаковой мере делает образования просторечными: ср. *торгануть* и *спекульнуть*, *штрафануть* и *телеграфнуть*, *трухнуть* и *психануть* и т. д. «Я ответил несмело...: «Доктором будешь!». Васька доверчиво захохотал, размахивая руками, вообще веселился. — Доктором! Эх, и сказанули, товарищ заведующий!». (А. М а к а

ренко, Доктор). «У Шуры были дополнительные способности: он умел найти выморочное имущество, обернуться с векселем, вообще *кредитнуться*...». (А. Макаренко, Педагогическая поэма).

«В качестве партикулярных людей многие из них не прочь почитать и даже *«писнуть»* что-нибудь в карамзинско-державинском духе». (Н. Салтыков-Щедрин, За рубежом); «— А во время обеда всем пойти по спальням и *агитнуть* (А. Макаренко, Педагогическая поэма); «От Нижнего до Астрахани шла молва об увеселениях у Очкина; и откуда только не приезжали сюда кутилы откупорить в компании полдюжину шампанского и *гульнуть* с красавицами так, чтобы потом вспоминалось до самой смерти» (К. Федин, Необыкновенное лето); «Этот Петя может вскачь *критикнуть* всемирный матч» (В. Маяковский).

Настоящая модель очень продуктивна в разговорно-фамильярном стиле речи, хотя по количеству образований, ставших уже общеупотребительными (как *голоснуть, агитнуть, критикнуть, сказануть*), сильно уступает группе глаголов простого и конкретного действия с суффиксом -ану- (типа *глотануть, толкануть*).

Глаголы литературного языка *пугнуть, хвастнуть* примыкают к этой модели, но являются, по-видимому, довольно старыми образованиями: глагол *хвастнуть* назван в Грамматике М. Ломоносова, *пугнуть* — в 1-ом издании Словаря Академии Российской. М. Ломоносов приводит также еще одно новообразование этого типа — глагол *пляснуть* (от пляшу); в литературе прошлого века встречаются глаголы *болтнуть, щегольнуть, сказануть, писнуть, кутнуть*¹⁾.

Впервые прямое упоминание о таких новообразованиях встречается в середине прошлого века в статье К. Аксакова «О русских глаголах»: «Личное значение глагола, — пишет он, — может изменяться в понимании говорящего и таким образом возникнуть в неупотребительной форме, но такая форма, не обобщаясь, тут же

¹⁾ В 1-ом издании Словаря Академии Российской этот глагол приведен ещё в значении крутить-крутнуть, например, о ветре; значит, известное нам значение глагола *кутить-кутнуть* является уже переносным. Может быть, в современном «раскрепощении» суффикса -ну- сыграло роль подобное развитие переносных отвлеченных значений в старых однократных глаголах?

пропадает: *живну* хоть один денек; *пльвну* хоть разок. Это — частная, случайная, личная возможность; как возможность она имеет общий смысл и дает важное указание, но которую в ее применениях исследовать нет никакой надобности.

Зато форма *курнуть*, *курну* немного — становится общеупотребительною» (стр. 30).

Но, несомненно, что такая продуктивность, какая известна сейчас, приобретена этой моделью в самое последнее время. Об этом лучше всего говорит большое количество образований в современном языке от именных основ иноязычного происхождения, типа *агитнуть* (*агитация*), *критикнуть* (*критика*), *спекульнуть* (*спекуляция*), *мобилизнуть* (*мобилизация*), *штрафануть* (*штраф*), *телеграфнуть* (*телеграф*), *эксплуатнуть* (*эксплуатация*), *реагнуть* (от *реакция* — *реагировать*, услышано в устной речи) и т. п. Об этом же говорит и факт введения в обиход просторечия политической, научной и прочей сугубо отвлеченной лексики. А. М. Чепасова в диссертации «Просторечные глаголы в современном русском языке» (Саратов, 1953 г.) в качестве характерной черты просторечной лексики называет «конкретность бытового характера», замечая: «Нет ни одного просторечного глагола с отвлечённым абстрактным значением». Тем с большим интересом должно быть отмечено появление таких образований и V продуктивном классе.

Из двух вариантов суффикса в глаголах этого типа распространён преимущественно суффикс -нۇ- и совсем незначительно суффикс -анۇ- (нам известно немногим больше десяти глаголов). В отличие от первой модели здесь суффиксы -нۇ- и -анۇ- редко дублируют друг друга при одной основе: в этом нет необходимости, поскольку сочетание того и другого с данным типом основ одинаково делает образования просторечными (при глаголах *торгануть*, *психануть*, *страдануть* нет параллельных *торгнуть*, *психнуть*, *страднуть*; при глаголах же *гриппнуть*, *агитнуть*, *голоснуть*, *критикнуть* нет форм на -ануть-).

Случаи *пугнуть*-*пугануть*, *хвастнуть*-*хвастануть*, *рисковать*-*рискануть*, *шикнуть*-*шикануть* вызваны, видимо, тем, что в глаголах *пугнуть*, *хвастнуть*, *шикнуть* слабо ощущается просторечность, а глагол *рисковать* и вовсе не имеет оттенка просторечности или фамильярности; так что в этих глаголах суффикс -анۇ- способен усилить просто-

речно-фамльярный оттенок и создать стилистический вариант глагола.

Если пронаблюдать, от чего все же зависит употребление с этими основами того или другого суффикса, то можно лишь заметить, что в известных нам образованиях суффикс *-ану-* сочетается исключительно с односложными корнями: *торг-ануть, псих-ануть, хвост-ануть, штраф-ануть, сказ-ануть, пуг-ануть, риск-ануть, страд-ануть, флирт-ануть, шик-ануть* и некоторых других, хотя от односложных корней могут образовываться формы и с суффиксом *-ну-*: *пис-нуть, гуль-нуть, грипп-нуть, болт-нуть, трух-нуть, форс-нуть, стир-нуть* (стирать) и т. д. Зато от многосложных корней известны глаголы только с суффиксом *-ну-*: *голос-нуть, агит-нуть, критик-нуть, кредит-нуть-ся, реаг-нуть, спекуль-нуть, щеголь-нуть, телеграф-нуть, эксплуат-нуть, ликвид-нуть* и т. д. Таким образом, суффикс *-ану-* сугубо связан с односложными основами, основы многосложные связаны с суффиксом *-ну-*.

В. М. НИКИТИН

**ФОРМА СЛОВСОЧЕТАНИЯ КАК ФАКТОР,
ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ СЛОВА
К ЧЛЕНУ ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

Нет особой надобности говорить подробно об отличиях между всеми тремя второстепенными членами предложения, поскольку определение всегда входит в состав словосочетания с существительным в качестве определяющего слова к последнему, выражая атрибутивную функцию, постоянный (вневременной) признак предмета в отличие от сказуемого. В отдельных случаях необходимо лишь описание различий между несогласованным определением и дополнением, поскольку дополнение может относиться и к существительному, преимущественно, правда, приглагольному (рубка дров, вызов врача, написание письма и т. п.).

Что касается обычно приглагольных членов — дополнения и обстоятельства, то поскольку между ними нередко сходство, необходимо дать предварительное указание на их отличие. Наш взгляд на дополнение принципиально не расходится с определением его в Академической грамматике. Добавить (уточнить) можем лишь немного: дополнение может означать не только объект, как указано в Академической грамматике (стр. 523 второго тома), но и логический субъект в косвенном падеже: ему нездоровится, машину разбило, плотину размыло, больному тяжело, няне не спится. Таким образом, дополнение — это второстепенный член предложения, выраженный косвенным падежом и его заменами, относящийся к глаголу, причастию и деепричастию, реже к другим частям речи, означающий объект действия, иногда субъект (в страдательных оборотах и безличных предложениях).

Обстоятельство же — это второстепенный член предложения, относящийся, как и дополнение, к глаголу и его дериватам и эквивалентам, служащий для характеристики действия — качества, для указания способа его свершения, времени, места, причины, цели, условия, с которыми связано действие — состояние или проявление признака и что так или иначе поясняет действие и его связь с действительностью.

Границы между членами предложения надо искать в словосочетании.

Словосочетания, имеющие в своем составе разные члены предложения, всегда отличаются друг от друга, как и наоборот, словосочетания, имеющие в своем составе одни и те же члены предложения, при обычном совпадении тоже могут иногда отличаться внешне, по составу. Так, словосочетания с дополнением резко отличаются составом от словосочетаний с обстоятельством.

Грамматические, формальные признаки членов предложения скрыты не в слове, а в словосочетании.

Словосочетания, включающие в себя дополнение, состоят непременно из переходного или косвенно-переходного глагола, являющегося глаголом незаконченной предикации, и их эквивалентов и замен, и из того косвенного падежа, который требуется по характеру переходности и завершает предикативную функцию слова, т. е. даёт предикативную законченность слову, если это глагол. Словосочетания же, включающие обстоятельство, состоят или из глагола (любого) и наречия или из абсолютно непереходного глагола (глагола движения, состояния, изменения, бытия, пребывания) и косвенного падежа существительного, обычно легко заменяемого другим косвенным падежом, или же из переходного и косвенно-переходного глагола и того косвенного падежа, который употребим при любом непереходном глаголе, т. е. который не отвечает характеру переходности. Так, например, винительный падеж как падеж прямого дополнения выступает только при переходных глаголах и только, когда он удовлетворяет потребности его по характеру переходности (читал газету, 'колол дрова, вызвал машину), но не является дополнением при непереходных глаголах (болел неделю, дремал минуту, ехал сутки, жил год), также при переходных, если не отвечает их запросам, т. е. если не выражает прямого объек-

та (колот неделю, читал ночь, вызывал неделю, рубил час, не ел сутки). Сопоставление «писал поэму» и «писал неделю» также свидетельствует о том, что не всякий винительный падеж при переходном глаголе является дополнением, тем более прямым. Винительный падеж обстояательства может быть при любом глаголе. Винительный падеж дополнения только при переходных, но и здесь не всякий винительный падеж — прямое дополнение, а только винительный падеж объектного (при безличных глаголах субъектного) значения. Ср. рубил дрова (доп.) и рубил неделю (обст.).

И в области обстоятельства обнаруживается, что в разных словосочетаниях одна и та же форма (даже одного и того же слова) может оказаться разным обстоятельством. Так, при глаголах нахождения (положения) «на носилках» или «на подносе» выступает как обстоятельство места: Раненые лежали на носилках. Письмо валялось на подносе. А при остальных глаголах эти формы выступают как другой тип обстоятельства: Раненых переносили (как?) на носилках. Письмо подали на подносе. Здесь эти же формы означают способ.

Таким образом, выясняется, что отдельному типу члена предложения соответствуют отдельные формы и, если можно так сказать условно, формулы словосочетания, т. е. словосочетания особого состава. Так, формула словосочетания, включающего в себя подлежащее, представляет собой именительный падеж при спрягаемом глаголе. Формула, обнаруживающая, вернее, включающая в себя сказуемое, составляется из именительного падежа и глагола или из именительного падежа и любого слова, присоединяемого к именительному падежу при посредстве «был». Формула определения или состав словосочетания, включающего в себя определение, представлен существительным и непосредственно связанным с ним (без связки) прилагательным или сходными с ним частями речи (порядковое числительное, полное причастие и т. п.), а также любым синтаксическим заместителем и эквивалентом прилагательного в виде косвенного падежа существительного или наречия, не допускающих связки «был» по характеру своих (атрибутивных) отношений. Формула прямого дополнения включает в себя переходный глагол и винительный падеж существительного (или местоимения), отвечающий харак-

теру переходности, т. е. винительный падеж объекта. Формула косвенного дополнения содержит в своем составе косвенно-переходный глагол и соответствующий характеру переходности косвенный падеж объектного значения¹⁾. Характер смежности форм у каждого члена предложения свой. Члены предложения хорошо выявляются при переводе их на местоименные формы.

Кстати отметим, что учение о дополнении непременно должно быть увязано с учением о типах переходных глаголов, опирается на это учение, а также и с учением о залогах глаголов: отдельные залоги связаны с отдельными формами дополнения, с употреблением разных форм падежей.

Суть формул дополнения в том, что всякое дополнение, соотносимое с вопросом определенного косвенного падежа, укладывается в рамки этого падежа, в его форму, исключая редкие случаи употребления инфинитива вместо косвенного падежа отглагольного существительного.

Суть формул обстоятельства, вернее формул, включающих обстоятельство, в том, что обстоятельство, корреспондирующее с тем или иным вопросом, обычно не укладывается в одну форму, т. е. в рамки формы вопросительного слова. Отсюда и вытекает различие в формах словосочетаний, выражающих объектные отношения, и словосочетаний, содержащих обстоятельственные отношения, т. е. различие в формулах дополнений и обстоятельств, в объеме форм словосочетаний с дополнениями и обстоятельствами. Так, объектное словосочетание — «влюблен в город» составляет ряд только со словосочетаниями, имеющими в своем составе непременно винительный падеж с предлогом «в», любой (возможный) из которых выступает при «влюблен» или «верю» как дополнение, а обстоятельственное словосочетание «еду в город» составляет общий ряд со словосочетаниями, которые на месте винительного падежа с предлогом «в» могут иметь наречие: «еду домой», «еду туда» — винительный падеж с предлогом «на»: «еду на Кавказ», «еду (иду) на Волгу» и т. п. В обстоятельственное словосочетание в отличие от объектного к винитель-

¹⁾ Лишь изредка косвенное дополнение может быть в качестве добавочного к прямому при переходном глаголе: У меня украли деньги.

ному падежу может присоединяться в качестве союзника родительный падеж с предлогом «из» или «с». Еду в город из деревни», «еду в город с фабрики» и т. п. Такого соседа нет у — «в город» как у дополнения. Ср. также «Еду в город издалека», где соседом обстоятельства «в город» оказалось наречие. Ср. также «Еду от брата к отцу», где на месте «от брата» может быть «из дома», «оттуда», а на месте «к отцу» — «домой». И здесь по специфической соотносимости формы «от брата» и «к отцу» — обстоятельство, а не дополнение, как принято считать.

Вот формула состава словосочетания, показывающая, на каком основании «в Москву» оказывается дополнением в одном словосочетании и обстоятельством в другом. Формула соответствующего дополнения включает глагол, требующий только винительного падежа и непременно с предлогом «в», причем здесь возможно любое существительное. Формула же обстоятельства включает глаголы движения, где наряду с винительным падежом с предлогом «в» может быть винительный падеж с предлогом «на» иногда в том же значении (еду в поле, еду на поле), иногда с особым частным значением (лезу в шкаф, лезу на шкаф), а также и наречие направления (еду домой, еду направо, еду вдаль)¹⁾. При этом в формуле обстоятельства в. пад. ограничен винительным падежом существительных пространственной семантики (названия городов, сел, площадей, стран). Таким образом, «в Москву» как дополнение может оказаться в соседстве с любым возможным по значению фразы существительным (влюблен в Москву, в девушку, в соседку, в идею, в науку, в поэму), а как обстоятельство — только в соседстве с ограниченным кругом существительных определенной семантики (еду в Москву, в деревню, в лес, в Сибирь, в степь, в Китай), а также в соседстве с формами типа на Кавказ, на Урал, на станцию, на завод, а наконец, и с наречиями. В роли дополнения при «влюблен» не могут употребляться по общему смыслу лишь некоторые отглагольные существительные: влюблен в отсутствие — бессмыслица.

¹⁾ На основании синтаксического равенства (заменяемости) формы «к матери» и «до матери», прибавленные к «письмо дошло», — обстоятельство.

Следовательно, различие словосочетаний с дополнением и с обстоятельством, совпадающим по форме, заключается в различных линиях соотношений с другими словосочетаниями: словосочетания рядов с дополнением морфологически однотипны, а словосочетания рядов с обстоятельством морфологически многотипны. Кроме того, словосочетания с обстоятельствами типа «еду в Москву» могут объединяться в более крупные группы словосочетаний с такими, как «еду из Москвы», «еду через Москву», «еду до Москвы», «еду под Москву» и т. п. (разные формы одного существительного в роли одного и того же обстоятельства при одном и том же глаголе).

Рассмотрим также формулы, показывающие, на каком основании в пределах обстоятельства, например, из-за леса может быть и обстоятельством места и обстоятельством причины. Многозначность любого предлога выявляется только в обстоятельстве. Формула обстоятельства места, точнее обстоятельства направления, в виде его разновидности, включает в свой состав непременно глагол движения, часто для формы с «из» или «из-за» с приставкой «вы» (выехал из Москвы) и существительное, способное соотноситься с вопросом «куда?». В этот ряд включается и форма родительного падежа с предлогом «из-за» существительного места или существительного, означающего предмет, пересекаемый движением, или пересекающий пространство, где происходит движение (из-за леса, из-за города).

Формула же обстоятельства причины, включающая в свой ряд и форму «из-за леса», способна вмещать в себя любой другой глагол (болеть, сердиться, спорить, лежать, сидеть, голодать и т. п.) и любое существительное в форме родительного падежа с предлогом «из-за», а также и в других формах, способных соотноситься с вопросом «почему?» (по болезни, с тоски), а также наречие причины.

Таким образом, «из-за леса» может быть обстоятельством места или причины на основании пригодности этой формы к участию в обеих формулах, вытекающих из ее способности выражать два значения в зависимости от типа определяемого глагола и от характера соотносимых (однозначных в синтаксическом отношении) форм.

Каждый разряд обстоятельств имеет ряд формул.

Вот несколько формул словосочетаний с обстоятельством разных разрядов:

Глагол «не пришел» в сочетании с родительным падежом любого существительного с предлогом «из-за» составляет словосочетание с обстоятельством причины. При этом форма существительных пространственной семантики (из-за леса) может выступать (употребляться) в двух значениях (причины и места).

Глагол «не пришел» в сочетании с существительным времени и действия в родительном падеже с предлогом «до» составляет словосочетание с обстоятельством времени (до обеда, до праздника, до занятий, до утра).

Глагол «пришел» (приехал, прилетел и т. д.), т. е. глагол движения в сочетании с любым существительным в родительном падеже с предлогом «для» или «во имя» составляет словосочетание с обстоятельством цели.

Любой глагол плюс родительный падеж с предлогом «до» существительного состояния (шел до усталости, читал до головокружения, работал до утомления) составляет сочетание с обстоятельством степени.

Все это говорит о том, что у каждого члена предложения, у каждой его разновидности есть своя материально-языковая оболочка в виде типа, своеобразной формулы или схемы словосочетания, в состав которого входит тот или иной член предложения.

У отдельных обстоятельств имеются ряды разнотипных форм. Так, обстоятельство места составляет трехчленные ряды форм по трем вопросам: «откуда?», «где?», «куда?» (иногда, точнее, «докуда?»).

Ср. из лесу — в лесу — до лесу (в лес); из дому — в доме — до дому (в дом); из сада — в саду — в сад; из Сибири — в Сибири — в Сибирь; с фабрики — на фабрике — на фабрику. В этих рядах на месте существительного может оказаться наречие: из дому — дома — домой. Встречаются и чисто наречные ряды таких же соотношений: издали — вдаль — вдаль, справа — направо — вправо (направо), сверху — наверху — наверх, сзади — позади — назад.

Конструкции, структуры наречий в этих случаях обычно совпадают с конструкциями существительных. Конечно, бывают отклонения, но они не меняют дела.

В этих рядах форм обнаруживается в каждом звене одно и то же общее грамматическое значение, выявляю-

шее каждую форму, как определенную грамматическую категорию, именно определенную **синтаксическую** категорию.

Все формы, стоящие в одной функционально-синтаксической позиции по отношению к одному и тому же слову, также входят в одну и ту же синтаксическую категорию. Ср. Сцепление с «иду» таких форм: дорогой, по дороге, с дороги, за дорогой, через дорогу, лесом, в лесу, через лес, по лесу. Здесь встречается полное функционально-семантическое равенство (по синтаксическому значению), синтаксическое совпадение разных форм: лугом, по лугу, через луг, степью, через степь, в степи, по степи.

Прибавим сюда: домой, направо, справа, вниз, снизу, вверх, наверх, а также: к брату, от брата, к морю, к колыбели, к столу, от стола.

Отдельные формы одного слова здесь выступают как детализаторы общего грамматического значения направления, характера этого направления (исходная и конечная точка движения).

Итак, формы, составляющие соотносимые ряды, вскрываемые в словосочетаниях, относятся к одному члену предложения. На том основании, что «в ящик» — «в ящике» — «из ящика» составляют общий ряд с «в угол» — «в углу» — «из угла» или с «в Москву» — «в Москве» — «из Москвы», т. е. с бесспорными обстоятельствами места, мы должны и формы «в ящик», «в ящике», «из ящика» в словосочетаниях типа «сiju в ящике» рядом с «сiju в углу» считать обстоятельством места. Но с резким лексическим различием «в углу» (или «в Москве») и «в ящике» связано то, что «в ящике», как название предмета, является более точным обозначением места (внутри ящика), своего рода обстоятельство вместиности, как дающее представление об объеме занятого места. «В ящике», как и «в Москве», означает место нахождения, но «в ящике» употребляется не только (и не столько) с глаголами пребывания (нахожусь, был, живу), но и с глаголами вмещения (укладывания). Что касается формы «на ящике», то она показывает особый случай места нахождения предмета (на поверхности, а не внутри), а поэтому форма «на ящике» неравноценна, например, с формой «на Украине». Смежная форма «в ящик» в роли обстоятельства

допускает, как и «в Москву» прибавление перед собой частицы «прямо» или «непосредственно».

Из сопоставлений форм вытекает, что член предложения чаще всего не одна форма, а группа форм, получающих в соединении с одним и тем же словом одно и то же грамматическое значение. Так, с глаголом «пришел» роль обстоятельства цели получают всегда инфинитив, родительный падеж с предлогом «для», творительный падеж с предлогами «с» и «за» с разным частным значением (пришел с советом и пришел за советом). Как видим, группа трех форм при одном и том же глаголе составляет один член предложения, в данном случае обстоятельство цели.

Член предложения может выражаться и группой слов. Поэтому член предложения надо рассматривать как слово или его эквивалент в виде сочетания слов, которые в той или иной форме или в ряде форм, пригодных для выражения одного значения, выражают известные, постоянно одни и те же смысловые отношения к другому слову или его эквиваленту. Членом предложения может быть и бесформенное (неизменяемое) слово, способное вступать в связь с другими словами и приобретать в этих связях особое, самое общее грамматическое значение, вернее, обнаруживать это значение в связях. Каждый член предложения вступает в связи со словами определенной морфологической природы. Те смысловые отношения, которые слово обнаруживает в связях, раскрываются обычно при помощи вопроса.

Для члена предложения важен тип грамматических отношений и связей. Этому типу грамматических отношений могут соответствовать либо одна его форма, как, например, для подлежащего, либо ряд его форм, как, например, часть конструкций косвенных падежей для дополнения. Всякое грамматическое значение связано с той или иной формой или с группой форм и проявляется только в этих избранных для него формах. Но синтаксическое значение вскрывается лишь через установление соотношений между формами определяющего и определяемого слова. Поэтому нельзя слово как член предложения за редким исключением определять вне его связей с другим словом. Следовательно, член предложения надо искать не в форме слова самого по себе, а в форме известных слов, включенных в известные сло-

восочетания, т. е. по совокупности признаков слагаемых словосочетаний. Исключение составляют только синтаксически однозначные, однофункциональные формы.

Исключительно важно учитывать при характеристике определяющего слова как члена предложения характер определяемого, морфологическую его природу. Так, одноформенные лексически однозначные дополнения и обстоятельства могут находиться лишь при разных типах глаголов. Соответствующие одноформенные с ними определения всегда находятся при существительных, почему и не могут быть смешаны с дополнением и обстоятельством.

Вне связи с другими словами слова и их формы могут быть определены лишь как части речи. Так, вне связей «пострелять» только глагол, «белый» только прилагательное, «отца» только существительное (в род. или винит. падеже). Вне связей они никакого синтаксического значения не имеют. На каком же тогда основании можно полагать, что форма должна получать в предложении одно синтаксическое значение? Такого основания нет. В разных словосочетаниях одна и та же форма **получает** разное значение. Так, «пострелять» в предложении «еду пострелять» — обстоятельство цели, в «могу пострелять» — часть сказуемого, в «люблю пострелять» — дополнение, в «пострелять не вредно» — подлежащее.

Форма «отца» в «увидел отца» — дополнение, в «увидел дом отца» — определение, что преопределено грамматическим характером определяемого слова. В обоих случаях «отца» заменимо на «его» «его», но эти два «его» вскрываются тоже как разные категории: 1) личное местоимение, 2) притяжательное местоимение. «Белый» в «купил белый платочек» получило роль (значение) определения в «этот платок белый» — роль сказуемого (здесь между «платок» и «белый» имеется незримый посредник в виде нулевой связки), в косвенных же падежах (белого, белому) данное прилагательное обнаруживает себя как определение, а при субстантивном употреблении без существительного как дополнение, а в им. пад. как подлежащее, при глаголе же (сидит белый) как обстоятельство.

Все второстепенные члены предложения являются зависимыми. Но это особая в отличие от сказуемого за-

висимость: второстепенные члены никогда не присоединяются при помощи связки и не отражают в себе категории лица, времени и наклонения, как отражает их сказуемое.

Второстепенные члены предложения — это зависимые члены предложения, группирующиеся вокруг главных как грамматического стержня их связи, определяющие собой их или друг друга. Вне связей с главными нет второстепенных членов. Всякое предложение, состоящее из второстепенных членов (без главных), является неполным.

Главные члены — обязательная точка приложения второстепенных, стержень для второстепенных.

Даже второстепенные члены предложения, выступающие как характеристика других второстепенных членов предложения, через посредство последних связаны с главными. Каждый второстепенный член предложения имеет свое назначение по отношению к главным или другим второстепенным, и искать каждый второстепенный член предложения надо в пределах его назначения, например, дополнение надо искать в пределах объектной функции и нельзя искать в пределах выражения временных, пространственных, причинных и т. п. отношений, предназначенных для обстоятельства.

Таким образом, исходным грамматическим положением в учении о второстепенных членах предложения надо считать то, что в известных грамматических отношениях к другим словам всякое данное слово в той или иной форме, всякая данная часть речи или ее форма может быть особым членом предложения. Будучи компонентом разных словосочетаний при разной морфологической природе определяемого слова и разным типе связи, одна и та же часть речи или одна и та же форма выступает как разный член предложения. При этом надо иметь в виду, что у слов связь с другими словами может быть непосредственная и осложненная посредником. Такие посредники встречаются у прилагательных и приименных косвенных падежей существительных, выступающих в роли сказуемого, в виде связки.

Сделаем некоторые выводы.

Каждая морфологическая категория, каждая часть речи и каждая ее форма или группа форм являются материально-языковым стержнем той или иной синтакси-

ческой категории, опорным материалом для того или иного члена предложения. Каждый член предложения имеет в своем распоряжении основной фонд форм.

Для каждого члена предложения свойственны не столько формально грамматические отличия, сколько совокупность формально грамматических особенностей, обнаруживаемых в словосочетании. На периферии каждого члена предложения откладываются отдельные нетипичные формы, совпадающие с формами других членов предложения, смыкающиеся с ними. В этих случаях сходные формы разных членов предложения имеют неодинаковую соотносимость с другими формами: так, косвенные падежи дополнений не соотносимы с наречиями, как те же косвенные падежи обстоятельств.

Наше понимание членов предложения в значительной части соответствует тому определению, которое дал академик В. В. Виноградов:

«Члены предложения — это синтаксические категории, возникающие в предложении на основе форм слов и форм словосочетаний и отражающие отношения между структурными элементами предложения». (См. «Вопросы языкознания», № 1 за 1954 г., стр. 21).

В основе деления слов предложения на члены предложения в первую очередь должны лежать обобщенные грамматические значения, воплощаемые в те или иные формы, значения, не заложенные в форме или в слове, а приобретаемые ими в предложении, обнаруживаемые только в определенных грамматических связях и отношениях и воплощаемые главным образом (чаще всего) в какой-нибудь одной форме или в ряде форм, отличающихся от других членов предложения (но не всегда).

Это различие бывает необходимым для разных второстепенных членов предложения при одинаковых определяемых ими словах, и вовсе не нужны эти отличия для случаев «еду верхом» и «езда верхом», «гуляю в лесу» и «прогулка в лесу», где определяющая форма как член предложения распознается на основании грамматической природы определяемого слова. Здесь отличие есть и без того: оно заключено в различии форм определяемого слова, по которым квалифицируется и определяющее. Забегая вперед, скажем, что в системе обстоятельств их разрядное значение раскрывается не

только по форме определяющего слова (приехал от дяди, приехал из-за дяди), но и по форме или значению определяемого (выехал из-за леса, поссорился из-за леса).

Вот почему нецелесообразно относить ту или иную форму к одному члену предложения во всех случаях или, например, при двух-трех различных по грамматической природе определяемых ею словах и вместе с этим при двух-трех разных ее грамматических значениях, обнаруживаемых в словосочетаниях разной структуры. Нецелесообразно и применение сходной номенклатуры для разных членов предложения (дополнение места, дополнение времени, дополнение причины в западно-европейской лингвистике наряду с обстоятельствами той же номенклатуры). И, наоборот, нецелесообразно разные формы относить к разным членам предложения, когда они имеют общее грамматическое (в синтаксическом понимании) значение, в одинаковом аспекте определяют одно и то же слово в словосочетании.

Нам представляется бесспорным, что если, не меняя остальной структуры предложения, мы заменяем одно слово (или форму) другим, то заменяющее слово с неизменным сохранением определяемого им слова относится к тому же члену предложения, что и заменяемое. Этот критерий обычно, хотя и непоследовательно, и применяется в школах при трудных случаях (способ замены).

Таким образом, член предложения — это часть речи в момент ее употребления, поставленная в данном предложении на определенную службу к определяемому ею слову или же это группа форм той или иной части речи, обнаруживающая в связях с другими словами одно и то же синтаксическое значение, закрепленное за теми или иными отдельными формами части речи при тех или иных связях.

Каждый член предложения в отличие от других имеет свое особое обобщенное значение. Это обобщенное значение является не логическим, а грамматическим, соприкасающимся с логическим или опирающимся на последнее, находящимся с ним в соответствии. Логическая категория, воплощенная в языке, может быть суммой различных грамматических категорий. Она находит выражение в разных членах предложения. Так,

например, логическая общесмысловая категория обстоятельства находит воплощение в ряде членов предложения, как и логический субъект (последний находит место в подлежащем, дополнении, сказуемом и обстоятельстве).

Обстоятельственное значение может выражаться целым предложением (как самостоятельное, так и придаточное или частью сложносочиненного), и определением (например, причастным оборотом с обстоятельственным значением), и приложением. Наиболее же типичным языковым носителем логико-семантической категории обстоятельства является член предложения, получивший такое же название.

Таким образом, обстоятельство как член предложения не охватывает обстоятельство как учитываемую в общении смысловую, логическую категорию, а лишь опирается на него, представляя собой наиболее четкий и продуктивный частный случай логической категории обстоятельства и той или иной его смысловой разновидности в тех или иных определенных языковых формах, обнаруживаемых в словосочетаниях известного типа с обязательной и определенной зависимостью слова, выражающего обстоятельственное значение.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Т. Г. ПАНИКАРОВСКАЯ

О ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ НА КАФЕДРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В пределах общенародного национального русского языка, наряду с литературно обработанной его формой и общенародной разговорной речью, существуют, как известно, многочисленные местные народные говоры (диалекты), которые, будучи подчинены единому общенародному языку, служат средством общения на части территории, занятой русским народом. Народные говоры характеризуются, помимо черт, свойственных общенародному языку, также и некоторыми своими специфическими чертами.

Изучение народных говоров — одна из важных задач науки о русском языке. Благодаря изучению народных говоров, постепенно растворяющихся в едином общенародном языке, оказалось возможным установить некоторые закономерности исторического развития русского языка.

Изучение местных диалектов является важным и для школьного преподавания русского языка. Знакомство с диалектологией — наукой о народных говорах — помогает учителю бороться за высокий уровень орфографической грамотности и речевой культуры учащихся, так как источником допускаемых учащимися орфографических и речевых ошибок часто является тот или иной конкретный народный говор.

Академия Наук СССР в течение ряда лет ведет большую работу по изучению народных говоров русского языка. Результаты этого изучения будут обобщены во многотомном Диалектологическом Атласе русского языка». Материалы для этого «Атласа» собираются и на территории нашей области диалектологическими экспедициями мно-

гих университетов и педагогических институтов. С 1954 года в эту работу включился и Вологодский педагогический институт.

В 1953—54 учебном году кафедра русского языка Вологодского педагогического института после длительного перерыва возобновила изучение местных народных говоров Вологодской области. При кафедре был организован научный студенческий кружок по диалектологии. Основная задача кружка состояла в том, на первых порах чтобы подготовить студентов к самостоятельному обследованию местных говоров.

Итогом работы кружка за год было то, что 11 человек студентов историко-филологического факультета, работавших в кружке (студенты: В. Козлова — ныне ассистент кафедры русского языка, Г. Васильева, Е. Селиванова, И. Фокина, Т. Салтыкова, Р. Быкова, Р. Тямина, В. Лобанова, С. Парийский, Д. Харченко и Г. Гужова), приняли участие летом 1954 года в диалектологической экспедиции, изучавшей народные говоры Кубено-Озерского района Вологодской области. В течение трех недель участники экспедиции под моим руководством обследовали говоры четырех населенных пунктов Кубено-Озерского района: деревень Колышкино, Павлово, Шолохово и Заболотное.

В 1954—55 учебном году и в последующие годы студенты — участники диалектологических экспедиций на занятиях кружка выступали с небольшими научными сообщениями о специфике тех или иных языковых явлений в обследованных ими говорах. Некоторые из этих сообщений легли в основу курсовых работ студентов. Наряду с обобщением собранных во время экспедиций материалов и обсуждением отдельных сообщений, продолжалась работа по привлечению в кружок новых студентов, которые на занятиях кружка, помимо знакомства с опытом своих старших товарищей, учились «технике» диалектологической работы в экспедиции.

Летом 1955 года состоялась вторая диалектологическая экспедиция нашего института в Сокольский, Чебсарский и Кубено-Озерский районы Вологодской области. В Сокольском районе экспедиционной группой в составе 9 человек (студенты Г. Бакина, В. Вьюгинова, А. Малышева, Г. Мухина, Р. Сушина, С. Фомина, Е. Селиванова, Т. Салтыкова и Л. Веселова) было обследовано 4 насе-

ленных пункта (деревни Большая Мурга, Чекшино, Мишаково и Тырыково). В Кубено-Озерском районе экспедиционной группой в составе студентов В. Козловой, Г. Васильевой и Р. Быковой были обследованы 2 населенных пункта (деревни Липник и Петраково). В Чебсарском районе экспедиционной группой в составе студентов М. Андриановой, М. Новиковой и Р. Мироновой (руководитель — научный сотрудник Института языкознания Академии Наук СССР А. И. Сологуб) были обследованы 4 населенных пункта.

Третья диалектологическая экспедиция, работавшая в Тотемском и Чебсарском районах, была организована летом 1956 года.

В Тотемском районе было обследовано 10 населенных пунктов. Деревни Нижняя Печеньга, Заболотная и Горелая были обследованы группой в составе студентов Т. Медведевой и Н. Ермолаевой (под моим руководством); деревни Хороброво, Дмитревская, Брюхачиха — студентами Г. Бакиной, А. Царевой и Г. Мухиной. Остальные 4 населенных пункта Тотемского района были обследованы студентами М. Новиковой, М. Андриановой, Т. Беляевой и Т. Полюковой под руководством научного сотрудника Института языкознания Академии Наук СССР А. К. Васильевой.

5 населенных пунктов в 1956 году было обследовано в Чебсарском районе. Деревни Молодки и Васьково были обследованы студентами В. Вьюгиновой, А. Старцевой и С. Фоминой, деревни Красново, Мишаково, Былино — студентами А. Малышевой, Х. Илле и И. Тюковой.

Летом 1957 года состоялась четвертая диалектологическая экспедиция. Студенты-диалектологи побывали уже в четырех районах области.

В Бабушкинском районе Т. Медведева, М. Ивашевская и З. Климова обследовали 3 населенных пункта: деревни Тевигино, Пустошь, Соколово, а В. Нестерова и Л. Федорова (руководитель группы — ассистент кафедры русского языка В. Е. Козлова) — деревню Княжево и, кроме того, в Тотемском районе деревню Филино.

Кроме деревни Филино, в Тотемском районе, студентами М. Андриановой, А. Русиновой и Н. Корниловой были обследованы деревни Осовая, Топориха и Родная.

В Чебсарском районе Т. Беляевой и Т. Полюковой были обследованы деревни Рылово и Пучинино.

В Рослятинском районе М. Новикова, В. Образцова и Р. Малышева обследовали говоры деревень Крутец и Васильево.

Всего с 1954 по 1957 год включительно диалектологами Вологодского педагогического института были изучены народные говоры 41 населенного пункта 6 районов Вологодской области. В четырех диалектологических экспедициях приняли участие 47 студентов историко-филологического факультета, многие из них участвовали в экспедициях неоднократно, причём руководили большинством экспедиционных групп сами студенты (например, Е. Селиванова, М. Новикова, Г. Бакина, В. Вьюгинова, А. Малышева, Т. Медведева, М. Андрианова).

С увлечением собирая диалектологические материалы, студенты-филологи обнаружили в говорах Вологодской области много интересных явлений, которые были присущи общенародному русскому языку в далеком прошлом, а ныне сохраняются лишь в говорах (таковы, например, рефлексy старого «ять», мягкий согласный Ц, наличие под ударением закрытого О или дифтонга «УО», флексия «ыё» в родительном падеже единственного числа полных прилагательных женского рода; употребление при инфинитиве переходных глаголов существительных женского рода на «а» в именительном падеже в роли прямого дополнения; согласование во множественном числе при подлежащем, выраженном собирательным существительным в форме единственного числа, и т. п.

Собираемые студентами нашего института диалектологические материалы регулярно направляются в Сектор истории русского языка и диалектологии Института языкознания Академии Наук СССР.

Работа в диалектологическом кружке и участие в экспедициях расширяет лингвистический кругозор студентов и содействует развитию у них глубокого интереса к фактам родного языка.

В. Г. БЛОК

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Вологодская область издавна славилась большой сохранностью, поэтическим совершенством фольклорной традиции, которая уходит в далекое прошлое.

Замечательные произведения народного искусства, созданные еще до Великой Октябрьской социалистической революции, донесли до нашего времени вологодские певцы и сказочники.

Фольклор Вологодской области имеет очень большое эстетическое и воспитательное значение. В нем выражен национальный характер народа, отражены думы и чаяния народных масс.

Все эти произведения народного творчества необходимо изучить, нужно издать сборник произведений устного народного творчества Вологодской области, в котором фольклор должен быть показан во всем богатстве и многообразии.

Вологодская область обследована недостаточно полно. Из 37 районов в 18-ти районах не было ни одной экспедиции, из некоторых мест имеются только отрывочные, единичные записи, по которым нельзя составить полное представление о своеобразии областной фольклорной традиции, поэтому необходимо продолжать изучение народного творчества Вологодской области.

Фольклор Вологодской области издавна привлекал внимание многих собирателей и исследователей народного творчества, таких как Студицкий, Иваницкий, братья Соколовы и других.

В Советское время многие организации и учреждения принимают участие в работе по собиранию фолькло-

ра Вологодской области — Вологодский Дом народного творчества, Вологодский краеведческий музей, Московский государственный университет, Ленинградский университет, Институт русской литературы (Пушкинский дом) и другие. С 1956 г. в эту работу включился Вологодский педагогический институт.

С 1956 по 1957 г. были проведены две экспедиции по изучению фольклора Вологодской области под руководством преподавателя института В. Г. Блок, в которых принимали участие студенты историко-филологического факультета Е. Кокшарова, Н. Розенберг, В. Попов, Г. Игнатьева, Ю. Кондратов. Экспедиция побывала в 3-х районах: Кирилловском, Кубено-Озерском и Велико-Устюжском.

Участниками экспедиции записано 300 песен и 1000 частушек.

Большой интерес представляет собой материал, собранный экспедицией в Кирилловском районе. Цель экспедиции — побывать в тех местах, где в 1909 г. записывали песни братья Соколовы, проследить, насколько сохранилась фольклорная традиция в этом крае, а также проследить, какие изменения произошли в традиционном фольклоре. Кроме того, мы хотели записать произведения советского фольклора, произведения, которые создаются в наше время.

В тех местах, где мы были, сохранились очень хорошо бытовые песни, многие из них — старинные, редкие, неизвестные в других местах, они встречаются в песенниках XVIII века. Мы записали больше 100 традиционных лирических песен, причем эти песни самых разнообразных видов — любовные, свадебные, тюремные, разбойничьи, солдатские, хороводные, плясовые. Интересно, что старые, традиционные песни сохранились в живом бытовании — их поют старики и молодежь. Обычно молодежь плохо знает традиционные песни.

Мы записали также причитания — свадебные, причитания по умершим.

Кроме того, нам удалось записать исторические песни — тоже самого разнообразного содержания — песню о смерти Степана Разина (это переделка песни Садовникова «Точно море в час прибоя»), песни о войне 1914 года и другие исторические песни.

Большой интерес представляют собой песни-передел-

ки стихотворений русских поэтов, например, переделка стихотворения Пушкина «Под вечер осенью ненастной».

Песни, записанные участниками экспедиции, очень разнообразны по тематике. Тут и песни о любви доброго молодца к красной девице, и песни о разлуке с милым, некоторые песни рассказывают о «злом несчастье — большом солдастии».

В Кирилловском районе, как и в других местах, широко бытует частушка — и традиционная, и новая, советская частушка. Участники экспедиции записали 700 частушек. Среди этих частушек попадаются частушки с яркими художественными образами, поэтическими сравнениями.

Нужно отметить, что поэтика вологодской частушки сходна с поэтикой протяжной лирической песни. Эта особенность характерна для всех районов Вологодской области. Она объясняется тем, что в нашем крае до настоящего времени широко бытует традиционная протяжная песня.

Иногда несколько частушек образуют тематический цикл. Такие частушки приближаются построением к лирической песне. Нами записано очень много сатирических частушек, высмеивающих лентяев, лодырей, белоручек.

Многие частушки рассказывают о счастливой жизни колхозного села при Советской власти, о новой деревне:

Во Кирилловском колхозе
Рано печки топятся,
Бабы завтраки готовят,
На поля торопятся.
Раньше лю.и не училсь,
Как бутылки темные,
Нынче партии спасибо,
Стали все ученые.
Разбуди, мама, пораньше
Надо раньше мне вставать,
Урожай хороший в поле
Надо быстро убирать.

Итак, участниками экспедиции 1956 г. записан разнообразный фольклорный материал.

Другую картину наблюдали мы в Кубено-Озерском районе. В отличие от Кирилловского района здесь почти не бытуют традиционные протяжные песни. Это объясняется тем, что село Кубенское находится близко от Вологды, поэтому чувствуется влияние городской культуры.

Вместо протяжной песни здесь широко бытуют городские романсы, мелодия которых напоминает мелодию протяжных песен. Таковы, например, песни «Уланы», «У растворенного окна» и др.

В Кубено-Озерском районе совсем не бытуют исторические песни, мало хороводных и плясовых песен.

Большой интерес представляет песня, записанная в Кубено-Озерском районе, в которой дается яркая картина жизни дореволюционной деревни. Песня была создана в 1905 году и продолжает бытовать до настоящего времени. По своему стилю, ритму она напоминает раёк. В ярких сатирических красках в песне рассказывается о сборах податей, изображается пьяный разгул во время религиозных праздников.

Вот и праздник подошел,
Вот и подкатился.
Словно сборщик податей
К мужикам явился.
Мужики немного бают,
По мешку лишь огребают,
А жена кричит в окно,
Муж, оставь на толокно.
Ну, какое толокно
Голиком замел и дно... и т. д.

Так же как и в Кирилловском районе, в Кубено-Озерском районе широко распространены свадебные песни. Студентами записан полностью старинный свадебный обряд с песнями, причетами, приговорами дружек.

В Кубено-Озерском районе большой популярностью пользуются песни Великой Отечественной войны.

Интересны в этом отношении песни, записанные участниками фольклорной экспедиции 1957 года. Эти песни, отличаются глубокой силой чувства, лиричностью, задушевностью.

С большим художественным мастерством в них рассказывается о верности воина любимой девушке, о его вере в победу над врагом. Песни эти записаны впервые. Назову некоторые из них: «17 лет», «Роса», «Песня об Одессе», «Не вейся ласточка над морем» и другие. Записаны они от участника Великой Отечественной войны Дмитрия Мазилова.

Очень интересен вариант песни Суркова «Землянка» — ответ девушки:

«Я читаю письмо от тебя,
Ярко светит в квартире огонь.
И как будто я вижу тебя
И землянку твою, и гармонь.

Летит песня моя далеко,
Через горы, леса и поля.
На душе моей стало легко,
Потому что я слышу тебя.

Тихо-тихо мой спит городок,
Где ты, милый мой воин, теперь?
Лишь к тебе мое сердце летит,
О тебе я тоскую, поверь».

Также как и в Кирилловском районе, в с. Кубенском записано большое количество частушек.

Интересный материал записан и в Велико-Устюгском районе — частушки, песни — любовные, свадебные, плясовые, игровые.

Материалы, собранные участниками экспедиций, войдут в сборник «Песни Вологодской области», который предполагается издать в 1959 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Лебедев Г. И. Драматургия А. С. Серафимовича	3
Гура В. В. История создания третьей книги романа М. А. Шолохова «Тихий Дон»	49
Докторович Н. И. К вопросу о создании и сценическом воплощении пьесы Б. А. Лавренева «Разлом»	83
Гура И. В. История редакций романа А. Толстого «Восемнадцатый год»	138
Беседина Т. А. Некоторые вопросы творческой истории поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»	203
Шайтанов О. В. Решение проблемы положительного героя в романе Роже Вайяна «Пьеретта Амабль»	263
Филиппович Н. В. Борьба прогрессивных русских писателей в начале XIX века за единый литературный язык	284
Головин Б. Н. Соотносительность глагольных основ и вопрос о месте вида в формо- и словообразовании современного русского глагола	291
Шитов В. А. Сложные предложения с двузвенным однородно-разноскрепным соподчинением в современном русском языке	310
Паникаровская Т. Г. Фонетическое описание говора деревни Парфенки Ново-Петровского района Московской области	369
Паникаровская Т. Г. Морфологическое описание говора деревни Парфенки Ново-Петровского района Московской области	411
Нехорошкина А. В. Двусоставные безглагольные предложения с бытийным значением в современном русском языке	440
Морозова М. И. Словообразование модели глаголов V продуктивного класса в современном русском языке	478
Никитин В. М. Форма словосочетания как фактор, определяющий принадлежность слова к члену предложения	521
Паникаровская Т. Г. О диалектологической работе на кафедре русского языка	535
Блок В. Г. Перспективы изучения устного народного творчества Вологодской области	539

Ученые записки

том XXII — филологический

Ответственный редактор Г. И. Лебедев.

ГЕ01104

Подписано к печати 15. 5. 58

Бумага 84 × 108¹/₃₂ = 8,5 б. л., 27,88 п. л., 28,9 у.ч.-изд. л.
Тираж 500. Заказ 8274.

Областная типография, г. Вологда, ул. К. Маркса, 70